

K 592

стр 513 544 см. после
Е. И. Козлинина.

560 см

E 120
307 M

48 вкл

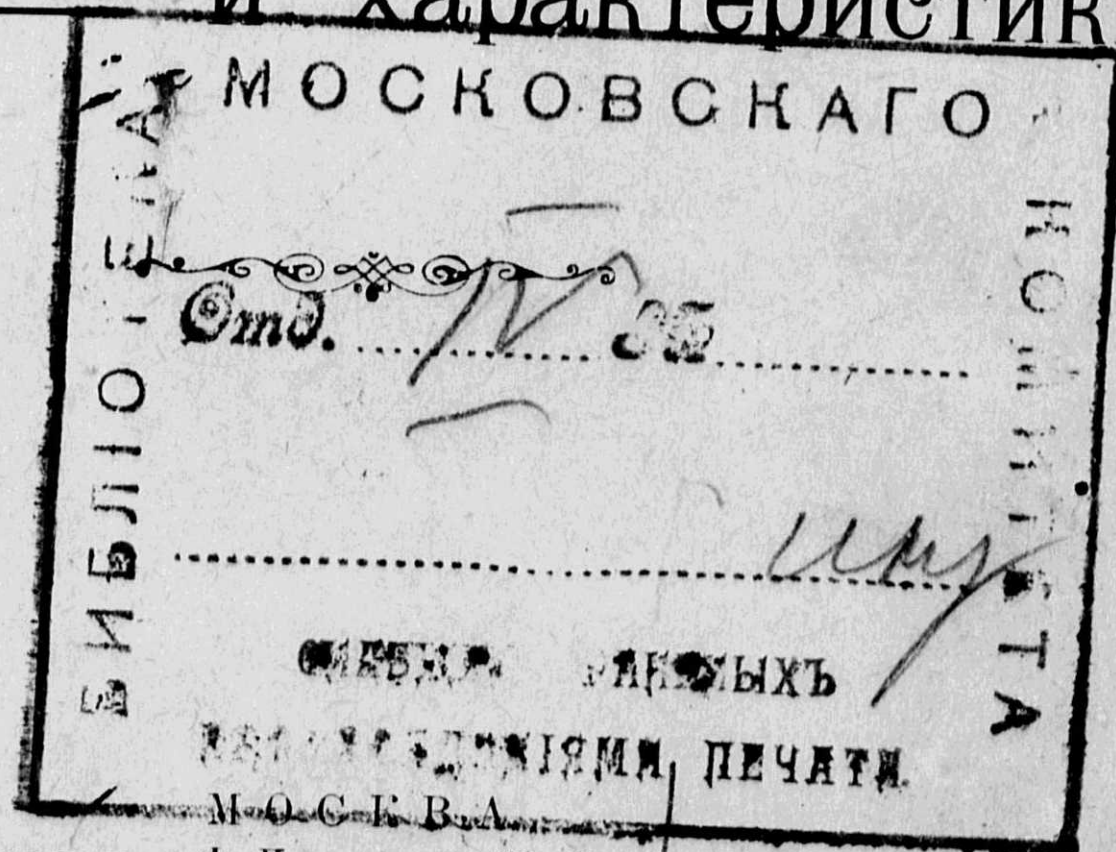
801-09

443

ЗА ПОЛВЪКА

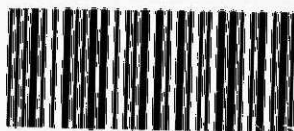
1862—1912 гг.

Воспоми́нанія, очерки
и характеристики.

Типографія т./д. Н. Бердоносоевъ, Ф. Пригоринъ и Ко. Москва, Б. Дмитровка, д. № 3.

— 1913 —

2007041989

50135-37.

Е. И. Козлянина.
(1912 г.).

ПОСВЯЩАЕТСЯ
СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ
ПЕРВЫХЪ
СУДЕБНЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ
НОВАГО СУДА.

ГЛАВА I.

Передъ судебною реформою.

Тотъ, кто прослужилъ извѣстному дѣлу десятки лѣтъ, кто въ сферѣ своей дѣятельности пережилъ нѣсколько поколѣній, тотъ непремѣнно долженъ оставить свои мемуары, если и не особенно интересные для всей читающей публики, то во всякомъ случаѣ небезынтересные для тѣхъ, кому суждено вращаться въ этой же средѣ.

Исходя изъ этого положенія, я приступаю къ изложенію своихъ воспоминаній о дѣятельности и дѣятеляхъ какъ до-реформенныхъ, такъ и реформированныхъ судебныхъ учреждений.

Я выросла во времена крѣпостничества, когда уваженіе къ человѣческой личности огромнымъ большинствомъ общества считалось не только несбыточной химерой, но и предосудительнымъ волтерьянствомъ, которое весьма недвусмысленно ставилось въ укоръ идейнымъ людямъ 40-хъ годовъ, тогда еще только платонически мечтавшимъ о возможномъ освобожденіи рабовъ.

Въ то время, когда на страницахъ единственной въ Москвѣ газеты „Московскія Вѣдомости“, въ одномъ и томъ-же номерѣ, восторженно описывались подвиги боровшагося за свободу Джузеппе Гарибальди, кумира и героя всей Европы, а среди публикацій встрѣчались объявленія такого рода: „Продается свора собакъ и при нихъ доѣзжачій“ или „Продаются кровные жеребцы, при нихъ кучерь и конюха“,

публикаціи, большинству не только не казавшіяся возмутительными, но считавшіяся вполне естественными, нормальными,—въ то время, конечно, и судъ вполне соответствовалъ нравамъ, царившимъ въ обществѣ, и его приемы были такъ-же некультурны, какъ некультурны были лица, среди которыхъ протекла его дѣятельность.

Но при этомъ я все-таки должна отмѣтить, что хотя теперь и принято считать судъ реформированный скорымъ, а судъ дореформенный—какою-то сплошною волокитой, но на дѣлѣ это было далеко не такъ.

Все мелкія дѣла, которыя теперь подлежатъ вѣдѣнію мировыхъ судей, тогда попросту разрѣшались полиціей, и это былъ поистинѣ судъ скорый. О предварительномъ заключеніи по мелкимъ дѣламъ тогда не было и рѣчи.

Человѣка, совершившаго буйство, безчинство или затѣявшаго на улицѣ драку, постовой городской, по тогдашней терминологіи—будочникъ, влекъ прямо съ мѣста преступленія въ кварталъ, если это было время присутственное, то-есть утромъ, отъ 9 до 12 час., или вечеромъ, отъ 6 до 12; если-же проступокъ совершался въ неприсутственное время, то до наступленія такового буяна сажали въ будку и затѣмъ уже въ урочное время вели въ кварталъ.

Такимъ образомъ, хотя въ принципѣ и не существовало предварительнаго заключенія, но фактически, въ видѣ задержанія виновнаго въ будкѣ, оно примѣнялось, но не свыше 6-ти часовъ днемъ или 9-ти часовъ ночью, если проступокъ совершался послѣ полуночи.

Когда виновнаго приводили въ кварталъ, гдѣ въ присутственное время всегда дежурилъ или самъ квартальный или его помощникъ, тогда именовавшійся комиссаромъ, туда-же приглашался и участковый *добросовѣстный*. Добросовѣстный этотъ обыкновенно избирался обывателями квартала изъ своей среды на опредѣленный срокъ, и на его обязанности было присутствовать въ качествѣ добросо-

вѣстнаго свидѣтеля при каждомъ разбирательствѣ въ кварталѣ какъ по мелкимъ, такъ и по всемъ крупнымъ дѣламъ, и безъ его подписи полицейскіе протоколы были не дѣйствительны.

Такимъ образомъ, эта должность была до нѣкоторой степени почетной и въ принципѣ являлась гарантіей полицейскаго правосудія, и если она не всегда соответствовала своему назначенію, то это уже происходило по винѣ исполнителей, а не принципа, положеннаго въ основу суда.

Исполнялся этотъ принципъ нелицепріятно, полицейскій дореформенный судъ былъ-бы не только скорымъ, но и правымъ.

По доставленіи виновнаго въ кварталъ и по явкѣ туда добросовѣстнаго, квартальный или его помощникъ тутъ-же начиналъ творить судъ. Городовой, доставившій провинившагося и свидѣтелей преступления, если таковые были, докладывалъ обвинительные пункты, свидѣтели или подтверждали ихъ или отвергали, обвиняемый представлялъ свои оправданія, писмоводитель все это записывалъ, и дежурный тутъ-же произносилъ свое рѣшеніе.

Если оправданія обвиняемаго заслуживали уваженія или проступокъ его былъ ничтоженъ, то судья ограничивался двумя, тремя плюхами и строгимъ внушеніемъ обвиняемому „впредь держать ухо востро“, и затѣмъ онъ отпускался съ миромъ. Довольные такимъ благополучнымъ исходомъ, и свидѣтели, и провинившійся, съ хохотомъ и прибаутками, уходили изъ квартала, а блюститель порядка, городской, спѣшилъ получить съ оправданнаго могоарычъ за причиненное ему безпокойство, и все судебное производство заканчивалось въ часъ, много въ два.

Если-же вина обвиняемаго требовала возмездія, то дежурный приговаривалъ его къ наказанію розгами въ части, назначая отъ 10 до 20 розогъ. Въ этомъ смыслѣ тутъ-же составлялась записка, и если судбище производилось до

12 часовъ дня, то обвиняемаго при этой запискѣ тотъ-же городской, который являлся его обвинителемъ, велъ въ часть, гдѣ ежедневно отъ 12 до 4 часовъ дня производились экзекуціи присланныхъ съ такими записками изъ всѣхъ четырехъ кварталовъ данной части.

Производились эти экзекуціи пожарными служителями части. По полученіи назначеннаго ему количества розогъ обвиняемый расписывался и, какъ отбывшій наказаніе, отпускаясь на всѣ четыре стороны.

И эта процедура—и судбище, и отбытіе наказанія—тоже не отнимала у провинившагося болѣе двухъ, трехъ часовъ и только въ тѣхъ случаяхъ, если судъ творился вечеромъ, наказаніе отбывалось на слѣдующее утро, а въ ожиданіи его обвиняемый проводилъ ночь въ кутузкѣ, какъ назывались тогда арестантскія камеры при частныхъ полицейскихъ домахъ. Но и въ этихъ случаяхъ весь процессъ заканчивался въ 12, много 14 часовъ.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ мелкими кражами: тутъ виновнаго, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, не тащили въ кварталъ, а всякій городской былъ уполномоченъ тотчасъ-же кускомъ мѣла нарисовать кругъ на спинѣ вора и въ кругу сдѣлать крестъ и, давъ ему метлу изъ ближайшей будки, заставить его мести мостовую у мѣста совершенія преступленія.

Вокругъ этого метельщика обыкновенно собиралась толпа, нерѣдко вышучивавшая его до слезъ, и никому и въ голову тогда не приходило, что это—позорнѣйшее изъ издѣвательствъ надъ человѣческой личностью, а наоборотъ, каждый полагалъ, что человѣкъ, покусившійся на чужое добро, долженъ пережить публичный срамъ за свое дѣяніе.

Такихъ метельщиковъ особенно много скоплялось въ праздничные дни, когда обыватели толпами осаждали торговныя заведенія; тогда между ними шныряли воры—мужчины и женщины, иногда шикарно одѣтые, и вотъ эти-

то франты и шикарные дамы съ метлами въ рукахъ и крестами, намѣленными на спинахъ дорожныхъ бурнусовъ, подъ которыми онѣ прятали украденный товаръ, особенно вызывали остроты и шутки простолюдиновъ. Вокругъ нихъ устраивалось цѣлое гулянье, и это всенародное позорище обыкновенно длилось до сумерокъ, съ наступленіемъ которыхъ воровъ, если ихъ въ одномъ мѣстѣ оказывалось нѣсколько, за руки связывали вмѣстѣ одной веревкой, за конецъ которой держался городской и велъ ихъ въ часть. Тамъ они ночевали тоже въ кутузкахъ, а на утро имъ снова давали метлы, и они уже мели мостовую у казенныхъ учреждений данной части, а по окончаніи этой работы заносились въ списки воровъ и отпускались по домамъ.

Такимъ образомъ, и по мелкимъ кражамъ судебный процессъ вмѣстѣ съ отбытіемъ наказанія не превышалъ однихъ сутокъ.

И это дѣйствительно былъ скорый судъ. Не удивительно поэтому, что когда въ 1866 году стали вводиться мировые суды, къ слову сказать, въ первое время своего существованія старавшіеся не затягивать судопроизводства, они всетаки казались народу „канительными“, и долго еще слышались сожалѣнія среди простонародья о старомъ полицейскомъ судѣ, когда „отдерутъ тебя и квитъ“, и душу не выматывали хожденіемъ по судамъ, да и времени не отнимали.

Что касается болѣе крупныхъ преступленій, то слѣдствіе даже по очень важнымъ изъ нихъ тоже въ большинствѣ случаевъ производились нѣкоторыми изъ квартальныхъ надзирателей, числившихся исполняющими должность судебныхъ слѣдователей.

Слѣдствія эти производились довольно примитивнымъ способомъ. Въ каждомъ кварталѣ среди обывателей, были конечно, люди подозрительные; среди нихъ обыкновенно намѣ-

чался человекъ поспособнѣе; ему дѣлались кое-какія по-
блажки, а онъ за это платилъ услугами по сыску.

Обыкновенно такой агентъ, вращаясь въ ночлежкахъ,
всегда былъ хорошо освѣдомленъ, гдѣ совершено престу-
пленіе, кѣмъ совершено и куда сбыты плоды его.

Когда являлась необходимость что нибудь разыскать,
его призывали въ кварталъ на совѣтъ, и если самъ онъ не
былъ заинтересованъ въ сокрытіи этого преступленія, то
онъ иногда прямо, иногда намеками наводилъ полицію на
слѣдъ.

И такому агенту вѣрили безусловно; если онъ говорилъ
„не знаю“, его уже больше не спрашивали, зная, что онъ
или не можетъ или не хочетъ сказать. Если же онъ гово-
рилъ, что вещи увезли туда-то, полиція безпрекословно туда
отправлялась, зная, что вещи несомѣнно тамъ, гдѣ указано.

Иногда на этой почвѣ происходили самые неожиданные
инциденты, ярко очерчивающіе нравы того стараго добраго
времени.

Такъ однажды на Кузнецкомъ Мосту ночью былъ раз-
грабленъ мѣховой магазинъ Мичинера. Грабители унесли
самые дорогіе мѣха почти на сто тыс. руб., причемъ каж-
дый мѣхъ имѣлъ на себѣ клеймо владѣльца магазина.

Одному изъ московскихъ квартальныхъ надзирателей
было поручено произвести слѣдствіе по этой кражѣ. При-
зываетъ онъ своего агента и спрашиваетъ: „Знаешь ли ты,
Карпушка, гдѣ мѣха Мичинера?“. Карпушка прыскаетъ со
смѣха, но, видимо, стѣсняется сказать. Это интригуетъ слѣ-
дователя, и онъ настаиваетъ: „ну, чего хохочешь, если
знаешь, говори!“. „Знаю, ваше благородіе, да не смѣю
сказать“,—уже давясь отъ смѣха, произноситъ агентъ.
Слѣдователь убѣждаетъ, и, наконецъ, агентъ сообщаетъ,
что мѣха Мичинера, всѣ до одного, находятся у пристава
такой-то части Х. Слѣдователь не вѣритъ своимъ ушамъ,

но онъ знаетъ, что зря Карпушка врать ему не станеть,
и, какъ не щекотливо его положеніе, докладываетъ объ
этомъ полицеймейстеру Огареву. Х. хотя свой братъ, поли-
цейскій приставъ, но за нимъ уже давно числятся кое-какія
темныя дѣлишки, и потому полковникъ Огаревъ идетъ съ
докладомъ къ оберъ-полицеймейстеру. Послѣдній предписы-
ваетъ произвести у пристава Х. обыскъ, и результатъ
этого обыска превосходитъ всякія ожиданія.

Кромѣ мичинеровскихъ мѣховъ, у Х. находятъ отлитаго
изъ золота бычка съ брилліантами вмѣсто глазъ, стоимость
котораго опредѣляется въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.
Эта находка освѣщаетъ другое темное дѣло.

За годъ передъ тѣмъ въ одной изъ московскихъ гости-
ницъ остановились два иностранца. На другой день одинъ
изъ нихъ ушелъ гулять, а другой, воспользовавшись его
отсутствіемъ изъ гостиницы, скрылся, забравъ съ собою
всѣ вещи. Вернувшійся, обнаруживъ исчезновеніе своего
товарища со всѣми вещами, сталъ шумѣть, чего-то требуя,
что-то, повидимому, разясняя, но такъ какъ никто изъ
собравшихся на этотъ шумъ не могъ понять, на какомъ
языкѣ говорить иностранецъ, то администрація гостиницы
и послала за полиціей.

На этотъ зовъ явился самъ приставъ Х., который, про-
изведя у иностранца обыскъ и не найдя при немъ никакихъ
документовъ, отправилъ его какъ бродягу въ острогъ
впередъ до выясненія его личности.

А между тѣмъ въ Петербургѣ уже разыскивался одинъ
изъ владѣтельныхъ африканскихъ князьковъ, который
путешествовалъ вмѣстѣ со своимъ секретаремъ и внезапно
исчезъ, причемъ было извѣстно, что онъ всегда носитъ при
себѣ золотого бычка съ брилліантовыми глазами, представ-
ляющаго огромнуж цѣнность, и которому онъ поклоняется,
какъ божеству.

Вотъ по этому-то бычку, найденному у пристава Х., и былъ разысканъ ввергнутый имъ въ острогъ, обобранный своимъ секретаремъ дагомейскій князекъ.

И не случись этой кражи у Мичинера, возможно, что онъ такъ и погибъ бы въ тюрьмѣ какъ безымянный бродяга.

Обнаруженіе этихъ дѣлъ повело къ раскрытію и другихъ темныхъ дѣлъ пристава Х., и онъ былъ преданъ суду и осужденъ.

Такъ вотъ, посовѣтовавшись съ такими все знающими агентами, какъ Карпушка и ему подобные, полицейскіе слѣдователи уже сами шли дальше по намѣченному слѣду и, накрывъ тѣхъ, кто имъ требовался, приступали къ дознанію.

Это дознаніе по обычаю велось съ неизбѣжнымъ рукоприкладствомъ; пока допрашиваемого не били, онъ не довѣрялъ серьезности вопроса, иногда даже нахальничалъ, но два, три удара приводили его въ порядокъ, и дѣло налаживалось. Билъ допрашиваемого обыкновенно или самъ квартальный или его помощникъ, по большей части выслужившійся изъ городскихъ или другихъ нижнихъ канцелярско-полицейскихъ чиновъ, или, если ни квартальному, ни помощнику почему-либо самимъ драться не хотѣлось, билъ доставившій къ слѣдствію обвиняемаго городской, неизбѣжно присутствовавшій при этихъ вопросахъ.

И никого изъ допрашиваемыхъ эти побои не оскорбляли и не озлобляли. Наоборотъ, дравшимся полицейскимъ народъ довѣрялъ, не считая ихъ способными къ подвохамъ, и съ другой стороны, какъ огня боялся тѣхъ, которые приступали къ дѣлу съ шуточками, да прибаутками, стараясь заставить обвиняемаго проговориться и въ то-же время измышляя, какими-бы способами вырвать у него сознание,—селедками-ли, послѣ которыхъ не давали пить, или клоповниками, въ которыхъ ни одинъ изъ обвиняемыхъ не ухитрялся забыться сномъ хотя на минуту.

На такихъ слѣдователей народъ смотрѣлъ, какъ на мучителей, боялся ихъ, какъ огня, а разъ попавшись въ ихъ лапы, всячески старался отъ нихъ отдѣлаться и попасть въ другой слѣдственный участокъ, гдѣ, по его мнѣнію, вели дѣло „правильно“, то-есть не допускали ничего, кромѣ мордобитія.

До чего просто относился народъ къ побоямъ, видно изъ того, что случалось, что только-что избитый обвиняемый, еще со слѣдами крови на губахъ или съ синякомъ, еще надувающимся подъ глазомъ, самымъ добродушнѣйшимъ тономъ начиналъ рассказывать слѣдователю, какъ было дѣло, и если ему въ это время случалось завираться и его одергивали, онъ тотчасъ-же поправлялся, клянясь, что онъ „какъ передъ истиннымъ Богомъ на духу“.

И обѣ стороны какъ нельзя болѣе оставались другъ другомъ довольны; слѣдователю оставалось только свѣрить рассказъ обвиняемаго со свидѣтельскими показаніями, въ нѣкоторыхъ случаяхъ произвести новѣрку очными ставками, причемъ случалось, что и привиравшему для красоты или изъ злобы свидѣтелю такъ-же попадало, какъ и обвиняемому, и канитель судебного производства къ общему удовольствію заканчивалась. Обвиняемый получалъ льготы, если оставался подъ арестомъ, или-же поручался строгому надзору городского, если преступленіе было изъ маловажныхъ, послѣ чего процессъ вступалъ уже въ новый фазисъ бумажнаго судопроизводства.

Иначе обстояло дѣло у тѣхъ слѣдователей, которые практиковали подвохи. У нихъ обвиняемый упорно запирался и, зная, что ему предстоитъ какое-либо утонченное мученіе, начиналъ прилагать старанія, не къ тому, чтобы поскорѣе закончилось о немъ слѣдствіе, а къ тому, чтобы избавиться отъ ненавистнаго ему слѣдователя. Самымъ обычнымъ приемомъ въ этомъ случаѣ было—это оговоръ самого слѣдователя, увѣренія, что дѣло совершалось или

съ его вѣдома, или по его подговору, или при его попустительствѣ, купленномъ за деньги.

А такъ какъ такія дѣла имѣли мѣсто не рѣдко, лучшимъ доказательствомъ чего была исторія съ мичинеровскими мѣхами, и такъ какъ такія заявленія дѣлались въ присутствіи добросовѣстнаго, то такому слѣдователю только и оставалось сбыть такое дѣло съ рукъ, если самъ онъ лично не былъ заинтересованъ въ веденіи его, и тогда дѣло живо переходило въ другія болѣе симпатичныя для обвиняемаго руки.

Но если слѣдователь былъ порученнымъ ему дѣломъ заинтересованъ и надѣялся или получить солидную мзду отъ потерпѣвшаго за удачное его разслѣдованіе, или же получить повышение по службѣ, тогда между слѣдователемъ и обвиняемымъ завязывалась глухая борьба, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ крупная кража или особенно дерзкій грабежъ заканчивались кровавымъ эпилогомъ. Бывали случаи убійства или покушенія на убійство обвиняемымъ такого слѣдователя, или обвиняемый, не выдержавъ тѣхъ мученій, которыми угнетали его непривышную къ подвохамъ психику, кончалъ самоубійствомъ.

Такъ обстоили дѣла съ разслѣдованіемъ уголовныхъ дѣлъ въ дореформенной Руси, и только тѣ дѣла, которыя почему-нибудь представляли особенный интересъ или имѣли особенно важное значеніе, направлялись къ настоящимъ утвержденнымъ судебнымъ слѣдователямъ, которыхъ и въ столицахъ было не болѣе двухъ человекъ и которые хотя и представляли изъ себя болѣе культурный, чѣмъ полицейскіе чиновники, элементъ, но для которыхъ однако юридическое образованіе тоже не было обязательнымъ.

Вообще до конца 50-хъ годовъ образованіе, а тѣмъ болѣе университетское, было монополіей богатѣйшихъ и родовитѣйшихъ классовъ, представители которыхъ брезгливо относились къ гражданской службѣ, и входя въ болѣе

зрѣлый возрастъ, возвращались въ свои родовыя помѣстья и тамъ если и служили, то только по выборамъ, гоняясь за почетными, но не оплачиваемыми должностями.

Вслѣдствіе этого безчисленные кадры служилаго люда, въ то время характерно именовавшагося „крапивнымъ сѣменемъ“, набирались изъ людей не только неразвитыхъ, но сплошь и рядомъ малограмотныхъ, образованнѣйшими людьми среди которыхъ являлись неудачники семинаристы, почему-либо не попавшіе въ духовное званіе и перекочевавшіе на службу гражданскую.

Понятно, что отъ этого сорта людей идейнаго отношенія къ своимъ служебнымъ обязанностямъ нельзя было и требовать. Все это была нищета, гнавшаяся за кускомъ хлѣба, а такъ какъ этотъ кусокъ казной оплачивался болѣе, чѣмъ скудно, то каждый и заботился только о томъ, чтобы извлечь изъ своего служебнаго положенія наибольшую выгоду.

На этой почвѣ и разрослось до невѣроятныхъ предѣловъ взяточничество, какъ единственный источникъ, могущій обезпечить безпечальное житіе, къ которому весь этотъ наголодавшійся людъ такъ жадно стремился.

Жалованья, получаемыя чиновниками во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ, были до смѣшнаго незначительны, и хотя въ 50-хъ годахъ три рубля стоили теперешнихъ десяти и пятнадцати сообразно со стоимостью предметовъ потребления, и люди, теперь не знающіе, какъ обойтись съ получаемыми ста рублями, тогда съ несравненно большимъ комфортомъ могли прожить на 40 рублей, но все-же и при такомъ положеніи буквально грошеваго жалованья чиновниковъ не хватало даже на хлѣбъ, а между тѣмъ аппетитъ у каждаго пристроившагося къ какому-нибудь мѣстечку уже разыгрывался.

Насколько были мизерны эти жалованья, можно судить по тому, что окладъ квартальнаго надзирателя не превышалъ 50 руб., изъ которыхъ производились еще вычеты, а

его помощника—28 рублей. А между тѣмъ, писмоводитель въ кварталѣ тоже получалъ отъ 40 до 50 руб., да въ каждомъ кварталѣ приходилось имѣть отъ 3-хъ до 5 писарей, тоже получавшихъ рублей по 10—15-ти, денегъ-же, отпускаемыхъ квартальному надзирателю на содержаніе канцеляріи, не хватало на необходимую бумагу и книги, не говоря уже о помѣщеніи. Наконецъ, городовые получали по 3 руб. въ мѣсяцъ и готовое помѣщеніе, т.-е., будку, въ которой, кромѣ городского и его семьи, помѣщался еще и подчасокъ или мушкатеръ, остававшійся на часахъ у будки въ то время, когда городской куда-нибудь отлучался.

Не крупнѣе были оклады и въ другихъ казенныхъ учрежденіяхъ. Писцы Правительствующаго Сената, этого высшаго государственнаго учрежденія, получали еще менѣе городскихъ, потому что у тѣхъ была хоть будка, а у этихъ, кромѣ 3-хъ-рублеваго жалованія—ничего.

И въ этомъ отношеніи ни одно изъ министерствъ не представляло исключенія. Старшіе землемѣры, кончившіе по первой степени и получавшіе званіе инженера, получали по 25 рублей; ихъ помощники, окончившіе 7 классовъ Межевого института—12 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ; приблизительно такія-же жалованья получали и врачи, и учителя, находившіеся на коронной службѣ, а фельдшерицы Воспитательнаго дома, мѣста которыхъ всегда представляли предметъ зависти ихъ менѣе удачливыхъ подругъ, имѣя только общее помѣщеніе, получали отъ 8 до 10 руб. въ мѣсяцъ.

А вѣдь весь этотъ служилый людъ имѣлъ семьи, которыя требовалось кормить, и каждому изъ нихъ предстояла неразрѣшимая дилемма: или погибать съ голоду, или къ получаемому жалованью еще что-либо промыслить.

Это вполне сознавало и правительство и поневолѣ должно было сквозь пальцы смотрѣть на взяточничество, преслѣдуя его лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно переходило въ открытый грабежъ.

Такимъ образомъ доходы считались принадлежностью той или другой должности, которая сообразно этому и оцѣнивалась не по окладу жалованья, а по количеству доходовъ, какіе на томъ или другомъ мѣстѣ можно было извлечь.

Это особенно ярко отражалось на полицейскихъ кварталахъ; въ Москвѣ ихъ было около 70-ти, и каждый квартальный надзиратель, назначенный въ тотъ или другой кварталъ, заранѣе зналъ, на что онъ тамъ можетъ разсчитывать.

Это знало и начальство, назначавшее его туда, и такимъ образомъ и поощреніе, и кара по службѣ опредѣлялись переводомъ служащаго изъ одного квартала въ другой.

Доходность каждаго изъ кварталовъ была въ высшей степени неравномѣрна и колебалась для квартального надзирателя отъ 2-хъ до 40 тысячъ въ годъ. И вотъ, за всякую провинность квартальный переводился въ худшій кварталъ, за особую выслугу — въ лучшій. Зависѣла эта доходность квартала главнымъ образомъ отъ количества находившихся въ немъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, но до извѣстной степени увеличивалась и отъ лица, попадавшаго въ кварталъ: попадалъ хищникъ—доходы если не возрастали вдвое, то во всякомъ случаѣ замѣтно увеличивались; попадалъ человѣкъ стыдливый, — хотя таковые въ этой средѣ встрѣчались рѣдко,—доходы убавлялись, но средняя норма оставалась приблизительно тою-же.

Частные пристава, въ завѣдываніи которыхъ было по 4 и по 5 кварталовъ, понятно, получали вдвое больше квартальныхъ и, прослуживъ лѣтъ 10 — 15, составляли колоссальныя состоянія, хотя чаще деньги, такъ легко наживаемыя, еще легче проигрывались въ карты, такъ какъ всѣ полицейскіе чины вели постоянную картежную игру на десятки тысячъ.

И если не такъ ярко, то почти тоже самое происходило и во всѣхъ остальныхъ учрежденіяхъ, требовавшихъ большого количества служащаго люда.

Вотъ это извлеченіе доходности изъ своего положенія служащими и вызвало то, что въ сферѣ судебной называлось волокитой и что отнюдь не находилось въ связи съ принципомъ, лежавшимъ въ основаніи судебного процесса.

Если въ томъ, чтобы процессъ тянулся какъ можно дольше, никто не былъ заинтересованъ, и онъ протекалъ нормальнымъ порядкомъ, то онъ заканчивался несравненно быстрее, чѣмъ подобныя-же процессы протекаютъ въ реформированномъ „скоромъ“ судѣ, не говоря уже объ Управѣ благочинія, куда поступали для взысканія векселя и гдѣ эта процедура заканчивалась въ два-три часа, такъ какъ обыкновенно вмѣстѣ съ векселемъ вносились кормовыя деньги, и Управа благочинія въ теченіе сутокъ должна была или получить съ неисправнаго должника деньги или-же вернуть его въ „яму“, какъ называлось тогда долговое отдѣленіе. Въ большинствѣ случаевъ подобныя иски заканчивались тѣмъ, что должникъ вступалъ съ кредиторомъ въ какое-нибудь соглашеніе. Правда, и тогда бывали случаи, что должникъ скрывался отъ платежа, но въ этомъ Управа благочинія была не при чемъ, тутъ необходимо было укрытельство полиціи, а такъ какъ это обходилось должнику очень дорого, то ему и былъ прямой расчетъ такъ или иначе покончить со своимъ кредиторомъ.

Всѣ остальные дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя, которыя не подлежали вѣдѣнію ни полиціи, ни Управы благочинія, поступали для дальнѣйшаго разрѣшенія въ соединенную Палату гражданского и уголовного суда, гдѣ и разрѣшались и затѣмъ переходили въ высшую инстанцію, то-есть въ Правительствующій Сенатъ, который и утверждалъ или отмѣнялъ рѣшеніе соединенной Палаты.

Вотъ отъ этихъ то двухъ инстанцій и зависѣло тормозить дѣло или нѣтъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ, конечно, обѣ стороны были заинтересованы, и тутъ злоупотребленіямъ чиновниковъ, начиная съ самыхъ мелкихъ писцовъ и

кончая самыми высшими чинами, не было предѣла. Все дѣлалось сообразно тому, что было выгодно для стороны болѣе тароватой,—клалось-ли дѣло подъ сукно или не въ очередь пускалось въ ходъ. И все-таки надо сказать, что такое отношеніе чиновниковъ къ тяжущимся въ значительной мѣрѣ зависѣло и отъ невѣжества самой публики, совершенно не знавшей ни своихъ правъ, ни обязанностей и потому безъ всякаго протеста подчинявшейся этому чиновничьему произволу. А чиновники пользовались своимъ привилегированнымъ положеніемъ и высасывали изъ тяжущихся все, что могли, и только когда уже нечего было съ нихъ тянуть, такъ или иначе заканчивали дѣло.

Что касается уголовныхъ дѣлъ, то таковыя затягивались только тогда, когда они могли представлять собою какой-нибудь источникъ наживы, всѣ же остальные шли своимъ чередомъ и отнюдь нельзя сказать, чтобы они тянулись дольше, чѣмъ тянутся дѣла при современныхъ порядкахъ.

Въ подтвержденіе этого можно привести цѣлый рядъ очень громкихъ процессовъ, находившихся въ судебномъ производствѣ сравнительно очень недолго.

Такъ, напр., дѣло объ убійствѣ, совершенномъ братьями К. на романической подкладкѣ, начавшееся въ іюлѣ 1865 г. закончилось въ апрѣлѣ 1866 г., т.-е. черезъ 9 мѣсяцевъ, причемъ одинъ изъ нихъ былъ оправданъ, а другой былъ признанъ психически ненормальнымъ.

Что это былъ судъ и милостивый, видно изъ того, что теперь, послѣ 40-лѣтняго существованія новаго, реформированнаго суда, явилось очень ярко выраженное стремленіе къ проведенію въ жизнь принципа условнаго осужденія.

Между тѣмъ старому, дореформенному суду этотъ принципъ былъ присущъ и выражался въ томъ, что, при отсутствіи признанія или прямыхъ уликъ, обвиненіе на основаніи однихъ косвенныхъ уликъ считалось недопустимымъ, и судъ долженъ былъ ограничиваться оставленіемъ обвиняемаго

„въ сильномъ подозрѣніи“, что по смыслу своему являлось равносильнымъ условному осужденію, но выраженному въ болѣе мягкой формѣ. Человѣку, оставленному въ подозрѣніи и совершившему новое преступленіе, оно ставилось въ счетъ, усугубляя мѣру опредѣляемаго ему наказанія, и въ тоже время оставалось пустымъ звукомъ, если человѣкъ другого преступленія не совершалъ.

Какъ на примѣръ, укажемъ на дѣло почетной гражданки Ч—вой, приславшей мужу изъ-за границы адскую машинку, которую самъ Ч—въ вскрыть не рѣшился, зная, что его жена жаждетъ овдовѣть, и предоставилъ сдѣлать это полиціи. Вскрывавшій эту посылку квартальный надзиратель Дижилей погибъ, а добросовѣстный и всѣ остальные, присутствовавшіе при этомъ, были тяжело ранены. Ч—ва, привлеченная за это убійство къ уголовной отвѣтственности, энергично отрицала свое въ этомъ дѣлѣ участіе и была оставлена въ подозрѣніи, тогда какъ мастеръ, сознавшійся въ томъ, что сдѣлалъ эту машинку по ея заказу, былъ приговоренъ къ 20-лѣтней каторгѣ.

Словомъ, это былъ судъ и скорый, и милостивый, и не было въ немъ только желанной правды, потому что не было ея въ душѣ тѣхъ, кто этотъ судъ вершилъ.

Вопросъ о томъ, какъ привлечь къ этому святому дѣлу лучшіе общественные элементы, глубоко волновалъ всѣхъ сподвижниковъ величайшаго изъ реформаторовъ прошлаго вѣка, императора Александра II, и съ воцареніемъ его въ первую-же очередь было рѣшено реформировать школу и превратить ее изъ привилегированной во всеобщую съ цѣлью дать возможность получать образованіе наибольшему числу лицъ.

Болѣе цѣлесообразной мѣры, конечно, нельзя было и придумать. Несомнѣнно, — чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ чище его нравы, тѣмъ выше его этическія требованія.

Но лица, оцѣнившія эту мѣру по достоинству, какъ люди въ высшей степени развитые, предвидѣли и прекрасно сознавали, что благіе результаты эта мѣра принесетъ лишь въ далекомъ будущемъ, когда черезъ школу пройдутъ два, три поколѣнія некультурнаго общества; въ ближайшемъ-же будущемъ она неизбежно должна была повлечь за собою, съ одной стороны, пониженіе качества школы въ смыслѣ демократизаціи науки ради наилучшаго ея усвоенія тѣми элементами, которые къ воспріятію научныхъ истинъ еще совершенно не были подготовлены и пока что, отъ школы ожидали не этическихъ благъ, а исключительно практическихъ, и на дипломъ смотрѣли лишь какъ на способъ выгоднѣе устроиться. Съ другой стороны, наплывъ дѣтей въ школу изъ той среды, которая въ то время поистинѣ представляла собою „темное царство“, долженъ былъ неизбежно отразиться деморализующимъ образомъ на дѣтскихъ нравахъ.

Всѣ тѣ инстинкты и аппетиты, которые вѣками культивировались въ людскихъ, конюшняхъ, шинкахъ и въ нѣдрахъ ремесленныхъ заведеній, которые хотя и имѣли мѣсто и въ гостинныхъ, и въ кабинетахъ, но подъ вѣшнимъ лоскомъ благовоспитанности упорно скрывались отъ дѣтей, — всему этому предстояло всплыть на поверхность и захватить вниманіе подросткающаго поколенія.

Но въ данномъ случаѣ приходилось выбирать меньшее изъ двухъ золъ. Въ будущемъ всеобщая школа все таки сулила огромное благо, ради котораго можно было поступиться очень многимъ, и ее рѣшено было ввести, хотя на первое время съ нѣкоторыми предосторожностями.

Вотъ почему изъ четырехъ существовавшихъ тогда въ Москвѣ гимназій лишь въ 3-ю было разрѣшено принимать дѣтей всѣхъ сословій, пока оставляя для нихъ закрытыми три остальные.

Но поступательное движеніе на школу этого элемента было такъ велико, что шагъ за шагомъ ему приходилось

уступать территорію средней школы и въ самомъ непродолжительномъ времени исключительно дворянскою осталась одна 4-ая мужская гимназія, въ то время именовавшаяся „Дворянскимъ институтомъ“ и помѣщавшаяся въ домѣ Паникова, въ послѣдствіи перешедшемъ къ Румянцевскому музею.

Этому поступательному движенію особенно благопріятствовало то, что въ то время не было установлено предѣльнаго возраста, а принимались въ гимназіи и 7-лѣтніе мальчики, если они мало-мальски были подготовлены, принимались и бородатые юноши, если у нихъ была охота начать учиться сначала; никого ученіемъ не торопили, разрѣшая всякому учиться сколько ему заблагоразсудится; разрѣшалось и перескакивать черезъ классъ, если ученикъ способенъ былъ къ этому подготовиться; разрѣшалось подготовившемуся держать экзаменъ въ университетъ и изъ 6-го, и изъ 7-го классовъ гимназіи. Словомъ, исключительно преслѣдовалась цѣль, чтобы знанія учащагося соответствовали программѣ того класса, въ который онъ поступалъ безразлично относясь къ тому, во сколько времени и какимъ способомъ онъ этого достигалъ. Не было тогда и аттестатовъ зрѣлости, не было и 8 класса, и всякій поступающій въ университетъ, держалъ вступительный экзаменъ независимо отъ того, гдѣ и какъ онъ до того времени учился, и аттестатъ о прохожденіи семиклассовъ гимназіи предоставлялъ лишь нѣкоторыя льготы. Тогда еще исповѣдывался принципъ: наука для науки.

Благодаря всему этому, во 2-мъ и 3-мъ классахъ гимназіи, рядомъ съ 9—10-лѣтними мальчуганами, можно было видѣть бородатыхъ людей подъ 30 лѣтъ, пожелавшихъ приобщиться къ наукѣ; среди нихъ особенно много встрѣчалось бурсаковъ, прошедшихъ почти полный курсъ семинаріи, но затѣмъ бросавшихъ ее и являвшихся въ гимназіи, чтобы начать учиться сначала. Можно было видѣть мальчиковъ неспособныхъ, но добросовѣстно сидѣвшихъ въ каждомъ классѣ по два и по три года, а въ труднѣйшемъ изъ

классовъ—4-мъ—и по 4, по 5 лѣтъ и въ концѣ-концовъ все-таки одолѣвавшихъ премудрость науки и переходившихъ въ въ университетъ и тамъ продолжавшихъ сидѣть по 2 и по 3 года на каждомъ курсѣ, но все-таки благополучно заканчивавшихъ курсъ недававшейся имъ науки. И никто такому усердію ихъ не мѣшалъ, науку палкой никто не погонялъ, и вреда въ томъ, что человѣкъ поучится лишнихъ 5—6 лѣтъ, никто не видѣлъ, и малоуспѣшность никакимъ репрессалиямъ не подвергалась. Не исключались въ то время ученики и за шалости; на дѣтей тогда еще не смотрѣли, какъ на преступниковъ; за мелкія шалости ихъ наказывали, оставляя въ гимназіи послѣ ученія на лишній часъ, за болѣе нетерпимыя шалости маленькихъ сѣкли въ гимназіи, мальчиковъ постарше предлагали высѣчь родителямъ, и только когда поведение ученика совсѣмъ становилось нетерпимымъ, его исключали изъ гимназіи, но съ тѣмъ, что онъ могъ въ тотъ-же день поступить въ другую гимназію въ тотъ-же классъ и продолжать свое ученіе. Среди этого сорта учениковъ бывали такіе, которые перебивали по году и по два во всѣхъ четырехъ гимназіяхъ и, отовсюду исключаемые, возвращались въ тѣ-же гимназіи, въ которыхъ учились уже раньше, и все таки не являлись паріями и благополучно добивались до университета.

Таковы были нравы средней школы въ то время, когда она была реформирована во всесловную.

Конечно, этотъ демократическій элементъ, какъ и ожидали, внесъ въ нее извѣстную долю деморализаціи, но въ расчетъ принимался университетъ, гдѣ нравственные устои еще цѣнились и ставились очень высоко, гдѣ въ силу установившихся традицій съ понятіемъ о студенчествѣ связывалось понятіе о рыцарской честности и гдѣ по неволѣ и тѣмъ, кто въ душѣ смѣялся надъ всякими идеалами, все-таки приходилось хотъ притворяться честными, чтобы не явиться отщепенцемъ въ

товарищеской средѣ, въ то время еще очень чуткой ко всему, что было нечистоплотно.

Живы были идеалы и традиции людей 40-хъ годовъ, и молодежь, въ особенности университетская, ревниво ихъ оберегала. То были лучшія времена студенчества, давшаго міру идеалистовъ 60-хъ годовъ, и среди нихъ не было мѣста для сомнительныхъ выступленій.

А какъ разъ къ этому времени и приурочивался первый выпускъ въ университетъ всесословныхъ гимназистовъ. Здѣсь сдерживающій стимулъ для развитія ихъ аппетита еще существовалъ, и не считаться съ нимъ пока еще было нельзя.

Но пониженіе школьной нравственности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ разрасталось съ необычайной быстротой, и родителямъ, оберегавшимъ свою дѣтвора отъ деморализаціи, уже пришлось искать оазисовъ, гдѣ-бы они могли укрыть своихъ дѣтишекъ. Вотъ эта потребность въ болѣе чистомъ учрежденіи и вызвала къ жизни лицей имени цесаревича Николая.

Такова была идея и исторія реформированной школы; въ далекомъ будущемъ она сулила повышеніе общественныхъ нравовъ, но ни для кого не было тайной, что это наступитъ не раньше, чѣмъ черезъ школу пройдутъ два-три поколѣнія очистившихся постепенно отъ всякой скверны. На выскочекъ-же отъ сохи, какъ на культуртрегеровъ, никто надежды не возлагалъ, зная, что добрый плодъ дадутъ лишь ихъ внуки и правнуки.

А между тѣмъ потребность въ идейныхъ людяхъ въ сферѣ общественной дѣятельности была настоятельна, и отсутствіе ихъ составляло большую заботу устроителей государства.

Тутъ-то значительную услугу оказала другая реформа, обезсмертившая имя ея творца, — отмѣна крѣпостничества.

Большинству помѣстнаго дворянства, лишившемуся безпечальнаго житія, обезпеченнаго даровымъ крестьянскимъ трудомъ, приходилось задумываться о своемъ будущемъ, и если старшіе изъ нихъ остановились на необходимости служить, чтобы не впасть въ нужду, то младшихъ эта мысль влекла и съ идейной точки зрѣнія. Разъ уже почти каждому изъ нихъ надо было служить, то въ эту новую сферу дѣятельности хотѣлось внести и тѣ идеалы, о примѣненіи которыхъ къ жизни они до того времени только платонически мечтали.

Передъ ними открывалась широкая арена служенія только-что освобожденному отъ рабства народу, и, вдохновляемые литературой того времени, они мечтали о томъ, сколько добра ихъ дѣятельность принесетъ ближнимъ.

Мало-по-малу чистая струя высокихъ настроеній этихъ новыхъ идейныхъ людей стала проникать въ затхлую атмосферу дореформенныхъ казенныхъ учреждений.

Аборигенты тѣхъ учреждений смотрѣли на новыхъ пришельцевъ враждебно, но на ихъ сторонѣ были горячія симпатіи всей лучшей части общества и такая сила, какъ обличительная литература того времени, не занимавшая ни раньше ни позже такого почетнаго мѣста, какъ въ эту свѣтлую эпоху примѣненія идеаловъ къ дѣйствительной жизни.

А такъ какъ въ то-же время подготавливалась и судебная реформа, то для того, чтобы приспособиться къ новой дѣятельности, лица, желавшія принять въ ней участіе, должны были поступать въ дореформенныя судебныя учрежденія для ознакомленія съ предстоящимъ дѣломъ.

Много хорошихъ, почтенныхъ именъ выдѣлила изъ своей среды эта группа новыхъ идейныхъ людей въ качествѣ дѣятелей реформированнаго суда. Сенаторы Мотовиловъ и Шаховъ, Люминарскій, Мулловъ, Сумбулъ, — все это были крупныя свѣтлыя единицы, оставившія по себѣ надолго добрую память, не говоря уже о благородномъ Донъ-Кихотѣ дореформеннаго

Сената, баронъ фонъ-дербъ-Ховенъ, упорно боровшемся съ дореформенною кривдой и хотя въ большинствѣ случаевъ остававшемся въ меньшинствѣ, но всегда при особомъ мнѣніи, съ помощью котораго ему сплошь и рядомъ удавалось на править то или другое дѣло въ законныя рамки.

Это былъ бичъ лихоимцевъ и кумиръ тѣхъ еще немногочисленныхъ въ Сенатѣ новыхъ людей, которымъ онъ придавалъ силу вести титаническую борьбу съ крючкотворствомъ и подвохами аборигеновъ, бросавшихъ имъ укоръ, что они представляютъ собою собакъ, лежащихъ на сѣнѣ, котораго и сами не ѣдятъ и другимъ не даютъ.

Въ московскихъ департаментахъ Сената эта группа новыхъ людей была особенно малочисленна и не превышала 15 человекъ, и тѣмъ труднѣе была для нихъ борьба, что, какъ люди молодые, они и должности занимали незначительныя—секретарей и ихъ помощниковъ.

Правда, секретарь являлся вершителемъ судьбы тѣхъ лицъ, дѣла которыхъ находились въ его отдѣленіи. Онъ докладывалъ сенатекому присутствію дѣло, докладывалъ, конечно, по своему разумѣнію, и самъ-же редактировалъ резолюцію, которую и предлагалъ на обсужденіе сенаторовъ, составлявшихъ присутствіе.

Если бы большинство сенаторовъ, подобно барону Ховену, было работоспособно, роль секретаря была-бы незначительна, но въ томъ-то и была бѣда, что въ Сенатъ попадали люди уже въ глубокой старости, подробный докладъ секретаря наводилъ на нихъ дремоту, и, какъ люди, нуждавшіеся въ покоѣ, они спѣшили подписать предлагаемую имъ резолюцію.

Это-то и дѣлало секретаря силой, такъ какъ отъ него зависѣло освѣтить дѣло такъ или иначе.

Но, кромѣ секретарей, въ департаментахъ существовали еще оберъ-секретари; и если секретари круто расходились во взглядахъ на справедливость и законность съ оберъ-сек-

ретаремъ, то послѣдній или передавалъ дѣло въ другое отдѣленіе, гдѣ секретарь оказывался поуступчивѣй, или же попросту бралъ дѣло къ себѣ на домъ для разсмотрѣнія.

Въ этомъ случаѣ секретарю оставалась единственная форма протеста, это—отказаться отъ составленія доклада по этому дѣлу и предоставить оберъ-секретарю составлять докладъ о немъ лично.

Этимъ и пользовались молодые секретари-новаторы, если подозрѣвали, что въ дѣлѣ будетъ допущено пристрастіе, а аборигены только посмѣивались надъ протестантами, въ полной увѣренности, что со-временемъ они утихомируются и все войдетъ въ прежнюю колею. Мысли о томъ, что въ новомъ судѣ взяточничество не будетъ имѣть мѣста, эти люди стараго закала не допускали, такъ какъ каждый изъ нихъ надѣялся перейти современемъ и въ новыя учрежденія, а возможности существованія на одно жалованье они ни для кого не допускали. Очень ужъ привыкли они къ широкому размаху.

Еще съ большею ненавистью къ этой новой молодежи относился низшій персоналъ Сената. У старшихъ дѣло шло о сотняхъ и десяткахъ тысячъ, половина которыхъ если-бы и поубавилась, то бѣда была-бы еще не особенно велика; у низшихъ же дѣло шло о насущномъ хлѣбѣ, и если-бы они не стязали двугривенные, изъ которыхъ въ мѣсяцъ составлялись двѣ—три десятки, имъ, съ ихъ 3-хъ рублевымъ жалованьемъ, не на что было-бы существовать, а ужъ тѣмъ менѣе напиться.

А выпить эта мелкота любила. Въ субботу — банный день—присутствія въ старыхъ учрежденіяхъ, кромѣ полиціи, не было, и, являясь въ понедѣльникъ, послѣ двухдневнаго отдыха, разутые, въ опоркахъ, женскихъ куцавейкахъ и сплошь и рядомъ безъ шапокъ такъ какъ все было пропито, эти люди были въ такомъ состояніи, что о работѣ не могло быть и рѣчи. Являлись они съ исключительною цѣлью

стянуть съ какого-нибудь посѣтителя 20 или хоть 10 копеекъ и на нихъ опохмѣлиться.

Такимъ образомъ, работали они только четыре дня въ недѣлю, и молодые секретари и ихъ помощники, поступавшіе на службу, чтобы работать, боролись съ такимъ тунейдствомъ всеѣми мѣрами. Чтобы заставить писца работать въ понедѣльникъ, они прежде всего должны были изъ собственного кармана дать ему денегъ опохмѣлиться, такъ какъ безъ этого руки тряслись, глаза слезились, а голова отказывалась работать.

Но дать ему въ руки монету, необходимую на похмѣлье, было болѣе, чѣмъ рискованно, потому что, улизнувъ изъ канцеляріи, онъ уже болѣе туда въ этотъ день не возвращался. Поэтому на этотъ случай сторожа имѣли въ запасѣ водку, которую секретари имъ и оплачивали. Но эта была еще половина дѣла. Опохмѣлившійся хотя и принималъ человѣческій видъ и начиналъ работать, но его уже тянуло вонъ, и, чтобы онъ не ушелъ, сторожъ, по распоряженію секретаря, отбиралъ у него то, что было на ногахъ—сапоги или опорки.

Это еще до нѣкоторой степени удерживало писца за работой, но бывали случаи, что и босые они исчезали, а вечеромъ являлись ихъ жены выручать обувь.

Наиболѣе гуманные начальники, снисходя къ ихъ нравственному убожеству, пытались нѣсколько очеловѣчить своихъ подчиненныхъ, предлагая имъ брать работу на домъ за отдѣльную плату, хотя въ канцеляріи они обязаны были дѣлать ее даромъ.

Писцы надъ этой ихъ затѣей втихомолку смѣялись, зная, что платить за нее начальники будутъ изъ своего грошевого жалованья, и, впервые встрѣчая такое безкорыстное великодушіе, подозрѣвали, что этимъ путемъ ихъ начальники думаютъ выслужиться. Ненавидя трудъ и зная, что тѣ 20 копѣекъ, которыя они могутъ получить съ листа,

потративъ на работу по меньшей мѣрѣ часъ, они могутъ выпросить или выманить обманомъ въ одну—двѣ минуты, они только дѣлали видъ, что соглашаются взять эту работу, выпрашивали подъ нее авансомъ 40—50 копѣекъ, уносили ее на домъ и удерживали тамъ подъ всевозможными предлогами, могущими разжалобить давшаго работу; если являлась возможность, они выпрашивали подъ нее что-нибудь еще и въ концѣ-концовъ возвращали ее въ канцелярію въ томъ видѣ, въ какомъ она была имъ дана.

Въ то страшное время, когда культурнѣйшіе слои общества не стыдились пользоваться всеѣми благами жизни за счетъ опозореннаго рабствомъ и насиліемъ чужого труда, конечно, не могло быть и рѣчи объ уваженіи и любви къ труду.

Первымъ провозвѣстникомъ этой идеи, введшимъ ее и въ жизнь, явилась молодежь 60-хъ годовъ. Но какъ ко всякому новшеству, бывшему не въ порядкѣ вещей, и къ этой идеѣ большинство относилось съ презрѣніемъ, и на человѣка, живущаго личнымъ трудомъ, смотрѣли, какъ на парія.

А такъ какъ то же рабство вмѣстѣ съ неуваженіемъ къ труду порождало и неуваженіе къ личности и къ человѣческому достоинству, то оба противные лагеря, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать другъ на друга убѣжденіемъ, не умѣя отдѣлять идеи отъ личности, на почвѣ разномыслія, которое некультурными людьми всегда принимается за кровную обиду, вели ожесточенную войну.

Начало моей общественной дѣятельности относится къ первымъ годамъ 60-хъ годовъ. То были годы особенно чреватые событіями, не только лично для меня, но и для всего русскаго общества.

Идеальная пропаганда людей 40-хъ годовъ дала къ этому времени не только пышный расцвѣтъ, но и обильные и дивные плоды.

Начало свѣтлаго царствованія Царя—реформатора, рѣшившаго воплотить въ жизнь эти гуманистическія идеи, сплотило вокругъ нихъ всю способную ихъ воспринять, лучшую часть русскаго общества.

И по совѣсти эти свѣтлые годы можно назвать дивнымъ періодомъ торжества идеи, торжества человѣческаго духа.

Къ сожалѣнію этотъ необычайный ростъ моральныхъ силъ лучшихъ, идейныхъ людей, пришелся далеко не по плечу тому огромному большинству, которе всегда и во всякомъ обществѣ являетъ собою посредственность.

Посредственность эта выплывала изъ той невѣжественной и некультурной среды, которая хотя и отбывала 7-ми классную повинность въ разныхъ образовательныхъ учрежденіяхъ, корпусахъ, преобразованныхъ гимназіяхъ, институтахъ и разнаго рода частныхъ пансіонахъ, но ни къ дѣйствительному знанію, ни къ развитію не приобщилась и вернулась по домамъ хотя до нѣкоторой степени и отшлифованная, но въ сущности такая же невѣжественная и некультурная, какими были и ихъ семьи, никакого образованія не получившія.

Однако, благодаря близкому общенію съ товарищами болѣе идейными, и у представителей этой толпы моральные запросы уже пробудились, но, не будучи еще способны уяснить себѣ внутренний смыслъ всего происходившаго и оцѣнить его по достоинству, они хватались за виѣшнюю оболочку того или другого принципа и утрируя ее до безконечности, представляли собою ту форму общественныхъ явленій, которая во все время являлась обычнымъ фономъ для всякихъ злободневныхъ каррикатуръ.

И вотъ на ряду съ подвижниками, рвавшимися посвятить всю свою жизнь на служеніе ближнему, являлись на нихъ и пародіи, талантливо изображенныя корифеями литературы того времени, Щедринымъ, Шеллеромъ, Тургеневымъ, Писемскимъ, Некрасовымъ и Достоевскимъ.

Не было разсказа, не было романа написаннаго этими писателями, въ которыхъ добрая половина дѣйствующихъ лицъ не являлась бы фотографическимъ снимкомъ съ цѣлой группы лицъ приблизительно одного и того же типа.

Особенно эти снимки удавались Достоевскому, Тургеневу, Писемскому и Полонскому и въ этомъ главнымъ образомъ заключался колоссальный успѣхъ ихъ литературныхъ произведеній, довавшихъ живые образы со всеми ихъ побужденіями и стремленіями.

Къ несчастію, эти люди, составляя огромное большинство, тѣсно стѣнной группировались вокругъ дѣйствительныхъ творцовъ исторіи, какъ жесткая и грубая скорлупа вокругъ душистаго и сладкаго зерна, и не только портили дѣло своимъ грубымъ и неумѣстнымъ вмѣшательствомъ, но сплошь и рядомъ затаптывали его въ грязь, заставляя его инициаторовъ безглаголиво отъ него отказываться.

Много хорошихъ начинаній въ 60-хъ годахъ было загублено толпою этаго сорта и пышный расцвѣтъ дѣйствительной свободы личности и слова былъ затоптанъ ею, прежде чѣмъ она успѣла дать себѣ отчетъ, зачѣмъ понадобилось ей это злое дѣло.

Въ то время никакое проявленіе частной инициативы, не только никѣмъ не тормазилось, но и находило себѣ солидарную поддержку не только въ горячихъ симпатіяхъ общества, съ восторгомъ встрѣчавшаго всякое новое начинаніе, но и въ поддержкѣ свѣше. Оттого и развивалась общественная жизнь съ такою необычайною быстротой, какой не наблюдалось до этого раньше даже въ самый разгаръ платоническихъ мечтаній людей 40-хъ годовъ и никогда послѣ.

Идеалы общественные совершенно ступсевичали идеалы личной жизни и каждый стремился примкнуть къ той или другой организаціи или группѣ общественныхъ дѣятелей.

Такимъ образомъ, все студенчество дѣлилось на землячества, въ то время требовавшія отъ своихъ сочленовъ ры-

царскаго отношенія во всѣхъ проявленіяхъ ихъ жизни и личной и общественной и строго относившіяся не только къ ихъ поступкамъ, но и мало-мальски нечистоплотнымъ побужденіямъ. Судь товарищей—зямляковъ былъ сурово взыскателенъ и всякая непорядочность грозила исключеніемъ виновнаго изъ землячества, а это представлялось уже до того позорнымъ, что немногіе исключенные изъ землячества находили въ себѣ силы оставаться въ университетѣ и спѣшили перекочевать или въ другой провинціальный университетъ или въ другое высшее учебное заведеніе.

Отсюда и уваженіе къ студенческому мундиру остального общества было безгранично, такъ какъ съ нимъ связывалось понятіе обо всемъ чистомъ, свѣтломъ и безупречномъ.

Другія части общества тоже спѣшили сплотиться въ сообщества, и благодаря этому то тамъ, то здѣсь возникали трудовыя коммуны, ничьей совѣсти тогда не тревожившія.

И это было вполнѣ естественно, потому что не было сферы, въ которой бы ни производилось этого строительства общественнаго уклада, начиная съ самыхъ низшихъ ступеней и кончая верхами.

Энергія Царя—Освободителя, поставившая на ноги всѣ общественныя силы, конечно, не могла не отразиться и на дѣятельности стоявшаго въ непосредственной близости къ нему женскаго элемента.

Шло широкое и непрерывное строительство и тамъ. По инициативѣ государыни Маріи Θεодоровны и великой княгини Александры Петровны, урожденной принцессы Ольденбургской, ихъ любимица, боронесса Розентъ, въ то время уже принявшая санъ игуменьи, мать Митрофанія, строила одну общину за другой сначала въ Псковѣ и затѣмъ въ Москвѣ. Вел. кн. Александра Петровна своихъ средствъ на это строительство не щадила и общины эти, возникшія полвѣка тому назадъ, являютъ собою и по нынѣ идеаль

филантропическихъ учреждений, совмѣщающихъ въ себѣ все, въ чемъ нуждается страждущее человѣчество.

Понятно что въ такомъ гуманномъ дѣлѣ Высочайшія строительницы не были одиноки и вокругъ нихъ группировались всѣ лучшія женщины высшихъ слоевъ, объединяясь въ общемъ стремленіи къ подвигу въ пользу ближняго. Всякая изъ нихъ считала за большую честь стать во главѣ одного изъ такихъ учреждений и потому каждая изъ нихъ старалась вложить въ это святое дѣло и свой разумъ и свою инициативу и всю свою энергію.

Все это были женщины высоко образованныя, много путешествовавшія, еще болѣе читавшія на всѣхъ языкахъ цивилизованнаго міра, и не только принятія, но и желанныя во всѣхъ высшихъ слояхъ другихъ европейскихъ государствъ, онѣ всюду имѣли въ этихъ кругахъ интимныхъ друзей, а потому и были въ курсѣ всѣхъ политическихъ теченій.

Удивительно ли, что эти женщины, далекія отъ всякихъ меркантильных соображеній, выработали для себя ту чистую, своеобразную мораль, которая и выразилась въ ихъ смиренно-мудромъ отреченіи отъ собственной личности въ пользу обездоленныхъ и угнетенныхъ.

Все это были социалистки въ самомъ чистомъ, самомъ благородномъ смыслѣ этого слова.

Всѣ свои помыслы, всѣ свои силы онѣ направляли на то, чтобы, помогая по мѣрѣ возможности голоднымъ и больнымъ, въ то же время вооружать слабѣйшихъ тѣми знаніями, которыя, сдѣлавъ ихъ сильными, дали бы имъ возможность быть независимыми работниками на всѣхъ поприщахъ человѣческаго труда.

Въ этомъ заключалась ихъ главнѣйшая задача и съ этой точки зрѣнія онѣ и смотрѣли на свое главенство, въ качествѣ духовныхъ вождей, надъ своей убогой паствой.

Эта чистая мораль poderosa вооруженія слабѣйшихъ знаніями противъ натиска сильныхъ теперь уже давно из-

сякла въ русскихъ монастыряхъ и монашеская братія, еще живущая традиціями рыцарскихъ орденовъ, если кое гдѣ еще и встрѣчается, то только развѣ на такихъ далекихъ окраинахъ, какъ напр. мурманское побережье, гдѣ бѣдные монастыри съ суровымъ укладомъ для монашествующей братіи, служатъ единственнымъ прибѣжищемъ для полудикихъ лопарей во всѣхъ ихъ моральныхъ и матеріальныхъ нуждахъ, являя собою дѣйствительное царство Святаго Духа.

Заканчивая свое образованіе въ 61 и 62 годахъ въ небольшомъ пансіонѣ баронессы Ю. К. Шлиппенбахъ, въ послѣдствіи тоже принявшей санъ игуменьи и ставшей во главѣ одной изъ такихъ общинъ, о которыхъ я только что упомянула, на далекомъ сѣверѣ, я съ ранняго возраста не только усвоила чистую мораль этихъ подвижницъ, всю сконцентрировавшуюся въ одной фразѣ „полюби ближняго болѣе, чѣмъ самого себя“, но и научилась понимать непримиримую разнь социальныхъ и анархическихъ движеній, взаимно другъ друга исключającychъ.

Для меня уже тогда вполне стало ясно, что всякое социальное строительство, возможно лишь тогда, когда въ общественной мысли нѣтъ мѣста для разрушительныхъ тенденцій, и, наоборотъ, это строительство неизбежно должно будетъ остановиться и даже совсѣмъ пойти на смарку, какъ только анархія начнетъ забирать силу.

Съ этимъ мировоззрѣніемъ, унаслѣдованнымъ отъ лучшихъ женщинъ той эпохи, я и вступила въ жизнь весной 63 года. И сообразно съ нимъ я и поступала такъ или иначе когда мнѣ самой предстояло рѣшать, въ какомъ направленіи продолжать свой жизненный путь.

Оставшись послѣ смерти отца 16-ти лѣтъ отъ роду, безъ всякихъ средствъ къ существованію, я тотчасъ же должна была рѣшить, чѣмъ заняться, такъ какъ времени на размышленіе у меня не было.

Хотя я твердо уже рѣшила по проторенной другими женщинами колѣѣ не идти, а искать новыхъ путей, но такъ какъ въ то время женскій трудъ еще нигдѣ почти не примѣнялся, то на первое время и мнѣ не удалось избѣжать обычнаго шаблона и пока что пришлось остановиться на педагогической дѣятельности, до пріисканія чего либо болѣе соответствующаго моимъ вкусамъ.

Въ это время моя сестра, незадолго передъ тѣмъ вышедшая замужъ и уѣхавшая въ Рыбинскъ, открыла тамъ женскій пансіонъ и усердно звала меня занять у нея мѣсто частью классной дамы, частью учительницы.

Это, конечно, было лучше, чѣмъ идти въ чужой домъ въ гувернантки и я отправилась въ Рыбинскъ.

Вотъ тутъ мнѣ впервые пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ теченіемъ общественной мысли въ другихъ слояхъ общества, дотолѣ мнѣ незнакомыхъ, и такъ какъ Рыбинскъ въ то время представлялъ собою небольшой городокъ, и всѣ его обитатели были на перечесть, то и наблюдать воплощеніе этой мысли во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Все общество этого городка рѣзко дѣлилось на три, совершенно обособленные другъ отъ друга группы. Изъ нихъ одна, составлявшая большую половину всѣхъ рыбинскихъ обывателей, состояла изъ ветхо-завѣтнаго купечества, старообрядцевъ, сильныхъ и гордыхъ своей мощью и хотя скептически относившихся къ новымъ вѣяніямъ, но своимъ практическимъ и трезвымъ умомъ оцѣнившихъ по достоинству и отмѣну крѣпостничества, и школьную реформу и сердечно встрѣтившихъ появленіе въ ихъ городкѣ женскаго пансіона, куда они и поспѣшили отдать своихъ дѣвочекъ.

Другая, меньшая половина общества, дѣлилась на два почти враждебныхъ лагеря. Въ одномъ тѣсно сгруппировались мѣстные помѣщики, озлобленные крѣпостной реформой, положившей предѣлъ ихъ безпечальному бытію за счетъ чужого труда, и потому съ ненавистью относившіеся

уже ко всѣмъ новшества́мъ вообще. Въ другомъ лагерѣ оказались всѣ тѣ, кто встрѣтилъ эпоху возрожденія чело-вѣческой личности съ восторгомъ, кто жадно хватался за всякое новое слово и сплошь и рядомъ увлекался до того, что не вполне уяснивъ себѣ сущность идеи, хватался за ея форму и желая выразить ее какъ можно ярче, утриро-валъ ее до каррикатуры, давая обильную и благодарную тему для такихъ романовъ, какъ „Отцы и дѣти“, „Взбала-мученное море“, и даже для такихъ, какъ „Идіотъ“ и „Бѣсы“—Достоевскаго.

Правда среди этихъ лицъ были и настоящіе интеллигенты, ничего изъ себя не корчившіе, съ любовью и увлеченіемъ отдавшіеся принятому на себя дѣлу и всѣ свои силы клав-шіе на то, чтобы на сколько хватало ихъ силъ, поднять уровень пониманія и развитія тѣхъ, кто еще плохо опре-дѣлялъ свои права и обязанности.

Но въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ людей этого сорта было еще чрезвычайно мало, скажу болѣе, они были на перечетъ, а ихъ менѣе развитые единомышлен-ники не только не облегчали ихъ задачи, но своею утри-ровкой всякое идейное дѣло окружали ореоломъ такой пошлости, что жутко становилось людямъ, относившимся къ нему сознательно, тѣмъ болѣе что подмѣна эмансипаціи пошлостью давала врагамъ самое законное право смѣши-вать самую идею эмансипаціи съ грязью.

Дышать и работать въ такой атмосферѣ было тяжело; тѣмъ болѣе было тяжело вести школу, въ которую такъ хотѣлось вложить свою душу, а разумъ заставлялъ отъ этого воздерживаться, потому что къ душѣ со всѣхъ сто-ронъ тянулись нечистоплотныя руки, готовые во всякую минуту ее загрязнить. Осторожнѣе было держать ее подъ густою фатой, но школьное дѣло теряло отъ этого весь свой смыслъ и необходимость компромиссовъ со всѣми обществен-ными элементами отнимала у него всякую привлекательность.

Необходимость подчиняться всевозможнымъ условностямъ, чтобы не портить коммерческой стороны дѣла, въ то время когда собственные стремленія неудержимо рвались наружу, заставила меня навсегда покончить съ педагогіей и, едва дождавшись ваканта, я въ іюнѣ 64 года вернулась въ Мо-скву, чтобы заняться чѣмънибудь болѣе соотвѣтствующимъ моимъ вкусамъ.

Лѣтомъ человѣку, не имѣющему никакого знакомства, и теперь довольно трудно найти занятія, а полвѣка тому назадъ, когда на дѣвушку, ищущую самостоятельнаго труда, огромное большинство смотрѣло еще съ большимъ недо-вѣріемъ, найти чтонибудь было еще труднѣе. А если къ несчастью для такой дѣвушки, она была молода и красива, то это создавало для нея почти непреодолимые препятствія и много съ ея стороны требовалось энергіи, чтобы не опустить рукъ.

Этой энергіи у меня былъ большой избытокъ и я рѣшила во что бы то ни стало чегонибудь добиться. Прежде всего, однако, чтобы не пропасть съ голоду мнѣ все таки приш-лось схватить первый попавшійся подъ руку урокъ, кото-рый хотя и оплачивался за ежедневное, упорное занятіе десятью рублями въ мѣсяцъ, но за то имѣлъ на своей сто-ронѣ тотъ плюсъ, что никакой нравственной ломки не тре-бовалъ. Взятаясь я подготовить 10-лѣтняго сына лавочника въ гимназію и уже одно то, что ребенокъ ожидалъ свою учительницу съ нетерпѣніемъ и не только не тяготился уро-комъ, но и боялся всякой возможности его пропустить, окру-жало меня въ глазахъ его простоватыхъ родителей, орео-ломъ необычайно способной учительницы, хотя въ сущности все дѣло сводилось къ челоуѣческому отношенію къ ре-бенку и той горячѣй привязанности, которую такое отно-шеніе въ этомъ ребенкѣ пробудило.

Но тратя весь свой вечеръ на занятія съ мальчикомъ, я весь день рыскала по Москвѣ въ надеждѣ найти что ни-

будь прочное. Не было въ газетахъ такой публикаціи, по которой я не являлась бы всегда въ авангардѣ, и много горькихъ минутъ, обидъ и разочарованій мнѣ приходилось переживать въ теченіе дня. А мѣста, удовлетворяющаго мои запросы, все таки не находилось.

Наконецъ, въ началѣ августа появился въ Москвѣ рязанскій антрепренеръ, собиравшій для своего театра драматическую и трагическую труппу. Трагедія въ то время была въ особомъ почетѣ, такъ какъ вся Россія еще переживала тѣ необычайно сильныя впечатлѣнія еще такъ недавно пережитыя, благодаря такимъ огромнымъ величинамъ, какъ англійская артистка Ристори или мулатъ Ольриджъ. И хотя въ послѣдствіи съ ними и пытались сравнивать Дузу и Росси, но это, конечно, дѣлали уже тѣ, кто ни Ристори ни Ольриджа на сценѣ не видалъ.

Случайно я встрѣтилась съ этимъ антрепренеромъ въ домѣ своихъ знакомыхъ, которые, зная мою погоню за какимъ бы то ни было мѣстомъ, въ шутку предложили мнѣ попробовать свои силы на театральныхъ подмосткахъ. Эта перспектива менѣ всего мнѣ улыбалась; но антрепренеръ прямо таки ухватился за эту мысль и предложилъ мнѣ ангажементъ, какое бы амплуа я себѣ ни выбрала. Сначала я отказалась отъ этого предложенія на отрѣзъ. Но антрепренеръ не отказывался отъ этой мысли и надѣясь меня убѣдить, уговаривалъ хотя бы только испробовать свои силы и сыграть, въ чемъ бы мнѣ ни пришла фантазія, и если эта моя проба окажется удачною, послужить на сценѣ хотя годъ. До такой степени онъ былъ увѣренъ въ моемъ успѣхѣхъ и въ томъ, что успѣхъ заставитъ меня полюбить сцену.

Такъ какъ пока никакой другой работы въ виду не было, я согласилась на этотъ компромиссъ и между нами было рѣшено, что въ половинѣ ноября, я буду дебютировать на сценѣ Секретаревскаго театра въ любительскомъ кружкѣ въ роли „Маріонъ-де-Лормъ“, и если дебютъ будетъ уда-

ченъ, то я подпишу съ нимъ контрактъ до великаго поста.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я стала получать переписку изъ Сената, гдѣ въ то время въ одномъ изъ департаментовъ состоялъ секретаремъ мой дядя, Э. Н. Сумбулъ, но такъ какъ эта переписка давала мнѣ около 10 руб. въ мѣсяцъ и жить на эти деньги было нельзя, то я продолжала репетировать уже поступившаго въ гимназію своего ученика, а все свободное время учила свою роль.

Въ концѣ октября начались въ кружкѣ репетиціи, дѣло шло на ладъ, такъ какъ будучи страстной поклонницей Виктора Гюго, я сочла бы святотатствомъ отнестись къ его произведенію небрежно, и всѣ кто видѣлъ и участвовал со мною въ этихъ репетиціяхъ, приходили въ восторгъ и сулили мнѣ блестящую будущность.

Но тутъ какъ разъ случился эпизодъ, опредѣлившій всю остальную мою карьеру.

Недѣли за полторы до назначеннаго спектакля ко мнѣ явился одинъ студентъ, знавшій, что я ищу мѣста и сообщилъ, что А. И. Мамонтовъ, въ то время арендовавшій Катковскую типографію въ Армянскомъ переулкѣ, желая ввести женскій трудъ, набираетъ наборщицъ и предложилъ мнѣ въ тоже утро отправиться къ Анатолию Ивановичу.

Не теряя ни минуты, я отправилась въ Армянскій переулокъ и съ двухъ словъ покончила съ Анатолиемъ Ивановичемъ, давъ обѣщаніе на слѣдующее же утро явиться въ типографію на работу.

Конечно, меня привлекала не самая работа въ типографіи, о которой я въ то время имѣла самое смутное понятіе. Я на слово вѣрила, что работа не особенно тяжела, что научиться ей можно основательно въ недѣлю или полторы, но тутъ являлось побочное обстоятельство, которое въ моихъ глазахъ дѣлало эту работу особенно привлекательною.

Дѣло въ томъ, что въ то время въ Москвѣ уже существовали три коммуны, двѣ мужскія—переплетныя и одна

женская—швейная. Мамонтовскія наборщицы, какъ мнѣ общилъ принесшій это предложеніе студентъ, жена котораго, къ слову сказать, уже работала въ швейной коммуны, должны были составить четвертую коммуну.

Вотъ эта то перспектива показалась мнѣ до такой степени соблазнительной, что ни упреки рязанскаго антрепренера, ни соблазнованія лицъ, восхищавшихся моею игрой, уже не въ силахъ были меня тронуть, и отказавшись участвовать въ пробномъ спектаклѣ, я рѣшительно порвала всякую связь съ любительскимъ кружкомъ и вступила въ ряды наборщицъ.

По счету я была принята третьей, и какъ было условлено со студентомъ, въ тотъ же день поселилась въ одномъ номерѣ меблированныхъ комнатъ съ остальными двумя наборщицами, въ ожиданіи пока будутъ набраны остальные, которыхъ предполагалось взять до десяти, чтобы тогда уже снять общую квартиру.

Вотъ тутъ то мнѣ какъ нельзя болѣе и пригодился тотъ опытъ, который я успѣла пріобрѣсти въ Рыбинскѣ, вращаясь среди самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Онъ научилъ меня отличать людей искреннихъ отъ лмакъ и далъ мнѣ возможность сознательно и критически отнестись ко всему тому, что меня ожидало.

Поселились мы въ номерахъ во дворѣ того дома, гдѣ была гостиница Дюссо, и обѣ мои сожительницы, съ которыми мнѣ отнынѣ приходилось и жить и работать, до того мало имѣли общаго съ той средой, въ которой выросла я, что, разговаривая на одномъ языкѣ, мы сплоснь и рядомъ, подолгу не понимали другъ друга, до того страннымъ казалось одной изъ насъ то, что для другой было только естественнымъ.

Одна изъ нихъ, дѣвушка уже за 40 лѣтъ, изъ аристократической польской семьи Шимботъ-Гидроиловъ, наивная и жеманная какъ 15-ти лѣтняя институтка, въ каждомъ муж-

Анатолий Ивановичъ Мамонтовъ,
арендовавшій въ 60-хъ годахъ Катковскую типографію
въ Армянскомъ переулкѣ, основавшій въ 1864 году
первую женскую типографскую коммуны.

чинъ готова была признать властелина и совершенно не могла осмыслить, почему я, тогда 17 лѣтняя дѣвушка, не считаю нужнымъ съ каждымъ изъ бывающихъ у насъ мужчинъ кокетничать, а отношусь къ нимъ такъ же просто, какъ и къ женщинамъ, и готова была въ этомъ подозрѣвать что-то предательское, такъ какъ въ ея глазахъ это было не только не женственно, но даже и не естественно.

Другая, наоборотъ, несмотря на свои 18 лѣтъ, уже во многомъ искусившаяся, выброшенная въ столицу для обученія мастерству и изъ мастерской попавшая на улицу, тамъ подобранная пожалѣвшимъ ее молодымъ студентомъ, пристроившимъ ее въ типографію, въ надеждѣ вернуть ее на трудовой путь, смотрѣла на эту его затѣю критически и подчинилась ей только изъ страха потерять его, и потому совершенно недоумѣвала, что меня, свободную и одинокую, могло заставить добровольно взяться за этотъ трудъ, который ей казался и тяжелымъ и непривлекательнымъ. Когда же отъ посѣщавшихъ насъ студентовъ она узнала, что на работу въ типографію я промѣняла возможность фигурировать на сценѣ, она серьезнѣйшимъ образомъ признала меня юродивой и только этимъ и объясняла то обстоятельство, что я не совсѣмъ ясно отдавала себѣ отчетъ въ ея отношеніяхъ къ мужчинамъ.

Такая рознь однако не мѣшала намъ жить довольно дружно. Со старшей изъ нихъ насъ тѣсно связывало наше общее увлеченіе будущей коммуной, съ открытіемъ которой мы рѣшили одновременно учредить общество взаимопомощи, надъ проектомъ котораго мы до поздней ночи и трудились по возвращеніи изъ типографіи.

Младшую же мы обѣ жалѣли, такъ какъ она болѣла чахоткой, и сама этого хотя не сознавала, но таяла не по днямъ, а по часамъ.

Работа въ типографіи дѣйствительно оказалась для насъ не тяжелой. Принимая насъ на службу Ан. Ив. предупре-

диль насъ, что онъ не потребуеъ отъ насъ той быстроты, которая необходима наборщику, получающему сдѣльную плату, такъ какъ ему нужно было, чтобы мы какъ можно основательнѣе изучили технику работы и могли бы явиться учителями дѣвочекъ, которыхъ въ послѣдствіи онъ намѣревался обучать этому ремеслу съ дѣтства. Вотъ поэтому онъ и просилъ насъ работать не спѣша, но возможно тщательнѣе. Жалованье онъ намъ положилъ на первое время по 15 руб. въ мѣсяцъ, обѣщая прибавить тогда, когда мы начнемъ работать хорошо, и, при работѣ отъ 9 час. утра до 9 час. вечера, давалъ намъ два часа на обѣдъ. Кромѣ того и наборная наша отъ остальной типографіи отдѣлялась парадной лѣстницей, такъ что ни грязи, ни вони, присущей всѣмъ остальнымъ типографіямъ, въ ней не было, словомъ—условія работы были терпимы, и мы не только ухитрились жить на свое 15-ти рублевое жалованье, но даже смогли урвать изъ него 40 руб. на абонементъ ложи въ верхнемъ ряду на итальянскую оперу, а Ан. Ив. въ дни нашего абонемента разрѣшилъ намъ кончать работу на два часа раньше.

Къ Рождеству были приняты въ типографію еще четыре наборщицы, изъ нихъ двѣ сестры, дочери сельскаго діакона, дѣвушки малограмотныя и неразвитыя, но распропагандированныя до послѣдней возможности, третья городская — дѣвушка среднихъ лѣтъ изъ довольно сѣрой среды, но кончившая гимназію и, наконецъ, Оленька О-ва, 17 лѣтняя дѣвочка, свояченица одного изъ крупнѣйшихъ писателей того времени, уже находившагося въ мѣстахъ отдаленныхъ, что и побуждало эту дѣвушку—подростка быть очень либеральной, и всѣмъ и всякому навязывать, что „въ Бога она не вѣритъ и Царя не признаетъ“. Навязывала она это свое credo всѣмъ, до типографскихъ мальчиковъ включительно, и такъ какъ ничего болѣе либеральнаго она придумать не умѣла, то эти фразы въ ея устахъ очень смахивали на болтовню попугая.

Мнѣ приходится остановиться на этомъ потому, что когда намъ было объявлено, что пока комплектъ наборщицъ этимъ и ограничится, и надо было искать помѣщеніе для коммуны, то я, Шимботъ и Горская надъ этой болтовней нашей сослуживцы призадумались и, боясь погубить зря только что начинающееся дѣло, рѣшили не только въ число коммунистокъ ее не принимать, но и по возможности порѣже ее къ себѣ приглашать.

Да за поступленіемъ въ коммуну она и сама не гналась, живя у сестры на всемъ готовомъ, благодаря чему все свое жалованье она могла тратить на собственные нужды. Въ коммунѣ же ей неизбѣжно пришлось бы тратить его на свое содержаніе. Мы же объяснили ей невозможность пока принять ее въ наше общежитіе тѣмъ, что квартира, найденная нами, тѣсна и дорога и чтобы сдѣлать ее доступной для нашихъ кармановъ, намъ изъ шести комнатъ двѣ пришлось сдать за 15 руб. нашему типографскому доктору и только остальные четыре оставить себѣ. Изъ нихъ въ трехъ комнатахъ мы помѣстились по двѣ, оставивъ четвертую подъ общую столовую и пріемную.

Квартира эта была нанята на Мясницкой, въ томъ домѣ, гдѣ въ послѣдствіи была гостинница Швейцарія, съ платою по 50 руб. въ мѣсяцъ, съ духовымъ отопленіемъ и такимъ образомъ квартира вмѣстѣ съ жалованьемъ и содержаніемъ прислуги обходилась каждой изъ насъ по 7 р. 50 коп. въ мѣсяцъ, и столъ съ чаемъ и хлѣбомъ тоже обходился по 7 руб., и ужъ на остальные свои нужды каждой изъ насъ приходилось еще что нибудь приработать. Мы такъ и дѣлали.

Возвращаясь изъ типографіи въ 9 час. и напившись чаю, я и діаконицы принимались за рукодѣлье, тѣмъ болѣе что такое у насъ бывало платное отъ Кувшинникова изъ Голофѣвской галлерей, а Шимботъ и Горская или музицировали или же читали намъ что нибудь вслухъ. Если въ это время къ намъ приходилъ кто нибудь изъ гостей, мы

болтали, но обыкновенно позже 12 час. мы не засиживались, такъ какъ было рѣшено другъ друга не беспокоить. А такъ какъ я продолжала брать у Э. Н. Сумбула и переписку, то ей я посвящала праздники и часъ или полтора, смотря по надобности, по утрамъ, передъ отходомъ въ типографію.

Такъ протекала въ коммуны вся недѣля за исключеніемъ четверговъ. Это былъ нашъ приемный день и у насъ собирались гости, не только наши хорошіе знакомые, но зачастую и люди намъ мало извѣстные, съ которыми насъ связывала общая принадлежность къ учрежденному уже нами Обществу взаимопомощи.

Число членовъ этого общества росло съ неимоверной быстротой и всѣ, кто имъ интересовался, приходили къ намъ по четвергамъ и въ эти дни наша квартира наполнялась веселымъ гомономъ. И кто только въ эти дни у насъ ни бывалъ!

Конечно, среди нихъ бывали люди вполне приличные и корректные, но были среди нихъ и каррикатуры, поодинокѣ и группами попадавшія въ разныя литературныя произведенія.

Такъ, напримѣръ, всѣ дѣйствующія лица романа Стебницкаго „Некуда“, были цѣликомъ сфотографированы съ лицъ, посѣщавшихъ нашу коммуну, кромѣ только волка, котораго герой романа держалъ у себя въ подвалѣ. И если этотъ волкъ оказался въ романѣ вымышленнымъ, то не потому, что оригиналъ героя романа до волка не додумался, а развѣ только потому, что въ Москвѣ добыть этого волка ему было негдѣ.

Другіе изъ нихъ попали въ романъ Достоевскаго „Бѣсы“, и убитый впоследствии Нечаевымъ студентъ Ивановъ былъ членомъ одной изъ мужскихъ коммунъ.

Особенно же каррикатурны были въ этой компаніи женщины. Такъ, напримѣръ, поповна изъ того же села, откуда были наши діаконицы, ихъ оттуда и выписавшая для

поступленія въ типографію, вышедшая замужъ за семинариста, устроившагося при одномъ изъ административныхъ учреждений и къ началу 60-хъ годовъ успѣвшаго въ этомъ учрежденіи занять видный постъ дѣлопроизводителя канцеляріи, не на шутку вообразила себя съ одной стороны аристократкой, а съ другой большой либералкой.

Этотъ ея аристократизмъ выражался въ томъ, что она въ многочисленной компаніи, жеманясь, какъ фабричная дѣвка, и закатывая къ небу глаза, рассказывала, что она не можетъ носить кожаной обуви потому, что у нея потѣютъ въ ней ноги. Ну, а либерализмъ ея шелъ много дальше: какъ вполне эмансипированная женщина, она всюду таскала за собою въ качествѣ „пажа“ студента изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ, котораго за его „пажескія“ услуги и подкармливала за счетъ мужа.

Впослѣдствіи же, при ея матеріальной поддержкѣ, этотъ ея пажъ занялъ видное положеніе среди московской адвокатуры и сталъ въ ней своего рода меценатомъ.

Но центральную фигуру во всей этой компаніи, вокругъ которой группировалась вся та безвольная молодежь, которая не могла жить безъ чужой указки и слѣпо исполняла все то, что ей съ апломбомъ внушали, представлялъ собою извѣстный въ исторіи революціонныхъ кружковъ П. А. Свиридовъ.

Свиридовъ, вынужденный по недоразумѣнію выдти изъ полка, былъ человѣкъ не столько крупнаго ума, сколько желѣзной воли; властолюбивый и безсердечный деспотъ, обожавшій только свое собственное я, онъ смотрѣлъ на остальныхъ людей какъ на маріонетокъ и совершенно не заботился о томъ, что ихъ постигнетъ послѣ того, когда они выполнятъ строго выработанную имъ программу.

Этотъ кумиръ, на котораго съ благоговѣніемъ взидало большинство того кружка, въ который попала и я, и былъ инициаторомъ всѣхъ возникавшихъ въ Москвѣ коммунъ, и

какъ выяснилось въ послѣдствіи, мирный характеръ этихъ коммуны вовсе не входилъ въ его планы въ будущемъ.

Когда мы еще только поступали въ типографію, тѣ, кто намъ ставилъ въ условіе создать изъ себя коммуны, предъявили намъ и другое требованіе, бывать въ опредѣленные дни по вечерамъ у П. А. Свиридова и, принявъ это условіе, мы, конечно, рѣшили его выполнить.

Оказалось, что тамъ мы должны были присутствовать при чтеніи философіи Ренана съ комментаріями самого Свиридова.

Жилъ онъ на Тверской улицѣ въ домѣ Гурьева*), представлявшимъ собою нѣчто въ родѣ доисторическихъ пещеръ, хотя въ нѣдрахъ его были не только меблированныя комнаты, но и театръ, на сценѣ котораго фигурировали то всякаго рода феномены, альбиносы, ацтеки и др., то феерическія пантомимы вродѣ „Возвращеніе Пимперле на родину“.

Жилъ Свиридовъ съ 5-ти лѣтнею дочкою, отнятою имъ у не пожелавшей ему покориться жены, и молодою дѣвушкой Т—скою, только что кончившею Николаевскій Институтъ и готовою идти за него въ огонь и воду. Это ее въ послѣдствіи и погубило.

Когда въ назначенный день мы явились къ нему впервые (это было еще до учрежденія коммуны и потому насъ было только трое), тамъ было уже нѣсколько человѣкъ, съ которыми насъ тутъ же и перезнакомили. При этомъ первое, что всѣмъ намъ бросилось въ глаза, это—полулежавшая на диванѣ женская фигура, до такой степени неестественно скрюченная, что казалось, что у нея что нибудь или сломано или нерешиблено. Здороваясь съ нами, она ни на минуту не измѣнила своей позы, и глядя на ея почти дѣтское личико, я съ ужасомъ думала, что съ нею только

*) Въ послѣдствіи этотъ домъ, находившійся на углу Гнѣздниковскаго пер., былъ снесенъ до основанія и на его мѣстѣ былъ выстроенъ Малкиелевъ домъ, въ которомъ помѣщался Пушкинскій театръ. Теперь этотъ домъ Спиридонова.

что случилось какое нибудь несчастіе, и я ждала, что вотъ-вотъ объ этомъ заговорятъ. Однако ея голосъ, звонкій и здоровый, совсѣмъ не гармонировалъ съ ея разслабленнымъ видомъ.

Еще болѣе мы удивились, когда намъ назвали ея фамилію, потому что студентъ, приходившій къ намъ за два дня съ приглашеніемъ пріѣхать къ Свиридову, говорилъ намъ о ней какъ о бойкой и очень дѣятельной дѣвушкѣ и это еще болѣе насъ убѣждало, что съ нею что то случилось.

Между тѣмъ, гости все прибывали; были тутъ и офицеры, и студенты и дамы, и нѣкоторые изъ нихъ повиdimому ей еще незнакомые, такъ какъ ее съ ними знакомили, а она, со всѣми здороваясь, продолжала лежать все въ той же неестественно напряженной позѣ какъ будто перешибленнаго человѣка.

Наконецъ, пришелъ еще одинъ гость, о которомъ мы тоже уже слыхали, какъ о человѣкѣ страшно распустившемъ своихъ сыновей, уже великовозрастныхъ гимназистовъ, не желавшихъ ни учиться, ни работать.

Онъ молча поздоровался съ лежавшей, а когда было рѣшено приступить къ чтенію и Свиридовъ взялся за книгу, гость этотъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, громогласно заявилъ: „ну, чего намъ, Маша, слушать, поѣдемъ лучше въ баню“. И она съ быстротою котенка вскочила съ дивана и схватила лежавшую на подзеркальникѣ шляпку.

Ни такой фразы, сказанной во всеуслышаніе, ни тѣмъ менѣе такого превращенія изъ разслабленнаго въ юркаго человѣка я никакъ не ожидала, и, давась отъ смѣха, я вскочила въ дѣтскую и уткнувшись лицомъ въ подушки, хохотала до слезъ, чувствуя въ то же время, что если я вернусь въ то общество, которое повиdimому считаетъ такія вещи въ порядкѣ вещей, я не выдержу и начну хохотать снова.

Такъ я и осталась въ дѣтской съ маленькой Соней, очень обрадовавшейся, что у нея нашлась веселая компаніонка, а такъ какъ минутъ черезъ 20-ть ко мнѣ присоеди-

нилась и другая наша молодая сожительница, ровно ничего не понявшая изъ того, что тамъ начали читать, то и самое чтеніе вскорѣ прекратилось, такъ какъ повидимому мы то, вновь испеченныя коммунистки, и являли собою тѣхъ прозелитовъ, которыхъ требовалось просвѣтить и для которыхъ и было придумано это чтеніе.

Не идти же было за нами солиднымъ людямъ въ дѣтскую, гдѣ мы уже успѣли разыгаться съ ласковою дѣвчушкой.

Да, повидимому, и не совсѣмъ то ловко чувствовали себя всѣ эти господа передъ расхотавшейся имъ въ носъ дѣвченкой. Словомъ, вечеръ не удался и одинъ за другимъ гости стали прощаться, и съ первыми же изъ нихъ поспѣшили уѣхать и мы.

Отъ слѣдующихъ визитовъ къ Свиридову меня избавила судьба. Съ первыхъ же дней работы въ типографіи у меня стала побаливать нога. Оказалось, что на пяткѣ росло дикое мясо и когда его въ клинической амбулаторіи срѣзали, а я ни за что не хотѣла хотя бы на нѣсколько дней прекратить хожденіе въ типографію, гдѣ весь день приходилось работать стоя, то оперированное мѣсто и не поджигало и я, возвратившись со службы домой, уже вынуждена была сидѣть съ вытянутой ногой. Это было прекраснымъ предлогомъ сидѣть дома, а когда послѣ рождественскихъ праздниковъ коммуна уже была учреждена и по четвергамъ стали собираться у насъ, то являлся къ намъ со своею свитой и Свиридовъ, и въ такой толпѣ чтеніе Ренана, конечно, стало немислимо. Мы, младшія коммунистки, отъ души благодарили за это Создателя, такъ какъ чувствовали, что Ренанъ съ его философіей намъ еще не по плечу.

Ну, а для дьяконицъ, не совсѣмъ твердо знавшихъ азы и потому немилосердно вравшихъ въ наборъ, конечно, такое чтеніе было бы и вовсе неподходящимъ. Такимъ образомъ эта затѣя и была оставлена.

Свиту Свиридова составляли студенты, но не тѣ студенты, которыхъ мы привыкли видѣть до конца 50-хъ годовъ, чистыхъ, скромныхъ, рыцарски честныхъ, увлекающихся идеалистовъ. Это была уже вновь народившаяся формація, ничего общаго съ тѣми студентами не имѣвшая, многихъ, не особенно далекихъ людей по своей новизнѣ интриговавшая, но въ сущности грубая, завистливая, съ непомѣрно развитымъ аппетитомъ, беззащитная въ приемахъ къ достиженію своей цѣли, никакихъ идеаловъ не признававшая и твердо вѣрившая въ то, что цѣль оправдываетъ средства.

Чувства любви, въ его чистѣйшихъ проявленіяхъ эти люди не знали и даже въ возможность его существованія не вѣрили, но ненавидѣть все, что было выше и лучше ихъ, умѣли крѣпко, потому что зависть являлась главнѣйшимъ стимуломъ всѣхъ ихъ побужденій.

Это былъ авангардъ, явившійся во Всесловную школу изъ людскихъ, мелкихъ мастерскихъ, изъ бурсы, мелкой чиновничьей среды, даже изъ шинковъ, словомъ, изъ той среды, гдѣ нажива была единственной мечтой, гдѣ воспитательнымъ средствомъ еще считались шпандырь, арапникъ или нагайка, изъ той среды, которая цѣпко хваталась за школу, въ сущности презирая науку, и смотря на нее лишь какъ на средство въ будущемъ зарабатывать побольше.

Всю эту мораль своей среды эти люди принесли съ собою въ школу, а такъ какъ ихъ семьи, надѣясь извлечь изъ школы какъ можно больше выгоды, въ то же время желали затрачивать на обученіе своихъ дѣтишекъ какъ можно меньше, въ виду чего и урѣзывали ихъ во всемъ, безъ чего въ школѣ обойтись было почти невозможно, то эти дѣти сразу почувствовали себя паріями среди дѣтей, лучше ихъ обставленныхъ.

У нихъ зачастую не было ни книгъ, ни школьныхъ пособій; чтобы выучить урокъ, и то и другое приходилось выпрашивать у товарищей. Это до извѣстной степени ставило ихъ въ за-

висимость отъ каприза послѣднихъ и чувство обиды, вызванной такимъ положеніемъ, порождало ту зависть и ненависть къ счастливымъ, которымъ не приходилась испытывать того же. Еще больше отзывались въ ихъ душѣ насмѣшки и надъ старенькимъ платьемъ, и надъ заплатанной часто дырявой обувью, а ихъ родители, не имѣя ни возможности, ни умѣнья войти въ ихъ положеніе, утѣшали ихъ тѣмъ, что, осиливъ ученіе, они сдѣлаются господами, станутъ получать много и тогда вознаграждать себя за всѣ эти лишнія. ✓

Утѣшеніе было плохое, перспектива переживать все это въ теченіе еще многихъ лѣтъ превращала дѣтей въ озлобленныхъ ненавистниковъ, изощрявшихъ всѣ свои способности на то, чтобы приспособиться къ школѣ такъ, чтобы по возможности рѣже получать щелчки, еще болѣе болѣзненные потому, что они ровно ничѣмъ не были заслужены.

А жестокой законъ приспособленія порождалъ въ свою очередь и подхалимство передъ болѣе счастливыми товарищами, и прихвостничество передъ учителями, и мстительность по отношенію къ тѣмъ, кого судьба избавила отъ такихъ же страданій.

Не удивительно, что, пройдя такую школу, они являлись въ университетъ уже озлобленными, нравственно надломанными людьми, а тутъ имъ еще предстояла борьба за существованіе, такъ какъ неимущія семьи, съ грѣхомъ пополамъ протащивъ мальчика черезъ гимназію, наивно полагали, что студентъ какъ нибудь прокормитъ себя уже самъ.

Чтобы учиться нужны были книги и время. А ни того, ни другого у этихъ несчастливцевъ не было, потому что прежде всего надо было заработать на хлѣбъ. Для того, чтобы работать, нужны были силы, было необходимо достаточное количество пищи, а ея то всегда было настолько въ обрѣзъ, что человѣкъ только что не умиралъ съ голоду.

Естественно, что зарождались мысли о несправедливости судьбы, жаль было ни за что гибнущую въ этой борьбѣ молодую жизнь, страстно хотѣлось найти выходъ на болѣе широкій путь, а на то, чтобы осмыслить причину такого по истинѣ страшнаго явленія, не хватало необходимаго развитія.

Такая простая мысль, что человѣкъ съ начала долженъ умѣть заработать свое существованіе а затѣмъ уже сытый, можетъ начать учиться, какъ то проходила мимо сознанія этихъ неудачниковъ, совершенно къ этому выводу не подготовленныхъ, и, считая себя жертвами общественнаго индифферентизма, они начинали ненавидѣть все общество, казавшееся имъ повиннымъ во всѣхъ ихъ бѣдахъ и неудачахъ.

На этомъ озлобленіи обездоленныхъ играть такимъ дѣльцамъ, какъ Свиридовъ, было легко.

Этого пошиба студенты его и окружали. Ишутинъ, Ермоловъ, Юрасовъ, Николаевъ и многіе другіе, въ послѣдствіи оказавшіеся соучастниками Каракозова и по этому дѣлу осужденные, были креатурами Свиридова.

Каждый изъ нихъ, не умѣя самъ оцѣнить ни фактовъ, ни идей, хватался за первые попавшіе подъ руку литературные образы и утрируя ихъ до послѣдней возможности, представлялъ собою нѣчто изумительное.

Но и среди нихъ, особенно типичными являлись Ишутинъ и Николаевъ.

Ишутинъ—болѣе мрачный и озлобленный, не столько человѣконенавистникъ, какимъ онъ хотѣлъ казаться, сколько въ сущности завистникъ, человѣкъ въ высшей степени скудно одаренный и нравственно и физически, онъ страстно мечталъ о популярности, безразлично отъ того, какимъ бы путемъ она достигнута ни была.

Дѣлая видъ, что женщины для него не существуютъ, онъ втайнѣ лѣлеялъ мечту, что вотъ-вотъ побѣжденные

его грубым обликомъ, самыя красивыя женщины преклонялись передъ нимъ и бросались ему на шею.

Иной формы любви, какъ поклоненіе, онъ не понималъ, потому что во всякую минуту самъ былъ готовъ повергнуться въ прахъ передъ богиней, которая подала бы ему хоть тѣнь надежды.

Но такъ какъ онъ самъ заглядывался на самыхъ красивыхъ женщинъ, у которыхъ поклонниковъ было много и безъ него, среди которыхъ чумазый Ишутинъ казался карикатурой, то у такихъ женщинъ конечно не оставалось ни времени, ни охоты бросать ему лучъ надежды хотя бы въ шутку.

А чего только онъ не предпринималъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь обратить на себя вниманіе. Очень некрасивый, прыщавый, съ рѣдкою растительностью на лицѣ, онъ и самъ сознавалъ всю непривлекательность своей внѣшности и, не обладая никакими иными достоинствами, надѣялся обратить на себя вниманіе хоть оригинальностью.

Но и для этого были необходимы какія-нибудь данныя и за отсутствіемъ ихъ онъ и остановился на мысли использовать то, что у него было налицо.

Сынъ не то псаломщика, не то сельскаго дьячка, онъ тщательно скрывая это свое происхожденіе, выдвигалъ впередъ свое почетное гражданство, и будучи очень бѣденъ (что главнымъ образомъ и было источникомъ его глубокой ненависти къ богатымъ, съ которыми однако онъ ни на минуту не задумался бы номѣняться положеніемъ), работая въ одной изъ переплетныхъ коммунъ, съ большимъ трудомъ вырабатывая то, что было необходимо для того, чтобы не умереть съ голоду. Такимъ образомъ тратить что либо на платье онъ не имѣлъ возможности.

Весь его гардеробъ состоялъ изъ болотныхъ сапогъ, заношенныхъ триковыхъ брюкъ, двухъ синихъ рубахъ и нагольнаго тулупа. Это было все, чѣмъ снабдила его

захудалая семья, отправляя его въ Москву учиться въ университетъ. А уже о своемъ прокормленіи ему предоставлялось позаботиться самому.

Понятно, что являясь въ гости въ своихъ синихъ за-тасканныхъ рубахахъ и болотныхъ сапогахъ, онъ ничего оригинальнаго изъ себя не представлялъ. Въ то время въ университетѣ была уже масса бѣдняковъ, одѣтыхъ не лучше его, но у нихъ были хоть рваныя пальтишки, а у него былъ только нагольный тулупъ и вотъ съ его то помощью онъ и рѣшилъ пооригинальничать. Желая всѣхъ увѣрить, что, не смотря на свое почетное гражданство, онъ не желаетъ ничѣмъ отличаться отъ мужика, онъ и сталъ щеголять своимъ тулупомъ.

Однако, съ первыхъ же дней онъ убѣдился, что на улицѣ его тулупъ не производитъ никакой сенсаци, тѣмъ болѣе что съ его неказистымъ видомъ никто на улицѣ его за студента не принималъ, а всѣ принимали его за черно-рабочаго и равнодушно проходили мимо, не оцѣнивъ его подвига въ пользу равенства.

Для того, чтобы кто-нибудь изъ постороннихъ сообразилъ, что это студентъ, не желающій, по принципу, отличаться отъ мужика, Ишутину приходилось останавливаться на улицѣ или съ товарищемъ или съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ и шумно бесѣдовать о вопросахъ высшаго порядка, но товарищамъ въ большинствѣ случаевъ было и не интересно, да и некогда слушать его разглагольствованія и они спѣшили отъ него отдѣлаться, а одинъ изъ нихъ, наиболѣе жестокой, даже рассказалъ въ довольно многочисленномъ обществѣ, въ присутствіи самаго Ишутина, какъ въ это утро одинъ изъ прохожихъ, услыхавъ его шумную бесѣду, совершенно добродушно замѣтилъ: „ишь ты, чумазый, туда же“.

Убѣдившись, что этимъ путемъ никакой популярности не добьешься, а на зубы къ зубоскалу того и гляди попадешь, Ишутинъ рѣшился на героическое средство и при-

ходя въ гости, сталъ появляться въ своемъ тулупѣ въ комнатахъ, жалуясь на то, что страдаетъ постояннымъ ознобомъ.

Конечно, этому его измышленію никто не вѣрилъ, всякій считалъ это за мальчишество, но все таки всѣ щадили бо-лѣзненное самолюбіе и безъ того затравленного безъисходной нуждой юноши и дѣлали видъ, что ему вѣрятъ. Въ то время люди дѣйствительно были гуманны, и чтобы его не обижать, его знакомые терпѣливо выносили вонь нагольного тулупа, въ которомъ часами прѣлъ этотъ добровольный мученикъ идеи равенства.

Правда молодымъ дѣвушкамъ, въ присутствіи которыхъ, въ надеждѣ произвести впечатлѣніе, онъ особенно настойчиво старался развивать свою немудрую философію отрицанія всего, чего у него не было, приходила иногда шальная мысль его помучить. И когда онъ въ своемъ тулупѣ появился въ нашей коммунѣ, мы уже, предупрежденные о такой его странности, иногда, когда онъ особенно намъ надоѣдалъ, потихоньку открывали въ сосѣдней комнатѣ духовой отдушникъ, отчего въ 15—20 минутъ температура въ нашей квартирѣ накаливалась, усугубляя его тулупныя мученія и ему то и дѣло приходилось выходить на парадную лѣстницу, чтобы хоть крошечку освѣжиться.

Пытался онъ было проявить и другого рода мужичество, то есть сморкаться въ руку, но по этому поводу ему было категорически заявлено, что мы этимъ брезгуемъ и руки подавать не будемъ, а если онъ позволитъ себѣ это сдѣлать въ комнатѣ, то ни одна изъ насъ, кромѣ діаконицъ, считавшихъ это со стороны „кавалера“ въ порядкѣ вещей, въ эту комнату не войдетъ. А такъ какъ діаконицы были не особенно привлекательны, то онъ эту свою привычку и оставилъ для другого общества. Таковъ былъ Ишутинъ.

Другой изъ спутниковъ Свиридова, студентъ Николаевъ, тоже, какъ и Ишутинъ, впоследствии осужденный по Караковскому дѣлу, являлъ собою рѣзкую противоположность

Ишутину. Ни человѣконенавистничества, ни озлобленія въ немъ не было; наоборотъ, это былъ человѣкъ въ высшей степени жизнерадостный, но и до послѣдней степени безпринципный. Это былъ типичный хулиганъ, не имѣвшій понятія ни о добрѣ, ни о злѣ и одного удалства ради онъ могъ пойти на всякое злое дѣло. Это не былъ опоэтизированный Костомаровымъ „Стенька Разинъ“, это былъ тотъ удалъ-молодецъ, которыхъ знавала старая Русь. Родись онъ двумя-тремя поколѣніями раньше, онъ явилъ бы собою довольно распространенный тогда типъ помѣщиковъ-разбойниковъ, которые являлись грозой для сосѣдей, не смѣвшихъ реагировать ни на какія ихъ обиды, такъ какъ ни передъ какими насиліями такіе господа не останавливались, начиная отъ захватовъ и поджоговъ и кончая травлей своими псами. Никакой узды на такихъ помѣщиковъ тогда не было, потому что мѣстное начальство, исправники и становые, сами ихъ боялись, зная, что расправа у нихъ коротка, а жалобы въ судъ были бесполезны, потому что задаренные или запуганные судьи имъ мирволили.

Достигнувъ юношескаго возраста въ 60-хъ годахъ, Николаевъ случайно попалъ на иной путь и поступивъ въ университетъ, опять таки изъ удалства примкнулъ къ революціонной партіи и принялъ на себя, какъ и слѣдовало ожидать отъ такого безпринципнаго малаго, самую грязную роль въ этомъ дѣлѣ, заключающуюся въ томъ, чтобы убѣдить несовершеннолѣтняго Виктора Федосѣева отравить собственного отца для того, чтобы завладѣть его средствами въ пользу партіи.

И эту свою миссію Николаевъ выполнилъ вполне удачно, и если этого отравленія старика Федосѣева не совершилось, то только случайно, потому что выполнить это страшное дѣло, уже вполне подготовленное, было рѣшено въ обѣдъ, а утромъ и Федосѣевъ и его менторъ Николаевъ были совершенно неожиданно арестованы, какъ члены той же ор-

ганизации, къ которой принадлежалъ и Каракозовъ, только что совершившій свое гнусное покушеніе на государя и, не предупредившій ихъ о своемъ намѣреніи, благодаря чему они попались врасплохъ.

Въ женскомъ обществѣ этотъ Николаевъ совершенно былъ нетерпимъ. Не только оставаться съ нимъ въ комнатѣ съ глазу на глазъ было рискованно, но и на улицѣ, если она было безлюдна, было опасно.

Ему ничего не стоило сказать при женщинѣ всякую сальность, обнять ее, даже поцѣловать, если онъ находилъ ее миловидной, а ея гнѣвъ и чувство обиды казались ему только смѣшными.

Въ присутствіи другихъ мужчинъ онъ себѣ этого конечно не позволялъ, зная, что всякій даже незнакомый мужчина вступится за оскорбленную женщину, а онъ, не смотря на свое атлетическое тѣлосложеніе, былъ трусъ и рисковалъ обижать только слабыхъ.

Таковъ былъ Николаевъ. Третій изъ постоянныхъ спутниковъ Свиридова, былъ Шагановъ, въ то время уже кончившій университетъ и исполнявшій должность судебного слѣдователя. Онъ ничего общаго съ двумя первыми не имѣлъ. Тихій, скромный, застѣнчивый, очень благовоспитанный, но совершенно безвольный, онъ безпрекословно подчинялся всякому натиску, и безапелляціонно вѣрилъ въ искренность другихъ, не допуская и мысли, что кто нибудь можетъ горячо проповѣдывать то, во что самъ не вѣритъ.

Свиридовъ гипнотизировалъ безграничностью своихъ замысловъ и Шагановъ вѣрилъ въ него какъ въ Бога и даже когда тотъ, бросивъ своихъ соучастниковъ, въ ожиданіи того, что предстояло совершить Каракозову, скрылся за границу, Шагановъ продолжалъ вѣрить, что это такъ и нужно, чтобы слабые расплатились за грѣхи сильныхъ, а тѣ продолжали бы свою дѣятельность, подставляя за себя чужія головы.

Къ счастью для него это сознаніе дало ему силу отнестись равнодушно къ тому, что его постигло.

Другія фигуры, окружавшія Свиридова, были менѣе типичны и по большей части представляли зеленую молодежь, очень неуравновѣшанную и до послѣдней возможности распропагандированную. Тутъ были Ермоловъ, Юрасовъ, Странденъ и Ивановъ, такъ же какъ и Ишутинъ—члены мужской переплетной коммуны, тоже осужденные впослѣдствіи по дѣлу Каракозова; было много и другихъ счастливо избѣжавшихъ этой тяжелой участи.

Всѣ эти молодые люди стали обычными посѣтителями нашей коммуны и примкнувъ къ учрежденному нами обществу взаимопомощи и широко его распространяя, съ каждымъ днемъ приобрѣтали въ немъ все большее количество единомышленниковъ и стали уже недвусмысленно намекать на то, что необходимо его превратить въ политическую организацію.

Противъ этого мы, учредительницы этого общества, горячо протестовали, находя, что теперь, когда всѣ наилучшія реформы, способныя осчастливить разумную часть человечества, исходятъ отъ самого правительства, далеко опережающаго и проводящаго въ жизнь все то, чего огромное большинство общества въ достаточной мѣрѣ еще даже не успѣло осмыслить и оцѣнить, реагировать противъ этого правительства было бы не только не благодарно, но и преступно. Преступно потому, что неизбежно должно было вызвать реакцію и свести на смарку все то, что было уже достигнуто и вошло въ жизнь.

Намъ это было больно въ особенности потому, что мы уже имѣли разрѣшеніе съ осени этого года открыть бесплатную школу на 200 человѣкъ и денегъ на оборудованіе этой школы было уже собрано около тысячи рублей.

И эти наши опасенія не заставили себя дожидаться, реакція наступила раньше, чѣмъ этого можно было ожидать,

а въ итогѣ этого получилось то, что моральное развитіе общества не только за эти полвѣка не двинулось впередъ, а, наоборотъ, подалось настолько назадъ, что едва ли мы вернемся къ тому, что уже имѣло мѣсто въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія.

Шагъ на сто лѣтъ назадъ—это ли не ужасъ? Но продолжая дальше.

Къ февралю мѣсяцу того же 1865 г. число членовъ нашего общества уже достигло 600 человѣкъ, а противниковъ превращенія его въ политическую организацію мы насчитывали едва 60 человѣкъ и поэтому, когда вопросъ этотъ былъ поднятъ и рѣшенъ согласно желанію большинства, намъ пришлось отъ дальнѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ отказаться и нашей коммуны въ силу этого пришлось прекратить свое существованіе.

Къ этому времени наша младшая сожительница заболѣла тяжело и положенная въ больницу тамъ послѣ Пасхи умерла.

Изъ остальныхъ я первая оставила работу въ типографіи, такъ какъ безъ коммуны работа въ ней не представляла для меня никакого интереса, и я предпочла взять мѣсто конторщицы въ меблированныхъ комнатахъ, которое оплачивалось лучше.

Остальныя хотя и продолжали работать въ типографіи, но переѣхали на другія квартиры, діаконицы поселились отдѣльно, а Шимботъ и Горская вмѣстѣ.

Въ маѣ Горская вышла замужъ за двоюроднаго брата Шимботъ, Магера, а Шимботъ сильно заболѣла и такимъ образомъ и онѣ оставили типографію.

Магеръ былъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, но служить не желалъ и, увлекаясь социальными идеями, рѣшилъ открыть въ Москвѣ столовую, въ которой не было бы слугъ, а были бы хозяева и ихъ гости, которыхъ они брались сытно и вкусно кормить.

Въ эту то столовую они и рѣшили привлечь и меня и я съ удовольствіемъ бросила контору, механическая работа въ которой, состоящая изъ переписыванія счетовъ въ книгу, доводила меня до одурѣнія, и я поспѣшила принять предложеніе своихъ бывшихъ сослуживицъ.

Обѣдать въ эту столовую ходили исключительно тѣ 60 человѣкъ, которые бывали у насъ и въ коммуны и не пожелали мѣнять общества взаимопомощи на политическую организацію и мы продолжали это свое дѣло, не примѣшивая къ нему политики.

Разрѣшеніе же на школу осталось за тою организаціей, не желавшей разстаться съ собранными на нее деньгами.

Однако Свиридову видимо не особенно нравилось то обстоятельство, что мы, отложившись отъ ихъ компаніи, ничего отъ этого не теряемъ, а ведемъ свою особую линію. Но такъ какъ Магера, человѣка уже не молодого, а слѣдовательно и его жену они переубѣдить не надѣялись, то ихъ усилія и были направлены на то, чтобы вернуть на путь истины меня.

Эта миссія и была возложена съ одной стороны на Телскую, съ другой—на Ишутину. И та и другой продолжали бывать у меня и въ столовой Магера, и потомъ, когда, заваленная сенатскою перепиской, съ осени 1865 г. уже вынуждена была переселиться въ Кокоревскую гостиницу, такъ какъ ни на какое другое дѣло у меня уже не оставалось времени, а на этой перепискѣ я уже твердо рѣшила создать свое независимое ни отъ кого трудовое будущее.

И такъ, и Т—ская и Ишутинъ, продолжая у меня бывать, всѣ свои усилія напрягали на то, чтобы убѣдить меня, что правильное социальное устройство низшихъ общественныхъ классовъ безъ политическаго переворота немыслимо, что мой уходъ изъ типографіи—это уже измѣна прежнимъ убѣжденіямъ и наивно полагали, что передъ названіемъ ренегата дрогнетъ мое молодое сердце.

Они и не подозревали, до какой степени оно закалено. Мнѣ, выращенной людьми несравненно болѣе ихъ культурными, конечно, всѣ эти ихъ убѣжденія казались наивно дѣтскимъ, не вполне осмысленнымъ бредомъ. Я знала, что никакой переворотъ по шучьему велѣнію не сдѣлаетъ общественной массы счастливѣе. Что до этого она должна дорости, вооружаемая знаніями и лишь тогда, сильная своею работоспособностью, она уже и сама, безъ помощи всякихъ политическихъ переворотовъ, сумѣетъ диктовать свои условія работодателямъ и безъ всякаго напраснаго шума и безпокойства добиться социальнаго благосостоянія. И чѣмъ меньше всякихъ рукъ, среди которыхъ могутъ быть и нечистоплотныя, будутъ тянуться къ власти, тѣмъ полнѣе и раціональнѣе она воспользуется этимъ, добытымъ трудами своихъ рукъ, благосостояніемъ и для себя и для своего потомства.

Вотъ это мое credo, которому я осталась вѣрна и по сейчасъ на протяженіи всѣхъ 50 лѣтъ, и которое, къ слову сказать, именно теперь довольно прочно усваивается и проводится въ жизнь нѣмецкими и французскими социалистами, я и противопоставляла ихъ убѣжденіямъ и ихъ страшныя слова ни мало меня не пугали.

Это наше разномысліе однако не создавало между нами вражды. Въ тѣ чистыя и дѣйствительно культурныя времена люди умѣли уважать и свободу личности и свободу совѣсти. И либералами одинаково признавались всѣ, кто только жаждалъ движенія впередъ, и славянофилы, и націоналисты, и западники, и чистые социалисты и анархисты,—вѣдь, всѣ они преслѣдовали одни и тѣ же идеалы, движеніе впередъ и равноправіе, и расходились лишь въ способахъ достиженія этихъ идеаловъ.

А консерваторами считались тѣ, кто тяготѣлъ къ старинѣ и съ недовѣріемъ относился къ обновляющему началу.

Но и это не мѣшало тѣмъ и другимъ оставаться меж-

ду собою въ наилучшихъ отношеніяхъ. Всѣмъ было понятно, что старики тяготеютъ къ прошлому и любовно о немъ вспоминаютъ, потому что тогда они сами были молоды, были полны жизни и энергіи и отъ того, что имъ было хорошо имъ и кажется, что было лучше и другимъ, и молодымъ это ни мало не мѣшало стремиться неудержимо впередъ, каждому со своимъ лозунгомъ, и вносить въ общественную жизнь частицу своего личнаго я. Такимъ образомъ для человѣконенавистничества не было почвы.

Поэтому и визиты Тел—ской и Ишутина ко мнѣ продолжались. Однако Свиридовъ, строго слѣдя за Тел—скою, до того времени бывшею его безотвѣтною рабой, скоро замѣтилъ, что мои дебаты съ нею производятъ на нее глубокое впечатлѣніе и у нея стали проявляться попытки критически относиться къ тому, что вокругъ нея дѣлалось и говорилось. И этого было совершенно достаточно, чтобы воспретить ей всякое со мною общеніе.

А Ишутинъ, продолжая у меня бывать вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами мужскихъ коммунъ, продолжалъ ихъ увѣрять, что онъ не теряетъ надежды на мой возвратъ въ то общество, учредительницей котораго я была, и которое они уже успѣли переименовать изъ „общества взаимопомощи“ въ „политическую организацію“.

Правда всѣми перепетіями въ жизни того общества я глубоко интересовалась. Вѣдь, намъ предстояло осенью открыть ту школу, мысль о которой взлелѣяли я и Шимботъ и намъ, конечно, было интересно, въ какой формѣ эта школа осуществится.

Но все-таки Ишутинъ отлично зналъ, что никакой надежды на мой возвратъ на тотъ берегъ нѣтъ, и влекла его къ намъ не эта надежда, а совершенно побочное обстоятельство.

Дѣло въ томъ, что въ Кокоревской гостиницѣ я поселилась не одна, а со своею старшею сестрой, уже бросившей свой пансіонъ въ Рыбинскѣ.

А такъ какъ мужу ея эту зиму по своимъ дѣламъ предстояло провести на Кавказѣ, то она и поселилась вмѣстѣ со мною въ Кокоревской гостинницѣ.

Ей было тогда 22 года и объ ея необычайной красотѣ трубила вся Москва. Дѣйствительно, несмотря на ея крошечный, почти дѣтскій ростъ, все въ ней было совершенно и дать точное представленіе объ ея красотѣ не могла и самая лучшая фотографія, такъ какъ она не могла возстановить ея дивнаго цвѣта кожи, уловить всѣхъ оттѣнковъ ея выразительнаго личика. Это дѣйствительно было дивное Божіе созданіе и даже много лѣтъ спустя, когда она, 44-хъ лѣтъ отъ роду, лежала въ гробу, надорвавшись на непосильной земской работѣ, смерть не осмѣлилась наложить на эту красоту свою руку и въ гробу она лежала такая же очаровательная, какою была и при жизни.

Покорила ея красота и Ишутина и чего-чего только онъ не предпринималъ, чтобы хоть на вершочекъ подрости въ ея вниманіи. Отсюда до извѣстной степени и вытекало его стремленіе лѣзть въ герои, въ послѣдствіи погубившее не только его, но и многихъ изъ его товарищей.

Ее же его наивныя выходки забавляли, и она относилась къ нему снисходительно, шутливо. А онъ, не умѣя учесть той разницы, которая была между нимъ и нами, вслѣдствіе разницы воспитанія, и принимая во вниманіе ея доброе къ нему отношеніе, питалъ несбыточныя надежды и гонялся за славой, готовый купить ее хотя бы цѣною жизни.

Будь онъ человѣкомъ болѣе культурнымъ, онъ вѣроятно этой славы и сумѣлъ бы добиться. Какъ ни широко шагала тогда наука, но все же въ ней не было ни единой области, которую при упорной настойчивости нельзя бы было еще и еще двинуть впередъ.

Но въ томъ то и заключалась трагедія, что такимъ мелкимъ людямъ, сѣренькимъ недоучкамъ, наука была еще не по плечу. Горизонты ихъ были до убожества узки, а наука

требовала не только упорнаго труда, но и извѣстной степени уметвеннаго развитія. Проще и легче людямъ этого типа было прикрываться бутафоріей и подъ флагомъ политической дѣятельности выжидать, не подвернется-ли гдѣ кусъ послаще. А не ровень часъ, попасть и въ герои.

Осенью того же 1865 г. компаніей, оттѣснившей насъ отъ „общества взаимопомощи“ и переименовавшей его въ „политическую организацію“, была, наконецъ, открыта и школа, разрѣшенная на имя кандидата филологическихъ наукъ П. А. Мусатовскаго.

Мусатовскій кончилъ университетъ въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ. Это былъ типичный ученый, прекрасный лингвистъ, мечтавшій отдать свою жизнь любимой наукѣ и совершенный младенецъ въ жизни. Застѣнчивый и робкій, онъ всякому вѣрилъ на слово, не допускалъ и мысли, что люди сознательно могутъ совершать зло, и совершенно не умѣлъ бороться и отстаивать сви интересы.

Онъ отдалъ свой дипломъ „обществу взаимопомощи“ и хотя ни онъ, ни его ближайшіе товарищи къ новой организаціи того общества не примкнули, онъ все же оставилъ свой дипломъ въ рукахъ членовъ этой организаціи, боясь оскорбить ихъ проявленіемъ недовѣрія, и утѣшалъ себя надеждой, что авось они его не подведутъ.

Много народу въ то время поплатилось за свою деликатность по отношенію къ этому кружку, и одною изъ первыхъ ихъ жертвъ оказался именно Мусатовскій, расплатившійся за свое довѣріе цѣною всей своей будущности.

Школа, открытая на его имя, была поставлена изъ рукъ вонъ плохо. Въ нее должны были быть приняты 200 бесплатныхъ учениковъ, но не смотря на то, что на ея нужды была уже собрана порядочная сумма, обставлена она была большо чѣмъ скудно и порядки въ ней были установлены совершенно нетерпимые.

Учительствовать въ этой школѣ взялись сожители Ишутина, Юрасовъ, Странденъ и Ермоловъ, которые и принимали родителей, являвшихся отдавать своихъ дѣтей въ школу, въ одномъ нижнемъ грязномъ бѣльѣ, съ трубками въ зубахъ. Такая безцеремонность возмущала приходившихъ туда женщинъ и многихъ изъ нихъ уже одно это побуждало отказываться отъ помѣщенія туда своихъ дѣтей.

Внутреннее содержаніе школы было не лучше ея внѣшней обстановки, такъ какъ дѣтей не столько учили, сколько старались ихъ распропагандировать, внушая имъ неуваженіе и нелюбовь къ старшимъ, къ близкимъ и къ церкви. Имъ рассказывали скабрзные анекдоты, издѣвались въ ихъ присутствіи надъ ихъ родными и чтобы поколебать въ ихъ глазахъ авторитетъ власти, имъ задавались такіа ариѳметическіа задачи: ребенка 8—10 лѣтъ спрашивали, что больше единица или 60 милліоновъ, и когда онъ съ увѣренностью отвѣчалъ, что больше 60 милліоновъ, надъ нимъ смѣялись и поясняли, что въ Россіи единица больше, такъ какъ одинъ царь можетъ сдѣлать все, что захочетъ, со всѣмъ 60-ти милліоннымъ населеніемъ.

Но и при такихъ условіяхъ школа все таки влачила свое существованіе, пока наконецъ ея учредителямъ не пришла блажная мысль употребить деньги, собранныя на школу, совсѣмъ на другое предпріятіе.

Къ новому году они рѣшили открыть фабрику на соціальныхъ началахъ, съ тѣмъ чтобы всякій рабочій былъ равноправнымъ пайщикомъ въ дѣлѣ.

Мысль конечно прекрасная, и если бы она могла осуществиться безъ примѣси къ ней какихъ бы то ни было политическихъ тенденцій, то ничего лучшаго нельзя было бы и желать.

Но для осуществленія такой золотой мечты прежде всего были необходимы средства и средства большія, у нихъ же были только одни мечты и никакихъ реальныхъ надеждъ.

Правда, одинъ изъ ихъ компаніи, Николаевъ, весьма прозрачно имъ намекалъ, что деньги будутъ, но когда они будутъ, онъ съ достовѣрностью поручиться не могъ, и откуда они явятся, онъ до поры до времени объяснять не желалъ, говорилъ только, что въ этомъ направленіи онъ работалъ и на успѣхъ надѣется.

И вотъ, въ ожиданіи этихъ благъ, они и рѣшили прискивать фабрику, которую имъ сдали бы въ аренду. Эти ихъ поиски заключались въ томъ, что на собранныя для школы деньги они нанимали по двѣ, по три и болѣе троекъ, брали нѣсколько корзинъ пива и компаніями въ 10—15 человѣкъ рыскали по окрестностямъ Москвы, ничего, конечно, не находя.

Въ концѣ концовъ фабрика такъ найдена и не была, а школьныа деньги были истрачены и вести ее безъ денегъ не хватало ни желанія, ни энергіи.

Предвидя, что гибель школы, которая, влеча самое жалкое существованіе, уже приближалась къ естественному концу, окончательно дискредитируетъ всю политическую организацію, Ишутинъ рѣшилъ внести въ нее болѣе рѣшительные коррективы и превратить эту организацію въ чисто революціонное общество подъ громкимъ названіемъ „Аду“.

Однако на этотъ разъ у него оказалось очень мало единомышленниковъ. И кромѣ него къ этой новой организаціи согласились примкнуть только четверо, Каракозовъ, Юрасовъ, Странденъ и несовершеннолѣтній Ермоловъ.

Но и изъ нихъ главную задачу этой организаціи—цареубійство одобрилъ только одинъ Каракозовъ, остальные противъ этого горячо протестовали.

Были въ этотъ замыселъ посвящены и другіе: Загибальовъ, Шагановъ, Николаевъ и несовершеннолѣтній вольноотпущенный дворовый человѣкъ Мотковъ, но они къ этому замыслу отнеслись критически и къ „Аду“ не примкнули.

Такимъ образомъ, за совершение этого преступленія были только Каракозовъ и Ишутинъ и то больше потому, что этимъ сѣрымъ, забитымъ нуждою и безталаннымъ людямъ, особенно жаждавшимъ яркихъ впечатлѣній, такой неожиданный для всѣхъ выпадъ казался эффектнымъ.

Весьма возможно, что не будь Каракозова, Ишутинъ никогда бы не привелъ этого замысла въ исполненіе и удовлетворился бы тѣмъ, что много бы по этому поводу наболталъ, нарядившись въ новую тогу злодѣя.

Но Каракозовъ былъ и сѣрѣе и еще озлобленнѣе Ишутина; онъ хотя кое какъ и переползъ изъ бурсы въ университетъ, учиться положительно не могъ и не умѣя по своей неразвитости ни къ чему приспособиться, перекочевывалъ изъ одного университета въ другой, нигдѣ по долгу не уживаясь. Не перейдя на третій курсъ, онъ успѣлъ побывать сначала въ Московскомъ, затѣмъ въ Петербургскомъ, Казанскомъ и, наконецъ, опять въ Московскомъ университетѣ и всюду его угнетала все та же беспросвѣтная, унижительная нужда. Это и дѣлало его человѣконенавистникомъ, всегда готовымъ на всякое злое дѣло, въ отместку за всѣ свои неудачи.

Ишутину же собственно была нужна обстановка крупнаго революціоннаго кружка, въ которомъ онъ надѣялся играть главенствующую роль, полагая, что хоть это подниметъ его шансы тамъ, гдѣ этого ему особенно хотѣлось. И потому онъ упорно отъ насъ скрывалъ, что члены организациі примкнуть къ „Аду“ не желаютъ, и что даже Шагановъ, этотъ мягкій и довѣрчивѣйшій изъ людей, будучи посвященъ въ его замыселъ, отнесся къ нему не только отрицательно, но и явно неодобрительно.

И вотъ онъ сталъ усердно просить мою сестру посѣтить этотъ „Адъ“, увѣряя ее, что одинъ вечеръ, проведенный въ этомъ кружкѣ, заставитъ ее проникнуться ихъ вѣроученіемъ и сдѣлаться горячей ихъ послѣдовательницей.

Зная, что положительный отказъ очень его огорчитъ, она долго отговаривалась недосугомъ, такъ какъ въ свободное отъ своихъ занятій время помогала мнѣ работать.

Но какъ ни были мы заняты, все же Ишутину было хорошо извѣстно, что у другихъ своихъ знакомыхъ сестра моя бываетъ довольно часто и въ концѣ концовъ онъ таки добился, что она дала ему согласіе посѣтить „Адъ“, въ которомъ Ишутинъ чувствовалъ себя Люциферомъ.

Конечно, въ назначенный имъ день и часъ она отправилась туда не одна, а съ д-ромъ Виноградовымъ, который хотя и не участвовалъ ни въ одной изъ перечисленныхъ мною организацій, походившихъ одна на другую, но принадлежала къ тому кружку, въ которомъ вращался и Мусатовскій, то есть къ кружку кавказскихъ, кажется, ставропольскихъ семинаристовъ, пользовался во всѣхъ этихъ кружкахъ, не исключая и „Ада“, огромнымъ авторитетомъ и уваженіемъ, хотя и не былъ такимъ вожакомъ, какъ Свиридовъ.

Поѣхала она туда не одна, боясь какой нибудь глупой выходки со стороны „адскихъ обитателей“, и эта ея предусмотрительность, къ слову сказать, для нея совершенно необычная, оказалась какъ нельзя болѣе кстати.

Помѣщался этотъ „Адъ“ въ Сытинскомъ тупикѣ въ д. Чебышева, который и въ тѣ времена, среди незатѣйливыхъ московскихъ построекъ, считался трущобой, сверху до низу наполненной мелкими квартирами, въ которыхъ ютилось самое бѣдное московское студенчество. Одна изъ такихъ квартиръ въ 3-мъ этажѣ и была снята подъ мужскую переплетную коммуны, въ которой работалъ и Ишутинъ и она же была резиденціей и „Ада“.

Подъѣзжая къ этому дому и сестра и ея спутникъ отлично видѣли стоявшаго у окна Ишутина, видимо поджидавшаго ихъ приѣзда.

Въ то время освѣщенные лѣстницы и въ хорошихъ домахъ составляли большую рѣдкость, а въ домахъ, наполненныхъ мелкими жильцами, это показалось бы непростительною роскошью.

И вотъ, расплатившись съ извозчикомъ и отворивъ дверь, выходившую на улицу, сестра моя остановилась въ ожиданіи, пока ея спутникъ зажжетъ спичку и освѣтитъ лѣстницу.

Скрипъ отворившейся двери съ подвѣшеннымъ къ ней вмѣсто блока кирпичемъ, обернутымъ въ тряпку, видимо былъ сигналомъ къ началу представленія. И не успѣла вспыхнуть спичка въ рукахъ д-ра, какъ съ верхней площадки лѣстницы съ грохотомъ посыпалась въ пространство между лѣстницами гряда кирпичей, однако предусмотрительно направленная такъ, чтобы идущихъ по лѣстницѣ эта грохочущая лавина не задѣла.

Но для сестры и ея спутника и этого было довольно. Возмущенные такимъ мальчишествомъ, видимо бившимъ на эффектъ, и не желая встрѣтиться съ новыми, еще болѣе неожиданными, сюрпризами, они дальше въ „Адъ“ уже не пошли и на томъ же извозикѣ вернулись домой.

Это было полной неожиданностью для Ишутина. Убѣдившись, что сестра уѣхала обратно, онъ не стерпѣлъ и прибѣжалъ самъ, будто бы узнать, почему она не приѣхала.

Ужъ и отчиталъ же его д-ръ, доставившій сестру домой и оставшійся у насъ пить чай. Тщетно Ишутинъ клялся, что это случилось совсѣмъ неожиданно, такъ какъ одному товарищу почему то пришла шальная мысль, что это идутъ сыщики, почему они и встрѣтили ихъ такой пальбой, но что онъ сумѣлъ бы оградить ее отъ всякой опасности.

Но на этотъ разъ и сестра и д-ръ были неумолимы и долго и строго ему внушали, что если предвидѣлась такая встрѣча, то онъ не имѣлъ права приглашать ее въ такое мѣсто, гдѣ это было возможно. И въ концѣ концовъ сестра

твердо ему заявила, что его „адамъ“ она настолько не интересуется, чтобы рисковать встрѣчей съ сыщиками, каковая встрѣча ей ни мало не страшна, но для нея неприлична, и что больше она туда не пойдетъ. Трудно передать, какъ это заявленіе огорчило Ишутину. Но намъ такое ломанье уже надоѣло и мы дали ему это понять.

А на другой день къ намъ пришелъ одинъ изъ его сожителей и со смѣхомъ рассказалъ, что сестрѣ готовились еще и не такія испытанія. Что дѣйствительно предполагалось инсценировать появленіе въ квартирѣ сыщиковъ и чтобы избавить гостью отъ встрѣчи съ ними, ее предполагалось въ корзинѣ спеціально для этого приспособленной спустить въ окно. Это зимой то и при томъ изъ 3-го этажа. И затѣмъ далѣе рѣшено было по крышамъ сосѣднихъ сараевъ перетащить ее не въ Сытинскій переулокъ, куда выходитъ туникъ, а на Большую Бронную.

Конечно, ничего подобнаго она съ собою продѣлать не дала бы, скорѣе за попытку сдѣлать это она сама выцарапала бы своимъ непрошеннымъ спасителямъ глаза, а уже шуму надѣлала бы столько, что собрала бы дѣйствительную полицію со всего околотка. Да не допустилъ бы ничего подобнаго и бывший съ нею д-ръ, но уже одно то, что подобная глупость могла придти Ишутину въ голову, смѣшила насъ до слезъ и мы хохотали чуть не до истерики.

И когда послѣ этого Ишутинъ снова къ намъ явился, мы, уже не стѣсняясь присутствіемъ другихъ его товарищей, высмѣяли его безпощадно и онъ, разобиженный, пересталъ у насъ бывать.

Да намъ было уже и не до него. Это было время, когда вся культурная Россія какъ разъ переживала тотъ подъемъ моральныхъ силъ, который охватилъ все лучшее общество въ ожиданіи назрѣвавшей и уже надвигавшейся реформы суда.

ГЛАВА II.

Открытие новаго Суда.

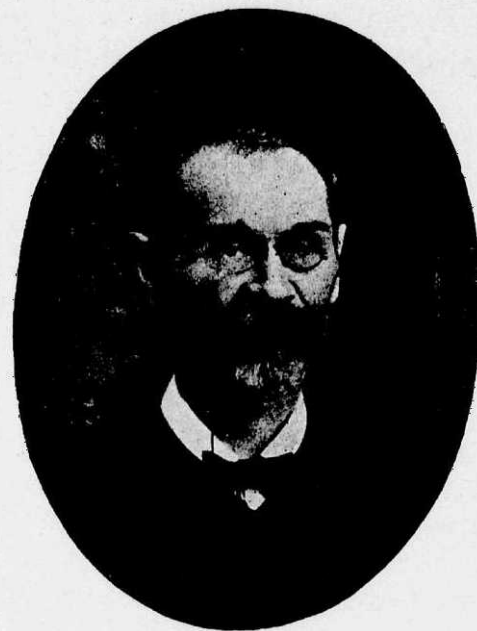
Наступалъ 1866 годъ. Старыя дореформенныя судебныя учрежденія съ Правительствующимъ Сенатомъ во главѣ спѣшно готовились уступить свое мѣсто новымъ судебнымъ учрежденіямъ: Окружному Суду и Судебной Палатѣ. Открытіе этихъ учреждений предстояло въ апрѣлѣ 1866 г., и отживающія своей вѣкъ учрежденія спѣшили, на сколько хватить силъ, закончить свою работу, которой однако еще далеко не предвидѣлось конца.

Безсильные собственными средствами справиться со всею этой работой, стоящіе во главѣ этихъ отживающихъ учреждений волей-неволей должны были обратиться къ частному труду и получили разрѣшеніе отдавать переписку въ частныя руки съ платою за таковую изъ средствъ казны по 5 коп. за листъ.

Теперь едва-ли кто повѣритъ, что такая плата могла существовать, но тогда, при сравнительной дешевизнѣ жизни, она не представлялась чудовищно дешевой и даже могла-бы составить серьезное подспорье для нищихъ тѣхъ-же учреждений, если-бы они хоть мало-мальски были трудоспособны. Но они менѣе всего желали работать, да и не тѣмъ они въ то время были заняты. Штатныхъ чиновниковъ среди нихъ было сравнительно очень мало; эти штатные чиновники, оставшись за штатомъ, еще могли кое-какъ перебиться до присканія новаго мѣста; большинство-же состояло изъ лицъ,

служащихъ по вольному найму, и, въ ожиданіи упраздненія учрежденія, они должны были прискивать себѣ новыя мѣста.

Не до работы было имъ теперь, и сенатскимъ секретарямъ пришлось на сторонѣ искать охотниковъ взяться за эту переписку, а такъ какъ за такую цѣну не льстилась

Э. Н. Сумбуль.

работать и учащаяся молодежь, то найти подходящаго работника было не такъ-то легко.

Вотъ тогда-то Э. Н. Сумбуль, состоявшій въ то время сенатскимъ секретаремъ и еще съ 1864 г. снабжавшій меня время отъ времени перепиской, указалъ на меня, какъ на хорошую переписчицу своимъ сослуживцамъ и поручился за мою аккуратность.

И вотъ съ предложеніемъ уже отъ всего 8-го гражданскаго департамента Сената брать казенную переписку явился ко мнѣ секретарь 8-го департамента Ф. Г. Соловьевъ. И такъ какъ ему пришлось сыграть крупную роль въ моемъ будущемъ, то на немъ я прежде всего и останавлиюсь.

Это былъ типичнѣйшій дѣятель дореформенныхъ судебныхъ учреждений, представитель того сорта людей, которыхъ мѣтко охарактеризовали ихъ современники названіемъ „дѣльцовъ“.

Кончивъ университетъ въ 1862 г., онъ не имѣлъ ничего общаго съ молодежью 60-хъ годовъ, благодаря тѣмъ тяжелымъ условіямъ, въ которыхъ онъ росъ и развивался.

Сынъ богатаго помѣщика М—ва и его крѣпостной дѣвушки, онъ выросъ въ дѣвичьей, съ пеленокъ приучаясь стыдиться своей матери и ненавидѣть своего отца и его законную семью, въ среду которой ему доступа не было, хотя никто въ домѣ не находилъ нужнымъ скрывать его происхождение.

Такое положеніе въ домѣ родного отца болѣзненно раздражало самолюбіе мальчика, и еще до достиженія школьнаго возраста всѣ его мечты сводились къ тому, чтобы добиться того барства, которымъ не желалъ подѣлиться съ нимъ его богатый отецъ. А идея этого барства въ его умѣ воплощалась въ богатствѣ, туеядствѣ и разгулѣ.

Желаніе во что-бы то ни стало добиться этихъ благъ породило у ребенка страстное желаніе поступить въ гимназію: вѣдь, тамъ до того времени учились только барчата, а теперь, какъ онъ слышалъ изъ разговоровъ старшихъ, доступъ туда открывался и для такихъ, какъ онъ, и возможность нарядиться въ гимназическій сюртучокъ уже казалась ему достиженіемъ мечты его о барствѣ. И съ наслажденіемъ мечталъ онъ о томъ, какъ, поступивъ въ гимназію, онъ, пріѣзжая къ матери, не станетъ узнавать своихъ дворовыхъ пріятелей.

Но и этой дѣтской мечтѣ не суждено было сбыться: его отецъ рѣшилъ, что для сына крѣпостной дѣвушки за глаза довольно и уѣзднаго училища, куда онъ своевременно и былъ помѣщенъ.

Этого простить отцу онъ уже не могъ и, окончивъ уѣздное училище, не вернулся къ матери, благо отецъ приписалъ его къ мѣщанскому обществу, а переселился въ Москву и, не теряя надежды добиться барства, пока-что поступилъ мальчикомъ въ книжный магазинъ Салаева.

Работая съ утра до ночи у Салаева и урывая часа два три отъ необходимаго ему отдыха, Соловьевъ сталъ упорно готовиться въ университетъ, дипломъ котораго являлся апофеозомъ его мечты, а ужъ съ нимъ онъ надѣялся получить и все остальное.

Какъ человѣкъ некультурный, онъ совершенно не заботился о томъ, что именно придется ему изучать въ университетѣ: онъ будетъ выучивать все то, что ему потребуется для сдачи экзамена, и добросовѣстно все выкинетъ изъ головы, какъ только его сдастъ.

Четыре года, работая у Салаева, онъ готовился къ вступительному экзамену въ университетъ, и въ концѣ-концовъ мальчикъ изъ книжной лавки превратился въ студента.

Это, однако, не улучшило его матеріальнаго положенія. Съ отцомъ все было порвано, а мать, еще продолжавшая оставаться крѣпостной, хотя и удѣляла ему кое-какія крохи, но онѣ были такъ ничтожны, что существовать на нихъ нечего было и думать. Приходилось самому заботиться не только о платѣ за ученіе, но и о пропитаніи.

Зная, что большинство студентовъ живетъ уроками, сталъ искать урока и онъ. Урокъ-то нашелся, но, къ ужасу своему, ему пришлось убѣдиться, что одно дѣло — самому какъ-нибудь приготовиться къ экзамену, другое дѣло — учить другихъ. На это знаній у него не хватало, и урокъ со стыдомъ пришлось бросить, такъ какъ ученикъ оказался гра-

мотиѣ учителя, что и не преминулъ подчеркнуть. Пришлось искать чего-нибудь другого.

На его счастье, его выручилъ каллиграфическій почеркъ, и, найдя урокъ чистописанія за 10 руб. въ мѣсяцъ, онъ, оборванный и голодный, курсъ за курсомъ проходилъ университетъ.

Ему, ничего въ жизни не знавшему, кромѣ погони за кускомъ хлѣба, и только и мечтавшему о сытомъ довольствѣ, чуждыми и непонятными, дѣтски-наивными до смѣшного казались идеалы его товарищей-однокурсниковъ, мечтавшихъ о безкорыстномъ трудѣ, о самопожертвованіи. Считая это дѣтскою блажью пресыщенныхъ барчатъ, онъ тѣмъ не менѣе страстно желалъ сближенія съ ними, но его, какъ человѣка очень не культурнаго, болѣе развитые товарищи сторонились. Онъ-же приписывалъ это тому, что онъ безыменный бѣднякъ, и, чувствуя надъ собою нравственное превосходство барчатъ, начиналъ ненавидѣть и ихъ, мечтая о томъ, какъ онъ, сдѣлавшись бариномъ и наживая деньги, заставить ихъ передъ собою преклониться.

Такимъ образомъ, барство и нажива являлись руководящими стимулами всей его послѣдующей дѣятельности. Но барство онъ, выдавшій его только со стороны, понималъ своеобразно. Его привлекала только показная его сторона,—красивая обстановка, красивые наряды, галантное обхождение, а подъ прикрытіемъ всего этого — безпечальное прожиганіе жизни. Идейная-же сторона барства его не интересовала, альтруистическіе идеалы казались ему блажью сытыхъ людей, и къ людямъ, проводившимъ ихъ въ жизнь, онъ относился даже подозрительно, не довѣряя ихъ безкорыстію и предполагая въ нихъ хитрецовъ, ловко скрывающихъ отъ другихъ думы о томъ, какую со-временемъ они извлекутъ изъ этого выгоду.

Другое дѣло — нажива. Тутъ все было для него ясно. Въ чье-либо безкорыстіе онъ не вѣрилъ и людей, не

сходившихся съ нимъ въ этомъ отношеніи, считалъ наивными глупцами.

Понятно, что, поступивъ съ такимъ нравственнымъ багажомъ по окончаніи университета въ Сенатъ, онъ тамъ пришелся какъ нельзя болѣе ко двору, по крайней мѣрѣ — аборигенамъ этого учрежденія, которымъ особенно было пріятно видѣть такого человѣка среди молодежи, которая уже относилась къ нимъ враждебно и, несмотря на свою малочисленность, вступила съ ними въ упорную борьбу.

И онъ умѣло воспользовался такимъ своимъ положеніемъ. Осенью 1862 г. онъ поступилъ въ Сенатъ въ качествѣ помощника секретаря, а въ началѣ 1866 г., еще будучи секретаремъ, не только переселилъ въ Москву свою мать и младшую сестру, но и выдалъ послѣднюю замужъ, давъ ей въ приданое 30 тыс. руб.

8-й департаментъ Сената, въ которомъ служилъ Соловьевъ, особенно торопился закончить свою работу, такъ какъ къ открытію новыхъ судебныхъ учреждений его предполагалось упразднить; два-же остальныхъ департамента, 6-й и 7-й, должны были еще продолжать нѣсколько лѣтъ свое существованіе, чтобы закончить всѣ дѣла, уже бывшія въ ихъ производствѣ.

Канцелярія 8-го департамента занимала то помѣщеніе, которое теперь составляетъ такъ-называемую Митрофаньевскую залу засѣданій, и ходъ въ нее былъ отъ Чудова монастыря, гдѣ теперь ходъ въ квартиру инспектора зданія, т.-е. прокурора московской судебной палаты.

Два другіе департамента помѣщались въ канцеляріи и кабинетахъ прокуратуры до овальной залы включительно, и ходъ къ нимъ составляли два крыльца, прямо съ Сенатской площади, находившіяся по обѣимъ сторонамъ воротъ, впоследствии совсѣмъ снесенныя и задѣланныя.

Квартирами въ то время въ подвальному этажъ зданія пользовались только сторожа, и еще долго по открытіи су-

дебныхъ учреждений инспекторъ зданія жилъ въ Охотномъ ряду, въ помѣщеніи, впоследствии перешедшемъ къ 3-му отдѣленію, нынѣ переименованному въ охранное. Смотритель зданія жилъ на Воздвиженкѣ, во флигелѣ дома, нынѣ занимаемаго Охотничьимъ клубомъ, а въ то время вмѣщавшаго въ себѣ Городскую Думу. Въ квартирѣ-же, нынѣ занятой инспекторомъ зданія, тогда помѣщался архивъ министерства юстиціи, а въ квартирѣ смотрителя зданія—спеціально сенатскій архивъ.

Приглашенная Соловьевымъ работать въ Сенатѣ и являясь пионеромъ женскаго свободнаго труда, я главнымъ образомъ и захватила всю канцелярскую работу 8-го департамента. Э. Н. Сумбулъ, какъ я уже говорила, и раньше давалъ мнѣ сенатскую работу, а онъ и въ Сенатѣ, тогда еще только будучи секретаремъ, уже пользовался такою же репутацией человека не только неподкупной честности, но и очень знающаго юриста, каковою онъ пользовался и въ послѣдствіи, всю жизнь состоя товарищемъ предсѣдателя суда въ одномъ изъ гражданскихъ отдѣленій, съ мнѣніемъ котораго, какъ съ авторитетомъ, всегда считались всѣ остальные судебные дѣятели. При его посредствѣ я заручилась работою и въ другихъ департаментахъ Сената и сразу заняла тамъ твердую позицію.

Секретари, которые особенно торопили своей работою, стыдились платить за нее казенныя 5 коп. и приплачивали съ листа еще по 5 коп. изъ собственнаго кармана, но за-то среди нихъ нашелся и такой, впоследствии перешедшій въ адвокатуру и всю жизнь проработавшій въ провинціи, который изъ назначеннымъ казною за листъ 5 коп. находилъ возможнымъ платить мнѣ по 1½ коп., а 3½ коп. удерживалъ въ свою пользу. Хорошо обезпеченная другою работою, я, конечно, могла-бы отъ этой работы и отказаться, но такъ какъ я поставила себѣ въ обязанность работать въ сутки не менѣе 14 часовъ, втече-

ніе которыхъ я писала 20 сенатскихъ листовъ, то, чтобы у меня не было промежутковъ въ работѣ, я брала и эту, условившись, что буду ее исполнять только тогда, когда у меня не будетъ другой работы.

Являясь съ написанными 20-ю листами ежедневно въ Сенатъ, я въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлалась тамъ своимъ человекомъ, считаясь какъ-бы сослуживцемъ.

Стоя теперь къ судебному міру близко, вращаясь среди сенатской молодежи, которая привозя намъ работу, спѣшила подѣлиться съ нами самыми свѣжими новостями, касавшимися предстоящей реформы, не чужды были этимъ переживаніямъ и мы, ожидая отъ реформы чего то необычайнаго, чему предстояло осѣнить весь міръ.

Все это какъ то незамѣтно отодвинуло насъ отъ той среды, которая до того времени насъ окружала и только благодаря тому, что мы продолжали поддерживать дружескія отношенія съ тѣмъ кружкомъ, къ которому принадлежали Мусатовскій, готовившій магистерскую диссертацию, въ надеждѣ занять кафедру въ университетѣ по древнимъ языкамъ и д-ръ Виноградовъ, ждавшій назначенія его врачомъ въ Серпуховское земство, вѣсти съ того берега до насъ доходили, и всѣ мы были удивлены какимъ то внезапнымъ и таинственнымъ отъѣздомъ за границу сначала Свиридова, а затѣмъ недѣлю спустя и Магера. Свиридовъ уѣхалъ одинъ, оставивъ въ Москвѣ и Соню и Тел—скую, а Магеръ увезъ и жену и новорожденнаго ребенка.

Воспользовавшись таинственностью отъѣзда Свиридова, его жена, сообразившая, что онъ замечаетъ свой слѣдъ, воспользовалась этимъ случаемъ и отобрала у Тел—ской свою дочку и это только порадовало всѣхъ ея друзей, знавшихъ, что онъ отнял у нея дѣвочку, грозя скандаломъ. Отъѣздъ же Магера казался совершенно необъяснимымъ.

Незадолго передъ ихъ отъѣздомъ уѣхала къ мужу и моя сестра, а я, не желая безъ нея оставаться въ гостиницѣ,

взяла на время мѣсто продавщицы на Тверской въ булочной Мусиновой, условившись, что жалованья получать не буду и работать буду за квартиру и содержаніе, но за то все свободное отъ торговли время буду посвящать своей перепискѣ.

Хозяйка этой булочной, полученной ею въ наслѣдство отъ мужа, сама справиться съ этимъ дѣломъ не умѣла и хотя взяла денежную компаньонку, но и та ничего ровно въ этомъ дѣлѣ не смыслила, и если оно не рухнуло сразу тотчасъ же послѣ смерти хозяина, то только потому, что налажено было солидно, но это все таки не мѣшало ему исподоволь расползаться.

Работы много въ этой булочной было только по утрамъ. къ полудню же она замирала вплоть до вечера и такимъ образомъ для переписки у меня оставалось времени вполне достаточно.

Хозяйка была молодая вдовушка, весьма бойкая и игривая и потому у нея по вечерамъ собиралось много молодежи.

Тутъ же впервые я познакомилась съ представителями прессы. Ихъ было двое. Одинъ, съ университетскимъ образованіемъ, мужъ младшей сестры Мусиновой былъ корреспондентомъ Московскихъ Вѣдомостей, человѣкъ вполне корректный и приличный, остановившійся на этой профессіи главнымъ образомъ потому, что былъ заика и ужасно стѣснялся этого своего недостатка. Второй, корреспондентъ Русскихъ Вѣдомостей (тогда кромѣ этихъ двухъ другихъ газетъ въ Москвѣ не было), балагуръ и весельчакъ, не гнался за тѣмъ, чтобы его корреспонденціи вполне соответствовали истинѣ, и потому окраской фактовъ не стѣснялся, но за то во всѣ свои сообщенія вкладывалъ много юмора, того юмора, о которомъ современное общество почти совершенно утратило понятіе. То былъ смѣхъ сытыхъ людей, не знав-

шихъ заботы о кускѣ хлѣба и потому умѣвшихъ шутить весело и задорно безъ всякой примѣси горечи и ироніи.

Но какъ работникъ этотъ корреспондентъ былъ не надеженъ. Онъ любилъ выпить не въ мѣру и тогда производилъ шумные скандалы. Къ концѣ концовъ за то, что онъ верхомъ на лошади въѣхалъ въ помещеніе Смоленскаго вокзала (впослѣдствіи именуемаго Брестскимъ, а теперь Александровскимъ) и произвелъ тамъ погромъ, онъ и былъ посланъ генераль-губернаторомъ изъ Москвы.

Правда, за долго до встрѣчи съ ними, еще при жизни моего отца, въ нашемъ домѣ бывалъ одно время фельетонистъ Московскихъ Вѣдомостей, Н. М. Пановскій, но это было еще тогда, когда писатель не оцѣнивался въ обществѣ въ смыслѣ работника, и эта область труда въ моемъ сознаніи тогда еще не опредѣлялась хотя бы въ неясныхъ контурахъ.

И такъ ближе я познакомилась съ представителями прессы уже въ булочной Мусиновой, здѣсь я впервые услышала о требованіяхъ, предъявляемыхъ къ корреспонденту, о срочности работы, о построчной платѣ и тогда же, оцѣнивъ независимость такой работы, рѣшила стремиться всѣми силами именно къ ней.

Въ булочной, какъ и было между нами условлено, я прослужила весь великій постъ, а къ Пасхѣ вернулась моя сестра и съ нею мы стали готовиться къ переезду на дачу въ с. Богородское.

Между тѣмъ жизнь была ключемъ. Событія одно за другимъ развѣтывались съ необычайною быстротой и вниманіе, перескакивая съ одного изъ нихъ на другое, теряло способность оцѣнить каждое по достоинству.

По этому и отъѣздъ Свиридова и Магера какъ то прошелъ мимо нашего вниманія и никому не пришло и въ голову, что между отъѣздомъ того и другого существуетъ какая ни-

будь связь. А между тѣмъ связь эта оказалась болѣе, чѣмъ существенной и двѣ недѣли спустя уже для всѣхъ стало очевидно, что этотъ ихъ отъѣздъ являлся предвѣстникомъ наступленія тяжелыхъ событій.

Въ то время, когда вся Москва готовилась къ торжественному открытію новыхъ судебныхъ учреждений, назначенному на 23 Апрѣля, 4-го Апрѣля по Москвѣ разнесся скорбный слухъ о дерзкомъ покушеніи Каракозова на жизнь государя.

Нечего и говорить о томъ, какъ эта вѣсть смутила всѣхъ отъ мала до велика. И какъ печально она отразилась на всѣхъ, такъ или иначе къ этому дѣлу прикосновенныхъ

Полиція, до этого времени не проявлявшая никакого вниманія по поводу дѣятельности всѣхъ кружковъ и коммунъ, оказалась чрезвычайно и до мельчайшихъ подробностей освѣдомленной. И благодаря этому, въ тотъ же вечеръ 4-го Апрѣля, были арестованы не только члены „Ада“, но и буквально всѣ до одного члены „политической организаціи“, и кетати уже было прихвачено и нѣсколько членовъ Общества взаимопомощи. Было арестовано среди нихъ и нѣсколько женщинъ, но большинство ихъ оставалось подъ строгимъ надзоромъ полиціи. Благодаря такой быстротѣ, кромѣ основного замысла, тогда же были обнаружены и другія преступныя намѣренія нѣкоторыхъ лицъ изъ числа арестованныхъ.

Такъ членъ той же „политической организаціи“, 23-хъ лѣтній сынъ помѣщика Викторъ Федосѣевъ, былъ захваченъ съ поличнымъ въ тотъ день, когда онъ вмѣстѣ съ Николаевымъ готовился отравить своего отца съ цѣлью воспользоваться его средствами на нужды „политической организаціи“.

А вмѣстѣ съ ними, какъ ихъ пособники въ этомъ дѣлѣ, были арестованы членъ той же организаціи, учитель Максъ Осиповичъ Марксъ, и знавшій о существованіи этой орга-

низациі и давшій на это дѣло ядъ провизоръ Ад. Фр. Лангаузъ.

Кромѣ того было обнаружено укрывательство нѣкоторыми членами этой организаціи политическихъ преступниковъ: Ярослава Дмитровскаго, Оржиховскаго, Ольтаржевскаго, Верницкаго и нѣкоторыхъ другихъ, осужденныхъ въ каторгу за участіе, проявленное въ 63 году въ польскомъ возстаніи, а также за снабженіе этихъ лицъ подложными паспортами.

И, наконецъ, было обнаружено и намѣреніе освободить политическихъ преступниковъ, находившихся въ ссылкѣ—Чернышевскаго и Серно-Соловьевича.

Въ общемъ въ эти дни въ Москвѣ и Петербургѣ было арестовано по этому дѣлу около двухъ тысячъ человѣкъ. Правда, огромное большинство изъ нихъ было арестовано лишь до выясненія степени ихъ прикосновенности къ тому или другому изъ этихъ дѣлъ, но тогда этого никто не зналъ и арестъ по такому страшному дѣлу для близкихъ казался ужаснымъ, и въ Москвѣ ликование смѣнилось стономъ и плачемъ.

Вотъ тутъ то и выяснились вполне причины, побудившія и Свиридова и Магера покинуть Россію. Они были только предсудительны. Оказалось, что эта попытка была произведена Каракозовымъ не впервые. Недѣли за три передъ этимъ съ тою же цѣлью онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, но Странденъ и Ермоловъ поспѣшили туда вслѣдъ за нимъ, настигли его, и, убѣждая, что эта попытка преждевременна, привезли его обратно въ Москву.

И здѣсь Юрасовъ горячо его убѣждалъ отказаться отъ этого своего замысла, какъ совершенно не пригоднаго для политическаго переворота и, наоборотъ, грозящаго неизбежной реакціей, теперь именно менѣе всего желательной для всѣхъ организацій одинаково.

На всѣ эти увѣщанія Каракозовъ отмалчивался, но замысла своего, какъ оказалось, не оставилъ. Ему то нечего было терять, кромѣ своей жизни, уже опостылѣвшей ему до зла-горя. Правительства, не желающія имѣть въ числѣ своихъ подданныхъ террористовъ, конечно, должны заботиться о томъ, чтобы среди нихъ не было людей, которымъ нечего терять. Это старая истина.

И вотъ, освѣдомленный объ этой первой попыткѣ, Свиридовъ отлично понималъ, что повторись это покушеніе, въ первую голову попадетъ ему, какъ инициатору и организатору и коммунѣ, и политической организаціи. И будучи не покоенъ за свою личную безопасность, онъ поспѣшилъ сдѣлаться недосыгаемымъ, въ то же время предоставляя каждому выпутываться изъ заваренной имъ каши по своему усмотрѣнію.

Въ этомъ отношеніи онъ былъ циникъ и твердо былъ увѣренъ, что большой бѣды не будетъ, если за одного умнаго человѣка расплатится, хотя бы своею шкурой, десятокъ—другой глушцовъ.

Такъ же просто объяснился отъѣздъ и Магера. Не будучи ни инициаторомъ, ни тѣмъ менѣе организаторомъ, онъ былъ полякъ, до мозга костей и, конечно, какъ нельзя болѣе сочувствовалъ укрывательству осужденныхъ польскихъ патріотовъ.

Онъ тоже предвидѣлъ, что недонесеніе объ этомъ можетъ быть вмѣнено ему въ вину и не желая подвергнуть свою семью риску, естественно поспѣшилъ убраться изъ Россіи по добру-по здорову.

Тогда ни для кого уже не было тайной, что реформа Судебныхъ Уставовъ, введенныхъ 20 ноября 1864 г., какъ то странно ужилась со статьею, карающей недонесеніе. Статья эта всѣмъ казалась абсурдомъ, совершенно не соответствующимъ государственной мудрости, и почему съ нею не по-рѣшили при введеніи новаго судопроизводства, такъ и осталось загадкой.

Всѣ разсуждали такъ, что ужъ если арестанты караютъ въ своей средѣ доносчиковъ, то какъ же можно требовать отъ людей порядочныхъ и гуманныхъ, чтобы они предавали своихъ братьевъ,—и не только этого требовать, но и ставить это въ обязанность подъ страхомъ наказанія.

Естественнымъ казалось, что люди себя уважающіе, никогда этому требованію, какъ унижающему ихъ личное достоинство, не подчинятся и потому на эту статью всѣ смотрѣли какъ на мертвую, къ жизни совершенно не при-мѣнимую и даже безнравственную, какъ могущую соблазнить трусливыхъ.

Поэтому общество и полагало, что новый судъ покончитъ съ этою статьею безъ малѣйшаго колебанія, какъ съ абсурдомъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго основанія продолжать свое существованіе.

Къ сожалѣнію, своевременно этого не случилось, статья продолжаетъ существовать и понынѣ и людямъ, не желающимъ ей подчиняться, приходится обходить ее уже окольнымъ путемъ, какъ это сдѣлалъ и Магеръ.

Тому, кто этого не предусмотрѣлъ, пришлось поплатиться и поплатиться жестоко.

Такъ одновременно съ остальными былъ арестованъ и д-ръ Виноградовъ, никогда ни къ какому сообществу, кромѣ своего землячества, не принадлежавшій, всегда умѣвшій отрезвить и другихъ отъ чрезмѣрныхъ увлеченій. Но, конечно, никогда, ни при какихъ условіяхъ, не позволившій бы себѣ предать другого.

Арестъ Виноградова заставлялъ опасаться ареста и его пріятеля Мусатовскаго, тѣмъ болѣе что школа, открытая на его имя, тогда же была закрыта.

Однако арестованъ Мусатовскій не былъ, но это не помѣшало ему за свое легкомысліе и довѣрчивость расплатиться цѣною всего своего будущаго.

Ему, всю свою молодость, всё свои силы потратившему на подготовку къ профессорѣ, было на всегда воспрещено всякое учительство, съ признаніемъ его диплома не дѣйствительнымъ.

Выбитый изъ колен, онъ вынужденъ былъ приурочить себя къ какой либо другой дѣятельности, а такъ какъ семья

Д-ръ Д. А. Виноградовъ.

прежде всего требовала хлѣба, то онъ и схватился за первое подвернувшееся ему подъ руку мѣсто и самымъ неожиданнымъ образомъ изъ кабинетнаго ученаго превратился въ писмоводителя у Мирового Судьи съ грошевымъ жалованьемъ и такъ на этомъ мѣстѣ лѣтъ черезъ 12 и умеръ.

Еще тяжелѣе расплатились за чужіе грѣхи д-ръ А. Д. Виноградовъ и Телъ—вская.

Первый изъ нихъ, выпущенный изъ тюрьмы уже глубокой осенью, узнавъ, что сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы ни на земскую, ни на городскую службу его не принимать, въ ту же ночь отравился.

А вторая, присланная Свиридовымъ изъ-за границы мѣсяца черезъ два послѣ его отъѣзда со спеціальною цѣлью выкрасть у его жены Сою, была арестована тотчасъ же, какъ появилась въ Россіи, и доставленная въ Москву, цѣлые 11 мѣсяцевъ просидѣла въ Тверскомъ частномъ домѣ, въ ожиданіи разслѣдованія дѣла о Свиридовѣ, и выпущена была оттуда уже въ послѣднемъ градусѣ чахотки.

Такъ гибли тѣ, кто не умѣлъ извлекать изъ своего ареста выгоды. А между тѣмъ изъ приближенныхъ къ Свиридову лицъ были и такіе ловкачи, которые изъ своего ареста по Каракозовскому дѣлу умѣли создать себѣ рекламу. Такъ напр., Козловъ, такъ насмѣшившій меня на собраніи у Свиридова своимъ безцеремоннымъ приглашеніемъ своей сожительницы Ч—вой въ баню, въ послѣдствіи всю жизнь, куда бы ни шелъ, несъ съ собою саквояжъ съ перемѣной бѣлья, усердно всѣмъ навязывая, что по дѣлу Каракозова онъ былъ арестованъ такъ внезапно, что не успѣлъ запасти съ собою бѣлье и теперь во всякую минуту боится повторенія того же самаго.

И благодаря этому немудрому приему, очень смахивавшему на нагольный тулупъ Ишутина, находились наивные люди, которые въ Козловѣ видѣли пострадавшаго героя, а это помогало ему пролѣзть туда, куда онъ безъ особой протекціи не годился, и въ концѣ концовъ онъ даже читалъ лекціи философіи въ Кіевскомъ Университетѣ.

Открытія новыхъ судебныхъ учреждений это покушеніе однако не затормазило и на дѣятельности ихъ ни мало не отразилось.

Лица, которымъ предстояло явиться первыми вершителями этого новаго, такъ страстно всѣми ожидаемаго, суда, уже были назначены и ихъ имена, уже хорошо извѣстныя обществу, являлись надежною порукой того, что судъ будетъ и правый и нелицепріятный.

Уже съ 30 Марта, въ ожиданіи открытія Суда, начались

А. Н. Шаховъ.

засѣданія комиссіи, составленной изъ лицъ, назначенныхъ стать во главѣ новыхъ судебныхъ учреждений, для принятія заявленій отъ лицъ, желающихъ поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ.

Комиссія эта засѣдала разъ недѣлю чаще всего подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Д-та Судебной Палаты

А. Н. Шахова, иногда же подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя Палаты Полѣнова и въ ней участвовало нѣсколько человѣкъ изъ вновь назначенныхъ судебныхъ дѣятелей.

Къ своей задачѣ эта комиссія отнеслась весьма тщательно и несмотря на то, что на первое время были допущены облегченныя условія, на основаніи которыхъ желающіе могли вступать въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, комиссія изъ 33 человѣкъ, пожелавшихъ записаться въ сословіе, только 27 признала удовлетворяющими 354 ст. судебныхъ установленій, но и изъ нихъ нашла возможнымъ утвердить въ этомъ званіи 21-го, мотивируя такую свою разборчивость тѣмъ, „что съ перваго-же раза необходимо поставить сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, насколько возможно, соотвѣтственно тому высокому назначенію, какое даетъ законъ этому званію, а потому и требуется какъ можно строже отнестись къ правоспособности лицъ, изъявившихъ желаніе носить званіе присяжныхъ повѣренныхъ“. И тутъ-же комиссія выражала надежду, что „такое довѣріе къ избраннымъ лицамъ, по всей вѣроятности, вызоветъ въ нихъ готовность оправдать свое званіе, такъ высоко поставленное закономъ“.

Теперь это—забытыя слова, но они какъ нельзя болѣе свидѣтельствуютъ о томъ, какія огромныя надежды возлагались на это сословіе.

И, дѣйствительно, избранными оказались люди, изъ всѣхъ силъ старавшіеся, по крайней мѣрѣ, на первое время, стоять на высотѣ своего положенія.

Да въ то время иначе было и нельзя. Во главѣ судебныхъ учреждений предстояло стать лучшимъ людямъ изъ интеллигенціи, имена которыхъ и сейчасъ, 44 года спустя, упоминаются съ большимъ уваженіемъ.

Предсѣдателемъ департамента Палаты былъ А. Н. Шаховъ — человѣкъ европейски образованный, независимый,

весь проникнутый духомъ вновь введеннаго законодательства, умѣвшій подчинить форму его внутреннему содержанию, идейный человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Такого-же типа люди были и предѣдатель Суда Е. Е. Люминарскій и прокуроръ Судебной Палаты, крупный ученый Д. А. Ровинскій, и члены Суда Шестаковъ, Щепкинъ, бывший профессоръ гражданского права А. И. Вицинъ и Э. Н.

Е. Е. Люминарскій.

Д. А. Ровинскій.

Сумбулъ, авторитетъ котораго, какъ безпристрастнѣйшаго изъ судей и опытнѣйшаго изъ цивилистовъ, и тогда цѣнился такъ-же высоко, какъ и въ послѣдующіе годы.

Все они, сообщая и каждый порознь, ревниво охраняли судъ отъ вторженія въ него всего, что было признано пережиткомъ, старались оберечь его отъ малѣйшаго нареканія.

Понятно, что и тѣмъ, кому приходилось имѣть съ ними непрерывное общеніе, нужно было тщательно избѣгать всего, что могло показаться нечистоплотнымъ. Поэтому то и сенатскіе секретари, подъ предлогомъ необходимости присмотрѣться, еще не отваживались перечисляться въ новыя учрежденія. Воздерживался отъ этого пока и Соловьевъ, хотя онъ очень интересовался дѣломъ братьевъ К., судившихся за романическое убійство. Наблюдая за нимъ во время прохожденія его по вѣдѣмъ инстанціямъ, Соловьевъ надѣялся выступить по этому дѣлу въ качествѣ защитника, но такъ какъ ни одна инстанція этого дѣла не затягивала, то и слѣдствіе, и производства надворнаго суда и палаты уголовного суда были закончены въ 9 мѣсяцевъ, и разсмотрѣніе его въ палатѣ уже было назначено на 15-е апрѣля 1866 г. Такимъ образомъ Соловьеву отъ защиты по этому дѣлу пришлось отказаться и предоставить активное въ ней участіе Рихтеру, уже подавшему прошеніе о зачисленіи его въ число присяжныхъ повѣренныхъ, и кандидату правъ Шайкевичу.

Въ виду того, что, одновременно съ открытіемъ новаго гласнаго суда было рѣшено разсматривать и тѣ дѣла, которыя заканчивались въ старыхъ дореформенныхъ учрежденіяхъ, въ публичныхъ засѣданіяхъ, то это дѣло, назначенное къ разсмотрѣнію за недѣлю до открытія гласнаго суда, по Высочайшему повелѣнію было разрѣшено дореформенной палатѣ разсмотрѣть публично, и такъ какъ это публичное разсмотрѣніе дѣла въ судѣ было допущено впервые, то не удивительно, что послушать его собралась самая отборная московская публика, допускавшаяся въ залъ засѣданія по билетамъ.

Естественно, что при этомъ условіи приговоръ дореформеннаго суда, — оправдательный для одного изъ братьевъ и признаніе другого психически ненормальнымъ, — вызвалъ восторженные, шумныя оваціи и по адресу самого суда, и

по адресу защитниковъ, и репутація послѣднихъ съ этого момента является уже упроченною навсегда.

Конечно, для появленія этого восторга имѣлись налицо и другіе стимулы. Съ одной стороны, публика привѣтствовала наступленіе новой эры въ сферѣ судебной, причемъ на публичныя судоговоренія возлагались огромныя надежды.

С. С. Шайкевичъ.

Вѣдь, публика-то менѣе всего ожидала, что въ основу какого-бы то ни было суда можетъ быть положена система формальныхъ доказательствъ, и, въ ожиданіи суда совѣсти, отъ души привѣтствовала и то, что пока являлось его призракомъ.

Съ другой стороны, и самый способъ защиты по этому дѣлу являлся необычнымъ; то, что теперь показалось бы

аффектаціей, на первый разъ тронуло сердца. Защитникъ старшаго изъ братьевъ, Рихтеръ, человѣкъ колоссальнаго роста и атлетическаго тѣлосложенія, плакалъ, какъ ребенокъ, а красавецъ Шайкевичъ пересыпалъ свою рѣчь патетическими восклицаніями.

Не удивительно, что при такой обстановкѣ аудиторія, впервые присутствовавшая на подобномъ зрѣлищѣ, каждымъ нервомъ своимъ переживала драматическія перипетіи этого романическаго процесса и въ мѣстахъ особенно патетическихъ истерически рыдала. Кромѣ того, въ первыхъ рядахъ публики сидѣла артистка Малаго театра Г. Н. Федотова, въ то время еще только воспитанница Познякова, но уже гремѣвшая, благодаря неподражаемо созданной ею роли въ пьесѣ „Ребенокъ“ и уже заставившая москвичей преклониться передъ ея талантомъ.

Ея то главнымъ образомъ настроеніе и передавалось публикѣ: и слезы и восторгъ,—все исходило отъ нея и заражало неподдѣльнымъ чувствомъ остальныхъ.

Такимъ образомъ, имена защитниковъ, впервые выступившихъ на публичной трибунѣ, были созданы; репутація ихъ была упрочена, и въ новомъ судѣ они явились уже знаменитостями, что, конечно, сыграло огромную роль въ смыслѣ пріобрѣтенія ими крупной кліентуры.

22-го апрѣля домашнимъ образомъ было произведено церковное освященіе приспособленныхъ въ сенатскомъ зданіи помѣщеній для новыхъ судебныхъ учреждений. Освященіе это не было публичнымъ и происходило въ присутствіи старшаго предсѣдателя Судебной Палаты сенатора Полѣнова, прокурора Судебной Палаты Ровинскаго, предсѣдателя департамента Палаты Шахова, прокурора Суда Ланге и кое-кого изъ вновь назначенныхъ судебныхъ дѣятелей.

Въ виду того, что всѣ три департамента дореформеннаго Сената упразднены еще не были и остались въ томъ-же зданіи, то для четырехъ отдѣленій,—двухъ гражданскихъ и

двухъ уголовныхъ,—были отведены двѣ залы, примыкающія къ круглой Екатерининской залѣ, съ которой въ то время онѣ имѣли непосредственное сообщеніе. Для засѣданій-же Судебной Палаты была приспособлена одна зала, въ которой 23 апрѣля и происходило торжественное открытіе московскихъ судебныхъ учреждений.

Зданіе Московскихъ Судебныхъ Установленій въ Кремлѣ на Сенатской площади.

На это открытіе были разосланы билеты всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ въ Москвѣ въ количествѣ 250 штукъ, такъ какъ большаго числа лицъ сравнительно небольшая зала вмѣстить не могла, а круглая зала тогда еще только отдѣлывалась. Кромѣ этихъ трехъ залъ, подѣ кабинеты су-

дебныхъ учреждений была отведена вся та часть среднего этажа, которая отъ круглой и овальной залъ, составляющихъ центръ зданія, идетъ къ Никольскимъ воротамъ, съ окнами, частью выходящими на Кремлевскую площадь, частью обращенными на Красную площадь; къ этой половинѣ среднего этажа отходила и круглая зала, изъ которой предполагалось сдѣлать общую пріемную.

Другая-же половина этажа, съ овальной залой включительно, до подъѣзда отъ Чудова монастыря оставалась еще въ распоряженіи Сената.

23-го апрѣля съ ранняго утра въ зданіи Судебныхъ учреждений стали собираться вновь назначенные судебные дѣятели, а къ 12 часамъ стала прибывать и приглашенная на торжественное открытіе публика. Къ часу пріѣхалъ министръ юстиціи Замятинъ, который, прочитавъ Высочайшее повелѣніе объ открытіи новыхъ судебныхъ установленій по судебнымъ уставамъ, утвержденнымъ 20 ноября 1864 г., обратился съ привѣтственной рѣчью къ судебнымъ дѣятелямъ, приглашая ихъ укоренить ту правду и милость, которыя отнынѣ должны лечь въ основаніе всего судебного производства.

Затѣмъ епископъ Леонидъ отслужилъ благодарственный молебенъ, и публика отправилась осматривать помѣщенія, отведенныя для Судебныхъ учреждений, а представители Судебной Палаты, со старшимъ предсѣдателемъ во главѣ, остались въ залѣ засѣданія и открыли свое первое распорядительное засѣданіе.

28 апрѣля и 14 мая были утверждены избранные для города Москвы мировые судьи въ числѣ 17 человекъ, и 17 мая вмѣстѣ съ избраннымъ ими изъ своей среды предсѣдателемъ, въ лицѣ мирового судьи Игнатьева, были приведены въ судѣ къ присягѣ.

Съ того-же 17 мая въ Судѣ начался пріемъ прошеній, и въ этотъ же день Управа благочинія прекратила свою дѣ-

тельность по приему взысканий. 20-го мая у Суда уже встрѣтилось первое недоразумѣніе о подсудности. Дѣло въ томъ, что въ Судѣ гражданскія дѣла должны были возбуждаться въ исковомъ порядкѣ, тогда какъ Управа благочинія, производившая взысканія по долговымъ документамъ, таковаго порядка не знала, а прямо, по предъявленіи ей долговыхъ обязательствъ, производила взысканіе.

Это обстоятельство было чрезвычайно важно для кредиторовъ, во-первыхъ, не терявшихъ времени на предъявленіе исковъ по безспорнымъ документамъ, а, во-вторыхъ, не платившихъ при взысканіи судебныхъ пошлинъ.

Когда-же по закрытіи Управы благочинія взыскатели обратились съ просьбами о взысканіи въ Окружный Судъ, онъ эти ходатайства отклонилъ по неподсудности, полагая, что таковыя въ исковомъ порядкѣ должны быть предъявляемы въ Коммерческомъ Судѣ, а послѣдній въ свою очередь отклонялъ такого рода ходатайства, тоже находя ихъ себѣ неподсудными.

Первое публичное разбирательство въ 3-мъ гражданскомъ отдѣленіи московскаго Окружнаго Суда имѣло мѣсто 19 мая. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Суда Люминарскаго, въ составѣ членовъ Панова, Фукса и Вицына, и разсмотрѣнію Суда подлежало дѣло по иску, предъявленному пр. пов. М. И. Доброхотовымъ отъ имени французской подданной Елизаветы Бошъ, о взысканіи съ аптекаря Гринтиль 8,500 р. по заемному нотаріальному акту, причемъ заемъ этотъ обезпечивался аптекой.

И несмотря на то, что актъ этотъ былъ составленъ неудовлетворительно, судьи остановились не на формѣ договора, а на его внутреннемъ содержаніи, и, не допуская и мысли, что въ основу правосудія можетъ быть положена система формальныхъ доказательствъ, въ томъ-же засѣданіи сдѣлали постановленіе объ обезпеченіи этого иска, а четыре

Первый состав Московского Окружного Суда.

Стоять (сзади направо): секретарь В. П. Лавровъ, члены Суда: Панаевъ, Фуксъ, Сумбулъ, Жилинъ-Кохановъ, тов. предсѣд. Арсеньевъ, суд. слѣдов. Щелканъ, члены: Костылевъ, Дейеръ, Сянинъ.
 Сидятъ (спереди направо): Члены суда: Щешкинъ, Сухотинъ, предс. Суда Леминарскій, тов. предс. Андреевскій-Синесковъ, члены Суда: Шестаковъ, Вицкинъ, Федоренко.

Однимъ изъ первыхъ записался въ число помощниковъ къ присяжному повѣренному М. И. Доброхотову Ѳ. Н. Плевако, и онъ-то 20-го мая, впервые выступая передъ гражданскимъ Судомъ по иску о 800 руб., и возбудилъ особенно острый для того времени вопросъ о подсудности.

Окружный Судъ, въ засѣданіи котораго предсѣдатель-

П. А. Дейеръ

ствовалъ самъ предсѣдатель Суда, Е. Е. Люминарскій, призналъ это взысканіе по безспорному документу себѣ неподсуднымъ, и Плевако обжаловалъ это рѣшеніе въ Судебную Палату.

7-го іюня дѣло это уже слушалось во второй инстанціи, то-есть въ Судебной Палатѣ, подъ предсѣдательствомъ са-

мага старшаго предсѣдателя Палаты Полѣнова, но и Палата точно такъ-же, какъ и Судъ, признала взысканіе по безспорнымъ документамъ окружному суду неподсуднымъ и рѣшеніе Суда утвердила.

Другой вопросъ о подсудности возникъ у Суда по слѣдующему поводу: взысканіе одной стороной было начато въ дореформенномъ судѣ, но, прежде, чѣмъ отвѣтчикъ успѣлъ предъявить встрѣчный искъ, пріемъ новыхъ дѣлъ въ дореформенномъ судѣ былъ прекращенъ, и онъ предъявилъ таковой уже въ Окружномъ Судѣ.

Дѣло это разсматривалось 13 іюня подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Дейера, и не смотря на то, что товарищъ прокурора Крахтъ, ссылаясь на 77 ст., настаивалъ, что ни одно старое присутственное мѣсто не имѣетъ права принимать новыхъ дѣлъ, судъ съ этимъ заключеніемъ не согласился и этотъ искъ призналъ себѣ неподсуднымъ.

Наконецъ, 21 іюня въ уголовномъ засѣданіи Окружнаго Суда было назначено разсмотрѣніе перваго уголовного дѣла. Обвинялись бродяги Анна Егорова и Воробьевъ за безписьменность. И благодаря только тому, что это было первое уголовное засѣданіе, оно было обставлено очень торжественно.

Предсѣдательствовалъ самъ предсѣдатель Люминарскій въ составѣ членовъ Щепкина и Томашевскаго, а обвинять явился самъ прокуроръ Суда Ланге и притомъ, вдвоемъ съ товарищемъ прокурора Писаревымъ.

Что касается защитника, то таковымъ и въ первомъ уголовномъ засѣданіи, такъ-же, какъ и въ первомъ засѣданіи гражданскомъ, явился присяжный повѣренный Доброхотовъ. Твердо памятуя, что Суду новому не только предстоитъ быть Судомъ правымъ, но и милостивымъ, онъ усердно просилъ Судъ принять во вниманіе болѣзненное состояніе его подзащитнаго Воробьева и не подвергать его тѣлесному наказанію.

Судъ, однако, при всей своей гуманности, снизойти до этого не счелъ возможнымъ и приговорилъ Воробьева къ наказанію розгами въ количествѣ 30 ударовъ, къ заключенію обоихъ бродягъ на годъ: Егорову—въ тюрьму, а Воробьева—въ арестантскія роты, а затѣмъ снова къ водворенію ихъ въ Сибирь.

Послѣ этого въ уголовномъ отдѣленіи Суда было разсмотрѣно еще нѣсколько дѣлъ о бродягахъ, но эти дѣла, разбиравшіяся безъ участія присяжныхъ засѣдателей, не представляли особаго интереса, тѣмъ болѣе, что одновременно съ установленіемъ гласнаго судопроизводства въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ было разрѣшено публично же разсматривать и тѣ дѣла, которыя заканчивались въ дореформенныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, то-есть въ Палатѣ гражданскаго и уголовного суда и въ дореформенномъ Сенатѣ, съ тою только разницей, что тамъ устное судопроизводство замѣнялось оглашеніемъ письменныхъ объясненій, если стороны личнаго участія въ дѣлѣ принимать не желали.

По содержанію своему дѣла, начатыя еще въ дореформенныхъ учрежденіяхъ, конечно, представляли значительно большій интересъ, чѣмъ тѣ дѣла, которыя по уставу 1864 г. должны были разсматриваться безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Такъ, напримѣръ, дѣло Собакина, занимавшагося подѣлкой кредитныхъ билетовъ, втеченіе нѣсколькихъ дней собирало чуть не полъ-Москвы въ засѣданіе Палаты уголовного Суда, а на дѣло троеженца Оокина билеты для входа въ засѣданіе были разобраны за нѣсколько недѣль до засѣданія.

Въ Окружномъ же Судѣ изъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, огромную сенсацию произвело только дѣло о клеветѣ, возбужденное правленіемъ

Кредитнаго общества къ издателю „Русскихъ Вѣдомостей“ Скворцову.

Дѣло это разсматривалось 2 августа и привлекло массу публики, всѣ симпатіи которой, конечно, были на сторонѣ обличителя Скворцова, но такъ какъ ему установить безспорность своихъ газетныхъ обличеній не удалось, то онъ и былъ приговоренъ Судомъ къ двухнедѣльному аресту на гауптвахтѣ и денежному штрафу въ размѣрѣ 50 руб.

8-го августа публикѣ пришлось ознакомиться съ новою формой суда. Въ уголовномъ департаментѣ Судебной Палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей въ лицѣ губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства, городского головы и волостного старшины, при закрытыхъ дверяхъ разсматривалось дѣло о рядовомъ Невѣдомскомъ, обвинявшемся по 103 ст. Улож. о Нак.

Это засѣданіе было обставлено особенно торжественно, и обвиненіе поддерживалъ самъ прокуроръ Судебной Палаты Ровинскій, защитникомъ-же по этому дѣлу являлся Соловьевъ, уже успѣвшій къ этому времени перечислиться изъ сенатскихъ секретарей въ число присяжныхъ повѣренныхъ.

Эта первая его защита, однако, оказалась неудачной, такъ-какъ Невѣдомскій былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ 6½ годамъ каторжной работы на заводахъ.

Тѣмъ не менѣе дѣла этого рода далеко не представляли того жгучаго интереса, какой представляли собою дѣла, приблизительно въ то же время разсматривавшіяся въ Петербургѣ.

То были дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ по должности и разсматривались они въ Особыхъ Присутствіяхъ Правительствующаго Сената съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Форма суда теперь уже давно позабытая.

По дѣламъ этимъ привлекались за растраты, подлоги и взяточничество управляющій Духовно-учебнаго управленія при Свят. Синодѣ, тайн. совѣтн. Гаевскій, и казначей того

же управленія стат. совѣтн. Яковлевъ, которые не только сами пользовались деньгами этого учрежденія, но за взятки мирволили и подрядчику Борову, утверждая преувеличенные имъ счета по производимымъ поставкамъ.

По другому дѣлу обвинялся дѣйств. ст. совѣт. Бильбасовъ, который, воспользовавшись выданною ему довѣренностью, присвоилъ себѣ нѣсколько десятковъ тыс. руб. процентными бумагами, составлявшими собственность его довѣрительницы, и наконецъ по третьему дѣлу обвинялся Управляющій Нижегородской Казенной Палатой Вердеревскій, вмѣстѣ со смотрителемъ Нижегородскаго соляного склада Терскимъ, которому, взявъ услуги интимнаго свойства, Вердеревскій спускалъ злоупотребленія по складу, въ виду чего недочетъ соли въ этомъ складѣ въ концѣ концовъ выразился въ суммѣ свыше милліона рублей.

Привлеченіе къ суду такихъ крупныхъ хищниковъ являлось дѣломъ почти неслыханнымъ, но молодой, еще не знавшій никакого опыта судъ совѣсти отлично справился со своею задачею, и отнесся безъ всякаго снисхожденія къ попустителямъ, значительно мягче отнесся къ тѣмъ, кому за извѣстную услугу злоупотреблять позволяли.

Такимъ образомъ Гаевскій, Яковлевъ, Бильбасовъ и Вердеревскій были осуждены безъ всякаго снисхожденія и приговорены къ ссылкѣ. Терскому было дано снисхожденіе, а кр. Боровъ—былъ и совсѣмъ оправданъ. Но что это былъ судъ и скорый и милостивый, это особенно отразилось на дѣлѣ Каракозова и его сообщниковъ.

Будучи арестованъ на мѣстѣ неудавшагося покушенія и допрошенъ, Каракозовъ сталъ давать обширныя показанія, и для того ли, чтобы придать своему преступленію болѣе серьезный характеръ, или для того, чтобы на возможно долѣе время оттянуть неизбежный конецъ, сталъ не только до мельчайшихъ подробностей описывать всѣ намѣ-

ренія своихъ единомышленниковъ, но и называлъ массу лицъ, будто бы подбившихъ его на это преступленіе.

Вотъ поэтому то, какъ я уже сказала раньше, въ первые же дни послѣ совершеннаго имъ покушенія въ Москвѣ, а частью и въ Петербургѣ, было арестовано до двухъ тыс. человекъ.

Всѣ эти арестованные имѣли и родныхъ и близкихъ, которые, напуганные привлеченіемъ ихъ къ такому серьезному и опасному дѣлу, конечно, прилагали всѣ усилія, чтобы выяснить дѣйствительную мѣру ихъ причастности и все, что могло служить въ пользу ихъ невинности.

Все это, конечно, осложняло задачу слѣдственной комиссіи, специально назначенной для всесторонняго разслѣдованія этого дѣла, которая и производила это слѣдствіе въ канцеляріи московскаго генераль-губернатора кн. Вл. Андр. Долгорукова подъ его личнымъ предсѣдательствомъ.

Комиссія эта была очень многочисленна, но и работа ея была феноменальна, такъ какъ въ ней ежедневно допрашивалось отъ 60 до 80 и до 100 чел. и работа эта ежедневно продолжалась отъ 10 час. утра до часу ночи.

Допрашивать приходилось, вѣдь, не только арестованныхъ, но и всѣхъ указываемыхъ ими свидѣтелей, свѣрять ихъ показанія съ показаніями ранѣе допрошенныхъ, и, въ случаяхъ разнорѣчія, снова передопрашивать и производить очныя ставки.

И весь этотъ гигантскій трудъ былъ продѣланъ чинами слѣдственной комиссіи въ четыре мѣсяца и обвинительный актъ былъ составленъ и утвержденъ въ августѣ мѣсяцѣ по отношенію къ 34 лицамъ; всѣ же остальные изъ арестованныхъ освобождались по мѣрѣ того, какъ слѣдствіемъ устанавливалась непричастность ихъ ни къ одному изъ тѣхъ дѣлъ, которыя привлеченнымъ вмѣнялись въ вину.

Самъ Каракозовъ былъ осужденъ гораздо раньше и тогда же приговоръ, вынесенный ему, былъ приведенъ въ исполненіе.

По обвинительному же акту о сообщникахъ Каракозова, только пятерымъ изъ 34 ставилось въ вину, что они знали о намѣреніи Каракозова совершить цареубійство,—учителю И. А. Худякову, Н. А. Ишутину, П. Д. Ермолу, Н. П. Страндену и Д. А. Юрасову, причемъ первому изъ нихъ еще ставилось въ вину снабженіе Каракозова деньгами на покупку оружія, а второму—подстрекательство товарищей къ основанію тайнаго революціоннаго общества „Адъ“, для произведенія революціи. Остальнымъ тремъ, т. е. Ермолу, Страндену и Юрасову, вѣнялось въ вину, кромѣ недонесенія о намѣреніи Каракозова, еще и принадлежность къ революціонному об-ву „Адъ“, такъ же какъ и Н. М. Загибалову, В. Н. Шаганову, О. А. Моткову и П. О. Николаеву. Такимъ образомъ членами об-ва „Адъ“ оказывались только 8 человекъ, и послѣднему изъ нихъ вѣнялось въ вину еще и подстрекательство Федосѣва отравить своего отца съ цѣлью передачи его средствъ этому об-ву. Далѣе девять человекъ, а именно: О. В. Малининъ, Д. Л. Ивановъ, Ф. П. Лапкинъ, К. Ф. Кичинъ, В. И. Соболевъ, А. И. Ивановъ, Д. А. Воскресенскій, Ф. А. Борисовъ и А. Е. Сергіевскій обвинялись въ принадлежности къ тайному революціонному об-ву „Политическая организація“ и изъ нихъ первые пятеро еще и въ томъ, что зная о существованіи еще болѣе революціоннаго об-ва „Адъ“, они не донесли о немъ правительству. Слѣдующіе 12-ть: кн. В. А. Черкезовъ, А. К. Маликовъ, Н. Я. Кутневъ, А. Ф. Лангаузъ, А. П. Полумордвиновъ, А. А. Бибиновъ, А. Е. Оболенскій, А. Никольскій, А. Вознесенскій, М. О. Марксъ и К. Д. Трусовъ обвинялись въ знаніи о существованіи революціонной „Политической организаціи“ и въ недонесеніи о томъ и, кромѣ того, кн. Черкезовъ—въ томъ, что зная о томъ, что въ школѣ Мусатовска-

го распространяется ученіе, клонящееся къ возбужденію неповиновенія властямъ, онъ объ этомъ не донесъ; Марксъ—въ томъ, что доставлялъ средства этой революціонной организаціи и, зная объ укрывательствѣ Маевскимъ польскихъ политическихъ преступниковъ, объ этомъ не донесъ и Трусовъ—тоже въ доставленіи средствъ революціонной организаціи. Изъ остальныхъ четырехъ Федосѣвъ обвинялся въ покушеніи отравить своего отца съ цѣлью воспользоваться его средствами для нуждъ революціоннаго общества, а Марксъ и Лангаузъ еще и въ предоставленіи ему для совершенія этого отравленія необходимаго яда. Маевскому—вѣнялось въ вину укрывательство вмѣстѣ съ Юрасовымъ польскихъ политическихъ преступниковъ и снабженіе ихъ деньгами и фальшивыми паспортами, а также подготовленіе къ освобожденію изъ ссылки политическихъ преступниковъ Чернышевскаго и Серно-Соловьевича; Бол. Шестаковичу и Ник. Петерсону—недонесеніе объ укрывательствѣ политическихъ преступниковъ и, наконецъ, послѣдній изъ обвиняемыхъ Ф. А. Никифоровъ обвинялся лишь въ томъ, что, будучи освѣдомленъ о существованіи революціонной организаціи, онъ объ этомъ не донесъ.

Разсмотрѣніе этого дѣла въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ началось 31-го августа подъ предсѣдательствомъ члена Гос. Совѣта кн. Гагарина въ составѣ членовъ того-же Совѣта: принца Ольденбургскаго, гр. Панина, Мѣтлина, Башуцкаго и Корніолинъ-Пинскаго, причемъ обвиненіе поддерживалъ самъ министръ юстиціи Замятинъ.

Закончилось это разсмотрѣніе 24-го сентября, и приговоромъ Верховнаго Суда дѣйствительнымъ сообщникомъ Каракозова былъ признанъ только Ишутинъ, который такъ же, какъ и Каракозовъ, былъ приговоренъ къ смертной казни, но при приведеніи этого приговора въ исполненіе былъ Высочайше помилованъ. По отношенію-же ко всѣмъ остальнымъ Верховный Судъ принялъ во вниманіе смягчающія

ихъ вину обстоятельства. Такъ, Юрасову и Страндену, какъ удерживавшимъ Каракозова отъ его преступнаго намѣренія, а Ермолону, какъ несовершеннолѣтнему, смертная казнь была замѣнена каторгой, первымъ двумъ — безсрочной, а послѣднему — 20-ти лѣтней. На этотъ же срокъ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ были приговорены Шагановъ и Загибаловъ, а несовершеннолѣтній Мотковъ — на 8 лѣтъ, и, наконецъ, Николаевъ былъ приговоренъ въ каторгу на 12 лѣтъ. Относительно Худякова пособничество къ совершенію злодѣянія было отвергнуто, а за недонесеніе онъ былъ приговоренъ на поселеніе также какъ Малининъ, Дм. и Алекс. Ивановы, Лапкинь, Федосѣевъ и Марксъ. Маевскій и Шестаковичъ были приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь на житье, а Лангаузъ, Кичинъ, Соболевъ, Сергіевскій, Борисовъ, Воскресенскій, Кутыевъ, Полумордвиновъ, Трусковъ, кн. Черкезовъ и Петерсонъ къ заключенію въ крѣпости на сроки отъ 8 до 5 мѣсяцевъ съ зачисленіемъ времени проведеннаго уже въ заключеніи; Маликовъ, Бибиловъ, Оболенскій и Никольскій, въ виду недоказанности ихъ принадлежности къ революціонной организаціи отъ суда по этому пункту освобождены; а за недонесеніе объ умыслѣ освободить Чернышевскаго и Серно-Соловьевича было предложено мин-ру внутр. дѣлъ назначить имъ кару въ порядкѣ административномъ; точно также предоставлялась его усмотрѣнію и участь Никифорова съ внушеніемъ ему отстраняться отъ вредныхъ связей, дающихъ поводъ къ важнымъ обвиненіямъ и, наконецъ, Вознесенскому за посѣщеніе об-ва взаимопомощи вмѣнено въ наказаніе предварительное заключеніе.

Таковъ былъ приговоръ Верховнаго Суда по отношенію къ лицамъ, обвинявшимся въ такомъ страшномъ преступленіи, но еще снисходительнѣе оказался приговоръ того-же Суда, разсматривавшаго того-же 31-го августа дѣло объ ординаторѣ 2-го Военно-сухопутнаго госпиталя, А. А. Кобылинѣ,

котораго Каракозовъ оговаривалъ не только въ томъ, что онъ зналъ объ его умыслѣ, но и въ томъ, что онъ снабдилъ его ядомъ для обезображенія лица и для отравленія самого себя. Почему-то это дѣло, хотя и въ тотъ же день, было разсмотрѣно отдѣльно отъ дѣла о другихъ сообщникахъ Каракозова и такъ какъ по этому дѣлу никакихъ другихъ уликъ, кромѣ оговора Каракозова, не оказалось, то Верховный Судъ и призналъ это обвиненіе, взведенное на Кобылина, не доказаннымъ и отъ суда его освободилъ.

И такое гуманное отношеніе суда къ обвиняемымъ въ то время до такой степени казалось въ порядкѣ вещей, что даже военный судъ, разсматривая самыя безнадежныя дѣла, находилъ возможнымъ быть снисходительнымъ къ лицамъ, по отношенію къ которымъ у него возникали сомнѣнія.

Наиболѣе характернымъ изъ такого рода дѣлъ являлось разсмотрѣнное въ концѣ 1866 г. Военнымъ Судомъ въ Иркутскѣ дѣло о мятежѣ сосланныхъ въ Сибирь въ 1863 году за возстаніе поляковъ, которые въ числѣ болѣе тысячи чело-вѣкъ дали на Кругобайкальской дорогѣ форменное сраженіе мѣстнымъ казакамъ.

Казаками этотъ мятежъ былъ подавленъ и участники этого сраженія въ числѣ 717 чело-вѣкъ, уже лишенные правъ, были привлечены къ уголовной отвѣтственности.

И вотъ при разсмотрѣніи этого дѣла только четверо были приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, какъ признанные подстрекателями къ бунту остальныхъ. Слѣдующіе 249 чело-вѣкъ были приговорены къ безсрочной каторгѣ, затѣмъ 63 чело-вѣка — къ каторгѣ на 12 лѣтъ, десять чело-вѣкъ — къ заключенію въ крѣпости на десять лѣтъ, а изъ остальныхъ 354 чел. — 259 были оставлены въ сильномъ подозрѣніи, 95 чел. оправданы.

И надо замѣтить, что этотъ приговоръ состоялся по отношенію къ людямъ, изъ которыхъ большинство при пер-

воначальной ссылкѣ за возстаніе въ Польшѣ не только были лишены всѣхъ правъ состоянія, но и приговорены къ каторгѣ, а нѣкоторые и къ смерти; но по доставленіи ихъ за Байкаль было отдано распоряженіе эту часть приговора въ исполненіе не приводить, а оставить ихъ жить въ Забайкальѣ, какъ кому изъ нихъ вздумается.

И что эта жизнь не была уже особенно плохую, можно судить потому, что когда 15 лѣтъ спустя всѣ они были амнистированы, то множество изъ нихъ не захотѣло вернуться на родину и осталось доживать свой вѣкъ въ Сибири, и такихъ лицъ мнѣ пришлось встрѣчать во всѣхъ слояхъ общества, не только среди интеллигенціи, но и среди простолудиновъ, уже въ 1900 г., т. е. 20 лѣтъ спустя послѣ этой амнистіи.

Но возвращаясь къ Московскому Суду.

На 24-е августа была назначена первая сессія присяжныхъ засѣдателей. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала публика этого суда совѣсти, сколько возлагала на него упованій, можно судить изъ того, что, несмотря на то, что разсмотрѣнію первой сессіи подлежали исключительно мелкія дѣла—о кражахъ со взломомъ, публика положительно осаждала не только залъ засѣданія, но и зданіе Суда.

Въ первомъ засѣданіи Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя Синеоковъ-Андреевскій, а въ качествѣ обвинителей выступили прокуроръ Суда Ланге съ товарищемъ прокурора Остроуховымъ.

Изъ перваго состава присяжныхъ засѣдателей не всѣ, однако, отнеслись къ этой своей обязанности съ должнымъ вниманіемъ, по старой памяти полагая, что отъ исполненія всякой обязанности можно откупиться. Виднѣйшіе представители московскаго купечества того времени, Сорокоумовскій и Іевлевъ, не явились безъ объясненія причины своей неявки.

Сорокоумовскій за это былъ оштрафованъ на 100 р., а относительно Іевлева вопросъ былъ оставленъ открытымъ до выясненія, была-ли ему вручена повѣстка. Когда-же оба они не явились и въ слѣдующее засѣданіе 31 августа, то оба были тѣмъ-же товарищемъ предсѣдателя Синеоковымъ-Андреевскимъ оштрафованы на 300 руб. каждый. А такъ какъ до окончанія сессіи этотъ штрафъ грозилъ разростись до значительныхъ размѣровъ, то неявившіеся и поспѣшили представить Суду причины, дѣлающія ихъ явку въ Судъ невозможной.

Судъ совѣсти, бережно и любовно руководимый его коронными представителями, чутко отзываясь на всѣ запросы, предъявляемые жизнью, сразу оказалъ огромное воспитательное вліяніе не только на темныя народныя массы, но и на слои, если не болѣе культурные, то во всякомъ случаѣ занимающіе болѣе высокое положеніе.

Но надо отдать справедливость, что въ этомъ отношеніи, пожалуй, еще большую роль сыгралъ институтъ мировыхъ судей.

Для людей не идейныхъ эти должности не представляли ни малѣйшаго интереса. Тяжелый хлопотливый трудъ при сравнительно скудномъ вознагражденіи и при абсолютной невозможности не только выслужиться, но и вообще двинуться впередъ, конечно, манилъ только тѣхъ, кому нравилось самое дѣло и кто, работая на пользу ближняго не за страхъ, а за совѣсть, находилъ въ этомъ нравственное удовлетвореніе.

Мировые судьи были тѣ народныя учителя, на долю которыхъ выпала священнѣйшая изъ обязанностей—поднять нравственный уровень ввѣренной имъ паствы, и сознаніе огромной важности этой задачи вооружало ихъ и необходимымъ терпѣніемъ, и безпристрастіемъ, и самообладаніемъ, безъ которыхъ это дѣло могло-бы превратиться въ каторжный и безцѣльный трудъ.

О томъ, что именно съ этой точки зрѣнія они отнеслись къ своей задачѣ, видно уже изъ того, что, еще не приступая къ дѣлу, въ одномъ изъ своихъ предварительныхъ совѣщаній они сообща рѣшили строго относиться ко всякой неблагопристойности какъ выраженій, такъ и дѣйствій, и постановили дѣйствовать на виновныхъ въ этомъ сначала убѣжденіемъ, а если это дѣлу не поможетъ, то и штрафами и другими болѣе суровыми мѣрами.

На этихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ они, конечно, за отсутствіемъ опыта еще не предполагали, что извѣстное нравственное воздѣйствіе съ ихъ стороны потребуется не только для простого народа, но и для всѣхъ остальныхъ слоевъ общества, въ то время особенно распущенныхъ, съ одной стороны, благодаря тому, что бывшіе крѣпостники привыкли къ насилію, съ другой—потому, что большинство было приучено откупаться за всѣ свои прегрѣшенія.

Простой-же народъ, тогда еще не спившійся и потому не утратившій совѣсти, но за отсутствіемъ силы и денегъ всегда остававшійся въ виноватыхъ, реагировалъ на все это сквернословіемъ, выражая этимъ способомъ наибольшую степень своего презрѣнія къ обидчикамъ.

И въ этомъ не замедлили убѣдить мировыхъ судей тѣ дѣла, которыя начали возникать у нихъ тотчасъ-же по открытіи ими своихъ дѣйствій.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ у мирового судьи Пречистенскаго участка было взысканіе портного Крадовиля съ блестящаго графа Зубова, занимавшаго видное положеніе въ Москвѣ, но не считавшаго нужнымъ уплатить портному 250 р. за то самое платье, въ которомъ онъ щеголялъ. Какъ только явилась надежда на судъ скорый и безпристрастный, портной предъявилъ свой искъ по счету, не подписанному графомъ. Послѣдній, явившись въ камеру судьи, не замедлилъ сдѣлать указаніе на то, что счетъ не подписанъ, и сталъ увѣрять, что деньги онъ уплатилъ умершему брату

4

Составъ московскихъ Мировыхъ Судей 1-го округа, избранныхъ въ 1866 г., съ Н. Д. Игнатьевымъ во главѣ.

и не дерзала распоряжаться по собственному усмотрѣнію, а отсылала всѣхъ къ мировому.

Конечно, и мировой судья, хорошо знавшій порядки того времени, принялъ все это во вниманіе и отнесся къ обвиняемымъ довольно снисходительно, приговоривъ Гвоздева къ денежному штрафу въ размѣрѣ 15 руб., а его приказчика къ аресту на 7 дней. Удивилъ-же онъ и огорчилъ всѣхъ тѣмъ, что о дѣйствіяхъ городского, отпустившаго задержаннаго, постановилъ сообщить оберъ-полицеймейстеру.

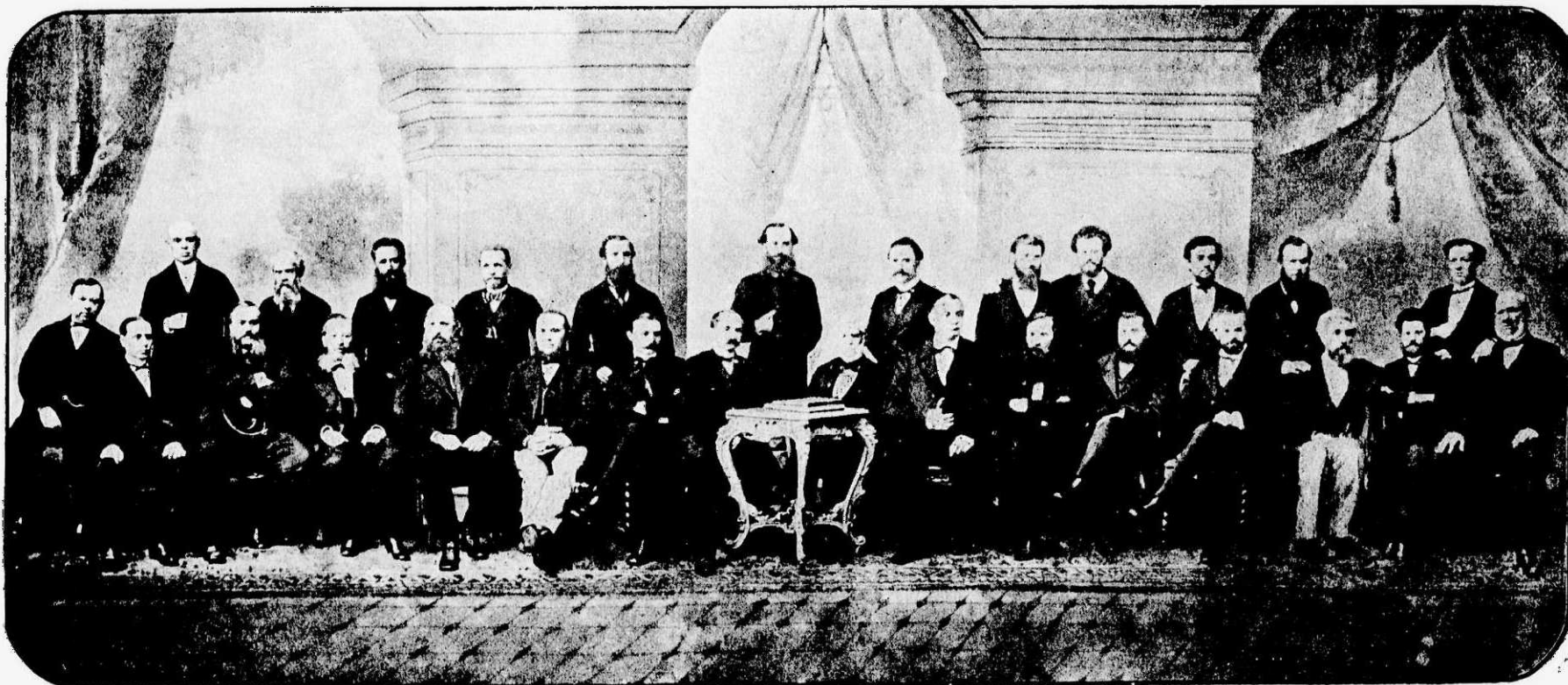
Мысль, что городской не долженъ былъ подчиняться распоряженію его степенства, въ обывательскихъ головахъ еще не укладывалась, потому что тугая мошна еще считалась всесильной. У

Вотъ разубѣдить обывателей въ этомъ, главнымъ образомъ, и предстояло мировымъ судьямъ.

И съ честью вершили они свое доброе дѣло, приучая народъ къ правосудію, не знающему ни сильныхъ, ни богатыхъ, и воочію являя доказательства того, что судъ и можетъ и долженъ быть одинаково ко всѣмъ безпристрастнымъ.

Конечно, въ значительной степени помогала имъ въ этомъ отношеніи и печать, усердно печатая самые подробные отчеты обо всѣхъ дѣлахъ и такимъ образомъ дѣлая ихъ достояніемъ широкой публики.

Конечно, и у мировыхъ судей являлись иногда и сомнѣнія и промахи. Вѣдь, они были люди и взялись за новое, еще не знавшее опыта дѣло. Та же печать ставила имъ даже въ вину, что они иногда тутъ-же, въ камерѣ, совѣтуются со своими письмоводителями, которые по-преимуществу набирались изъ числа мелкихъ служащихъ старыхъ, дореформенныхъ учрежденій, полицейскихъ или судебныхъ. А одинъ изъ нихъ даже подвергся нареканіямъ за то, что по одному запутанному дѣлу онъ попросту посоветовался съ

Первый состав московских мировых судей I округа, избранных в 1866 году, съ С. А. Тарасовымъ во главѣ.

однимъ болѣе опытнымъ юристомъ, случайно присутствовавшимъ въ его камерѣ.

Но это свидѣтельствовало лишь о томъ, что люди эти не были самонадѣянны и, разрѣшая чужое дѣло, руководились правиломъ, что „умъ хорошо, а два лучше“. Тогда еще ни наглость, ни самомнѣніе не были внесены въ кодексъ чловѣческихъ добродѣтелей и въ числѣ другихъ пороковъ всеми одинаково презирались.

Подобныя дѣла возникали и въ другихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Такъ, напримѣръ, одновременно съ Мазуриной, судившейся въ мировыхъ учрежденіяхъ, въ Окружномъ Судѣ по этому-же дѣлу судился докторъ Екатерининской больницы Ельцинскій, находившійся въ ея квартирѣ въ то время, когда по ея приказанію спускали цѣнныхъ собакъ, чтобы не впустить явившуюся по долгу службы полицію, и не только не усмотрѣвшій дикаго самодурства въ поступкѣ своей пациентки, но и позволившій себѣ порицать дѣйствія пристава Врубеля, несмотря на явную опасность все-таки проникшаго въ домъ Мазуриной. Ельцинскій обозвалъ эти дѣйствія безобразіемъ.

Привлеченный за оскорбленіе полиціи, докторъ Ельцинскій на судѣ однако сбавилъ тонъ и увѣрялъ, что онъ позволилъ себѣ такъ выразиться исключительно въ виду того, что опасался за жизнь своей пациентки, на которую пагубно могло повліять подобное волненіе.

Окружный Судъ, сдѣлавъ видъ, что вѣритъ этому его объясненію, признавъ все-таки его виновнымъ, приговорилъ къ денежному штрафу въ размѣрѣ 8 рублей.

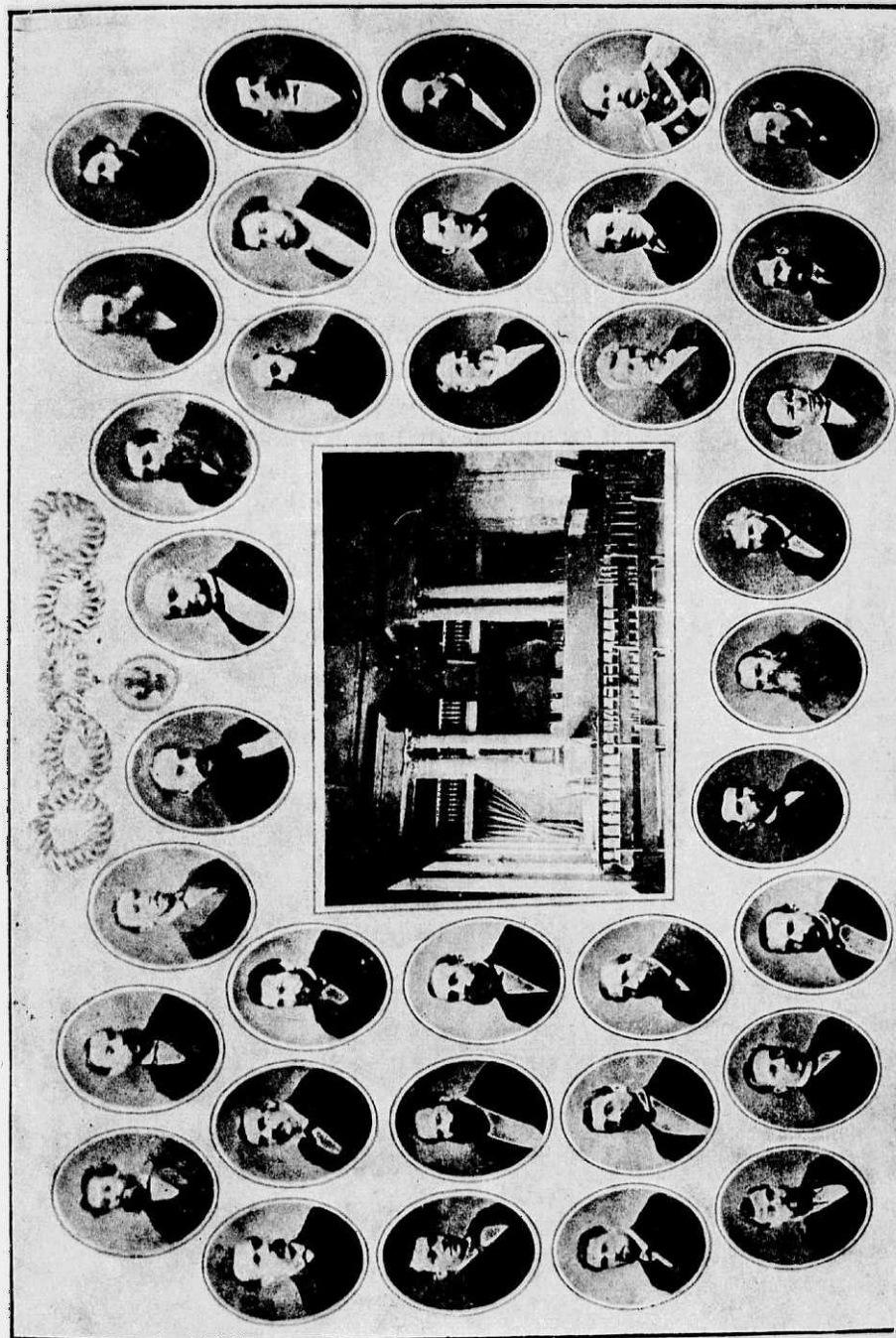
Точно такъ-же и купчиху Влашину Окружный Судъ приговорилъ къ 10-рублевому штрафу за то, что во время производившейся у нея описи она стала увѣрять, что у нея украли брилліанты, а когда приставъ спросилъ ее, кто-же укралъ, она сказала, что укралъ квартальный надзиратель Совѣтовъ. Будучи за это привлечена къ уголовной

отвѣтственности, она оправдывалась тѣмъ, что высказала это только какъ предположеніе.

Еще болѣе типичнымъ въ этомъ смыслѣ являлось дѣло генераль-маіора Загорянскаго, позволившаго себѣ оскорбить судебного слѣдователя Завадскаго.

Загорянскій заявилъ слѣдователю, что жена его вмѣстѣ съ нянькою и дворникомъ украла у него 700 рублей. Слѣдователь явился въ его квартиру для дознанія и путемъ опроса свидѣтелей выяснилъ, что никакой кражи въ данномъ случаѣ не было. Выяснилось также, что Загорянскій, поселившись въ домѣ своей дочери Трамбецкой, самоуправничалъ, начавъ безъ разрѣшенія дочери и ея мужа возводить въ ея владѣніи брандмауеръ; когда же его жена стала протестовать противъ такого его поведенія, онъ и подалъ на нее жалобу, обвиняя ее въ кражѣ 700 рублей. Загорянскій, недовольный такимъ оборотомъ возбужденнаго имъ дѣла, сталъ кричать на слѣдователя, укоряя его въ томъ, что онъ что-то о себѣ воображаетъ, что онъ не смѣетъ называть его господиномъ Загорянскимъ, а долженъ величать его по титулу, что онъ не имѣетъ права стоять передъ нимъ, засунувъ руки въ карманы, и что онъ научить его, какъ надо держать себя передъ генералами. Словомъ, вся этика дореформеннаго человѣка съ его самодурствомъ и чинопочитаніемъ тутъ оказалась налицо. Когда же генераль убѣдился, что Судъ его не помилуетъ, если онъ не извинится передъ обиженнымъ, онъ призналъ себя побѣжденнымъ и въ присутствіи Суда попросилъ прощенія у Завадскаго.

Передъ такими типами меркли подвиги Титъ Титычей, которые, съ Хлудовымъ во главѣ, напали у „Яра“ на компанію иностранцевъ, замѣтившихъ имъ, что въ присутствіи дамъ они сквернословить не имѣютъ права. За такое замѣчаніе расходившіеся купцы нашли справедливымъ иностранцевъ избить, а привлеченные за это къ уголовной отвѣт-

Составъ московскихъ мировыхъ судей, избранныхъ въ 1869 г. съ Мих. Андр. Бухтѣевымъ в главѣ.

ственности пытались инициативу драки свалить на потерпѣвшихъ. И только послѣ того, какъ у уѣзднаго мирового судьи Бенкендорфа вина ихъ съ безспорностью была свидѣтельскими показаніями установлена, и Хлудовъ, и его собутыльники извинились передъ потерпѣвшими, которые ихъ простили.

Какъ интенсивна была работа мировыхъ судей, можно судить по слѣдующимъ цифровымъ даннымъ. Съ открытіемъ дѣятельности мировыхъ судей, т. е. приблизительно съ конца мая и по 1 августа, слѣдовательно, втеченіе двухъ съ небольшимъ мѣсяцевъ, къ городскимъ мировымъ судьямъ второго округа,—а ихъ было два,—поступило 6,903 дѣла. Изъ нихъ уголовныхъ 2,862 и гражданскихъ 4041. Приблизительно такое же количество дѣлъ поступило и въ первый округъ, но онъ къ 1 августа не успѣлъ подвести итоговъ своей дѣятельности.

При этомъ нельзя не отмѣтить, что всѣ судебныя учрежденія, строго относясь ко всякимъ безъ исключенія хищеніямъ, въ то же время старались вразумить самодуровъ и добивались, чтобы виновные въ неуваженіи личности другого сознали всю неприглядность своего поведенія и извинялись передъ обиженными и только если обвиняемые упорствовали, присуждали ихъ къ той или другой карѣ.

Словомъ, никогда,—ни раньше, ни позже—судъ не стоялъ на такой высотѣ, какъ въ то время, когда онъ былъ только что реформированъ. И его твердое и въ то же время гуманное направленіе отражалось и на всѣхъ остальныхъ отрасляхъ судебного производства. И магистратура, и прокуратура, и слѣдственная часть, и адвокатура, глубоко проникнутыя важностью возложенной на нихъ задачи, проявляли рѣдкую солидарность.

На судъ смотрѣли, какъ на храмъ правосудія; люди, призванные этотъ судъ вершить, священнодѣйствовали.

Вскорѣ по открытіи новыхъ судебныхъ учреждений послѣдовало упраздненіе старыхъ, и многія лица, служившія въ нихъ, заняли тѣ или другія мѣста въ новыхъ учрежденіяхъ.

Къ счастію для послѣднихъ, люди идейные стремились въ магистратуру, и, наоборотъ, люди, у которыхъ на первомъ планѣ былъ аппетитъ, спѣшили зачислиться въ ряды присяжной адвокатуры, отлично понимая, что на долю піонеровъ этого дѣла выпадутъ наиболѣе жирные куски отъ малоопытныхъ кліентовъ, еще съ трудомъ ориентировавшихся въ томъ, сколько и за что надо платить.

Во главѣ этихъ послѣднихъ сталъ Ф. Г. Соловьевъ, который отлично понимая, что обстановка будетъ имѣть огромное значеніе для его будущей кліентуры, спѣшно организовалъ свой кабинетъ, куда я и поступила, еще не зная, что я тамъ встрѣчу. Соловьевъ рѣзко различалъ двѣ стороны—внутреннюю и внѣшнюю и сообразно съ этимъ набиралъ себѣ сотрудниковъ. Для первой онъ взялъ себѣ двухъ помощниковъ, которымъ и назначилъ определенное жалованье, за которое они обязывались готовить всѣ его дѣла. Отъ нихъ онъ не скрывалъ изнанки нѣкоторыхъ дѣлъ, порою очень нечистоплотной. Къ числу этого рода дѣлъ, съ одной стороны, относились конкурсныя производства, веденіе которыхъ Соловьевъ охотно принималъ на себя, съ другой стороны—всевозможныя сдѣлки, которыми прикрывалось снабженіе разныхъ лицъ деньгами за проценты. И въ придачу къ этимъ двумъ помощникамъ, бывшимъ въ курсѣ всѣхъ его операций, Соловьевъ держалъ еще письмоводителя, отъ имени котораго и заключались всѣ сдѣлки, напоминая „доброе старое время“.

И съ этими ближайшими своими помощниками Соловьевъ не считалъ нужнымъ особенно церемониться. Еще по отношенію къ старшему изъ нихъ, одновременно съ нимъ перечислившемуся изъ сената въ присяжные повѣренные и за отсутствіемъ средствъ согласившемуся работать у него за

жалованье, Соловьевъ до нѣкоторой степени сдерживался, цѣня въ немъ внѣшній лоскъ, вынесенный изъ порядочной семьи и училища правовѣдѣнія, и хотя допускалъ съ нимъ панибратство, но до обращенія свысока съ нимъ не доходилъ, съ младшимъ же изъ этихъ своихъ помощниковъ, какъ съ человѣкомъ, вышедшимъ изъ мѣщанской среды, такъ же какъ и съ письмоводителемъ, онъ обращался въ высшей степени грубо, ругая его такъ, какъ никогда не ругалъ своего лакея, котораго цѣнилъ за выправку и школу, вынесенную имъ изъ солиднаго барскаго дома.

Въ то же время Соловьевъ считалъ нужнымъ быть не только вѣжливымъ, но даже галантнымъ съ остальнымъ персоналомъ своего кабинета, составлявшимъ собственно показную его сторону. Этотъ персоналъ состоялъ изъ двухъ, иногда трехъ помощниковъ, происходившихъ изъ солидныхъ и обеспеченныхъ семей, и меня, какъ переписчицы, обязанной присутствовать въ его канцеляріи во время пріема. Ни я, ни эти помощники никакого жалованья не получали, но за то вся переписка, которая накоплялась въ канцеляріи, отдавалась мнѣ съ платою по 25 к. за листъ, а помощники работали даромъ, такъ какъ это имъ было необходимо какъ для пріобрѣтенія опыта, такъ и ради того, чтобы со временемъ получить право вступить въ сословіе.

Въ этомъ раздѣленіи самимъ Соловьевымъ своего служебнаго персонала на аристократію и плебсъ заключался довольно тонкій расчетъ. Поручая своимъ фактическимъ помощникамъ сомнительныя дѣлишки, онъ по необходимости держалъ ихъ въ тѣни, на насъ же возлагалось представительство, одинаково необходимое ему, какъ въ его кабинетѣ, такъ и въ Судѣ. Въ этомъ, конечно, и заключался секретъ его галантнаго къ намъ отношенія, хотя въ душѣ онъ считалъ насъ наивными простаками, не умѣвшими извлекать изъ такого своего положенія возможной выгоды.

Съ первыхъ же дней по переходѣ Соловьева въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ дѣла къ нему стали поступать въ огромномъ количествѣ. Москвичи знали его, какъ опытнаго дѣльца, и на его опытъ возлагали надежды. Умѣло пользуясь этою своею репутацией, онъ срывалъ отъ неопытныхъ кліентовъ огромные куши часто по совершенно безспорнымъ дѣламъ и, выигрывая ихъ, увѣрялъ своихъ наивныхъ довѣрителей, что только благодаря цѣлому ряду самыхъ неожиданныхъ комбинацій ему удалось отстоять ихъ дѣло. Ему вѣрили, и слава его росла, и хотя его мечта сдѣлаться знаменитымъ уголовнымъ защитникомъ такъ и не сбылась, но его положительно завалили крупными гражданскими дѣлами, а такъ какъ и самые крупные конкурсы попадали тоже въ его руки, то заработокъ его достигалъ огромной суммы.

Но это уже не удовлетворяло его разыгравшагося аппетита. Все, что зарабатывалось, пускалось въ оборотъ, отдавались деньги подъ вторыя закладныя, вносились за огромные проценты нотаріальные залого за лицъ, желавшихъ занять эти должности и не имѣвшихъ на это личныхъ средствъ. За такіе же проценты давались деньги на залого судебнымъ приставамъ,—и такимъ образомъ создавался кругъ подневольныхъ людей во всѣхъ тѣхъ сферахъ, гдѣ требовалось ихъ имѣть адвокату кабинету. Ссужались деньгами и писцы тѣхъ канцелярій, въ которыхъ находились наиболѣе интересныя дѣла, и отъ нихъ взамѣнъ процентовъ требовались извѣстныя услуги, а въ такихъ учрежденіяхъ, какъ Духовная консисторія и Сиротскій судъ, ссужались деньгами и не одни писцы.

И все это обставлялось такъ, что ни о малѣйшей придиранкѣ не могло быть и рѣчи: сдѣлки заключались отъ имени подставныхъ лицъ, въ свою очередь находившихся въ полной зависимости отъ того или другого фактическаго дѣятеля кабинета, и часто даже люди, получая необходимыя имъ деньги, не знали, чьи именно это деньги, и могли объ

этомъ только догадываться, ибо въ силу договорныхъ отношеній обязывались сдѣлать то-то и то-то, и малѣйшее нарушеніе этихъ условій грозило имъ неминуемымъ разореніемъ, такъ какъ всякая такая сдѣлка обезпечивалась векселями по предъявленіи.

Ө. Н. Плевако.

Чаще же всего таковыя сдѣлки заключались отъ имени писмоводителя или одного изъ его братьевъ.

И хотя все эти сдѣлки обставлялись глубочайшею тайной, однако имена дѣйствительныхъ заимодавцевъ нѣтъ-нѣтъ да и всплывали, а если даже и не всплывали, то уже одно то, что все имущество разоренныхъ оказывалось въ рукахъ одного изъ фактическихъ дѣльцовъ этого кабинета, служи-

ло яснымъ указаніемъ, въ чью пользу заключались тѣ или другія сдѣлки.

Въ судебныхъ сферахъ съ большою безгласностью относились къ этого рода дѣламъ. Впослѣдствіи, черезъ два-три года, кабинеты этого рода стали возникать то тамъ, то здѣсь, но первою ласточкой въ сферѣ деморализаціи адвокатскихъ нравовъ все-таки являлся Соловьевъ и съ его легкой руки подобные дѣльцы стали плодиться, какъ грибы послѣ дождя, благо почва для этого была какъ нельзя болѣе благоприятна.

Яркимъ примѣромъ такого безцеремоннаго отношенія къ чужому добру являлся какъ разъ возникшій въ это время конкурсъ по дѣламъ огромнаго сталелитейнаго завода Корчагина и Вильямсъ, доходы съ котораго опредѣлялись въ 800 тысячъ рублей въ годъ и конкурсная масса котораго при возникновеніи конкурснаго производства достигала нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей.

И этотъ заводъ не выдержалъ натиска конкурсистовъ новой формаціи, которые въ концѣ концовъ ухитрились продать его за 800 тыс. рублей т. е. за цѣну приносимаго имъ въ годъ дохода!

Сдѣлавшись по преимуществу конкурсистомъ и наживая огромныя средства, Соловьевъ все таки не сдѣлался знаменитымъ уголовнымъ защитникомъ, о чемъ онъ ранѣ мечталъ.

Людямъ совершенно иного сорта было суждено явиться коренными уголовныхъ процессовъ. Уже къ концу 1866 г. на этомъ фонѣ выдвинулись три фигуры, обѣщавшія завоевать будущее. Это были Ѳ. Н. Плевако, кн. А. И. Урусовъ и С. С. Шайкевичъ упомянутый мною выше. Всѣ они еще только были кандидатами на судебныя должности, первые двое при судѣ и послѣдній—въ прокуратурѣ, но уже съ первыхъ своихъ выступленій заставили о себѣ говорить, какъ о выдающихся талантахъ.

Всѣ трое уже тогда представляли собою крупную величину, почти равную по силѣ талантовъ, но весьма различную по ихъ качеству. Параллели проводить между однимъ изъ нихъ и другимъ не было ни малѣйшей возможности,—то, что было присуще одному, совершенно отсутствовало у другого, и о сравненіи одного съ другимъ не могло быть и рѣчи.

Тѣмъ не менѣе первое мѣсто среди нихъ все-таки занималъ Ѳ. Н. Плевако. Какъ нѣтъ Бога, кромѣ Бога, такъ не было, да, вѣроятно еще долго и не будетъ ему равнаго. Это былъ глашатай міровыхъ истинъ и присутствіемъ божественной искры въ его душѣ объяснялось то обаяніе, которое производили его рѣчи. Самъ отдаваясь охватившему его впечатлѣнію, онъ увлекалъ за собою и другихъ, но для того, чтобы возникло это впечатлѣніе, необходима была надлежащая почва, нужна была наличность попорнаго человѣческаго права или человѣческой личности, и въ борьбѣ за нихъ онъ являлся то грознымъ мстителемъ, то нѣжнѣйшимъ ихъ охранителемъ. Увлекаясь самъ, онъ увлекалъ и другихъ, но для этого и стимулы должны были быть общественнаго характера. Тамъ гдѣ этого рода стимуловъ не было, гдѣ обвиняемый руководился исключительно желаніемъ нажиться, тамъ безвѣтными и неодухотворенными являлись рѣчи Ѳ. Н. Плевако, и такой обвиняемый не могъ себя чувствовать въ безопасности за спиной этого гиганта.

Эта черта его таланта рѣзко опредѣлилась съ первыхъ же его выступленій, и, зная содержаніе принятаго имъ на себя дѣла, всегда можно было съ увѣренностью сказать, какова будетъ рѣчь защитника. Нельзя было опредѣлить только ту силу обаянія, которое она произведетъ,—до такой степени являлась она всегда захватывающей.

Это былъ въ самомъ обширномъ и точномъ смыслѣ этого слова трибунъ. Всѣ наслоенія, порою очень непривлекательныя, присущія ему, какъ человѣческой личности, безслѣдно

исчезали, какъ только онъ вступалъ въ духовное общеніе съ жадно внимавшей ему аудиторіей, и яркимъ свѣтильникомъ разгоралась божественная искра, никогда не потухавшая въ его душѣ. Въ какую-бы грязь онъ ни окунулся въ своей повседневной жизни, она всегда оставалась далеко въ сторонѣ, какъ только онъ приступалъ къ священнодѣйствію. Выступая по тому или другому процессу, онъ не особенно считался съ личностью своего подзащитнаго и всякій фактъ прежде всего освѣщаль съ идейной точки зрѣнія, въ немъ ища объясненія и защиты для попавшаго въ бѣду человѣка.

Рѣзкую ему противоположность являли собою С. С. Шайкевичъ. Его человѣческая личность была тѣсно звязана съ принятыми на себя обязанностями, и человѣкомъ онъ былъ всегда—и прежде всего. Едва-ли когда-нибудь онъ былъ способенъ поддаться чувству; разумъ всегда стоялъ у него на стражѣ не только всякаго его дѣянія, но и всякаго помысла, и этотъ разумъ, всегда являющійся надежнѣйшимъ изъ совѣтчиковъ, никогда не давалъ ему хотя-бы чуть-чуть уклоняться съ намѣченнаго пути въ сторону, какими бы соблазнами она ни была обставлена. Это былъ корректнѣйшій изъ людей, твердо вѣрившій въ то, что безупречное имя является лучшею порукой за человѣка въ сферѣ его общественной дѣятельности и что только оно обезпечиваетъ человѣку безграничное къ нему довѣріе. И въ то время, когда и болѣе талантливые его сверстники и спотыкались, и падали, и снова вставали, прилагая огромныя усилія, чтобы стряхнуть прилипшую къ нимъ грязь, онъ твердо шелъ съ гордо поднятою головою, всегда безупречно чистый, никогда не склонявшійся ни на какой компромиссъ. Въ этомъ главнымъ образомъ и крылся залогъ того успѣха, который выпадалъ на его долю. Онъ не былъ такъ талантливъ, какъ Плевако и кн. Урусовъ, но за-то его аргументація и сила логики были неотразимы. Его рѣчь не сверкала блесками

остроумія, но его доводы были всегда убѣдительны и уже исключали какія бы то ни было сомнѣнія. За уголовными дѣлами онъ особенно и не гнался, но брался за нихъ, когда его объ этомъ очень просили, и всегда умѣлъ найти тотъ тонъ, который говорилъ въ пользу его кліента. Главнымъ-же образомъ его дѣятельность сосредоточивалась въ судѣ гражданскомъ, и его кассационныя жалобы представляли собою филигранную работу ученаго юриста, въ смыслѣ разработки мельчайшихъ деталей каждаго вопроса, обсудить который онъ брался.

Кропотливый трудъ молодого юриста, въ связи съ необычайною убѣдительностью приводимыхъ имъ аргументовъ, создали С. С. Шайкевичу огромную кліентуру, въ итогъ давшую ему миллионное состояніе, съ которымъ въ концѣ-концовъ онъ и покинулъ навсегда Россію.

Нельзя однако отрицать и того, что это былъ первый изъ счастливчиковъ, которому сразу повезло на этомъ трудномъ и скользкомъ поприщѣ.

Случилось это такимъ образомъ: Шайкевичъ въ началѣ своей карьеры состоялъ кандидатомъ у прокурора Судебной Палаты Ровинскаго, очень цѣнившаго его трудоспособность и ясность оцѣнки спорныхъ фактовъ, и уже время отъ времени назначался на особенно тяжелыя защиты.

Какъ разъ въ это время въ одномъ изъ уѣздовъ Московской губерніи была звѣрски вырѣзана семья кабатчика, причемъ изъ 8 жертвъ этого страшнаго злодѣянія была найдена на печи 5-лѣтняя дочь кабатчика съ признаками жизни, хоть и въ безсознательномъ состояніи, такъ какъ у нея ломомъ были раздроблены кости черепа. Отправленная въ больницу, дѣвочка проболѣла шесть недѣль, и когда она настолько оправилась, что можно было приступить къ разспросамъ, она на вопросъ, не знаетъ-ли, кто убилъ ея семью, ясно и настойчиво утверждала, что убивалъ ихъ солдатъ Василій съ другими солдатами.

На этого солдата Василия и до его опроса падало подозрѣніе въ совершеніи убійства, какъ на заведомая этого кабака, съ которымъ кабатчикъ дружилъ и котораго видѣли въ томъ кабакѣ и вечеромъ передъ убійствомъ.

Оговоръ дѣвочки только подтвердилъ это предположеніе, и рядовой Василій (фамилія его я теперь не помню) былъ преданъ Военному Суду за убійство.

Защищать этого солдата по указанію Ровинскаго и было предложено С. С. Шайкевичу. Дѣло было тяжелое, и какъ ни напрягалъ свои усилія молодой защитникъ, Военный Судъ приговорилъ солдата къ смертной казни.

Это произвело на него страшное впечатлѣніе, и вотъ, охваченный страхомъ за то, что не сумѣлъ отстоять ввѣренную ему жизнь, онъ написалъ жалобу въ Главный Военный Судъ, и эта первая письменная его жалоба, тогда-же напечатанная, произвела необычайную сенсацію.

Ее оцѣнили по достоинству не только публика, въ то время еще очень снисходительная, но и Главный Военный Судъ, отмѣнившій для осужденнаго смертную казнь и замѣнившій ее каторгой.

И съ этого времени имя молодого адвоката уже гремѣло; у него стала создаваться кліентура, требовавшая времени и труда. Заниматься адвокатурой и оставаться кандидатомъ было уже трудно, и Ровинскій посоветовалъ ему записаться въ помощники къ какому-либо присяжному повѣренному.

Вотъ тутъ-то и улыбнулась ему судьба. Лѣтомъ 1867 г. присяжный повѣренный Соловьевъ, къ которому Шайкевичъ приписался въ качествѣ помощника, на ярморочное время уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ для того, чтобы и тамъ запастись кое-какими дѣлами. Увѣренный въ безупречной корректности Шайкевича, на него онъ и оставилъ свой кабинетъ.

Въ эту отлучку Соловьева къ нему явился ярославскій купецъ-богачъ и передалъ ему для взысканія довольно крупное дѣло. Шайкевичъ это дѣло принялъ, взявъ отъ

кліента довѣренность на имя Соловьева, и, какъ было между нимъ и Соловьевымъ условлено, повелъ это дѣло по передовѣрію отъ Соловьева за определенное процентное вознагражденіе. Дѣло это Шайкевичемъ было блестяще выиграно, и такъ какъ во время производства его-ему частенько приходилось видаться съ этимъ довѣрителемъ, то послѣдній и успѣлъ оцѣнить его способности.

А между тѣмъ у этого-же кліента назрѣвалъ другой процессъ, на этотъ разъ уже не въ нѣсколько тысячъ, а въ два милліона рублей. И съ этимъ процессомъ онъ не обратился уже къ Соловьеву, а попросилъ Шайкевича взять его лично на себя и, условившись уплатить ему за успѣшное окончаніе 150 тысячъ рублей, выдалъ ему солидный авансъ.

Конечно, при такихъ условіяхъ Шайкевичъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія отказываться отъ этого дѣла и передавать его Соловьеву отъ котораго полученіе этого дѣла онъ и не скрывалъ, но Соловьевъ счелъ себя чуть-ли не ограбленнымъ Шайкевичемъ, вина котораго заключалась лишь въ томъ, что онъ познакомился съ тѣмъ кліентомъ у него въ кабинетѣ,—и втеченіе всей своей жизни не могъ примириться съ мыслью, что такой кушъ проплылъ мимо его рукъ. Всякія отношенія между нимъ и Шайкевичемъ тогда-же были порваны и ужъ больше онъ своихъ крупныхъ кліентовъ не знакомилъ со своими помощниками, боясь новаго „предательства“, какъ онъ характеризовалъ поступокъ Шайкевича.

Положеніе Шайкевича этимъ дѣломъ, опять блестяще выиграннымъ, было навсегда упрочено.

Увѣренный въ успѣшномъ окончаніи этого дѣла, а, слѣдовательно, и въ полученіи за него условленнаго гонорара, солидно обезпеченный выданнымъ ему крупнымъ авансомъ, Шайкевичъ въ то же лѣто отправился на родину въ Одессу, тамъ женился на дѣвушкѣ съ хорошими средствами и къ осени вернулся въ Москву уже богатымъ человѣкомъ.

У Конечно, многие были склонны объяснять безупречность Шайкевича тѣмъ, что ему повезло въ самомъ началѣ его карьеры, что онъ не зналъ борьбы изъ-за куска хлѣба, но тотъ, кто видалъ, какъ рѣзко измѣнялось выраженіе его красиваго лица, когда ему предлагали что-нибудь сомнительное, тому было ясно, что Шайкевичъ не пойдетъ ни на какіе компромиссы.

Это выраженіе его лица однажды удалось видѣть Конст. Карл. Шильдбаху, когда онъ предложилъ Шайкевичу, какъ юрисконсульту Кредитнаго общества, выступить по одному нечистоплотному дѣлу; Шайкевичъ только отвѣтилъ, что дѣла этого сорта могутъ быть поручаемы другимъ, но, очевидно, выраженіе его лица при этихъ словахъ произвело сильное впечатлѣніе на Шильдбаха, такъ какъ онъ втеченіе многихъ лѣтъ помнилъ объ этомъ инцидентѣ, причемъ въ высшей степени удачно изображалъ выраженіе лица Шайкевича. Съ тѣхъ поръ въ Кредитномъ обществѣ и было рѣшено имѣть не одного, а двухъ юрисконсультовъ. Очевидно, какъ ни трунилъ Шильдбахъ надъ Шайкевичемъ, а еще разъ увидеть такое выраженіе лица своего повѣреннаго не желалъ.

Таковъ былъ Шайкевичъ съ самаго начала своей карьеры, такимъ онъ оставался болѣе 20-ти лѣтъ, вплоть до самаго своего отъѣзда за-границу.

Ничего общаго съ двумя первыми не имѣлъ третій знаменитый адвокатъ—кн. А. И. Урусовъ. Онъ не былъ такъ талантливъ, какъ Плевако, и не былъ такъ уменъ, какъ Шайкевичъ, но все-же онъ былъ талантливѣе всѣхъ остальныхъ тогдашнихъ представителей присяжной адвокатуры. Это былъ находчивый остроумецъ, которыхъ знавало и раньше сытое барство, получавшее не столько глубокое, сколько блестящее воспитаніе. Ему точно такъ-же, какъ и Плевако, была нужна аудитория. Но онъ не былъ глашатаемъ міровыхъ истинъ, не велъ за собою толпы, а самъ гнался за ея одобре-

ніемъ, заботясь лишь о томъ, чтобы ей угодить. Въ этомъ и заключалась существенная разница между этими двумя талантливыми, но одинаково слабыми и безвольными людьми, не умѣвшими да, пожалуй, и не желавшими бороться съ окружающими ихъ искушеніями. Это набрасывало на нихъ тѣнь, и общество, которое, поклоняясь кумирамъ, не лю-

Кн. А. И. Урусовъ.

бить, чтобы они шатались на своихъ пьедесталахъ, ставило это имъ на счетъ. И вотъ тутъ снова выступала рѣзкая разница между этими двумя людьми: Плевако стыдился своихъ промаховъ, все, чего стыдился, старался прятать поглубже, а если оно всплывало на поверхность,—всегда былъ готовъ къ покаянію, твердо памятуя, что „повинную голову и мечъ не сѣчетъ“.

Кн. Урусовъ, наоборотъ, если что-нибудь и скрывалъ, то не потому, что онъ самъ этого стыдился, а потому, что боялся, какъ-бы другіе объ этомъ не узнали и не осудили его.

А такъ какъ самъ онъ въ принципахъ былъ недостаточно твердъ, а проповѣдывалъ то, что было въ модѣ проповѣдывать, то случалось, что въ самый разгаръ либеральнѣйшей его рѣчи вдругъ изъ-за его спины выглядывалъ старый, дореформенный крѣпостникъ.

Въ этомъ смыслѣ особенную сенсацию въ публикѣ произвела его рѣчь въ Мировомъ Съѣздѣ по дѣлу де-Ладевеза. Де-Ладевезъ, сынъ француженки, имѣвшей въ Москвѣ большую цвѣточную мастерскую, хотя и не былъ аристократомъ, однако, получилъ прекрасное образованіе и кончилъ московскій университетъ. Женился онъ на дѣвушкѣ, кончившей гимназію, дочери театральнаго капельдинера.

На другой день послѣ свадьбы молодые ѣздили съ визитами. На ихъ несчастье одни изъ знакомыхъ ихъ жили въ домѣ одного изъ товарищей предсѣдателя московскаго Окружнаго Суда, Щепкина.

Когда карета де-Ладевеза подъѣхала къ дому Щепкина, кучеръ домовладѣльца подалъ лошадь хозяину и сталъ такъ, что загородилъ экипажемъ ворота, не давая каретѣ въѣхать во дворъ. Напрасно кучеръ кареты просилъ его проѣхать впередъ и дать возможность въѣхать во дворъ,—онъ упрямо не двигался съ мѣста. Раздраженный этимъ де-Ладевезъ вышелъ изъ кареты и потребовалъ, чтобы онъ посторонился; кучеръ отвѣтилъ ему дерзостью и всплывшій де-Ладевезъ его ударилъ.

Вотъ за это-то де-Ладевезъ и былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности. По просьбѣ товарища предсѣдателя Щепкина частнымъ обвинителемъ отъ лица кучера и выступилъ князь Урусовъ.

Де-Ладевезъ, сознавая всю неприглядность своего поступка, не только соглашался извиниться передъ обижен-

нымъ имъ кучеромъ, но готовъ былъ ему еще и заплатить за обиду, сколько тотъ попроситъ. Конечно, кучеръ съ радостью-бы на это согласился, но объ этомъ и слышать не хотѣли ни Щепкинъ, ни кн. Урусовъ, и кучеру поневолѣ пришлось имъ подчиниться.

Человѣческое достоинство кучера было поругано де-Ладевезомъ,—развѣ-же можно было упустить случай горячо поратовать на эту тему? Конечно, кн. Урусовымъ была приготовлена и блестяще произнесена горячая, громоподобная рѣчь.

И защитнику де-Ладевеза уже не приходилось ее опровергать: насиліе было учинено и искупить этотъ грѣхъ только и можно было покаяніемъ. Прося Съѣздъ о снисхожденіи къ всплывшему молодому человѣку, защитникъ обратилъ вниманіе судей на то, что должна будетъ переживать молодая женщина, когда ея мужъ почти вслѣдъ за свадьбой попадетъ въ тюрьму.

И вотъ, когда кн. Урусовъ сталъ возражать на эту защиту, въ душѣ его проснулся баричъ, и онъ обратился къ судьямъ съ такими словами: „Что касается до того, гг. судьи, что будетъ переживать эта молодая женщина, когда ея мужъ попадетъ въ тюрьму, то не надо забывать, изъ какой среды вышли эти люди: вѣдь самъ де-Ладевезъ—сынъ цвѣточницы, а его жена—только дочь капельдинера“.

Негодующіе возгласы публики заставили его смолкнуть. Онъ обернулся и вмѣсто обычнаго восхищенія увидалъ враждебныя лица. Принципы равенства и братства въ тѣ времена стояли на такой высотѣ, что неуваженіе къ нимъ считалось смертнымъ грѣхомъ и не прощалось даже и любимцамъ публики. А молодой защитникъ, въ душѣ котораго баричъ никогда не уживался съ плебеемъ и прятался въ темный уголокъ только потому, что безъ этого публичный успѣхъ былъ немислимъ, не сразу даже сообразилъ, въ чемъ заключался его промахъ. И только благодаря этому промаху

дѣло его было проиграно, и де-Ладевезъ отдѣлался денежнымъ штрафомъ. Урусовъ-же около полугода подвергался за сорвавшуюся съ языка затаенную мысль самымъ злымъ насмѣшкамъ.

Но такія неудачи ему легко удавалось сглаживать новыми болѣе яркими выступленіями, и онъ все-таки оставался кумиромъ толпы, подыскивая для себя такія защиты, которыя были особенно симпатичны публикѣ, гдѣ преступленіе являлось не результатомъ злой воли его совершившаго, а вытекало изъ безвыходности положенія обвиняемаго.

Защиты Мавры Волоховой, изстрадавшейся отъ пьянства своего мужа и въ концѣ-концовъ его убившей; баронесы Ганъ, совсѣмъ не владѣвшей русскимъ языкомъ и переправившей на выданномъ ей паспортѣ срокъ въ одинъ годъ на „три годовъ“ только потому, что ей сказали, что только кухаркамъ выдаютъ паспорта на одинъ годъ; наконецъ, защита 13-ти-лѣтней дѣвочки Умецкой, совершившей поджогъ усадьбы ея родителей, всю жизнь безчеловѣчно ее истязавшихъ,—все это въ первый-же годъ его адвокатской практики создало кн. Урусову крупное имя.

И даже столкновеніе кн. Урусова съ предсѣдательствовавшимъ по дѣлу Дитриха, обвинявшагося въ сбытѣ завѣдомо фальшивой серіи, товарищемъ предсѣдателя Арсеньевымъ не только не дискредитировало его въ глазахъ публики, но, наоборотъ, вызвало къ нему еще большую симпатію, какъ къ человѣку, потерпѣвшему за независимость.

Это столкновеніе произошло при такихъ обстоятельствахъ. Въ числѣ свидѣтелей по дѣлу Дитриха вызывался 14-лѣтній Абросимовъ, мальчикъ не только застѣнчивый, но и въ высшей степени неразвитой, не умѣвшій навѣрное сказать, минуло ему 14 лѣтъ или нѣтъ, и въ виду этого даже допрошенный безъ присяги.

Вотъ отъ этого то свидѣтеля кн. Урусовъ и пожелалъ съ точностью добиться, въ которомъ часу пришелъ къ нимъ

въ магазинъ обвиняемый. Что это было среди дня, мальчикъ это помнилъ.

— Значить, это было въ полдень? — спрашивалъ кн. Урусовъ.

— Да, въ полдень.

— До вашего обѣда или послѣ?

— Нѣтъ, послѣ обѣда.

— А въ которомъ часу вы обѣдаете?

— Въ два часа.

— Такъ какъ-же вы говорите, что въ полдень? Было-ли это въ полдень или послѣ двухъ часовъ?

Мальчикъ растерялся и безпомощно молчалъ, только разводя руками. На выручку ему поспѣшилъ предсѣдатель.

— Достаточно, г. защитникъ,—замѣтилъ онъ,—дальнѣйшій допросъ можетъ сбить мальчика. Я этого не допущу.

Это замѣчаніе однако не смутило молодого адвоката. Увѣренный, что общественное мнѣніе на его сторонѣ, онъ развязно заявилъ:

— Я не сбиваю свидѣтеля, а если мнѣ нельзя дѣлать вопросовъ, то я отказываюсь продолжать допросъ и прошу занести въ протоколъ, что г. предсѣдатель стѣсняетъ право защитника при допросѣ свидѣтеля.

Предсѣдатель предложилъ секретарю занести это ходатайство въ протоколъ, и казалось-бы, что этимъ инцидентъ и долженъ былъ закончиться, но кн. Урусовъ уже закусили удила и успокоиться не желалъ.

— Г. предсѣдатель нарушилъ 612 ст. Уст. уг. суд.,—заявилъ онъ, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ.

Предсѣдатель замѣтилъ, что обсуждать дѣйствія предсѣдателя защитникъ права не имѣетъ, а можетъ лишь требовать занесенія ихъ въ протоколъ, и предложилъ продолжать допросъ.

— Я предпочитаю вовсе не задавать вопросовъ, если не могу предлагать тѣ вопросы, которые желаю,—возразилъ защитникъ.

— Какъ угодно,—отвѣтилъ предсѣдатель.—Если вы защищаете не свое самолюбіе, а интересы подсудимаго, и имѣете предложить свидѣтелю вопросы, то я предлагаю вамъ продолжать допросъ, а если не желаете,—какъ вамъ угодно.

Свидѣтеля этого, однако, никто больше допрашивать не захотѣлъ, и ему было предложено сѣсть. Предсѣдатель, прочитавъ главу о засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, разъяснилъ, что всѣ участвующіе въ засѣданіи обязаны подчиняться предсѣдателю, и заявилъ защитнику, что выраженное имъ сужденіе на судѣ онъ признаетъ отступленіемъ отъ порядка и повиновенія, за что и дѣлаетъ ему предостереженіе, предупреждая, что въ случаѣ повторенія онъ лишитъ его слова и попроситъ оставить судебное засѣданіе.

Сдѣлавъ это замѣчаніе, предсѣдатель объявилъ перерывъ, видимо желая успокоиться самъ и дать возможность успокоиться защитнику.

Но такой оборотъ дѣла кн. Урусовъ считалъ для себя пораженіемъ и не желалъ уступать поля битвы. Какъ только судъ возобновилъ засѣданіе, онъ снова пожелалъ сдѣлать заявленіе.

— Передъ перерывомъ,—началъ онъ,—г. предсѣдатель сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, котораго, признаюсь, я не понимаю...

—Позвольте, позвольте!—перебилъ его предсѣдатель,—Вы возвращаетесь къ тому-же предмету. Я васъ предупреждалъ, а теперь лишаю слова и приглашаю васъ удалиться изъ зала засѣданія.

Тутъ надо замѣтить, что, участвуя въ дѣлѣ, кн. Урусовъ никогда не входилъ и не выходилъ въ ту дверь, въ которую обыкновенно входятъ защитники,—это онъ считалъ ниже своего княжескаго достоинства, а всегда входилъ и

выходилъ въ ту дверь, въ которую входятъ судьи. И эту свою привычку онъ сохранилъ до самой смерти.

Такъ было и на этотъ разъ. Собравъ свои бумаги и взоидя на возвышеніе, на которомъ сидятъ судьи и по которому надо пройти въ ту дверь, откуда выходятъ судьи, онъ уже повышеннымъ тономъ заявилъ суду, что „при такихъ условіяхъ защита невозможна и что онъ протестуетъ противъ нарушенія права свободы защиты“.

Тутъ уже не выдержалъ и предсѣдатель и тоже повышеннымъ тономъ замѣтилъ:

—Милостивый государь, извольте замолчать! Вы кандидатъ на судебныя должности и можете подвергнуться дисциплинарному взысканію!

—Я больше не кандидатъ!—еще болѣе повышеннымъ тономъ отвѣтилъ кн. Урусовъ и, хлопнувъ дверью, вышелъ.

Что онъ былъ кругомъ неправъ, этого публика въ достаточной мѣрѣ не учла; наоборотъ, его высокомѣрное обращеніе къ суду и демонстративный уходъ произвели впечатленіе и окружили его ореоломъ мученичества за свободу слова.

А защитникъ отлично понималъ, что этотъ своеобразный съ его стороны выпадъ будетъ на руку и его кліенту.

Дѣло было довольно безнадежное: пострадала отъ преследуенія небогатая женщина, и, конечно, всѣ симпатіи суда совѣсти были на ея сторонѣ, а не на сторонѣ ея обидчика.

Когда-же онъ вслѣдствіе происшедшаго инцидента остался безъ защиты, предсѣдатель и самъ обратился къ присяжнымъ засѣдателямъ съ усердной просьбой не только углубить свое вниманіе къ дѣлу, но и возможно чутко отнестись къ положенію обвиняемаго, оставшагося безъ защиты. Не сталъ особенно настаивать на его виновности и товарищъ прокурора Уманецъ. Свято въ тѣ времена чтился принципъ, что „беззащитнаго не бьютъ“, и нарушать его дерзали только втихомолку.

И подсудимый, заявивший, что онъ считаетъ своимъ долгомъ вознаградить потерпѣвшую, былъ оправданъ.

Угроза кн. Урусова, что онъ „больше не кандидатъ“, осталась пустымъ звукомъ. Тогда судебный міръ представлялъ собою не враждующія партіи, а добрую семью, и по-

М. И. Доброхотовъ.
Предсѣдатель 1-го Совѣта Прис. Повѣрен.

тому остальные члены этой семьи постыжились примирить разсердившагося товарища предсѣдателя съ зарвавшимся кандидатомъ. Оба они извинились другъ передъ другомъ, сознавшись, что не въ мѣру погорячились, и добрыя отношенія были установлены. Эта простота отношеній между старшими и самыми младшими членами семьи, безъ раз-

личія ихъ служебныхъ положеній, была симпатичнѣйшею чертою того хорошаго времени.

Таковы были эти три центральныя фигуры вновь народившейся въ русской жизни адвокатуры, но пока это были еще только кандидаты на судебныя должности, лишь готовившіеся записаться въ помощники къ присяжнымъ повѣреннымъ. Среди послѣднихъ уже были люди, хотя и не обладавшіе такими выдающимися талантами, но въ высшей степени способные и успѣвшіе въ самое короткое время заручиться репутаціей честнѣйшихъ и корректнѣйшихъ людей по отношенію къ своимъ кліентамъ.

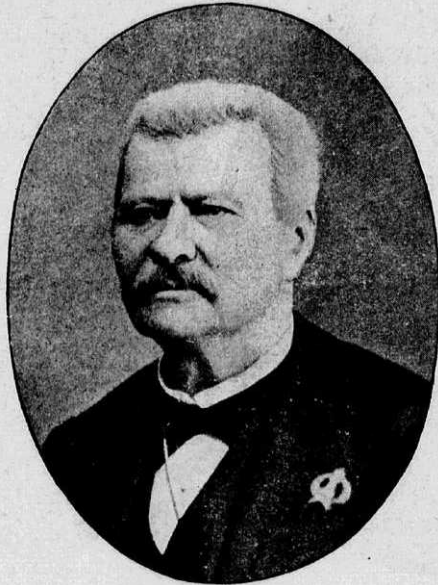
Первое мѣсто среди нихъ занималъ до самой своей смерти остававшійся предсѣдателемъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ М. И. Доброхотовъ, но такую-же чистую и безукоризненную репутаціей пользовались и А. М. Фальковский, Н. В. Юрьевъ и К. А. Рихтеръ.

Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, съ М. И. Доброхотовымъ во главѣ, началъ функціонировать съ 29 сентября 1866 г., и до истеченія этого года имъ, кромѣ избранныхъ вначалѣ особою комиссіей 21 человѣка, были приняты въ сословіе еще восемь человѣкъ, изъ которыхъ шестеро оставались въ Москвѣ, а двое уѣзжали работать въ Тверь. Кромѣ того въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ были зачислены семь человѣкъ и такимъ образомъ комплектъ адвокатовъ въ первый годъ существованія суда состоялъ изъ 39 человѣкъ. Къ сожалѣнію, совѣту уже не приходилось быть такимъ разборчивымъ, какимъ могла быть не заинтересованная въ этомъ дѣлѣ комиссія, такъ какъ особенная щепетильность могла быть объяснена въ смыслѣ нежеланія допустить въ свою среду лишняго конкурента, а между тѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя уступчивость эта уже дала себя почувствовать сословію.

Въ первый годъ существованія совѣта на дѣйствія членовъ сословія были принесены двѣ жалобы, изъ которыхъ

при самомъ серьезномъ къ нимъ отношеніи уважена была только одна и по ней было сдѣлано присяжному повѣренному замѣчаніе.

Однако эта новая форма судебной защиты не упразднила печальнаго явленія, прототипомъ котораго въ судѣ дореформенномъ являлись частью стряпчіе, ктившіеся пре-

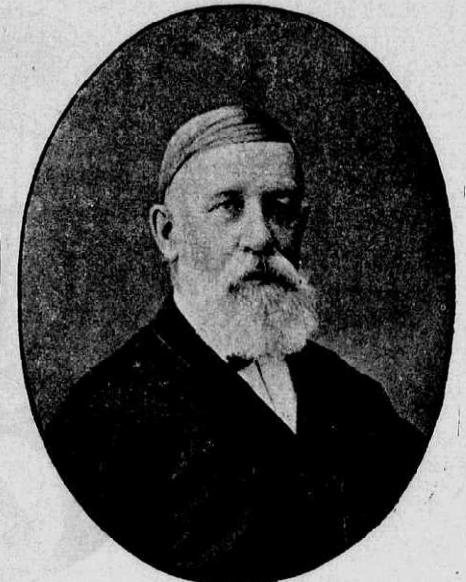
А. М. Фальковскій.

имущественно вокругъ Коммерческаго Суда, частью тѣ отбросы старыхъ судебныхъ учреждений, которые, потерявъ по той или другой причинѣ служебное положеніе и опустившись на дно жизни, промышляли у Иверской часовни, обслуживая за гроши судебныя нужды бѣдняковъ.

Да оно и понятно: число присяжной адвокатуры было ничтожно сравнительно съ тѣмъ количествомъ дѣлъ, которое возникло въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Всѣ были увѣрены, что поговорка: „съ богатымъ не судись“ отошла въ область преданія, и энергично шли отстаивать свои права въ судѣ, тогда еще скорый.

Тов. Предс. 1-го Совѣта
прис. повѣр. Г. Г. Костаревъ.

Членъ 1-го Совѣта
прис. повѣр. А. И. Тольхъ.

Представители адвокатуры, погорло заваленные хорошо оплачиваемыми дѣлами, поневолѣ вынуждены были отказываться отъ дѣлъ болѣе мелкихъ, а это было какъ разъ на руку всѣмъ тѣмъ, кто искалъ поживы вокругъ судебныхъ учреждений.

И вотъ, чтобы хоть нѣсколько обуздать разыгрывающіеся аппетиты, министерству юстиціи поневолѣ пришлось снизить до регламентаціи частной адвокатуры.

Къ сожалѣнію, съ теченіемъ времени позабыли о причинахъ возникновенія частной адвокатуры, и даже теперь, когда то здѣсь, то тамъ возбуждаются вопросы о переполненіи сословія присяжной адвокатуры и о необходимости введенія комплекта, частная адвокатура, менѣе всего имѣющая право на существованіе, благополучно растетъ и множится, являя судебному міру необычайные приемы безцеремонности.

Но объ этомъ рѣчь впереди, такъ какъ и частная адвокатура въ первый годъ своего существованія остерегалась, будучи увѣрена, что въ случаѣ чего ее не помилуютъ. И только уже нѣсколько лѣтъ спустя, когда она убѣдилась, что очень много ей сходитъ съ рукъ такого, что не прошло-бы даромъ члену корпораціи, она закусила удила и, ничѣмъ не брезгуя, ничѣмъ не стѣняясь, проявила изумительную отвагу, особенно въ сферѣ конкурсныхъ производствъ.

Что-же касается корифеевъ уголовной адвокатуры, то надо сознаться, что ихъ торжественное шествіе по пути къ славѣ далеко не было усыпано одними розами. Попадались подъ ноги и шипы, которые кололись больно. Успѣхъ даромъ не давался,—надо было и работать, и учиться, и много, очень много читать, чтобы не спастись передъ такими противниками, каковымъ, напримѣръ, въ прокуратурѣ являлся тов. прок. М. Ф. Громницкій, тоже блиставшій яркою звѣздой, причемъ на его сторонѣ, кромѣ выдающагося таланта, былъ еще и опытъ болѣе зрѣлаго человѣка, были и знанія, добытыя, помимо науки, еще и практикой жизни.

Но и кромѣ этого талантливаго обвинителя, въ прокуратурѣ было нѣсколько человѣкъ, очень способныхъ и не охотно уступавшихъ трофеи своимъ молодымъ противникамъ.

А въ канцеляріи прокурора Судебной Палаты Ровинскаго, этомъ разсадникѣ особенно серьезныхъ, ученыхъ юристовъ, пока еще только назрѣвалъ такой огромный талантъ, какимъ впослѣдствіи оказался А. О. Кони.

Но у первыхъ прославившихся адвокатовъ являлись солидные конкуренты не только среди прокуратуры, но и

М. О. Громницкій.

въ собственной средѣ. Это были люди, если и не превосходившіе ихъ талантами, то во всякомъ случаѣ очень способные, которыхъ публика слушала съ большимъ удовольствіемъ. Таковыми были, напримѣръ, С. В. Щелканъ, перемѣстившійся въ 1868 г. въ сословіе изъ судебныхъ слѣдователей, и записавшійся въ числѣ другихъ въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ Л. А. Куперникъ, впослѣдствіи

стяжавшій большую славу, и А. А. Спиро, вносившій въ каждое дѣло, за которое брался, элементъ нѣжности, за что среди дамъ онъ имѣлъ огромное количество самыхъ усердныхъ поклонницъ. И, наконецъ, такими соперниками являлись люди и не талантливые, и ничѣмъ особенно не отличавшіеся, а просто или болѣе счастливые, или имѣвшіе большое знакомство, а всего болѣе, конечно, тѣ, которые успѣли заручиться хорошею репутаціей, какъ люди безупречные.

А среди цивилистовъ сословія уже съ января 1869 г. появилась такая огромная сила, какъ бывший профессоръ гражданскаго права А. И. Вицынъ, перечислившійся въ сословіе изъ числа членовъ московскаго Окружнаго Суда и послѣ скоростной смерти М. И. Доброхотова, послѣдовавшей въ ноябрѣ 1869 г., состоявшій предсѣдателемъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ до самаго назначенія его въ 1875 г. предсѣдателемъ Коммерческаго Суда, на каковомъ посту онъ и скончался.

Значительную часть кліентуры А. И. Вицына составляли его же товарищи по профессіи, приглашавшіе его къ своимъ кліентамъ для консультаціи, и эта консультація цѣнилась очень дорого.

Въ то же время и въ судебной сферѣ шло постепенное устройство, вызываемое практикой жизни. Такъ, на примѣръ, по инициативѣ товарища предсѣдателя гражданскаго отдѣленія Суда, Э. Н. Сумбула, перечисленнаго на эту должность изъ членовъ Суда въ октябрѣ 1866 г. и всю жизнь съ особенною энергіей отстаивавшаго достоинство Суда, былъ возбужденъ вопросъ, долженъ-ли товарищъ прокурора давать свое заключеніе по дѣламъ стоя или сѣдя.

Въ то время нѣкоторые изъ членовъ прокуратуры, исходя изъ того, что они равноправны съ остальными членами судебного состава, полагали, что они могутъ давать свое заключеніе сѣдя, такъ же, какъ докладываетъ дѣло доклад-

чикъ, и поэтому, давая заключеніе, ни за что не хотѣли вставать. Но въ январѣ 1867 г. министръ юстиціи разъяснилъ, что представители обвиненія или фиска являются сторонами въ дѣлѣ и, наравнѣ съ защитниками, въ уваженіе Суда, дѣйствующаго по Указу Его Императорскаго Величества, обязаны давать заключенія стоя.

До такой щепетильности доходила охрана старыми дѣятелями Суда судебного достоинства. Для нихъ это былъ храмъ, въ которомъ они, какъ его жрецы, священнодѣйствовали, и всякое неуваженіе къ нему казалось имъ кощунствомъ.

Въ другомъ случаѣ разногласіе вышло между товарищемъ предсѣдателя Арсеньевымъ и секретаремъ Жилинымъ-Кохновымъ, который въ засѣданіи Суда потребовалъ, чтобы предсѣдательствующій указалъ ему страницу дѣла, на которой находится актъ осмотра, который Судъ предложилъ ему огласить. И это свое требованіе секретарь основывалъ на томъ, что товарищъ предсѣдателя другого отдѣленія, П. А. Дейеръ, обыкновенно говоритъ ему, на какой страницѣ дѣла находится тотъ или другой документъ.

Это требованіе секретаря вызвало въ засѣданіи Суда довольно бурныя пререканія, кончившіяся тѣмъ, что секретарю сдѣлалось дурно; онъ вынужденъ былъ оставить залъ засѣданія и былъ замѣненъ помощникомъ секретаря, Н. И. Печкинымъ.

Поступокъ Жилина-Кохнова обсуждался въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ магистратуры, и хотя къ нему отнеслись снисходительно и нашли возможнымъ ограничиться только выговоромъ, но оставаться въ магистратурѣ онъ нашелъ уже неудобнымъ, перечислился въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ и уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ.

Въ началѣ 1868 г. въ персоналѣ московской магистратуры произошли нѣкоторыя измѣненія. Старшій предсѣдатель Судебной Палаты, Полѣновъ, перешелъ въ Сенатъ, и

его мѣсто занялъ культурнѣйшій изъ судебныхъ дѣятелей, Шаховъ. На его мѣсто председателемъ департамента Судебной Палаты былъ переведенъ Ровинскій, а прокуроромъ Судебной Палаты былъ назначенъ петербургскій председатель Суда, Г. Н. Мотовиловъ.

Все это были крупныя имена, оставившія по себѣ глу-

Г. Н. Мотовиловъ.

бокій слѣдъ, какъ ученые юристы, и свѣтлую память, какъ достойнѣйшіе люди, и ихъ совмѣстная дѣятельность съ такими-же чистыми и идейными людьми какъ Люминарскій, въ качествѣ председателя Суда, Сумбулъ и Дейеръ, председательствовавшіе въ качествѣ товарищей председателя въ гражданскихъ отдѣленіяхъ, и Арсеньевъ и Щепкинъ—

въ отдѣленіяхъ уголовныхъ, являла лучшія страницы въ жизни московскихъ судебныхъ учреждений.

Однако растлѣніе судебныхъ нравовъ уже назрѣвало. И, конечно, броженію въ этомъ смыслѣ прежде всего подвергся тотъ элементъ, который, съ одной стороны, менѣе всего былъ обезпеченъ, такъ какъ заработокъ его всегда почти являлся случайнымъ, а, съ другой стороны, находился почти внѣ контроля той среды, среди которой функционировалъ.

Таковымъ элементомъ, конечно, являлась адвокатура. Прежде всего это явленіе отразилось въ статистикѣ, отражающей въ себѣ всѣ жизненные факты съ точностью зеркала. А эти статическія данныя были неутѣшительны.

Такъ, въ первый годъ существованія этого сословія дисциплинарной карѣ со стороны совѣта присяжныхъ повѣренныхъ подвергся лишь одинъ изъ членовъ сословія, при чемъ эта кара выразилась въ формѣ замѣчанія, а втеченіе десяти лѣтъ, пока число членовъ корпораціи возросло до 200 человекъ, совѣтомъ было сдѣлано: одно замѣчаніе, девять внушеній, двадцать два предостереженія, девять выговоровъ, четвернымъ запрещалась практика на разные сроки, трое исключены изъ сословія и одинъ преданъ уголовному суду сразу по шести отдѣльнымъ дѣламъ. Въ общемъ же за этотъ періодъ времени подверглись разнаго рода взысканіямъ 49 человекъ.

По годамъ же эти кары распредѣлялись такимъ образомъ: въ 1866 г. на 29 человекъ приходилась одна, въ 1867 г. на 36 чел.—одна, въ 1868 г. на 46 чел.—три, въ 1869 г. на 61 чел.—семь, въ 1870 г. на 81 чел.—четыре, въ 1871 г. на 97 чел.—одна, въ 1872 г. на 102 чел.—двѣ, въ 1873 г. на 130 чел.—три, въ 1874 г. на 170 чел.—пять и въ 1875 г. на 220 чел.—двадцать двѣ.

Однако число этихъ каръ не могло достаточно ярко освѣтить дѣйствительное положеніе дѣятельности сословія. Дѣло

въ томъ, что, съ одной стороны, публика, еще не привыкшая строго охранять свои права, не спѣшила обращаться въ совѣтъ съ жалобами на повѣренныхъ, стараясь или придти съ ними къ какому-нибудь соглашенію путемъ всевозможныхъ уступокъ, или по-просту отплевываясь, если продѣлка казалась имъ достаточно грязною, и не желая въ этой грязи копаться.

Съ другой стороны, и сами адвокаты, когда имъ случалось поступать некорректно, всячески старались замечать свой слѣдъ. Этимъ и объясняется то, что девять десятыхъ подаваемыхъ на нихъ въ совѣтъ жалобъ оставлялись послѣднимъ безъ уваженія за бездоказательностью.

А между тѣмъ дѣлишки ими обдѣльвались всяческія. Не говоря уже о беззастѣнчивой растовщической дѣятельности Соловьева и его помощниковъ, одинъ, напримѣръ, изъ адвокатовъ получилъ въ качествѣ безконтрольнаго душеприказчика, давно уже выжившаго изъ ума, стараго генерала, двѣ трети оставшагося послѣ него состоянія, уступивъ остальную часть, въ размѣрѣ 30 тыс. руб., находившемуся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ безотлучно при больномъ старикѣ доктору и, не оставивъ на долю наслѣдниковъ ни единой копѣйки, благо у послѣднихъ, обожавшихъ старика-дядю, съ которымъ они всегда находились въ наилучшихъ отношеніяхъ, не хватало мужества позорить его память и доказывать, что старикъ уже задолго до составленія духовнаго завѣщанія находился въ послѣдней степени старческаго слабоумія.

Другой, убѣдивъ свою хорошенькую клиентку, съ которой занимался флиртомъ, дать мужу разводъ и взять съ него за это 15 тыс. руб., на что та, по его настоянію, и согласилась, и получивъ эти 15 тыс. съ ея мужа, клиенткѣ своей ихъ не передалъ, а далъ ей вмѣсто нихъ 15 векселей по тысячѣ рублей на разные сроки. Хотя она, разочаровавшись въ немъ въ послѣдствіи, эти векселя ко взыска-

нію и предъявила, но получить уже съ него было нечего, и ей вторично пришлось требовать съ мужа за тотъ же разводъ деньги, но и онъ въ этомъ ей отказалъ, успѣвъ уже вторично жениться.

Между прочимъ, въ началѣ 70-хъ годовъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ составила цѣлая компанія, которая специализировалась на томъ, чтобы оспаривать духовныя завѣщанія всѣхъ мало-мальски состоятельныхъ раскольниковъ, вчиняя таковыя споры отъ совершенно постороннихъ людей. Выиграть подобныя дѣла они, конечно, совершенно не рассчитывали, но, зная, что установленіе родства, за отсутствіемъ у раскольниковъ метрикъ, крайне затруднительно, а, главное, отнимаетъ массу времени, они и споры-то эти затѣвали исключительно затѣмъ, чтобы заставить дѣйствительныхъ наслѣдниковъ пойти на мировую и дать имъ отступное, которое они дѣлили пополамъ со своими довѣрителями. Эта компанія состояла изъ четырехъ человекъ, и изъ нихъ-то въ послѣдствіи одинъ и былъ преданъ суду за шесть отдѣльныхъ продѣлокъ, за которыя и угодили въ Сибирь, откуда вернулся уже 16 лѣтъ спустя.

Наконецъ, были и такіе, которые, пользуясь невѣжествомъ лицъ, обращавшихся къ нимъ за содѣйствіемъ, заключали съ ними разорительные для нихъ договоры, хотя ихъ содѣйствіе въ дѣлѣ сводилось почти къ нулю, а одинъ присяжный повѣренный въ 70-хъ годахъ былъ даже исключенъ изъ сословія за то, что, взявшись за вводъ во владѣніе безспорнымъ наслѣдственнымъ имуществомъ, стоившимъ около 50 тыс. руб., по договору со своею старою клиенткою выговорилъ себѣ за труды 25 тыс. руб., увѣривъ старушку, что вводъ во владѣніе имуществомъ въ Москвѣ потребуетъ съ его стороны много хлопотъ и расходовъ.

Все это прикрывалось отъ постороннихъ глазъ глубокой тайной. Многимъ изъ этого рода дѣльцовъ удалось дожить

до почетной старости, и лишь случайно выплывала то та, то другая продѣлка.

Но все таки преимущество прежняго времени заключалось въ томъ, что поступковъ этого рода стыдились, и тѣ, кто ихъ совершалъ, когда открывалось въ ихъ дѣятельности нѣчто позорное, или скрывались, порывая все съ прошлымъ, или кончали жизнь самоубійствомъ: нельзя было въ то время жить человѣку опозоренному.

Особенно это часто случалось съ тѣми, кто, въ надеждѣ на будущіе заработки, или затрачивалъ довѣрительскія деньги, или же неосторожно долженъ своимъ же собратіямъ, орудовавшимъ въ кабинетѣ Соловьева.

Это послѣднее даже было много страшнѣе. Съ довѣрителемъ еще можно было сговориться, можно было умолять о разсрочкѣ, и долгъ все-таки не разростался до неимовѣрныхъ размѣровъ, а деньги, занятые подъ векселя, выданные на имя писмоводителя Соловьева, пухли не по днямъ, а по часамъ.

Среди адвокатуры уже разросталась привычка жить не по средствамъ; никому не хотѣлось отставать въ прожитіи жизни отъ товарищей; всѣ полагали, что обстановка импонируетъ кліенту, и чѣмъ она шикарнѣе, тѣмъ имъ заплатить дороже, и въ ожиданіи будущихъ благъ тѣ, у кого собственныхъ средствъ не было, должны были направо и налево.

Задолжать же благодаря существованію кабинета Соловьева было болѣе, чѣмъ легко: тамъ деньги подъ векселя ссужались очень охотно; невозможно было только никогда по тѣмъ векселямъ расплатиться.

Особенно жалкую въ этомъ смыслѣ являла собою исторія адвоката Спиро. Выросъ онъ въ достаточной семьѣ, получилъ блестящее образованіе, рано женился на любимой дѣвушкѣ, и не попади онъ въ этотъ злосчастный омутъ, который называется адвокатурой, дожилъ бы онъ до почетной

старости, какъ дожилъ его отецъ, очень популярный въ то время докторъ.

Но судьба сулила ему иное. Попавъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ въ 1870 году, онъ сразу завертѣлся въ общемъ круговоротѣ. Онъ былъ очень красивъ, прекрасно пѣлъ, отличался изысканностью обращенія и при всемъ этомъ былъ человѣкомъ въ высшей степени безвольнымъ.

Не удивительно поэтому, что, вращаясь въ широкихъ слояхъ общества, онъ сталъ осаждаться дамами всякаго сорта, а бороться противъ всѣхъ соблазновъ на этой почвѣ у него не хватало силъ. Жена же не пожелала снисходительно отнестись къ его прегрѣшеніямъ и, бросивъ его, взяла съ собою и двухъ маленькихъ сыновей, которыхъ обожалъ ее мужъ.

Чувствуя, что она права, и не добившись ея прощенія, онъ отдалъ своей семьѣ все, что у него было. Однако, чтобы продолжать безъ ущерба свою карьеру, ему все-таки средства были необходимы, и вотъ тутъ-то и былъ сдѣланъ имъ первый заемъ подъ векселя въ кабинетѣ Соловьева.

Два года его снабжали тамъ деньгами, несмотря на то, что даже на уплату процентовъ у него не хватало средствъ; взаимъ процентовъ съ него брали новые векселя. Его поклонницы между тѣмъ предприняли энергичную осаду на соломеннаго вдовца и, конечно, только сыграли въ руку его заимодавцамъ. Онъ былъ черезчуръ благовоспитанъ для того, чтобы пользоваться деньгами своихъ поклонницъ, и не считалъ возможнымъ въ чемъ-либо имъ отказывать, а это, конечно, требовало огромныхъ расходовъ.

Несмотря на солидную практику, онъ продолжалъ должать, но въ кабинетѣ Соловьева велась опредѣленная тактика. Тамъ было строго высчитано, сколько кому можно дать, и Спиро былъ оцѣненъ въ пять тыс. рублей.

Эту сумму втеченіе двухъ лѣтъ ему и передавали, но къ концу втораго года этотъ долгъ его состоялъ изъ вексе-

лей на восемь тыс. руб., и тутъ уже дальнѣйшія выдачи прекратились.

Теперь всѣ эти векселя отсрочивались на короткіе сроки, а за эту отсрочку выдавались новые векселя, и вотъ пять лѣтъ спустя этотъ пятидесятичный долгъ уже состоялъ изъ векселей на 60 тыс. руб. И теперь уже никакихъ отсрочекъ давать ему не желали, а требовали аккуратной уплаты на всю эту сумму процентовъ.

Конечно, даже и самая блестящая практика выдержать долга такого сорта не могла. Два года еще протянулъ несчастный, оттягивая медленно душившую его мертвую петлю платежами изъ находившихся у него на рукахъ довѣрительскихъ суммъ, и когда этого обстоятельства уже скрыть было нельзя, Спиро скрылся изъ Москвы, поставивъ крестъ на всемъ своемъ будущемъ.

И, конечно, это была не единственная жертва этого знаменитаго кабинета.

Такъ прожигали жизнь и способные и неспособные молодые адвокаты; корректные и чистые въ нравственномъ отношеніи люди среди нихъ составляли исключеніе, и ихъ примѣръ не находилъ подражателей. И эта корректная молодежь составляла изъ общаго числа немногія единицы.

Даже самая блестящая адвокатская молодежь, огромная будущность которой уже для всѣхъ не составляла сомнѣній, не гнушалась кутежами на манеръ купеческихъ саврасовъ, и не только кутила, но не прочь была и прихвастнуть дикими кутежами.

Такъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся талантовъ, явившись въ началѣ 70-хъ годовъ въ Рязань на очень громкій въ то время процессъ, въ качествѣ гражданскаго истца, и разбивъ въ пухъ и прахъ своего не менѣе талантливаго противника, явившагося тоже изъ Москвы на защиту обвиняемыхъ, по окончаніи процесса съ толпой своихъ поклонниковъ отправился въ мѣстную гостиницу справлять свой триумфъ.

Въ той же гостиницѣ какъ-разъ въ это время кутила и компанія мѣстныхъ купцовъ. Послѣдніе, явившись въ гостиницу раньше, заняли лучший кабинетъ и потребовали къ себѣ цыганскій хоръ.

Триумфаторъ-адвокатъ, заслышавъ цыганское пѣніе, тоже пожелалъ пригласить къ себѣ цыганъ, а такъ какъ таковыхъ въ городѣ больше не оказалось, то адвокатъ и послалъ къ купцамъ парламентаря, предлагая продолжать начатую оргію уже совмѣстно съ его компаніей.

Купцы, боясь огласки, наотрѣзъ отъ этого отказались, не пожелавъ подѣлиться и цыганами. Такое упорство требовало возмездія, и молодой адвокатъ рѣшилъ ихъ проучить. Услыхавъ, что они требуютъ персиковъ, онъ, призвавъ распорядителя гостиницы, заявилъ ему, что всѣ персики, сколько-бы ихъ ни оказалось въ Рязани, онъ оставляетъ за собой и распорядился, чтобы таковые были для него скуплены.

Имя его уже гремѣло не только въ Москвѣ, но и въ провинціи, и такую прихоть онъ уже имѣлъ возможность себѣ позволить. Въ виду этого купцамъ въ персикахъ было отказано, а молодому адвокату, уѣхавшему на другое утро въ Москву, быть посланъ на всѣ рязанскіе персики счетъ въ двѣ тысячи рублей, которые онъ и выплачивалъ довольно долго.

Еще комичнѣе была выходка другого знаменитаго адвоката. Не имѣя еще возможности хотя-бы задолжать по счету двѣ тысячи рублей, но желая во что-бы то ни стало пустить пыль въ глаза товарищамъ, онъ послѣ одной изъ своихъ поѣздокъ зимою на югъ, гдѣ онъ заработалъ нѣсколькосотъ рублей, очень серьезно рассказывалъ въ довольно большомъ кружкѣ товарищей, что на обратномъ пути, познакомившись съ очень интересною дамочкою, онъ на станціи „Курскъ“ спросилъ для нея и для себя по тарелкѣ клубники со сливками. И завравшійся адвокатъ очень былъ сконфуженъ, когда одинъ изъ товарищей весьма резонно

замѣтилъ, что на станціи „Курскъ“, гдѣ скорый поѣздъ стоитъ 20 минутъ, да притомъ въ январѣ мѣсяцѣ, спросить то двѣ тарелки клубники, конечно, было можно, но что ее тамъ можно было и получить, этому повѣрить трудно.

Съ 70-хъ годовъ среди московской адвокатуры стали появляться такіе-же крупные таланты, какими были Шайкевичъ и кн. Урусовъ, и хотя затмить ихъ они не могли, но и пальмы первенства имъ не уступали; только одинъ Плевако оставался всегда внѣ конкуренціи.

Еще въ 1868 году въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго появился Куперникъ, заставившій о себѣ много говорить, и его совмѣстная съ кн. Урусовымъ защита студентовъ, обвинявшихся полиціей у мирового судьи за черезчуръ усердные аплодисменты общей любимицѣ, московской артисткѣ Оноре, произвела большую сенсацію. Впослѣдствіи онъ сдѣлался настоящею знаменитостью и, переселившись въ 80-хъ годахъ навсегда въ Кіевъ, до самой смерти своей, послѣдовавшей сравнительно недавно, занималъ тамъ среди остальной адвокатуры первое мѣсто.

Въ этомъ-же году вступилъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ В. М. Пржевальскій, человѣкъ въ высшей степени образованный, нѣсколько лѣтъ состоявшій учителемъ гимназіи, затѣмъ поступившій на службу въ Сенатъ и оттуда перечислившійся въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Не разсчитывая никогда на одинъ свой талантъ, который и самъ по себѣ былъ болѣе, чѣмъ внушительнъ, онъ вкладывалъ въ каждое ввѣренное ему дѣло массу и труда, и знаній, которыми обладали далеко немногіе. И это дѣлало его такимъ опаснымъ противникомъ, что вступать съ нимъ въ единоборство было не такъ-то просто.

Съ перваго же года его зачисленія въ сословіе у него создалась огромная кліентура, а вмѣстѣ съ нею явились и солидныя средства. Пржевальскій явился огромною силой какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ процессѣ, и не уди-

вительно, что его скоро оцѣнили, и рѣдкое крупное дѣло обходилось безъ его участія, что избавило его отъ необходимости хвататься за мелочь.

Почти одновременно съ Пржевальскимъ, но еще въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго, появился и Н. С. Тростянской, одинъ изъ тѣхъ студентовъ, которыхъ такъ удачно

В. М. Пржевальскій.

защищалъ Куперникъ у мирового судьи за черезчуръ пламенные оваціи артисткѣ Оноре. Тростянской съ первыхъ-же своихъ выступленій исключительно по дѣламъ гражданскимъ заставилъ о себѣ говорить, и прежде чѣмъ онъ отбылъ свой помощнический стажъ, онъ уже заручился славой такого опытнаго цивилиста, что съ нимъ не стыдились совѣтоваться

и немолодые уже адвокаты, а при вступлении въ число присяжныхъ повѣренныхъ Тростянской уже имѣлъ очень крупную практику.

Наконецъ, въ 1874 году перечислился въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ гремѣвшій, какъ самый талантливый изъ прокуроровъ, М. Ф. Громницкій. Въ качествѣ адвоката онъ

Н. С. Тростянской.

однако никогда сильнаго впечатлѣнія не производилъ и вскорѣ почти совсѣмъ стушевываясь, а затѣмъ снова перечислился на службу въ прокуратуру.

Въ тоже время появился прибывшій изъ Петербурга докторъ правъ А. В. Лохвицкій, бывшій профессоръ уголовного права въ петербургскомъ университетѣ. Лохвицкій съ самаго введенія реформированныхъ судебныхъ учрежденій

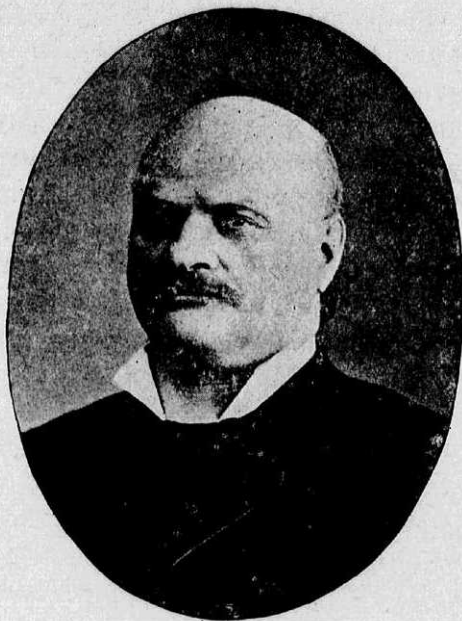
сталъ выступать въ качествѣ защитника по самымъ крупнымъ дѣламъ и главнымъ образомъ въ Сенатѣ. Такъ, онъ участвовалъ и въ защитѣ лицъ, растратившихъ свыше 75 тыс. изъ суммъ Святейшаго Синода, защищалъ и предсѣдателя нижегородской Казенной Палаты Вердеревскаго, помогавшаго соляному приставу Терскому растратить полтора милліона пудовъ казенной соли, защищалъ и ст. сов. Бильбасова, присвоившаго 35 тыс. руб. своей довѣрительницы, и хотя благодаря своему необъятному таланту онъ всякій разъ производилъ огромное впечатлѣніе, ставившее его несравненно выше всей остальной адвокатуры, но рѣчи его были далеко не корректны; и послѣ этихъ рѣчей, приводившихъ слушателей въ самый неподдѣльный восторгъ, оставался какой-то непріятный осадокъ, который не могъ не возмущать нравственнаго чувства самаго зауряднаго человека. Это былъ типичный циникъ и его нравственный обликъ вполне гармонировалъ съ его непривлекательною внѣшностью.

Маленькаго роста, очень широкій и толстый, съ необъятнымъ торчащимъ впередъ животомъ, съ голой, какъ колѣно, головой, съ хриплымъ, какъ немазанное колесо, голосомъ, онъ производилъ отталкивающее впечатлѣніе, отъ котораго нельзя было отрѣшиться, пока онъ не начиналъ говорить. Но по мѣрѣ того, какъ лилась его рѣчь, она до такой степени захватывала слушателя, что его внѣшность какъ-то стушевывалась, и онъ начиналъ казаться симпатичнымъ. Но рѣчь кончалась, и по мѣрѣ того, какъ слушатель старался резюмировать все имъ сказанное, получался тотъ нестерпимый осадокъ отъ инсинуаций противъ тѣхъ, кого въ интересахъ своей защиты ему было выгодно очернить, и чувство восхищенія само собою переходило въ чувство безразличности.

И случалось, что послѣ такихъ защитъ лица, забрызганные имъ грязью, привлекали его къ уголовной отвѣтственности за клевету, а онъ вывертывался, увѣряя, что

его не такъ поняли, что намѣренія кого нибуть оскорбить онъ не имѣлъ, и т. д.

Вообще-же онъ не только не гнушался никакими дѣлами, но и не брезгалъ никакими способами, чтобы ихъ выиграть.

А. В. Лохвицкій.

Поэтому, когда въ Петербургѣ онъ заявилъ о своемъ желаніи вступить въ число мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ и подалъ въ этомъ смыслѣ въ петербургскій совѣтъ прошеніе, ему дали понять, что будетъ лучше, если онъ самъ возьметъ свое прошеніе обратно, чтобы не получить отказа.

Эти попытки втеченіе шести лѣтъ онъ повторялъ неоднократно, но всегда со стороны корпораціи получалъ суровый отпоръ. Наконецъ, это, очевидно, надоѣло ему и онъ рѣшилъ перебраться въ Москву, подавъ въ московскій союзъ прошеніе о зачисленіи его въ число московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Но такъ какъ худая слава бѣжала далеко впереди его, то и здѣсь лучшая часть сословія горячо протестовала противъ зачисленія его въ корпорацію, однако въ концѣ-концовъ онъ былъ принятъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ московскаго округа.

Неудача въ Петербургѣ тѣмъ не менѣе не заставила его быть осторожнѣй: и здѣсь, какъ и тамъ, онъ охотно брался за такіа дѣла, отъ которыхъ другіе брезгливо отвертывались; и здѣсь, какъ и тамъ, всякіе способы для того, чтобы ихъ выиграть, были для него хороши. А между тѣмъ для этого было-бы совершенно достаточно и одного его могучаго таланта.

И къ этой группѣ высокодаровитыхъ людей, составлявшихъ какъ-бы ядро московской адвокатуры не только въ первое десятилѣтіе, но и во всѣ послѣдующіе годы, въ 1875 г. присоединился, тогда еще только въ качествѣ начинающаго помощника, Н. П. Шубинскій, человекъ, тоже богато одаренный и умѣло пользовавшійся своимъ дарованіемъ. Съ первыхъ-же его выступленій для всякаго было несомнѣнно, что ему суждено занять въ корпораціи одно изъ первыхъ мѣстъ.

За спиною Шубинскаго такъ же, какъ и за спиною Лохвицкаго и Пржевальскаго, кліентъ чувствовалъ себя несравненно покойнѣе, чѣмъ за спиною Плевако.

Плевако былъ сладкогласный псалмопѣвецъ, и если принятая имъ на себя защита не вполне гармонировала съ затянутымъ имъ псалмомъ, то отъ этого теряла защита, а не псаломъ. Лучшею иллюстраціею этого было дѣло, имѣв-

шее мѣсто уже въ послѣдніе годы его дѣятельности. Это случилось осенью 1898 г., и хотя я чересчуръ забѣгаю впередъ, но лучшаго примѣра привести невозможно.

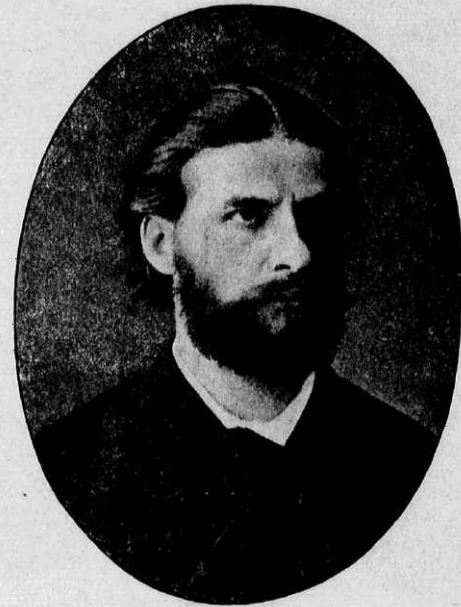
Защиталь Плевако вмѣстѣ съ Шубинскимъ двухъ братьевъ-подрядчиковъ за фальсификацію строительнаго матеріала, привлеченныхъ къ суду по жалобѣ московскаго домовладѣльца, А. Н. Виноградова. Сначала говорилъ Плевако, но рѣчь его была довольно блѣдна, какъ всегда съ нимъ случалось, когда у обвиняемыхъ, кромѣ наживы, не было никакихъ иныхъ побужденій, а затѣмъ началъ свою рѣчь Шубинскій. Какъ всегда, не упуская ни малѣйшей детали, которая могла-бы служить на пользу его кліенту, онъ горячо доказывалъ, что нажива не было единственнымъ стимуломъ для этихъ богатыхъ, но невѣжественныхъ людей при совершении ими вѣняемаго имъ въ преступленіе дѣянія; наоборотъ, имъ казалось, что они создаютъ что-то новое, за что внослѣдствіи человѣчество будетъ имъ благодарно, и такимъ образомъ они сами являются мучениками своей идеи. Было-ли это дѣйствительно такъ, рѣшить трудно, но это было возможно, и, конечно, это соображеніе было очень цѣнно для обвиняемыхъ.

И вотъ Плевако, заслышавъ въ этихъ словахъ фальшь и, видимо, совершенно упустивъ изъ виду интересы своего подзащитнаго, самымъ неожиданнымъ образомъ воскликнулъ:

— О, если-бы они были мученики,—не на тѣхъ-бы струнахъ прозвучало наше слово, — дрогнуло-бы сердце у обвинителя и сомкнулись-бы его уста!

И сѣлъ. Обвинитель очень талантливый и очень умный человѣкъ, понялъ, что послѣ этихъ словъ защитника ему говорить уже нечего. Обвиняемые были зарѣзаны собственнымъ защитникомъ. Да это сообразилъ и самъ Плевако, виновато заматавшись на своемъ мѣстѣ. И эффектъ отъ этого столько-же неожиданнаго, сколько и безтактнаго, выступленія получился полный. Присяжные засѣдатели, едва

удалившись на совѣщаніе, единогласно заявили по отношенію къ обоимъ обвиняемымъ: „да, виновны“. И эта выходка Плевако имѣла затѣмъ и другія послѣдствія: по отношенію къ подзащитному Шубинскаго это дѣло было кассировано, а по отношенію къ кліенту Плевако приговоръ былъ утвержденъ.

Н. П. Шубинскій.

Что касается Шубинскаго, то онъ, такъ же, какъ и Лохвицкій, и Пржевальскій, никогда отъ собственного настроя не зависѣлъ, и столько-же сильный, сколько и даровитый, умѣлъ подчинять собственной волѣ не только обстоятельства, но и самые факты. Преимущество же его

передъ Лохвицкимъ и Пржевальскимъ заключалось въ томъ, что въ немъ не было ни цинизма перваго изъ нихъ, ни безсердечія второго, каковыя дефекты прежде всего портили дѣло имъ же самимъ.

А вокругъ этихъ самыхъ выдающихся талантовъ группировалось довольно значительное число если не такихъ-

М. С. Куриловъ.

А. А. Саблинъ.

же талантливыхъ, то все-же очень способныхъ и трудолюбивыхъ помощниковъ

С. В. Евреиновъ, И. С. Куриловъ, А. А. Саблинъ, А. С. Шайкевичъ 2-й, А. С. Шмаковъ, В. И. Высоцкій, всѣ они съ самаго начала завоевали общія симпатіи и та кліента, которая не въ силахъ была платить за защиту круп-

ныхъ кушей, шла къ нимъ и не обманывалась въ своихъ ожиданіяхъ.

Никогда ни одна изъ сферъ московскихъ судебныхъ учреждений, то есть ни магистратура, ни прокуратура не обладали одновременно такою массою талантовъ. Но не смотря на то, что въ кадрахъ адвокатуры, кромѣ упомянутыхъ

А. К. Шуфъ.

В. И. Танбевъ.

лицъ, уже стояли такія крупныя фигуры, какъ идеальнѣйшій изъ людей, А. М. Фальковский, В. И. Танбевъ, И. С. Тростянский, А. К. Шуфъ, дѣятельность которыхъ въ теченіи всей ихъ жизни осталась безупречною, однако, къ сожалѣнію, все это были только единицы, стоящія особнякомъ, и къ этой ихъ безупречности остальные члены сословія

скорѣе были склонны относиться иронически, чѣмъ съ уваженіемъ.

И только благодаря этому, всѣ остальные судебныя организаціи стояли недостижимо высоко въ сравненіи съ младшей ихъ сестрой — адвокатурой, и это всецѣло зависѣло отъ той моральной распушенности, которая наивными людьми во всѣ времена принимается за свободу, въ лохмотья которой она всегда усердно рядится.

Е. И. Козлинина
(въ 1870 году).

ГЛАВА III.

Дѣатели новаго суда.

Совершенно иные нравы царили въ магистратурѣ и въ прокуратурѣ. Высоко держали онѣ всегда свое знамя и никакой мало-мальски нечистоплотный элементъ какъ-то самъ собою тамъ не уживался, а если и пытался ужиться, то выметался, какъ пыль, для которой тамъ не было мѣста. Но особенно щепетильностью нравовъ, особенно брезгливостью къ какому-бы то ни было компромиссу они отличались въ первые 10—12 лѣтъ своего существованія, конечно, главнымъ образомъ потому, что во главѣ ихъ втеченіе этого времени стояли такіе безупречно чистые люди, какъ Шаховъ, Люминарскій, Ровинскій, Мотовиловъ и замѣститель послѣдняго Н. А. Манасеинъ.

Все это были настоящіе джентльмены въ лучшемъ значеніи этого слова, умѣвшіе цѣнить свое человѣческое достоинство и тогда, когда еще не занимали высокихъ положеній. Они не ставили уваженія къ личности другого въ зависимость отъ присвоеннаго ему ранга и сами, по достиженіи высокаго положенія, ни съ павлиномъ, ни съ индѣйскимъ пѣтухомъ въ соревнованіе не вступали и хвостовъ вѣромъ не распускали, отлично понимая, что ихъ младшіе сослуживцы занимаютъ низшія должности не потому, что они хуже ихъ, а только потому, что они ихъ моложе и начали свою служебную карьеру позже, а со временемъ и они, если только останутся такими же достойными людьми, займутъ то же высокое положеніе, какое въ

данное время занимаютъ они. Не то, къ сожалѣнію, наблюдается теперь, когда карьеризмъ свилъ себѣ и въ судебномъ вѣдомствѣ уютное гнѣздышко.

И это человѣческое отношеніе лицъ, стоявшихъ во главѣ, конечно, заставляло и младшихъ относиться къ тѣмъ, кто имѣлъ къ нимъ надобность, и предупредительно и вѣжливо.

А если изъ молодежи кому-нибудь приходила неудачная мысль „пофорсить“, А. Н. Шаховъ умѣлъ самымъ безобиднымъ образомъ это отгнать, и у молодого человѣка пропадала всякая охота важничать.

Такъ, наприимѣръ, въ въ 1874 г. я, считаясь въ Судѣ уже своимъ человѣкомъ и хорошо зная нужды адвокатуры, рѣшила завести справочное бюро такого рода, чтобы всякій присяжный повѣренный, и мѣстный, и иногородній, могъ получать черезъ мое посредство необходимыя ему судебныя справки не только изъ московскихъ судебныхъ учреждений, но и изъ судебныхъ учреждений другихъ городовъ. Для этого я списалась съ присяжными повѣренными, живущими въ другихъ городахъ, не только московскаго, но и другихъ судебныхъ округовъ, предложивъ имъ получать черезъ мое посредство всѣ необходимыя имъ справки не только изъ столицъ, но и изъ другихъ городовъ, съ тѣмъ, чтобы за это они въ свою очередь давали мнѣ для присяжныхъ повѣренныхъ другихъ городовъ справки оттуда, гдѣ они живутъ.

На такой обмѣнъ справокъ татчасъ-же изъявили согласіе присяжные повѣренные изъ Петербурга, Симферополя, Кіева, Курска, Тулы, Нижняго-Новгорода, Ярославля, Калуги, Владиміра, Харькова, Одессы, Костромы и Житомира. Тѣ же присяжные повѣренные, которые сами въ обмѣнъ справокъ присылать не желали, могли получать таковыя изъ всѣхъ перечисленныхъ городовъ, платя по три рубля за каждую справку. Это дѣло сразу пошло очень бойко. Тула работала съ Ярославлемъ, Ярославль—съ Владиміромъ и Костромою, но особенно интенсивно работали со всѣми этими городами

Старѣйшія по службѣ изъ женщинъ, работающихъ въ канцеляріяхъ Московскихъ судебныхъ учреждений.

М. М. Хирьякова.
Раб. съ 1885 г.

Е. С. Милашевичъ.
Раб. съ 1891 г.

Е. Н. Горлова.
Раб. съ 1894 г.

Москва и Петербургъ, и въ послѣднемъ существовали даже два агента: одинъ специально въ Сенатѣ, а другой—дававшій справки изъ другихъ судебныхъ учреждений.

Этому дѣлу особенно симпатизировали А. Н. Шаховъ и Н. А. Манасеинъ, и по ихъ распоряженію эти справки выдавались мнѣ канцеляріей безпрепятственно.

Одному изъ помощниковъ секретаря не понравилось, что я дѣйствую черезъ высшее начальство, и хотѣлось, чтобы я попросила его объ этомъ, какъ объ одолженіи. И вотъ однажды, воспользовавшись тѣмъ, что я пришла за справкой, когда А. Н. Шахова въ Судѣ еще не было, онъ потребовалъ отъ меня на полученіе этой справки довѣренность. Частное письмо присяжнаго повѣреннаго, просившаго меня сдѣлать эту справку, его не удовлетворило. Я спорить не стала и предпочла дожидаться пріѣзда А. Н. Шахова.

Тотчасъ-же по его прибытіи я обратилась къ нему съ просьбой разрѣшить мнѣ получить нужную справку. Догадавшись, что я встрѣтила въ канцеляріи какое-нибудь препятствіе, онъ не хотѣлъ, чтобы я шла въ канцелярію сама, и, усадивъ меня въ кабинетъ и пригласивъ къ себѣ помощника секретаря, попросилъ его принести ту самую справку, которая была мнѣ нужна. А когда онъ ее принесъ, Александръ Николаевичъ въ его присутствіи обратился ко мнѣ съ такими словами: „Пожалуйста, Е. И., когда вамъ нужна какая-нибудь справка, обращайтесь лично ко мнѣ, я всегда готовъ оказать вамъ содѣйствіе“, и тутъ-же обратился съ просьбой ко всѣмъ находившимся въ кабинетѣ членамъ Палаты оказывать мнѣ всякое содѣйствіе, если-бы его самого въ нужный для меня моментъ не случилось въ Судѣ. Конечно, они изъявили на это полную готовность, потому что и сами не считали доступность униженіемъ своего достоинства.

Нечего и говорить, какъ всѣмъ этимъ былъ сконфуженъ помощникъ секретаря, отлично сообразившій, что и председатель, и члены Палаты догадались, что какое-то препят-

ствіе я встрѣтила именно у него. Бѣдняга самъ потомъ чистосердечно признавался, что въ кабинетѣ предсѣдателя онъ готовъ былъ провалиться сквозь землю, и усердно просилъ къ членамъ Палаты за справками больше не ходить, а требовать ихъ отъ него.

Такъ старшими руководителями отучалась молодежь отъ высокоумнаго обращенія съ публикой, и теперь, спустя десятки лѣтъ, эти лица, уже достигшія въ свою очередь высокаго положенія, остаются такими-же доступными людьми, не изображая изъ себя громовержцевъ, какъ это нерѣдко случается съ людьми новыхъ поколѣній.

Еще проще дѣло съ моими справками обходилось у Н. А. Манасейна. Онъ былъ въ высшей степени доступенъ для всѣхъ, у кого встрѣчалась къ нему надобность, по отношенію-же къ женщинамъ считалъ необходимымъ быть еще и галантнымъ.

И вотъ, когда я обратилась къ нему за разрѣшеніемъ получать для обращающихся ко мнѣ присяжныхъ повѣренныхъ справки изъ прокуратуры, онъ, пригласивъ къ себѣ двухъ кандидатовъ, попросилъ ихъ самихъ брать нужныя мнѣ изъ канцеляріи справки и давать ихъ мнѣ, чтобы не заставлялъ меня терять время на хожденіе по канцеляріямъ. А въ томъ, что я не попрошу такихъ справокъ, которыхъ нельзя дать изъ канцеляріи, всѣ были вполне увѣрены, какъ были увѣрены и въ томъ, что о такихъ справкахъ меня никто и просить не будетъ, потому что всякій знаетъ, что я не только не исполню подобной просьбы, но и не оставлю ея въ секретѣ.

Простота обращенія Н. А. Манасейна была отличительною его чертой; если съ кѣмъ-нибудь онъ обходился сухо, значитъ, онъ противъ этого человѣка что-нибудь имѣлъ. И хотя лица, вышедшія изъ болѣе низменной среды и не умѣвшія отличать истиннаго достоинства отъ напыщенности и напускной важности, и подсмѣивались надъ нимъ,

утверждая, будто-бы онъ любитъ исполнять курьерскія обязанности, но это его ни мало не трогало, и онъ зачастую, когда въ Судѣ разсматривались особенно крупные процессы, становился у входныхъ дверей и самъ осматривалъ билеты впускаемой публики, и это, конечно, устраняло какую-бы то ни было возможность злоупотребленія этими билетами.

Да и вообще, какъ инспекторъ зданія, онъ не сидѣлъ замурованнымъ въ своемъ кабинетѣ, который, къ слову сказать, въ то время находился на самомъ бойкомъ мѣстѣ зданія, какъ разъ тамъ, гдѣ въ настоящее время находятся комнаты для присяжныхъ засѣдателей. Отсюда всюду было близко, и онъ то сидѣлъ въ засѣданіяхъ Суда, гдѣ слушались дѣла поинтереснѣе, то фланировалъ по коридорамъ, или болтая съ кѣмъ-нибудь изъ сослуживцевъ, или заглядывая въ кабинеты судей, чтобы перемолвиться съ ними парю словъ, и въ тоже время зорко слѣдилъ за всѣмъ, что творилось во ввѣренномъ ему зданіи, и никакая мелочь отъ него не ускользала, благодаря чему и вся судебная администрація, а равно и низшіе служащіе всегда были на-чеку, и ни о какихъ безпорядкахъ не могло быть и рѣчи.

Это былъ настоящій администраторъ, отлично понимавшій, что „свой глазъ—алмазъ, а чужой—стеклышко“, и за его спиной никакая продѣлка не была возможна.

До какой степени онъ презиралъ всякое прихвостничество, несовмѣстное съ человѣческимъ достоинствомъ, очень характерно рисуется однимъ эпизодомъ, имѣвшимъ мѣсто уже тогда, когда онъ былъ министромъ.

Куда-то онъ ѣхалъ и въ одномъ изъ крупныхъ центровъ, лежавшихъ на его пути, стало извѣстно, что на станціи, которая однако была отъ города въ нѣсколькихъ верстахъ, будетъ довольно продолжительная остановка.

На эту то станцію и рѣшили собраться представители мин-ва юстиціи, чтобы его привѣтствовать.

Это его возмутило и онъ совершенно недвусмысленно спросилъ ихъ: что имъ отъ него нужно? И когда они отвѣтили, что явились, чтобы ему представиться, онъ заявилъ что у него въ вагонѣ для нихъ мѣста нѣтъ и ушелъ въ купе. Такъ они и вернулись восвояси, несолоно хлебавши.

Н. А. Манасейнъ.

Внѣслѣдствіи, когда нравы измѣнились, такія встрѣчи стали министрамъ нравиться.

Вообще же люди того времени, принимая на себя извѣстныя обязанности, считали долгомъ исполнять ихъ не за страхъ, а за совѣсть. И это качество было присуще почти всѣмъ дѣятелямъ новаго Суда, какія-бы служебныя степени они ни занимали.

Изъ лицъ, поступившихъ на службу въ 1868—70 годахъ, многіе продолжаютъ служить въ московскомъ Судѣ и по сейчасъ; тогда это была молодежь, теперь это—старики. Служили они здѣсь и въ среднемъ возрастѣ, когда появились новыя птицы и запѣли новыя пѣсни, а они, какъ и раньше, такъ и теперь, ведутъ свою прежнюю линію, рѣзко отличаясь своею исполнительностью, своимъ строгимъ отношеніемъ къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ.

За примѣромъ ходить недалеко: въ 1868 г. изъ уѣзднаго Суда въ московскій Окружный Судъ былъ перечисленъ тогда еще молодой человѣкъ П. П. Шумилинъ. Первые три года онъ состоялъ казначеемъ Суда, а затѣмъ былъ назначенъ судебнымъ приставомъ.

Теперь это уже почтенный человѣкъ; его грудь увѣшана орденами, начиная съ ордена св. Станислава и кончая орденомъ св. Владиміра 4-й степени и пряжкой за 40-лѣтнюю безупречную службу, и вотъ уже десятки лѣтъ онъ безсмынно дежуритъ въ засѣданіяхъ 3 и 7 уголовныхъ отдѣленій Суда.

Много лицъ перебывало за это время предсѣдателями московскаго Окружнаго Суда, и всѣ они отличали, какъ самага распорядительнаго судебного пристава, П. П. Шумилина. Ему выражалась признательность предсѣдателемъ за образцовую распорядительность въ засѣданіи Суда, когда 25 лѣтъ тому назадъ разсматривалось дѣло Булахъ, привлекавшее въ засѣданіе Суда чуть не всю Москву: выражалась такая же признательность и много лѣтъ спустя первоприсутствующимъ Правительствующаго Сената, д. т. с. П. А. Дейеромъ, послѣ разсмотрѣнія имъ въ 1905 г. въ Москвѣ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ.

Такимъ образомъ П. А. Дейеру, знавшему его еще въ то время, когда онъ былъ предсѣдателемъ Суда, и 40 лѣтъ спустя не пришлось измѣнить о немъ своего мнѣнія.

Такъ умѣли и считали нужнымъ служить люди того времени.

Такова же была дѣятельность и старѣйшаго изъ служащихъ въ московскихъ судебныхъ учрежденіяхъ Г. Ф. Лихачева. Совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ онъ въ 1856 году поступилъ канцелярскимъ служителемъ въ одинъ изъ департаментовъ Правительствующаго Сената, каковымъ и оставался до введенія новыхъ судебныхъ учреждений. По упраздненіи того департамента Сената, въ которомъ онъ служилъ, Г. Ф. Лихачевъ былъ перечисленъ въ канцелярію старшаго нотаріуса, гдѣ въ концѣ-концовъ и былъ назначенъ завѣдующимъ архивомъ. И вотъ въ 1896 году праздновался 40-лѣтній юбилей этого не крупнаго, но почтеннаго дѣятеля московскихъ судебныхъ учреждений, а въ 1906 году праздновался и 50-лѣтній его юбилей. Свою службу онъ продолжаетъ нести и теперь, и въ старости продолжая оставаться такимъ-же аккуратнымъ и добропорядочнымъ служакой, какимъ онъ былъ смолodu и какимъ оставался всю свою долгую жизнь.

И еще болѣе плодотворною являлась дѣятельность врача эксперта д-ра Морель цѣлые 40 лѣтъ помогавшаго уголовному суду разбираться въ самыхъ сложныхъ убійствахъ и въ самыхъ непредвидѣнныхъ психологическихъ аффектахъ, вызывавшихъ подчасъ такія преступленія.

Молодежи, воспитанной въ традиціяхъ первыхъ судебныхъ дѣятелей, по какой-то странной случайности пришлось крѣпко засѣсть въ московскихъ судебныхъ учрежденіяхъ, сначала въ качествѣ старшаго нотаріуса, членовъ Суда, членовъ Судебной Палаты, товарищей предсѣдателя Суда, предсѣдателей департаментовъ Палаты и кончая или прокуроромъ или старшимъ предсѣдателемъ Палаты. Словомъ, шагъ за шагомъ двигались они по ступенямъ судебной іерархіи, и эту четверть вѣка, пока, проходя черезъ всѣ эти должности, они достигали наивысшихъ положеній, до отвѣт-

Старѣйшіе служащіе Московскаго Окружнаго Суда.

Г. Ф. Лихачевъ.
(Архиваріусъ).

П. П. Шумилинъ.
(Судебный приставъ).

Д-ръ Морель.
(Врачъ-экспертъ).

ственного поста министра включительно, по-истинѣ можно считать полнымъ расцвѣтомъ дѣятельности московскихъ судебныхъ учреждений. И теперь еще эти традиции, какъ вросшія въ плоть и кровь московскаго Суда, крѣпко оберегаютъ его отъ того развала, который деморализація общественныхъ нравовъ въ своемъ поступательномъ движеніи

Н. В. Муравьевъ.

пытается внести то въ ту, то въ другую область общественной жизни.

Но и теперь, когда старые судебные дѣятели уже стали составлять меньшинство, спросите, кто за все это время былъ талантливейшимъ изъ прокуроровъ за всѣ эти 45 лѣтъ. Вамъ скажутъ: Н. В. Муравьевъ, сначала состоявшій въ

Москвѣ товарищемъ прокурора, затѣмъ, черезъ сравнительно короткій промежутокъ, уже занимавшій постъ прокурора, Судебной Палаты и едва достигнувъ 46 лѣтъ, исключительно благодаря своимъ выдающимся способностямъ, занявшій постъ министра юстиціи.

А кто былъ талантливѣйшимъ изъ товарищей председателя Суда въ Москвѣ? Конечно, Евг. Ром. Ринкъ. Уже на дѣлѣ игуменіи Митрофаніи, участвуя въ засѣданіи въ качествѣ члена Суда, онъ, предлагая свидѣтелямъ вопросы, полные сарказма, заставлялъ терять самообладаніе даже такого корректнаго человѣка, какимъ былъ ея защитникъ, Шайкевичъ. А по бракоразводному дѣлу Тупицыной, тоже еще въ качествѣ члена Суда, въ 1876 г., онъ составилъ протоколъ, являвшій собою прекрасное, полное глубокаго интереса литературное произведеніе. Неудивительно послѣ этого, что когда Е. Р. Ринкъ былъ назначенъ товарищемъ председателя III отдѣленія Суда, въ каждое засѣданіе, въ которомъ онъ председательствовалъ, даже и тогда, когда разсматривались дѣла самыя ничтожныя, публика ломилась толпой, желая насладиться тѣмъ здоровымъ юморомъ, который онъ умѣлъ внести во всякое дѣло. И надо ему отдать справедливость: этотъ юморъ никогда не вредилъ обвиняемому, скорѣе былъ ему полезенъ, внося въ дѣло элементъ добродушія, порожденнаго здоровымъ смѣхомъ — не надъ людьми, а надъ положеніемъ, въ которое имъ случалось впадать.

Спросите, кто былъ безпристрастнѣйшій изъ всѣхъ судей. Вамъ скажутъ: Н. П. Посниковъ, много лѣтъ состоявшій товарищемъ председателя во II отдѣленіи Суда, затѣмъ ненадолго уходившій и снова возвратившійся въ Москву уже прокуроромъ Судебной Палаты. Никто, никогда и ничѣмъ не могъ вывести его изъ присущаго ему равновѣсія, никто не могъ упрекнуть его въ томъ, что онъ не далъ обвиняемому или его защитнику высказать все, что они на-

ходили нужнымъ,—Н. П. прекрасно понималъ, что обвиняемому должны быть предоставлены всѣ способы защиты. Никогда онъ не вспылывалъ, никогда никого не оборвалъ, считая душевное равновѣсіе судьи надежнѣйшею гарантіей истиннаго правосудія. До какой степени онъ былъ неліцепріятенъ, можно судить по слѣдующему факту: по дѣлу

Е. Р. Ринкъ.

присяжнаго повѣреннаго Глаголева, судившагося въ отдѣленіи Посникова за мошенничество въ 80-хъ годахъ, свидѣтелемъ являлся председатель московскаго Суда В. Н. Лавровъ, роль котораго въ этомъ дѣлѣ была сомнительной. Когда допросъ его былъ конченъ и онъ хотѣлъ пробраться на судейскія мѣста—сзади судей, Н. П. Посниковъ обратился

къ нему со словами: „Свидѣтельскія мѣста вонъ тамъ, — потрудитесь занять тамъ мѣсто!“ И предсѣдатель покорно исполнилъ это его приказаніе. Передъ его судомъ всѣ были равны, и никогда и никто не добился-бы отъ него никакого послабленія.

Кто вносилъ больше другихъ сердечности въ каждый

Н. П. Посниковъ.

произносимый имъ приговоръ, всегда стараясь сочетать справедливость съ милосердіемъ? Кто особенно чутко относился къ побужденіямъ, вызвавшимъ со стороны обвиняемаго то или другое преступленіе? Кто находилъ въ своемъ сердцѣ оправданіе увлеченіямъ, заставившимъ человѣка свернуть на ложный путь? Конечно, Аркадій Михайловичъ

Рангъ, уже въ 1875 г. состоявшій сначала членомъ Суда, затѣмъ членомъ Палаты, на нѣсколько лѣтъ уходившій въ Нижній-Новгородъ въ качествѣ предсѣдателя Суда и затѣмъ снова вернувшійся въ Москву уже въ качествѣ предсѣдателя департамента Судебной Палаты, на каковомъ посту онъ и скончался въ 1912 году.

А. М. Рангъ.

Къ кому за разрѣшеніемъ всякаго недоразумѣнія по всякому гражданскому дѣлу шли адвокаты и судьи? Чье мнѣніе всегда и всѣми считалось рѣшающимъ и безспорнымъ? Конечно, Эспера Николаевича Сумбула, о которомъ я уже имѣла случай упоминать выше. Имя его было извѣстно далеко за предѣлами Москвы, несмотря на то, что онъ втече-

ніе всей своей служебной карьеры ни разу не счелъ нужнымъ показаться въ министерствѣ юстиціи, чтобы представиться тому или другому министру. Это даже заинтриговало министра гр. Палена: столько онъ объ этомъ человѣкѣ слышалъ, а видѣть его ему не удавалось. Кончилось это тѣмъ, что, посѣтивъ разъ Москву, гр. Паленъ самъ зашелъ въ кабинетъ Э. Н. Сумбула, чтобы съ нимъ познакомиться. И это отнюдь не объяснялось желаніемъ Эспера Николаевича подчеркнуть свою самостоятельность. Наоборотъ, это былъ человекъ очень скромный и даже застѣнчивый, но просто-на просто не ѣхалъ онъ туда потому, что передвиженія по своей службѣ не желалъ, перейти въ предсѣдателя московскаго Суда наотрѣзъ отказался и ни на одинъ день не желалъ оставлять дѣла, къ которому былъ привязанъ.

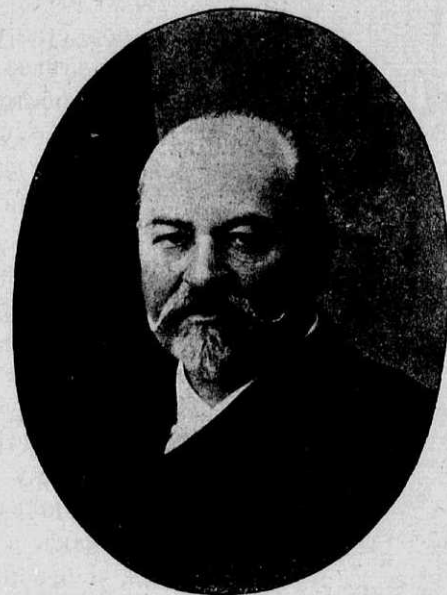
А не стало Сумбула,—за такими же совѣтами и за разрѣшеніемъ всякихъ недоразумѣній стали приходить, да идутъ и сейчасъ, къ его замѣстителю по VI отдѣленію, П. А. Буханову, тоже въ 70-хъ годахъ начавшему службу въ московскомъ Судѣ въ качествѣ секретаря, затѣмъ старшаго нотаріуса, далѣе товарища предсѣдателя и, наконецъ, въ настоящее время уже состоящему предсѣдателемъ департамента Судебной Палаты. И онъ пользуется тѣмъ-же уваженіемъ и тѣмъ-же авторитетомъ, какъ и Сумбулъ, и его мнѣніе считается и рѣшающимъ, и безспорнымъ.

Наконецъ, у кого въ рукахъ всякое гражданское дѣло всею адвокатурою считается наиболѣе гарантированнымъ и въ смыслѣ правильнаго его разрѣшенія, и въ смыслѣ неискорѣйшаго его движенія? Конечно, въ рукахъ Д. А. Печонтовскаго. Онъ тоже началъ службу въ московскомъ Судѣ помощникомъ секретаря, былъ затѣмъ секретаремъ, старшимъ нотаріусомъ и теперь уже много лѣтъ состоитъ товарищемъ предсѣдателя V отдѣленія Суда. Когда предсѣдатель отсутствуетъ, онъ всегда его замѣняетъ и всегда успѣваетъ все

сдѣлать, никогда не откладывая на завтра то, что можно сдѣлать сегодня. До какой степени интенсивна работа отдѣленія, которымъ онъ руководить, можно судить по тому, что и теперь, когда прибавлено нѣсколько отдѣленій, приходится на одно засѣданіе назначать къ слушанію до 70 дѣлъ. До открытія-же новыхъ отдѣленій назначалось и по 150-ти,

П. А. Бухановъ.

Д. А. Печонтовскій.

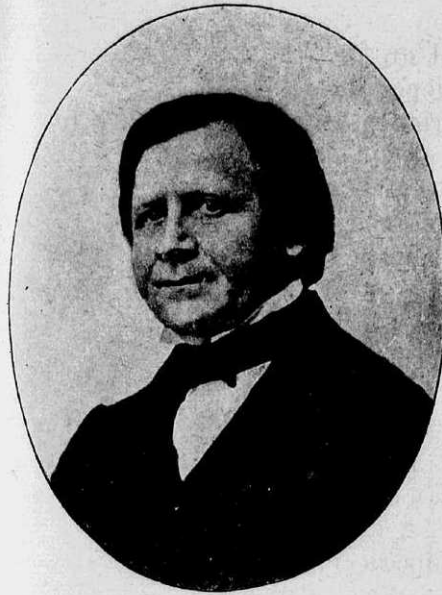
и если принять во вниманіе, что по каждому изъ нихъ нужно выслушать доводы представителей двухъ сторонъ, а вѣдь случаются дѣла, въ которыхъ участвуютъ и по пяти, и по шести человѣкъ,—остается только удивляться, откуда у людей берется сила на такой гигантскій трудъ. А для правосудія, вѣдь, кромѣ силы, необходимы и напряженіе вниманія, и полная ясность мышленія, и это при томъ

условіи, что такіа засѣданія, начинаясь въ 11 часовъ утра, никогда не кончались раньше 12 и часу ночи, а бывали случаи, когда они затягивались и до 10 часовъ утра слѣдующаго дня.

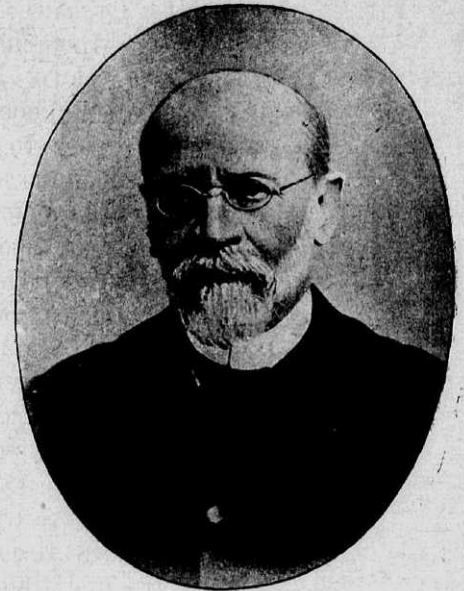
Конечно, и помимо вышеперечисленныхъ лицъ, за весь этотъ періодъ времени по судебнымъ учрежденіямъ Москвы прошло много достойныхъ людей. Были, напримѣръ, идеальнѣйшіе старички Степанъ Яковлевичъ Орловскій и Булыгинскій; въ этомъ отношеніи III отдѣленіе Суда отличалось неизмѣннымъ счастьемъ. До перехода въ члены Судебной Палаты С. Я. Орловскій состоялъ товарищемъ предсѣдателя этого отдѣленія, и онъ-то въ 1877 г. и предсѣдательствовалъ по дѣлу „червонныхъ валетовъ“. Въ составѣ членовъ Суда онъ имѣлъ такого надежнаго помощника, какъ А. М. Рангъ, и это уже одно обезпечивало всѣмъ многочисленнымъ обвиняемымъ по этому дѣлу, что ихъ интересы будутъ приняты въ вниманіе. А такъ какъ остальные дѣла того же III отдѣленія нельзя было оставить безъ привычнаго руководителя, то третьимъ судьей по дѣлу „червонныхъ валетовъ“ былъ назначенъ членъ Суда изъ другого уголовного отдѣленія. Послѣдній, являясь къ началу засѣданія, прежде всего интересовался тѣмъ, въ которомъ часу будетъ сдѣланъ перерывъ для завтрака, и надо было видѣть, какъ искренне возмущалъ этотъ вопросъ идеалиста Орловскаго, полагавшаго, что предрѣшать этотъ вопросъ стыдно, что судьи могутъ отдыхать только тогда, когда на это у нихъ есть время.

А сколько было среди этихъ людей скромныхъ, ничѣмъ не выдающихся тружениковъ, но любившихъ вѣренное имъ дѣло и отдававшихъ ему всю свою жизнь. Стоитъ только вспомнить члена Палаты Ѳ. В. Вешнякова, работавшаго почти до 80-тилѣтняго возраста и нерѣдко остававшагося ночевать въ зданіи Суда, если засѣданіе Палаты затягивалось далеко за полночь; у него не хватало силъ ѣхать домой, да и идти до

извозчика онъ не могъ, такъ какъ [плохо видѣлъ; М. Н. Лопатина, А. Д. Казанскаго, Ненарокова, кромѣ работы въ Судѣ еще отдавашаго часть своего досуга воплощенной имъ мечтѣ Е. Е. Люминарскаго—пріюту для безпризорныхъ и отбывшихъ тюрьму несовершеннолѣтнихъ. Создать это дѣло, да еще вести его такъ, чтобы пожившіе въ пріютѣ юноши

Ѳ. В. Вешняковъ.

М. Н. Лопатинъ.

потомъ охотно принимались, какъ работники, въ солидныя фирмы,—была задача не изъ простыхъ, тѣмъ болѣе, что этотъ пріютъ въ первые годы своего существованія въ матеріальномъ отношеніи вслѣдствіе индифферентизма публики былъ плохо обезпеченъ и терпѣлъ много лишеній. Уже по уходѣ со службы Ненарокова этотъ пріютъ, понавѣ

въ руки Д. Е. Рынкевича, всталъ твердо на ноги, такъ какъ послѣднему не только удалось собрать на покупку дома для этого пріюта 40 тыс. руб., но и пріискать такой домъ, который удовлетворялъ всѣмъ его нуждамъ; при домѣ были и садъ, и много усадебной земли. Почетнымъ опекуномъ этого пріюта, генераломъ Остелецкимъ, было добыто на постройку при этомъ домѣ церкви еще 30 тыс. руб.

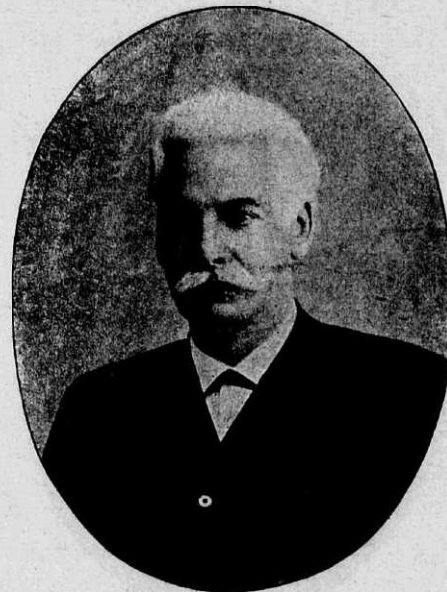

А. П. Ивановъ.

Надо однако отдать справедливость, что энергичнымъ помощникомъ этимъ почтеннымъ дѣателямъ въ устройствѣ самаго пріюта и въ собираніи на него средствъ всегда являлся А. П. Ивановъ, тоже одинъ изъ старѣйшихъ дѣателей московскаго Суда, сначала состоявшій только фельдше-

ромъ въ Судѣ, а затѣмъ занявшій мѣсто помощника смотрителя зданія. Его энергіи пріютъ этотъ обязанъ своимъ благосостояніемъ столько же, сколько и энергіи Ненарокова и Рынкевича, и онъ недаромъ избранъ пожизненнымъ членомъ этого гуманнаго общества.

Были почтенные дѣатели и среди товарищей предсѣ-

С. С. Перфильевъ.

дателя гражданскихъ отдѣленій Суда, на примѣръ, С. С. Перфильевъ, кончившій свою служебную карьеру почетнымъ опекуномъ, Н. И. Белюстинъ—впослѣдствіи директоръ департамента министерства юстиціи, и В. Н. Лавровъ, около 20 лѣтъ состоявшій предсѣдателемъ Суда. В. Н. Лавровъ представлялъ собою рѣзкую противоположность Э. Н. Сум-

булу; у него никогда не хватало терпѣнія выслушать все, что преподносили ему адвокаты, и онъ рѣзко ихъ обрывалъ, предлагая имъ не уклоняться въ сторону, вслѣдствіе чего и заканчивалъ онъ свои засѣданія не въ часъ и не въ два ночи, а въ пять и въ шесть часовъ дня. Терпѣніе Э. Н. Сумбула его ужасно удивляло, но его чрезмѣрная торопли-

В. Н. Лавровъ.

вость, конечно, не благоприятствовала детальному разъясненію процесса, тѣмъ болѣе, что дѣло было новое, и въ немъ не такъ-то легко разбирались начинающіе адвокаты, не говоря уже о публикѣ, которая бродила въ этой сферѣ еще ощупью, какъ въ темномъ лѣсу.

Переведенный впоследствии на должность председателя Суда, этотъ энергичный, всегда кипѣвшій человѣкъ не удо-

влетворялся скучными обязанностями администратора, и поэтому, какъ только назрѣвало въ Судѣ какое-нибудь крупное, особенно интересное уголовное дѣло, онъ принимался за его изученіе и самъ являлся по этому дѣлу председательствовать.

Конечно, когда такое дѣло уплывало изъ рукъ Е. Р. Ринка, публика отъ этого теряла, лишенная возможности послушать его талантливое напутственное слово, но самое дѣло въ этихъ случаяхъ только выигрывало, потому что и Е. Р. Ринкъ съ своей стороны это дѣло изучалъ и не уходилъ отъ него, какъ это дѣлали другіе, когда ихъ замѣщалъ председатель, очень довольные, что избавились отъ продолжительнаго сидѣнія въ Судѣ. Е. Р. Ринкъ, наоборотъ, самъ замѣщалъ въ этомъ дѣлѣ котораго-нибудь изъ членовъ и энергично помогалъ председателю вести допросъ свидѣтелей, да кстати уже самъ и велъ протоколъ засѣданія, что и придавало особенную цѣнность дѣлу въ смыслѣ самаго яркаго его освѣщенія.

Своеобразенъ былъ и товарищъ председателя VII отдѣленія Суда Д. Е. Рынкевичъ. Въ январѣ 1869 г. онъ былъ назначенъ въ Москву въ качествѣ товарища прокурора, и ему, совместно съ слѣдователемъ, было поручено вести слѣдствіе по дѣлу игуменьи Митрофаніи. Какъ человѣкъ властный, онъ часто бывалъ не сдержанъ, и его тонъ нерѣдко принималъ то рѣзкій, то саркастическій характеръ, а это оскорбляло обвиняемую, которая, какъ дочь намѣстника Кавказа, баронесса Розентъ, всю жизнь вращалась при Дворѣ и совершенно не понимала, какъ можетъ образованный человѣкъ глумиться надъ старой женщиной, да еще въ такое время, когда она безсильна отвѣтить ему тѣмъ-же. Это она не разъ ставила ему на видъ, а у него не хватало мужества сознаться, что онъ не правъ, хотя въ душѣ онъ всегда раскаивался, что не сумѣлъ во-время сдержаться, а между тѣмъ такое его отношеніе къ игуменѣ Митрофаніи,

а равно и тотъ суровый режимъ, которому она подвергалась въ тюрьмѣ, дали ей поводъ утверждать на Судѣ, что „во время слѣдствія она подвергалась всѣмъ пыткамъ, которыя только могла придумать средне-вѣковая инквизиція.“

Несимпатична эта его черта была и Н. А. Манассеину, тогда уже прокурору московской Судебной Палаты, тѣмъ

Д. Е. Рынковичъ.

болѣе, что самъ онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не былъ способенъ обидѣть женщину, и потому онъ былъ радъ, когда вскорѣ послѣ дѣла игуменни Митрофаніи Д. Е. Рынковичъ былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя и ушелъ изъ прокуратуры въ магистратуру.

Въ сущности-же Д. Е. Рынковичъ былъ человѣкъ и очень

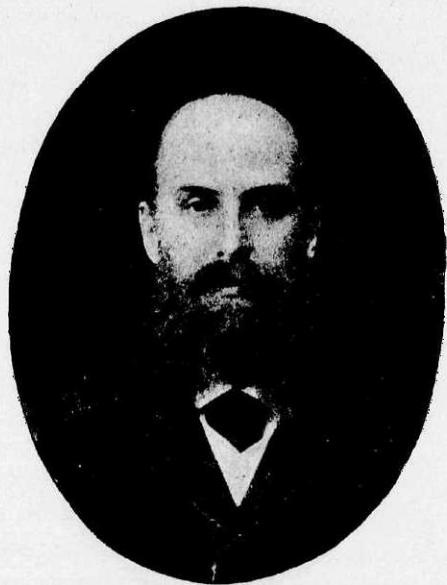
хорошій, и даже добрый. Никто не держалъ своего отдѣленія въ такомъ порядкѣ, какъ онъ, и, будучи требователенъ къ своимъ подчиненнымъ, онъ въ то-же время заботился о томъ, чтобы имъ жилось и работалось легко. Онъ не только намѣчалъ, но и выполнялъ самъ всю отвѣтственную по отдѣленію работу, а отъ сотрудниковъ своихъ требовалъ только своевременной и разумной помощи. „Все вершаетъ однимъ своимъ умомъ“,—говорилъ про него секретарь отдѣленія (изъ бывшихъ семинаристовъ) и очень былъ огорченъ, когда, наконецъ, въ 1893 г. Д. Е. Рынковичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ орловскаго Суда. Оттуда уже онъ пошелъ дальше, до Сената включительно, не возвращаясь болѣе въ Москву.

За его властный характеръ не долюбливала его и адвокатура. Онъ зорко слѣдилъ, чтобы защитники не вносили въ дѣло ненужнаго балласта, и безцеремонно ихъ обрывалъ, когда они позволяли себѣ что-нибудь лишнее. Но за то и у Рынковича, какъ и у Лаврова, засѣданія, которыя въ другомъ отдѣленіи затянулись-бы до поздней ночи, а у Ринка—и на нѣсколько дней, заканчивались въ нѣсколько часовъ, и притомъ безъ всякаго ущерба для дѣла, такъ какъ все, что требовалось выяснить, онъ выяснялъ и очень часто выяснялъ самъ, если видѣлъ, что стороны или не умѣютъ, или не желаютъ этого выяснить. И эта его черта всегда являлась особенно цѣнною въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей.

Типичную противоположность Д. Е. Рынковичу являлъ собою Ф. Ф. Арнольдъ. Болѣе мягкаго, болѣе гуманнаго человека едва-ли можно было встрѣтить. Онъ началъ свою служебную карьеру въ Москвѣ въ качествѣ товарища прокурора; пробывъ здѣсь много лѣтъ, онъ затѣмъ на нѣкоторое время уходилъ изъ Москвы и вернулся сюда уже въ качествѣ старшаго предсѣдателя Судебной Палаты.

Пока онъ былъ товарищемъ прокурора, въ его рѣчахъ не было ни задора, ни нетерпимости, по преимуществу свой-

ственных обвинителямъ. Гораздо больше было въ нихъ идиализмъ, и какъ только въ дѣлѣ появлялась женщина, въ обвинительной рѣчи Ф. Ф. Арнольда неизбежно фигурировала „голубка“. И это придавало его рѣчамъ такой красивый колоритъ и до такой степени дѣлало ихъ непохожими на рѣчи остальныхъ обвинителей, что ихъ не только съ

Ф. Ф. Арнольдъ.

удовольствіемъ слушала публика, но приходили послушать и товарищи, и судьи другихъ отдѣленій.

А когда онъ появился въ Москвѣ въ качествѣ старшаго предсѣдателя Палаты, то снова воскресить времена А. И. Шахова,—такъ много между этими двумя людьми было духовнаго родства.

Тѣмъ не менѣе Ф. Ф. Арнольдъ отнюдь не является талантливейшимъ изъ своихъ со товарищей. Не говоря уже о томъ, что на смѣну ушедшему въ адвокатуру М. Ф. Громницкому явился сначала въ качествѣ товарища прокурора, а затѣмъ и въ качествѣ прокурора, *П. Н. Обинскій*, не только блестящій ораторъ, но и выдающійся ученый и литераторъ,—и кромѣ

П. Н. Обинскій.

него явились въ высшей степени даровитые товарищи прокурора, Кохъ и Островскій.

Изъ нихъ Кохъ былъ типичный громовержецъ. Но большимъ его недостаткомъ было то, что онъ зарывался, теряя чувство мѣры, и часто въ пылу задора, что называется, закусывалъ удила, а отъ этого теряла его рѣчь, такъ какъ это

давало возможность опытному противнику резко подчеркнуть ее слабыя стороны, и тогда обвинение неизбежно терпело поражение.

Островскій, наоборотъ, отличался необычайною корректностью, но его доводы всегда являлись до такой степени подавляющими, до такой степени неопровержимыми, что защитнику требовалось употреблять нечеловѣческія усилія, чтобы какъ-нибудь извернуться. Очень часто и Кохъ, и Островскій съ успѣхомъ выступали противъ такихъ опасныхъ противниковъ, каковыми являлись Плевако, Лохвицкій и другіе, и если имъ, при ихъ выдающихся способностяхъ, не суждено было прогремѣть, то только потому, что у нихъ явился непреоборимый соперникъ въ лицѣ Н. В. Муравьева, могучій талантъ котораго не оставлялъ мѣста ни для какого сравненія.

Появившись въ Москвѣ въ началѣ 70-хъ годовъ, Н. В. Муравьевъ являлъ собою въ прокуратурѣ то-же самое, что въ адвокатурѣ представлялъ собою Плевако. Онъ такъ-же, какъ и Плевако, былъ виѣ сравненій. Его рѣчи, полныя самаго глубокаго содержанія, до такой степени кромѣ того были красочны, что когда онъ рисовалъ какую-нибудь картину, слушателю казалось, что онъ реальнѣйшимъ образомъ эту картину видитъ собственными глазами. Властно звучало его могучее слово, и передъ заипнотизированнымъ слушателемъ вереницею мелькали воспроизводимые имъ образы, и до такой степени эти образы были жизненны, что вотъ-вотъ, казалось, они воплотятся въ реальную форму.

ГЛАВА IV.

Изъ воспоминаній о выдающихся процессахъ первой эпохи новаго суда.

Каждому изъ вышеперечисленныхъ лицъ приходилось участвовать въ разсмотрѣніи тѣхъ или другихъ дѣлъ, являвшихъ собою печальный результатъ разнаго рода уклоненій отъ естественныхъ нормъ общественной жизни, и эти дѣла въ то-же время представляли громаднѣйшій общественный интересъ.

Прежде всего, почти тотчасъ-же по открытіи реформированныхъ судебныхъ учреждений, возникли дѣла о распространеніи скопческой ереси. Сначала такое дѣло было возбуждено въ Моршанскѣ по инициативѣ полиціи, затѣмъ—въ Москвѣ, причемъ главными обвиняемыми по этимъ дѣламъ являлись мѣстные миллионеры: въ Моршанскѣ—Плотицынъ и въ Москвѣ—М. Г. Солодовниковъ.

Конечно, существованіе этихъ сектъ не было новостью ни для кого; онѣ были извѣстны и полиціи, и духовному вѣдомству, и всѣ онѣ благополучно существовали.

Что это именно было такъ, ясно изъ того, что Солодовниковъ, ни отъ кого не скрывая своего скопчества, состоялъ и былъ утвержденъ ктитормъ той православной церкви, которая была построена на его средства при устроенной имъ-же богадѣльнѣ.

Еще проще на сектантовъ смотрѣла полиція—это были наиболѣе уважаемые обыватели: трезвые, правдивые, богатые, никогда никому никакихъ безпокойствъ не доставлявшіе и

всегда щедро одаривавшіе полицію только за то, что имъ не мѣшали молиться такъ, какъ они считали это нужнымъ. Такимъ образомъ, все другъ другомъ были довольны, и хотя закономъ сектанство и предусматривалось, но на дѣлѣ вѣротерпимость была полная.

Когда-же старые порядки отошли въ вѣчность, полицейскіе, на которыхъ со всѣхъ сторонъ сыпались всевозможныя нареканія, уже боялись не обнаруживать чего-либо противозаконнаго, зная по опыту, что если что-либо обнаружится помимо нихъ, то это прежде всего будетъ поставлено на счетъ ихъ бездѣтельности. И трепеща за свое существованіе, они спѣшили раздѣлаться со всѣмъ тѣмъ, что могло накинута на нихъ тѣнь подозрѣнія. Они начали представлять на усмотрѣніе Суда все то, что имъ казалось нелегальнымъ.

Вотъ этотъ-то шкурный страхъ и побудилъ ихъ покончить съ вѣротерпимостью, и въ результатѣ появилось обвиненіе сектантовъ въ распространеніи скопческой ереси.

Возбужденіе такого обвиненія въ Моршанскѣ противъ Плотичина произвело на сектантовъ опеломляющее впечатлѣніе. Уяснить сразу побудительныя причины такого выступленія со стороны мирной до того времени полиціи, конечно, не было ни малѣйшей возможности, и первое, что пришло имъ въ голову, это то, что полицеймейстеру понадобился крупный кушъ. Но за этимъ задержки быть не могло. Милліонеръ Плотичинъ не жалѣлъ денегъ за свой покой и послѣ перваго-же произведеннаго у него обыска послалъ своего довѣреннаго къ полицеймейстеру съ 25 тысячами рублей.

Но и полицеймейстеръ не сомнѣвался, что такъ именно и случится, и чтобы разъ навсегда покончить съ этого рода попытками, подготовилъ свидѣтелей, которые и появились въ тотъ моментъ, когда довѣренный Плотичина развернулъ деньги, чтобы передать ихъ полицеймейстеру.

Объ этомъ былъ составленъ протоколъ, и къ обвиненію Плотичина въ распространеніи скопческой ереси присоединилось еще и другое—въ попыткѣ подкупить представителя полиціи.

Горькій опытъ убѣдилъ, наконецъ, Плотичина, что и деньги въ данномъ случаѣ безсильны, а денегъ у него было такъ много, что чины слѣдственной власти и прокуратуры считали ихъ три дня и, насчитавъ, наконецъ, 18 милліоновъ, больше считать не стали, а запечатали все остальное въ мѣшкахъ и сложивъ эти мѣшки въ кладовую, которую тоже опечатали, сдали все это на храненіе его сыновьямъ. Но причина, почему все это такъ случилось, такъ и осталась для Плотичина неразгаданной тайной.

Дѣло Плотичина разсматривалось въ Петербургѣ въ концѣ 1869 г., и, несмотря на то, что въ защитѣ его принималъ участіе Лохвицкій, что самъ онъ физическихъ признаковъ принадлежности къ скопчеству не имѣлъ, что у него была большая семья и что обвиненіе противъ него было возбуждено только потому, что въ его домѣ жили девять женщинъ-сектантокъ, которыя постились и молились по своему усмотрѣнію,—онъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Восточную Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Все это до мельчайшихъ подробностей было извѣстно и московскимъ сектантамъ, дѣло о которыхъ было возбуждено нѣсколько позже, а по окончаніи Плотичинскаго дѣла стало извѣстно и то, что имъ за это грозитъ. Но такъ какъ и имъ никакъ не могла придти въ голову дѣйствительная причина такъ неожиданно воздвигнутаго на нихъ гоненія, то естественно, что прежде всего они рѣшили, что Плотичинъ сплеховалъ, желая откупиться сравнительно небольшимъ кушемъ, что необходимо заплатить очень много, да притомъ не представителямъ полиціи, видимо, утратившимъ всякую власть, а кому-нибудь гораздо выше.

Думать въ иномъ направленіи тогда средніе обыватели еще не умѣли, такъ какъ до переоцѣнки устарѣвшихъ идей еще не доросли.

Можно-ли послѣ этого допустить, что милліонеръ Михайлъ Герасимовичъ Солодовниковъ, которому такъ-же, какъ и Плотицыну, грозили не только беспощадный судъ въ будущемъ, но и предварительное заключеніе—въ настоящемъ, человѣкъ притомъ одинокій и весьма критически относившійся къ своимъ наслѣдникамъ по закону, ничего не предпринималъ для своего спасенія, не истратилъ на это ни гроша? Конечно, нѣтъ.

И онъ хлопоталъ. Къ тому-же у него уже были связи. Онъ довольно много жертвовалъ на дѣла благотворительности и въ томъ числѣ на постройку Покровской общины, во главѣ которой стояла очень видная въ то время общественная дѣятельница, игуменья Серпуховскаго Владычнаго монастыря Митрофанія, дочь бывшаго намѣстника Кавказа, баронесса Розенъ.

Оставшись безъ всякихъ средствъ послѣ отца, къ тому-же въ высшей степени некрасивая, но очень умная и притомъ идейная дѣвушка, баронесса Розенъ сознавала, что на удачное замужество для нея надежды нѣтъ, и ушла въ монастырь, гдѣ имѣла возможность отдаться самой широкой общественной благотворительности.

И она въ своемъ выборѣ не ошиблась.

Не только устройство, но и самое строительство общинъ сестеръ милосердія, было всецѣло возложено на умную, энергичную и дѣятельную игуменью Митрофанію, и это-то внослѣдствіи и навлекло на нее то несчастье, которое выпало на ея долю.

На постройку и устройство этихъ общинъ черезъ руки игуменьи проходили десятки милліоновъ, и отчетностью по этимъ постройкамъ она ни передъ кѣмъ обязана не была. Въ общинахъ сестеръ милосердія должны были сосредото-

чиваться все виды благотворительности: и призрѣніе дѣтей и стариковъ, и лѣченіе неимущихъ больныхъ, и обученіе бѣдняковъ, нуждающихся въ знаніяхъ и не могущихъ приобрести этихъ знаній оплачивать.

Игуменія Митрофанія.

Все это устраивалось на широкую и прочную ногу, такъ какъ сюда притекали крупныя пожертвованія многихъ богачей.

Прежде всего была выстроена и устроена петербургская община. Затѣмъ создать такую-же общину игуменьѣ Митрофаніи было поручено въ городѣ Псковѣ. А когда и тамъ община твердо встала на ноги, ее же попросили устроить такую же общину и въ Москвѣ.

Естественно, что гдѣ-бы ни протекала такая дѣятельность игуменьи Митрофаніи, лица, знавшія ея связи и искавшія ея покровительства, сначала являлись къ ней смиренными жертвователями на добрыя дѣла, а затѣмъ уже, когда она считала себя до нѣкоторой степени имъ обязанной, они начинали обращаться къ ней съ просьбами объ услугахъ, которыя она, какъ сердечный человѣкъ, и оказывала охотно. И если эти услуги были значительны, она выговаривала въ пользу устраиваемыхъ ею учрежденій ту или другую жертву.

Въ то время, когда она принялась за постройку московской общины, съ нею познакомился М. Г. Солодовниковъ, дѣлавшій по временамъ на это дѣло пожертвованія. Чаще эти пожертвованія давались наличными деньгами, но когда на-лицо денегъ не случалось, а игуменья просила ту или другую сумму, необходимую для того, чтобы не задерживать постройки, Солодовниковъ выдавалъ ей вексель, зная, что всякій учтетъ его рубль за рубль, такъ какъ о задержкѣ платежа не могло быть и рѣчи.

И вотъ, когда надъ Солодовниковымъ стряслась бѣда, когда въ Москвѣ стали циркулировать слухи о привлеченіи и его къ уголовной отвѣтственности, онъ, уже напуганный суровой карой, постигнутой Плотицына, бросился въ Петербургъ, гдѣ въ то время находилась по своимъ дѣламъ игуменья Митрофанія.

Онъ умолялъ ее его спасти, чего-бы это ни стоило, не жалѣя его средствъ.

Придумывая то то, то другое средство, они, наконецъ, рѣшили дѣйствовать черезъ казавшуюся имъ всесильной адвокатуру.

Здѣсь ихъ обнадежили, но по первому слову потребовали сто тысячъ рублей: Памятуя исторію Плотицына съ полицеймейстеромъ и приписывая его несчастіе тому, что онъ несвоевременно поспешилъ, Солодовниковъ не сталъ торговаться; онъ въ тотъ-же день выѣхалъ въ Москву, а на слѣдующій день уже выслалъ въ Петербургъ своего довѣреннаго съ облигаціями Кредитнаго общества на сто тысячъ рублей. При размѣнѣ этихъ облигацій въ Петербургѣ получился убытокъ въ 9 тысячъ рублей, но и эту сумму Солодовниковъ не замедлилъ пополнить.

Такая сговорчивость попавшаго въ бѣду миллионера еще больше возбудила аппетиты, и отъ него, недолго думая, потребовали еще 150 тыс. рублей,

Такого количества свободныхъ денегъ на-лицо не оказалось и у миллионера. И вмѣсто нихъ Солодовниковъ выслалъ въ Петербургъ съ тѣмъ-же довѣреннымъ свои векселя — семь по 20 тысячъ каждый и одинъ на 10 тысячъ. Эти векселя пока должны были оставаться въ рукахъ игуменьи Митрофаніи, такъ какъ она должна была ихъ передать взявшемуся хлопотать адвокату только послѣ того, какъ онъ чего-нибудь добьется. Въ противномъ-же случаѣ они должны были остаться въ пользу Покровской общины. Кромѣ того, желая обезпечить за собой содѣйствіе и въ будущемъ игуменьи, въ силу и вѣніе которой онъ вѣрилъ, Солодовниковъ выдалъ ей для общины еще векселей на 280 тыс. рублей, и чтобы закрѣпить за нею возможность получить эту сумму изъ его средствъ даже въ случаѣ его осужденія, онъ выдалъ ей еще и росписку на всю сумму выданныхъ ей векселей.

Конечно, это была очень крупная жертва, но онъ зналъ, что за эту жертву, пока онъ живъ, что-бы съ нимъ ни случилось, игуменья Митрофанія сдѣлаетъ все, чтобы облегчить его судьбу.

Что же касается того, что, въ случаѣ его осужденія, у его законныхъ наслѣдниковъ изъ его многомилліоннаго состоянія останется на полмилліона меньше, то это было для него довольно безразлично, потому что къ нимъ онъ ровно никакой привязанности не чувствовалъ.

Все это имѣло мѣсто въ концѣ 1870 г., а 8 января 1871 г. Солодовниковъ, несмотря на тяжкую болѣзнь, былъ взятъ подъ стражу и заключенъ въ одной изъ камеръ Пречистенскаго частнаго дома.

И вотъ, когда онъ былъ уже арестованъ, одному изъ выданныхъ имъ игуменьѣ Митрофаніи векселей наступилъ срокъ. Вексель этотъ былъ въ шесть тыс. рублей. Желая при жизни векселедателя, здоровье котораго въ то время было уже очень плохо, установить безспорность его векселей, игуменья и предъявила тотъ вексель къ оплатѣ его брату, Вас. Гер. Солодовникову, которому, какъ законному наслѣднику М. Г. Солодовникова, было сдано на храненіе все имущество обвиняемаго.

В. Г. Солодовниковъ безъ всякой церемоніи заявилъ, что этотъ вексель его брата подложенъ. Тогда игуменья настояла, что-бы этотъ вексель былъ предъявленъ самому векселедателью.

Не уважить такого требованія было нельзя, и вотъ нотариусу было на этотъ предметъ разрѣшено свиданіе съ Солодовниковымъ въ присутствіи товарища прокурора.

На вопросъ нотариуса, его-ли на этомъ векселѣ подпись, Солодовниковъ отвѣтилъ; „Конечно, моя, но какъ не стыдно меня беспокоить такими пустяками, когда я такъ страдаю?“.

Эта его фраза была засвидѣтельствована нотариусомъ, и, конечно, деньги по этому векселю были уплачены. Игуменья Митрофанія на этомъ и успокоилась, полагая, что если на одномъ векселѣ подпись признана дѣйствительной, то, несомнѣнно, она будетъ признана таковой и на всѣхъ остальныхъ.

Между тѣмъ вмѣстѣ съ Солодовниковымъ къ дѣлу о распространеніи скопческой ереси были привлечены и другіе московскіе сектанты, въ числѣ 28 человѣкъ, съ купцами, братьями Кудринными во главѣ.

Обнаруженные у нихъ физическіе недостатки ставились имъ въ вину потому, что когда лѣтъ за двѣнадцать нередъ тѣмъ губернскими правленіями производилась регистрація скопцовъ, въ эти списки они не попали. Остальныя-же обвиненія сводились къ тому, что они постились и молились такъ, какъ имъ казалось лучше; самые невѣжественные изъ нихъ печатали портреты какого-то генерала, принимая его за императора Петра III, и на эти портреты молились.

Дѣло Кудриныхъ и остальныхъ обвиняемыхъ, за исключеніемъ Солодовникова, выключеннаго изъ общаго дѣла ввиду его тяжкой болѣзни, разсматривалось въ московскомъ Окружномъ Судѣ въ сентябрѣ 1871 г., подъ предсѣдательствомъ тогда уже состоявшаго предсѣдателемъ Суда П. А. Дейера, и хотя въ защитѣ ихъ вмѣстѣ съ другими лицами участвовали и только—что ушедшій изъ прокуратуры М. Ф. Громницкій, и перечислившійся къ тому времени въ адвокатуру изъ секретарей Сената В. М. Пржевальскій, и хотя на Судѣ всѣ обвиняемые весьма резонно утверждали, что, будучи изуувѣчены еще въ дѣтствѣ помимо своей воли, они этого стыдились до того, что платили большія деньги полиціи, лишь-бы не быть зарегистрированными какъ скопцы, но это имъ не помогло: вѣяніе времени было таково, что скопчество должно было быть искоренено, и лучшимъ средствомъ для этого представлялась огульная высылка ихъ въ Восточную Сибирь.

Никто изъ лицъ, судившихся вмѣстѣ съ Кудринными, не былъ оправданъ. Всѣ были признаны виновными и всѣ были приговорены къ ссылкѣ на поселеніе въ Восточную Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Этот приговоръ былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу страданій М. Г. Солодовникова. На третій день послѣ объявленія его онъ умеръ въ камерѣ Пречистенскаго частнаго дома, а все его громадное состояніе перешло къ его законнымъ наслѣдникамъ — брату В. Г. Солодовникову и дѣтямъ другого умершаго его брата.

Послѣ его смерти игуменья, занятая постройкой и устройствомъ общины, не сразу удосужилась приняться за реализацію его векселей. По мѣрѣ надобности она ихъ учитывала, и такъ какъ при этомъ не встрѣчалось ни малѣйшихъ затрудненій, то она и не спѣшила окончить свои расчеты съ наслѣдниками умершаго жертвователя.

Когда еще игуменья Митрофанія устраивала общину въ Петербургѣ, съ нею познакомился подъ предлогомъ желанія жертвовать на добрыя дѣла купецъ Лебедевъ. Впослѣдствіи онъ обратился къ ней съ просьбой избавить его отъ необходимости служить казначеемъ въ Купеческой Управѣ, какую должность упорно навязывалъ ему неладившій съ нимъ купеческій старшина. Лебедевъ былъ полуслѣпой старикъ и опасался возможнаго по этой должности прочета, да и собственная торговля не позволяла ему тратить времени на общественную службу.

Игуменья Митрофанія вошла въ его положеніе и помогла отдѣлаться отъ назойливыхъ притязаній купеческаго старшины, а онъ, въ благодарность за это, подъ предлогомъ, что въ данный моментъ не располагаетъ наличными деньгами, выдалъ ей въ видѣ пожертвованія на общину вексельный бланкъ на нѣсколько тысячъ рублей, объяснивъ, что если она будетъ имѣть нужду въ деньгахъ, то стоитъ только заполнить этотъ бланкъ на чье угодно имя вексельнымъ текстомъ и поставить на немъ свой отвѣтственный бланкъ, и такой вексель можно будетъ учесть гдѣ угодно.

Игуменья Митрофанія росла и воспитывалась въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда въ аристократическихъ

кругахъ и мужчины-то не считали себя обязанными знать законы, полагая, что на это и существуютъ подъячіе, а для женщины такое знаніе было-бы прямо неприлично. А что человѣкъ, которому она только-что сдѣлала одолженіе, можетъ посовѣтовать ей что-нибудь предосудительное, ей и въ голову не приходило.

Между тѣмъ нужда въ наличныхъ деньгахъ при постройкѣ была постоянная, и игуменья рѣшила воспользоваться совѣтомъ Лебедева и предложила вексель его со своимъ отвѣтственнымъ бланкомъ въ уплату за строительный матеріалъ. Вексель былъ принятъ безпрекословно; это еще болѣе убѣдило ее, что подобный учетъ векселей представляетъ собою одинъ изъ видовъ коммерческихъ операцій, и она, даже не подозрѣвая его незаконномѣрности, стала прибѣгать къ учету дружескихъ векселей.

Окружающіе, питавшіе къ ней безусловное довѣріе, охотно снабжали ее такими векселями, зная, что она, какъ человѣкъ въ высшей степени аккуратный, не допуститъ такихъ векселей до протеста и не поставитъ ихъ въ непріятное положеніе. А это только поддерживало въ ней увѣренность, что этого рода операціи — въ порядкѣ вещей.

Въ подробности этого учета дружескихъ векселей она не входила, хотя и знала, что они учитываются со скидкой 30, 40 и даже 50%, но такъ какъ наличность денегъ или получаемого за нихъ строительнаго матеріала была дорога во-время, то поневолѣ этимъ тяжелымъ условіямъ учета приходилось подчиняться.

Въ 1871 г. вышло разрѣшеніе представлять крупныхъ жертвователей къ орденамъ. Со-временемъ противъ этого очень сильно ополчились, и это разрѣшеніе было отмѣнено.

Съ тѣхъ поръ, какъ представленіе къ наградамъ жертвователей было прекращено, сократился самый притокъ пожертвованій и сократился настолько, что, какъ видно изъ статистики, благотворительнымъ учрежденіямъ, вѣдающимъ

призрѣніемъ дѣтей, пришлось сократить контингентъ призрѣваемыхъ дѣтей на полторы тысячи человѣкъ.

Это-ли не ужасъ! Цѣлая армія дѣтей лишена возможности вырасти въ болѣе сытой и человѣческой обстановкѣ, лишена возможности получить знанія, которыя обезпечили бы имъ кусокъ хлѣба въ будущемъ, — и лишена только потому, что кому-то стало досадно или завидно, что человѣкъ, имущій настолько, что можетъ обезпечить существованіе хоть одного бѣдняка, можетъ за это изъ крестьянъ превратиться въ почетнаго гражданина или статскаго совѣтника.

Вѣдь этому надо было только радоваться. Развѣ-же не огромная заслуга избавить государство отъ каждаго лишняго пролетарія, развѣ не огромная заслуга избавить человѣческую жизнь, а тѣмъ болѣе дѣтскую, отъ нищеты и всѣхъ неразрывно связанныхъ съ нею пороковъ?

Отъ того, что въ огромномъ государствѣ будетъ лишнихъ полторы тысячи статскихъ совѣтниковъ, не получающихъ отъ государства никакого содержанія, конечно, никто ничего не потеряетъ, кромѣ тѣхъ многочисленныхъ завистниковъ, которымъ досадно, что и они не могутъ пріобрѣсти того-же. Но это ихъ личное дѣло, дѣло ихъ оскорбленнаго самолюбія.

Такъ смотрѣло на это правительство во время царствованія Императора Александра II, и эта мѣра была тогда введена.

Въ числѣ другихъ лицъ захотѣлось получить „Анну на шею“ и Лебедеву. За этимъ онъ обратился къ игуменѣ Митрофаніи, и между ними состоялось такое соглашеніе: она будетъ хлопотать о награжденіи его этимъ орденомъ, а онъ пока выдастъ ей векселя на 62 тыс. руб. для учета; если-же онъ получитъ черезъ нее эту награду, то часть этихъ векселей оплатитъ самъ.

Лебедевымъ были выданы собственно не векселя, а только вексельные бланки, такъ какъ игуменѣ предоставля-

лось право самой вписывать вексельный текстъ на чье имя ей это было удобнѣй, и она по мѣрѣ надобности это дѣлала и векселя эти учитывала. А такъ какъ впослѣдствіи Лебедеву удалось добиться желаннаго ордена безъ ея содѣйствія, путемъ другого пожертвованія на постройку въ Петербургѣ церкви, то ни ему, ни игуменѣ и въ голову не приходило, что по учтеннымъ ею его вексельнымъ бланкамъ придется платить ему. И въ такомъ положеніи это дѣло обстоило до конца января 1873 г.

Между тѣмъ еще лѣтомъ 1870 г. къ игуменѣ Митрофаніи обратилась за помощью московская миллионерша Прасковья Ильинична Медынцова, надъ которой, по просьбѣ ея мужа и сына, за расточительность была учреждена опека, такъ какъ ея пороки заставили и мужа и сына Медынцовой бѣжать изъ дома.

Все это было провѣрено и установлено московскимъ губернаторомъ, и все имущество опекаемой было сдано въ опеку, которая и выдавала ей на содержаніе отъ 500 до 600 руб. въ мѣсяцъ.

Но Медынцовой такое ея стѣсненіе въ денежныхъ средствахъ не нравилось, а главнымъ образомъ это не нравилось ея сожителю, кр. Михаилу Ефимову, состоящему у нея и лакеемъ, и конюхомъ, и другомъ.

Изъ этой суммы, при непробудномъ пьянствѣ Медынцовой, не особенно уже много можно было выцарапать, и вотъ было рѣшено хлопотать во что-бы то ни стало о снятіи опеки.

Къ сожалѣнію, игуменья Митрофанія, всегда до того времени очень корректная, согласилась ввязаться въ это грязное дѣло, совершенно упустивъ изъ виду, что, окунувшись по уши въ клоаку, вынырнуть изъ нея чистымъ уже невозможно.

Со свойственнымъ женщинѣ уклоненіемъ, всегда хватающимъ черезъ край, съ единственной цѣлью хорошо

обеспечить въ будущемъ создаваемую ею Покровскую общину, принялась игуменья за эти хлопоты.

Чтобы привести Медынцеву въ человѣческій видъ, чтобы постепенно отучить ее отъ безпробуднаго пьянства и хоть до нѣкоторой степени облагородить, ее игуменья предложила ей переѣхать къ ней въ Серпуховской Владычный монастырь. Медынцева и переѣхала, но переѣхала не одна, а съ сожителемъ, Михаиломъ Ефимовымъ, которому вовсе не по сердцу было отрезвленіе его подруги.

Понятно, что помѣщеніе ея при этомъ условіи въ самомъ монастырѣ было немислимо, и игуменья поселила ее внѣ стѣнъ монастыря, въ одномъ изъ домиковъ, составлявшихъ сельско-хозяйственныя постройки монастырскаго хутора.

Это и дало возможность Медынцевой въ послѣдствіи на судѣ утверждать и горько печаловаться на то, что игуменья, будто-бы державшая ее въ заточеніи, поселила ее на скотномъ дворѣ. Вѣдь, освѣтить всякій фактъ можно такъ, какъ человѣку это больше нравится, тѣмъ болѣе, что такое освѣщеніе было какъ-разъ очень на руку повѣренному Медынцевой—О. Н. Плевако.

Конечно, хлопоты о снятіи опеки требовали крупныхъ расходовъ, необходимы были частыя поѣздки въ Петербургъ, а игуменья въ силу носимаго ею сана вынуждена была обставлять эти поѣздки извѣстнымъ комфортомъ. Но и кромѣ Петербурга игуменья по своимъ личнымъ дѣламъ часто приходилось навѣдываться въ Псковъ, въ только-что устроенную ею тамъ общину, и всюду ей приходилось таскать за собою и Медынцеву, такъ какъ, пользуясь каждою ея отлучкой изъ монастыря, Михаилъ Ефимовъ устраивалъ съ Медынцевою скандальныя драки, въ надеждѣ, что за это игуменья отправитъ ихъ обратно въ Москву. Очень ужъ не по душѣ ему было вліяніе на Медынцеву строгой игуменьи, заставлявшей ее обуздывать свои порочныя склонности.

Эта необходимость всюду таскать за собою Медынцеву съ цѣлью облагородить ее, безъ чего не мыслимо было снятіе опеки, еще болѣе увеличивало эти расходы, и той суммы, которую получала Медынцева ежемѣсячно, конечно, не хватало. Вѣдь, добрая половина этихъ денегъ уходила на содержаніе и пьянство Медынцевой и Ефимова, а когда денегъ имъ не хватало, то Медынцева требовала, чтобы были заложены ея вещи; такъ, изъ монастыря были посланы въ залогъ ея куныя шуба съ собольимъ воротникомъ и соболья муфта, заложенные за 400 рублей.

Такимъ образомъ, на расходы по дѣлу Медынцевой ея личныхъ денегъ не хватало, и игуменья приходилось тратить часть денегъ своихъ, но тратить ихъ безъ всякаго обезпеченія она тоже не желала, зная уже по опыту, что „въ нуждѣ всякій сулитъ топоръ, а пройдетъ нужда—жалѣетъ и топорница“. Поэтому онѣ и условились, что, въ обезпеченіе этихъ расходовъ, а также и уплаты за хлопоты по снятію опеки Медынцева выдастъ игуменья векселя. А такъ какъ векселя подопечной, конечно, не имѣли никакой цѣны, то онѣ и додумались написать эти векселя заднимъ числомъ. Такихъ векселей Медынцева написала на сумму около 300,000 руб., да эта сумма и не казалась ей огромной, такъ какъ въ опекѣ лежали ея милліоны, а на содѣйствіе такъ высоко стоящей игуменьи за гроши, конечно, нельзя было рассчитывать. Поэтому Медынцева и выдавала векселя безпрекословно, а по мѣрѣ надобности, когда предстояли особенно крупные расходы, игуменья и учитывала то одинъ изъ этихъ векселей, то другой.

Но все хлопоты игуменьи по снятію опеки оставались безъ результата. Медынцева ни за что не желала разстаться съ пьянствовавшимъ и безобразничавшимъ Михаиломъ Ефимовымъ, а при этомъ условіи о снятіи опеки не могло быть и рѣчи.

Тогда игуменья предложила Медынцевой пойти на крайнюю мѣру—выдѣлить часть своего состоянія сыну, полагая, что это побудитъ и мужа, и сына подопечной пойти на уступки. Сыну Медынцевой эта идея, повидимому, очень понравилась, и онъ даже заключилъ съ игуменьею договоръ, по которому за осуществленіе этой идеи обѣщалъ пожертвовать Покровской общинѣ домъ на Никольской улицѣ, стоющій 120,000 руб., и 50,000 наличными деньгами.

Но какъ ни оберегала игуменья Медынцеву отъ всякихъ вліяній, нашлись люди, которымъ такое примиреніе семьи пришлось не по душѣ, и они стали распускать самые возмутительные слухи о томъ, какъ игуменья обираетъ несчастную Медынцеву, и въ то же время начали убѣждать и Медынцеву вернуться въ Москву и заявить Сиротскому Суду о томъ, что игуменья Митрофанія взяла съ нея безвалютные векселя.

Медынцеву давно уже тяготило пребываніе въ монастырѣ, гдѣ ей все-таки до извѣстной степени приходилось стѣсняться, а такъ какъ тѣ же совѣтчики старались ее убѣдить, что снятія опеки игуменья не добьется, а совѣсть свою Медынцева уже давно пронила, то ей очень понравилась мысль о возможности избавиться отъ платежа за произведенные по ея-же дѣлу расходы, и она не только заявила Сиротскому Суду, что съ нея обманомъ взяты безденежные на крупную сумму документы, но на возбужденномъ по этому дѣлу слѣдствіи еще стала обвинять игуменью въ присвоеніи и растратѣ ея шубы и муфты, благо эти вещи, ея же пропитыя съ Ефимовымъ, были посланы изъ монастыря въ Москву въ залогъ по распоряженію игуменьи.

Между тѣмъ еще до возбужденія слѣдствія, но уже тогда, когда слухи о томъ, что игуменья обираетъ Медынцеву, стали упорно циркулировать въ Москвѣ, причемъ говорилось много о томъ, что противъ нея готовится уголовное преслѣдованіе, она, относясь къ этимъ слухамъ, какъ къ гряз-

ной сплетнѣ, рѣшила реализовать свои расчеты съ наследниками Солодовникова и предъявила его росписку о выдачѣ ей векселей на 480 тыс. руб. къ оплатѣ.

Наслѣдникамъ Солодовникова съ такимъ кушемъ разстаться очень не хотѣлось и они, пользуясь тѣмъ, что об игуменѣ уже ходятъ темные слухи, нашли этотъ моментъ какъ нельзя болѣе удобнымъ для того, чтобы заявить, что эта росписка подложна. Тамъ будь, что будетъ; можетъ-быть, эта подложность и будетъ опровергнута, и тогда придется платить, но оттяжка въ платежѣ все-таки будетъ, а къ тому-же,—кто знаетъ?—можетъ-быть, и удастся избѣжать платежа. Ясно, что рискнуть этимъ слѣдуетъ.

И вотъ, это коммерческое соображеніе приведено въ исполненіе, и о подлогѣ росписки сдѣлано соответственное заявленіе.

Это всполошило всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя до того времени безпрепятственно учитывали всѣ векселя игуменьи Митрофаніи. Учитывали ихъ исключительно еврейскія фирмы Фриденсона, Хина, Дейлина, Лемберга и учитывали ихъ при посредствѣ Даніельсона, специально для этого состояваго повѣреннымъ игуменьи.

Учитывая, они вѣрили исключительно игуменѣ, зная по многолѣтнему опыту, что она всѣ эти векселя до наступленія по нимъ срока оплачиваетъ, и принимая эти векселя, лишь какъ обезпеченіе ея долга, на всякій случай. Они хорошо при этомъ учетѣ зарабатывали, такъ какъ сами, въ свою очередь, тѣ векселя переучитывали и, затрачивая на нихъ сравнительно немного, получали хорошій процентъ.

Но когда заявленіемъ наслѣдниковъ Солодовникова кредитоспособность игуменьи была расшатана, держатели ея векселей рѣшили учестъ оставшіеся у нихъ на рукахъ векселя по чемъ ни попало, лишь-бы хоть что-нибудь выручить. Они уже такъ много нажили на ея векселяхъ, что убытка особенно не боялись и хотѣли еще что-нибудь нажить.

Но въ Москвѣ объ учетѣ этихъ векселей не могло быть и рѣчи, и Бейлинъ отправился для учета ихъ въ Петербургъ.

Но, какъ извѣстно, „добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ“: о томъ, что игуменьѣ грозитъ судъ, уже знали и въ Петербургѣ. Поэтому, когда Бейлинъ въ конторѣ Чебарова предъявилъ къ учету векселя Лебедева съ бланками игуменьи Митрофаніи, Чебаровъ усомнился въ подлинности подписей Лебедева, котораго зналъ за человѣка состоятельнаго и по торговлѣ не кредитовавшагося; онъ, чтобы провѣрить свои сомнѣнія, показалъ эти векселя купцу Захарьину, дружившему съ Лебедевымъ и хорошо знавшему его торговья дѣла. Захарьину прежде всяго бросилось въ глаза, что всѣ эти векселя писаны въ Москвѣ на имя разныхъ москвичей, а ему хорошо было извѣстно, что Лебедевъ уже года три-четыре не былъ въ Москвѣ, и это обстоятельство только подтвердило ихъ предположеніе о подложности векселей. Они рѣшили извѣстить объ этомъ Лебедева, а у него не хватило мужества сознаться, что вексельные бланки были имъ выданы для учета за ожидаемыя отъ игуменьи услуги и боясь, что въ случаѣ если ее постигнетъ бѣда, ему придется эти векселя оплачивать, онъ предпочелъ заявить, что векселя подложны.

Такимъ образомъ противъ игуменьи сразу возникло три грозныхъ обвиненія: въ подлогѣ векселей Солодовникова и Лебедева и въ вовлеченіи Мединцевой въ невыгодную сдѣлку.

Но тутъ между властями гражданскими и духовными возникли пререканія. Епархіальное начальство игуменьи находило выставлемыя противъ нея улики недостаточными и на отрѣзъ отказалось санкціонировать преданіе ея суду. Тогда гражданскія власти рѣшили обойтись безъ этой санкціи: преданіе ея суду состоялось, и слѣдствіе повелось энергично и необычно сурово.

Отъ нея не взяли ни поручительства, ни залога, и она была заключена въ тюрьму, и много прошло времени, прежде чѣмъ молоденькой послушницѣ разрѣшили раздѣлится съ нею заключеніе для того, чтобы ей тамъ служить.

Въ дѣлѣ игуменьи Митрофаніи столкнулись два противоположныхъ теченія, изъ которыхъ одно совершенно исключало другое. Съ одной стороны молодежь, привыкшая смотрѣть на людей дореформеннаго строя, какъ на насильниковъ, и радовавшаяся, когда ей удавалось захватить кого-нибудь изъ нихъ покрупнѣе, а тутъ какъ-разъ удалось схватить духовное лицо, да еще облеченное такимъ саномъ, да еще аристократку, пользовавшуюся довѣріемъ Высочайшихъ особъ. Ну, какъ-же имъ, разночинцамъ, было отказать себѣ въ удовольствіи столкнуть ее съ пьедестала, а ужъ кстати и окунуть ее въ ту грязь, съ которою имъ самимъ ежедневно приходилось соприкасаться! Тутъ-то и хотѣлось быть безпощаднымъ. Болѣе чистые изъ нихъ полагали, что это требуется во имя равенства, а то въ чемъ-бы оно могло проявиться? Ну, а болѣе смѣтливые обдѣлывали подъ видомъ того-же равенства свои дѣлишки, такъ что и денежки получали, и какъ-будто невинность сохраняли.

Съ другой стороны, старая женщина, аристократическаго воспитанія, при которомъ всякая дѣловитость считалась неженственной, не понимавшая, что нарушеніе требуемыхъ закономъ формъ въ денежныхъ расчетахъ можетъ оказаться преступнымъ. Она на вексель смотрѣла съ точки зрѣнія старозавѣтной бирки. Есть за тобою записъ, не все-ли равно—на чемъ, и если ты честный человѣкъ, такъ и плати.

Сошлись эти обѣ стороны на слѣдствіи и никакъ не могли другъ друга понять. Слѣдователь говоритъ игуменьѣ: „Вы учитывали безвалютные векселя и извлекали изъ этого для себя противозаконную выгоду“.

А она и не думаетъ этого отрицать, только не вѣрить, что это преступно, и старается ему разъяснить, при какихъ

обстоятельствах эти вексельные бланки ею получены, въ обезпеченіе какихъ съ ея стороны услугъ. А пока она за нихъ требуемыхъ услугъ не оказала, до тѣхъ поръ она никого, кромѣ себя, обязаннымъ платить по нимъ не считала и зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы такіе векселя не были протестованы. Это подтвердили и всѣ указанные ею свидѣтели. Такъ что-же тутъ преступнаго, разъ она сама уплачиваетъ деньги? Она не виновата, что законъ зачѣмъ-то требуетъ, чтобы, кромѣ ея бланка, на векселѣ еще была подпись векселедателя; для чего это нужно—она не понимаетъ и въ этомъ видитъ лишь стѣснительную, никому ненужную мѣру. Но если ужъ законъ этого требуетъ, она и шла на эту, по ея мнѣнію, смѣшную уступку и брала у лицъ, нуждавшихся въ ней, дружескіе векселя для учета.

Такъ обѣ стороны и не сумѣли договориться; каждый думалъ, что другой не то что не можетъ, а просто не хочетъ его понять, и cadaго это сердило и лишало необходимаго самообладанія.

Въ такомъ видѣ дѣло это и предстало на Судѣ 5 октября 1874 года.

Вся Москва рвалась въ Судъ послушать это дѣло, но билеты на входъ въ засѣданіе задолго были розданы лишь немногочисленнымъ счастливцамъ, такъ какъ половина залы была отведена для лицъ, принадлежащихъ къ судебному вѣдомству, и ихъ семей, а другая половина была оставлена для свидѣтелей, которыхъ вызывалось въ Судъ свыше ста челоѣкъ.

Предсѣдательствовалъ по этому дѣлу предсѣдатель Суда П. А. Дейеръ, а въ качествѣ судей присутствовали членъ Суда Е. Р. Ринкъ и мировой судья Щепкинъ.

Гражданскимъ истцемъ выступалъ со стороны Медынцевой и брата Солодовникова Ѳ. Н. Плевако, по инициативѣ котораго собственно и возникло медынцевское дѣло, хотя онъ и прикрывался такимъ свидѣлемъ, какъ эксъ-гусарь, эксъ-

монахъ, а затѣмъ попросту ходатай по дѣламъ Толбузинъ. Но для Плевако одного дѣла Медынцевой было мало, и онъ по пути прихватилъ кстати и дѣло Солодовникова, являясь гражданскимъ истцомъ отъ нихъ обоихъ. Да оно и понятно: безъ двухъ другихъ дѣлъ, изъ которыхъ по одному на игуменью набрасывалась тѣнь подозрѣнія въ совершеніи подлоговъ, а по другому—что она учитывала дружескіе векселя, чего она и сама не отрицала, и хотъ формально, да была виновата, — самое привлеченіе ея по дѣлу Медынцевой къ уголовной отвѣтственности было-бы немислимо.

Повѣреннымъ третьяго гражданского истца—малолѣтняго Солодовникова являлся присяжный повѣренный М. Ф. Громницкій, и, наконецъ, четвертый гражданскій истецъ по дѣлу Солодовникова, явившійся лично отъ себя, былъ частный повѣренный А. С. Ушаковъ,—компанія не особенно лестная для свѣтилъ адвокатуры. Ушаковъ занимался всѣмъ,—и книжной торговлей, и адвокатурой, и ростовщичествомъ, и скупкою по дешевымъ цѣнамъ всевозможныхъ претензій и всякаго достоинства документовъ.

Онъ и по этому дѣлу одновременно явился и свидѣтелемъ, и гражданскимъ истцомъ, такъ какъ купилъ у игуменьи одинъ изъ векселей Солодовникова въ шесть тысячъ рублей по четвертаку за рубль и вмѣсто ожидаемой выгоды потерялъ на этой операціи 1,500 руб.

Защитниками игуменьи явились присяжные повѣренные С. С. Шайкевичъ и С. В. Щелканъ. А такъ какъ по этому дѣлу вмѣстѣ съ игуменьей попали на скамью подсудимыхъ и всѣ тѣ, на имя кого ею писались вексельные тексты, а именно купецъ Макаровъ, докторъ Трахтенбергъ, кр. Михалинъ и Красныхъ, то въ защитѣ участвовали и еще нѣсколько адвокатовъ, хотя ихъ положеніе было болѣе чѣмъ второстепенное, такъ какъ всѣ ихъ подзащитные, трепеща за собственную шкуру, обвиняли во всемъ игуменью, вся-

чески стараясь доказать полную пассивность своего участія въ этихъ дѣлахъ.

И вотъ игуменья Митрофанія предстала передъ Судомъ въ сопровожденіи своей 17-ти лѣтней послушницы, добровольно дѣлившей съ нею втеченіе полутора года всѣ ужасы тюремнаго заключенія.

И на судѣ, какъ и на слѣдствіи, повторилась та же исторія. Каждый настаивалъ на своемъ и каждый оставался при собственномъ мнѣніи.

Что касается до свидѣтелей, то, явивъ въ качествѣ обвинителей такой букетъ въ настоящее время, дѣло по просту было бы направлено къ прекращенію.

Недаромъ даже такой неразборчивый на средства человекъ, какъ пр. пов. Лохвицкій—и тотъ очень настаивалъ на томъ, чтобы дѣло Лебедева было рассмотрѣно отдѣльно отъ дѣла Солодовникова и Медынцевой.

Безъ такого квартета, каковымъ являлись пропойца Медынцева со своимъ другомъ—конюхомъ Ефимовымъ, забулдыга отставной гусаръ, впоследствии выгнанный изъ монаховъ Толбузинъ, откровенно рассказывавшій, какъ онъ, состоя повѣреннымъ игуменьи и притворяясь ея единомышленникомъ, въ то же время подговаривалъ Медынцеву подать на нее жалобу и, наконецъ, сутяга ростовщикъ Ушаковъ, конечно, всякое дѣло очень выиграло бы въ смыслѣ чистоплотности, но защитники на выдѣленіе этого дѣла не согласились. И это понятно: если уже строится обвиненіе, такъ пусть же всякій видитъ, что именно кладется въ основу такой постройки.

Это была одна категорія достовѣрныхъ свидѣтелей, а, въ противовѣсъ имъ, игуменья выставяла цѣлый рядъ свидѣтелей, устанавливавшихъ, что Медынцева постоянно настаивала, чтобы относительно расходовъ по снятію опеки игуменья не стѣснялась, и такъ какъ у самой Медынцевой денегъ на это не было, то она униженно просила, чтобы

нужныя ей на это суммы повѣрили подъ векселя, которые тутъ-же и выдавала. Епископъ Григорій, со словъ митрополита Иннокентія, свидѣтельствовалъ о томъ, что игуменья Митрофанія вмѣстѣ съ Медынцевой была у владыки и обѣ онѣ ему говорили, что хлопчатъ о примиреніи Медынцевой съ семьей, за что Медынцева обѣщаетъ пожертвовать Покровской общинѣ свой домъ, и что владыка далъ имъ на это доброе дѣло свое благословеніе.

А по дѣлу Солодовникова хотя ближе всѣхъ стоявшій къ нему человекъ, его довѣренный Простяковъ, и не отрицалъ того, что по порученію Солодовникова онъ возилъ игуменью и 100 тыс., и 75 тыс., но относительно подписей Солодовникова все-таки настаивалъ, что онѣ подложны.

Такое его увѣреніе игуменья объясняла тѣмъ, что послѣ смерти М. Г. Солодовникова Простяковъ сдѣлался компаніономъ его наслѣдниковъ и въ равной съ ними мѣрѣ заинтересованъ въ томъ, чтобы этихъ векселей не оплачивать, и въ опроверженіе этого показанія ссылалась на собственноручное письмо М. Г. Солодовникова такого содержанія:

„Ваше высокопреподобіе, матушка Митрофанія! Предупреждаю васъ, брату моему и приказчику положительно о моемъ предпріятіи, обѣ окончательномъ устройствѣ общины, мнѣ сказать нельзя, и если до нихъ дойдетъ, буду говорить, что все вздоръ, скажу только 10 тыс. и 5, и 6 тыс., а все прочее должно быть тайной. Не для славы и наградъ теперь дѣлаю, а для души моей, а вмѣстѣ и потому, что и оставлять некому. Вы знаете Анну Герасимовну,—она и меня, и васъ будетъ преслѣдовать. Надо все скрывать, пока идетъ мое дѣло, по которому, я надѣюсь, оправдаютъ меня, и тогда все сдѣлаю самъ. А пока векселями платите безъ стѣсненія. Братъ знаетъ, что Серебряному дано. Онъ меня за это упрекаетъ, недоволенъ, ему жаль. Трое ко мнѣ пріѣзжали изъ Петербурга, все предлагаютъ дѣло защищать, но я рѣшился ждать, что сдѣлаетъ теперь Трахтенбергъ. Онъ какъ васъ,

такъ и меня увѣрялъ лично, что это дѣло не пойдетъ долго, что онъ уже все приготовилъ и что меня оправдаютъ. Что-то не вѣрится, но все можетъ быть на свѣтѣ. Былъ вчера еще у кого вы знаете: онъ меня сильно раздражилъ, а братъ просто разсердился. Пріѣхать къ вамъ я хотѣлъ, но не знаю возможно-ли будетъ. Хотѣлъ я поговорить съ вами обо всемъ, какъ написать документы, чтобы они были крѣпче и неоспоримѣй. Натариуса Шубинскаго или кого другого спрашивать не желаю, а то дойдетъ до брата. Капиталь мой не его, но онъ такъ жаденъ, что вы постичь не можете. Вашъ покорный слуга Михайлъ Солодовниковъ“.

Противъ такой очевидности, казалось-бы, и спорить нельзя, но и это письмо, также приложенное къ дѣлу, какъ и все, что было подписано Солодовниковымъ, тоже было заподозрено въ подлинности, причемъ единственно на томъ основаніи, что игуменья занималась живописью и другихъ живописи учила,—ну, значить, и могла рисовать все то, что другимъ за подлинное признать было невыгодно.

И вотъ, чтобы подорвать къ этому документу довѣріе, возбуждалось такое сомнѣніе: почему-же, получая такія крупныя пожертвованія, она никому не давала въ нихъ отчета?

Объясняла она это очень просто. Вѣдь, эти пожертвованія являлись еще журавлемъ въ небѣ: о какомъ-же отчетѣ могла быть рѣчь, пока они не были получены? Да она и сообщила о нихъ владыкѣ на словахъ, а когда представила въ Святѣйшій Синодъ отчетъ о полученныхъ уже на общину другихъ пожертвованіяхъ, то этотъ отчетъ былъ ей возвращенъ съ указомъ, что дѣла общины вѣдѣнію духовнаго начальства не подлежатъ. И этотъ указъ представленъ былъ къ дѣлу.

Тогда почему-же она этихъ отчетовъ не представляла министру внутреннихъ дѣлъ? И тутъ резонный отвѣтъ: „это уже его надо спросить, почему онъ этихъ отчетовъ не требовалъ“, а она въ каждомъ рублѣ отчитывалась передъ главными устроительницами этихъ общинъ.

Наконецъ, изъ показаній одного изъ послѣднихъ свидѣтелей выяснилось, что онъ даже спрашивалъ наслѣдника Солодовникова, какъ онъ можетъ оспаривать его векселя, зная, что тотъ ихъ игуменѣ выдавалъ. На это наслѣдники Солодовникова отвѣтили: „да вотъ Плевако беретъ доказывать, что они подложны, я и заключилъ съ нимъ договоръ, и теперь уже отказываться нельзя“.

Двѣ недѣли тянулось въ Судѣ это тяжелое дѣло, а втеченіе этихъ двухъ недѣль по указу Святѣйшаго Синода въ московскихъ церквахъ ежедневно служились молебны „о дарованіи игуменѣ Митрофаніи силы перенести ниспосланное ей испытаніе“.

Но голосъ церкви не проникалъ черезъ толстыя стѣны судебного зданія,—тамъ раздавались голоса иныхъ проповѣдниковъ, страшно бичевавшихъ служителей церкви за ихъ лицемеріе и стремленіе къ наживѣ.

А толпа жадно имъ внимала, не умѣя разобраться, гдѣ кончалась правда и начинался напускной пафосъ, и въ своемъ увлеченіи такой интересной новинкой рукоплескала новоявленнымъ пророкамъ, требовавшимъ человѣческихъ жертвъ.

Это проявленіе восторга необузданной толпы вынудило председателя очистить залу засѣданія при помощи жандармовъ, но впечатлѣніе уже было сдѣлано, и присяжные заседатели, будучи костью отъ кости этой толпы и плотью отъ ея плоти, не преминули выразить свою неразрывную съ нею солидарность, объявивъ всѣмъ обвиняемымъ самый суровый приговоръ.

Игуменья была лишена всѣхъ правъ и приговорена къ ссылке на житье въ Енисейскую губернію, безъ права выѣзжать изъ предѣловъ Сибири втеченіе 11 лѣтъ.

Остальные обвиняемые были приговорены къ болѣе легкимъ наказаніямъ, но ни одинъ изъ нихъ не вышелъ оправданнымъ.

Правда, по Высочайшему повелѣнію, игуменьѣ было разрѣшено, ввиду ея пошатнувшагося здоровья, отбывать наказаніе не въ Сибири, а въ Крыму, но ея репутація была навсегда заклеимена, и ея 22-хъ-лѣтней благотворительной дѣятельности на пользу ближнихъ былъ навсегда положенъ предѣлъ.

Деньги были спасены. И никому не пришло въ голову, что только женщинамъ, подобнымъ Митрофаніи, отказавшимся отъ своей молодости и личной жизни, послѣдующія поколѣнія были обязаны тѣмъ, что всѣ тѣ гуманитарные идеалы, о которыхъ люди 40-хъ годовъ только платонически мечтали, были шагъ за шагомъ воплощены въ осязательныя, реальныя формы.

А этихъ женщинъ въ то время было много, и по преимуществу изъ высшаго круга, такъ какъ въ тѣхъ сферахъ денегъ на образованіе не жалѣли. И эти женщины, уходя въ монастыри и чувствуя себя въ непосредственной близости къ Богу, смиренно, въ имя Бога, творили тамъ свое доброе дѣло, всѣ свои силы полагая на то, чтобы сѣять среди бѣдняковъ какъ можно больше знаній и превращать этимъ путемъ бездомныхъ нищихъ въ сильныхъ и трудоспособныхъ работниковъ.

Объ этомъ не вспомнилъ никто, кромѣ самого Ѳ. Н. Плевако. Добившись всего, что только могло ему дать Медынцевское дѣло, онъ, 20-ть лѣтъ спустя явившись гражданскимъ истцомъ по дѣлу Булахъ, самъ былъ пораженъ пришедшимъ въ его голову сравненіемъ. Припоминая мощную нравственную фигуру игуменьи Митрофаніи и сравнивая этихъ двухъ женщинъ, которымъ предъявлялось почти аналогичное обвиненіе, онъ долженъ былъ признаться, что разница между тою и другою была неизмѣрима.

Одна, хотя и протягивала руки къ чужимъ деньгамъ, но ни единого гроша изъ этихъ денегъ не клала въ свой карманъ: на эти деньги она строила церкви и благотворитель-

ныя учрежденія. Другая, наоборотъ, собирала деньги на монастыри и благотворительныя учрежденія и все до копѣйки таскала въ свой карманъ...

И сдѣлавъ это сравненіе, Плевако самъ былъ, видимо, пораженъ тою неизмѣримою разницей, которую представляли собою эти двѣ крупныя женщины, двухъ различныхъ поколѣній.

Задумывался ли онъ впослѣдствіи надъ тѣмъ, что именно создало эту разницу, превратившую самоотверженныхъ подвижницъ—въ алчныхъ себялюбивыхъ волчицъ.

Я думаю, что въ горькія минуты, которыя выпадали въ жизни и на его долю, онъ надъ этимъ задумывался.

Безвѣріе Ренана и матеріализмъ Бюхнера, Дарвина и Фейербаха не прошли безслѣдно для послѣдующихъ поколѣній.

Только входя въ моду въ 60-хъ годахъ, они безсильны еще были вытравить все то, что было вложено въ души этого поколѣнія ихъ предшественниками.

Но въ душахъ новыхъ поколѣній они являлись уже полными хозяевами и сыграли какъ разъ ту же роль, которую въ тоже время сыграла удешевленная водка среди простого народа, до этого злосчастнаго времени и болѣе трезваго, а потому и болѣе честнаго и болѣе порядочнаго.

Для Бога въ душѣ людей не оставалось мѣста, а вмѣстѣ съ нимъ вытѣснялась оттуда и любовь къ ближнему. И въ запустѣвшихъ душахъ, въ безпросвѣтномъ мракѣ, безраздѣльно начинало царить то, чего прежде человѣчество стыдилось и что по просту именовалось животными инстинктами.

Такъ завершилась эта грустная эпопея перехода общественной жизни отъ однихъ формъ къ другимъ, отъ гуманитарнаго романтизма къ самому грубому матеріализму.

Лучшимъ доказательствомъ того, до какой степени грубы и безчеловѣчны дѣлались люди, при удовлетвореніи

этихъ аппетитовъ, можетъ служить другое политическое дѣло, слушавшееся въ Петербургѣ одновременно съ разсмотрѣніемъ въ Москвѣ Кудринаго дѣла.

Это было дѣло сельскаго учителя Нечаева, такого же сѣраго человѣка, какъ и Каракозовъ, тоже жаждавшего государственнаго переворота. По инициативѣ и при содѣйствіи его былъ убитъ единомышленниками студентъ Петровской Академіи А. Ив. Ивановъ; убійство произошло въ одномъ изъ гротовъ Петровской Академіи.

Это былъ тотъ самый Ивановъ, который судился по Каракозовскому дѣлу и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими былъ приговоренъ къ ссылкѣ на житье въ Сибирь, но которому это наказаніе, въ виду его молодости, сначала было замѣнено административной высылкой изъ Москвы, а два года спустя ему было разрѣшено поступить въ качествѣ студента въ Петровскую Академію.

Нечаевъ былъ недоучка, но человѣкъ въ высшей степени честолюбивый и страстно ненавидя всѣхъ тѣхъ, кому жилось лучше, чѣмъ ему, онъ мечталъ о захватѣ власти хотя бы въ революціонныхъ кругахъ. Какъ истый дикарь, онъ власть понималъ только деспотическую, и какъ деспотъ считалъ естественнымъ казнить смертью даже малѣйшее относительно его особы, грубой и лживой, къ слову сказать сомнѣніе.

Особенно даровито и характерно описана его личность Достоевскимъ въ романѣ „Бѣсы“, какъ описаны тамъ и симпатичная личность убитаго Иванова.

Что касается до третьяго героя этого романа, Кириллова, то въ немъ Достоевскій изобразилъ уже собирательную личность молодежи того времени, довѣрчивую и увлекающуюся, которую на все легко было подбить и которая, разъ давши слово, уже не считала возможнымъ его нарушить даже тогда, когда дѣло касалось личной жизни и даже при томъ условіи,

когда она уже поняла, что, давъ это слово, попала въ самую недобросовѣстную ловушку.

Такимъ беззащитнымъ господамъ, какъ Нечаевъ, конечно, было легко лѣзть къ власти по спинамъ этихъ довѣрчивыхъ людей, и онъ съ апломбомъ увѣрялъ своихъ единомышленниковъ, что стоитъ во главѣ крупной политической организаціи, составъ которой для вновь вступающихъ адептовъ долженъ оставаться тайной, но велѣнія которой, переданныя черезъ него, должны исполняться свято, безъ малѣйшаго разсужденія.

Конечно, среди юнцовъ находилось много простаковъ, которые ему вѣрили и подчинялись безапелляціонно, но Ивановъ, которому тоже предложили примкнуть къ этой организаціи, былъ уже умудренъ опытомъ, памятуя такіе же увѣренія Ишутина, пытавшагося убѣдить всѣхъ что учрежденное имъ общество „Адъ“ являетъ собою міровую многочисленную организацію, тогда какъ при разслѣдованіи оказалось, что въ ней насчитывается всего 9 членовъ, изъ которыхъ семеро не согласны были на проведеніе въ жизнь того замысла, за который они расплатились всѣмъ своимъ будущимъ.

Вотъ поэтому то откровенный и довѣрчивый Ивановъ и заявилъ Нечаеву прямо, что онъ примкнетъ къ организаціи лишь при условіи, что онъ будетъ знать, кто стоитъ во главѣ ея.

И этого заявленія оказалось совершенно достаточнымъ для того, чтобы Нечаевъ провозгласилъ его шпіономъ и какъ такого приговорилъ къ смерти, что ему и удалось привести въ исполненіе нѣсколько дней спустя съ помощью болѣе довѣрчивыхъ единомышленниковъ.

Все это выяснилось на судѣ какъ выяснилось и то, что Нечаевъ послѣ совершенія этого убійства, оставивъ своихъ сообщниковъ расплачиваться за него, самъ поспѣшилъ удалиться въ предѣлы недосягаемости, то есть въ Швейцарію,

увѣренный, что оттуда его не выдадутъ, благо онъ прикрылъ свое преступленіе политическою цѣлью.

И хотя эту его ссылку, въ то время очень модную, горячо поддерживалъ на одномъ изъ банкетовъ находившійся въ то время въ Женевѣ, кн. А. И. Урусовъ, но и это не помогло, и Швейцарскимъ правительствомъ Нечаевъ былъ выданъ не какъ политическій преступникъ, а какъ убійца.

А кн. Урусовъ за эту свою защиту расплатился тѣмъ, что лѣтъ восемь провелъ безъ дѣла въ административной ссылкѣ въ Прибалтійскомъ краѣ а затѣмъ хотя ему и было разрѣшено вернуться въ Москву, но не въ роли адвоката, а въ роли товарища прокурора и только еще два года спустя ему было разрѣшено снова перечислиться въ адвокатуру.

По дѣлу же Нечаева обвинены серьезно были только тѣ, кто участвовалъ съ нимъ въ убійствѣ, остальные же частью были оправданы какъ, напримѣръ, мужъ и жена Волховскіе, частью же присуждены къ сравнительно ничтожнымъ наказаниямъ.

Тѣмъ временемъ я лично успѣла выдти замужъ за одного изъ молодыхъ сенатскихъ секретарей, товарища Э. Н. Сумбула по университету, и такъ какъ получаемаго имъ жалованья, составлявшаго тысячу руб. въ годъ, было для семейной жизни мало, то и я не оставляла своей работы въ Судѣ и только когда два года спустя онъ сталъ сильно болѣть и денегъ на леченіе было нужно много, я, не оставляя судейской работы, которую дѣлала по вечерамъ, взяла еще мѣсто кассирши въ открывшемся за годъ предъ тѣмъ товариществѣ для сеуды.

И здѣсь мою работу цѣнили; и такъ какъ почеркъ мой особенно нравился одному изъ директоровъ тов—ва, М. А. Бухтѣеву, то онъ, зная что я ни отъ какой работы не отказываюсь, сталъ снабжать меня частной перепиской.

Вотъ въ это время мнѣ и пришлось на бѣло переписывать коллективное прошеніе на Высочайшее Имя цѣлой группы особенно выдававшихся тогда земскихъ дѣятелей о замѣнѣ самодержавнаго правленія—конституціей.

И никто такого прошенія тогда имъ въ вину не поставилъ. Имъ просто отвѣтили, что пока эта новая реформа была бы нѣсколько преждевременна, такъ какъ школа еще не создала того элемента общества, который могъ бы встрѣтить ее съ тѣмъ уваженіемъ, котораго она заслуживаетъ. Въ доказательство чего и указывалось на тѣ порыванія сѣрыхъ людей къ власти, которыя такъ рельефно обнаруживались при разслѣдованіи возникавшихъ тогда политическихъ процессовъ.

Замѣны гуманистическихъ идеаловъ—звѣрствомъ очевидно и тогда уже побаивались лучшіе люди того времени.

Въ товариществѣ этомъ я однако служила недолго; въ концѣ 1872 г. я овдовѣла и оставшись съ троими дѣтьми рѣшительно безъ всякихъ средствъ, снова принялась за работу сначала въ сенатскомъ архивѣ у Калачева, а затѣмъ съ осени и въ Судѣ.

Въ 70-хъ годахъ развалъ общественныхъ нравовъ сдѣлалъ большіе успѣхи, и это явленіе особенно ярко отразилось на нравахъ адвокатуры, съ точностью зеркала отражающей всѣ современныя ей явленія.

Но и помимо этого, съ начала 70-хъ годовъ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ уже не имѣлъ возможности относиться въ выбору своихъ сочленовъ съ тою же осмотрительностью, съ какою это дѣлалось въ первые три года.

Были адвокаты, перечислившіеся въ сословіе изъ дореформенной магистратуры и втеченіе многихъ лѣтъ сбывавшіе на сотни рублей гербовую бумагу, видимо, составлявшую плоды ихъ хозяйственной дѣятельности въ старыхъ судахъ.

Объ этой гербовой бумагѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Когда по открытіи Суда я, не бросая работы въ Сенатѣ, стала брать переписку и отъ присяжныхъ повѣренныхъ, охотно платившихъ по 30 к., а затѣмъ и по 40 к. за листъ, то многіе изъ нихъ предпочитали платить мнѣ помѣсячно, тѣмъ болѣе, что я брала съ нихъ баснословно дешево—по 5 руб. въ мѣсяцъ за всю переписку, сколько-бы таковой у нихъ ни оказалось.

На первый взглядъ это казалось очень дешево, и 12 человекъ очень охотно платили мнѣ годами по 5 руб. въ мѣсяцъ, да двое платили по 10 р.; по 10 же рублей мнѣ платилъ и Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ за всю его переписку. Въ сущности-же это не было дешевле того, что я получала за переписку по листу, такъ какъ у двѣнадцати повѣренныхъ, платившихъ помѣсячно, не всегда одновременно бывало много работы. Случалось такъ, что у одного въ данномъ мѣсяцѣ было сто листовъ или болѣе, а у другихъ двухъ-трехъ въ то же время было очень мало—у кого листъ, у кого пять-шесть, и такимъ образомъ переписка для платившихъ помѣсячно обходилась на кругъ даже по 40 к. за листъ. Ввиду этого годъ спустя я тѣ же 40 к. стала брать и съ тѣхъ, кто платилъ по листу.

А между тѣмъ опредѣленные 90 руб. въ мѣсяцъ, кромѣ платы по листу, уже давали мнѣ возможность брать на жалованье помощницъ, и хотя съ 1874 года вмѣстѣ со мной на равныхъ основаніяхъ стала работать Е. П. Кичеева, но работы было уже такъ много, что при всей нашей жадности на работу, вдвоемъ ее осилить уже было невозможно и помощницы стали необходимы. Вотъ это и положило начало женскому труду въ Судѣ, послѣ того, какъ я проработала тамъ девять лѣтъ одна.

Двое изъ присяжныхъ повѣренныхъ, бывшіе дѣльцы дореформенной магистратуры, на которыхъ я работала помѣсячно, не только платили мнѣ за работу гербовою бумагою 40-копѣчнаго достоинства, но ввиду того, что я работала

и на другихъ, для которыхъ требовалась тоже гербовая бумага, такъ какъ марокъ тогда еще не существовало и всякая бумага, поступавшая въ Судъ, неизбѣжно должна была писаться на гербовой бумагѣ, просили меня и для другихъ по мѣрѣ надобности употреблять эту ихъ бумагу, а имъ отдать деньги.

Мнѣ это представляло большое удобство, такъ какъ обыкновенно тотъ, кто просилъ сдѣлать ту или другую работу, просилъ и купить для этого гербовую бумагу и поэтому очень важно было имѣть ее подъ рукой.

Относительно этой бумаги вотъ какія записи имѣются въ моей книжкѣ за 1875 г.: „получено отъ Л. гербовой бумаги: въ январѣ—25 листовъ, въ февралѣ—25, въ мартѣ—23, въ маѣ—21, въ іюлѣ—17, въ августѣ—25, въ сентябрѣ 25, въ октябрѣ—25, въ ноябрѣ—25 и въ декабрѣ—75 листовъ“. Итого втеченіе года прошло черезъ мои руки его бумаги 286 листовъ.

И отъ В. получено въ 1875 г.: въ маѣ — 100 листовъ, въ октябрѣ—30, въ ноябрѣ — 50 и въ 1876 г.: въ январѣ—50, въ мартѣ—50, въ апрѣлѣ—10, въ іюлѣ—100, въ октябрѣ—30 и ноябрѣ—25 листовъ. Итого втеченіе полутора года—445 листовъ.

Допытываться, откуда у нихъ такая бумага, конечно, мнѣ да и никому другому не приходило въ голову,—это была тайна старыхъ дореформенныхъ учреждений, обнаружить которую мнѣ удалось совершенно случайно, и притомъ уже года два-три спустя.

Какъ я уже сказала, двое повѣренныхъ изъ числа платившихъ помѣсячно, платили мнѣ не по 5, а по 10 р. въ мѣсяцъ. Для нихъ я работала на иныхъ основаніяхъ: я не только переписывала для нихъ бумаги, но и составляла ихъ, и если таковыя ими одобрялись, то я и подавала ихъ въ тѣ учрежденія, куда ихъ слѣдовало подать.

Дѣло въ томъ, что оба они очень хлопотали о томъ, чтобы я самостоятельно занялась адвокатурой, и всячески старались приучить меня къ самостоятельной работѣ.

Но мнѣ лично адвокатура не улыбалась, хотя я и бралась за небольшія дѣла и успѣшно проводила ихъ у мировыхъ судей, знавшихъ, что я берусь только за дѣла, которыя считаю безусловно правыми, а также знавшихъ и то, что я не беру со своихъ кліентовъ гонорара, а получаю за хлопоты только то, что они присуждаютъ за веденіе дѣла и за судебныя издержки, и потому присуждавшихъ мнѣ за веденіе дѣла гораздо больше, чѣмъ обыкновенно присуждалось другимъ. И такое вознагражденіе было вполне удовлетворительно, когда я вела дѣла небогатыхъ простолюдиновъ. Но вотъ на этихъ-же основаніяхъ мнѣ предложилъ вести дѣло московскій повѣренный издателя „Голоса“ Краевского, К. К. Мейнъ, состоявшій дѣлопроизводителемъ у генераль-губернатора. Я взыскивала по его передовѣрію около 150 рублей съ издателя „Рускаго Архива“ Бартенева за публикаціи, напечатанныя объ его журналѣ въ „Голосѣ“.

Бартенева противъ этого иска спорилъ, находя, что плата, требуемая съ него, очень высока, хотя въ „Голосѣ“ ежедневно печаталась такса публикацій за строчку.

Мировой судья Арцыбашевъ, конечно, удовлетворилъ этотъ искъ да кстати присудилъ и 25 рублей судебныхъ издержекъ и за веденіе дѣла. Убѣдившись, что платить придется, Бартенева, сообразилъ, что выгоднѣе заплатить только то, что слѣдуетъ за публикаціи, и не платить еще и за веденіе дѣла, и онъ поспѣшилъ съ Мейномъ покончить дѣло миромъ, не доводя дѣла до Съѣзда. А я такъ ничего и не получила за свои хлопоты по проведенію дѣла въ первой инстанціи.

И, конечно, то же самое могло случиться и во второй разъ, и въ третій разъ, поэтому я и продолжала брать только тѣ дѣла, которыя повела-бы и не получая за нихъ ни гроша.

Однимъ изъ послѣднихъ моихъ дѣлъ было взысканіе у

тверского мирового судьи трехъ тысячъ рублей съ Кредитнаго общества 30 корридорными Кокоревской гостиницы.

Дѣло заключалось въ томъ, что когда эта гостиница перешла изъ владѣнія Попова въ собственность Кредитнаго общества, то управляющій этой гостиницей не перемѣнилъ корридорнымъ расчетныхъ книжекъ, выданныхъ Поповымъ, и, уплачивая имъ жалованье, продолжалъ расписываться на этихъ-же книжкахъ. А когда у многихъ изъ нихъ накопилось за Кредитнымъ обществомъ у кого сто рублей, у кого—двѣсти и триста, онъ отказался имъ платить, ссылаясь на то, что книжки эти выданы имъ Поповымъ, а не Кредитнымъ обществомъ. Конечно, это былъ фортель, посредствомъ котораго управляющій надѣялся заставить корридорныхъ пойти на уступки и взять меньше, чѣмъ они зажили. Такъ какъ я въ это время жила въ Кокоревской гостиницѣ и корридорные знали, что я работаю въ Судѣ, то нѣкоторые изъ нихъ и обратились ко мнѣ за совѣтомъ.

Разъяснивъ имъ, что заставить ихъ уступить изъ зажитого никто права не имѣетъ, я взялась провести это ихъ дѣло въ мировыхъ учрежденіяхъ, и на другой-же день тридцать человекъ принесли мнѣ довѣренности.

Попробоваль-было управляющій пугнуть ихъ тѣмъ, что всякій, кто предъявить искъ, будетъ уволенъ, но я категорически ему заявила, что если хоть одинъ изъ нихъ будетъ уволенъ, то я заявлю объ этомъ генераль-губернатору и что объ этомъ уже предупрежденъ прокуроръ Судебной Палаты. Угроза эта такъ и осталась пустымъ звукомъ.

Такъ какъ корридорные артели изъ себя не представляли, то иски, хотя и одновременно, но были предъявлены отъ cadaго изъ нихъ порознь.

Дѣло это у мирового судьи было мною выиграно и съ общей суммы исковъ было присуждено 200 руб.

Но пока оно попало въ Съѣздъ, уже получился циркуляръ министра о недопущеніи женщинъ заниматься адво-

катурой. Циркуляръ этотъ былъ отвѣтомъ на мою просьбу о выдачѣ мнѣ свидѣтельства наравнѣ съ частными повѣренными.

Въ виду этого въ Сѣздѣ я уже на общихъ основаніяхъ могла поддерживать иски только троихъ корридорныхъ, остальные же 27 исковъ мнѣ пришлось передать одному помощнику присяжнаго повѣреннаго, уступивъ ему все, что будетъ присуждено за веденіе дѣла въ обѣихъ инстанціяхъ.

И въ Сѣздѣ это дѣло нами было выиграно, и мой товарищъ по защитѣ получилъ за него 300 рублей, такъ какъ Сѣздъ за веденіе дѣла во второй инстанціи присудилъ еще сто рублей. На этомъ моя адвокатская дѣятельность и закончилась.

Теперь возвращусь къ гербовой бумагѣ. Такъ вотъ до этого циркуляра мнѣ и приходилось и по порученію, и по передовѣрію одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ бывать во всевозможныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, въ томъ числѣ и въ Сиротскомъ Судѣ.

Всякій разъ, когда мнѣ приходилось подавать въ Сиротскій Судъ бумаги, отъ меня на отвѣтныя бумаги требовалось извѣстное количество листовъ гербовой бумаги 40-копѣчнаго достоинства, и когда эта бумага представлялась, то лицо, ее принимающее, неукоснительно рѣзало отъ нея ножницами одинъ изъ четырехъ уголковъ лицевой стороны листа.

Эта постоянная манипуляція съ чистыми листами гербовой бумаги очень меня интриговала, но уразумѣть ея смысла я совершенно была не въ состояніи.

Наконецъ, я не вытерпѣла и спросила пріемщика, зачѣмъ рѣжутся эти уголки, и онъ мнѣ чистосердечно отвѣтилъ:

— Да за тѣмъ, чтобы не обижать казну. Если-бы эту бумагу не мѣтить, такъ казна отъ Сиротскаго Суда не увидала-бы ни гроша гербоваго сбора. Бумаги съ проси-

телей требуется всегда больше, чѣмъ нужно, и если-бы ее не мѣтить, такъ одна и та же бумага такъ-бы и циркулировала въ Сиротскомъ Судѣ отъ одного дѣла къ другому. Очень ужъ растаскиваютъ ее по рукамъ свои же. Ну, имъ и разрѣшается сбывать ее, кто куда знаетъ, но отъ просителей съ такой помѣткой бумага въ Судъ не принимается.

Такимъ образомъ „своимъ“ таскать лишнюю бумагу не воспрещалось, только требовалось, чтобы они сбывали ее не сторонѣ.

Очевидно, такая же бумага накоплялась и въ другихъ дореформенныхъ учрежденіяхъ и въ огромномъ количествѣ застрявала въ рукахъ не только мелкихъ чиновниковъ, но и лицъ, занимавшихъ тамъ довольно отвѣтственные положенія.

Вотъ такую то бумагой, присвоенной или же скупленной по дешевой цѣнѣ у своихъ же бывшихъ сослуживцевъ, мнѣ, повидимому, и платили адвокаты, упомянутые мною выше, но такъ какъ съ виду это были люди вполне приличные и дурного за ними ничего не числилось, то они и попали въ сословіе.

Среди людей, безупречно чистыхъ, каковыми, по мысли законодателя, должны были бы являться представители адвокатскаго сословія, такіе господа, конечно, могли-бы показаться сомнительными, но они не только въ сравненіи съ компаніей Соловьева, но и съ тѣми, которые стали наполнять сословіе съ начала 70-хъ годовъ, являлись достойнѣйшими и пользовались не только уваженіемъ, но и авторитетомъ.

Вѣдь, тѣхъ, кто къ этому времени отбылъ помощнической стажъ и, остерегаясь строгаго контроля патрона, не совершилъ ничего особенно предосудительнаго? Совѣтъ не имѣлъ основанія не зачислить въ сословіе. А здѣсь-то они и начинали показывать свою удалъ. Аппетиты то были громадныя, въ перспективѣ все мерещились куши, а въ ожиданіи ихъ

являлось желаніе что-нибудь и какъ нибудь урвать, лишь-бы не отказывать себѣ въ томъ, что уже было доступно болѣе счастливымъ.

И появились среди этой молодежи дѣльцы, которые по ширинѣ замысла могли дать сто очковъ впередъ дѣльцамъ дореформеннымъ,—и затрещала шкура кліента. Если кушъ не плылъ въ руки путемъ легальнымъ, то придумывались способы схватить его нелегально, и тѣмъ, кто былъ поосмотрительнѣй да поосторожнѣй, удавалось многіе годы балансировать на границѣ дозволеннаго и караемаго закономъ.

Нечего и говорить, что для господъ этого сорта законъ существовалъ только за тѣмъ, чтобы возможно остроумнѣе его обходить, а такъ какъ новый Судъ относился сурово ко всякаго рода сомнительнымъ попыткамъ, то таковую свою дѣятельность они и направляли въ болѣе покладистыя учрежденія, каковыми были въ то время Сиротскій и Коммерческій Суды и Кредитное общество.

Опекунскія и конкурсныя производства, какъ самыя хлѣбныя, являлись излюблениѣйшими дѣлами этого сорта дѣятелей, и здѣсь въ трогательномъ единеніи съ присяжною адвокатурой уже шли рука объ руку и частные повѣренные.

Съ легкой руки Соловьева такіе же кабинеты, какъ его, въ большомъ количествѣ стали учреждаться частными повѣренными, и въ этихъ кабинетахъ уже занимались всѣмъ и оптомъ и въ розницу: и ростовщичествомъ, и скупкою безденежныхъ претензій, и учетомъ завѣдомо подложныхъ векселей, и составленіемъ торговыхъ книгъ, конечно, фиктивныхъ,—за три, за четыре года до выплывшаго въ концѣ концовъ на свѣтъ банкротства, само собою въ этихъ случаяхъ всегда злостнаго.

Случалось, что одни изъ этихъ кабинетовъ специализировались на чемъ-нибудь одномъ, на примѣръ, на веденіи бракоразводныхъ процессовъ съ доставленіемъ неизбѣжныхъ лжесвидѣтелей, или-же на учетѣ завѣдомо подложныхъ

векселей; наконецъ, были специалисты по поставкѣ въ кафешантаны живого товара, на обязанности которыхъ лежало слѣдить, чтобы этотъ товаръ не вздумалъ со своими поклонниками кутить гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ.

И существовали такіе кабинеты десятки лѣтъ, и когда ихъ беззащитные учредители попадались и лишались права сами ходатайствовать на Судѣ, то по передовѣрію отъ нихъ не стыдились выходить члены присяжной адвокатуры, иногда носившіе очень крупныя имена и безъ церемоніи купавшіе эти свои имена въ этихъ смрадныхъ лужахъ.

Все это продѣлывается и сейчасъ, время отъ времени всплывая передъ уголовнымъ Судомъ, съ тою только разницей, что въ началѣ 70-хъ годовъ присяжная адвокатура, бравшаяся за такіа дѣлишки, этого стыдилась и по возможности держала ихъ въ секретѣ.

Конечно, и въ 70-хъ годахъ вступало въ сословіе много въ высшей степени порядочныхъ людей, какъ, на примѣръ, Г. В. Бертгольдтъ, всегда очень ревниво оберегавшій достоинство сословія и горячо ратовавшій противъ тѣхъ, кто позволялъ себѣ явно нечистоплотные поступки.

Такъ, у него однажды вышло столкновение съ С. С. Шайкевичемъ, когда онъ въ Совѣтѣ сообщилъ ему, что его младшій братъ, А. С. Шайкевичъ, тогда еще бывший помощникомъ, позволилъ себѣ некорректный поступокъ.

Тогда Шайкевичъ, обиженный за брата, вспылить, но правъ, конечно, былъ Г. В. Бертгольдъ, хотя многимъ изъ товарищей это его вмѣшательство въ чужое дѣло не понравилось.

Да оно и понятно: кто не особенно дорожить собственною честью, тому сословная честь кажется никому не нужной роскошью.

А, къ слову сказать, младшій Шайкевичъ хотя и обладалъ такими-же блестящими способностями и такимъ же яснымъ умомъ, какъ и старшій его братъ, но его приемы

были подчасъ некорректны, и то, что старшему брату казалось невозможнымъ, для него было въ порядкѣ вещей. ✓

Было много и другихъ, имена которыхъ втеченіе всей ихъ долгой жизни остались безукоризненно чистыми; на-примѣръ, такіе крупные юристы, какъ В. И. Танѣевъ, проф. А. К. Вульфѣртъ, М. С. Гольденвейзеръ, М. В. Духовской, А. Е. Носъ, единственный знатокъ межевого права, или такая идейная молодежь, какъ В. В. Сергіевскій, вскорѣ однако ушедшій въ магистратуру, Д. П. Суходольскій, отдавшійся земству, Н. Ф. Мандро и А. А. Крюковъ, а затѣмъ и Д. І. Невядомскій, — люди, которымъ вѣрили всѣ и которые втеченіе своей долгой жизни состояли членами Совѣта, а А. А. Крюковъ втеченіе долгихъ лѣтъ состоялъ и и его предсѣдателемъ.

Было много и другихъ порядочныхъ людей, но въ общемъ среди дѣльцовъ новой формациі они составляли уже меньшинство, и поэтому понятно, какую сенсацию среди этихъ жаждущихъ наживы людей произвело возникновеніе такого крупнаго процесса, какъ дѣло Коммерческаго Ссуднаго банка.

Надо замѣтить, что одновременно съ отмѣной крѣпостничества и введеніемъ судебной реформы шло обновленіе и всего остального уклада государственной жизни.

Была отмѣнена откупная система, реформирована школа, и началось усиленное желѣзнодорожное строительство.

Вотъ это-то послѣднее явленіе, требовавшее усиленнаго оборота въ странѣ денежныхъ средствъ, и вызвало къ жизни крупныя банковыя учрежденія, и ветхозавѣтная бирка, отходя въ вѣчность, лишь пріютилась въ глухихъ деревняхъ, уступивъ свое мѣсто въ городахъ широкимъ банковымъ операціямъ.

Въ Москвѣ и въ настоящее время денегъ еще много, а тогда ихъ и куры не клевали, и не удивительно поэтому, что возникавшіе въ Москвѣ банки располагали многомилліонными оборотными средствами.

А. К. Вульфертъ.

М. С. Гольденвейзеръ.

А. Е. Носъ.

М. В. Духовской.

Д. I. Невядомскій.

Н Ф. Мандро.

Въ ряду ихъ особенно видное мѣсто занималъ Коммерческій Сеудный банкъ, членами совѣта котораго состояли самыя богатые московскіе фабриканты и торговцы, съ управляющимъ Государственной Сохранной казной дѣйствит. стат. сов. Д. Д. Шумахеромъ во главѣ.

Учрежденія были новыя, но никакія реформы не въ

А. А. Крюковъ.

силахъ были превратить вчерашнихъ дикарей въ культурныхъ людей, и, ставъ во главѣ банка, московскіе толстосумы рѣшили, что это ихъ личное, а не общественное хозяйство, и принимали самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы акціонеры банка не вмѣшивались въ ихъ хозяйственныя распоряженія; они не брезговали даже подтасовкой голосовъ

для созданія благоприятныхъ для нихъ общихъ собраній, въ то же время отнюдь не желали тратить свое драгоценное время на то, чтобы дѣло велось доброспорядочно.

Они избрали правленіе съ директоромъ-распорядителемъ П. М. Полянскимъ во главѣ; для завѣдыванія иностраннымъ отдѣломъ взяли варшавскаго купца Густава Яковлевича Ландау, положили имъ огромное жалованье и, давъ на придачу цѣлый штатъ служащихъ, считали, что они сдѣлали все, что отъ нихъ требовалось.

Кто получаетъ жалованье,—тотъ работай, а имъ, вложившимъ въ это дѣло свои денежки,—пожалуйте крупный дивидендъ, а откуда онъ получится, это ужъ не ихъ дѣло.

Что на первое время въ Россіи, еще только протягивавшей руки къ обще-европейской культурѣ, будетъ дѣло обстоять именно такъ, это прекрасно понимали болѣе опытные заграничные дѣльцы и рѣшили учсть такой подходящій моментъ и поучить московскихъ дѣльцовъ. Ну, и поучили!

Одинъ изъ крупнѣйшихъ берлинскихъ желѣзнодорожныхъ спекуляторовъ, д-ръ Генри-Беттель Струсбергъ, учредилъ въ Германіи со специальной цѣлью поживиться денежками вновь народившихся русскихъ банковъ акціонерное общество нѣмецко-богемской желѣзной промышленности, акціи котораго въ Германіи не имѣли ровно никакой цѣнности, и съ этимъ багажемъ явился въ Россію.

Это тѣмъ болѣе было для него необходимо, что его дѣла послѣ Франко-Прусской войны 1870 года сильно пошатнулись; его заводы и дома, заложенные и перезаложенные, не представляли уже никакой цѣнности, и никто изъ солидныхъ нѣмецкихъ финансистовъ уже не вступалъ съ нимъ въ дѣловыя отношенія.

И хотя отъ прежняго колоссальнаго состоянія у него остались крохи, но въ Россіи, еще не видавшей видовъ, онъ сумѣлъ пустить пыль въ глаза, останавливаясь вмѣстѣ

со своимъ секретаремъ въ лучшихъ гостиницахъ и разѣзжая въ каретѣ съ ливрейнымъ лакеемъ.

Между тѣмъ еще до пріѣзда Беттеля Струсберга въ Россію Ландау отъ лица банка велъ на иностранныхъ биржахъ крупную биржевую игру, приобретаая иностранныя бумаги на значительно большую сумму, чѣмъ это разрѣшалось уставомъ банка. Само собою понятно, что этихъ бумагъ и получаемыхъ отъ нихъ убытковъ въ отчеты вносить было нельзя, такъ какъ это совершенно погубило-бы дѣло, а потому эти бумаги и расписывались на счетъ иностранныхъ корреспондентовъ.

И отчеты въ такомъ видѣ утверждались совѣтомъ, а чтобы акціонеры не совали носа въ дѣла банка, то общія собранія составлялись такъ, что подставныхъ акціонеровъ, въ лицѣ служащихъ банка и родственниковъ членовъ совѣта, до ихъ 12 и 13-лѣтнихъ дѣтей включительно, было всегда больше, чѣмъ вдвое, сравнительно съ акціонерами дѣйствительными. Такъ, въ 1872 г. изъ 179 голосовъ въ общемъ собраніи 107 принадлежали подставнымъ лицамъ, въ числѣ которыхъ и были двѣ малолѣтнихъ дочери члена совѣта Н. М. Борисовскаго, одна 12 и другая 13 лѣтъ; на этомъ собраніи и было отвергнуто предложеніе дѣйствительныхъ акціонеровъ, что бы для полученія права голоса на собраніи акціи представлялись за 10 дней до этого собранія. Въ 1873 году изъ 70 голосовъ независимымъ акціонерамъ принадлежало только 15 голосовъ, въ 1874 г. изъ 86 только 21 и, наконецъ, въ 1875 г. изъ 86—16 голосовъ.

Конечно, все это дѣлалось съ исключительною цѣлью скрыть отъ дѣйствительныхъ акціонеровъ настоящее положеніе дѣлъ банка, а положеніе было таково, что однихъ дортмундскихъ акцій, купленныхъ Ландау по 80 к. за рубль, тогда какъ на биржѣ онѣ стояли по 25¼ к. за рубль, въ портфель иностраннаго отдѣленія банка находилось 1,500 штукъ. Стоило обнаружиться такому факту, и ликвидація

банка была-бы неизбежна, а совѣтъ банка, конечно, былъ въ курсѣ этого дѣла.

Это однако ни мало не мѣшало Ландау вести свою разорительную для банка игру, и къ 1 января 1874 г., какъ оказалось впоследствии, такихъ бумагъ, разнесенныхъ на счета корреспондентовъ, было на 938,919 руб.

Явившись въ 1874 г. въ Россію и, несомнѣнно, ранѣе позондировавъ почву Струсбергъ и обратился въ октябрѣ 1874 г. къ Коммерческому Ссудному банку съ просьбою выдать ему ссуду подъ обезпеченіе двухъ тысячъ вагоновъ. Выдача этой ссуды совѣтомъ банка ему была разрѣшена въ размѣрѣ по 600 руб. за вагонъ.

Правленію, въ составѣ котораго былъ и Ландау, съ которымъ Струсбергъ еще лѣтомъ успѣлъ познакомиться въ Петербургѣ, а возможно, что успѣлъ и сговориться, только и требовалось заручиться этимъ разрѣшеніемъ совѣта, а уже выдавать оно ему стало и по 900, и по 1,200 руб. и даже болѣе, и хотя Струсбергъ и трассировалъ ихъ по мѣрѣ высылки накладныхъ на вагоны, но мало-по-малу сталъ трассировать и „инъ бланко“, т.-е. безъ всякаго обезпеченія.

Къ веснѣ слѣдующаго года между правленіемъ банка и Струсбергомъ стали совершаться уже самыя рискованныя сдѣлки. Въ общемъ оказалось, что къ октябрю 1875 г. Струсбергъ успѣлъ задолжать банку 8.117,757 руб., 93 коп.; изъ нихъ по соло-векселямъ 1.056,508 руб., 56 коп.; по операціи вагонно-ссудной банкъ понесъ убытка 993,492 руб., 50 коп., по операціи коммисіонно-вагонно-ссудной выдано было Струсбергу 1.908,660 руб., подъ накладныя безъ штемпелей отправления на двѣ тысячи вагоновъ, каковыя вагоны такъ получены и не были. Въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ банкъ акцептировалъ Струсбергу огромныя суммы сначала подъ облигаціи Вахтальской жел. дороги, на 1.184.000 гульденовъ и сертификаты Парижско-Норбанской жел. дороги на 3.717.500 франковъ, а затѣмъ, вернувъ эти облигаціи Вахтальской жел.

дороги, принявъ отъ него въ обезпеченіе по этому займу приоритетъ—акціи Нѣмецко-Богемскаго акціонернаго общества на 4 милліона гульденовъ, каковыя, какъ выяснилось потомъ на слѣдствіи, самъ Струсбергъ считалъ ничего не стоящимъ тряпьемъ.

А между тѣмъ въ то время, пока совершались всѣ эти феноменальныя сдѣлки по выкачиванію денегъ изъ кассы банка въ бездонные карманы Струсберга, совѣтомъ производились двѣ ревизіи, которыя ровнехонько ничего не обнаружили, хотя Струсбергъ успѣлъ за это время уже получить 7 милліоновъ рублей, и когда, наконецъ, уже по неоступному настоянію члена совѣта Милліоти, который самъ въ банковыхъ операціяхъ ничего не смыслилъ, была произведена совѣтомъ третья ревизія, — все это было установлено, а такъ какъ къ этому времени Струсбергъ успѣлъ схватить еще милліончикъ, то совѣтъ и убѣдился, что банкъ разграбленъ и разоренъ.

Начался обычный русскій переполохъ. Члены совѣта банка, собравшись въ его помѣщеніи 5 октября 1875 года и узнавъ отъ своихъ сочленовъ, только что закончившихъ эту третью ревизію, что банкъ разоренъ, приступили къ обсужденію вопроса, какія предпринять мѣры, чтобы предупредить крахъ.

Сначала подъ впечатлѣніемъ охватившаго ихъ ужаса они остановились было на мысли тотчасъ-же приостановить дѣйствія банка, но затѣмъ мало-по-малу надежда закралась въ ихъ души, и они, рѣшивъ, что болѣе тщательная провѣрка всѣхъ расчетовъ Струсберга съ банкомъ, можетъ-быть, дастъ болѣе благоприятные результаты, постановили съ ликвидацией банка пообождать и произвести уже совместно самую тщательную провѣрку всѣхъ операцій иностраннаго отдѣленія, для чего и согласились собираться въ банкъ ежедневно по вечерамъ.

Ревизія эта однако затруднялась какъ тѣмъ, что ни Ландау, ни Полянскаго не было на-лицо, — первый не являлся

въ банкѣ подѣ предлогомъ болѣзни, второй былъ въ Крыму,— такъ и тѣмъ, что въ дѣлахъ иностраннаго отдѣленія не оказалось ни записи, ни справки, ни журнала, изъ которыхъ можно было-бы уяснить расчеты банка съ Струсбергомъ, и приходилось исключительно основываться на словахъ бухгалтера того отдѣленія Ложечникова.

Такъ продолжалось до 9 октября, когда, наконецъ, вернулся изъ Крыма вызванный оттуда телеграммой директоръ-распорядитель правленія, Полянский. А такъ какъ онъ никакихъ болѣе удовлетворительныхъ разъясненій дать не смогъ, то совѣтъ и рѣшилъ въ тотъ-же вечеръ съ экстреннымъ поѣздомъ отправить въ Петербургъ къ министру финансовъ депутацію изъ председателя совѣта В. М. Борисовскаго, члена совѣта Редера и членовъ правленія Полянскаго и Ландау для подробнаго объясненія дѣла банка по операціямъ Струсберга и съ просьбою оказать банку помощь.

На слѣдующій день депутація эта должна была получить аудіенцію у министра финансовъ, а въ Москвѣ въ этотъ вечеръ снова состоялось совѣщаніе совѣта при участіи представителей пяти другихъ московскихъ банковъ по вопросу, не окажутъ-ли какую-нибудь помощь эти другіе банки. А такъ какъ къ этому времени уже были получены свѣдѣнія изъ-за границы о томъ, что большая часть процентныхъ бумагъ Струсберга никакой ровно цѣны не имѣетъ, то московскіе банки оказать какую-бы то ни было помощь своему погибающему собрату отказались. По вопросу же о немедленномъ закрытіи банка было рѣшено: впредь до полученія отвѣта отъ министра финансовъ приостановить операціи банка, о чемъ и довести до свѣдѣнія публики черезъ публикацію въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“.

Между тѣмъ, къ утру же слѣдующаго дня отъ посланной депутаціи была получена телеграмма, что министръ финансовъ въ помощи банку наотрѣзъ отказалъ, и 11 октября

московская публика изъ газетъ узнала, что Коммерческій Ссудный банкъ лопнулъ.

Тутъ нельзя не отмѣтить характерной подробности. Въ банкѣ этомъ лежалъ вкладъ Шумахера въ 190 тыс. рублей. Пока совѣтъ судилъ да рядилъ, что ему дѣлать, Шумахеръ успѣлъ снять съ этого своего счета 6 октября 101 тыс. рублей, 9 октября—еще 38 тыс., и только послѣ того, какъ остальные члены совѣта указали ему, что едва-ли онъ былъ вправѣ дѣлать это, онъ 14 октября, уже послѣ того, какъ по этому дѣлу было возбуждено уголовное разслѣдованіе, снова внесъ эти деньги въ кассу банка!

Вотъ тутъ очень кстати замѣтить, что если управляющій Государственнымъ банкомъ, каковымъ состоялъ раньше этотъ Шумахеръ, не зналъ что онъ не имѣлъ права брать изъ лопнувшаго банка, во главѣ котораго онъ стоялъ, своего вклада, то какъ же можно было требовать отъ старой аристократки, которой всегда внушалось, что знаніе закона для женщины неприлично, и каковою являлась игуменья Митрофанія, что-бы она знала, съ какими векселями оперировать можно и съ какими нельзя.

По ея понятію всѣ тѣ векселя были хороши, за которые даютъ деньги. Даютъ мужчины, которые должны быть свѣдущими—значитъ векселя хороши.

Вотъ въ чемъ заключалась ея логика. И если позкзаменовать въ этомъ отношеніи современныхъ женщинъ, то едва-ли 9/10 изъ нихъ окажутся болѣе свѣдущими по этому вопросу.

А пока обобранные банкомъ вкладчики метались изъ банка въ Судъ, ища правосудія, болѣе смѣтливые акціонеры, а въ ихъ числѣ и Ландау, сбывали на биржѣ черезъ маклеровъ свои акціи неопытнымъ простакамъ, не особенно дорожа въ цѣнѣ.

Но не дремали и власти, и 13 октября судебнымъ слѣдователемъ по особо-важнымъ дѣламъ Глобо-Михайленко было начато дѣло о злоупотребленіяхъ въ Коммерческомъ

Ссудномъ банкѣ, повлекшихъ его крушеніе. Глобо-Михайленко проводилъ цѣлые дни съ ранняго утра и до глубокой ночи въ помѣщеніи банка, допрашивая и потерпѣвшихъ и обвиняемыхъ.

На имущество всѣхъ членовъ совѣта тогда-же было наложено запрещеніе, и послѣ первыхъ-же допросовъ большинство изъ нихъ было взято подѣ стражу, а затѣмъ было освобождено подѣ огромные залоги. Такъ, Н. М. Борисовскій, Лѣнивовъ и П. П. Сорокоумовскій внесли залоги по 500 тыс. руб., Д. Д. Шумахеръ—300 тыс. руб., С. П. Вишняковъ—200 тыс., Б. А. Гивартовскій—150 тыс., К. І. Редеръ—100 тыс., И. А. Ляминъ—50 тыс., и булгахтеръ иностраннаго отдѣленія банка Ложечниковъ—25 тыс.

Остальные члены совѣта: Ф. М. Граббе, Н. М. Бостанджогло, П. Г. Волковъ, подполковникъ Н. И. Ильинъ, А. К. Крестовниковъ, Н. С. Грачевъ, Л. Л. Прентъ, А. А. Карзинкинъ и Д. Ю. Милліоти, хотя и не были подвергнуты аресту, но на ихъ недвижимыя имущества и крупныя торговыя предпріятія былъ наложенъ арестъ и сами они были оставлены подѣ надзоромъ полиціи.

Между тѣмъ всѣ они обвинялись только въ нерадѣніи по службѣ, вслѣдствіе чего другіе могли совершать злоупотребленія и расхитить банкъ, и только одинъ Шумахеръ, тогда же отрѣшенный отъ должности управляющаго Государственной Сохранной казной, обвинялся еще и въ томъ, что по обнаруженіи несостоятельности банка взял изъ его кассы часть принадлежащаго ему вклада и вернулъ его туда обратно уже послѣ того, какъ слѣдствіе о злоупотребленіяхъ въ банкѣ было начато.

Главные обвиняемые — Струсбергъ, Ландау и Полянскій на слѣдствіи не стали отрицать, что всѣ эти чрезмѣрныя и незаконныя выдачи Струсбергу производились за получаемыя отъ него крупныя взятки; такъ, Струсбергъ удостовѣрилъ, что Ландау получилъ съ него 500 тыс. наличными деньгами

и такую-же сумму вахтальскими акціями; зятю Ландау—Бруннеру перепало отъ 50 до 60 тыс., а Манчику, „составшему“ Струсберга съ Ландау, — 250 тыс. руб.; почти столько-же, сколько и Ландау, получилъ отъ него и Полянскій, а они уже въ свою очередь давали своимъ мелкимъ сослуживцамъ сотни рублей.

И въ этомъ отношеніи показанія обвиняемыхъ расходились только въ томъ, что Струсбергъ увѣрялъ, что у него вымогали эти взятки, а Ландау и Полянскій—что они ихъ получали какъ подарки за оконченныя уже сдѣлки, а совершали они ихъ подѣ угрозой Струсберга, что по его дѣламъ будетъ учрежденъ конкурсъ.

Но какъ тѣ, такъ и другія показанія были опровергнуты и свидѣтельскими показаніями, и отобранной у обвиняемыхъ перепиской, и соглашеніе ихъ было твердо установлено.

Возникновеніе такого крупнаго дѣла среди адвокатуры произвело необычайную сенсацію. Запахъ жаренаго нестерпимо щекоталъ обоняніе, вызывая адскій аппетитъ. Въдѣ, къ дѣлу являлись прикосновенными, кромѣ 21 обвиняемаго, около 2,000 гражданскихъ истцовъ, и хотя среди послѣднихъ преобладала масса бѣдняковъ, ввѣрившихъ банку свои скудныя сбереженія, но много было и людей богатыхъ, иски которыхъ простирались до нѣсколькихъ сотъ тысячъ.

Въ Москвѣ-же къ этому времени было менѣе 250 присяжныхъ повѣренныхъ да сотня-другая ихъ помощниковъ. Поэтому не удивительно, что каждый изъ нихъ мечталъ урвать отъ этого дѣла жирный кусъ, и менѣе, чѣмъ черезъ двѣ недѣли по возникновеніи этого дѣла, представители московской адвокатуры уже составили консорціумъ, съ цѣлью тщательно обсуждать всѣ дѣйствія судебной власти по отношенію къ лицамъ, привлеченнымъ по этому дѣлу.

Не менѣе чувствительной къ этому дѣлу оказалась и пресса. Каждый шагъ слѣдователя Глобо-Михайленко обсуждался и комментировался привлеченными по этому дѣлу

лицами и подробно оглашался въ печати, причемъ, конечно, въ пространныхъ объясненіяхъ каждый изъ нихъ старался свалить вину съ себя на другого.

И, Боже, мой, до чего всѣ эти объясненія были дѣтски-наивны! Такъ, напримѣръ, Шумахеръ, выпущенный подъ залогъ изъ-подъ ареста, горько печаловался на то, что его слѣдователь привлекаетъ за то, что имѣлъ право сдѣлать всякій вкладчикъ, то есть взять свой вкладъ изъ банка тогда, когда ему это заблагоразсудится; поэтому и онъ, хотя и членъ совѣта, несомнѣнно, тоже имѣлъ право это сдѣлать. Но тутъ онъ наивно упускалъ изъ виду, что сдѣлать это имѣлъ право всякій, кто не являлся отвѣтственнымъ за правильное веденіе дѣлъ въ банкѣ, а онъ, конечно, такового права не имѣлъ, да и притомъ сдѣлалъ-то это уже тогда, когда зналъ, что банкъ разоренъ.

Другіе члены совѣта ссылались на то, что имъ некогда было заниматься дѣлами банка; такъ, одни изъ нихъ были за границей, другимъ попросту былъ недосугъ. Наконецъ, были и такіе, которые прямо сознавались, что они и не знали, что совѣтъ имѣетъ право наблюдать за дѣятельностью правленія, и не скрывали, что они въ банковыхъ операціяхъ ровно ничего не смыслятъ. И все это воспроизводилось на цѣлыхъ страницахъ газетъ и горячо обсуждалось не только въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, но и въ юридическомъ обществѣ, и по русскому обычаю эти отвлеченные дебаты не разъ заканчивались отборною руганью, на которую не скупились не сходявшіеся во мнѣніяхъ противники, не умѣвшіе спорить безъ того, чтобы не перенести этотъ споръ на личную почву.

Все это однако ни мало не мѣшало слѣдствію двигаться съ обычною для того времени быстротой, и менѣе чѣмъ въ полгода слѣдствіе было закончено, обвинительный актъ утвержденъ и врученъ, и дѣло было назначено къ слушанію.

До какой степени общество еще не вѣрило, что новыя порядки въ Судѣ не оставляютъ мѣста старымъ приемамъ,

можно судить потому что, прежде чѣмъ слѣдствіе по дѣлу Коммерческаго Ссуднаго банка было закончено, одинъ изъ представителей частной адвокатуры такъ по этому дѣлу переусердствовалъ, что по распоряженію министра юстиціи былъ лишенъ свидѣтельства на право хожденія по чужимъ дѣламъ навсегда.

Дѣло въ томъ, что одинъ изъ слѣдователей, помогавшій судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ допрашивать свидѣтелей, заявилъ прокурору, что повѣренный жены Ландау, частный повѣренный Р—гъ, предложилъ ему взятку въ семь тысячъ рублей, съ обѣщаніемъ заплатить еще тринадцать тысячъ, если дѣло по отношенію къ Ландау будетъ направлено къ прекращенію.

Допрошенный по этому вопросу Р—гъ показалъ, что онъ рѣшился на это только потому, что слѣдователь этотъ очень усердно подчеркивалъ, что и онъ является потерпѣвшимъ по этому дѣлу въ суммѣ 20 тысячъ рублей, въ виду чего г-жа Ландау, боясь имѣть въ числѣ слѣдователей еще и мстителя за свое разореніе, и рѣшилась возмѣстить его убытки, о чемъ онъ слѣдователю и сказалъ, но при этомъ Р—гъ увѣрялъ, что о прекращеніи дѣла относительно обвиняемаго Ландау, конечно, не могло быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе о поступкѣ Р—га тогда-же было доложено министру юстиціи, и Р—гъ тотчасъ-же по его распоряженію былъ лишенъ свидѣтельства, да и слѣдователю пришлось искать себѣ мѣста въ другомъ вѣдомствѣ.

Разсмотрѣніе этого дѣла было назначено въ первый разъ на 29 мая 1876 г., то есть ровно черезъ семь мѣсяцевъ послѣ обнаруженія преступленія.

Сколько трудовъ Судъ положилъ на то, чтобы рассмотреть его съ наибольшимъ комфортомъ и удобствами для всѣхъ участвовавшихъ въ дѣлѣ, можно судить по тому, что за мѣсяць до разсмотрѣнія дѣла въ Судѣ изъ членовъ Суда, которымъ предстояло разсматривать это дѣло, была уч-

реждена особая комиссія для приема заявленій отъ лицъ, пострадавшихъ отъ дѣйствій банка и желавшихъ явиться по дѣлу гражданскими истцами.

Втеченіе этого мѣсяца поступило около 600 заявленій; заявленія эти были Судомъ разсмотрѣны, и заявители были допущены къ дѣлу въ качествѣ гражданскихъ истцовъ.

Но эти 600 человекъ составляли лишь пятую часть пострадавшихъ; остальные двѣ тысячи потерпѣвшихъ, несмотря на ежедневныя публикации въ газетахъ о существованіи этой комиссіи, по обычаю русскихъ людей и ухомъ не повели, и нагрянули въ Судъ въ самый день засѣданія, жестокимъ образомъ осложнивъ работу Суда, и произвели въ судебномъ засѣданіи такой беспорядокъ, нахлынувъ туда двухтысячной толпой, что понадобилось два-три часа для того, чтобы ихъ провѣрить.

Мѣсть, однако для нихъ въ самой залѣ Суда не оказалось, они были размѣщены по другимъ заламъ, пока до каждого изъ нихъ должна была дойти очередь,

Такъ же предупредительно отнесся Судъ и къ представителямъ прессы. На этотъ процессъ пріѣхали нѣсколько корреспондентовъ изъ-за границы, не говоря уже о петербургскихъ и мѣстныхъ. Судъ за два дня до засѣданія выяснилъ ихъ число и дѣйствительность ихъ полномочій и, представивъ каждому изъ нихъ именное мѣсто, уже отъ себя вошелъ въ сношеніе съ московскимъ почтъ-директоромъ Подгорѣцкимъ, который и распорядился, чтобы за послѣдней почтой въ Судъ являлся почтальонъ къ 11 час. вечера и прямо изъ суда отвозилъ ее на поѣздъ, шедшій въ Петербургъ. Кромѣ того, по распоряженію телеграфнаго начальства, и телеграфное отдѣленіе, находившееся въ Судѣ, должно было, пока разсматривалось это дѣло, заканчивать приемъ телеграммъ только въ 12 час. ночи вмѣсто обычныхъ девяти.

И ко всему этому корреспондентамъ на все время разби-

рательства этого дѣла была отведена особая комната, гдѣ они во время перерывовъ могли работать спокойно, безъ помѣхи.

Въ то время и публика и представители судебныхъ учреждений относились къ прессѣ съ уваженіемъ и заботу объ извѣстномъ comfortѣ ея представителей не считали ниже своего достоинства.

Все это дѣлалось безъ всякихъ просьбъ, по инициативѣ самого Суда о по распоряженію инспектора зданія Н. А. Манасеина.

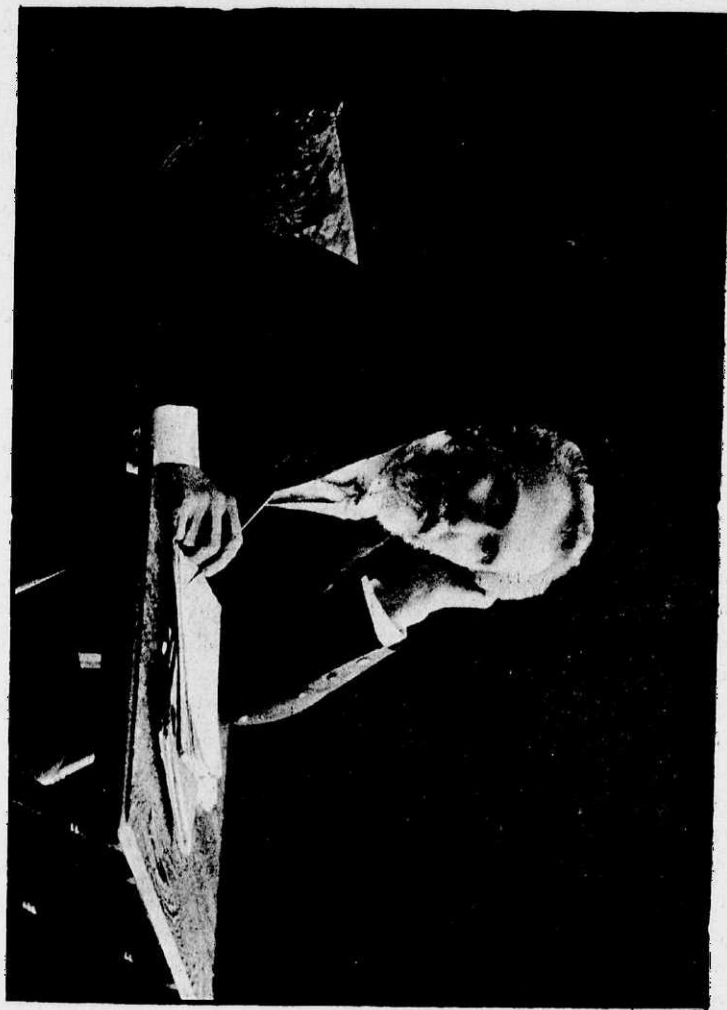
Однако всѣ эти хлопоты Суда оказались напрасными. Обвиняемые знали, что имъ не одобровать, и просили защитниковъ по возможности оттянуть этотъ трагическій моментъ, тѣмъ болѣе, что въ тюрьмѣ сидѣлъ одинъ Полянский, а Ландау и Струсбергъ находились подъ домашнимъ арестомъ. И защитники рѣшили сорвать дѣло во что-бы то ни стало.

Эта оттяжка тѣмъ болѣе казалась имъ необходимой, что появленіе двухтысячной толпы потерпѣвшихъ людей, въ большинствѣ случаевъ имѣвшихъ видъ горькихъ бѣдняковъ, произвело на всѣхъ находившихся въ Судѣ удручающее впечатлѣніе.

И засѣданіе защитниками было сорвано. Передать то впечатлѣніе, которое произвелъ этотъ беззастѣнчивый выпадъ адвокатуры, теперь, 36 лѣтъ спустя, конечно, трудно, тѣмъ болѣе, что такіе фортели съ теченіемъ времени настолько вошли въ плоть и кровь судебныхъ дѣятелей, что никого уже не стали удивлять и еще менѣе волновать, но вотъ какъ оно было запечатлѣно въ поэмѣ „Струсбергѣида“, написанной талантливымъ поэтомъ того времени, П. И. Кичеевымъ, написанной притомъ экспромптомъ въ томъ-же засѣданіи.

Но тутъ я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе. П. И. Кичеевъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые,

П. И. Кичеевъ.

всю жизнь переживая въ душѣ тяжелую трагедію, на свѣтъ выносятъ только смѣхъ. По этому лучшими изъ его произведеній были юмористическія и притомъ тѣ, которыя онъ писалъ экспромптомъ.

Таковымъ онъ былъ и въ жизни, тая свои печали про себя и дѣлясь ими только съ самыми близкими ему людьми. Онъ былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ въ обществѣ, болтая обо всякихъ пустякахъ и облекая ихъ въ такія яркія и уморительныя краски, что, слушая его, можно было хохотать до упаду, до слезъ.

За достовѣрностью такихъ своихъ рассказовъ онъ не гнался, предпочитая ей эффектъ, такъ какъ занимательная выдумка въ его глазахъ была несравненно интереснѣе скучной правды.

Правда, онъ одинаково талантливо переводилъ звучными и красивыми стихами унылыя стихотворенія Андрея Шенъе и Альфреда де Мюссе. Ихъ элегическая поэзія находила откликъ въ его душѣ, но его смѣхъ, порою злой, чаще только остроумный съ его всегда самыми неожиданными сравненіями былъ неподражаемъ и за этотъ свой смѣхъ онъ пользовался любовью всѣхъ, кто его близко зналъ.

Такъ вотъ какъ описывалъ П. И. Кичеевъ этотъ знаменательный день, когда Суду предстояло рассмотреть банковскую эпонею. Поэма эта, имѣвшая въ свое время шумный успѣхъ, теперь сдѣлалась библиографическою рѣдкостью и я, въ виду ея небольшого объема, приведу ее здѣсь цѣликомъ.

Струсбергiада.

(СТРАШНОЕ МОСКОВСКОЕ СКАЗАНЬЕ).

Sic transit gloria mundi!

I.

Такъ же, какъ и Генрихъ Гейне,
Только двѣ строки римуя,
Это страшное сказанье
Міру, днесь, изображу я.

Въ немъ природы—описаній,
Знай читатель, не найдется—
Стихъ на тему о природѣ
Мнѣ совѣтъ не удастся.
Въ самомъ дѣлѣ: сколько разъ я

Пить природу ни рѣшался,
Въ массѣ слушателей тотчасъ
Дружный хохотъ раздавался...
Не стѣнясь, мнѣ твердили:
„Вѣрьте, пѣсни ваши жалки,
„Въ рощахъ вашихъ—не деревья,
„Розги только тамъ да палки.
„Соловей вашъ не возможенъ,
„Въ его пѣсняхъ столько-жъ вадора,
„Какъ въ любой красивой рѣчи
„Молодого прокурора.
„Розы ваши такъ же мало
„На цвѣты—весны похожи,
„Какъ на ликъ Мурильо—„Дѣвы“
„Нашихъ будочниковъ рожі...
Съ этихъ поръ, ужъ я ни разу
Пить природу не дерзаю
И всегда мои творенья
Прямо съ „сути“ начинаю...
И теперь, какъ Генрихъ Гейне,
Только двѣ строки риемуя,
Это страшное сказанье
Прямо съ „сути“ вамъ начну я.

II

О, москвичи! въ Кремлѣ ты знаешь,
Зданье дивное стоитъ,
Это зданье—храмъ Фемиды,
Гдѣ она свой судъ творитъ.
Въ этомъ зданьи, по заслугамъ
Всѣмъ „законно“ воздаютъ
И зовутъ его „Окружный,
Новый, правый, скорый судъ“.
Преступленія, позора,
И нечестія сыны,
Подъ мечомъ слѣпой Фемиды,
Здѣсь раскаются должны...
Здѣсь свѣтлѣетъ добродѣтель
И завзятый тать и воръ
Испыталъ не разъ, сколь грозенъ
Нашъ российский прокуроръ.
Рѣчью, полной „словъ жестокихъ“,
Какъ юрисконсультъ и либералъ,
Поразить всегда готовый
Всѣ пороки напавалъ.

III.

Съ дней Гомера, всѣ поэты
Навсегда постановили,
Что-бъ въ твореньяхъ ихъ герои
Всѣ лицомъ красивы были.
Этимъ правиламъ рутиннымъ

Я совсѣмъ не подчиняюсь
И въ стихахъ уродовъ даже
Очень часто пѣть рѣшаюсь...
„Красота не долговѣчна!“
Такъ съ собой я разсуждаю,
Если въ зеркалѣ свой образъ,
Заглянувъ въ него, узнаю...
„Чортъ-ли въ томъ, что не красивъ я,
„Что такъ худъ, такъ желтъ и стра-
шенъ,

„Что кривой мой подбородокъ
„Жидкимъ волосомъ украшенъ?
„Что немножко я хромаю,
„Что на правый бокъ такъ гнуся,
„Что въ герои драмъ французскихъ
„Совершенно не гожеусъ?...
„Наша жизнь, такая драма,
„Что въ ней мѣсто всѣмъ найдется,
„Красотою-жъ наше время
„Удивить ужъ не прійдется...“
Разсужденьямъ этимъ вѣрный,
Продолжаю я однако
И воспѣть намѣренъ дѣло,
Гдѣ такъ сръзался Плевако,
Тотъ, который даромъ слова
Такъ природой надѣленъ,
Что, въ сравненіи съ нимъ, блѣднѣетъ
Самъ Маркъ-Тулли-Цицеронъ.
Нашихъ дней Эсхинъ—Урусовъ
Былъ разбитъ имъ наповалъ,
Въ дни, когда Кострубы-дѣло
Судъ Рязанскій разбиралъ.

IV.

Мая въ день двадцать девятый,
Вмѣстѣ съ утренней зарницей,
Въ нетерпѣнны пробудилось
Все, живущее въ столицѣ;
Бросивъ мягкія перины,
Неуспѣвши помолиться,
Всякъ спѣшилъ за самоваромъ
Калачами подкѣрпиться...
Въ изумленіи на сборы
Кони тучные взирали
И, со страхомъ, у подѣздовъ
Мѣдной сбруей потрясали...

V.

Десять разъ металлъ Сатурна
Прозвучалъ на башнѣ Спасской
И по стогнамъ замелькали,
Мчаась, коляска за коляской...

Поспѣшая другъ за другомъ
И, столпившись цѣпью дружной,
Кувыркаясь по канавамъ,
Всѣ спѣшили въ Судъ Окружный.
Впереди, въ каретѣ—парой,
Съ *гайдукомъ въ цвѣтной ливрѣ*,
Бѣхалъ докторъ Бетель Струсбергъ
Съ ликомъ полночи мрачнѣе,
А за нимъ, въ лондо, въ коляскахъ,
Поспѣшали въ дружномъ цугѣ,
Беззаботно развалившись,
Сотоварищи и други.
Были здѣсь: еврей-Ландау,
Миллюти, Борисовскій,
Ляминъ, Волковъ, Редеръ, Граббе
И кудесникъ Гивартовскій;
Былъ Крестовниковъ, Корзинкинъ,
Вишняковъ, Грачовъ, Полянский.
Былъ Шумахеръ, Прентъ, Лѣниновъ
И Ильинъ—„артистъ Рязанскій“.
Дружно эти три плеяды
Мчались свѣтлой вереницей,
Въ элегантныхъ экипажахъ
По встревоженной столицѣ.
Вслѣдъ за ними, крупной рысью,
Тайнымъ трепетомъ объаты,
Въ фаэтонахъ, эгоисткахъ,
Поспѣшали адвокаты...

VI.

Здѣсь-бы намъ воспѣть хотѣлось
Честь и умъ, и просвѣщеніе
Сихъ цвѣтовъ адвокатуры,
Но безсилно вдохновенье!...
Если-бъ всѣ Олимпа-боги
Разметали перлы слова,
Если-бъ высохъ въ напряженіи
Мозгъ Ливанова, Каткова,
Если-бъ лиру мы вложили
Въ руки доблестнаго Фета
И тогда-бъ напрасны были
Всѣ усилія поэта!...
Скажемъ кратко: былъ Плевако—
Мудрый, храбрый, безподобный,
Былъ Пржевальскій—златоустый,
Адвокатъ жены разводной;
Былъ Шайкевичъ—бичъ Берггольда,
Былъ Щелканъ—звѣзда „Совѣта“
(Стройный станъ его не въ силахъ
Описать перо поэта!)
Былъ танцмейстеръ Вышеславцевъ,

Инородецъ Харитоновъ,
Былъ Капеллеръ, тѣломъ *тонкій*,
Толстый въ званіи законовъ,
Казаковъ, Коврайскій, Вульфбергъ,
Зодиакъ—„Стрѣлецъ“ Куперникъ,
Самодѣй-Громницкій, Геннертъ,
Рихтеръ—страшный всѣмъ соперникъ.
Былъ Эротъ безкрылый—Спиро,
Распѣвающій кантаты,
Былъ и Лохвицкій—мучитель
И Сената и Палаты...
Были всѣ... И другъ за другомъ
Прокатили по столицѣ,
Разметавши искры взглядовъ,
Какъ съ побѣдной колесницы...

VII.

А за ними, полны страха,
Еле-слышными стопами,
Подъ палящимъ зноемъ солнца,
Потянулись толпами,
Всѣ, кто деньги трудовыя
Отдавалъ въ акціи и вклады
Тѣмъ, кто нынѣ пребываетъ
Въ царствѣ пѣти и прохлады...
Были здѣсь: купцы, мѣщане,
Люди служилый и чиновный,
Были баре, иностранцы,
Вѣдныи труженики безмолвныи...
Всѣ они, въ числѣ двухъ тысячъ,
Спотыкаясь о канавы,
Шли по улицамъ московскимъ,
Алча праведной расправы.

VIII.

Ротъ чаesy на Спасской башнѣ
Мѣрно поддѣнъ прозвучали
И открылся судъ великій,
„Судъ надъ банкомъ“ въ *круглой залѣ*.
Но, увы!.. открылся только,
Чтобы въ тотъ-же день закрыться!
Адвокаты порѣшили,
Что суда не состоится.
Утинъ *прямо, откровенно*
Заявилъ, что онъ боится
Начинать такое дѣло,
Опасаясь „провалиться.“
Какъ вдова прося на бѣдность,
Утинъ плакалъ и винился,
Объясняя, что къ защитѣ
Не *готовъ*... не доучился,

Началь свой „протест“ Шайкевичъ,
Но, сконфузаясь, смолкъ учтиво,
Началь Лохвицкій, стараясь
Говорить умно, красиво...
Но старанья адвокатовъ
Всѣ успѣха не имѣли,
Судьи, „банковское дѣло“
Разобрать тотчасъ хотѣли...
Вдругъ... о, боги! самъ Плевако
Со скамьи своей поднялся
И подъ сводомъ „круглой залы“
Зычный гласъ его раздался:
„Судъ коварный! ты не право
„Листъ съ присяжными составить,
„Что-бъ ты могъ подборъ имъ дѣлать—
„Нѣтъ такихъ въ „Уставахъ“ пра-
вилъ!..“
Рѣкъ и смолкъ онъ... Въ залѣ шо-
потъ...
Судъ въ смущеніи... Дамы плачутъ...
Подсудимые ликуютъ
(Нынче ихъ въ острогъ не спрячутъ).
О, Калипсо!.. Предѣдатель
Возмашаетъ вдругъ публично:
„Господинъ Плевако! ваше

Заявленье—*неприлично!*...
„За него вамъ Судъ Окружный
„Объявляетъ замѣчанье,
„А теперь... вы всѣ свободны,
„Закрываю засѣданье!...“
И поникъ главой мятежной
Нашъ Плевако знаменитый,
Какъ Квиритовъ бичъ подъ Заммой,
Ганнибалъ, врагомъ разбитый...
„О, Фемида!—рекъ онъ мрачно,
„Я погибъ во мнѣннй свѣта,
„На меня теперь съ-полгода
„Станутъ лаять всѣ газеты!..“
Не смущайся, о витія!
Ты-ли брани устыдишься?
Самъ же ты сказалъ однажды,
Что печати не боишься,
Что газетные писаки
Всѣ въ глазахъ твоихъ бараны.
Что тебѣ одни лишь милы
Златомъ полные карманы...
Ободрись и знай: не мало
На Руси плутовъ найдется,
Ни одинъ изъ нихъ, конечно,
Безъ тебя не обойдется!..

И, дѣйствительно, адвокатовъ ругали. На другой-же день послѣ этого засѣданія въ одной изъ газетъ появилась гро-мовая статья, въ которой съ большимъ негодованіемъ гово-рилось о поведеніи рыцарей слова въ засѣданіи по дѣлу банка; заканчивалась эта статья выраженіемъ увѣренности, что Совѣты петербургскій и московскій сумѣютъ убѣдить не въ мѣру разнуздавшихся адвокатовъ въ томъ, что цинизмъ и нахальство не представляютъ собою свойствъ, желательныхъ для членовъ этого сословія.

И эта ругань изо дня въ день повторялась то тою, то другою газетою втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

И надо отдать справедливость: изъ адвокатовъ одинъ Лохвицкій относился къ этой ругани равнодушно, со смѣ-хомъ утверждая, что „брань на вороту не виснетъ“, всѣ-же остальные волновалась, строча въ тѣ-же газеты длинныя письма и всячески оправдывая свое поведеніе „священнымъ

ужасомъ за незыблемость только-что введеннаго Судебнаго Устава“ допуская однако, что этотъ ужасъ могъ заставить ихъ принять кажущееся за дѣйствительность.

Это все-таки была повинная, хотя и недостаточно искрен-ная, но все-же являвшаяся доказательствомъ того, что ихъ поведеніе было предосудительно, и они старались его хоть чѣмъ нибудь оправдать.

Словомъ, совѣсть еще не была дѣломъ условнымъ и двухъ мнѣній относительно того, что бѣло и что черно, не существовало.

И эти самые господа, у которыхъ не хватало мужества устоять передъ соблазномъ, все таки не довѣряли искрен-ности Лохвицкаго, не желавшаго признавать ничего святого, и полагали, что онъ только рисуется напускнымъ цинизмомъ.

Да это, надо полагать, такъ и было. Онъ брался за защиту самыхъ отвратительныхъ дѣлъ и съ необычайнымъ красно-рѣчіемъ ихъ защищалъ и это порождало къ нему особен-ную антипатію. Но чтобы самъ онъ лично совершилъ недо-стойный поступокъ, этого положительно никто сказать не могъ, и его блудное слово рѣзко расходилось съ его соб-ственными поступками, бросая, можетъ быть, и не совсѣмъ заслуженную тѣнь на его нравственный обликъ.

Вторичное разсмотрѣніе дѣла Ссуднаго Комерческаго банка послѣдовало осенью того-же 1876 года, причемъ были призна-ны виновными пятеро: Струсбергъ, Ландау и Полянскій—въ расхищеніи банковыхъ средствъ и Шумахеръ и Борисовскій—въ нерадѣніи, вслѣдствіе котораго такое расхищеніе могло осуществиться. Всѣ-же остальные члены совѣта банка были оправданы, и произошло это главнымъ образомъ потому, что въ этотъ промежутокъ времени, между двумя засѣда-ніями Суда, они успѣли удовлетворить самыхъ мелкихъ вкладчиковъ и двухтысячная толпа разоренныхъ бѣдняковъ при вторичномъ судебномъ разбирательствѣ уже не фигу-рировала.

Наказаніе-же по этому дѣлу главнымъ образомъ понесъ только Полянский, такъ какъ Струсбергу такое самимъ же Судомъ было замѣнено высылкою его изъ предѣловъ Россіи навсегда, а Ландау хотя такъ-же, какъ и Полянский и былъ приговоренъ къ ссылкѣ на житье въ Томскую губ. но, находясь подъ домашнимъ арестомъ, успѣлъ бѣжать и скрыться за границу; Шумахеръ-же и Борисовскій были тоже лишены всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и приговорены: Борисовскій къ ссылкѣ на житье въ Олонецкую губернію на одинъ годъ, а Шумахеръ — къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ мѣсяць.

Банковское дѣло явилось однако не единственнымъ особенно характернымъ для того времени. Не меньшую сенсацию въ публикѣ произвели и два другія дѣла, разсматривавшіяся въ томъ-же году.

Это—дѣло помощника присяжнаго повѣреннаго Элькина и дѣло семьи Тупицыныхъ.

Элькинъ являлся первымъ адвокатомъ, очутившимся на скамьѣ подсудимыхъ. Обвинялся онъ въ гнусномъ преступленіи. Получивъ отъ вдовы водочнаго заводчика Попова предложеніе ввести ее во владѣніе, онъ началъ за своею клиенткою ухаживать, сошелся съ нею, обѣщалъ на ней жениться и затѣмъ, выманивъ у нея 15 тыс. руб. и безденежную купчую крѣпость на ея домъ подъ предлогомъ, что ему для полученія приличнаго мѣста необходимъ имущественный цензъ, не только отказался жениться на Поповой, но и сталъ увѣрять, что денегъ у нея не бралъ, а домъ купилъ у нея на чистыя деньги.

По жалобѣ потерпѣвшей противъ него было возбуждено уголовное преслѣдованіе, и, конечно, никто изъ адвокатовъ защищать Элькинъ не рѣшался. Для всякаго въ то время было ясно, что общество съ глубочайшимъ презрѣніемъ отнесется не только къ этому альфонсу, но и ко всякому,

у кого въ пользу его и его поступка найдется хоть какой-нибудь аргументъ.

Не сталъ съ этимъ считаться одинъ Лоховицкій, благо у Элькина въ рукахъ еще находились деньги, изъ которыхъ онъ могъ оплатить защиту впередъ, а больше этому доктору правъ ничего и не требовалось, такъ какъ на всякаго кліента онъ смотрѣлъ лишь какъ на свою жертву.

На этомъ-же основаніи онъ взялся и за защиту Элькина, и надо отдать ему справедливость, что онъ немало приложилъ стараній, чтобы высмѣять желаніе Поповой женить за деньги на себѣ молодого, только-что вступающаго въ жизнь адвоката, но это никому не показалось смѣшнымъ, потому что Попова и сама была не старая женщина и деньгами не покупала мужа, а лишь давала возможность своему избраннику занять солидное положеніе.

Не помогло и заявленіе Элькина, что онъ, хотя и не бралъ у Поповой денегъ, но готовъ ей 15 тысячъ уплатить, такъ какъ она, продавъ ему свой домъ, осталась безъ всякихъ средствъ.

И публика, и Судъ, и присяжные засѣдатели—всѣ отнеслись къ нему съ одинаковымъ презрѣніемъ.

За-то настоящій триумфъ это дѣло создало для товарища прокурора Н. В. Муравьева, незадолго передъ тѣмъ назначенаго въ Москву.

Почва для обвиненія и безъ того была въ высшей степени благодарная, и Николай Валерьяновичъ сумѣлъ ее использовать. Съ необычайнымъ пафосомъ громилъ онъ не столько самаго Элькина, сколько все общество, откинувшее старые идеалы, а взамѣнъ ихъ ничего не сумѣвшее создать, кромѣ неутолимой жажды наживы, продуктомъ какового положенія и явился Элькинъ, не знающій другого бога, кромѣ золотого тельца.

А публика съ восторгомъ ловила каждое слово талантливаго обличителя и если не рукоплескала, то исключитель-

но изъ страха, что предсѣдатель очистить залу; за-то во время перерыва она дѣлала Муравьеву шумныя оваціи, спѣша узнать, когда можно будетъ еще разъ услышать его увлекательную рѣчь.

Въ то время Н. В. Муравьевъ былъ еще очень молодъ, эти шумныя оваціи, хотя и вполне заслуженныя, кружили ему голову, и естественно, что ему хотѣлось какъ можно чаще выступать передъ публикой, жаль было удѣлять остальнымъ товарищамъ другія интересныя дѣла, по которымъ можно было говорить такъ много и такъ хорошо.

Вотъ исключительно благодаря этому нежеланію уступать товарищамъ интересныя дѣла онъ и создалъ громоздкое дѣло, которое и обозвалъ „клубомъ червонныхъ вальтовъ“.

Это собственно было не одно дѣло, а 30 самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, за волосы притянутыхъ одно къ другому и связанныхъ между собою только тѣмъ, что у дѣятеля того либо другого дѣла находился кто-нибудь знакомый среди дѣятелей остальныхъ дѣлъ. И этого уже было достаточно, чтобы эти дѣла связать между собою.

Такимъ образомъ всѣ эти дѣла и попали въ одни руки.

Конечно, никому другому сдѣлать это не разрѣшили-бы, но Николай Валерьяновичъ былъ цвѣтомъ и надеждой прокуратуры, и поэтому прокуроръ ему и помирволилъ.

До оно было и понятно: все-таки лучше его никто съ этими дѣлами не справился-бы, а какъ это отзовется на обвиняемыхъ, объ этомъ тогда не подумали.

Но о „червонныхъ вальтахъ“ рѣчь будетъ впереди, а теперь я расскажу о дѣлѣ Тупицынскихъ.

Это дѣло было тоже продуктомъ своего времени. Женщины, слышавъ о возможной для нихъ эмансипаціи, сразу пожелали использовать свободу такъ, чтобы исчерпать ее до дна. Но большинство изъ нихъ не только къ этой свободѣ не было подготовлено ни институтскимъ воспитаніемъ,

ни микроскопическимъ образованіемъ, ни семьей, гдѣ еще по-старому считалось, что все то хорошо, что хорошо замаскировано, но собственно даже и представить себѣ не могло, въ чемъ можетъ эта эмансипація выражаться, и потому рѣшило, что она заключается въ свободѣ флирта внѣ зависимости отъ условій жизни и окружающей среды.

Понятно, что благодаря этому создавались самыя невозможныя положенія, иногда комическія, но нерѣдко и трагическія. Вотъ на такой именно почвѣ и создалось это несчастное Тупицынское дѣло.

Въ Коломнѣ пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ содержали четыре перезрѣлыхъ сестры, на всю жизнь оставшіяся наивными институтками и въ силу старыхъ институтскихъ традицій при верѣчѣ съ каждою молоденькою, хорошенькою дѣвушкой считавшія своимъ долгомъ начать ее обожать.

Въ той-же Коломнѣ служилъ землемѣръ, у котораго какъ-разъ въ то время подросла красотка-дочка. Постоянно занятый службой, въ вѣчной борьбѣ изъ-за куска хлѣба, вдовый инженеръ не имѣлъ ни времени, ни возможности заниматься воспитаніемъ дочери, и дѣвочка росла, какъ Богъ велѣлъ, кое-чему поучившись, но больше употребляя свой досугъ на чтеніе чувствительныхъ романовъ, черпая въ нихъ философію для предстоящей ей жизни.

А кругомъ всѣ восхищались ея красотой, подчеркивали ей, что она безприданница и что ей нуженъ богатый женихъ.

Изъ всего этого она и вывела заключеніе, что богатый мужъ ей нуженъ для того, чтобы ея красота получила надлежащую опору, а уже флиртомъ она сможетъ тогда заняться съ кѣмъ ей заблагоразсудится.

Эту немудрую философію она усвоила вполне, а о супружескихъ обязанностяхъ, о святости брака, о незыблости даннаго слова она, видимо, никогда и ни отъ кого не слыхивала.

На свою бѣду она въ самомъ раннемъ возрастѣ встрѣтилась со старыми дѣвками, содержащими пансіонъ, которыя, восплававъ къ ней любовью, рѣшили немедленно устроить ея судьбу.

О брачной жизни онѣ столько-же знали, сколько и она, и сразу рѣшили, что ей нуженъ мужъ богатый. Только это обстоятельство и принималось ими во вниманіе.

И вотъ въ силу этого исключительнаго соображенія онѣ и остановились на патриархальной старообрядческой семьѣ Тупицыныхъ, состоявшей изъ старухи-матери, ревниво охранявшей древнее православіе, и 50-лѣтняго сына, хотя и искушавшагося въ жизни, до легкаго паралича включительно, но изъ послушанія у матери не выходившаго.

Чего потребуютъ отъ молодой женщины въ такой семьѣ, ни одной изъ старыхъ дѣвъ и въ голову не приходило, и онѣ ретиво принялись за сватовство.

Тупицыну сразу приглянулась хорошенькая дѣвушка, а то, что она была бѣдная, это ему очень понравилось, — не посмѣетъ-же она перечить его богатой матери, разъ онъ ее осчастливитъ бракомъ.

Его матери не особенно нравился этотъ бракъ, — то-ли дѣло было взять невѣсту изъ солидной купеческой семьи, но и для нея бѣдность невѣсты казалась порукой въ томъ, что она слѣпо подчинится ихъ волѣ.

И такъ, всякій думалъ по своему, и бракъ состоялся. Тупицынъ сдѣлалъ богатую оправу къ хорошему личику своей жены, но былъ твердо увѣренъ, что любоваться этой картинкой надлежитъ ему одному. Людямъ-же стороннимъ надлежало ею любоваться или въ церкви, или тамъ, куда онъ ее соблаговолитъ повезти напоказъ.

Мать-же его шла еще дальше: она полагала, что богатое приданое сдѣлано вовсе не для того, чтобы трепать его каждый день, а лишь для того, чтобы принарядиться, для

въ церковь или „въ люди“, гдѣ стоимость этихъ нарядовъ могли оцѣнить.

Совсѣмъ иначе на этотъ предметъ смотрѣла молодая женщина. Если уже ей сдѣлали оправу, то, конечно, не для того, чтобы она лежала въ сундукахъ или чтобы наряжаться въ нее тогда, когда она сидитъ съ глазу на глазъ со старымъ и не красивымъ мужемъ. Нѣтъ, она желаетъ, чтобы и всѣ другіе ею восхищались, — для чего иначе ей нужно было и замужъ выходить.

И на этой почвѣ начались въ семьѣ безобразныя сцены. Старуха требовала покорности, молодая женщина не желала подчиняться, — иначе чего-бы стоила женская эмансипація, а Тупицынъ, не желая оскорблять мать и въ то-же время жалѣя жену, бѣжалъ изъ дома, гдѣ ругань нерѣдко переходила въ рукопашную схватку.

Съ каждымъ днемъ отношенія обострялись, а когда изъ Коломны семья переселилась въ Москву, молодая женщина твердо рѣшила начать приемы и заняться флиртомъ, казавшимся ей единственнымъ приличнымъ препровожденіемъ времени.

Такъ она и сдѣлала, но это окончательно возмутило патриархальную семью, и началась рѣчь о разводѣ.

Молодая женщина уже была рада развязаться съ семьей, съ которой у нея ровно ничего не было общаго и съ удальствомъ дала поводъ къ разводу, тѣмъ болѣе, что ей обѣщали за это хорошо заплатить.

Этотъ поводъ былъ засвидѣтельствованъ въ консисторіи не только горничною и лакеемъ но, по требованію самой же Тупицыной, былъ подтвержденъ и тѣмъ, кто являлся ея сообщникомъ. Это былъ Эрлангеръ, человекъ такой-же богатый, какъ и Тупицыны, и консисторія, не имѣя основанія ему не довѣрять, живо рѣшила это дѣло, предоставивъ Тупицыну право вступить въ новый бракъ.

Но тутъ случилось обстоятельство, совершенно ни одною изъ сторонъ не предвидѣнное; Тупицыны-то обѣщанныя деньги отдали, но молодая женщина ихъ не получила, такъ какъ онѣ цѣликомъ застряли въ рукахъ того адвоката, которому она ихъ получить поручила, и вмѣсто 15 тыс., уплаченныхъ ей мужемъ, адвокатъ далъ ей отъ своего имени 15 векселей по тысячѣ руб. каждый и притомъ на разные сроки.

Пока адвокатъ этотъ былъ налицо, она кое-какъ съ такимъ положеніемъ мирилась, тѣмъ болѣе, что онъ увѣрялъ ее, что эти деньги онъ отдастъ ей въ самомъ непродолжительномъ времени, но когда онъ съ горизонта исчезъ, другой адвокатъ научилъ ее потребовать отступного отъ мужа вторично, подъ угрозой, что если онъ ей еще денегъ не дастъ, то она станетъ обвинять его и его мать въ подстрекательствѣ другихъ къ дачѣ ложныхъ показаній въ консисторіи, а лицъ, свидѣтельствовавшихъ противъ нея, — въ дачѣ ложныхъ показаній.

Къ этому времени Тупицынъ успѣлъ уже вступить въ новый бракъ. Платить еще разъ первой женѣ онъ не захотѣлъ и наотрѣзъ отказался что-нибудь для нея сдѣлать. А она привела свою угрозу въ исполненіе и стала обвинять лицъ, свидѣтельствовавшихъ по ея бракоразводному дѣлу, въ дачѣ ложныхъ показаній подъ присягой, а свекровь и мужа — въ подстрекательствѣ ихъ къ дачѣ таковыхъ.

Москва вѣдь, большая деревня, и москвичамъ хорошо было извѣстно, что разводъ Тупицыныхъ совершился по обоюдному уговору, и не будь въ этомъ дѣлѣ такого добровольца-свидѣтеля, какъ Эрлангеръ, являвшіеся удостовѣрить, что онъ пользовался любовью женщины, за которой ухаживалъ, возможно, что это дѣло было-бы направлено къ прекращенію.

Но съ появленіемъ такого рода свидѣтеля нравственное чувство не мирилось, и Тупицыны, не побрезговавшіе вос-

пользоваться показаніемъ такого свидѣтеля въ консисторіи, вмѣстѣ съ нимъ и своими слугами предстали передъ судомъ.

Нечего и говорить, что такое дѣло вызывало огромный интересъ въ публикѣ, и всякій, у кого былъ досугъ, стремился попасть въ судебное засѣданіе.

Мнѣ и Е. П. Кичеевой было предложено стенографировать дѣло Тупицыныхъ для отдѣльнаго изданія, и съ этого времени я совсѣмъ перестала брать переписку, всецѣло предоставивъ ее тѣмъ женщинамъ, которыя до того времени состояли моими помощницами, а теперь уже стали работать отъ себя; сама-же я принялась сначала за стенографированіе судебныхъ отчетовъ, а затѣмъ и за судебныя корреспонденціи, какъ за работу, несравненно болѣе прибыльную, чѣмъ переписка.

Въ судебное засѣданіе по дѣлу Тупицыныхъ, происходившее подъ предѣтельствомъ товарища предсѣдателя Шестакова въ составѣ членовъ Е. Р. Ринка и Плечко, въ качествѣ сторонъ явились самые крупные адвокаты того времени. Такъ, Тупицына защищать пріѣхалъ изъ Петербурга Спасовичъ, старуху Тупицыну защищаль Шайкевичъ, Эрлангера — Лохвицкій, а гражданскимъ истцомъ отъ молодой Тупицыной явился Пржевальскій, и только лакея и горничную Тупицыныхъ защищали только-что начинавшіе въ то время карьеру молодые помощники, Бедотовъ и Евреиновъ.

И въ качествѣ обвинителя выступалъ хотя и не равный по силѣ Н. В. Муравьеву, но тоже очень талантливый товарищъ прокурора Кохъ.

Ни одинъ процессъ, думается мнѣ, за исключеніемъ развѣ дѣла игуменьи Митрофаніи, не вызывалъ въ стѣнахъ судебного зданія такой страстной борьбы сторонъ, какъ это тяжелое дѣло.

Каждый изъ защитниковъ желалъ убѣдить присяжныхъ засѣдателей стать на точку зрѣнія его кліента и спросить свою совѣсть, а какъ-бы онъ поступилъ на его мѣстѣ,—отвѣтъ неминуемо долженъ былъ получиться и для Тупицына, и для его матери вполне благопріятный, если-бы въ это дѣло не попалъ Эрлангеръ.

И какъ ни старался Лохвицкій доказать, [что и Эрлангеръ собственно ничего дурного не сдѣлалъ, что наоборотъ, хотя ему и неудобно было рассказывать о своихъ отношеніяхъ къ молодой женщинѣ, но, разъ она этого требовала, боясь, что безъ этого ей не удастся получить отъ мужа отступное, онъ не счелъ себя вправѣ опровергать то, чего случайными очевидцами сдѣлались горничная и лакей, удостоившіе это передъ консисторіей. Но убѣдить въ этомъ Лохвицкому никого не удалось.

У каждаго на этотъ предметъ имѣлся свой собственный взглядъ, и мужчина, не пощадившій добраго имени женщины, хотя-бы и очень легкомысленной, которую однако онъ увѣрялъ въ любви, уже за одно за это долженъ былъ понести кару, а вмѣстѣ съ нимъ заслуживали кару и тѣ, кто такую его беззастѣнчивостью воспользовались.

И вотъ только благодаря этому изъ [пятерыхъ обвиняемыхъ были оправданы только самъ Тупицынъ и горничная, остальные-же трое были признаны виновными.

На Судъ, хорошо знавшій всю подноготную этого дѣла, этотъ приговоръ произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе, но тщетно Е. Р. Ринкъ убѣждалъ своихъ сотоварищей признать, что вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей обвинены невинные; остальные судьи колебались и предпочли, чтобы обвиненные сами шли въ кассационный департаментъ Сената.

Тогда Е. Р. Ринкъ, надѣясь убѣдить Сенатъ, самъ написалъ по этому дѣлу протоколъ, являвшій собой необычайно остроумное и талантливое литературное произведеніе. Но и это дѣлу не помогло. То, что прошло въ Судъ въ цѣломъ

рядѣ недомолвокъ и намековъ и что хорошо было извѣстно большинству москвичей того круга, въ которомъ вращалась Тупицына, воспроизвести въ протоколъ, конечно, было невозможно, а съ такимъ нечистоплотнымъ фактомъ, какъ появленіе Эрлангера въ качествѣ свидѣтеля-добровольца, не сочли возможнымъ не посчитаться и петербуржцы, и судьба старухи Тупицыной и остальныхъ обвиняемыхъ была рѣшена, такъ какъ всѣ ихъ жалобы были оставлены безъ уваженія.

Этими выдающимися изъ ряда другихъ дѣлами началось второе десятилѣтіе въ жизни реформированнаго суда, но апофеозомъ ихъ поистинѣ являлось дѣло такъ называемыхъ „червонныхъ валетовъ“.

ГЛАВА V.

Дѣло „червонныхъ валетовъ“.

Дѣло это, какъ я уже говорила, являлось собственно не однимъ, а тридцатью смѣшанными въ одну кучу дѣлами, причемъ по многимъ изъ нихъ такъ и нѣльзя было разобратъ, кто былъ жертвою, кто мошенникомъ, кто пособникомъ, и во всѣхъ такихъ случаяхъ они всѣ привлекались сообща, безъ различія пола и положенія, занимаемаго обвиняемыми въ надеждѣ, что судъ самъ сумѣетъ отдѣлить правыхъ отъ виноватыхъ.

И чего только въ числѣ этихъ дѣлъ не было! Было и убійство, была и поддѣлка государственныхъ билетовъ, было и кошунство, былъ и грабежъ, была и шулерская игра, былъ, наконецъ, цѣлый рядъ мошенничествъ,—ну, словомъ, отъ убійства до неуплаты 40 к. извозчику за проѣздъ включительно.

А надъ всѣми привлеченными къ этому дѣлу лицами висѣло страшное обвиненіе въ составленіи шайки съ цѣлью совершенія всевозможныхъ преступленій.

Главенство надъ этой шайкой обвиненіемъ приписывалось мѣщанину Павлу Шпейеру, о подвигахъ котораго въ Москвѣ ходили всевозможныя легенды. Однако, дѣйствительно грандіозныхъ продѣлокъ Шпейера слѣдствію обнаружить не удалось, а то, въ чемъ онъ оказался повиненъ, было такъ мелко и незамысловато, что современные дѣльцы по совѣсти могли бы его признать „мальчишкой и щенкомъ“.

Кто-же въ дѣйствительности былъ этотъ Шпейеръ? А былъ онъ именно тѣмъ, чѣмъ только и могъ быть человѣкъ,

выросшій въ той обстановкѣ, въ какой пришлось вырасти ему.

Ему было около 13 лѣтъ, когда на его сестрѣ, такой-же красавицѣ, какимъ былъ и онъ, женился кассиръ Кредитнаго общества Анитовъ, въ послѣдствіи судившійся вмѣстѣ съ директоромъ Кредитнаго общества С. К. Шильдбахомъ за всевозможныя злоупотребленія, имѣвшія мѣсто въ Кредитномъ обществѣ. Но въ то время, когда Анитовъ женился, С. К. Шильдбахъ былъ еще маленькимъ мальчикомъ, а директоромъ Кредитнаго общества состоялъ его отецъ Константинъ Карловичъ Шильдбахъ, человѣкъ огромнаго ума, отлично понимавшій, что если учрежденіе, ввѣренное ему, представляетъ собою житницу, изъ которой можно черпать милліоны, то съ внѣшней стороны оно должно быть обставлено такъ, чтобы уже не было ни сучка, ни задоринки, которые могли бы вызвать какую-бы то ни было ревизію. Этого онъ требовалъ отъ всѣхъ своихъ служащихъ, да и самъ держался этой политики до самой своей смерти.

А подъ флагомъ этой внѣшней безукоризненности всякій, кому удавалось подойти къ дѣлу поближе, могъ наживать столько, насколько у него хватало ума, и всѣ болѣе крупные служащіе Кредитнаго общества, являясь туда бѣдняками, въ самый короткій срокъ дѣлались крупными домовладѣльцами и становились людьми состоятельными.

Кассиръ Анитовъ былъ правою рукою К. К. Шильдбаха, и не удивительно, что по его просьбѣ на службу въ Кредитное общество еще 14-лѣтнимъ мальчикомъ былъ принятъ его шуринъ, Павелъ Шпейеръ.

Сидя подъ рукою у своего зятя, Шпейеръ быстро усвоилъ науку любостыжанія и, видя, какъ быстро всѣ окружающіе его наживаются, только и мечталъ о томъ днѣ, когда и онъ сможетъ заняться тѣмъ-же самымъ.

Но Шпейеръ-подростокъ мечталъ о наживѣ не за тѣмъ, чтобы деньги копить. Онъ уже зналъ цѣну своей красотѣ

и знать, что съ нею ему не труденъ будетъ доступъ ко всевозможнымъ благамъ жизни, и только ждалъ того момента, когда можно будетъ начать этими благами пользоваться.

Долго ему ждать не пришлось. Еще не достигнувъ 16 лѣтъ, онъ уже щеголялъ дорогими брилліантами, которыми его одаривали его состоятельныя поклонницы, и швырялъ деньгами въ кругу кутящей молодежи.

Но денегъ на эти кутежи требовалось много, и того, что онъ получалъ за свои ласки, нерѣдко не хватало, а отставать отъ другихъ не хотѣлось. Кредита, какъ мелкій служащій Кредитнаго общества, онъ имѣть не могъ, и пришлось добывать деньги способами нелегальными.

А такъ какъ въ деньгахъ нуждался не онъ одинъ, но и большинство тѣхъ юнцовъ, въ кругу которыхъ онъ вращался, то способы добыванія денегъ придумывались ими сообща, а затѣмъ, сообразно съ придуманнымъ, между ними распредѣлялись и роли.

Эти способы не были особенно замысловаты; чаще всего деньги выманивались въ видѣ залоговъ со служащихъ, будто бы принимаемыхъ на службу, или черезъ рекомендательныя конторы, учреждаемыя ими-же самими, или черезъ конторы по управленію имѣніями будто-бы богатыхъ замлевладельцевъ, тогда какъ у послѣднихъ ничего уже, кромѣ ихъ титуловъ, не оставалось и были они бѣднѣе церковной крысы.

Другой способъ состоялъ въ слѣдующемъ: кто-либо изъ кружка выдавался за очень состоятельнаго человѣка, въ доказательство чего поддѣлывались соотвѣтствующіе документы, а остальные товарищи являлись или въ качествѣ управляющихъ этого „богача“ или-же въ качествѣ его коммисіонеровъ и или учитывали его векселя, или-же выманивали для него товаръ на крупныя суммы, а затѣмъ этотъ товаръ спускали за что попало, находя хищниковъ, съ удовольствіемъ скупавшихъ у нихъ все за гроши.

Наконецъ, практиковался и такой способъ: заманивали они въ свою компанію купчика, или только-что получившаго въ руки крупное состояніе, или имѣющаго получить таковое въ непродолжительномъ времени; сначала приучали его къ кутежамъ, а затѣмъ спаивали до бѣлой горячки и въ такомъ видѣ брали съ него безвалютныя векселя, явленные нотаріальнымъ порядкомъ, и также учитывали ихъ за что попало.

И если обо всѣхъ этихъ продѣлкахъ, всегда заканчивавшихся гомерическими кутежами, въ Москвѣ много говорилось, то только потому, что молодежь, участвовавшая въ нихъ, принадлежала къ семьямъ, въ Москвѣ довольно известнымъ, а такъ какъ большинство изъ нихъ получило хорошее образованіе и было молодо, то этимъ продѣлкамъ въ большинствѣ случаевъ придавался комическій характеръ: потерпѣвшихъ не только обирали, но уже кстати и высмѣивали.

Правда, въ концѣ-концовъ одному изъ этихъ дѣлъ суждено было окраситься кровью, но это вышло совершенно неожиданно для всѣхъ, за исключеніемъ инициаторовъ этого убійства.

Всего привлеченныхъ по дѣлу „червонныхъ валетовъ“ въ качествѣ обвиняемыхъ было 50 человѣкъ, и всѣ они дѣлились на нѣсколько группъ, очень мало имѣвшихъ общаго одна съ другой.

Главную группу среди нихъ представляли молодые кутилы, во главѣ которыхъ стоялъ Шпейеръ. Сюда принадлежали: кн. Долгоруковъ, гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, Верещагинъ, отставные офицеры Голумбѣвскій и Николай Калустовъ, Протопоповъ, Массари, Давыдовскій, Огонь-Догановскій, Засѣцкій, Ануфриевъ, Топорковъ и Андреевъ,—все это были баричи, стыдившіеся труда и лишеній и считавшіе въ порядкѣ вещей кутежи на добытыя сомнительными путями средства. И это было для нихъ тѣмъ проще, что

нѣкорые изъ нихъ уже отбывали наказанія за другія продѣлки.

Такого-же міровоззрѣнія держались и купеческіе сынки, Мазуринъ и Пѣговъ, преданные своими семьями анашему за то, что вмѣсто того, чтобы наживать, они предпочитали проживать то, что уже нажито было ихъ старшими; они были за это извергнуты изъ своихъ семей и предоставлены собственнымъ силамъ.

Эти тоже ни до чего, кромѣ выдачи векселей по несуществующимъ довѣренностямъ, не додумались и фабриковали такіе векселя, пока не наступилъ часъ расплаты. Изъ нихъ Пѣговъ опустился уже настолько, что не брезговалъ ни кражами, ни даже грабежомъ, если не было возможности добыть денегъ инымъ путемъ; да этимъ не гнушались при случаѣ и другіе обвиняемые.

Къ этой-же группѣ слѣдствіемъ были сопричислены и Брюхатовъ, Петръ Калустовъ и Соболевъ-Ивановъ, а также Поливановъ и Никитинъ.

Но изъ нихъ трое обвинялись только въ кощунствѣ, такъ какъ въ концѣ-концовъ допились до того, что купили гробъ, въ который улегся Брюхатовъ, и, пригласивъ пѣвчихъ, заставили ихъ пѣть погребальныя псалмы и молитвы, а остальные товарищи стояли со свѣчами и кадили кадильницами.

Когда-же Брюхатову лежать въ гробу и слушать „вѣчную память“ надоѣло, гробъ было отправленъ обратно въ гробовую лавку, а пѣвчихъ усадили на дроги и повезли ихъ справлять поминки къ „Яру“, при чемъ пѣвчіе распѣвали скабрзные пѣсни, за что вся компанія и была задержана полиціей.

А вина Поливанова и Никитина, кажется, только въ томъ и заключалась, что они были знакомы съ кн. Долгоруковымъ и другими, и когда тѣмъ нужно было учитывать безвалютные векселя, то нѣкорые изъ этихъ векселей писались

на ихъ имя, а Поливанова и Никитина просили только поставить на тѣхъ векселяхъ бланки.

Другая группа состояла изъ прихлебателей, увивавшихся вокругъ этихъ барчатъ и за грошевыя подачки являвшихся дѣятельными помощниками во всѣхъ ихъ продѣлкахъ. Таковыми были Зильберманъ, Либерманъ, Мировичъ, Понасевичъ, Бреизъ, Эрганьянцъ и Дружининъ. Всѣмъ имъ было предъявлено обвиненіе въ пособничествѣ.

А въ качествѣ укрывательницъ привлекалась группа женщинъ, состоявшая изъ жены Шпейера, урожденной княжны Еникѣвой, и проститутокъ: Соколовой, Зміевой, Щукиной и Байковой, повинныхъ въ томъ, что онѣ состояли сожительницами обвиняемыхъ.

Третья группа состояла изъ лицъ, извлекавшихъ для себя пользу изъ всѣхъ тѣхъ операций, которыя продѣлывала эта молодежь. Они за безцѣнокъ скупали вещи, выманенныя тѣми у довѣрчивыхъ продавцовъ, учитывали за гроши многотысячные векселя, выданные по подложнымъ довѣренностямъ или выманенные у спившихся богатыхъ куличиковъ,—словомъ, реализировали все, что только стоило рискнуть реализовать. Это уже были настоящіе хищники, тутъ былъ и нотаріусъ Подковщиковъ, и частный повѣренный Славышенскій, и дисконтеры: Жардецкій, Грачевъ, Султанъ-Шахъ, Калининъ, Смирновъ, Фирсовъ, и даже извѣстный въ Москвѣ закладчикъ Поліевкъ Харлампіевичъ Чистяковъ, принявшій въ закладъ кое-какія изъ краденыхъ вещей, и, наконецъ, содержательница цыганскаго хора, старая цыганка Шишкина, чистосердечно на слѣдствіи сознавшаяся, что отказать такому красавцу, какъ Шпейеръ, въ учетѣ векселя она была не въ силахъ.

Впрочемъ, тутъ я должна оговориться: частный повѣренный Славышенскій въ число обвиняемыхъ по этому дѣлу не попалъ, не смотря на то, что онъ самъ руководилъ „коммерческими дѣлами“ этой еще недостаточно опытной

молодежи и извлекъ изъ этихъ операций наибольшую пользу. Онъ сумѣлъ остаться въ сторонѣ и даже грозилъ на нихъ же и донести въ тѣхъ случаяхъ, когда что-нибудь дѣлалось не по немъ.

Это не нравилось наиболѣе энергичнымъ изъ этой молодежи Плеханову и Ивану Давыдовскому, и они, видя, что Славышенскій очень грубо и цинично обращался со своею сожительницею Башкировой, не разъ выражали ей удивленіе, какъ она за такія оскорбленія не убьетъ Славышенскаго, а самъ Давыдовскій подарилъ ей и заряженный револьверъ.

Башкирова, соблазненная кѣмъ-то во Владивостокѣ, уѣхала со своимъ возлюбленнымъ въ Москву и здѣсь была имъ обобрана и брошена на произволъ судьбы безъ гроша денегъ, не имѣя здѣсь ни знакомыхъ, ни родныхъ. Въ эту злосчастную для нея минуту судьба свела ее со Славышенскимъ, который, взявшись ее содержать, впроголодь, считалъ за это себя вправѣ всячески надъ ней надругаться.

То онъ плевалъ на нее, то таскалъ за косу, то выгонялъ вонъ изъ квартиры, а затѣмъ снова лѣзъ къ ней съ ласками, вымаливая у нея прощенія.

Такія сцены ему, видимо, нравились, придавая особую остроту его съ нею сожительству, а у нея едва хватало силъ выносить его слюнявыя, старческія ласки, и только призракъ голода и страхъ оказаться на улицѣ заставлялъ съ нимъ мириться.

А искуситель Давыдовскій въ самыя тяжелыя для нея минуты, послѣ бурныхъ оскорбительныхъ сценъ, нашептывалъ ей: „надо его убить“.

И она, не справившись съ искушеніемъ, убила его. Убила въ ту минуту, когда онъ только-что оплевалъ ее и избилъ,—убила въ присутствіи своей горничной Дарьи Никифоровой, которая, конечно, меньше всего ожидала такого со стороны своей хозяйки порыва и съ крикомъ выскочила

изъ квартиры, когда раздался выстрѣлъ. И, несмотря на это, она все-таки была привлечена къ дѣлу какъ соучастница Башкировой.

Наконецъ, совершенно отдѣльную группу представляли собою Неофитовъ и Щукинъ. Оба они уже гораздо раньше были осуждены за поддѣлку фальшивыхъ денегъ, и связью ихъ съ остальными обвиняемыми является только одинъ билетъ государственной ренты въ 60 тыс. руб. каковой билетъ многіе изъ потерпѣвшихъ видали въ рукахъ Огонь-Догановскаго, который, подъ видомъ крупнаго заводчика, обиралъ у нихъ залого.

Слѣдствіемъ было установлено, что этотъ билетъ выплылъ на свѣтъ Божій изъ острога, но изъ чьихъ именно рукъ—такъ и осталось невыясненнымъ.

Неофитовъ и Щукинъ поддѣлку этого билета сваливали другъ на друга, а такъ какъ оба они уже были осуждены за такія-же преступленія, то и рѣшить, кто изъ нихъ былъ правъ, не было ни малѣйшей возможности.

Неофитовъ представлялъ собою крупную фигуру. Когда-то архитекторъ, участвовавшій въ постройкѣ храма Христа Спасителя, онъ, живя вмѣстѣ съ докторомъ Одаховскимъ въ Мамонтовской гостиницѣ, устроилъ въ той гостиницѣ мастерскую, въ которой они и выдѣлывали выигрышные билеты перваго займа. Билеты эти были такъ хорошо сработаны, что принимались и мѣнялись во всѣхъ банкахъ, и въ недалекомъ будущемъ этимъ людямъ предстояло сдѣлаться богачами.

На бѣду свою и своихъ помощниковъ, докторъ Одаховскій влюбился въ молодую дѣвушку изъ хорошей фамиліи, на которой и рѣшилъ жениться. Но у него была старая связь, отъ которой у него былъ пятилѣтній сынишка, и эта женщина, не желая уступить его молодой соперницѣ, предпочла погубить и его и себя и указала полиціи его мастер-

скую, въ которой онъ былъ накрытъ вмѣстѣ съ Неофитовымъ и другими пособниками.

По этому дѣлу всѣ они, не исключая и донесшей на нихъ Миклашевской, судились въ дореформенной Палатѣ уголовного Суда, приговоромъ которой и были осуждены въ каторгу. Сенатомъ этотъ приговоръ утвержденъ въ 1871 году, и вслѣдъ за Одаховскимъ отправилась въ Сибирь и его молодая жена, съ которою онъ обвинялся уже послѣ состоявшагося надъ нимъ приговора.

Но Неофитову перспектива далекой прогулки въ рудники не улыбалась, и онъ рѣшилъ лучше остаться въ московской тюрьмѣ, примазываясь ко всякимъ другимъ дѣламъ, пока не истечетъ срокъ назначенной ему каторги.

Очевидно, что и прикосновенность его къ дѣлу „валетовъ“ носила тотъ-же характеръ, но возможно, что билетъ, бывшій у Огонь-Догановскаго, вышелъ изъ его рукъ, такъ какъ экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ онъ такъ-же, какъ и выигрышные билеты доктора Одаховскаго, былъ признанъ поддѣлкой перваго разряда.

Но это нисколько не мѣшало ему валить поддѣлку этого билета на Щукина, осужденнаго по Гуслицкому дѣлу, и увѣрять, что Щукинъ изъ острога сбывалъ фальшивыя деньги при посредствѣ своей очень хорошенькой жены, которая на основаніи этого оговора тоже была привлечена къ этому дѣлу.

А такъ какъ это заявленіе Неофитова поддерживали и успѣвшіе уже къ тому времени попасть въ острогъ Плехановъ-Давыдовскій, Верецагинъ и Огонь-Догановскій, то положеніе Щукина было въ высшей степени серьезно.

Наконецъ, уже совершенно отдѣльно отъ другихъ стоялъ обвиняемый Адамчевскій. Очень богатый человекъ, онъ случайно познакомился въ Петербургѣ съ кн. Долгоруковымъ, когда за тѣмъ еще не числилось ничего предсудительнаго. Впослѣдствіи они встрѣтились какъ-то въ Москвѣ,

и кн. Долгоруковъ, жалуюсь Адамчевскому на задержку высылки изъ дому денегъ, тогда какъ ему безотлагательно нужно сдѣлать дорогой подарокъ одной молодой особѣ, просилъ его поручиться за него въ мѣховомъ магазинѣ Бѣлкина. Не зная, что Долгоруковъ уже лишенъ правъ, Адамчевскій за него поручился, и Долгорукову были отпущены мѣха тысячъ на восемь. Между тѣмъ Адамчевскому понадобилось поѣхать за границу, гдѣ проживала его семья.

Въ его отсутствіе наступилъ срокъ платежа за тѣ мѣха, и такъ какъ тогда-же была обнаружена неплатежеспособность кн. Долгорукова, а Адамчевскій, находившійся за границей, разысканъ не былъ, то онъ и былъ заподозрѣнъ, какъ соучастникъ кн. Долгорукова въ томъ, что помогъ ему выманить мѣха.

Вернувшись въ Россію и узнавъ, что и онъ привлекается по этому грязному дѣлу, Адамчевскій тщетно пытался уплатить долгъ, за который поручился,—это ему не помогло, и онъ былъ привлеченъ къ дѣлу какъ пособникъ обмана.

Разсмотрѣніе дѣла „червонныхъ валетовъ“, слѣдствіе по которому было возбуждено въ 1870 году, началось, наконецъ, 8 февраля 1877 года. Обставлено оно было такъ-же торжественно, какъ и дѣло Ссуднаго банка и, какъ и то дѣло, разсматривалось въ кругломъ Екатерининскомъ залѣ.

На этотъ разъ, ввиду того, что въ дѣлѣ участвовало болѣе 40 арестантовъ, инспекторъ зданія, Н. А. Манассеинъ, позаботился не только объ удобствахъ и комфортѣ публики и представителей прессы, но и о комфортѣ обвиняемыхъ.

Для нихъ на все время процесса, во время котораго они оставались въ Судѣ, въ верхнемъ этажѣ зданія были отведены три большія свѣтлыя комнаты, въ одной изъ которыхъ были помѣщены женщины, а въ двухъ другихъ—всѣ мужчины. Такъ какъ ночевать ихъ въ острогъ не возили, то для каждаго изъ обвиняемыхъ была поставлена кровать съ матрацемъ, подушкой, чистымъ бѣльемъ и байковымъ одѣяломъ.

Кромѣ того было отдано распоряженіе, чтобы изъ буфета имъ ежедневно подавался не только обильный обѣдъ и ужинъ, но и завтракъ, и не удивительно поэтому, что всѣ обвиняемые по этому дѣлу, въ острогѣ считавшіеся самымъ беспокойнымъ элементомъ, въ Судѣ вели себя вполне прилично и въ своемъ послѣднемъ словѣ всѣ единогласно заявили, что болѣе гуманнаго къ нимъ отношенія, чѣмъ то которымъ они были окружены въ Судѣ, они не встрѣчали со дня своего привлеченія къ дѣлу, и сочли долгомъ выразить Суду свою глубокую признательность.

Для публики на этотъ разъ, ввиду отсутствія гражданскихъ истцовъ, было отведено уже значительно больше мѣстъ, но тѣмъ не менѣе счастливы, получившіе на это дѣло билеты, составляли лишь незначительную горсть среди желавшихъ хоть на минутку заглянуть въ залъ засѣданія, и тѣ, кто въ концѣ-концовъ убѣдился, что проникнуть въ зданіе безъ билета нѣтъ ни малѣйшей возможности, продолжали толпою стоять на дворѣ, чтобы хоть взглянуть на обвиняемыхъ, когда ихъ доставятъ въ Судъ.

Несмотря на это, порядокъ въ Судѣ на этотъ разъ былъ безукоризненный. У главнаго входа въ круглый залъ стоялъ самъ прокуроръ Судебной Палаты и осматривалъ билеты выпускаемой въ залъ публики, въ боковыя-же двери доступа для постороннихъ не было совсѣмъ; въ одну изъ нихъ входили судьи, адвокаты и представители прессы, въ другую— вводились обвиняемые и свидѣтели, и такимъ образомъ возможность толкотни въ корридорахъ была устранена совершенно.

Для представителей адвокатуры это дѣло не было хлѣбнымъ, и потому корифеи ея заняли въ немъ наименѣе видныя роли, явившись больше для того, чтобы руководить молодежью. За то послѣдняя надѣялась на этомъ дѣлѣ стяжать славу, и каждый готовъ былъ защищать и двухъ, и трехъ обвиняемыхъ.

Началось засѣданіе по этому дѣлу торжественно. Сначала размѣстилась собравшаяся пораньше публика, а затѣмъ появились адвокаты и представители прессы. Затѣмъ ввели присяжныхъ засѣдателей, а вслѣдъ за ними вошелъ Судъ въ составѣ председателя С. С. Орловскаго и членовъ Суда А. М. Ранга и Rogozинскаго. вмѣстѣ съ нимъ вошли и обвинитель—товарищъ прокурора Н. В. Муравьевъ и прикомандированный къ нему на помощь другой товарищъ прокурора и секретарь, и когда всѣ они заняли свои мѣста, стали группами вводить обвиняемыхъ. Сначала привели женщинъ и помѣстили ихъ за рѣшеткой впереди, затѣмъ привели двѣ группы мужчинъ-арестантовъ и, наконецъ, группу въ 11 лицъ, оставшихся на свободѣ.

Эта послѣдняя группа, за исключеніемъ Адамчевскаго, по какому-то недоразумѣнію притянутого по дѣлу Долгорукова, и Брюхатова, П. Калустова и Соболева-Иванова, обвинявшихся въ кощунствѣ, состояла изъ людей пожилыхъ, пожилавшихъ плоды продѣлокъ остальныхъ обвиняемыхъ, и злыми, волчьими глазами оглядывала и судей, и собравшуюся на это всенародное позорище публику.

Арестованная молодежь, наоборотъ, держала себя развязно, видимо, рисуясь своимъ положеніемъ, и въ качествѣ героевъ процесса побѣдоносно оглядывала собравшихся.

Рисовались и молодые адвокаты,—вѣдь, не всякому и не каждый день удастся имѣть передъ собою такую избранную и многочисленную аудиторію.

Только женщины-арестантки, чувствуя на себѣ сотни любопытныхъ глазъ, видимо, конфузились, стараясь побольше сдвинуть на лицо свои бѣлые платочки.

Начался процессъ самымъ неожиданнымъ инцидентомъ. Одинъ изъ арестантовъ, Султанъ-Шахъ, обвинявшійся въ томъ, что учелъ одинъ изъ подложныхъ векселей, оказался психически-ненормальнымъ и шумѣлъ, ни къ кому собственно не обращаясь, утверждая, что онъ царь армянъ, сердился,

что его здѣсь задерживаютъ, тогда какъ въ Нахичевани его ждутъ неотложныя дѣла. Пришлось его изъ засѣданія вывести и дѣло о немъ выдѣлить.

Не успѣли присутствовавшіе оправиться отъ произведеннаго Султанъ-Шахомъ тяжелаго впечатлѣнія, какъ поднялся другой обвиняемый и, ссылаясь на свое болѣзненное состояніе, просилъ Судъ разрѣшить ему удалиться въ арестантскую комнату, пока очередь не дойдетъ до его дѣла. Это былъ доживавшій свои послѣдніе дни чахоточный Никитинъ, и Судъ не счелъ возможнымъ удерживать больного, за котораго остался его защитникъ, присяжный повѣренный Выше-славцевъ.

Больныхъ увели, но публику ожидало еще новое разочарованіе; оказалось, что главный обвиняемый, представившій наибольшій интересъ, Павелъ Шпейеръ, успѣлъ во время слѣдствія скрыться и уѣхать за границу.

Но это настроеніе чувствовалось не долго. Чтеніе обвинительнаго акта, длившееся нѣсколько часовъ, привлекло вниманіе слушателей, а опросъ обвиняемыхъ, признають-ли они себя виновными, внесъ въ дѣло комическій элементъ.

Никто изъ нихъ и не думалъ считать себя виновнымъ.

Особенно жестикулировалъ и волновался Андреевъ, оставшійся офицеръ, впоследствии сдѣлавшійся танцмейстеромъ и содержавшій сомнительной репутаціи танцклассъ, принимавшій самое горячее участіе и въ подлогахъ, и въ учетѣ подложныхъ векселей.

Но въ первые дни разсмотрѣнія процесса обвиняемые все-таки до нѣкоторой степени сдерживались, когда-же большинство изъ защищавшей ихъ молодежи стало съ ними амикошонничать, относясь къ нимъ не какъ къ подзащитнымъ, а какъ къ товарищамъ, они распустились окончательно и стали паясничать и кривляться, всячески стараясь смѣшить публику, въ надеждѣ, конечно, вызвать къ себѣ снисхожденіе.

Такъ, напримѣръ, оставшій офицеръ Голумбѣевскій, повѣствуя о томъ, какъ, нанявшись лакеемъ къ винному заводчику Яфа, онъ укралъ его дорогую шубу и шапку, особенно подчеркивалъ то обстоятельство, что, въ отвѣтъ на приказаніе хорошенько все убрать, онъ пообѣщалъ убрать все „на совѣсть“ и дѣйствительно стащилъ все, что могъ, и изъ кабинета, и изъ прихожей. Рассказывалъ это Голумбѣевскій съ такими ужимками, какъ-будто Яфа сдѣлалъ что-то предосудительное, а онъ его наказалъ.

Затѣмъ тотъ-же Голумбѣевскій и Верещагинъ хвастливо рассказывали о томъ, какъ они морочили слѣдователя, когда онъ пообѣщалъ имъ всевозможныя льготы за то, чтобы они исполняли по отношенію къ своимъ товарищамъ функции сыщиковъ. Льготами-то этими они воспользовались, но за нихъ всячески морочили слѣдователя, стараясь всегда навести его на ложный слѣдъ.

Слушая такіе рассказы, хихикали и нѣкоторые изъ защитниковъ, хихикалъ кое-кто и въ публикѣ, но въ общемъ эти рассказы хорошаго впечатлѣнія не производили; наоборотъ, такая беззащѣтность со стороны людей, получившихъ образованіе, производила угнетающее впечатлѣніе: не хотѣлось вѣрить, что люди, еще такіе молодые, такъ низко пали, что не стыдятся своихъ позорныхъ поступковъ.

Это гнетущее впечатлѣніе подмѣтили наиболѣе умные изъ обвиняемыхъ—Неофитовъ и Давыдовскій, надъ которыми висѣло особенно тяжкое обвиненіе: въ поддѣлкѣ государственнаго билета—надъ первымъ и въ подстрекательствѣ къ убійству Славышенскаго—надъ другимъ.

Они и принимали мѣры къ тому, чтобы обуздать своихъ игривыхъ товарищей, особенно послѣ того, какъ въ качествѣ свидѣтельницы передъ Судомъ прошла на костыляхъ 85-лѣтняя старуха, мать обвиняемаго Массари, когда-то богатая помѣщица, ввѣрившаяся своему единственному сыну, не только прокутившему все ея состояніе и пустившему ее по

міру, но еще и воспользовавшемуся выданною ему довѣренностью и надѣлавшему отъ ея имени массу долговъ, за что ее и посадили доживать свой вѣкъ въ долговое отдѣленіе.

Эта несчастная старуха, еще и тогда продолжавшая вѣрить въ необычайныя способности сына, ничего не сумѣла объяснить Суду о томъ куда дѣвалось ея огромное состояніе, и только и твердила: „спросите его, онъ все знаетъ“, а на вопросъ Суда, не было-ли у нея долговъ, наивно отвѣчала: „какіе-же у меня долги? Можетъ-быть, рублей сто долгу и было“.

А между тѣмъ ея имѣніе, стоившее десятки тысячъ, уже послѣ того, какъ оно за долги ея сына было продано съ молотка и перешло въ другія руки, было ея сыномъ при помощи его пріятелей трижды продано разнымъ лицамъ, съ которыхъ были взяты задатки,—съ кого десять тысячъ, съ кого восемь, съ кого семь тысячъ. Лица, потерпѣвшія отъ такихъ продѣлокъ, и не пощадили старухи.

Убѣдившись, что болѣе опытные товарищи говорятъ правду, что такое безшабашное поведеніе даетъ лишніе козыри обвинителю и производитъ отталкивающее впечатлѣніе, обвиняемые стали немного сдерживаться въ присутствіи Суда, но за-то во время перерывовъ желали наверстать потерянное время съ лихвой и или рассказывали своимъ защитникамъ другія свои продѣлки, которыя до Суда не дошли, или показывали свое искусство дѣлать подложныя подписи, доведенное Верецагинымъ дѣйствительно до такого совершенства, что человѣкъ, только-что сдѣлавшій свою подпись, послѣ того, какъ Верецагинъ дѣлалъ съ нею рядомъ такую-же, не въ состояніи былъ отличить, какая подпись сдѣлана имъ и какая Верецагинымъ, причемъ дѣлалось это такъ просто, какъ-будто это былъ обычный почеркъ Верецагина,—или-же, наконецъ, рассказывали защитникамъ скабрзные анекдоты.

Адвокатамъ, повидимому, все это нравилось и они въ свою очередь спѣшили подѣлиться всѣмъ, что слышали, съ

тѣми изъ публики, кто относился ко всему этому менѣе брезгливо.

Такое некорректное поведеніе многихъ изъ членовъ адвокатуры на Судѣ было съ первыхъ-же дней судебного разбирательства отмѣчено прессой, которая, дружно ихъ порицая, указывала Совѣту на необходимость принять какія-нибудь мѣры противъ огульнаго растлѣнія нравовъ цѣлой корпораціи.

Особенно жестоко доставалось не въ мѣру расходившимся адвокатамъ отъ фельетониста самой распространенной въ то время газеты, доставалось такъ, что одинъ изъ юныхъ адвокатовъ, не выдержавъ, вызвалъ фельетониста на дуэль.

Послѣдній вызова, конечно, не принялъ, справедливо замѣтивъ въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ фельетоновъ, что если-бы онъ сталъ принимать вызовъ отъ всѣхъ, кого онъ осмѣиваетъ, то ему не осталось-бы времени на то, чтобы писать, а пришлось-бы стоять у барьера и стрѣлять, стрѣлять, стрѣлять...

А между тѣмъ эта невиданная до тѣхъ поръ разнузданность адвокатовъ имѣла свою причину.

Еще весной 1876 г. въ адвокатуру въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго вступилъ 3-нъ, молодой человѣкъ, только-что кончившій курсъ въ юридической коллегіи въ Парижѣ. Вернувшись на родину, онъ и привезъ съ собою ту „свободу морали“, которая уже и тогда царила во Франціи.

Всѣ тѣ мотивы, которые уже звенѣли въ воздухѣ, все то, что большинство изъ представителей адвокатуры уже лелеяло въ душѣ, не дерзая однако высказать вслухъ, 3-нъ формулировалъ коротко: „то, что не предусмотрено, то дозволено“ и сообразно съ этою немудрою философіей сталъ и поступать.

До того времени и говорить-то такъ дерзалъ одинъ Лохвицкій, но эта этика до такой степени казалось заман-

чивой, примѣръ чловѣка, прибывшаго изъ Европы, былъ такъ заразителенъ, что послѣдователи этого ученія стали расти, какъ грибы.

Не только Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, но и прокуратурѣ пришлось принимать противъ этихъ „новаторовъ“ самыя суровыя мѣры. Но ни исключеніе изъ сословія, ни даже привлеченіе къ уголовной отвѣтственности однихъ уже не удерживало другихъ отъ повторенія того, что такъ или иначе удовлетворяло аппетиты.

Правда, З-нъ, который впервые провозгласилъ эти принципы, не особенно долго засидѣлся въ корпораціи; ему намекнули, что лучше ему уйти и онъ, покинувъ не гостепріимную Москву, гдѣ-то на югѣ занялся торговлей, но самыя его принципы оказались до такой степени жизненными, что объ искорененіи ихъ теперь, 35 лѣтъ спустя, уже не можетъ быть и рѣчи,—они приобрѣли права гражданства и этику прошлаго устраняютъ, какъ анахронизмъ.

Оставленъ одинъ девизъ: „что выгодно, то и хорошо“ съ крошечнымъ добавленіемъ: „кто не уличенъ, тотъ не воръ“.

Но возвращаясь снова къ „валетамъ“, въ числѣ защитниковъ которыхъ былъ и З-нъ. Цѣлый мѣсяцъ длился этотъ процессъ, являя собою то тяжелую драму съ трагическимъ концомъ, то безшабашный фарсъ, смотря по тому, какая изъ продѣлокъ разсматривалась.

Наконецъ, три недѣли спустя, слѣдствіе закончилось, и начались судебныя пренія. Продефилировавшіе передъ Судомъ свидѣтели, въ числѣ свѣше трехсотъ чловѣкъ, дали обвинителю обильный матеріалъ и хотя слѣдствіе дѣйствительно было крайне несовершенно, но многое дополнялось или разсказами самихъ обвиняемыхъ, или тѣми опроверженіями, которыя они выставляли противъ свидѣтельскихъ показаній.

Удачно скомбинировавъ всѣ эти данныя, въ связи съ личностью каждаго изъ обвиняемыхъ, ярко опредѣлившіеся

втеченіе этихъ трехъ недѣль, Н. В. Муравьевъ и началъ свое обвинительное слово. Почти два дня длилась эта замѣчательная рѣчь. Сильная и эффектная, она до такой степени захватывала вниманіе слушателя, что когда онъ яркими красками набрасывалъ какую-нибудь картину, такъ и казалось, что воочию видишь ее.

Несомнѣнно, что ни раньше, ни потомъ публикѣ не удавалось слышать ничего подобнаго.

Массу прекрасныхъ рѣчей этого талантливаго оратора слышали его современники, но по силѣ впечатлѣнія съ рѣчью по дѣлу „валетовъ“ не могла сравняться ни одна. Даже обвиняемые и тѣ не вдругъ отдѣлались отъ произведеннаго на нихъ этою рѣчью впечатлѣнія.

Блѣдно и безцвѣтно звучали послѣ нея рѣчи неопытныхъ защитниковъ въ наполовину опустѣвшемъ залѣ засѣданія. Только когда дошелъ чередъ до корифеевъ адвокатуры — Пржевальскаго, Плевако и Лохвицкаго, засѣданіе снова привлекло публику и вниманіе къ дѣлу возросло. Изъ болѣе же юныхъ адвокатовъ сильное впечатлѣніе произвела рѣчь только Куперника, закончившаго свою красивую рѣчь сравненіемъ слѣдственной власти по этому дѣлу съ герцогомъ Альбой, пославшимъ всѣхъ протестантовъ на костеръ, въ надеждѣ, что Господь Богъ уже самъ на томъ свѣтѣ разберетъ, кто изъ нихъ былъ еретикъ и кто нѣтъ.

Но главнымъ образомъ на выручку адвокатамъ пришли сами обвиняемые. Какъ народъ, если и не особенно глубоко образованный, но во всякомъ случаѣ далеко не глупый и успѣвшій уяснить себѣ мотивы, которые въ концѣ-концовъ привели ихъ на скамью подсудимыхъ, они въ своемъ послѣднемъ словѣ много и долго говорили о томъ, что они сами являются жертвами того дореформеннаго строя, который, отходя въ вѣчность, ни на комъ не отразился такъ жестоко, какъ на нихъ, застигнутыхъ реформой въ томъ злосчаст-

номъ возрастѣ, когда человѣкъ, переставъ быть ребенкомъ, не успѣлъ еще сдѣлаться взрослымъ.

Что видѣли они въ этомъ возрастѣ, когда человѣкъ бываетъ особенно впечатлительнъ? Озлобленныхъ отмѣной крѣпостничества родителей, привыкшихъ жить трудомъ другихъ и стыдившихся труда, какъ чего-то несовмѣстимаго съ ихъ достоинствомъ. Отъ этихъ родителей, которыхъ они любили и которымъ поэтому вѣрили, они ничего не слыхали, кромѣ проклятій тѣмъ вѣяніямъ, которыя вызвали эту реформу, кромѣ безплодныхъ сожалѣній о безпечальномъ житьѣ, котораго они по чьей-то прихоти лишились, кромѣ жалобъ на то, что кто-то и почему-то поступилъ съ ними несправедливо и обрекъ ихъ на нищету и униженія.

Правда, у нихъ были учителя и наставники, но и они не вносили въ ихъ души ничего освѣжающаго. Они говорили имъ о прелести труда и въ тоже время не давали имъ ровно никакихъ знаній, которыя можно было-бы примѣнить къ трудовой жизни, говорили о справедливости, а сами очень часто бывали къ нимъ несправедливы, говорили, что бѣдность—не позорна, а сами ея стыдились,—чего не могли не подмѣтить дѣти; глумясь надъ ихъ барскимъ происхожденіемъ, сами готовы были поступиться всѣмъ, чѣмъ угодно, лишь-бы сойти за настоящихъ господъ.

Вытолкнутые на арену жизни безъ всякаго нравственнаго сагажа, безъ средствъ, проживать которыя безъ ечета они были приучены съ дѣтства, они оцупью, какъ слѣпцы, должны были отыскивать тѣ пути, по которымъ имъ надлежало идти. Можно-ли ихъ винить за то, что очутившись въ безвыходномъ положеніи, они по неволѣ свернули на путь, приведшій ихъ на скамью подсудимыхъ? На этомъ пути они встрѣтили людей, готовыхъ ихъ выручить, а попавъ въ ихъ сѣти, выпутаться изъ нихъ уже не могли. Тогда въ отчаяніи бросились они напроломъ, спотыкаясь и падая и, зная, что семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ, уже заботились только объ од-

номъ,—чтобы взять отъ жизни какъ можно больше, пока не пробьетъ часъ расплаты.

И это не были пустые слова людей, желавшихъ выклянчить снисхожденіе,—это дѣйствительно было ими пережито и перечувствовано въ томительные часы тюремнаго досуга.

Что это было именно такъ, можно съ положительностью утверждать потому, что, какъ оказалось впоследствии, всѣ они, вынужденные въ Сибири начать новую жизнь, поняли, наконецъ, что трудъ не только не позоренъ, но что и самое человѣческое существованіе безъ него невозможно и начали работать какъ каждый могъ и умѣлъ.

Такъ, кн. Долгоруковъ, живя въ Томскѣ, занялся адвокатурой и нажилъ хорошее состояніе. Гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, проживавшій въ Красноярскѣ, занялся изданіемъ путеводителя по Сибири. И этотъ путеводитель по свей полнотѣ и изяществу оставилъ далеко за собою все, что въ этомъ родѣ выходило.

Занялся въ Сибири дѣломъ и Верещагинъ, а Пѣговъ, за которымъ послѣдовала въ ссылку его жена, открылъ торговлю. Жилъ онъ небогато, но когда умерли его родители и на его долю осталось огромное состояніе, онъ отъ этого наслѣдства отказался въ пользу своихъ братьевъ, не желая пользоваться проклятыми деньгами, загубившими его молодость.

Итакъ, все сказанное обвиняемыми въ послѣднемъ словѣ было и правдиво и искренне и наводило присутствовавшихъ на грустные размышленія, но особенно потрясающее впечатлѣніе произвело послѣднее слово Никитина.

Втеченіе мѣсяца, пока разсматривался этотъ процессъ, его болѣзнь развивалась съ необычайною быстротой (онъ умеръ черезъ три дня по выходѣ на свободу) и, чтобы сказать свое послѣднее слово, онъ спустился внизъ, въ залу засѣданія, уже почти умирающимъ. И вотъ, задыхаясь и

кашляя, онъ сталъ рассказывать о томъ, что пришлось ему пережить.

Кончивъ гимназію, онъ пріѣхалъ въ Москву, чтобы пристроиться къ какому-нибудь дѣлу. Онъ нашелъ мѣсто съ жалованьемъ въ 75 рублей въ мѣсяцъ. Въ то-же время онъ женился и такъ какъ на его жалованье жить вдвоемъ было трудно, то ему помогала его мать.

Но вотъ онъ былъ задержанъ за то, что пьяный извозчикъ требовалъ съ него больше, чѣмъ слѣдовало, а онъ лишнихъ денегъ платить не желалъ. На шумъ, производимый извозчикомъ, подошелъ шедшій дозоромъ квартальный надзиратель. Не разобравъ, въ чемъ дѣло, квартальный принялъ сторону извозчика; это Никитина возмутило и онъ наговорилъ квартальному дерзостей. За это его повели въ участокъ для составленія протокола, а затѣмъ, много времени спустя, при разсмотрѣніи этого протокола, обнаружилось, что фамилію его, Никитина, упоминалъ кто-то изъ привлеченныхъ по дѣлу „валетовъ“, какъ человѣка, купившаго по его просьбѣ вексельную бумагу, на которой впоследствии былъ составленъ подложный вексель отъ имени Каулина.

Этого оказалось вполне достаточно, что-бы и его пристегнуть къ этому несчастному дѣлу и хотя ничего болѣе по отношенію къ нему слѣдствіемъ обнаружено не было, но уже одно то, что онъ былъ знакомъ съ лицомъ, участвовавшимъ въ составленіи подложныхъ векселей, являлось достаточнымъ поводомъ для его ареста.

Конечно, онъ тогда-же лишился мѣста, а мать его, узнавъ, что онъ привлеченъ по дѣлу валетовъ и рѣшивъ, что онъ примкнулъ къ шайкѣ какихъ-то бандитовъ, совершенно отъ него отказалась и перестала ему помогать.

Такимъ образомъ его молодая жена сразу осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію, а онъ, лишенный свободы, былъ безсиленъ чѣмъ-нибудь ей помочь.

Было, отъ чего впасть въ отчаяніе... Здоровье его надломилось и теперь онъ умираетъ и если онъ не покончилъ съ собою раньше, то только потому, что, вѣря въ правосудіе, не захотѣлъ умереть съ пятномъ на своей репутаціи. Онъ знаетъ, что часы его уже сочтены, но онъ не мирится съ подозрѣніемъ и хочетъ уйти изъ жизни оправданнымъ.

Съ неподдѣльнымъ ужасомъ слушала публика эту горькую жалобу умирающаго. Въ томъ, что онъ будетъ оправданъ, никто, конечно, не сомнѣвался, но доживетъ-ли онъ до этого оправданія, это еще былъ вопросъ и страшнымъ призракомъ въ умѣ cadaго возникла мысль: „во имя чего же загублена эта молодая жизнь?“

Грязнымъ пятномъ ложилось это несчастное дѣло на дѣятельность реформированнаго Суда, до тѣхъ поръ считавшуюся всеми кристально-чистой.

Не справились съ этимъ запутаннымъ дѣломъ какъ слѣдуетъ и присяжные засѣдатели. Да оно и понятно: почти цѣлый мѣсяцъ сидѣли они въ Судѣ, какъ-бы подъ арестомъ, оторванные отъ своихъ семей и лишенныхъ домашняго уюта. Цѣлый мѣсяцъ слушали они запутанное слѣдствіе, въ сущности очень плохо разработанное, выслушали болѣе трехсотъ свидѣтелей и около пятидесяти рѣчей, не столько служившихъ къ разъясненію наиболѣе запутанныхъ деталей, его сколько къ тому, чтобы ихъ еще болѣе запутать. Наконецъ, пережили все то, что воплемъ вырвалось изъ груди гибнущей молодежи въ послѣднемъ словѣ, пережили и перестрадали предсмертную жалобу умирающаго Никитина.

А къ довершенію всего вопросный листъ, врученный имъ для разрѣшенія, заключалъ въ себѣ около 200 вопросовъ, которые такъ или иначе имъ предстояло разрѣшить, работая надъ ними безъ передышки.

Понятно, что все это вмѣстѣ являло собою гигантскій трудъ и если онъ былъ выполненъ не вполне удачно, то

винить за это людей, посильно выполнивших эту тяжелую задачу, было-бы неосновательно.

19 человекъ изъ 45 обвиняемыхъ, бывшихъ въ Судѣ налицо, были оправданы. Изъ нихъ въ первую голову, конечно, были оправданы всѣ женщины и это вполне понятно: вѣдь изъ 9 обвиняемыхъ женщинъ пять были профессиональныя прѣститутки и обвинять ихъ за то, что онѣ были недостаточно разборчивы въ выборѣ своихъ возлюбленныхъ и не доносили на нихъ, когда тѣ поступали некорректно, было-бы абсурдомъ.

Изъ нихъ только Башкирова, оправданная въ убійствѣ Славышенскаго, была обвинена въ кражѣ, совершенной вмѣстѣ съ Плехановымъ, Давыдовскимъ и другими обвиняемыми, и то это было сдѣлано согласно ея просьбы, такъ какъ это давало ей возможность быть сосланной на житье въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а безъ этого ей вернуться на родину, во Владивостокъ, не представлялось ни малѣйшей возможности. И Судъ эту просьбу ея исполнилъ, назначивъ ей мѣстомъ ссылки именно Владивостокъ.

Но вмѣстѣ съ этими женщинами и дѣйствительно ни въ чемъ неповинными Адамчевскимъ, Поливановымъ и Никитинымъ, были оправданы и ростовщики, пожинавшіе плоды тѣхъ преступленій, которыя совершала втравливаемая ими въ эти преступленія молодежь.

Что-же касается обвиняемыхъ, то хотя по отношенію къ нимъ и были отвергнуты нѣкоторыя отягчающія вину обстоятельства, но главное изъ нихъ—принадлежность къ шайкѣ—по отношенію къ большинству обвиняемыхъ было признано доказаннымъ, и это значительно усугубило имъ наказаніе: только благодаря этому большинство обвиняемыхъ и пошло въ Сибирь. И лишь обвиненные въ кощунствѣ отдѣлялись сравнительно краткосрочнымъ заключеніемъ.

Но этимъ однако дѣлу „о червонныхъ валетахъ“ не суждено было кончиться. Нѣсколько лѣтъ спустя всплыло на

свѣтъ Божій другое дѣло, героемъ котораго являлся присяжный повѣренный К. и которое непосредственно вытекало изъ того-же дѣла.

К., тогда еще будучи помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, защищалъ въ дѣлѣ „валетовъ“ обвиняемую Щукуну, которую другіе обвиняемые оговаривали въ томъ, что она обывала фальшивыя деньги, которыя ея мужъ, обвиненный по гуслицкому дѣлу, продолжалъ дѣлать и въ острогѣ.

Опровергая этотъ оговоръ въ Судѣ, красавица Щукина ссылалась на то, что хотя она изрѣдка и навѣщала мужа въ острогѣ, но помогать ему сбывать что-бы то ни было ей не было надобности, такъ какъ она въ то время находилась на содержаніи у хорошаго и богатаго господина.

Защитникъ ея, узнавъ имя этого господина, а также и то, что у его кліентки есть отъ него интимныя письма, рѣшилъ это обстоятельство использовать въ свою пользу.

Узнавъ затѣмъ, что господинъ тотъ занимаетъ настолько видное положеніе въ Москвѣ, что для него не особенно будетъ удобна огласка его близости съ прѣституткой, да еще вдобавокъ фигурирующей въ качествѣ обвиняемой въ такомъ громкомъ процессѣ, К., убѣдивъ свою подзащитную отдать ему на храненіе шкатулку съ тѣми письмами, сталъ этого господина шантажировать, требуя съ него отъ имени своей кліентки 25 тыс. руб. подъ угрозой эту переписку опубликовать.

Тотъ и не подумалъ исполнить это требованіе. Сначала онъ оставилъ его безъ всякаго отвѣта, а затѣмъ, когда это требованіе стало назойливѣй, объяснился со Щукиной и, узнавъ, что эти деньги требуются не только безъ ея согласія, но даже и безъ ея вѣдома, подалъ на К. жалобу прокурору, обвиняя его въ шантажѣ.

Сначала подъ этимъ именно названіемъ и разсматривались дѣла этого рода, и только впоследствии, когда другой

присяжный повѣренный Г. былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности за шантажъ Кошелева, Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что понятіе о шантажѣ должно приравливаться къ обыкновенному мошенничеству.

Но это разъясненіе послѣдовало много лѣтъ спустя. К.-же былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности за шантажъ и по обычаю того времени по возбужденіи слѣдствія былъ заключенъ въ острогъ.

Но прежде еще, чѣмъ дошелъ чередъ до К., непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ дѣла „валетовъ“ былъ привлеченъ къ дисциплинарной отвѣтственности Лохвицкій, хотя не по этому, а по другому дѣлу.

Какъ-разъ въ то время, когда присяжные засѣдатели ушли совѣщаться и рѣшать судьбу московской молодежи, Лохвицкій выѣхалъ въ Тулу, гдѣ на другой день должно было разматриваться дѣло вдовы генералъ-лейтенанта Александровичъ, пытавшейся застрѣлить камеръ-юнкера Селезнева за то, что онъ сдѣлалъ оскорбительное предложеніе ея 17-лѣтней дочери. Оскорбленная до глубины души мать настигла обидчика уже на вокзалѣ города Тулы, откуда онъ намѣревался уѣхать въ Москву, и здѣсь хотѣла его застрѣлить. Сдѣлать этого ей однако не удалось, такъ какъ она не сумѣла вынуть изъ револьвера шомполъ, а Селезневъ, увидавъ въ ея рукахъ смертоносное оружіе, сталъ кричать „караулъ“. Обѣжавшимся на его крикъ народомъ г-жа Александровичъ была обезоружена, и ихъ обоихъ повели въ контору для составленія протокола.

Тѣмъ временемъ поѣздъ, на которомъ собирався ѣхать Селезневъ въ Москву, ушелъ, и билетъ II класса, взятый и стоящій до Москвы около 4-хъ рублей, остался неиспользованнымъ.

И когда г-жу Александровичъ привлекли за покушеніе на убійство къ уголовной отвѣтственности, Селезневъ, извѣстный московскій богачъ, получавшій болѣе 40 тыс. го-

дового дохода, пожелалъ участвовать въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ гражданскаго истца, опредѣливъ цѣну своего иска въ 4 рубля, т.-е. въ цѣну неиспользованнаго имъ билета отъ Москвы до Тулы.

За то, чтобы поддержать этотъ четырехрублевый искъ, Лохвицкій взялъ съ Селезнева 5 тыс. руб. и 500 руб. судебныхъ; этого онъ не скрывалъ ни отъ кого, но за то на всѣ эти пять тысячъ и старался.

Прежде всего онъ непремѣнно требовалъ, чтобы въ качествѣ свидѣтельницы явилась на судъ 17-лѣтняя дочь обвиняемой, желая ее допросить, въ какой формѣ сдѣлалъ ей оскорбительное предложеніе Селезневъ, и объясняя ея нежеланіе фигурировать на судѣ тѣмъ, будто-бы она не желаетъ говорить противъ своей матери.

Понятно, что въ этомъ требованіи Судомъ ему было отказано. Тогда еще никакое судебное дѣйствіе не могло производиться при закрытыхъ дверяхъ, — принципъ гласности уважался въ полной мѣрѣ, и если изъ этого не вытекало скандаловъ, то потому, конечно, что извѣстные требованія приличія были для всякаго тогда обязательны и со стороны Лохвицкаго еще только намѣчались попытки игнорировать ихъ публично, но и ему это не проходило даромъ.

Публика, собравшаяся послушать это дѣло, не стѣсняясь, выражала ему за эти попытки свое презрѣніе, дѣлая вслухъ по его адресу самыя колкія замѣчанія, — до того колкія, что, несмотря на его убѣжденіе, что „брань на вероту не виснетъ“, онъ все-таки, видимо, переживалъ это презрѣніе, такъ какъ за время засѣданія ему два раза дѣлалось дурно и одинъ разъ настолько сильно, что Суду пришлось сдѣлать небольшой перерывъ.

Пресса въ свою очередь не спустила этого выступленія Лохвицкому и съ такою горячностью осуждала выраженное имъ желаніе проинсинуировать потерпѣвшую дѣвушку, что въ концѣ-концовъ онъ былъ привлеченъ за это Совѣтомъ

къ дисциплинарной отвѣтственности и на нѣсколько мѣсяцевъ ему была запрещена практика.

Въ судебномъ мірѣ точно такъ-же, какъ и послѣ всякаго крупнаго процесса, и послѣ дѣла „валетовъ“ произошли перемѣщенія.

Какъ послѣ дѣла Ссуднаго банка П. А. Дейеръ былъ переведенъ въ Петербургъ, а на его мѣсто председателемъ Суда былъ назначенъ В. Н. Лавровъ, такъ и послѣ дѣла „валетовъ“ С. Я. Орловскій былъ назначенъ председателемъ департамента Судебной Палаты, а на его мѣсто товарищемъ председателя 3-го отдѣленія Суда былъ назначенъ Е. Р. Ринкъ.

ГЛАВА VI.

Конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ.

Е. Р. Ринкъ не былъ такимъ кристалльно-чистымъ идеалистомъ, какимъ былъ С. Я. Орловскій, но всѣ его недостатки искупались его умомъ и талантомъ, а такъ какъ къ тому-же онъ былъ человѣкъ холостой и безсемейный и вся его личная жизнь главнымъ образомъ сосредоточивалась въ судебныхъ засѣданіяхъ, а домой онъ ѣхалъ только отдыхать, то неудивительно, что онъ каждому изъ засѣданій и старался, и умѣлъ придать глубокій интересъ. Онъ не только судилъ, но и каждымъ своимъ нервомъ переживалъ всякое попадавшее въ его отдѣленіе дѣло, и, всегда умѣло имъ освѣщенное, оно являлось не отдѣльнымъ эпизодомъ изъ жизни того или другого обвиняемаго, а всегда страницей изъ жизни той или другой общественной среды, среди которой протекала жизнь и дѣятельность обвиняемаго.

Поэтому-то залъ засѣданій 3-го отдѣленія всегда былъ переполненъ публикой, и вся Москва отлично знала тѣ дни, въ которые засѣдаетъ Е. Р. Ринкъ, совершенно безразлично отъ того, какія дѣла будутъ у него разсматриваться—мелкія или крупныя. И никто не умѣлъ обставить такъ торжественно крупныя процессы, какъ это ухитрялся дѣлать Евгенийъ Романовичъ.

Слишкомъ 16 лѣтъ занималъ онъ свое председательское кресло, и на его памяти не осталось ни одного наре-

канія относительно того, что онъ былъ недостаточно внимателенъ къ судьбѣ обвиняемаго.

Эта его заботливость какъ нельзя болѣе выразилась въ дѣлѣ Лукерьи Волковой и Родіона Финогенова, обвинявшихся въ убійствѣ мужа Лукерьи.

Это тяжелое дѣло въ первый разъ разсматривалось мѣсяца черезъ два послѣ того, какъ Е. Р. Ринкъ былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя 3-го отдѣленія.

Заклучалось оно въ слѣдующемъ: у Лукерьи, кромѣ мужа, былъ сожитель Родіонъ Финогеновъ, жившій съ ними въ одной квартирѣ. Мужъ ея, человекъ больной и пьющій, противъ этого ничего не имѣлъ и жилъ съ Финогеновымъ въ дружбѣ. Но послѣдній неоднократно выражалъ желаніе, чтобы Волковъ умеръ, такъ какъ у Лукерьи въ Зыковѣ было пять дачъ, которыя онъ надѣялся, сдѣлавшись ея мужемъ, прибрать къ рукамъ.

Жили они въ одной изъ этихъ дачъ, во второмъ этажѣ. У Лукерьи были два сына, изъ которыхъ старшаго, 7-лѣтняго, Волковъ считалъ своимъ, а младшаго, 5-лѣтняго, считалъ своимъ Финогеновъ, и сообразно этому каждый изъ мальчиковъ спалъ со своимъ отцомъ. Волковъ спалъ въ залыцѣ на полу и въ этой-же комнатѣ на диванѣ спала Лукерья, а въ сосѣдней комнатѣ на кровати спалъ Финогеновъ.

Однажды утромъ Волковъ былъ найденъ мертвымъ у себя на постели, и при вскрытіи его трупа у него былъ обнаруженъ переломъ восьми реберъ.

Сначала явилось предположеніе, что онъ былъ кѣмъ-нибудь избитъ на улицѣ, такъ какъ наканунѣ былъ сильно пьянъ, но врачебная экспертиза стояла на томъ, что если-бы онъ былъ избитъ и притомъ у самаго своего дома, то даже вползти во второй этажъ съ такими поврежденіями, какія у него оказались, онъ не могъ-бы никоимъ образомъ.

Такимъ образомъ незыблемо устанавливалось, что получить такія поврежденія онъ могъ только у себя дома, но и Лукерья, и Финогеновъ утверждали, что дома онъ не падалъ и ни на что не жаловался, а прямо легъ спать и утромъ оказался мертвымъ.

Оставалось допросить только дѣтей, и вотъ отъ нихъ были добыты подавляющія показанія.

Старшій, 7-лѣтній мальчикъ, показалъ: „я спалъ съ отцомъ и ночью проснулся отъ того, что отецъ хрипѣлъ и стоналъ. Верхомъ на немъ сидѣлъ Финогеновъ и его маялъ, пока онъ не замолчалъ, а мать съ дивана кричала: „Родіонъ, что ты дѣлаешь, оставь его!“.

И то-же самое и, притомъ слово въ слово, какъ заученный урокъ, повторили дѣти и на судѣ.

Вотъ тутъ-то и возникалъ вопросъ: какимъ образомъ были добыты отъ этихъ крошекъ эти ошеломляющія своею реальностью показанія?

И Волкова, и Финогеновъ были арестованы тотчасъ-же по обнаруженіи убійства; дѣти были оставлены на попеченіе сосѣдей, судачившихъ объ этомъ страшномъ дѣлѣ на всѣ лады, и на слѣдующій-же день они были допрошены слѣдователемъ.

При такихъ обстоятельствахъ, конечно, трудно было рѣшить, являлся-ли рассказъ дѣтей дѣйствительно непосредственной передачей полученнаго ими въ ночь убійства впечатлѣнія, или-же оно безсознательно оформилось въ ихъ представленіи подъ вліяніемъ всего того, что при нихъ говорилось сосѣдами, и съ помощью наведенія ихъ на эту мысль слѣдователемъ, котораго они несомнѣнно трусили и противорѣчить которому не смѣли.

Но это сомнѣніе тревожило лишь наиболѣе чуткихъ юристовъ, на присяжныхъ-же засѣдателей, несмотря на то, что старшиною ихъ былъ профессоръ гражданскаго права Гамбаровъ, эти показанія дѣтей произвели подавляющее

впечатлѣніе, и обоимъ обвиняемымъ былъ вынесенъ обвинительный вердиктъ.

Критическій умъ Е. Р. Ринка не мирился съ такимъ страшнымъ приговоромъ, построенномъ исключительно на показаніяхъ малолѣтокъ, за сознательность которыхъ едва ли кто-нибудь могъ поручиться. А такъ какъ въ 3-мъ отдѣленіи и членами состояли такіе-же гуманные и чуткіе къ чужой бѣдѣ люди—А. М. Рангъ и Булыгинскій, то на этотъ разъ Е. Р. Ринку не трудно было убѣдить ихъ кассировать этотъ приговоръ единогласнымъ признаніемъ, что вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей обвинены невинные.

Этотъ приговоръ произвелъ неожиданный эффектъ. Не только публика встрѣтила съ энтузіазмомъ, но и сами присяжные засѣдатели спѣшили горячо благодарить Судъ за то, что онъ снялъ тяжелый гнетъ съ ихъ души.

Естественно, что послѣ такого приговора и Волкова, и Финогеновъ были выпущены на свободу, и дѣти снова поселились съ родителями. Когда-же три мѣсяца спустя это дѣло снова было назначено къ слушанію и дѣти были доставлены въ засѣданіе, они отвѣчаютъ Суду что-либо отказывались и въ отвѣтъ на всѣ разпросы только всхлипывали. Суду пришлось отъ ихъ показаній отказаться, и такимъ образомъ въ дѣлѣ ничего не осталось, кромѣ экспертизы, хотя и очень категорической, но для Суда не особенно убѣдительной, такъ какъ въ его памяти было еще очень свѣжо другое дѣло, незадолго передъ тѣмъ слушавшееся въ Кругломъ залѣ, когда обвинялись крестьяне цѣлой деревни въ томъ, что они до смерти избили конокрада. Врачебною экспертизою по тому дѣлу было установлено, что у убитаго были перерваны въ двухъ мѣстахъ шейные позвонки, что, по мнѣнію экспертовъ, должно было повлечь за собою мгновенную смерть. Однако, свидѣтельскими показаніями было установлено, что убитый послѣ нанесенныхъ ему побоевъ вскочилъ, вбѣжалъ въ кабакъ, выпилъ косушку водки, за-

кусилъ ее ветчиной съ кускомъ хлѣба и только послѣ этого уже, уходя изъ кабака, упалъ у входной двери и отъ полученныхъ ранѣ поврежденій умеръ. Слѣдовательно, смерть его наступила не такъ уже быстро, какъ должна была наступить по мнѣнію врачей.

Этотъ весьма вѣскій примѣръ и приводился защитой по дѣлу Волковой и Финогенова. Почему было не допустить, что Волковъ, избитый на улицѣ и будучи сильно пьянъ, едѣлавъ послѣднее усиліе, взобрался по лѣстницѣ и тутъ-же умеръ?

Такое предположеніе являлось вполне вѣроятнымъ, а такъ какъ въ дѣлѣ больше уже не было никакихъ уликъ, то новый составъ присяжныхъ засѣдателей, разсматривавшій это дѣло, и оправдалъ обоихъ обвиняемыхъ.

Въ томъ-же году, хотя и въ другомъ отдѣленіи, слушалось и другое сенсаціонное дѣло, кончившееся очень трагически, но въ то-же время создавшее Н. В. Муравьеву таковой триумфъ, что съ этого времени всѣ его рѣчи стали печататься цѣликомъ.

Это было дѣло о расхищеніи наслѣдства, оставшагося послѣ дисконтера Занфтлебена, въ каковомъ расхищеніи, кромѣ вдовы умершаго Ольги Занфтлебень и ея сожителя Мышакова, принималъ участіе и душеприказчикъ умершаго генераль-маіоръ Гартунгъ, и другой душеприказчикъ, графъ Ланской, который смотрѣлъ на это расхищеніе сквозь пальцы, предоставивъ генералу Гартунгу распоряжаться всѣмъ по своему усмотрѣнію. Наконецъ, кромѣ этихъ четырехъ лицъ, къ этому дѣлу привлекался еще и бывший сенатскій секретарь Алферовъ, хотя послѣ реформы Суда и не попавшій въ число присяжныхъ повѣренныхъ, но частнымъ образомъ адвокатурой занимавшійся и помогавшій Гартунгу и вдовѣ Занфтлебена придать этому хищенію видъ гражданскихъ сдѣлокъ.

Въ сущности-же дѣло это было совсѣмъ просто. Занфтлебенъ былъ женатъ дважды. Отъ перваго брака у него были взрослые дѣти, изъ которыхъ одна дочь была замужемъ за присяжнымъ повѣреннымъ, и только младшая изъ этихъ дѣтей, любимица отца, была подростокъ.

Вторично Занфтлебенъ женился на молодой дѣвушкѣ, и такъ какъ у нея дѣтей не было, то естественно, что за исключеніемъ ея вдовѣй части и 10-ти тысячъ, завѣщанныхъ ей мужемъ, наслѣдниками всего остального его крупнаго состоянія являлись его дѣти отъ перваго брака.

Вотъ съ этимъ-то и не желала помириться его молодая вдова, которая еще при жизни стараго мужа сошлась съ молодымъ лакеемъ, служившимъ у нихъ, Мышаковымъ, съ которымъ и рѣшила вмѣстѣ насладиться жизнью на средства, оставшіяся послѣ мужа.

Это ея желаніе было какъ нельзя болѣе на руку душеприказчику Занфтлебена, генералу Гартунгу, который былъ долженъ нѣсколько тысячъ покойному и, не зная, чѣмъ ихъ заплатить, былъ очень радъ отдѣлаться отъ этого долга.

И вотъ, воспользовавшись тѣмъ, что на дачѣ, гдѣ умеръ Занфтлебенъ, никого изъ его близкихъ, кромѣ его вдовы, не было, Гартунгъ вмѣстѣ съ нею и лакеемъ Мышаковымъ, оставивъ умершаго на его постели, отправились въ его кабинетъ и повыгребли изъ его хранилищъ всѣ долговые обязательства, а также книгу, въ которую всѣ эти обязательства вписывались, намѣреваясь ихъ по возможности реализовать въ свою пользу.

Правда, какъ только наслѣдники узнали о смерти отца, они подняли тревогу относительно наслѣдства, но все-же, пока они добились возбужденія слѣдствія объ исчезновеніи документовъ, составлявшихъ достояніе умершаго, похитители уже успѣли кое-что реализовать и на добытое путемъ этой реализаціи кутили въ „Эрмитажѣ“ и у „Яра“, куда генераль Гартунгъ безъ стыда появлялся въ компаніи

Мышакова, который за мѣсяцъ передъ тѣмъ подавалъ ему въ передней своего господина калоши и за двугривенный получаемый на чай, почтительно подсаживалъ его въ экипажъ, а теперь корчилъ изъ себя амфитріона, старательно подчеркивая свою пріятельскую близость съ такимъ важнымъ генераломъ.

Дѣло это, наконецъ, дошло до Суда и привлекло въ день его разбора въ залъ засѣданія многочисленную публику. Н. В. Муравьевъ, поддерживавшій на этотъ разъ обвиненіе противъ всѣхъ привлеченныхъ, исходя изъ того положенія, что кому много дано, съ того надлежитъ многое и спросить, особенно сурово обрушился на генерала Гартунга и на попытку Алферова свести это дѣло на гражданскую почву.

— Если Судъ совѣсти станетъ становиться на эту точку зрѣнія,—сказалъ между прочимъ обвинитель,—то намъ не особенно долго придется ждать того времени, когда человекъ, требующій отъ своего ближняго съ ножомъ въ рукахъ жизнь или кошелекъ, станетъ отговариваться тѣмъ, что это не болѣе, какъ гражданская сдѣлка.

Его сильное обвинительное слово, безпощадно брошенное Гартунгу въ лицо въ присутствіи всей лучшей части московскаго общества, видимо, всколыхнуло совѣсть несчастнаго генерала, пробудивъ въ немъ сознаніе того позора, который пережить невозможно.

Обвинительный приговоръ, вынесенный присяжными заседателями Гартунгу, Алферову и Ольгѣ Занфтлебенъ, только подтвердилъ, что жить съ этимъ клеймомъ больше нельзя, и, выслушавъ его, генераль Гартунгъ тутъ-же, въ Судѣ, пустилъ себя пулю въ лобъ.

Такая трагическая развязка произвела въ стѣнахъ Суда необычайный переполохъ. Истерически рыдалъ надъ убитымъ его защитникъ, присяжный повѣренный С. В. Щелканъ, въ обморокъ упалъ старшина присяжныхъ заседа-

лей, да нехорошо себя чувствовалъ и Н. В. Муравьевъ. Триумфъ, купленный цѣною человѣческой жизни, не особенно его радовалъ, и онъ пожалѣлъ, что не сумѣлъ быть на этотъ разъ великодушнѣе.

Понуро расходилась изъ Суда и публика, видимо, сожалѣя о тѣхъ оваціяхъ, которыя за три часа передъ тѣмъ она такъ шумно и восторженно расточала передъ жестокимъ талантомъ молодого обвинителя.

Смерть съ лихвою искупила грѣхъ обвиняемаго, и по отношенію къ нему осталось только сожалѣніе.

Угнетающимъ образомъ подѣйствовала эта смерть и на Судъ, и объявленіе резолюціи было отложено до слѣдующаго дня.

На другой день приговоръ Алферову и Ольгѣ Занфтлебенъ былъ объявленъ въ совершенно пустомъ залѣ. Никому уже не пришло въ голову отягчать ихъ положеніе всенароднымъ позоромъ, да и присуждены они были къ сравнительно кратковременной ссылкѣ на житье: Занфтлебенъ—въ Сибирь, а Алферовъ—въ Олонецкую губернію. Графъ же Ланской и Мышаковъ были оправданы.

А впослѣдствіи Сенатъ кассировалъ не только приговоръ, но и самое преданіе Суду по этому дѣлу, находя, что въ данномъ случаѣ нѣтъ состава преступленія.

Мѣсяць спустя послѣ этого трагическаго происшествія судился помощникъ присяжнаго повѣреннаго К. за шантажъ, и взявшійся его защищать Лохвицкій не преминулъ использовать случай съ Гартунгомъ въ интересахъ своего подзащитнаго.

Какъ и всегда, онъ не оставилъ безъ вниманія ни единого штриха, за который защита могла-бы уцѣпиться, и прежде всего остановился на выборѣ присяжныхъ засѣдателей.

До этого дѣла сторонамъ вообще предоставлялось право отводить изъ состава присяжныхъ засѣдателей шесть чело-
вѣкъ, и если обвинитель не отводилъ ни одного, то защита

могла отвести всѣхъ шестерыхъ. Лохвицкій широко пользовался этимъ правомъ и буквально подтасовывалъ себѣ такіе составы, которые казались ему наиболѣе для дѣла подходящими.

То-же самое онъ сдѣлалъ и на этотъ разъ и, воспользо-
вавшись тѣмъ, что обвинитель не отвелъ никого, вычеркнулъ изъ состава всю интеллигенцію, за исключеніемъ одного доктора, который, какъ самъ потомъ хвастался Лохвицкій, состоялъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьею К.

Такимъ образомъ составъ получился сѣренскій, и такъ какъ въ него вошелъ докторъ, то его и выбрали присяжные засѣдатели своимъ старшиною.

Съ такимъ составомъ Лохвицкому особенно церемониться не приходилось и требовалось только вызвать у присяжныхъ засѣдателей наиболѣе благодушное настроеніе. Это достигалось обыкновенно тѣмъ, что Лохвицкій начиналъ балаганить, и въ этомъ отношеніи, когда онъ гримасничалъ и жестикулировалъ, равныхъ себѣ онъ положительно не зналъ. Его аудиторія ежеминутно прыскала отъ смѣха, не будучи въ силахъ сдерживаться, несмотря на неоднократныя замѣчанія предсѣдателя.

Такъ было и на этотъ разъ. Подготовивъ такимъ образомъ благодушное настроеніе, онъ при всякой попыткѣ обвинителя оттѣнить всю неприглядность поступка обвиняемаго уже съ пафосомъ указывалъ на то, что нельзя затапывать въ грязь честь чело-
вѣка, даже и не вполне легально поступившаго, и ссылаясь на то, какія грустныя послѣдствія это имѣло въ дѣлѣ Гартунга.

Что можно было противъ этого возразить?

Возможно, что Н. В. Муравьевъ и отпарировалъ-бы этотъ ударъ, но на этотъ разъ обвинителемъ являлся хотя и очень талантливый, но и очень корректный товарищ прокурора Островскій, который никогда не лѣзъ изъ кожи вонъ для того, чтобы чело-
вѣка обвинили, и вполне удовлетворялся

тѣмъ, что всякое порученное ему дѣло освѣщаль безъ всякаго задора со всѣхъ сторонъ, и затѣмъ уже совершенно безразлично относился къ тому, какой приговоръ вынесутъ присяжные засѣдатели.

Этимъ онъ являлъ собою рѣзкую противоположность двумъ изъ своихъ современниковъ: товарищамъ прокурора Н. Н. Коху и П. С. Кларку. А въ послѣдствіи, много лѣтъ спустя, типомъ, весьма сходнымъ съ Островскимъ, явился товарищъ прокурора Александрійскій, затѣмъ состоявшій товарищемъ предсѣдателя 2-го отдѣленія Суда и оставившій по себѣ такую хорошую память.

Дѣло Лохвицкимъ было выиграно, и К. былъ оправданъ. А насколько въ то время нравы адвокатуры уже были разнузданы, можно судить по тому, что это дѣло ни мало не помѣшало К. продолжать свою карьеру, и два года спустя, т.-е. въ 1879 г., онъ, отбывъ опредѣленный стажъ, былъ зачисленъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ.

Но Суду такая беззаастѣнчивость уже надоѣла, и, убѣдившись, что въ дѣлѣ К. составъ присяжныхъ засѣдателей былъ самымъ безцеремоннымъ образомъ подтасованъ, Судъ вошелъ съ представленіемъ въ министерство юстиціи о необходимости измѣненія статьи 655-й Устава уголовнаго судопроизводства (о способѣ отвода присяжныхъ засѣдателей) въ смыслѣ разграниченія числа отводимыхъ между обвинительною властью и защитой, мотивируя это тѣмъ, что безъ этого въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинитель не отводитъ никого изъ состава присяжныхъ засѣдателей, защита получаетъ возможность подобрать составъ по своему усмотрѣнію.

Это представленіе было уважено министерствомъ юстиціи, и проектъ измѣненія этой статьи именно съ этимъ мотивомъ былъ представленъ на утвержденіе Государственнаго Совѣта, которымъ и былъ утвержденъ 20 апрѣля 1884 г.

Само собою понятно, что и среди представителей магистратуры были люди далеко не безупречные. За истекшій

десятилѣтній періодъ и изъ нихъ нѣкоторые попали на скамью подсудимыхъ. Но разница была въ томъ, что изъ представителей адвокатуры попадала на скамью подсудимыхъ зеленая молодежь, неудержимо стремившаяся вкусить благъ жизни, тогда какъ изъ служилаго люда, наоборотъ, попадали по большей части старики, случайно успѣвшіе перечислиться въ новыя учрежденія изъ старыхъ, дореформенныхъ, и не хотѣвшіе вѣрить, что безгрѣшнымъ доходамъ долженъ наступить конецъ, какъ долженъ онъ наступить и всякимъ самоуправствамъ, вытекавшимъ изъ ихъ служебнаго положенія.

Особенно типичнымъ въ этомъ отношеніи являлось дѣло бывшаго мирового судьи Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, Свѣтозарскаго, человѣка подъ 70 лѣтъ, судившагося въ московской Судебной Палатѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей за цѣлый рядъ поступковъ по должности.

Нѣкоторые изъ этихъ поступковъ носили прямо-таки анекдотическій характеръ. Такъ, на примѣръ, онъ судилъ въ своей камерѣ кошку за то, что она выпила сливки, постановилъ приговоръ, которымъ присудилъ ее къ смертной казни черезъ повѣшеніе, и отдалъ своему сторожу приказаніе привести этотъ приговоръ въ исполненіе.

Затѣмъ, присудивъ свою-же кухарку по чьей-то жалобѣ за кражу къ аресту, онъ въ виду того, что эта кухарка была въ то-же время и его сожительницей, укрывалъ ее въ своей-же квартирѣ отъ приведенія этого приговора въ исполненіе.

Что касается денегъ, получаемыхъ съ тяжущихся въ его камерѣ, то ему и въ годовую не приходило, что онъ могутъ гдѣ-бы то ни было храниться, кромѣ его кармана, и онъ былъ увѣренъ, что будетъ совершенно достаточно, если онъ представитъ ихъ полностью, когда это потребуется.

Присяжные засѣдатели отнеслись сурово къ этому почти невѣроятному старику. Несмотря на то, что первый обвинительный приговоръ, вынесенный ему, былъ кассированъ,

онъ былъ признанъ виновнымъ и вторымъ составомъ присяжныхъ засѣдателей и приговоренъ къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію.

Судились нѣкоторые и другіе хищники, успѣшно лавировавшіе въ старыхъ учрежденіяхъ и сразу попавшіеся, какъ только стали примѣнять привычную имъ систему въ учрежденіяхъ новыхъ.

Чаще-же другихъ судились представители воинскихъ присутствій за освобожденіе новобранцевъ отъ службы, какъ продолжаютъ они то-и-дѣло судиться то тамъ, то здѣсь и по настоящее время, такъ какъ, очевидно, эта язва общественнаго организма приняла такой хроническій характеръ, что коренномъ излѣченіи ея не можетъ быть и рѣчи.

И извѣстный публицистъ Гиляровъ-Платоновъ въ первый-же годъ изданія своей газеты „Современныя Извѣстія“ уже судился за диффамачію по жалобамъ этого сорта героевъ, но всякій разъ Судомъ былъ оправдываемъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ въ составѣ судебныхъ дѣятелей произошли серьезныя перемѣны. Переведены были въ Петербургъ: сначала Е. Е. Люминарскій, затѣмъ Н. А. Манассеинъ и А. Н. Шаховъ. Конечно, Петербургъ отъ этого перемѣщенія очень много выигралъ, но на московскихъ судебныхъ учрежденіяхъ это отразилось печально. Людей—въ полномъ смыслѣ этого слова—смѣнили чиновники, и если канцелярщинѣ не удалось вѣтѣться въ московское судопроизводство, то этимъ Москва опять-таки обязана Н. А. Манассеину, который, въ качествѣ министра юстиціи, десятки лѣтъ продержалъ во главѣ всѣхъ московскихъ отдѣленій Суда лицъ, которыя, какъ ему извѣстно, достоинствомъ Суда не поступятся.

Такъ, въ 1-мъ уголовномъ отдѣленіи товарища предсѣдателя Шестакова замѣстилъ П. С. Кларкъ, во 2-мъ отдѣленіи былъ поставленъ Н. П. Посниковъ, который въ смыслѣ безпристрастія смѣло могъ оспаривать у богини правосудія

пальму первенства. Въ 3-мъ уголовномъ отдѣленіи П. А. Дейера и замѣстителя его С. Я. Орловскаго смѣнилъ Е. Р. Ринкъ, а въ 5-мъ гражданскомъ отдѣленіи мѣсто В. Н. Лаврова занялъ Д. А. Печонтовскій. Въ 6-мъ гражданскомъ отдѣленіи до самой своей смерти состоялъ Э. Н. Сумбулъ и, наконецъ, въ 7-мъ отдѣленіи былъ Д. Е. Рынкевичъ.

Все это были люди до такой степени самостоятельные, что никакія вѣянія на ихъ дѣятельности отразиться не могли,—люди, съ которыми министерство не считалось не могло и которые во всякую минуту грудью готовы были отстаивать независимость ихъ отдѣленій.

Всѣхъ ихъ Н. А. Манассеинъ зналъ хорошо, вѣрилъ въ нихъ, цѣнилъ ихъ самостоятельность и, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что эта неподвижность отражается на ихъ дальнѣйшей карьерѣ, въ интересахъ дѣла удерживалъ ихъ въ Москвѣ.

Оттого-то дѣятельность московскаго Окружнаго Суда въ качественномъ отношеніи и превосходила дѣятельность всѣхъ остальныхъ Судовъ, гдѣ не было возможности сплотить въ одно цѣлое сильныхъ и независимыхъ людей и гдѣ поэтому успѣхъ дѣла находился въ полной зависимости отъ того, кто въ данномъ случаѣ находился во главѣ дѣла.

Въ этомъ отношеніи менѣе счастливымъ изъ отдѣленій московскаго Окружнаго Суда въ первые годы его существованія было 4-е гражданское, гдѣ лица, стоявшія во главѣ, подолгу не засиживались, часто мѣнялись, да и особенно крупныхъ дѣятелей среди нихъ не было. Въ виду этого и политика этого отдѣленія была неустойчива.

Не такъ удачлива оказалась Судебная Палата. Е. Е. Люминарскій и А. Н. Шаховъ оказались незамѣнимыми, и только благодаря тому, что во главѣ ея департаментовъ стояли такіе идейные старички, какъ Лопатинъ, Казанскій, Масловъ, Вешняковъ, Орловскій, а затѣмъ кадры ея постоянно пополнялись лицами, прошедшими хорошую школу въ

качествѣ членовъ московскаго Окружнаго Суда, какъ, на-
примѣръ, Протопоповымъ, Ягелло, Маковскимъ, Бухановымъ,
и, наконецъ, уже въ позднѣйшее время, въ качествѣ пред-
сѣдателей ея департаментовъ, М. Ф. Громницкимъ и А. М.
Рангомъ,—она не оказалась въ печальномъ положеніи и
продолжала стоять на прежней высотѣ, хотя время отъ вре-
мени въ ней появлялись элементы не вполне желательные.

Неудивительно, что Петербургу приходилось завидовать
Москвѣ, и все выдающееся здѣсь спѣшили переводить туда.

Не засидѣлся благодаря этому въ Москвѣ и Н. В. Му-
равьевъ, и былъ назначенъ въ Петербургъ прокуроромъ
Суда. Въ то-же время было предложено перейти въ проку-
ратуру и лучшимъ изъ московскихъ адвокатовъ А. А. Саб-
лину и И. С. Курилову, отличавшимся отъ большинства
своихъ собратьевъ не столько выдающимся талантомъ,
сколько своею нравственною чистоплотностью.

Саблинъ это предложеніе принялъ съ условіемъ, что
будетъ оставленъ въ Москвѣ, а Куриловъ остался въ адво-
катурѣ, хотя всякій разъ невыносимо страдалъ, когда выплы-
вали на Божій свѣтъ особенно неблагоприятныя продѣлки
его товарищей.

Конечно, нельзя отрицать, что и въ адвокатуру шло
много идейныхъ молодыхъ людей, дѣятельность которыхъ
втеченіе всей ихъ жизни оставалась незапятнанною. И среди
нихъ всегда на первомъ планѣ стоялъ Д. Н. Доброхотовъ,
мнѣніе котораго въ дѣлахъ чести для всѣхъ его товарищей
является и обязательнымъ, и рѣшающимъ.

Такою-же доброю славой пользуется и П. С. Братанов-
скій, втеченіе четверти вѣка безвозмездно удѣляющій и свой
трудъ, и свое время, а порою и свои средства въ пользу
Общества типографовъ, предсѣдателемъ котораго онъ со-
стоитъ, и А. Ф. Граве, пользующійся неограниченнымъ до-
вѣріемъ своей финансовой клиентуры, какъ человекъ без-
корыстный, педантически аккуратный и корректный, и

Д. С. Коссовичъ, и М. Д. Наумовъ, не пожалѣвшіе ни труда,
ни собственныхъ средствъ на то, чтобы добиться удовлет-
воренія крестьянъ, отравленныхъ и искалѣченныхъ въ эконо-
міи княгини Гагариной главноуправляющимъ ея имѣнія,
который, самъ получая по 20 тысячъ въ годъ, додумался
до того, что кормить чернорабочихъ хлѣбомъ дорого, и за-

Д. Н. Доброхотовъ.

П. С. Братановскій.

мѣнилъ имъ хлѣбъ кормовымъ средствомъ для скота—„чи-
ной“, которая настолько оказалась ядовитой, что 28 черно-
рабочихъ, въ возрастѣ отъ 15 до 25 лѣтъ, подверглись па-
раличу спинного мозга и были обречены доживать свой
вѣкъ въ видѣ неподвижныхъ чурокъ, а тѣ, кто ихъ отравилъ,
отказывались обезпечить ихъ дальнѣйшее существованіе.

Коссовичу и Наумову долго и упорно хлопотавшимъ по этому дѣлу и не жалѣвшимъ на это расходовъ изъ собственнаго кармана таки и удалось добиться того, что все эти рабочіе ки-нею Гагариной были удовлетворены.

Такимъ-же идеалистомъ былъ всю жизнь и В. А. Федотовъ, по инициативѣ котораго наиболѣе отзывчивая молодежь

А. Ф. Граве.

М. Д. Наумовъ.

стала устраивать кружки для обезпеченія немущихъ юридическою помощью, а равно и П. В. Карюковъ, человекъ удивительной скромности и корректности, извѣстный своимъ интересомъ къ астрономіи и музыкѣ и удѣляющій въ то же время значительную долю труда на пользу Общества покровительства животнымъ, состоя и редакторомъ журнала, издаваемого Московскимъ Отдѣломъ этого Общества.

Есть, конечно, въ адвокатурѣ и другіе идейные люди, но все-таки это только отдѣльныя свѣтлыя единицы среди огромной массы индифферентовъ, помыслы которыхъ исключительно сосредоточиваются вокругъ заработка.

Праотцами этого новаго теченія являлись И. С. Гальберштадтъ, П. М. Измаковъ, Н. Я. Березницкій, Л. Н. Кру-

П. В. Карюковъ.

шинскій, С. А. Шереметьевскій, Н. Н. Зворыкинъ, К. И. Дракопуло, С. И. Налыхановъ, С. О. Милашевичъ, М. П. Соловьевъ, и нѣкоторыя другія менѣе видныя фигуры, но яркими выразителями этой идеи, типичными дѣльцами новаго времени являлись уже болѣе молодые: С. А. Шереметевскій, Н. Н. Зворыкинъ, М. О. Гиршманъ, А. Ф. Кротковъ, К. И.

Дракопуло, а вокруг нихъ уже старались группироваться и всѣ тѣ, для кого всякое конкурсное производство было несравненно дороже самаго сенсационнаго уголовного процесса, на которомъ можно было заработать больше славы, чѣмъ денегъ.

Особенно памятна мнѣ первая встрѣча съ однимъ изъ

И. С. Гальберштадтъ.

И. Н. Измаковъ.

наиболѣе яркихъ выразителей этого новаго реалистическаго направленія, тогда еще не примѣнявшагося въ обиходѣ повседневной жизни.

Первые провозвѣстники этого направленія не отваживались выносить его обнаженнымъ на люди и хотъ не всегда удачно, но чѣмъ нибудь его да маскировали. Тогда отсутствіе общественныхъ идеаловъ челоѣку еще не прощалось

и надо было много смѣлости, чтобы провозгласить себя отъ нихъ свободнымъ.

Встрѣча эта имѣла мѣсто не то въ 1874 г. не то въ 1875 г. Вошла я какъ-то въ засѣданіе 1-го уголовного отдѣленія, гдѣ въ это время разсматривался рядъ дѣлъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и такъ какъ однимъ изъ такихъ

С. А. Шереметьевскій.

Н. Н. Зворыкинъ.

дѣлъ я интересовалась, то и осталась послушать и все остальное.

Въ то время, когда я вошла въ засѣданіе, слушалось дѣло о какомъ-то ветеринарномъ фельшерѣ, давшемъ очень сильное средство дорогой скаковой лошади, отъ какового средства она тогда-же и пала.

И вотъ за столикомъ гражданскаго истца я увидала еще незнакомаго мнѣ молодого помощника, очень красиваго, но съ какимъ-то неестественно холоднымъ взглядомъ свѣтлыхъ сѣрыхъ глазъ. Это былъ взглядъ змѣи.

Это странное несоотвѣтствіе взгляда съ остальною внѣшностью юноши заставило меня прислушаться къ тому, что и какъ онъ будетъ говорить. Говорилъ онъ много, убѣдительно и красиво, и пока онъ говорилъ, для меня стало вполне ясно, что этотъ странный взглядъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ его внутреннему міросозерцанію.

Онъ требовалъ особенно суровой кары для фельдшера не сумѣвшаго отнестись съ достаточной осторожностью къ такой дорогой лошади, которая доставляла столько выгоды своему владѣльцу, и мысль, что по отношенію къ цѣнной лошади недопустимо то, что могло-бы имѣть мѣсто по отношенію къ лошади дешевой, такъ и звучала во всей его рѣчи лейтъ-мотивомъ, передъ которымъ, по его мнѣнію, всему остальному почтительно надлежало отойти на второй планъ. И за неуваженіе къ рублю требовалъ этотъ адвокатъ суровой кары для человѣка, а кстати и возложенія на него-же и гражданской отвѣтственности за весь тотъ убытокъ, который долженъ понести владѣлецъ лошади отъ того, что она пала.

Судъ оказался много снисходительнѣе молодого адвоката и, приговоривъ фельдшера за неосторожность къ незначительному наказанію, предоставилъ истцу доказывать свои убытки въ Судѣ гражданскомъ.

Слѣдующимъ затѣмъ дѣломъ должно было разсматриваться дѣло объ администраторахъ Ново-Екатерининской больницы, вѣдѣствіе небрежности которыхъ при внутренней перестройкѣ нѣкоторыхъ отдѣленій обрушились лѣса и двое рабочихъ при паденіи были убиты, а трое или четверо получили тяжелыя поврежденія и лишились трудоспособности

Вотъ какъ разъ передъ началомъ разсмотрѣнія этого дѣла и обнаружилось, что злосчастные рабочіе не предъявили гражданскихъ исковъ, потому что не знали, куда съ этимъ обратиться.

Узнавъ объ этомъ, я поспѣшила сообщить это предсѣдательствовавшему въ тотъ день А. И. Григоровичу, который всегда былъ гораздо больше человѣкомъ, чѣмъ юристомъ, и, не гоняясь за буквою закона, творилъ Судъ такъ, какъ находилъ это болѣе справедливымъ и человѣчнымъ.

Онъ-то и предложилъ мнѣ убѣдить кого-нибудь изъ адвокатовъ взять на себя это дѣло и заявить отъ лица потерпѣвшихъ просьбу о допущеніи ихъ къ дѣлу въ качествѣ гражданскихъ истцовъ.

На бѣду въ этотъ день въ другихъ отдѣленіяхъ Суда засѣданій не было, а потому не было въ корридорахъ и адвокатовъ, а въ залѣ засѣданія оставался только тотъ, который такъ горячо только-что защищалъ интересы безвременно погибшей лошади.

Выбора не было,—пришлось съ этой просьбой обратиться къ нему: вѣдь, оба дѣла были какъ нельзя болѣе аналогичны, и если было уместно горячо обвинять человѣка за гибель лошади, то во сколько-же разъ сильнѣе можно было громить тѣхъ, кто пожалѣвъ затраты на доброкачественные лѣса, такъ безсердечно рискнулъ жизнью и здоровьемъ цѣлой группы людей.

Но къ неописуемому удивленію и моему и суда онъ наотрѣзъ отъ этого выступленія отказался, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что съ дѣломъ этимъ незнакомъ, да и времени не имѣетъ на то, чтобы браться за такія случайныя дѣла.

Къ общему удовольствію дѣло обошлось и безъ него. Судъ пригласилъ потерпѣвшихъ въ свой кабинетъ и повелъ дѣло начистоту. Объяснивъ имъ, что за полученныя увѣчья они имѣютъ право требовать вознагражденія съ виновни-

ковъ катастрофы. А. И. Григоровичъ прямо спросилъ ихъ, просятъ-ли они, чтобы Судъ допустилъ ихъ къ дѣлу въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, высчитавъ при этомъ и сумму, какую они имѣютъ право просить.

Ну, конечно, рабочіе кланялись и говорили, что просятъ, и это было занесено въ протоколъ, а затѣмъ то же самое повторилось и въ судебномъ засѣданіи.

Судъ задавалъ потерпѣвшимъ наводящіе вопросы и, получивъ утвердительные отвѣты, присудилъ имъ то, что считалъ справедливымъ имъ присудить, а послѣ засѣданія кстати уже наказалъ имъ оповѣстить и остальныхъ потерпѣвшихъ, а также и наслѣдниковъ убитыхъ, что и они могутъ что слѣдуетъ получить, и велѣлъ для соотвѣтствующихъ указаній направить ихъ ко мнѣ.

Поступокъ адвоката все-таки произвелъ на насъ впечатлѣніе. И вотъ, какимъ онъ предсталъ передъ нами въ тотъ первый разъ, такимъ же онъ остается и до сихъ поръ, втеченіе всѣхъ этихъ 35-ти лѣтъ.

Въ настоящее время этотъ типъ уже не представляетъ собою чего-либо своеобразнаго,—имя его послѣдователей близится къ легіону. Но когда этотъ типъ только-что зарождался, онъ невольно приковывалъ къ себѣ вниманіе. Казалось, что вотъ-вотъ какое-нибудь обстоятельство заставитъ очнуться такого человѣка, и онъ властно сброситъ съ себя личину дѣльца.

Не тутъ-то было. Его уму, передъ какимъ-бы Судомъ онъ ни стоялъ, доступны только финансовыя соображенія, и онъ съ такою любовью и такъ тонко комбинируетъ мельчайшія ихъ детали, что страшно становится за его противника, какъ страшно бываетъ за муху, когда она крыльями задѣваетъ паутину, одно прикосновеніе къ которой грозитъ ей неминуемою гибелью.

И гдѣ-бы я потомъ этого адвоката ни встрѣчала, передъ какимъ-бы Судомъ его ни слушала, у меня всегда возни-

С. М. Филатовъ.

П. А. Столповскій.

С. Е. Псищевъ.

А. Н. Головинъ.

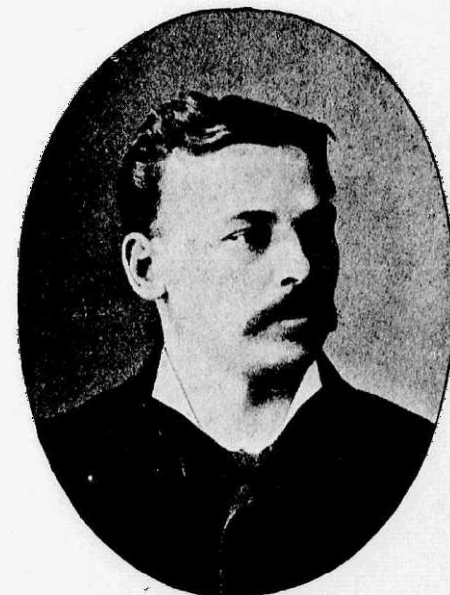
М. Х. Померанцевъ.

А. П. Воейковъ.

Г. Н. Шеметовъ.

А. Д. Способинъ.

кала одна и та-же мысль, что не для того онъ рожденъ, чтобы быть адвокатомъ, нѣтъ,—ему слѣдовало-бы быть министромъ финансовъ и худо-ли, хорошо-ли, но тамъ онъ чѣмъ-нибудь да удивилъ-бы міръ.

Много на своемъ вѣку видала я старыхъ дереформенныхъ дѣльцовъ, видала въ этомъ родѣ и феноменовъ, но каждому изъ нихъ этотъ адвокатъ могъ смѣло дать сто очковъ впередъ. А изъ молодыхъ его послѣдователей, какъ ни старались они его копировать, ни одному такъ и не удалось до него дорости.

Помимо лицъ, охотно жертвовавшихъ собственными интересами въ пользу интересовъ общественныхъ, и дѣльцовъ, заглядывавшихся на чужой карманъ и широко раскрывавшихъ ротъ на всякій большой кусокъ, въ корпорации присяжныхъ повѣренныхъ, конечно, было много и такихъ, которые скромно и вполне добросовѣстно исполняли принятую на себя обязанность.

Среди нихъ были лица и очень способныя, которыя, выступая смолodu въ дѣлахъ уголовныхъ, производили извѣстное впечатлѣніе, но по мѣрѣ того, какъ популярность ихъ росла, росла и ихъ кліентура, и они все рѣже и рѣже появлялись въ судѣ уголовномъ. Въ концѣ-концовъ, всецѣло отдавшись дѣламъ гражданскимъ, они съ годами достигали солиднаго положенія или въ качествѣ желѣзнодорожныхъ юрисконсультовъ, или директоровъ желѣзнодорожныхъ управленій и банковъ, или-же юрисконсультовъ другихъ солидныхъ общественныхъ учреждений.

Таковыми были В. А. Александровъ І-й, М. П. Мининъ, П. П. Дюшенъ, С. В. Щелканъ, С. И. Филатовъ, В. М. Томашевскій, А. Ф. Дерюжинскій, А. В. Лешковъ, П. А. Выше-славцевъ, А. И. Геннертъ, Ф. А. Коршъ, К. Ф. Одарченко, Г. П. Шеметовъ, И. Х. Померанцевъ, А. П. Воейковъ, П. А. Столповскій, Л. Г. Харитоновъ, С. Е. Псицевъ, А. Н. Головинъ,

Н. И. Андросовъ, Н. Н. Павильоновъ, А. Д. Способинъ, И. А. Соколовъ и многіе другіе.

Тѣ-же, кто не чувствовалъ себя достаточно талантливымъ и не надѣялся заручиться хорошей практикой, искали другихъ путей и уходили на службу или, какъ, напримѣръ, И. А. Мауринъ, въ нотаріатъ и въ качествѣ нотаріусовъ

В. А. Алексаноровъ 1-й.

М. П. Мининъ.

старались заработать то, что имъ не по силамъ было заработать въ адвокатурѣ.

Но съ годами и эта сравнительно здоровая среда все мельчала, пополняясь экземплярами или совершенно безцвѣтными, при встрѣчѣ съ которыми возникалъ вопросъ: „развѣ существуетъ и такой адвокатъ?“, или-же настолько

И. А. Соколовъ.

И. А. Мауринъ.

Н. Н. Павильоновъ.

Н. И. Андросовъ.

сомнительными элементами, что послѣ двухъ-трехъ лѣтъ практики имъ уже приходилось мѣнять карьеру или-же очертя голову ломиться напроломъ и подчасъ попадать на скамью подсудимыхъ.

Впрочемъ, доступъ на это не особенно почетное мѣсто сталъ свободенъ лишь въ послѣднее время, и въ этомъ отношеніи явились уже виртуозы, но объ этомъ рѣчь впереди, въ то-же время, о которомъ я пишу сейчасъ, этого еще стыдились, и потому большинство въ этихъ случаяхъ предпочитало уходить изъ жизни.

Уходъ Н. В. Муравьева не особенно печально отразился на московской прокуратурѣ; въ этомъ отношеніи она всегда была неизмѣнно счастлива. Не говоря уже о томъ, что здѣсь остались А. А. Саблинъ и Ф. Ф. Арнольдъ (Кохъ приблизительно въ это-же время умеръ, а Островскій тоже былъ куда-то переведенъ), Н. В. Муравьева замѣнилъ не менѣе талантливый, хотя и не столь блестящій П. Н. Обнинскій.

Наиболѣе видное выступленіе этого оратора было въ мартѣ 1880 г. по дѣлу молодой дѣвушки Качки, убившей студента-техника Байрашевскаго, и утверждавшей, что убила она его за то, что онъ ее соблазнилъ, а затѣмъ, черезъ нѣкоторое время ей измѣнилъ и у нея на глазахъ, сталъ ухаживать за ея подругой съ намѣреніемъ, какъ ей казалось, на той жениться.

Романъ самый ординарный и сплошь и рядомъ кончающійся такъ, какъ это случилось въ данномъ дѣлѣ, но на этотъ разъ старая сплетница—Москва, не хотѣла мириться съ простотою замысла этой грустной трагедіи, и москвичи передавали другъ другу на-ушко другую версію, по которой мотива этого убійства надо было искать въ другомъ дѣлѣ, незадолго передъ тѣмъ очень волновавшемъ Москву.

Дѣло въ томъ, что въ январѣ 1879 г. черезъ Москву отправлялась партія кіевскихъ студентовъ въ административную ссылку, за учиненные ими въ Кіевѣ безпорядки.

По прибытіи ихъ въ Москву московскіе студенты-техники явились на Курскій вокзалъ, чтобы ихъ встрѣтить, и когда тѣхъ посадили въ тюремныя кареты и повезли на такъ называемый „Колымажный дворъ“, гдѣ въ то время находилась пересыльная тюрьма (на мѣстѣ, гдѣ теперь выстро-

П. Н. Обнинскій.

ился музей Императора Александра III), студенты толпой двинулись ихъ туда провожать.

По дорогѣ, какъ всегда, къ этой толпѣ присоединялись любопытные и она росла какъ комъ снѣга, но тѣмъ не менѣе, вплоть до самаго Охотнаго ряда, толпа шла чинно, ничѣмъ не нарушая порядка. Но какъ только процессія вступила на территорію Охотнаго ряда, торговцамъ его

пришла въ голову дикая мысль, ни съ того, ни съ сего, студентовъ разогнать.

Задумано—сдѣлано; егрудившись толпой охотнорядцы бросились на студентовъ и такъ какъ у многихъ мясниковъ блеснули въ рукахъ ножи, то это произвело необычайную панику среди тѣхъ, на кого было совершено это нападеніе и прежде чѣмъ студенты сообразили, что надо спастись бѣгствомъ, многіе изъ нихъ уже были избиты, а нѣкоторые въ пылу азарта и ранены.

Тридцать лѣтъ тому назадъ и полицейскіе чины, особенно нижніе, почти сплошь состояли изъ такихъ же дикарей, какъ и расшалившіеся не въ мѣру охотнорядцы и, таща обывателя за шиворотъ въ участокъ, были увѣрены, что „просять его честью“, а потому не удивительно, что вмѣсто того, чтобы привлечь къ уголовной отвѣтственности охотнорядцевъ за произведенный ими скандалъ, они прослѣдили нѣкоторыхъ изъ спасавшихся бѣгствомъ студентовъ и ихъ-то и привлекли къ отвѣтственности передъ мировымъ судьей за нарушеніе общественной тишины и спокойствія.

И даже тогда, когда послѣ этого событія приставъ Берновъ въ участкѣ котораго находился Охотный рядъ, былъ уволенъ отъ службы, его сослуживцы наивно полагали, что онъ сдѣлался жертвой студентовъ, а не собственнаго недомыслія.

Дѣло о привлеченныхъ студентахъ въ маѣ 1879 г. и разсмотрѣно, у гуманнѣйшаго мирового судьи того времени Волкова и онъ большинство изъ привлеченныхъ студентовъ, конечно, оправдалъ и только 3-хъ или 4-хъ, особенно пришедшихъ въ азартъ и потому закусившихъ удила и набезобразничавшихъ, приговорилъ къ аресту, отложивъ приведеніе его въ исполненіе до конца лѣта, когда экзамены будутъ сданы, а ученье еще не начинается.

Но пока въ камерѣ Судьи производилось по этому дѣлу слѣдствіе, а производилось оно три дня, такъ какъ обѣ стороны выставляли массу свидѣтелей, страсти, во время ихъ опроса разгарались, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обвиняемыхъ, и вотъ показаніе одного изъ техниковъ Байрашевскаго, въ сущности очень правдивое и совершенно безпристрастное, очень не понравилось остальнымъ студентамъ.

А вскорѣ по окончаніи этого дѣла этотъ то Байрашевскій и былъ убитъ Качкой, и въ Москвѣ весьма настойчиво шушукались о томъ, что это убійство совершено на политической, а не на романической почвѣ.

Но о чемъ бы тамъ ни шептались, слѣдствіе по этому дѣлу велось своимъ чередомъ и согласно объясненію обвиняемой былъ составленъ обвинительный актъ и въ такомъ видѣ утвержденъ Судебною Палатой.

Значить ни о чемъ другомъ и на Судѣ не могло быть и рѣчи.

Но сплетня, передаваемая съ одного уха въ другое, переползла и сюда и вотъ одному изъ членовъ Суда, участвовавшему въ засѣданіи по дѣлу Качки, пришла въ голову блажная мысль провѣрить черезъ женщину-врача, дѣйствительно ли Качка состояла съ кѣмъ нибудь въ связи или нѣтъ, полагая, что это едва ли могло имѣть мѣсто, такъ какъ дѣвушка, не смотря на свои 18 лѣтъ, была страшно некрасива.

Для чего это ему понадобилось, онъ видимо не давалъ себѣ отчета, развѣ только для того, чтобы доказать, что объясненіе обвиняемой не вполне правдиво, а вѣдь ничего другого кромѣ занесеннаго въ обвинительный актъ ей ставить въ вину уже было нельзя. И тѣмъ не менѣе этотъ членъ Суда требовалъ, чтобы это изслѣдованіе было произведено.

Разсматривалось это дѣло въ VII отдѣленіи Суда и пред-

сѣдательствовалъ Д. Е. Рынкевичъ, а обвиненіе поддерживалъ Обнинскій.

Рынкевичу очень часто ставилась въ вину его склонность къ самовластію. И ставила ему это въ упрекъ не только адвокатура, но и магистратура.

И хотя обыкновенно онъ поступалъ властно, тогда, когда этого требовала необходимость, но въ душѣ онъ этихъ упрековъ стыдился, такъ какъ въ сущности онъ былъ человѣкъ очень добрый.

И вотъ на этотъ разъ ему пришла въ голову неудачная мысль уступить, хотя онъ и понималъ, что это изслѣдованіе ничего въ дѣлѣ не измѣнитъ.

И такимъ образомъ Судъ постановилъ пригласить въ Судъ женщину-врача и произвести это изслѣдованіе.

Надо было видѣть что сдѣлалось съ обвиняемой, когда Судъ объявилъ это постановленіе.

Она отлично понимала, что хотя это изслѣдованіе и будетъ произведено въ отдѣльной комнатѣ, но что протоколъ этого изслѣдованія будетъ оглашенъ, если даже и при закрытыхъ дверяхъ, то все таки въ присутствіи и присяжныхъ засѣдателей и всѣхъ тѣхъ мужчинъ, которые по службѣ обязаны присутствовать въ засѣданіи.

А вѣдь ей было только 18 лѣтъ. И рыдая, умоляла она лучше ее убить, чѣмъ подвергать такому надругательству. А когда ей въ этомъ было отказано, то въ судоргахъ упала она на скамью подсудимыхъ, колотясь головою о лавку.

Тщетно протестовали противъ этого насилія не только защитникъ ея — Плевако, но и представитель обвиненія — Обнинскій.

Оба они прекрасно сознавали, что послѣ такого насилія надъ обвиняемой во всякомъ случаѣ не останется мѣста для обвиненія.

Но Д. Е. Рынкевичъ уже заупрямился и не желая со-

знаться, что уступая члену Суда, онъ поступилъ неосмотрительно, онъ продолжалъ стоять на своемъ.

Уйти же изъ такого засѣданія, гдѣ происходило поруганіе обвиняемаго, ни у представителей сторонъ, ни у присяжныхъ засѣдателей ни хватило мужества, и такимъ образомъ актъ осмотра былъ произведенъ и оглашенъ, хотя при чтеніи его повторилась та же тяжелая сцена, такъ какъ подсудимая уткнувшись лицомъ въ скамью, все время глухо рыдыла, ни за что не желая сѣсть, а между тѣмъ ничего новаго этотъ актъ не выяснилъ и ни единымъ словомъ не опровергъ сознанія обвиняемой.

И вотъ при такихъ то обстоятельствахъ пришлось обвинителю держать свою рѣчь, съ полнымъ сознаніемъ, что теперь уже все симпатіи слушателей обращены къ ни за что обиженной дѣвушкѣ.

Но онъ съ необычайнымъ тактомъ вышелъ изъ этого положенія; совершенно почти не касаясь виновности Качки тепло и задушевно говорилъ онъ о томъ страшномъ горѣ, которое пришлось переживать матери убитаго, все силы свои положившей на то, чтобы вырастить и выучить своего единственного сына, свою надежду и опору въ будущемъ, и о томъ ужасѣ, который долженъ былъ ее охватить, когда пришло извѣстіе о разразившейся надъ нею бѣдѣ.

А уже вопросъ о томъ, долженъ ли кто нибудь отвѣтить, за эти такъ безжалостно причиненныя ей страданія, за эту ни за что загубленную молодую жизнь, онъ предоставлялъ рѣшить самимъ судьямъ совѣсти.

Его рѣчь произвела на слушателей неотразимое впечатлѣніе, и Ф. Н. Плевако, защищавшій Качку, это учелъ.

Ни слова не возражая обвинителю, и вмѣстѣ съ нимъ отъ души сожалея несчастную мать, на голову которой обрушилось это непосильное горе, и ни единымъ словомъ ни инсинуируя противъ памяти покойнаго, онъ всю свою рѣчь сосредоточилъ на томъ, что пережила и перестрадала

несчастливая дѣвушка, передъ которою только мелькнулъ призракъ счастья, смѣнившійся чисто животнымъ страхомъ, что это счастье у нея хотятъ отнять.

Сколько она выстрадала, когда отстаивая свое право на любовь, на взаимность, она убила того, кто былъ для нея дороже ея собственной жизни!

Что пережила, что почувствовала эта дѣвушка, только что достигшая 18-ти лѣтняго возраста, въ тюрьмѣ, призванная къ отвѣту за свой грѣхъ; что, наконецъ, пришлось вынести ей здѣсь на Судѣ, когда въ угоду совершенно праздному любопытству, безжалостно и безчеловѣчно затаптывалась въ грязь ея женская стыдливость.

И заканчивая свою страстную рѣчь, защитникъ задавался вопросомъ, неужели все то, что она вынесла, не искупаетъ въ достаточной мѣрѣ ея грѣхъ, неужели за одну загубленную молодую жизнь необходимо загубить еще и другую?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, конечно, только и могъ быть оправдательный вердиктъ. А публика, находясь еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ той несправедливости, которую Судъ совершилъ по отношенію къ обвиняемой, заставивъ ее пережить совершенно ни для чего не нужныя муки, съ энтузіазмомъ встрѣтила этотъ приговоръ.

А Д. Е. Рынкевичъ, вспоминая объ этомъ злосчастномъ дѣлѣ, много лѣтъ спустя каялся и не могъ себѣ простить, что одинъ разъ въ жизни уступилъ другимъ и не проявилъ въ достаточной мѣрѣ той властности, которая всегда составляла его отличительное качество. Послѣ же самаго дѣла жалѣли объ этомъ и тѣ, чѣмъ настояніемъ онъ тогда уступилъ.

Что же до П. Н. Обнинскаго, то если и при такихъ обстоятельствахъ онъ сумѣлъ тронуть сердца слушателей, не исключая и своего противника, то тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе производили его рѣчи тогда, когда почва для обвиненія являлась вполне основательной и не было мотивовъ для проявленія особаго милосердія.

Гораздо чувствительнѣе на судебныхъ порядкахъ отразился уходъ Н. А. Манассеина. Не стало хозяйскаго глаза, и тѣ, кому это было выгодно, стали то тамъ, то здѣсь наводить экономію. Въ этомъ отношеніи наименьшему учету поддавались дрова, а потому и первая проба была произведена въ смыслѣ экономіи на отопленіе канцелярій и залъ засѣданій.

Но эта экономія встрѣтила суровый отпоръ. Товарищи председателя Н. П. Посниковъ и Е. Р. Ринкъ, пользовавшіеся не особенно хорошимъ здоровьемъ, и Д. Е. Рынкевичъ, у котораго одинъ изъ членовъ отдѣленія, Н. П. Плечко, былъ человѣкъ болѣзненный и хилый, при первой попыткѣ понизить температуру въ залахъ засѣданія твердо заявили представителямъ администраціи, что если въ залахъ засѣданія будетъ меньше 15°, они не станутъ открывать засѣданій и, откладывая по этому поводу дѣла, будутъ составлять объ этомъ протоколы, которые и отошлютъ въ министерство.

Того-же самага они потребовали и относительно канцелярій и кабинетовъ, хотя администрація пыталась какъ-нибудь обойти и это требованіе, благо гр. Капнистъ, явившійся на смѣну Н. А. Манассеину, самъ, повидимому, въ хозяйственныя распоряженія не входилъ и довольствовался тѣмъ, что ему докладывали его подчиненные. Была, напри-мѣръ, сдѣлана попытка закрывать печи тотчасъ-же послѣ того, какъ они протопились (печи топились по вечерамъ). Такъ какъ поздно засиживалось какое-нибудь одно отдѣленіе, а во всѣхъ остальныхъ помѣщеніяхъ открывались форточки, то и надѣялись, что угаръ не дойдетъ до залы засѣданія.

Но и это почти никогда не удавалось, такъ какъ чаще другихъ засиживался Е. Р. Ринкъ, а онъ къ угару былъ очень чувствителенъ и, слышавъ запахъ дыма, тотчасъ-же приостанавливалъ засѣданіе, требовалъ къ себѣ смотрителя и при себѣ заставлялъ открывать трубы у всѣхъ только-что

истопленныхъ печей. Такимъ образомъ эта экономія превращалась въ чистый убытокъ.

Но лишиться этой экономіи администраторамъ судебного зданія отнюдь не хотѣлось, и они рѣшили ее перенести въ нижній этажъ, на помѣщенія сторожей, благо тѣ протестовать противъ этого не смѣли.

С. С. Гончаровъ.

На счастье послѣднихъ гр. Капнистъ занималъ этотъ постъ сравнительно недолго, и въ 1881 г. на это мѣсто былъ назначенъ бывшій председатель Кіевскаго Окружнаго Суда, С. С. Гончаровъ.

Это тоже былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, гдѣ-бы ни побывали, оставляютъ по себѣ тотъ свѣтлый слѣдъ, который надолго остается въ памяти людей.

Такимъ-же хорошимъ и добрымъ человѣкомъ была и жена С. С. Гончарова, которая, вмѣстѣ съ необычайною красотой физической, совмѣщала въ себѣ и красоту душевную.

Она-то и взяла на себя заботу о судебныхъ сторожахъ и скрасила ихъ жизнь, насколько это было въ ея силахъ. Ей первой бросилось въ глаза, что температура ихъ помѣщений совершенно не соответствуетъ температурѣ остальныхъ помѣщений судебного зданія. Это свое открытіе она тотчасъ-же передала мужу, а тотъ, уже лично убѣдившись въ этомъ, отдалъ распоряженіе, чтобы и въ помѣщеніяхъ сторожей было такъ-же тепло, какъ и въ его квартирѣ, и самъ неукоснительно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы это его распоряженіе исполнялось, навѣдываясь внизъ въ самое неожиданное для зрителей зданія время.

Такъ-же заботливо была обставлена С. С. Гончаровымъ и его женою и врачебная помощь для низшаго судебного персонала, хотя это дѣло въ Судѣ всегда стояло довольно хорошо, благодаря заботливости о больныхъ состоявшаго въ то время фельдшеромъ А. П. Иванова.

Однако и сюда г-жа Гончарова сумѣла кое-что внести, распорядившись, чтобы дѣти служащихъ, заболѣвшіе заразными болѣзнями, отправлялись въ больницу не иначе, какъ въ каретахъ, за ея личный счетъ.

Такъ-же внимательно слѣдилъ С. С. Гончаровъ и за всѣмъ остальнымъ хозяйствомъ Суда, но, къ сожалѣнію, онъ тоже занималъ этотъ постъ всего три года, а послѣ него такихъ администраторовъ, какимъ былъ онъ и Н. А. Манассеинъ, въ Московскій Судъ уже не попадало, и тотъ порядокъ, который существовалъ при нихъ, канулъ въ вѣчность.

За-то долго и съ любовью сторожа вспоминали о С. С. Гончаровѣ и объ его женѣ, относившихся къ нимъ съ такою человѣчностью.

Къ началу 80-хъ годовъ общая фیزیономія судебныхъ дѣятелей значительно измѣнилась.

Къ тому времени всесословная школа успѣла уже выпустить цѣлые кадры людей, еще совершенно не подготовленныхъ къ воспринятію альтруистическихъ идеаловъ культурнаго человѣчества и смотрѣвшихъ на дипломъ, исключительно, какъ на средство схватить кусъ пожирнѣй.

Само собой разумѣется, что наибольшее число этого сорта людей стремилось примкнуть къ либеральной корпораціи адвокатовъ, какъ наименѣе подлежащей контролю съ чьей-бы то ни было стороны. И чего-чего только въ этой средѣ не появлялось!

Появлялись и профессора съ громкими именами, не гнушавшіеся прикрывать этими именами втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ гнуснѣйшую практику самыхъ беззастѣнчивыхъ частныхъ повѣренныхъ.

Являлась и молодежь, которая помогала людямъ, воспользовавшимся съ помощью преступленія чужимъ достояніемъ, оперировать этими средствами, а растрату довѣрительскихъ денегъ, полученныхъ по довѣренности, уже не считавшая и за грѣхъ, а, наоборотъ, находившая возможнымъ довѣрителей, относившихся къ такимъ ихъ поступкамъ безпощадно, не только обставить такъ, чтобы они съ нихъ и получить ничего не могли, но въ придачу къ этому еще всячески и инсинуировать противъ нихъ,

И даже талантливѣйшіе изъ нихъ, сразу завладѣвшіе общественнымъ вниманіемъ и пріобрѣвшіе крупную кліентуру, не считали нужнымъ быть хоть до нѣкоторой степени разборчивыми въ дѣлахъ, и отсюда получилось то, что по грязнѣйшимъ дѣламъ, отъ которыхъ всякій мало-мальски чистоплотный человѣкъ отвернулся-бы съ отвращеніемъ, выступали адвокаты съ громкими именами.

Этимъ новое поколѣніе адвокатовъ 80-хъ годовъ и отличалось отъ своихъ старшихъ собратьевъ, которые, прогрѣмѣвъ, уже не считали возможнымъ купать свое имя въ грязи,

къ предлагаемымъ имъ дѣламъ относились разборчиво и брезгливо отворачивались отъ всего сомнительнаго.

Неудивительно поэтому, что этотъ новый элементъ съ большой антипатіей относился къ представителямъ магистратуры, ревниво оберегавшимъ судебныя засѣданія отъ ихъ некорректныхъ выходокъ и всегда ихъ въ этихъ случаяхъ своевременно одергивавшихъ.

До какой степени Судъ былъ въ этомъ отношеніи щепетилень, можно судить по такому примѣру: однажды въ 7-мъ отдѣленіи у Рынкевича на 13-е января было назначено разсмотрѣніе крупнаго дѣла, по которому обвинялись въ цѣломъ рядѣ мошенничествъ докторъ Корнатовскій и его сожительница Травникова. Насколько это дѣло было серьезно, можно судить по тому, что на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей было предложено 87 вопросовъ, большая часть которыхъ относилась къ Корнатовскому.

Въ этомъ дѣлѣ Травникову долженъ былъ защищать присяжный повѣренный И. С. Куриловъ, человекъ безукоризненно чистый и въ высшей степени корректный.

Но надо-же было случиться, что наканунѣ былъ Татьянинъ день, когда всякій кончившій университетъ въ силу установившихся традицій считалъ своимъ долгомъ выпить лишнее. Несомнѣнно, выпилъ наканунѣ и Иванъ Семеновичъ, и такъ какъ человекъ онъ былъ довольно хилый, то въ засѣданіе онъ явился съ головною болью. Боясь, что эта боль помѣшаетъ ему сосредоточить все свое вниманіе на дѣлѣ, онъ и просилъ Судъ дѣло отложить, чистосердечно сознаваясь, что послѣ вчерашняго дня у него трещить голова.

Д. Е. Рынкевичъ нашелъ такое заявленіе въ публичномъ засѣданіи неприличнымъ и хотя дѣло и отложилъ, но о поступкѣ И. С. Курилова постановилъ сообщить въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Такая щепетильность Суда, конечно, не нравилась тѣмъ, кто разнузданность принималъ за свободу, и о придирчивости предсѣдателей создавались цѣлыя легенды. Но Судъ оставался неуязвимъ, и не подчиняться ему не было ни малѣйшей возможности, хотя къ этому и прилагались всевозможныя старанія.

Такъ-же сурово и неумолимо Судъ пресѣкалъ и всякія попытки со стороны защитниковъ инсинуировать противъ потерпѣвшихъ, и эта система защиты получила права гражданства только уже послѣ того, какъ Н. П. Посниковъ и Д. Е. Рынкевичъ получили новыя назначенія, а Е. Р. Ринкъ ушелъ въ отставку.

Впервые этотъ способъ защиты былъ примѣненъ въ 1882 году однимъ довольно извѣстнымъ въ то время адвокатомъ.

Защищая какого-то артельщика, онъ попробовалъ проинсинуировать потерпѣвшаго за то, что тотъ былъ довѣрчивѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Ну, ужъ и досталось ему за это отъ предсѣдательствовавшаго по этому дѣлу Н. П. Посникова, да, кстати, уже и отъ газетъ, и досталось такъ, что надолго отбило охоту и у другихъ примѣнять эту систему защиты.

Отразились новыя вѣянія и на характеръ дѣлъ: моральные мотивы преступленій отодвинулись далеко и уступили мѣсто мотивамъ матеріальнымъ.

Банки лопались одинъ за другимъ, какъ мыльные пузыри, и съ зловѣщимъ трескомъ взлетали на воздухъ, какъ ракеты, оставляя по себѣ гнусный слѣдъ ограбленія богачами нищихъ. И чего только не придумывали банковскіе заправилы, чтобы растратить пофюрсистѣй чужія деньги! Юханцевъ, кассиръ общества Взаимнаго поземельнаго кредита, не только поилъ своихъ лошадей шампанскимъ, но и заказывалъ для нихъ золотыя подковы; директоръ Тамбовско-Саратовскаго банка Борисовъ украшалъ лошадей, на которыхъ устраивались катанья, лисьими хвостами,—словомъ, имъ мало было того,

что они сами расхищали чужое имущество, они вовлекли въ этотъ грѣхъ и безсловесныхъ животныхъ, пользуясь тѣмъ, что тѣ безсильны выразить имъ свое презрѣніе.

А затѣмъ наступалъ часъ расплаты, и одинъ за другимъ дефилировали банковскіе воротилы передъ Судомъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ провинціи, стараясь вмѣстѣ со своими защитниками, которымъ платили за защиту бѣшеные куши, подальше припрятать концы и по-возможности свалить свою вину на другихъ.

А за банковскими дѣльцами длинною вереницей потянулись представители и другихъ общественныхъ учреждений: то тамъ, то здѣсь періодически стали опустошаться городскія и земскія кассы, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти растраты достигали милліоновъ, какъ на примѣръ, это имѣло мѣсто въ дѣлѣ предсѣдателя земской Управы Алѣева, которому было поручено произвести заготовку хлѣба для неурожайныхъ мѣстъ и который положилъ при этомъ въ свой карманъ свыше двухъ милліоновъ рублей.

Ну, конечно, и ихъ не пощадили; адвокаты срываю съ нихъ огромные куши, но львиная доля все-таки оставалась въ ихъ бездонныхъ карманахъ, благодаря чему они имѣли возможность продолжать безпечальное житіе и въ мѣстахъ ссылки.

Возможность легкой наживы въ свою очередь развращала и адвокатовъ, и имъ уже не хотѣлось ждать, пока случится гдѣ-нибудь крахъ,—нѣтъ, они уже сами принимали мѣры къ тому, чтобы создать что-нибудь феноменальное, и въ итогъ такихъ стараній въ одномъ случаѣ на скамьѣ подсудимыхъ оказался весь составъ Сиротскаго Суда, допустившій разграбленіе опекаемыхъ, въ другомъ случаѣ произошло крушеніе Харьковскаго банка, причемъ виновникъ этого крушенія Алчевскій предпочелъ смерть скамьѣ подсудимыхъ. И вотъ, когда стоимость акціи банка пала чуть-чуть не до цѣны оберточной бумаги, эти акціи

въ огромномъ количествѣ перешли во владѣніе предусмотрительныхъ адвокатовъ, а когда эти акціи нѣсколько лѣтъ спустя снова поднялись до своей первоначальной стоимости, адвокаты оказались людьми весьма состоятельными.

Словомъ, не было такого учрежденія, на кассу котораго не производилась-бы упорная и безпощадная осада, если только изъ-за содержимаго стоило хлопотать, и естественно, что банкиры и кассиры того времени были излюбленнѣйшими героями юмористической прессы.

И дѣйствительно, картины получались умопомрачительныя: за 80-лѣтнимъ кассиромъ Опекунскаго Совѣта Мельничкимъ слѣдовала залитая тысячами брилліантами, украденными у неосторожныхъ пассажировъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ, красавица-еврейка Блювштейнъ, по прозванію „Сонька—золотая ручка“; за 70-лѣтнимъ кассиромъ банковской конторы Волковыхъ, Костко, стащившимъ послѣ 30-лѣтней службы изъ кассы своихъ хозяевъ 30 тысячъ, вереницею тянулась цѣлая семья Мельническаго, его сыновья и дочери съ ихъ женихами и невестами, все лица, получившія среднее и высшее образованіе,—среди нихъ были и студенты, и техники,—не постыдившіеся не только укрыть украденныя ихъ отцомъ 200 тысячъ руб., но и кутить на эти деньги, кататься на нихъ за границу и тамъ транжирить на такіе предметы роскоши, о которыхъ никогда-бы и не вспомнилъ человѣкъ, живущій на свой личный заработокъ.

Но все это уже были мелкіе хищники сравнительно съ тѣми прожорливыми акулами, которыя, развѣзжая на блестящихъ золотыми подковами и кокетливо убранныхъ лисьими хвостами лошадяхъ, цѣлыми массами обирали и пускали по міру довѣрчивый мелкій людъ.

Къ этого рода хищникамъ можно было причислить развѣ только ту компанію тоже людей съ высшимъ образованіемъ, которые, задумавъ воспользоваться милліонами извѣстнаго въ Москвѣ скупца Кукина, явились въпятеромъ въ его домъ

и тамъ его задушили. Чтобы замаскировать убійство, они усадили убитаго возлѣ сундука, въ которомъ онъ хранилъ свои миллионы, и, положивъ его на край сундука, вынули изъ этого сундука около двухъ миллионѡвъ, оставивъ тамъ остальные 16 миллионѡвъ. Затѣмъ преступники прихлопнули голову старика тяжелой крышкой, какъ-будтобы она сорвалась случайно, и преспокойно ушли.

Вынутыми изъ сундука деньгами они набили привезенную съ собою наволочку и привезли эти деньги въ тѣ меблированные комнаты, въ которыхъ вся эта компанія проживала. Раздѣливъ здѣсь все похищенное между собою, они поспѣшили выдѣлать за молчаніе своимъ сожительницамъ, отъ которыхъ намѣревались отвязаться, тысячъ по сорока и столько-же дали содержателю меблированныхъ комнатъ, знавшему о томъ, что они предпринимаютъ, а затѣмъ разѣхались изъ Москвы въ разныя стороны.

Вся эта операція была произведена ими такъ чисто, оставленные въ сундукѣ миллионы такъ убѣдительно говорили за то, что въ данномъ случаѣ имѣла мѣсто случайность, а не грабежъ, что слѣдователь, къ которому попало это дѣло, вообще отличавшійся неповоротливостью, пробившись около шести мѣсяцевъ съ дворникомъ, несомнѣнно хорошо на этомъ дѣлѣ заработавшимъ и не обмолвившимся ни единымъ намекомъ, направилъ это дѣло къ прекращенію, благо наслѣдникъ убитаго, всю жизнь не имѣвшій въ своемъ распоряженіи сотни рублей, сиѣшилъ получить оставшіеся послѣ старика миллионы, благодаря Создателя, что грабители не были особенно жадны и удовлетворились сравнительно незначительною частью.

И не случись въ этомъ дѣлѣ женщинъ, конечно, никогда не узнала-бы Москва, какъ совершилась эта тяжелая трагедія, но женщины, взявшія отступное, считали себя обязанными молчать только втеченіе десяти лѣтъ, пока героямъ этой трагедіи грозила опасность отвѣтственности.

По истеченіи-же этого срока онѣ распустили языки, и москвичи хорошо знали всѣхъ тѣхъ, кто принималъ въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе, тѣмъ болѣе, что время отъ времени они напоминали о себѣ, когда надо было, напримѣръ, сподить наслѣдника, имѣющаго въ скоромъ будущемъ получить огромное наслѣдство, чтобы превратить его въ своего покорнаго раба, или-же совершить еще что-нибудь въ этомъ родѣ.

Неудивительно, что когда какое-либо изъ этихъ дѣлъ назначалось къ слушанію въ Судѣ, въ засѣданіе собиралась вся аристократическая Москва, ни передъ чѣмъ не останавливавшаяся, лишь-бы заручиться билетомъ на такое любопытное зрѣлище.

Нѣкоторыя изъ дѣлъ носили поистинѣ ужасный характеръ. Извѣстно, что все, что совершается взрослыми, отражается и на поступкахъ дѣтей, и эта дѣтская преступность того времени, являя собою ту-же погоню за крупными кушами, представляла собою особенно уродливую форму этого рода преступленій.

Такъ, почти одновременно въ Харьковѣ судился гимназистъ 7-го класса Горскій, перерѣзавшій цѣлую семью изъ пяти человѣкъ, чтобы воспользоваться деньгами, которыя глава семейства долженъ былъ получить въ этотъ день изъ банка; въ Курскѣ судились воспитанники Катковского лицея 13 и 15 лѣтъ, убившіе извозчика, чтобы воспользоваться его лошадьми и повозкой, на которыхъ они намѣревались продолжать свой путь въ Америку, и, наконецъ, въ Москвѣ сначала судился кр. Павловъ 18-ти лѣтъ убившій своего воспитателя-садовника, съ цѣлью воспользоваться нѣсколькими десятками рублей, скопленными старикомъ.

Такъ какъ всѣми свидѣтелями было установлено, что старикъ любилъ своего воспитанника какъ сына, и относился къ нему даже нѣжно, то, чтобы хоть до нѣкоторой степени оправдать свое злодѣяніе, Павловъ сталъ увѣрять,

что убилъ онъ своего воспитателя въ пылу возникшей между ними ссоры.

Но и это его объясненіе самымъ неожиданнымъ образомъ для всѣхъ было опровергнуто.

Д-ръ Морель, въ то время еще только начинавшій свою судебную карьеру, въ качествѣ судебного врача-эксперта (впослѣдствіи, въ теченіе цѣлыхъ 35 лѣтъ, помогавшій Суду разбираться въ самыхъ серьезныхъ убійствахъ), приглашенный Судомъ дать свое заключеніе, уже началъ было его давать, но остановившись на полсловѣ, сказалъ: „я сейчасъ“ и изъ засѣданія вышелъ. Вернувшись черезъ пять минутъ, онъ принесъ съ собою какой-то свертокъ и развернувъ его, представилъ вниманію присяжныхъ засѣдателей препарированный имъ черепъ убитого садовника, явившійся нѣмымъ свидѣтелемъ того, какой предательскій ударъ былъ нанесенъ обухомъ топора нагнувшемуся надъ грядкой старику. И видъ этого раздробленнаго сзади черепа сыгралъ рѣшающую роль въ смыслѣ обвиненія убійцы.

Затѣмъ въ Москвѣ же судились 13 и 15-лѣтніе ученики Коммисаровскаго училища Буренинъ и Виноградовъ, изъ которыхъ первый убилъ свою мать-ростовщицу съ цѣлью воспользоваться тридцатью тысячами, которыя она хранила подъ подушкой, а второй помогалъ ему засунуть убитую въ русскую печь и зажечь бывшее на ней платье съ цѣлью сокрытія этого убійства. Послѣ этого они, взявъ ея 30 тысячъ, отправились въ Петербургъ. Убійство это въ тотъ-же день было обнаружено, потому что къ Буренину пришлось пригласить доктора, такъ какъ у него на животѣ оказалась огнестрѣльная рана, нанесенная ему изъ револьвера его матерью послѣ того, какъ онъ, произведя въ нее первый выстрѣлъ, выронилъ со страху револьверъ изъ рукъ. Послѣ этого онъ уже добилъ свою мать до смерти березовымъ по-

лѣномъ, а у самого у него пуля такъ и осталась неизвлеченною, такъ какъ она зарылась гдѣ-то въ кишкахъ.

Ко всѣмъ этимъ несовершеннолѣтнимъ убійцамъ общество отнеслось такъ-же безпощадно, какъ безпощадны были они къ своимъ жертвамъ, и всѣ они, не исключая и 13-лѣтняго укрывателя Виноградова, были признаны виновными и сосланы въ Сибирь—кто въ каторгу, кто на поселеніе. Какъ ни старались адвокаты увѣрить, что по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ это—нероновскіе приговоры, общество было глухо къ сентиментализму неврастениковъ и безъ колебанія вырывало изъ своей среды такіе гнилые побѣги.

Такіе-же суровые приговоры встрѣчали и женщины, пытавшіяся прикрыть свои хищническіе инстинкты наивностью и неопытностью, хотя въ дѣйствительности каждая изъ нихъ могла дать сто очковъ впередъ любому мужчинѣ.

Такъ, въ московскомъ Судѣ была осуждена и приговорена къ ссылкѣ въ Сибирь вдова надворнаго совѣтника, а въ Петербургѣ та-же судьба постигла Гулакъ-Артемовскую.

Не спасли ихъ ни громкія имена, ни чувствительныя рѣчи ихъ защитниковъ,—общество съ презрѣніемъ относилось къ людямъ, залѣзавшимъ въ чужой карманъ, и, снисходительно относясь ко всѣмъ другимъ мотивамъ преступленія, безъ сожалѣнія расправлялось съ ворами.

Да, оно было и понятно: эти женщины въ своей погонѣ за чужими средствами не довольствовались тѣмъ, что понавшія въ ихъ цѣпкія руки чужія деньги перекладывали въ свои карманы, нѣтъ,—онѣ еще попутно совершали возмутительныя преступленія, доходя въ этомъ отношеніи до виртуозности.

Такъ, Булахъ довела отданную ей на воспитаніе богатую сироту Мазурину, развивъ въ ней всякаго рода пороки, до полного идиотизма и, отказывая ей даже въ пищѣ и обуви, завладѣла всѣми ея деньгами. Но и этого ей было мало: она кстати уже, прикрываясь заботой о ближнемъ, собирала

и съ другихъ деньги на церкви и благотворительныя учрежденія и все это сначала клала въ свой карманъ, а затѣмъ переводила на сына.

Въ Москвѣ дѣло Булахъ разсматривалось съ особенною торжественностью. Предсѣдательствовалъ самъ предсѣдатель Суда Лавровъ, обвинялъ прокуроръ Судебной Палаты Гончаровъ, а гражданскимъ исцомъ являлся Плевако.

Вотъ тутъ-то, обвиняя эту корыстную женщину, Плевако и припомнилъ другую, которую 13 лѣтъ тому назадъ онъ тоже обвинялъ въ этомъ-же самомъ помѣщеніи, и онъ не удержался, чтобы не сказать, какая неизмѣримая разница была между тою и другою.

Теперь передъ его умственнымъ взоромъ игуменья Митрофанія уже предстала, какъ подвижница, которая, собирая съ грѣшнаго міра дань, все несла къ подножію алтарей, и ни единая копѣйка изъ собраннаго не попала въ ея карманъ. Теперь онъ это призналъ.

Булахъ—наоборотъ, все тащила, что попадало подъ руку, будто-бы на нужды алтарей, и все, что удавалось схватить, поглубже запрятывала въ свой карманъ.

Четыре дня тянулось въ Судѣ засѣданіе по этому безпримѣрному дѣлу, четыре часа громилъ обвинитель безсердечную женщину, лишившую ввѣренную ей дѣвушку образа и подобія Божія. И когда, въ концѣ-концовъ, присяжные засѣдатели вынесли ей обвинительный вердиктъ, она злобно бросила своимъ судьямъ въ лицо, что денегъ-то отъ нея обратно уже никто не получитъ.

Въ сравненіи съ такими фуріями, агнцами представлялись тѣ мужчины, которые со слезами вымаливали себѣ снисхожденіе, жалуясь на несчастливо сложившіяся семейныя обстоятельства и на тотъ соблазнъ, который представляли собою находящіеся въ ихъ рукахъ общественныя кассы съ ихъ миллионнымъ содержимымъ.

Шампанское, золотыя подковы, лисьи хвосты и тому по-

добное, они всячески старались затушевать, а наружу выдвигали только свои горести и нужды.

Такъ, въ Москвѣ одинъ за другимъ судились послѣ московскаго Ссуднаго банка всѣ заправили ржевскаго отдѣленія Волжско-Камскаго банка. Затѣмъ за растрату земской кассы судился предсѣдатель раненбургской земской Управы. Далѣе, разсматривалось дѣло о злоупотребленіяхъ въ московскомъ военномъ госпиталѣ. И потомъ снова судился предсѣдатель егорьевской земской Управы, за нимъ—мировой посредникъ Терпигоревъ, потомъ кассиръ банкирской конторы Волковыхъ—Костко, кассиръ опекунскаго совѣта Мельницікй, затѣмъ вся его семья; послѣ нихъ весь составъ Скопинскаго банка, далѣе предводитель дворянства Рылѣевъ, затѣмъ воротилы бронницкаго банка, за ними кн. Голицынъ съ пособниками своими Поссе, Хлобоцинымъ и Тургеневымъ, а на смѣну этимъ явились заправили Саратовско-Симбирскаго банка и такъ безъ конца.

Не были счастливы въ этомъ отношеніи и другіе города земли Русской, — такой-же мартирологъ постепенно росъ и у нихъ.

Такъ, передъ петербургскими судебными учрежденіями въ стройномъ порядкѣ дефилировали мировой судья Хрущовъ, кассиръ взаимнаго общества поземельнаго кредита Юхонцевъ, кассиръ петербургскаго агенства французскаго общества „Ліонскій кредитъ“ Гребетъ, подъ ручку съ держателемъ частной банкирской конторы Эде и артельщикомъ Александровымъ, помогавшими ему опустошать ввѣренную ему кассу, Гулакъ-Артемовская съ цѣлымъ ворохомъ подложныхъ векселей, воротилы Кронштадтскаго банка—Синебрюховъ и другіе.

Въ то-же время разсматривалось этого-же рода дѣла и въ Одессѣ, и въ Казани, и въ Саратовѣ, и въ Харьковѣ. Тамъ слушались дѣла о растратчикахъ мировыхъ судьяхъ Варницкомъ, Маркевичѣ, Распутинѣ, становомъ приставѣ

Раевскомъ, одесскомъ полицеймейстерѣ Антоновѣ, представителямъ казанскаго рекрутскаго присутствія въ цѣломъ его составѣ, саратовскомъ городскомъ головѣ Богомоловѣ, о казначеѣ херсонскаго банка Зенфировѣ, членахъ саратовской продовольственной комиссіи Альбрандтѣ, Анисимовѣ и Ухинѣ, самарскомъ городскомъ головѣ Бурѣевѣ и членахъ городской Управы Эссенѣ и Гориновѣ и, наконецъ, о 50-ти представителяхъ таганрогской таможни, положительно грабившихъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ несчастье съ ними входить въ дѣловыя сношенія.

И все это въ теченіе пяти лѣтъ. Это была какая-то эпидемія, микробы которой гнѣздились въ кассахъ общественныхъ учрежденій сразу отравляя мозги всѣхъ тѣхъ, кто получалъ къ этимъ кассамъ доступъ. Грядущее наказаніе ихъ уже не страшило, и они цѣлыми компаніями отправлялись въ далекій путь въ Сибирь и тамъ уже осѣдали, кто въ Томскѣ, кто въ Тобольскѣ, кто въ Енисейскѣ, смотря по тому, куда Судъ находилъ нужнымъ ихъ спроводить.

Но важно то, что всѣ эти акулы не оставались безнаказанными и за горе тѣхъ, которые становились ихъ жертвами, получали достойное возмездіе.

Въ 1884 г. С. С. Гончаровъ былъ переведенъ въ Петербургъ, и прокуроромъ московской Судебной Палаты былъ назначенъ Н. В. Муравьевъ. Приблизительно въ то-же время ушелъ въ Петербургъ и А. Н. Шаховъ, и замѣстителемъ его явился В. Р. Завадскій.

Это были уже новые люди, вводившіе и новые порядки, и славное прошлое новаго реформированнаго Суда съ его гуманитарными принципами отодвигалось на задній планъ и замѣнялось карьеризмомъ, мѣщанскимъ важничаньемъ и бумажнымъ формализмомъ...

Это было какъ нельзя болѣе на руку тѣмъ, кто умѣлъ на этихъ струнахъ играть, но въ общемъ это уже было

пониженіе не только общественныхъ, но и судебныхъ нравовъ.

Такіе люди, какъ Н. П. Постниковъ, Д. Е. Рынкевичъ и П. С. Кларкъ, которые такъ-же, какъ и Э. Н. Сумбулъ, неукоснительно держались старыхъ традицій и упорно не шли ни на какія уступки, уже становились бѣльмомъ на глазу, и, въ случаѣ надобности, ихъ втихомолку стали обходить. Это тѣмъ болѣе было легко, что председатели Суда и Палаты во всякое время имѣли право по любому дѣлу взять председательство на себя, безразлично отъ того, въ какомъ-бы отдѣленіи дѣло ни находилось.

И благодаря этому стѣны реформированнаго Суда снова узнали цѣну кумовства.

Вступивъ на постъ прокурора Судебной Палаты, Н. В. Муравьевъ прежде всего обратилъ вниманіе на внѣшній лоскъ своихъ подчиненныхъ и въ буквальномъ смыслѣ слова сталъ дрессировать своихъ кандидатовъ. Правда, какъ человѣкъ самъ въ высшей степени талантливый, онъ умѣлъ отличать среди нихъ наиболѣе способныхъ, но на долю этихъ-то и выпадала наибольшая муштровка.

Любимыми его кандидатами были С. С. Хрулевъ, С. Н. Цемнѣ и Муромцевъ (братъ его первой жены), и къ нимъ то онъ и относился особенно взыскательно. Не только свою дѣятельность, но и свою походку, и манеры имъ нужно сообразовать съ желаніемъ начальства, и волей-неволей имъ приходилось подчиняться этой муштровкѣ, такъ какъ въ будущемъ она сулила имъ крупное положеніе, котораго они и достигали въ такой короткій срокъ, о которомъ никто другой не смѣлъ и мечтать. Пока другіе съ грѣхомъ пополамъ добивались до должности члена Суда, эти уже назначались и председателями Суда, и прокурорами Судебныхъ Палатъ.

Тотъ-же широкій размахъ проявилъ Н. В. Муравьевъ,

въ качествѣ инспектора зданія, и въ хозяйствѣ Суда, совершенно не соображаясь съ его средствами.

Занимая самъ огромную квартиру въ 20 комнатъ, онъ считалъ нужнымъ съ такимъ-же комфортомъ устраивать и другихъ членовъ администраціи, тѣмъ болѣе, что въ качествѣ помощника смотрителя Суда онъ привезъ брата своей второй жены. И стала на этотъ предметъ урѣзываться одна часть судебного зданія за другой.

Вскорѣ подъ квартиры представителей администраціи отошла чуть не половина верхняго этажа.

Въ первые годы своего существованія новыя судебныя учрежденія занимали только половину средняго этажа и самую незначительную часть верхняго. Другую половину средняго этажа еще продолжалъ занимать Сенатъ, верхній этажъ отъ Никольскихъ воротъ занималъ сенатскій архивъ, а отъ Чудова монастыря—архивъ министерства юстиціи. Что касается нижняго этажа, то онъ цѣликомъ былъ занятъ съ одной стороны межевymi канцеляріями, съ другой —межевымъ архивомъ. Къ 1 января 1872 года Сенатъ былъ упраздненъ, а въ 1873 году переехалъ въ собственное помѣщеніе и архивъ министерства юстиціи, захвативъ съ собою и сенатскій архивъ.

Такимъ образомъ, судебныя учрежденія, разрастаясь, уже заняли и средій и верхній этажи.

Въ этомъ положеніи Судъ оставался до назначенія прокуроромъ московской Судебной Палаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и инспекторомъ зданія Н. В. Муравьева. Съ собою онъ привезъ изъ Петербурга и новаго смотрителя зданія А. Ф. Добржинскаго, занимающаго эту должность и сейчасъ.

Какъ человѣкъ, придающій огромную цѣну показной сторонѣ всякаго дѣла, Н. В. Муравьевъ рѣшилъ окружить судебныя учрежденія наибольшей помпой. Старое зданіе, выстроенное при Петрѣ Великомъ и подновленное при Екатеринѣ II и крѣпко сшитое, не удовлетворяло, однако,

тѣмъ требованіямъ комфорта, къ которому уже приспособились петербуржцы и начинали приспособляться и москвичи.

И вотъ новому смотрителю зданія, по мановенію его энергичнаго начальника, и выпало на долю ввести въ судебномъ зданіи все то, что дѣлаетъ зданіе комфортабельнымъ

А. Ф. Добржинскій.

Начинать пришлось съ первыхъ шаговъ. Въ то время канализаціи еще не существовало, а водопроводами пользовались лишь немногія учрежденія, устраивавшія каждое отдѣльно для себя отвѣтвленія отъ общаго мытищинскаго водопровода. Въ числѣ этихъ немногихъ учреждений имѣлъ такой водопроводъ и женскій Вознесенскій монастырь. Слу-

жащіе-же судебныхъ учреждений съ ведрами на коромыслахъ ходили за водой къ бассейну, находившемуся противъ Александровскаго сада, и съ водой возвращались по крутой горѣ, испытывая тысячи мученій. Поэтому первой заботой зрителя было проведеніе въ зданіе воды. Это однако было не такъ-то просто. На проведеніе собственнаго водопровода отъ бассейна у Суда не было необходимыхъ средствъ, и потому было рѣшено просить игуменью Вознесенскаго монастыря позволить продолжить до Суда ихъ водопроводъ. Сговориться съ женщиной, хотя и съ игуменьей, однако не такъ-то было легко. Она то соглашалась, то снова отказывала, боясь, что если вода пойдетъ въ Судъ, то пожалуй, пройдетъ мимо монастыря, и только съ помощью городского головы, Н. А. Алексѣева, ее удалось убѣдить, съ тѣмъ однако условіемъ, что если воды въ монастырь станетъ поступать меньше, она оставляетъ за собой право отдѣлить свой водопроводъ.

Покончивъ съ вопросомъ о водѣ, инспекція зданія занялась вопросомъ объ освѣщеніи. Въ то время, какъ и большая часть московскихъ учреждений, судебное зданіе освѣщалось газомъ, страшно накаливавшимъ воздухъ, вслѣдствіе чего вечернія засѣданія то-и-дѣло приходилось прерывать, чтобы освѣжить воздухъ. А между тѣмъ въ Москвѣ уже возникало электрическое общество, но такъ какъ еще никто не зналъ, во что можетъ обойтись освѣщеніе электричествомъ, то всѣ и остерегались переходить на это освѣщеніе, боясь, что оно обойдется черезчуръ дорого. Н. В. Муравьевъ рѣшилъ рискнуть. А такъ какъ электрическое общество и само было заинтересовано въ томъ, чтобы возможно скорѣй пріобрѣсти наиболѣе крупныхъ потребителей, то А. Ф. Добржинскому и удалось добиться самыхъ льготныхъ условій какъ по проведенію электричества въ судебныя зданія, такъ и по пользованію электрической энергіей.

Передѣлавъ затѣмъ всѣ топки на герметическія и покон-

чивъ такимъ образомъ съ предметами первѣйшей необходимости, они уже вмѣстѣ принялись и за украшеніе зданія снаружи, упросивъ завѣдующаго городскимъ благоустройствомъ Ахшарумова устроить по обѣимъ сторонамъ зданія небольшіе скверы и огородить ихъ чугунными рѣшетками. И это дѣйствительно сдѣлало зданіе гораздо благообразнѣе снаружи.

Наконецъ, когда Н. В. Муравьевъ былъ уже министромъ, онъ въ виду того, что судебныя учрежденія, постепенно разрастааясь, снова стали ощущать тѣсноту, настоялъ на томъ, чтобы Межевая канцелярія съ ея архивомъ была переведена въ другое мѣсто, и весь нижній этажъ зданія точно также былъ приспособленъ для нуждъ судебныхъ учреждений.

Но если въ бытность Н. В. Муравьева прокуроромъ Судебной Палаты захватъ помѣщений являлся для Суда только стѣснительнымъ, то съ теченіемъ времени, когда составъ Суда значительно сталъ разрастаться, это положительно стало нетерпимымъ, такъ какъ исключительно благодаря этому нѣкоторымъ изъ отдѣленій Суда приходилось открывать свои засѣданія при обстановкѣ совершенно неприличной. Такъ 1-му отдѣленію не разъ приходилось засѣдать въ одномъ углу своего кабинета, тогда какъ въ другомъ углу кто-нибудь изъ членовъ этого отдѣленія продолжалъ заниматься своими текущими дѣлами, и ни для свидѣтелей, ни тѣмъ менѣе для публики въ такомъ засѣданіи уже мѣста не оказывалось, въ виду чего и тѣ и другіе кучею толклись въ темномъ корридорѣ, у дверей кабинета, въ ожиданіи момента, когда имъ удастся туда проникнуть. И когда Суду требовалось совѣщаться, то такъ какъ ему для этого выдти было некуда, то всѣхъ находившихся въ этомъ помѣщеніи опять выпроваживали въ темный корридоръ и только, когда Судъ кончалъ совѣщаться, ихъ снова выпускали въ кабинетъ,—и это въ то

время, когда значительная часть помѣщеній занималась, администраторами, семьи которых съ комфортомъ могли бы размѣститься въ квартирахъ меньшихъ по крайней мѣрѣ на половину.

Но въ глазахъ Н. В. Муравьева внѣшность играла первенствующую роль, а потому экономію старались наводить тамъ, гдѣ это не бросалось въ глаза.

Такъ одновременно съ захватомъ помѣщеній началась усиленная экономія на дровахъ. Круглая Екатерининская зала, прежде служившая для того, чтобы публика могла въ ней отдохнуть, поболтать и покурить въ ожиданіи пока дойдетъ чередъ до того дѣла, которымъ она интересуется, теперь на глухо занерлась и перестала отапливаться.

И когда послѣ этого въ первый разъ потребовалось разсматривать въ этой залѣ крупное дѣло, администрація пыталась-было увѣрить Д. Е. Рынкевича, что натонить ее нѣтъ никакой возможности, такъ какъ дымовые ходы засорились, а новыхъ печники не могутъ найти. Но Д. Е. Рынкевичъ не былъ наивенъ и баснѣ такой не повѣрилъ и потому категорически заявилъ, что въ другомъ помѣщеніи онъ дѣла этого разсматривать не станетъ и сообщить въ министерство, что отложилъ его за отсутствіемъ достаточнаго помѣщенія. Это подѣйствовало, и залу стали приспосабливать, и тогда онъ заявилъ, что будетъ вести въ ней засѣданіе лишь тогда, когда въ ней будетъ не менѣе 15° тепла.

И не только дымовые ходы нашлись, но и температура въ залѣ была доведена до надлежащей высоты.

Такая-же жалкая участь постигла и судебный буфетъ. Раньше онъ сдавался тому или другому предпринимателю на три года, и такъ какъ онъ не платилъ за помѣщеніе и не платилъ акциза, торгуя виномъ, то это содержаніе буфета доставляло ему огромныя выгоды, и онъ боялся быть не-исправнымъ, зная, что это дѣло у него могутъ отобрать.

А такъ какъ ни при Манассеинѣ, ни при Гончаровѣ не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы кто-нибудь изъ служащихъ былъ у буфетчика даровымъ нахлѣбникомъ, то онъ безъ всякаго ущерба для себя и могъ кормить досыта всѣхъ тѣхъ арестантовъ, которымъ приходилось оставаться въ Судѣ до вечера.

Съ уходомъ Гончарова все пошло по иному: буфетъ былъ отданъ въ бесмѣнное владѣніе въ однѣ руки, и никому не было дѣла до того, какъ и что тамъ подается и какія за это берутся цѣны. Прекратилось тогда же и кормленіе арестантовъ.

Вотъ какъ низко опустилось судебное хозяйство, и хотя Н. В. Муравьевъ состоялъ инспекторомъ зданія всего шесть лѣтъ, но такъ какъ по уходѣ изъ Москвы онъ вскорѣ занялъ постъ министра юстиціи, то его замѣстители и не считали возможнымъ измѣнять заведенные имъ порядки и волей-неволей смотрѣли на нихъ сквозь пальцы, хотя эти порядки нѣкоторымъ изъ нихъ и претили.

А что эти порядки продолжаютъ существовать и сейчасъ, то это, повидимому, объясняется тѣмъ, что русскому человеку прежде, чѣмъ предпринять исправленіе даже очевиднаго зла, надо еще раскататься. *)

До какой степени хозяйство московскаго суда и по-сейчасъ остается заброшеннымъ, можно судить по тому, что, несмотря на то, что уже четверть вѣка всѣ мало-мальски порядочныя зданія въ Москвѣ отапливаются нефтью, громадное зданіе московскихъ судебныхъ учреждений продол-

*) До какой степени тѣснота зданія ощущается теперь, можно судить по тому, что одно изъ помѣщеній, считавшееся дѣсяти лѣтъ вестибюлемъ, черезъ который идетъ ходъ изъ судебныхъ помѣщеній на лѣстницу, ведущую въ квартиру прокурора Судебной Палаты, теперь, продолжая исполнять эту же роль, уже не только изображаетъ изъ себя библіотеку Суда, но и служить для судебныхъ засѣданій, когда нѣкоторымъ изъ отдѣленій помѣститься больше рѣшительно негдѣ.

жаеть отопливаться дровами, при чемъ для перетаскиванія потребной на это отопленіе массы дровъ не имѣется никакихъ приспособленій, и дрова со двора доставляются на спинахъ сторожей и при томъ по-преимуществу въ верхній третій этажъ, такъ какъ заповѣдь Гончарова о томъ, что и у сторожей, должно быть такъ же тепло, какъ у прокурора Палаты, давно позабыта. А между тѣмъ той суммы, которая показывается въ отчетахъ, какъ израсходованная на отопленіе судебного зданія, за трехлѣтній періодъ было-бы совершенно достаточно на устройство нефтяного отопленія во всемъ зданіи, и тогда расходъ на нефть, при солидномъ контролѣ, конечно, составилъ-бы одну десятую часть того, что расходуется на дрова.

Но возвращаясь опять къ Н. В. Муравьеву. Первое его выступленіе, уже прокуроромъ Палаты въ Москвѣ, было по Скопинскому банку, а затѣмъ, три мѣсяца спустя, онъ обвинялъ предводителя дворянства Рылѣва. Сурово громилъ онъ растратчиковъ ввѣреннаго имъ чужого добра, а такъ какъ и Плевако въ Скопинскомъ банкѣ являлся представителемъ гражданскихъ истцовъ, то блѣдными и безцвѣтными уже казались послѣ нихъ рѣчи многочисленныхъ защитниковъ.

На тѣхъ-же громкихъ дѣлахъ, которыя разсматривались въ Судѣ и по которымъ самому Николаю Валерьяновичу выступать было неудобно, онъ всегда присутствовалъ въ засѣданіи, являясь къ началу судебныхъ преній. Такимъ образомъ, онъ всегда былъ въ курсѣ того, кто изъ обвинителей былъ слабъ и кто проявилъ особую находчивость и талантъ, и это какъ нельзя болѣе пригодилось ему потомъ, когда онъ сдѣлался министромъ юстиціи: онъ дѣлалъ назначенія не наобумъ или за выслугу лѣтъ, а зналъ, куда требуются люди болѣе сильные и куда на подмогу сильнымъ можно отправить и болѣе слабыхъ, но надежныхъ въ смыслѣ ихъ нравственныхъ качествъ.

Да и вообще на всѣхъ громкихъ процессахъ присутствовала въ тѣ времена не та сѣрая масса, которая наполняетъ залы засѣданія теперь, а самая избранная публика и князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, тогдашній московскій генераль-губернаторъ, зачастую сиживалъ во время судебныхъ преній рядомъ съ обвинителемъ, и въ

Кн. Н. Н. Оболенскій.

Ф. Ф. Миндерб.

этихъ случаяхъ инспектору зданія отсутствовать, конечно, было неудобно.

Составъ тогдашней Московской прокуратуры Н.В.Муравьева не удовлетворялъ, несмотря на то, что среди нея было много хорошихъ, достойныхъ людей, которые и теперь занимаютъ крупныя отвѣтственные должности. Тутъ были и Миндерб, и кн. Н. Н. Оболенскій и Носовичъ, но всѣ они казались ему

не въ мѣру корректными и недостаточно задорными, а лучшіе среди нихъ, Ф. Ф. Арнольдъ и А. А. Саблинъ, и совсѣмъ были люди очень мягкіе, а эта черта Н. В. Муравьеву была не по душѣ, и онъ былъ очень радъ, когда въ прокуратуру снова вернулся М. Ѳ. Громницкій, бичъ и гроза подсудимыхъ.

Но М. Ѳ. Громницкій явился уже товарищемъ прокурора судебной Палаты, а особая нужда чувствовалась въ прокуратурѣ Суда, и Н. В. взялъ на себя тяжелую задачу — создать людей, подходящихъ для нея.

И ему, какъ человѣку геніальному, это удалось. Главнымъ образомъ, онъ обратилъ вниманіе на молодежь, отмѣчая среди нея людей наиболѣе способныхъ и выдвигая впередъ то того, то другого.

Прежде другихъ имъ были выдвинуты впередъ С. С. Хрулевъ и С. Н. Цемшъ, которые еще въ качествѣ кандидатовъ, исправляя должность товарищей прокурора, стали появляться на трибунѣ обвинителей.

И въ этомъ отношеніи Н. В. Муравьевъ не ошибся. Обвинительные акты, составляемые С. Н. Цемшемъ, ничѣмъ не напоминали актовъ, составляемыхъ другими, — съ сухимъ изложеніемъ совершившихся фактовъ. Его акты, наоборотъ, являли собой живые, полные глубокаго интереса рассказы, съ тонкимъ анализомъ мотивовъ, толкнувшихъ человѣка на преступленіе, и, не впадая въ сантиментальность, онъ умѣлъ относиться къ преступнику человѣчно. Такъ-же ярки и интересны были и его рѣчи, и, несмотря на свою молодость, онъ являлся однимъ изъ наиболѣе видныхъ обвинителей.

Болѣе задорнымъ обвинителемъ являлся С. С. Хрулевъ и Н. В. Муравьевъ съ любовью слѣдилъ за успѣхами этой молодежи, надѣясь, что въ будущемъ изъ нихъ вырастаетъ крупные и сильные люди, и принимая всѣ мѣры, чтобы продвинуть ихъ впередъ.

Періодъ 80-хъ годовъ былъ особенно благопріятенъ для московской адвокатуры. Насчитывая въ своихъ рядахъ такихъ выдающихся талантами людей, какъ В. А. Лохвицкій, Ѳ. Н. Плевако, А. И. Урусовъ, В. М. Пржевальскій и Н. П. Шубинской, она, съ переводомъ Н. В. Муравьева въ Петербургъ, уже не имѣла въ прокуратурѣ себѣ равныхъ. И

С. С. Хрулевъ.

хотя въ Москвѣ и оставался не менѣе талантливый прокуроръ Обнинскій, но онъ выступалъ сравнительно рѣдко, такъ какъ долго болѣлъ, а затѣмъ, потерявъ слухъ и совсѣмъ лишился возможности выступать на публичной трибунѣ. Лучшіе-же изъ его помощниковъ — Ф. Ф. Арнольдъ и А. А. Саблинъ, хотя и были люди очень способные, но рав-

ными для нихъ являлись не корифеи адвокатуры, а тѣ, которые послѣ нихъ являлись лучшими, какъ, напримѣръ, И. С. Куриловъ, С. В. Евреиновъ, и появившійся въ началѣ 80-хъ годовъ В. А. Александровъ 2-й, сразу занявшій въ Судѣ уголовномъ такое-же видное положеніе, какое за-

В. А. Александровъ 2-й.

нялъ въ Судѣ гражданскомъ приблизительно около того же времени А. Ф. Граве, о которомъ я уже упоминала выше.

Первый изъ нихъ, Куриловъ, блестящій ораторъ, смѣло вступавшій въ единоборство съ наиболѣе талантливыми противниками, нерѣдко оставался побѣдителемъ, благодаря тому, что, чутко слѣдя за настроеніемъ судей, умѣло съ ними считался и

всегда старался использовать его въ интересахъ того дѣла, которое защищалъ. И эта чуткость, которая, къ слову сказать, какъ то совершенно атрофировалось у теперешней судебной молодежи, помогала ему съ одинаковымъ успѣхомъ вести дѣла и уголовныя и гражданскія и сразу выдвинула его впередъ далеко за предѣлы посредственности. Ему не требовалось звать на подмогу корифеевъ, къ нему самому обращались и за совѣтомъ и за помощью, въ сомнительныхъ случаяхъ, болѣе заурядные адвокаты, и погоня за мелкими дѣлами никогда не была его удѣломъ.

Менѣе яркимъ, но еще болѣе симпатичнымъ типомъ, являлся А. Ф. Граве. Въ теченіи всей его жизни тогда какъ и теперь, его дѣятельность окружена кристально-чистой атмосферой; не многіе изъ его товарищей могли этимъ похвастать, а люди новѣйшей формаціи даже готовы считать это атавизмомъ. Его знанія гражданского права также были солидны, какъ и его слово, и едва-ли въ сословіи было много людей, которые пользовались бы такимъ же безграничнымъ довѣріемъ своей кліентуры, какимъ всегда пользуется онъ. И въ этомъ отношеніи онъ съ гордостью можетъ сказать, что онъ пожинаетъ то, что посѣялъ.

Иначе обстояло дѣло въ прокуратурѣ.

И возвращеніе Н. В. Муравьева, и переходъ въ прокуратуру М. Ф. Громницкаго не особенно понравились дѣла прокурорскаго надзора, такъ какъ они, состоя—первый прокуроромъ Судебной Палаты, а второй—его товарищемъ тоже въ Палатѣ, являлись опасными противниками по преимуществу въ банковскихъ дѣлахъ, да въ дѣлахъ о преступленіяхъ по должности, подвѣдомственныхъ Судебной Палатѣ; все-же остальные дѣла, хотя и очень интересныя, разсматривались въ Судѣ. И въ этихъ дѣлахъ, возбуждавшихъ огромный интересъ публики, преимущество по большей части оказывалось на сторонѣ адвокатуры. А между тѣмъ и изъ этого рода дѣлъ наиболѣе интересныя разма-

тривались именно въ эти десятилѣтіе, и адвокатамъ было надѣ чѣмъ поработать, чтобы проявить свои таланты.

Къ числу первыхъ дѣлъ этого рода относится дѣло еврейки Софьи Блювштейнъ, по прозванію „Золотой ручки“, грозы южныхъ желѣзныхъ дорогъ, пользовавшейся на югѣ уже извѣстностью въ 70-хъ годахъ, во время русско-турецкой войны, но пока-что оставшейся неуловимой.

Первый обыскъ у нея въ Москвѣ былъ произведенъ 5 ноября 1877 года. Живя на 2-й Мѣщанской улицѣ, она занимала роскошную квартиру, за которую тогда, когда квартиры были болѣе чѣмъ вдвое дешевле, чѣмъ теперь, она платила 1,700 руб. въ годъ. Великолѣпная обстановка вполне соответствовала дорогой квартирѣ, такъ-же какъ и найденные тутъ-же наряды и брилліанты. Однихъ лишь только золотыхъ и серебряныхъ вещей у нея было найдено болѣе, чѣмъ на 20 тыс. рублей; гардеробъ ея былъ оцѣненъ вмѣстѣ съ мѣховыми вещами въ 15 тыс. руб., а брилліантовъ было найдено на огромную сумму, при чемъ одна діадема, усыпанная брилліантами, была оцѣнена ювелиромъ въ 75 тыс. рублей.

Во время этого обыска у нея въ квартирѣ находился еврей, который, увидавъ полицію, поспѣшилъ скрыться, забывъ даже надѣть фуражку, но такъ какъ любопытная толпа окружала плотною стѣною домъ, въ которомъ производился этотъ обыскъ, то онъ и былъ тутъ-же задержанъ, какъ одинъ изъ сообщниковъ Блювштейнъ.

До этого обыска Блювштейнъ уже семь разъ привлекалась къ слѣдствію, но она была такъ изворотлива, что слѣдствія эти приходилось направлять къ прекращенію за отсутствіемъ уликъ, и только на этотъ разъ эти улики были незыблемо установлены.

Такая-же роскошная квартира у Блювштейнъ оказалась и въ Кишиневѣ, гдѣ было найдено еще большее количество драгоценностей.

До какой степени была обаятельна красота этой знаменитой воровки, можно судить по слѣдующему случаю. Въ 1876 году ѣхалъ въ Черногорію назначенный туда обществомъ „Краснаго Креста“ докторъ С. По дорогѣ отъ Бендеръ въ Кишиневъ въ тотъ вагонъ 1-го класса, гдѣ онъ сидѣлъ, вошла шикарная красавица съ такимъ-же изящнымъ, какъ и она, кавалеромъ. Они тотчасъ-же познакомились съ докторомъ, шутили, болтали съ нимъ, а, въ концѣ концовъ, предложили ему стаканъ краснаго вина. Выпивъ это вино, онъ впалъ въ забытѣе, а когда утромъ проснулся, то обнаружилъ пронажу всего кошелька, въ которомъ было болѣе 200 рублей. Своимъ собесѣдникамъ онъ объ этомъ ничего не сказалъ, но когда черезъ нѣкоторое время дама эта встала, то изъ ея кармана выпалъ его кошелечекъ, но уже пустой. Однако и это не заставило его заподозрить эту обаятельную женщину въ кражѣ, и только послѣ того, какъ эта парочка на слѣдующей станціи безслѣдно исчезла, онъ рѣшился заявить о случившемся жандарму. Когда онъ описалъ послѣднему примѣты своихъ спутниковъ, то всѣ находившіеся при этомъ полицейскіе единогласно заявили, что это „Сонька—золотая ручка“. Когда-же докторъ, пріѣхавъ въ Кишиневъ, рассказалъ о случившемся уполномоченному обществу „Краснаго Креста“ г. Абазѣ, тотъ его утѣшилъ, сказавъ, что такая-же участь уже постигла еще четырехъ докторовъ, ѣхавшихъ на театръ военныхъ дѣйствій и тоже сдѣлавшихся жертвами „Золотой ручки“.

И подобныхъ случаевъ были сотни.

Въ первый разъ въ Москвѣ она судилась въ 1881 году. Защищалъ ее присяжный повѣренный Куриловъ, и хотя по дѣлу ему хорошо была извѣстна вся ея дѣятельность, но все-таки ему не вѣрилось, что она обладаетъ такою необычайною ловкостью, какую ей приписываютъ. Поэтому въ одинъ изъ перерывовъ онъ и обратился къ ней съ вопросомъ: „неужели все это правда, что рассказываютъ о вашей

ловкости?“. На это она, смѣясь, ему отвѣтила: „ну, развѣ можно вѣрить всякимъ пустякамъ?“ и тутъ-же его спросила: „а который теперь часъ?“. Куриловъ опустилъ руку въ карманъ и обнаружилъ исчезновеніе своихъ часовъ, а подсудимая, насладившись его удивленіемъ, подала ему его часы со словами: „это вамъ за защиту“.

На этотъ разъ она была приговорена только къ ссылкѣ на поселеніе въ Восточную Сибирь, но оттуда она бѣжала и задержана была уже въ Смоленскѣ. Тамъ она за этотъ побѣгъ судилась и была приговорена къ ссылкѣ уже въ каторжныя работы на 8 лѣтъ и къ тѣлесному наказанію сорока ударами плетей. Однако, въ ожиданіи пересылки, она, содержась въ смоленской тюрьмѣ, сумѣла влюбить въ себя смотрителя тюрьмы, съ помощью котораго оттуда и бѣжала. За это она вторично судилась въ Москвѣ, и ей не только былъ удлиненъ срокъ каторги еще на четыре года, но и количество плетей было увеличено вдвое.

Послѣ дѣла Блювштейнъ наиболѣе сенсаціоннымъ являлось дѣло артистки Гладковой, обвинявшейся вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Васильевымъ въ подлогъ векселей, и супруговъ Крыловыхъ, помогавшихъ ей эти векселя учить. Дѣло это тянулось втеченіе цѣлой недѣли, и такъ какъ свидѣтелями по этому дѣлу являлись чуть-ли не всѣ артисты Императорскихъ театровъ, съ Горевымъ во главѣ, а въ числѣ защитниковъ участвовали тоже лучшія силы въ лицѣ Шубинскаго, Шайкевича, Одарченко, Евреинова и Швенцера, то не удивительно, что всю эту недѣлю залъ засѣданія 2 отдѣленія Суда былъ переполненъ самою избранною публикою.

Обвиненіе по этому дѣлу поддерживалъ Ф. Ф. Арнольдъ, а такъ какъ женскія слезы всегда трогали его чувствительное сердце, а Гладкова къ тому-же при всякомъ удобномъ случаѣ падала въ обморокъ, то по отношенію къ жен-

щинамъ его обвиненіе не было особенно суровымъ, что еще болѣе облегчало задачу защиты.

На этотъ разъ общее сочувствіе публики къ подсудимымъ, видимо, передалось и присяжнымъ засѣдателямъ, и всѣмъ обвиняемымъ былъ вынесенъ оправдательный приговоръ, восторженно встрѣченный всѣми присутствовавшими.

Такой-же результатъ получился и тогда, когда въ первый разъ въ 3 отдѣленіи, у Е. Р. Ринка, рассматривалось, дѣло дѣтей Мельницкаго, укрывавшихъ и тратившихъ деньги, похищенные ихъ отцомъ. Защита, которая была черезъ-чуръ сильна въ сравненіи съ обвиненіемъ, такъ какъ во главѣ ея стояли Пржевальскій, Шайкевичъ и петербургскій присяжный повѣренный Герардъ, сумѣла и на этотъ разъ убѣдить присяжныхъ засѣдателей, что не будетъ большой бѣды, если справедливость будетъ замѣнена милосердіемъ, и всѣ обвиняемые были оправданы.

Но по протесту обвинителя этотъ приговоръ былъ каспированъ, и когда дѣло снова слушалось въ другомъ отдѣленіи Суда, оправданы были только младшіе члены семьи, старшій-же сынъ Мельницкаго, Борисъ, и женихъ его старшей дочери, Дорвойлъ, были на этотъ разъ обвинены.

Но особенную сенсацію среди всѣхъ этихъ дѣлъ представляло собою дѣло Долгалова, обвинявшагося въ томъ, что по его подстрекательству, приказчикъ его, Ушаковъ и кучера, Максимовъ и Игнатьевъ избили и причинили неизлѣчимое увѣчье его сосѣду по имѣнію, помѣщику Волохову.

Такъ какъ Долгаловъ къ тому же оказался племянникомъ кн. Вл. Андр. Долгорукова, который во время всего процесса присутствовалъ въ засѣданіи, то и интересовалось этимъ дѣломъ, главнымъ образомъ, высшее общество.

Не меньшій интересъ представлялъ собою и потерпѣвшій Волоховъ, принадлежавшій къ высшему обществу и женатый на дочери сановника Философова.

Понятно, что съ обѣихъ сторонъ являлись и лучшіе изъ защитниковъ. Со стороны Волохова обвинителемъ являлся И. С. Куриловъ, а защищалъ Долгалова—В. М. Пржевальскій.

Не менѣе интересными являлись и мотивы этого преступленія. Долгаловъ что-то продалъ въ своемъ имѣніи, а Волоховъ желалъ это купить. Необходимо было осмотрѣть то, что продавалось, и Волоховъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ усадьбу Долгалова. Долгаловъ пожелалъ ихъ принять не только какъ продавецъ, но и какъ гостепріимный сосѣдъ, и предложилъ имъ угощеніе. Въ домѣ у него въ это время жила довольно сомнительная особа и онъ не подумавъ, что дѣлаетъ, представилъ ее Волоховымъ какъ свою жену. Черезъ нѣкоторое время Волоховъ узналъ, съ кѣмъ Долгаловъ познакомилъ его жену, и до такой степени обидѣлся, что вызвалъ его на дуэль. Долгаловъ испугался, драться на дуэли ему не хотѣлось, а отказаться отъ дуэли было страшно, такъ какъ Волоховъ славился какъ необычайный силачъ, а отказъ отъ дуэли развязывалъ ему руки. И вотъ исходъ былъ придуманъ. Слуги Долгалова подстерегли гдѣ-то Волохова, и неожиданно напавъ на него, такъ его избили, что перешибли ему позвоночникъ и повредили внутренніе органы. Вслѣдствіе поврежденія позвоночника, Волоховъ, 32-лѣтній молодой человѣкъ, атлетическаго тѣлосложенія, навсегда лишился ногъ, превратившись въ неизлѣчимаго калѣку, а помимо этого, у него въ печени получился громадный абсцессъ. Это страданіе было таково, что по мнѣнію врачей, перенести его могъ только такой атлетъ, какимъ былъ Волоховъ до болѣзни. Въ виду этого выдѣленіе этого абсцесса демонстрировалось проф. Склифосовскимъ въ одномъ изъ засѣданій О-ва русскихъ врачей и такъ какъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ абсцессъ произошелъ отъ нанесенныхъ Волохову побоевъ, никѣмъ не возбуждалось, то и на предварительномъ слѣдствіи спрошенные по этому поводу въ качествѣ экспертовъ

профессора Склифосовскій и Нейдингъ, съ безспорностью этотъ фактъ установили. То же самое установилъ и проф. Браунъ относительно поврежденія глаза, полученнаго Волоховымъ тогда-же.

Но это было тогда, когда еще никому не было извѣстно, что Долгаловъ—племянникъ кн. В. А. Долгорукова. Когда же на Судѣ, въ самомъ началѣ засѣданія, это обстоятельство выяснилось, г.г. профессора тотчасъ-же измѣнили свой взглядъ на причину болѣзни, и всѣ единодушно стали колебаться, выражая предположеніе, что это могло случиться не только отъ побоевъ, но и отъ другихъ причинъ: и отъ простуды, и отъ какого-нибудь другого заболѣванія.

И только земскій врачъ Криштофъ, все время лѣчившій Волохова, мужественно настаивалъ, что никакой другой причины, кромѣ безчеловѣчныхъ побоевъ, въ данномъ случаѣ не было, и съ насмѣшкою корилъ профессоровъ, что они такъ радикально измѣнили свое мнѣніе.

Однако то побужденіе, которое ими руководило, оказалось настолько могущественнымъ, что передалось и присяжнымъ засѣдателямъ и они, признавъ виновными Ушакова, Максимова и Игнатѣва за учиненную ими звѣрскую расправу, оправдали ихъ вдохновителя, Долгалова.

Остальныя дѣла этого періода, конечно, за исключеніемъ дѣла Булахъ, обобравшей и доведшей до идиотизма свою воспитанницу Мазурину, хотя и собирали время отъ времени большую публику, но общественнаго значенія не имѣли.

Такъ, напр., дѣло содержательницы мѣховаго магазина Верфели, растратившей болѣе полутораста шубъ, отданныхъ ей весной на храненіе, носило скорѣе комическій, чѣмъ трагическій характеръ, такъ какъ и вызвано-то оно было чрезмѣрною снисходительностью перезрѣлой хозяйки къ своему молодому приказчику, который вмѣстѣ съ нею

и судился за эту растрату. Сто пятьдесят дамъ, явившихся по этому дѣлу свидѣтельницами, не жалѣли красокъ на то, чтобы побольней отплатить той, которая лишила ихъ дорогихъ имъ тряпокъ, и не удивительно, что въ тѣ дни, когда разматривалось это дѣло, въ судебномъ зданіи стоялъ дымъ коромысломъ. Въ смыслѣ суетолоки, шума и безпорядка сто нятьдесятъ дамъ, да еще озлобленныхъ утратой того, что имъ было особенно дорого, конечно, могли дать сто очковъ впередъ цѣлой толпѣ фабричныхъ рабочихъ. А такъ какъ это дѣло къ тому-же слушалось въ отдѣленіи Е. Р. Ринка, котораго забавляло неподдѣльное огорченіе дамъ, со слезами повѣствовавшихъ объ утратѣ своихъ вещей, то въ засѣданіи по этому дѣлу то-и-дѣло раздавался дружный хохотъ, вызываемый комическимъ соболѣзнованіемъ Е. Р. Ринка.

Точно такъ-же и дѣла объ особенно звѣрскихъ убійствахъ, какъ, напримѣръ, дѣло Безпалова и его шайки, совершившихъ въ сравнительно короткій срокъ тридцать три убійства съ цѣлью ограбленія, или убійство смотрителя управленія Брестской дороги Иконникова, совершенное въ его собственной квартирѣ, на Тверской улицѣ, въ домѣ Пороховщикова, хотя и привлекали въ Судъ много любопытныхъ, но особаго напряженія отъ сторонъ не требовали и проходили гладко и при среднихъ силахъ.

ГЛАВА VII.

Конецъ восьмидесятыхъ годовъ.

Такъ приблизительно обстояло дѣло до половины 80-хъ годовъ. Во второй половинѣ этого десятилѣтія, одновременно съ общею разнузданностью нравовъ, стала уже замѣтна тенденція къ оправданію завѣдомыхъ хищниковъ. Общественная совѣсть становилась менѣе чуткой, и лица, залѣзавшія въ чужой карманъ безъ особой для этого нужды, уже не возбуждали къ себѣ того презрѣнія, съ какимъ относилось къ нимъ общество въ то время, когда реформировался Судъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ съ такимъ неожиданнымъ результатомъ явилось дѣло 70-лѣтняго врача, дисконтера Н. А. Краснова, всю жизнь занимавшагося самымъ безпощаднымъ ростовщичествомъ. Отдавалъ онъ свои деньги подъ закладныя на недвижимыя имущества, цѣны ихъ очень дешево и получая впередъ большіе проценты.

Насколько онъ въ этихъ случаяхъ былъ остороженъ, можно судить по тому, что Земельный банкъ особенно охотно давалъ ссуду подъ тѣ имѣнія, подъ которыя Красновъ соглашался дать что-либо подъ вторую закладную. Это уже одно свидѣтельствовало о томъ, что такое имѣніе совершенно безопасно оставить за собой. Вотъ на этой-то почвѣ и выросло это дѣло. Такъ какъ у Краснова была какая-то связь съ Воронежскою губерніей, то, выдавая ссуды подъ имѣнія этой губерніи, банкъ и обращался охотно къ компетенціи Краснова, наводя у него тѣ или другія справки. И вотъ нѣкто Бѣляевъ по довѣренности якобы Бондырева

обратился въ Земельный банкъ съ просьбой о выдачѣ ссуды за имѣніе, находящееся въ Воронежской губерніи и состоящее въ залогѣ у Краснова. Всѣ планы и нотаріальныя акты были въ исправности, а спрошенный агентомъ банка Красновъ, почему имѣніе перезакладывается въ банкъ, объявилъ, что это имѣніе очень цѣнное и что онъ требуетъ уплаты ему капитала только потому, что у него есть случай помѣстить его гораздо выгоднѣе. Въ виду особаго довѣрія къ Краснову это имѣніе и было принято банкомъ безъ осмотра, хотя агентъ банка Андреевъ и удостовѣрилъ, что осмотръ имѣнія имъ произведенъ. Вскорѣ послѣ этого такимъ-же образомъ и тѣми-же лицами былъ произведенъ въ томъ-же банкѣ залогъ и другого имѣнія, а когда въ послѣдствіи платежей по этимъ ссудамъ не послѣдовало и банку пришлось ихъ реализовать, то оказалось, что и самыхъ имѣній въ дѣйствительности не существуетъ.

Начатымъ по этому дѣлу слѣдствіемъ было установлено, что въ этомъ мошенническомъ залогѣ несуществующихъ имѣній, кромѣ Бѣляева, участвовали еще Красковскій, выдававшій себя за собственника тѣхъ имѣній Бондырева, сожительница одного изъ нихъ, Овчинникова, покуповавшая полученныя изъ банка деньги на свое имя имѣнія, и, наконецъ, писецъ воронежскаго нотаріальнаго архива, помогавшій имъ составлять подложныя нотаріальныя документы. Въ качествѣ-же обвиняемаго былъ привлеченъ къ этому дѣлу и Красновъ, бравшій въ залогъ эти имѣнія до залога ихъ въ банкъ, и хотя онъ и утверждалъ, что онъ и самъ въ этихъ случаяхъ былъ обманутъ, но такой его наивности никто не повѣрилъ.

Первоначально вся эта теплая компанія судилась въ Воронежѣ, и тамъ всѣ они были признаны виновными и приговорены кто къ ссылкѣ, кто—въ арестантское отдѣленіе. Обвиненъ былъ и Красновъ, но его кассационная жалоба

Сенатомъ была уважена, и вторично дѣло уже о немъ одномъ разсматривалось въ московскомъ Окружномъ Судѣ.

Вотъ по этому-то дѣлу и послѣдовало чуть-ли не первое оправданіе судомъ совѣсти крупнаго хищника. Но и тутъ это оправданіе еще было объяснимо, съ одной стороны, тѣмъ, что Краснову было уже 70 лѣтъ, а съ другой, присяжные, повидимому, пожалѣли двѣнадцать его дочерей, все время въ засѣданіи Суда присутствовавшихъ, и которыхъ публика, успѣвшая къ нимъ за это время приглядѣться, прозвала „двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, до такой степени казались онѣ всѣмъ апатичными; но во всякомъ случаѣ это уже было прецедентомъ, и съ легкой руки Краснова хищники мало-по-малу стали оправдываться, а публика этимъ оправдательнымъ приговорамъ начала рукоплескать.

Затѣмъ разсматривалось дѣло о сортировщикахъ московскаго почтамта Кетхудовѣ и Махровскомъ, похитившихъ цѣнный пакетъ, въ которомъ, какъ имъ было извѣстно, находилось 120 тысячъ рублей, а также объ учителѣ Пановѣ, укрывавшемъ это ихъ преступленіе. Кромѣ нихъ, въ этомъ дѣлѣ оказался еще и четвертый хищникъ—присяжный повѣренный Нѣ—въ помогавшій Кетхудову пускать украденныя деньги въ оборотъ. Нѣ—въ, отдавая эти деньги подъ векселя, удерживалъ съ заемщиковъ при выдачѣ имъ ссуды по 36% въ годъ, но онъ судился не съ ними, а потомъ въ Совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, и за такую дѣятельность изъ корпораціи былъ исключенъ.

Такъ вотъ когда эта кампанія судилась въ первый разъ, то всѣ обвиняемые были оправданы, и приговоръ этотъ публика тоже встрѣтила рукоплесканіями. Судъ однако отнесся къ этимъ аплодисментамъ съ негодованіемъ, и одного изъ рукоплескавшихъ, личность котораго удалось обнаружить,—учителя Карпинскаго, предсѣдатель подвергъ аресту на шесть часовъ.

Правда, это оправданіе въ значительной мѣрѣ было вызвано рѣчью Н. П. Шубинскаго, защищавшаго Кетхудова. Во всякомъ дѣлѣ, какъ-бы безнадежно оно ни было, онъ всегда умѣлъ найти мотивы не только для снисхожденія, но и для оправданія,—въ этомъ-то и заключалось то обаяніе, которое обыкновенно производили его рѣчи.

Такъ было и на этотъ разъ. Онъ началъ свою рѣчь словами Писанія: „Горе міру отъ соблазна, но двойное горе тому, кто внесетъ соблазнъ въ міръ“, и повелъ рѣчь о томъ, что какъ ни гадокъ поступокъ Кетхудова и Махровскаго, соблазнившихся возможностью легкой наживы, для нихъ все-таки есть извиненіе въ той хронической нуждѣ, которая была ихъ удѣломъ. Самыя насущныя ихъ нужды оставались неудовлетворенными. Имъ всегда приходилось жить впроголодь только для того, чтобы являться на службу не оборванцами, приходилось задумываться надъ вопросомъ, что нужнѣе: обѣдъ-ли семьѣ, или лѣкарство для заболѣвшаго. И эта незримая на посторонній взглядъ тяжелая трагедія вѣчно неудовлетворенныхъ самыхъ насущныхъ нуждъ можетъ довести несчастнаго до паденія, когда соблазнъ назойливо лѣзетъ въ глаза и сулитъ безнаказанность. Передъ такимъ соблазномъ Кетхудовъ и Махровскій не устояли и пали, но такъ-ли они виноваты, какъ виноватъ потерпѣвшій Кнопъ, который, ворочая миллионами, чтобы сѣкономить на пересылкѣ и урвать у казны нѣсколько рублей, пересылалъ огромныя цѣнности не денежными посылками, а въ заказныхъ письмахъ, одно изъ которыхъ они и присвоили, зная, что въ немъ содержится огромная сумма, могущая избавить ихъ на всю жизнь отъ тѣхъ страданій, которыя причиняла имъ беспросвѣтная нужда? А между тѣмъ русская казна годами несла неисчислимыя убытки отъ незаконной пересылки огромныхъ суммъ иностранными конторами за границу и въ ихъ числѣ и Кнопемъ. Есть-ли по этому какое-нибудь основаніе говорить о понесенныхъ имъ

убыткахъ? И заканчивая эту свою рѣчь, Шубинскій высказалъ такую мысль, что если нужны обвинительные приговоры для того, чтобы сдерживать корыстолюбивые порывы бѣдняковъ, то иногда необходимы и оправдательные приговоры, чтобы сдержать своекорыстныя стремленія богачей, чтобы напомнить имъ, что не для нихъ однихъ существуетъ весь міръ и что ихъ хищническія вождельнія несравненно антипатичнѣе корыстныхъ стремленій бѣдняковъ. И основываясь на всемъ этомъ, онъ и просилъ объ оправдательномъ приговорѣ для обвиняемыхъ.

И подсудимые на этотъ разъ были оправданы. Но Судъ въ этой рѣчи защитника усмотрѣлъ не только оправданіе, но до извѣстной степени и одобреніе преступленія и сообщилъ объ этомъ въ Совѣтъ.

Конечно, это было уже черезчуръ щепетильно, но вызвалась такая щепетильность тѣмъ, что среди защитниковъ уже начали практиковаться такіе приемы, которые, по мнѣнію судей, не могли быть допустимы, и обуздывать ихъ приходилось очень сурово.

Вслѣдъ за этимъ дѣломъ вторично рассматривалось дѣло Кетхудова и его сообщниковъ, и хотя на этотъ разъ Кетхудова явился защищать извѣстный петербургскій присяжный повѣренный Мироновъ, Махровскаго защищалъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Веберъ, а Панова, какъ и раньше,—Куриловъ, но на этотъ разъ увлеченіе не повторилось, и всѣ обвиняемые были признаны виновными и приговорены къ ссылкѣ.

Такая-же участь постигла и Александра Попова и его приказчика Ботина, занимавшихся поддѣлкой чая изъ канорки и снабжавшихъ этотъ чай этикетками фирмы К. и С. Поповыхъ, хотя вмѣстѣ съ московскими адвокатами Высоцкимъ и Курловымъ въ защитѣ ихъ участвовалъ и тогда уже извѣстный петербургскій присяжный повѣренный Карабчевскій.

✓ Закончился 1888 г., особенно чреватый крупными процессами, двумя выдающимися дѣлами. По первому изъ нихъ обвинялись два брата Цыкины, Михаилъ и Прокофій: первый — въ поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ, второй — въ ихъ сбытѣ. Михаилъ Цыкинъ несомнѣнно былъ маниакъ. Обожая своего единственного сына, уже благополучно добравшагося до 5-го класса гимназіи, онъ задумалъ сдѣлать его богачомъ. До этого времени онъ занимался изобрѣтеніемъ разнаго рода машинъ и даже трудился надъ воздухоплавательнымъ аппаратомъ, тратя на это свои скудные средства и нерѣдко заставляя свою семью голодать. И вотъ для того, чтобы осуществить свои изобрѣтенія долженствовавшія въ будущемъ дать ему и славу, и богатство, онъ и рѣшилъ поддѣлывать деньги. Задумано, — сдѣлано. Цѣлые два года труда положилъ онъ на то, чтобы добиться маломальски сносной поддѣлки кредитныхъ билетовъ, и въ концѣ-концовъ рѣшилъ выпустить ихъ въ обращеніе, но самъ заняться ихъ сбытомъ не рѣшался и предложилъ это дѣло своему брату, Прокофію, тоже находившемуся съ семьей въ безвыходномъ положеніи. Возможность избавить дѣтей отъ горькой нужды оказалась чрезчуръ соблазнительной, и Прокофій отправился мѣнять братнино производство. Однако съ первою-же бумажкою онъ былъ задержанъ, и такъ какъ при обыскѣ у него были найдены и другія бумажки, даже не вполне оконченныя, то ему ничего больше не оставалось, какъ сознаться, откуда онъ ихъ получилъ. Тогда уже съ поличнымъ былъ накрытъ и Михаилъ Цыкинъ. Подтвердивъ, что онъ только наканунѣ посвятилъ брата въ тайну своего производства, онъ жалѣлъ только о томъ, что его изобрѣтеніямъ не судьба осуществиться и обогатить его сына.

Въ такомъ видѣ предстало это злосчастное дѣло и на Судъ. Цѣлые два дня свидѣтели яркими красками рисовали чудачество одного изъ братьевъ и безысходную нужду, ко-

торую переживала семья второго. Въ итогѣ получился обвинительный приговоръ для Михаила Цыкина и оправдательный — для его брата.

Выслушавъ этотъ приговоръ, Михаилъ Цыкинъ заплакалъ и упалъ. Въ то время, если дѣла кончались поздно, арестантовъ обратно въ тюрьму не отводили, а оставляли въ помѣщеніи, специально приспособленномъ для ночлега арестантовъ. Туда и отправили Михаила Цыкина, а на утро, когда за арестованными пришли конвойные, онъ оказался въ состояніи полного и безнадежнаго умопомѣшательства.

Второе дѣло затрогивало уже интересы общественные и громко именовалось „дѣломъ о загробныхъ векселяхъ“. На этотъ разъ однако инициаторамъ этого по истинѣ феноменальнаго дѣла, акуламъ или по меньшей мѣрѣ — прожорливымъ щукамъ удалось уплыть за предѣлы давности, а попались только мелкіе, плившіе по ихъ слѣдамъ караси.

Обвиняемыми по этому дѣлу являлись чиновникъ Сиротскаго Суда Никольскій, судебный приставъ московскаго Окружнаго Суда Смирновъ 2-й и помогавшіе имъ обдѣлывать дѣлишки подпольный адвокатъ мѣщанинъ Ершовъ и его помощникъ Киселевъ, а также случайные помощники этихъ послѣднихъ: отставной поручикъ Балкашинъ, дворянинъ Самарскій-Лидской, вдова штабсъ-капитана Зинаида Соколова и мѣщане Захаръ и Матрена Селивановы, Мендель Усышкинъ и Аграфена Антипова.

Операции, которыя продѣлывали всѣ эти лица, были и не многосложны, и не замысловаты. Секретари Сиротскаго Суда Мейснеръ, Давыдовъ и помощникъ секретаря Воскресенскій слѣдили за опеками, возникавшими по смерти того или другого лица, послѣ которыхъ не сразу являлись наслѣдники, назначали къ этимъ опекамъ опекуномъ служившаго въ Сиротекомъ Судѣ Никольскаго, а Ершовъ составлялъ отъ имени умершихъ заднимъ числомъ векселя на имя вымышленныхъ лицъ, причемъ эти векселя писались

на бумагах за тѣ года, отъ которыхъ значились векселя, каковою бумагой снабжали ихъ тѣ-же секретари, имѣвшие таковую гербовую бумагу въ своемъ распоряженіи въ огромномъ количествѣ, и затѣмъ Ершовъ предъявлялъ тѣ векселя ко взысканію, прежде чѣмъ къ оставшемуся имуществу успѣвали утвердиться наслѣдники. Никольскій въ качествѣ опекуна эти претензіи признавалъ правильными, и когда Ершовъ получалъ исполнительный листъ, Никольскій-же указывалъ имущество, на которое и обращалось взысканіе. Исполнителемъ по всѣмъ этимъ взысканіямъ являлся судебный приставъ Смирновъ 2-й, который, состоя при канцеляріи предсѣдателя Суда Лаврова, завѣдывалъ назначеніемъ судебныхъ приставовъ на то или другое взысканіе и на всѣ взысканія, производимыя Ершовымъ, назначалъ себя.

По полученіи денегъ вся компанія, не исключая и судебного пристава, отправлялась къ Тѣстову или въ Большую Московскую гостиницу, и тамъ происходилъ дѣлежъ полученнаго. Но на долю всѣхъ участвовавшихъ въ этихъ дѣлахъ лицъ отчислялась только пятая часть, изъ которой Ершовъ долженъ былъ удѣлять кое-что и случайнымъ своимъ помощникамъ, которые являлись или въ качествѣ взыскателей, когда ему самому было неудобно появляться передъ Коммерческимъ Судомъ, или подписывались по его просьбѣ за вымышленныхъ лицъ; все-же остальное отчислялось на долю секретарей Сиротскаго Суда, указывавшихъ эти дѣла.

Когда-же всѣ эти продѣлки были обнаружены, то хотя Ершовъ и не скрывалъ того, что инициаторами этихъ дѣлъ являлись вышеназванные секретари Сиротскаго Суда, но для тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ участіе ихъ было несомнѣнно, уже истекла давность, а прикосновенность ихъ къ остальнымъ дѣламъ осталась недостаточно доказанной, въ виду чего имъ на этотъ разъ и удалось выйти изъ воды сухими, и

только значительно позже Мейснеръ за другія злоупотребленія, тоже по опекамъ, судился уже вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ составомъ Сиротскаго Суда.

Обвиненными по дѣлу о „загробныхъ векселяхъ“ оказались Никольскій и Ершовъ вмѣстѣ съ помощникомъ своимъ Киселевымъ, всѣ-же остальные были оправданы, не исключая и судебного пристава, который отдѣлался только потерей мѣста.

Только въ 1887 г. прокуратура до нѣкоторой степени обновилась, и въ числѣ товарищей прокурора появился такой сильный и талантливый человѣкъ, какъ А. А. Югансонъ.

Какъ человѣкъ не молодой, знавшій и казовую сторону жизни, и ея изнанку, онъ умѣлъ быть снисходительнымъ къ тѣмъ, кого безысходная нужда доводила въ концѣ-концовъ до преступленія, и милосердіе безъ малѣйшей степени сантиментализма не было чуждо его душѣ. Но за-то ко всякому проявленію алчности, наглости и всякаго рода недобросовѣстности онъ былъ беспощадеиъ.

Это былъ особенно страшный противникъ для адвокатовъ, желавшихъ какъ-нибудь затемнить настоящія побужденія того или другого дѣянія. Отъ его зоркаго и бдительнаго глаза не укрывалась ни малѣйшая подтасовка, и онъ немедленно ее разоблачалъ, ставя своего противника въ необходимость вести дѣло въ чистую, а ужъ задачу охарактеризовать извѣстное дѣяніе онъ оставлялъ за собой, не жалѣя на это яркихъ красокъ и безжалостно бичуя всякое гнусное побужденіе.

Особенно-же страшенъ для обвиняемыхъ А. А. Югансонъ былъ тѣмъ, что, какъ человѣкъ крупнаго ума, онъ зналъ чувство мѣры и, никогда не зарываясь, не требовалъ возмездія свыше мѣры. Это подкупающимъ образомъ дѣйстви-

вало на присяжныхъ заседателей, и они чутко прислушивались къ его правдивому, хотя и суровому слову.

При немъ осторожнѣ держала себя и защита. При другомъ обвинителѣ она, можетъ-быть, и хватила-бы черезъ

А. А. Иогансонъ.

край, но при немъ сдерживалась, боясь злого сарказма или черезчуръ откровеннаго разоблаченія. Въ этомъ и была его сила, и дѣло, попавшее къ Иогансону, защитники обыкновенно считали погибшимъ, если въ немъ не было ничего такого, на основаніи чего могла-бы быть рѣчь о снисхожденіи.

За-то, къ особенному удовольствію защитниковъ, Иогансонъ, какъ человѣкъ уже не молодой, за популярностью не гнался

и, уступая громкіе процессы, на которыхъ была возможность блеснуть передъ публикой, своимъ младшимъ товарищамъ, кропотливо и добросовѣстно работалъ надъ мелкими дѣлами, которыхъ другіе избѣгали.

Но тѣмъ не менѣе среди прокуратуры того времени онъ являлъ собою крупный плюсъ, въ значительной мѣрѣ ее обогащавшій.

Послѣ цѣлаго ряда громкихъ процессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1888 г. начало 1889 г. протекало въ Судѣ довольно вяло, и общее вниманіе веколыхнулось только при разсмотрѣніи дѣла присажнаго повѣреннаго Гл—ва обвинявшагося въ томъ, что путемъ угрозы огласить нежелательные для К. факты, онъ выманилъ у него 200 тысячъ рублей.

И въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ дѣлѣ Никольскаго и Ершова, оперировавшихъ съ опеками Сиротскаго Суда, дѣятельнымъ нособникомъ присажнаго повѣреннаго Гл—ва являлся тотъ-же судебный приставъ Смирновъ, пользовавшійся особымъ довѣріемъ председателя Лаврова и орудовавшій вездѣ, гдѣ требовалось одною изъ сторонъ принятіе экстраординарныхъ мѣръ.

Въ этомъ дѣлѣ какъ нельзя болѣе опредѣлилась тенденція, уже довольно прочно внѣдрившаяся въ общественные нравы, что если одинъ человѣкъ плохъ, то почему другому не поступить съ нимъ скверно, и, конечно, только такую тенденціей и можно объяснить оправдательный вердиктъ, получившійся по этому возмутительному дѣлу. Правда, Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ не помирволилъ Гл—ву и, несмотря на оправдательный вердиктъ, постановилъ исключить его изъ корпораціи. Но тотъ это постановленіе обжаловалъ въ Палату, а тамъ тоже почему-то сочли возможнымъ справедливость замѣнить милосердіемъ и постановленіе Совѣта отмѣнили, замѣнивъ его воспрещеніемъ Гл—ву практики на одинъ годъ.

Положимъ, если-бы у остальныхъ членовъ корпорации хватило мужества не подавать руки сочлену, навязанному имъ насильно, ему и самому пришлось-бы уйти если не совсемъ изъ корпорации, то во всякомъ случаѣ хоть изъ Москвы, но въ томъ-то и дѣло, что онъ являлся не худшимъ изъ всѣхъ и потому продолжалъ чувствовать себя въ ихъ средѣ, какъ вполне достойный ихъ сотоварищъ.

Обреченный на цѣлый годъ подневольнаго бездѣйствія, онъ однако не пожелалъ терять его даромъ и отправился въ Закаспійскій край въ качествѣ управляющаго дѣлами одной крупной фирмы, и тамъ ему удалось заварить такую кашу, расхлебывать которую сначала поѣхалъ туда И. С. Куриловъ, но такъ какъ въ Маргеланѣ онъ самымъ неожиданнымъ для всѣхъ образомъ скоропостижно умеръ, то завершить это дѣло пришлось П. Ф. Наумову уже въ половинѣ 90-хъ годовъ.

Въ томъ-же году, когда судился Гл—въ, другихъ крупныхъ процессовъ до самой осени не предвидѣлось. Правда, на конецъ мая было назначено дѣло о катастрофѣ на Кузнецкомъ Мосту, вызванной обваломъ трехъ-этажныхъ каменныхъ стѣнъ еще строившагося дома Купеческаго общества, жертвами каковой катастрофы сдѣлались 18 рабочихъ, изъ которыхъ 7 человекъ было убито и 11 тяжело ранено, но весной этому дѣлу слушаться было не суждено.

Дѣло заключалось въ томъ, что, кромѣ архитекторовъ и инженеровъ Попова и Книппера, проводившаго въ домѣ вентиляцію и отопленіе, привлекавшихся къ отвѣтственности за нерадѣніе, привлекались еще члены комиссіи, избранные Купеческою Управой для наблюденія за этой постройкой. Предсѣдателемъ этой комиссіи состоялъ Кольчугинъ и членами ея Щаповъ, Берниковъ и Кузнецовъ.

Вотъ этотъ-то самый Кольчугинъ состоялъ кромѣ того и предсѣдателемъ другой комиссіи—по постройкѣ Верхнихъ торговыхъ рядовъ, и такъ какъ втеченіе предстоящаго лѣта

надо было заключить по постройкѣ торговыхъ рядовъ договоры со всѣми подрядчиками, а Кольчугину никому другому уступать этого дѣла не хотѣлось, что неминуемо пришлось-бы сдѣлать, если-бы состоялся обвинительный приговоръ, избѣжать котораго онъ не надѣялся, то защита во что-бы то ни стало и рѣшила на первый разъ это дѣло сорвать.

Данныхъ для этого въ дѣлѣ однако никакъ не оказалось, а одного желанія подсудимыхъ для Суда, конечно, было недостаточно, и потому слушаніе дѣла началось.

Началось очень торжественно, въ круглой Екатерининской залѣ, причемъ предсѣдательствовать взялся самъ предсѣдатель Суда В. Н. Лавровъ, а обвинять въ виду особой важности дѣла захотѣлъ самъ Н. В. Муравьевъ. Но слушалось дѣло только одинъ день, такъ какъ на другой день предсѣдатель уже не явился, приславъ извѣщеніе, что онъ серьезно заболѣлъ и дѣло поэтому откладываетъ.

Такъ вплоть до августа въ этомъ году крупныхъ процессовъ и не разсматривалось, но за-то съ половины августа и до самаго конца года публика въ огромномъ числѣ проводила цѣлые дни въ Судѣ, уходя домой только ночевать, такъ какъ одинъ крупный процессъ разсматривался вслѣдъ за другимъ.

Первымъ изъ нихъ въ половинѣ августа началось разсмотрѣніе дѣла о желѣзнодорожной катастрофѣ на станціи „Голицыно“, по каковому дѣлу привлекалось все главное начальство Брестской жел. дор. за нерадѣніе, а съ ними и мелкота, изъ-за небрежности которой и случилось страшное крушеніе поѣзда, причемъ убитыхъ было 11 человекъ и тяжело раненыхъ свыше 30-ти.

Понятно, что въ страхъ передъ возможной отвѣтственностью заправила дороги поспѣшили удовлетворить пострадавшихъ, отлично понимая, что чѣмъ меньше явится по дѣлу гражданскихъ истцовъ, тѣмъ легче ихъ положеніе

будетъ на Судѣ. И, дѣйствительно, гражданскихъ истцовъ было мало.

Разсмотрѣніе этого дѣла тянулось долго и въ концѣ-концовъ свелось къ тому, что виновнымъ оказался одинъ тормазной кондукторъ Суворовъ, и виновнымъ онъ оказался въ томъ, что, убѣдившись, что страшная катастрофа неизбежна, у него не хватило мужества дожидаться на своемъ посту, пока совершится несчастіе, и въ паническомъ ужасѣ онъ стремглавъ бросился съ площадки, получивъ при паденіи переломъ нѣсколькихъ реберъ, вслѣдствіе каковыхъ поврежденій у него развилась скоротечная чахотка, въ послѣдней стадіи которой онъ и предсталъ передъ Судомъ.

Вотъ этотъ-то несчастный и оказался виновникомъ случившагося: онъ не досмотрѣлъ, что одинъ изъ вагоновъ съ лопнувшей осью давно уже волочился по шпаламъ, а когда вагоны уже затрещали, позабылъ и о тормазахъ, и обо всемъ на свѣтѣ, памятуя только одно, что надо во что-бы то ни стало спасать свою жизнь.

Долго этотъ процессъ разсматривался въ Судѣ, много было сказано хорошихъ рѣчей, трогательно описывалось положеніе пострадавшихъ пассажировъ, и въ концѣ-концовъ всѣ привлеченные по этому дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ вышли изъ Суда оправданными, а обвиненнымъ оказался одинъ умирающій кондукторъ Суворовъ, который и былъ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

Закончился процессъ о желѣзнодорожной катастрофѣ, и послѣ небольшого промежутка началось вторичное разсмотрѣніе дѣла о развалившемся домѣ Купеческаго общества. На этотъ разъ оно было обставлено уже не такъ торжественно и слушалось не въ Круглой, а въ Митрофаньевской залѣ. Но отъ этого было только тѣснѣй, и публика собиралась въ Судъ съ 9 часовъ утра, чтобы занять мѣста.

Долго тянулось слѣдствіе по этому злосчастному дѣлу, и чѣмъ дольше оно тянулось, тѣмъ страшнѣе рисовалась картина передъ пораженными ужасомъ слушателями. Стройка трехъ-этажной громады производилась на-спѣхъ. Начата она была въ концѣ августа, а закончена каменная кладка была уже къ 11 октября, когда случилась катастрофа. Все время стройка производилась подъ дождемъ, такъ какъ осень стояла сырая, дождливая, въ виду чего требовалась особая заботливость о доброкачественности связующаго кирпича цемента, а между тѣмъ цементъ этотъ на двѣ трети сдабривался пескомъ, и когда стѣны обрушились и ихъ стали разбирать, то каждый кирпичъ отдѣлялся отъ другого руками безъ всякаго усилія. Но и помимо матеріала, изъ котораго ихъ строили, эти стѣны представляли явную опасность по тому, что, по удостовѣренію экспертовъ, толщина ихъ, вытянутая въ три этажа, въ среднемъ составляла отъ трехъ до четырехъ вершковъ, такъ какъ въ стѣнахъ этихъ оставались пустоты для прокладки гнѣзельскихъ трубъ.

И вотъ на эту то еще совсѣмъ сырую стройку, скорѣе похожую на карточный домъ, чѣмъ на монолитъ, рабочихъ и заставляли втаскивать тяжелыя балки для крыши, половъ и потолоковъ. Рабочіе лучше, чѣмъ кто-нибудь, сознавали опасность такой спѣшки и еще наканунѣ отказывались тащить на верхъ балки. Но съ ними не церемонились и объявили: „кто не хочетъ работать, получай расчетъ, придутъ другіе“.

Конечно, уйти было-бы безопаснѣй, да въ деревнѣ-то у нихъ были семьи, которыя ѣсть хотѣли каждый день, и передъ ихъ несчастными кормильцами вставала неразрѣшимая дилемма—или своихъ семейныхъ оставить безъ хлѣба, или самому рискнуть жизнью, чтобы ихъ накормить. И по своему русскому простолюдину альтруизму интересы семьи брали верхъ, отодвигая заботу о личной безопасности

на задній планъ, и съ вѣрою, что Богъ пронесетъ бѣду мимо, они отправлялись почти на вѣрную смерть.

Что это была за постройка, особенно ярко охарактеризовалъ одинъ изъ экспертовъ. Для того, чтобы она рухнула, не только было достаточно сотрясенія почвы отъ ѣзды многочисленныхъ экипажей,—достаточно было и движенія воздуха отъ внезапно взлетѣвшей стаи воронъ и ихъ неистоваго крика, а глуныя вороны этого въ расчетъ не принимали и каркали безъ стѣсненія, наивно предполагая, что солидному московскому кунечеству не къ лицу такія легкомысленныя постройки. Ну, и докаркались, а изъ-за нихъ такіе тузы, какъ Каминскій и Кольчугинъ, и ихъ присные должны были сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ и трепетать передъ возможностью обвинительнаго приговора.

Ну, конечно, каждый изъ нихъ валилъ свою вину на другого, каждый ссылался на то довѣріе, которое онъ питалъ къ другому.

Этотъ матеріалъ, конечно, далъ благодарную почву для страстной обвинительной рѣчи Н. В. Муравьева, но и противниками его являлись Ѳ. Н. Плевако и В. М. Пржевальскій, и они добились того, что Судъ оказался милостивѣе къ обвиняемымъ, чѣмъ даже они ожидали, и къ кратковременному аресту на гауптвахтѣ былъ присужденъ одинъ архитекторъ Каминскій, а члены наблюдательной комиссіи отдѣлялись выговорами и замѣчаніями.

И веселые, и довольные шли изъ Суда и обвиняемые, и ихъ защитники,—земная гроза миновала, а кара небесная имъ была не страшна,—ее они надѣялись избыть въ будущемъ пудовыми свѣчами,—а довольны-ли остались такимъ приговоромъ пострадавшіе рабочіе, до этого никому не было дѣла. Кое-какіе гроши за ихъ страданія имъ отпустили, а для семерыхъ убитыхъ не пожалѣли общей могилы глубиною въ два аршина. Въ эту могилу въ два ряда поставили по три гроба, а седьмой поставили на нихъ поперекъ, такъ

что поверхность земли надъ послѣднимъ изъ нихъ не превышала четырехъ вершковъ, но это никого не пугало; безответныя на землѣ, могли-ли они протестовать противъ неудобствъ могилы? Во всякомъ случаѣ они обрѣли въ ней тотъ покой, котораго не знали при жизни.

Закончился 1890 годъ двумя особенно выдававшимися среди другихъ дѣлами: маленькимъ, но характернымъ дѣломъ мѣщанина Фролова и шумнымъ и грандіознымъ процессомъ объ убійствѣ артистки Бефани.

По обоимъ изъ этихъ дѣлъ въ качествѣ гражданскаго истца выступалъ Ѳ. Н. Плевако, по обоимъ—его рѣчи произвели огромную сенсацию.

О предстоящемъ процессѣ Фролова никто почти и не зналъ, и рассматривалось оно въ I отдѣленіи Суда, засѣданія котораго только изрѣдка посѣщаются публикой, такъ какъ въ отдѣленіи этомъ исключительно рассматриваются дѣла, не грозящія виновнымъ серьезною отвѣтственностью.

И въ этотъ разъ въ I отдѣленіи собралась публика только та, которая случайно узнала, что въ одномъ изъ дѣлъ будетъ участвовать Плевако.

Фроловъ обвинялся въ самоуправствѣ, въ результатѣ котораго случилось увѣчье другого лица. Онъ состоялъ управляющимъ въ гостиницѣ «Черногорія», на Цвѣтномъ бульварѣ, и о женщинахъ, посѣщающихъ или останавливающихся въ этой гостиницѣ, составилъ опредѣленное мнѣніе.

Однако, судьбѣ было угодно занести въ этотъ скорѣе притонъ, чѣмъ гостиницу, молодую дѣвушку П-ву, пріѣхавшую въ Москву изъ провинціи, чтобы закончить свое музыкальное образованіе.

Встрѣтилъ ее на вокзалѣ такой-же провинціалъ, какъ и она, ея зять, совершенно не знавшій Москвы и тѣмъ болѣе того, что представляютъ изъ себя Цвѣтной бульваръ съ прилегающими къ нему переулками, и привезъ ее въ эту гостиницу.

Какъ-разъ случилось, что въ этотъ вечеръ Фроловъ праздновалъ свои именины, и когда далеко за полночь вся кутившая съ нимъ компанія была уже значительно на-веселѣвъ онъ рѣшилъ навѣдаться къ пріѣхавшей и остановившейся въ третьемъ этажѣ молоденькой жилищѣ.

Когда на его стукъ П-ва отвѣтила, что она уже легла спать и дверей не отпереть, Фроловъ сталъ требовать у нея паспортъ. Она отвѣтила, что паспортъ представить утромъ, а когда Фроловъ, настаивая, сталъ грозить выломать дверь, испуганная дѣвушка стала умолять послать за полиціей, обѣщая сейчасъ-же передать полицейскому паспортъ.

Этого менѣе всего желалъ Фроловъ и велѣлъ полотерамъ ломать дверь. Всѣ живущіе въ этой гостиницѣ собрались въ корридоръ, чтобы полюбоваться скандаломъ, но никому не пришло въ голову вступиться за оскорбляемую дѣвушку и прекратить это поруганіе, хотя для этого было вполне достаточно позвать полицію.

Только теперь сообразила дѣвушка, куда она попала, и когда подъ напоромъ полотеровъ дверь къ ней въ комнату затрещала, она, убѣдившись, что помощи ей ждать не откуда, какъ была въ одной сорочкѣ, въ 25°-й морозъ вылѣзла въ оконную форточку и ринулась внизъ на дворъ съ третьяго этажа.

На ея счастье снѣгу на дворѣ было много, и она до смерти не расшиблась, а сломала только правую руку, вслѣдствіе чего навсегда вынуждена была отказаться отъ музыкальной карьеры.

И вотъ, когда разсматривалось это возмутительное дѣло, наивный обвинитель отказывался понять, чего-же такъ испугалась молодая дѣвушка, что бросилась въ окно, рискуя убиться до смерти.

Это его недоумѣніе разрѣшилъ Ѳ. Н. Плевако. Симпатичнѣйшею чертою его было то, что онъ никогда не обрывалъ противника, никогда не инсинуировалъ потерпѣвшихъ,

никогда не относился съ неуваженіемъ къ кому-бы то ни было изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.

И вотъ, разрѣшая это недоумѣніе товарища прокурора, онъ только провелъ параллель.

Въ далекой Сибири,—сказалъ онъ,—въ дремучей тайгѣ водится звѣрокъ, котораго судьба наградила бѣлой, какъ снѣгъ, шубкой. Это—горностаѣ. Когда онъ спасается отъ врага, готоваго его растерзать, а на пути его встрѣчается грязная лужа, которую нѣтъ времени миновать, онъ предпочитаетъ отдаться врагу, чѣмъ замарать свою бѣлоснѣжную шубку. И мнѣ понятно,—закончилъ онъ,—почему потерпѣвшая выскочила въ окно.

И не прибавивъ больше ни полслова, Ѳ. Н. Плевако сѣлъ. Да больше ничего и не требовалось: если былъ наивенъ обвинитель, то не были такъ наивны судьи и, признавъ Фролова виновнымъ, приговорили его къ высшей мѣрѣ наказанія.

Дѣло объ убійствѣ артистки Бефани, наоборотъ, являлось однимъ изъ самыхъ шумныхъ процессовъ. Обвинялся по этому дѣлу околоточный надзиратель Орловъ, убившій П. Н. Бефани не за то, что она его разлюбила и измѣнила, а за то, что не переставая его любить, она, наконецъ, не вынесла его надругательства надъ нею и отъ него ушла, а уйдя, перестала на него тратить и свой заработокъ.

Вотъ этого онъ ей не простилъ и убилъ ее въ зданіи театра, гдѣ она служила, убилъ, обрекая на круглое сиротство двухъ ея крошечныхъ дѣтей.

На этотъ процессъ, какъ и слѣдовало ожидать, публика ломилась толпой, и Круглая зала, вмѣщающая въ себѣ до двухъ тысячъ человѣкъ, была набита биткомъ; когда-же начались рѣчи, публика уже стояла стѣной вплоть до стола вещественныхъ доказательствъ.

И тутъ, какъ въ большинствѣ крупныхъ процессовъ, схватиться предстояло двумъ корифеямъ — кн. Урусову и

Плевако. Обвинителя по этому дѣлу, Саблина, они не особенно принимали во вниманіе. Онъ былъ хорошъ, но на равенство съ ними не претендовалъ, и, главнымъ образомъ, сразиться имъ предстояло другъ съ другомъ.

Плевако всегда былъ бѣльмомъ на глазу у кн. Урусова. Стоило послѣднему взяться за какое-нибудь дѣло, какъ испуганная противная сторона, если таковая была въ дѣлѣ, бѣжала за защитой своихъ интересовъ къ Плевако, и тотъ, выступая въ качествѣ гражданскаго истца, всегда сводилъ къ нулю всѣ старанія защиты.

Такъ было и на этотъ разъ. Явившись гражданскимъ истцомъ отъ осиротѣвшихъ малютокъ убитой, Плевако говорилъ недолго, всего минутъ 20, но къ концу его рѣчи вся двухтысячная толпа, находившаяся въ залѣ, плакала навзрыдь, какъ одинъ человѣкъ; плакали присяжные заседатели, плакали и судьи.

Что-же послѣ такого яркаго впечатлѣнія могла подѣлать защита? Рѣчь кн. Урусова уже слушалась въ полъ-уха, и Орловъ понесъ то наказаніе, которое какъ нельзя болѣе заслужилъ.

Въ этомъ-же году истекала и первая четверть вѣка жизни реформированнаго Суда. Внимательно оглянувшись назадъ, нельзя было не констатировать, что въ послѣднее десятилѣтіе эта жизнь мѣстами уже потускнѣла.

Выдающіеся люди, первыми вступившіе на этотъ тернистый путь и втеченіе 15 лѣтъ ревниво оберегавшіе его отъ вторженія всякихъ сомнительныхъ элементовъ, частью, состарившись, уходили на покой, частью умирали, очищая первые ряды для своихъ болѣе юныхъ соратниковъ, въ душахъ которыхъ они старались воплотить свои завѣты.

Не стало ни Ровинскаго, ни Е. Е. Люминарскаго, ни А. Н. Шахова, ни Н. А. Манассеина,—крупныя фигуры исчезали, оставались люди помельче, но еще уважавшіе и дорожив-

шіе тѣмъ, что составляло святыню для ихъ предшественниковъ.

Мельчали люди, а вмѣстѣ съ ними мельчали и нравы. Люди, приходившіе въ Судъ, чтобы творить судъ надъ своимъ ближнимъ, сначала съ благоговѣніемъ относившіеся къ этой своей миссіи, мало-по-малу увлекались предоставленною имъ властью и переходили къ тенденціи: „хочу—милую, хочу—съ кашей ѣмъ“.

ГЛАВА VIII.

Девяностые годы.

Сообразно съ новымъ теченіемъ, чтобы не профанировать Судъ, приходилось лицамъ, стоявшимъ у власти, вносить поправки и въ самый Уставъ императора Александра II. Такъ, измѣнилась подсудность преступлений по должности, каковыя были изъяты изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей, и этого рода дѣла стали разсматриваться Судебными Палатами не съ присяжными засѣдателями, какъ это было раньше, а въ особомъ Присутствіи съ участіемъ сословныхъ представителей. Сюда-же мало-по-малу перешли и всякаго рода дѣла политическія. Затѣмъ была введена въ жизнь система закрытыхъ дверей какъ по дѣламъ, касающимся женской чести, такъ и по всѣмъ дѣламъ, оскорбляющимъ общественную нравственность и представляющимъ явный соблазнъ, а нѣсколько лѣтъ спустя это закрытіе дверей распространилось и на политическія дѣла.

Разрѣшеніе вопроса, какое изъ дѣлъ представляетъ явный соблазнъ, сначала всецѣло входило въ компетенцію председательствующихъ, которые, еще придерживаясь старыхъ традицій, критически относились къ этой новой формѣ негласнаго судопроизводства и всячески старались, гдѣ не было особой надобности закрывать двери засѣданія, обходить эту чуждую Уставамъ императора Александра II форму. Насколько этотъ ихъ отпоръ былъ чувствителенъ, ясно изъ того, что мало-по-малу эта ихъ компетенція съ годами стала суживаться и перешла отъ магистратуры къ администраціи.

Тутъ уже дѣло повелось безъ особой церемоніи, и по временамъ случалось такъ, что то или другое дѣло слушалось въ Судѣ настолько публично, что мѣста въ засѣданіи брались съ бою, а между тѣмъ по распоряженію администрации отчетовъ о тѣхъ дѣлахъ въ газетахъ не печаталось, какъ-будто дѣла эти разсматривались при закрытыхъ дверяхъ.

И однимъ изъ первыхъ разсматривалось при такой обстановкѣ въ 1891 г. дѣло извѣстнаго корнета Савина, обвинявшагося въ цѣломъ рядѣ мошенничествъ. Разсматривалось оно въ отдѣленіи у Е. Р. Ринка, не желавшаго разбирать такое занимательное дѣло безъ публики, и хотя было объявлено, что дѣло слушается при закрытыхъ дверяхъ, какъ этого почему-то требовала администрація, по публики въ залѣ засѣданія было ровно столько, сколько возможно было набить ее туда биткомъ.

Корпорация адвокатовъ въ этомъ году тоже подводила итоги своей 25-лѣтней дѣятельности. Въ общемъ собраніи, происходившемъ подъ председательствомъ Ю. Н. Плевако, они рѣшили ознаменовать этотъ свой юбилей учрежденіемъ стипендіи имени перваго присяжнаго повѣреннаго М. И. Доброхотова, и на этотъ предметъ ими тутъ-же было собрано 4.100 рублей. Изъ отчета, доложеннаго на этомъ собраніи, выяснилось, что втеченіе этихъ 25 лѣтъ въ сословіе ежегодно поступало по 13 человекъ и въ общемъ число присяжныхъ повѣренныхъ достигло за этотъ срокъ въ округѣ московской Судебной Палаты 351 человекъ, изъ которыхъ 262 при 110 помощникахъ работали въ Москвѣ.

Сравнивая эти числа съ текущею статистикою, нельзя не видѣть того, что въ первые годы существованія корпорации Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ несравненно строже относился къ выбору своихъ сочленовъ, чѣмъ это дѣлаетъ теперь, когда ежегодно вступаетъ въ сословіе свыше 75 человекъ. И если и тогда ему приходилось бороться съ чрез-

мѣрною развязностью нѣкоторыхъ изъ представителей сословія, то теперь, конечно, этотъ выборъ слѣдовало-бы обставить гораздо строже и, по крайней мѣрѣ, не допускать въ сословіе тѣхъ, кто еще, будучи помощникомъ, уже проявлялъ сомнительныя свойства.

Въ 1891 г. Н. В. Муравьевъ былъ переведенъ въ Петербургъ прокуроромъ Судебной Палаты, а на его мѣсто въ Москву на эту должность былъ назначенъ Акимовъ.

Одновременно съ Муравьевымъ въ Петербургъ-же былъ переведенъ и А. А. Саблинъ, а Н. П. Посниковъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Суда въ Смоленскъ, его-же мѣсто въ Москвѣ занялъ состоявшій у него-же въ отдѣленіи членомъ В. С. Абакумовъ.

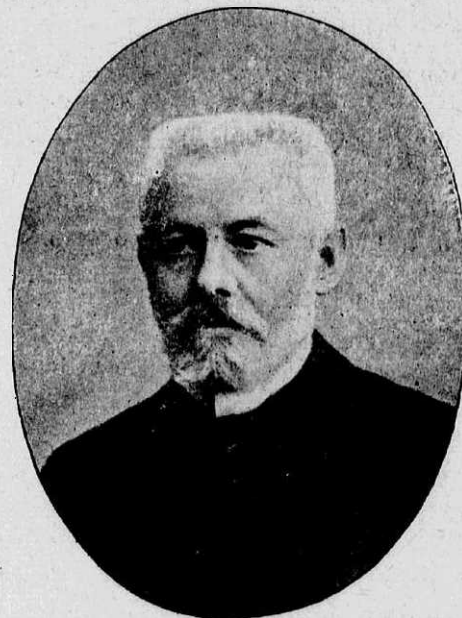
Почти въ то-же время ушелъ въ отставку и П. Н. Обнинскій, и его замѣстителемъ явился М. П. Домерщиковъ, а лѣтомъ этого-же года скончался предсѣдатель московскаго Суда В. И. Лавровъ, а на его мѣсто прибылъ изъ Вильны Ф. П. Ивковъ.

Послѣдній являлся личностью далеко не заурядной. По своему нравственному облику онъ болѣе всего походилъ на старѣйшаго изъ московскихъ судебныхъ дѣятелей, еще продолжавшаго состоять товарищемъ предсѣдателя 6-го отдѣленія Суда, Э. Н. Сумбула, упорно отказывавшагося отъ всякаго повышенія или перемѣщенія на какую-бы то ни было должность, такъ что, въ концѣ-концовъ, въ виду несомнѣнности его заслугъ, онъ, минуя нѣсколько чиновъ, былъ прямо произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Типичною особенностью обоихъ этихъ выдающихся дѣятелей — и Ф. П. Ивкова и Э. Н. Сумбула — была необычайная скромность, полное отсутствіе высокомерія по отношенію къ другимъ, неподкупная справедливость, въ связи съ упорнымъ трудолюбіемъ, и горячая преданность дѣлу, которому они служили.

Таковъ былъ новый предсѣдатель Суда, примирившій Москву съ уходомъ Е. Е. Люминарскаго.

Судебная жизнь этого года началась не обычно. До сихъ поръ хотя чужое добро и растрчивалось, но растрчивалось людьми, состоявшими на частной или общественной службѣ, лица-же, состоявшія на коронной службѣ, пока отъ

Ф. П. Ивковъ.

этого рода посягательствъ воздерживались. Въ этомъ-же году, наоборотъ, 9-го января судился главный бухгалтеръ Государственнаго банка Спасскій, растратившій цѣнностей на нѣсколько сотъ тысячъ рублей и приговоренный за это къ ссылкѣ на житье въ Олонецкую губернію. 12-го января су-

дился помощникъ бухгалтера этого банка Шведовъ, который растратилъ 161 тыс. руб. и съ помощью двухъ своихъ пріятелей, Лутковского и Красовскаго, пытался получить еще одинъ вкладъ въ 70 тыс. руб. На первый разъ дѣло это пришлось приостановить, такъ какъ въ засѣданіи Палаты Красовскій отравился, но при вторичномъ разсмотрѣніи этого дѣла Шведовъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ късылкѣ.

Притягательная сила денегъ, повидимому, настолько была велика, что ссылка никого уже не пугала. Велѣдъ за Шведовымъ судились всѣ члены правленія Тульского Сушкинскаго банка, затѣмъ завѣдующій третьимъ отдѣленіемъ ссудо-сберегательной кассы Государственнаго банка Василевскій, успѣвшій растратить около 6 тыс. руб. и ушедшій за это въ Иркутскую губернію, далѣе всѣ члены Ливенскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, хватавшіе уже по мелочамъ, и такъ безъ конца.

Словомъ, всѣ, безъ различія пола и возраста, самымъ беззащитнымъ образомъ стремились къ наживѣ, къ возможности прожить больше того, что умѣли и могли зарабатывать. Разница была только въ томъ, что мужчины хватали то, что попадало подъ руку, въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ проявляя инициативу или особенно остроумный замыселъ, женщины, наоборотъ, додумались до такихъ комбинацій, что не сразу являлась возможность сообразить, къ чему эти комбинаціи должны привести.

Въ этомъ отношеніи особенно характернымъ являлось одно дѣло—объ истребованіи проституткой своего ребенка отъ помощника присяжнаго повѣреннаго Хрущева.

Это дѣло по самому своему замыслу до такой степени являлось необычайнымъ, что трудно было повѣрить, что оно могло имѣть мѣсто въ столицѣ, на глазахъ у всевозможныхъ властей.

На Судѣ дѣло это предстало въ такомъ видѣ: пять сестеръ-шведокъ, всѣ занимавшіяся проституціей и имѣвшія очень богатыхъ поклонниковъ, желая собирать съ нихъ болѣе обильную дань, купили у акушерки за 25 руб. новорожденную дѣвочку, и каждая изъ нихъ выдавала эту дѣвочку своему обожателю за его дочь, получая на ея содержаніе значительныя суммы, достигавшія десятковъ тыс. рублей. И для того, чтобы не приурочивать эту дѣвочку которой-либо изъ нихъ одной, онѣ не крестили ея, давъ ей кличку Марго.

Однако, собирая на содержаніе дѣвочки огромныя суммы, онѣ не только не считали нужнымъ заботиться о ней, но еще находили возможнымъ и истязать ее.

Крошка понятія не имѣла о томъ, что-бы ее покормили, и исключительно питалась тѣми кусками, какіе попадали ей подъ руку, а чтобы между нею и прислугой не было общенія, ея названныя матери, уходя на промыселъ, запирали ее въ темной спальнѣ. Понятно, что объятый ужасомъ ребенокъ, начиналъ кричать, но прислуга была лишена возможности успокоить малютку, и послѣдняя кричала до тѣхъ поръ, пока не засыпала гдѣ-нибудь въ углу.

И это было для нея счастьемъ, такъ какъ если одна изъ ея „матерей“ возвращалась домой тогда, когда она кричала, то ее начинали бить, пока обезсиленная она не умолкала.

Такъ росла дѣвочка со дня рожденія до 5-ти лѣтъ, вѣчно избитая, запуганная безсердечными шведками до послѣдней возможности.

Наконецъ, судьба надъ ребенкомъ сжалилась: шведки вздумали перемѣнить квартиру, и такъ какъ во время укладки въ показной дочери надобности не было, то, чтобы она не мѣшала, ее на нѣсколько дней отправили къ акушеркѣ, знавшей печальную исторію малютки.

Акушерка эта жила бѣдно, прислуги не держала, и такъ какъ ей самой приходилось отлучаться на практику, то она

и попросила своихъ хорошихъ знакомыхъ Хрущевыхъ прі-
ютить на время дѣвочку у себя.

Хрущовъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, взявъ
къ себѣ крошку и убѣдившись, что на ея истощенномъ
тѣлцѣ нѣтъ живого мѣста,—до такой степени оно все было
исколочено и исцарапано,—пригласилъ для освидѣтельствво-
ванія ребенка врача, который и установилъ наличность
истязаній. Узнавъ же исторію малютки, Хрущовъ рѣшилъ
ребенка оставить у себя и совершилъ надъ нею обрядъ
крещенія.

Вотъ отсюда-то и получился процессъ. Одна изъ шве-
докъ, утверждая, что отобранная у нея дѣвочка ея неза-
конная дочь, потребовала, чтобы ей вернули ее.

На судѣ путемъ свидѣтельскихъ показаній выясни-
лась вся эта чудовищная исторія, и шведкѣ въ этомъ ея
требованіи было отказано, хотя она провела дѣло по всѣмъ
инстанціямъ, до Сената включительно. Но почему она и ея
сестры за такую возмутительную предѣлку не были при-
влечены къ уголовной отвѣтственности, такъ и осталось
тайной. Просто никто не удосужился объ этомъ подумать,
блага жалобщиковъ на лицо не было.

Вообще въ большинствѣ процессовъ, въ которыхъ опе-
рировали женщины, объектомъ ихъ эксплуатаціи являлись
дѣти.

Такъ, одна изъ нихъ пыталась узаконить свою незакон-
ную дочь по смерти мужа, съ которымъ никогда не жила,
чтобы овладѣть оставшимся послѣ него милліоннымъ наслѣд-
ствомъ, и хотя въ этомъ ей во всѣхъ судебныхъ инстан-
ціяхъ было отказано, она, пользуясь своими связями, пока
тянулось дѣло, въ качествѣ опекуниши своей дочери, все-
таки успѣла кое-что изъ мужнинаго наслѣдства урвать,
вырубивъ въ его лѣсныхъ имѣніяхъ массу лѣса.

Другая сама отдала своего ребенка на воспитаніе, выдавъ
письменное обязательство никогда его обратно не брать, а

когда воспитательница втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ къ ребенку
привязалась, то она угрозами отнять дѣвочку стала вымогать у
нея деньги. Когда-же той это, наконецъ, надоѣло и она
перестала давать подачки, мать стала требовать своего ребенка
судомъ, опираясь на свое материнское право, такъ что
воспитательницѣ ничего другого не оставалось, какъ скры-
вать ребенка.

Изъ крупныхъ процессовъ въ 1891 году, кромѣ дѣла
корнета Савина, слушавшагося при закрытыхъ дверяхъ,
огромный интересъ представляло только дѣло объ убійствѣ
дворянки Карцевой ея дворникомъ при содѣйствіи кухарки
и ея сына.

Убита была несчастная женщина самымъ жестокимъ
образомъ: сначала ей высыпали въ кофе огромную дозу
мышьяка; когда-же она, выпивъ его въ постели и тотчасъ-
же почувствовавъ печеловѣческія боли, велѣла кухаркѣ
послать за докторомъ дворника, послѣдній, зная, что отрав-
леніе хозяйки будетъ сейчасъ-же обнаружено, вмѣсто того,
чтобы идти за докторомъ, взялъ топоръ и отправился въ
спальню хозяйки. Здѣсь нѣсколькими ударами топора онъ
добилъ ее до смерти и, прикрывъ ея трупъ одѣяломъ и
подушками, сталъ искать денегъ. Въ расчетѣ своемъ онъ,
однако, ошибся.

Всѣ, кто не зналъ хорошо Карцеву, считали ее за скрягу
и думали, что она свои дѣйствительно крупныя средства
держитъ у себя въ спальнѣ. Это предположеніе основыва-
лось на томъ, что Карцева, страшно боясь пожара, сдѣлала
у себя въ спальнѣ бетонныя стѣны, полъ и потолокъ, а то,
что она скряга, предполагали потому, что лично на себя
она старалась тратить какъ можно меньше. Дѣлала-же она
это по тому, что, будучи несчастна въ семейной жизни, она
рѣшила отдать всѣ свои средства на благотворительныя
учрежденія и, сдѣлавъ въ этомъ смыслѣ духовное завѣща-
ніе, положила въ банкъ на имя тѣхъ учреждений весь свой

капиталь. А такъ какъ ей хотѣлось, чтобы бѣднякамъ досталось послѣ нея какъ можно больше, то она и изъ доходовъ съ дома старалась прожить поменьше, а что у нея оставалось, прикладывала къ тому же капиталу. Дома же на текущіе расходы она держала отъ 1,500 до 2,000 руб. Этою-то суммою только и воспользовался убійца; надѣясь скрыть преступленіе, онъ зажегъ то, чѣмъ прикрылъ убитую, а самъ ушелъ изъ дома. Пожаръ однако скоро былъ замѣченъ; въ домъ явилась полиція, и преступленіе было обнаружено.

Кухарка Карцевой, Титова, сначала отговаривалась тѣмъ, что она не знала, что въ спальнѣ дѣлалъ дворникъ, а когда у ея 17-лѣтняго сына были найдены золотые часы убитой, то стала увѣрять, что дворникъ приказывалъ ей молчать, пригрозивъ топоромъ и ей, и потому она не посмѣла ему противорѣчить.

Сынъ-же ея увѣрялъ, что когда онъ на минуту забѣжалъ къ матери въ день убійства, то дворникъ передалъ ему тѣ часы на сбереженіе.

Въ такомъ видѣ это гнусное дѣло и предстало на судѣ. Убійца, чтобы хоть до нѣкоторой степени оправдать свой поступокъ, сталъ увѣрять, что убилъ хозяйку въ порывѣ раздраженія, такъ какъ она, требуя его любви, настаивала, чтобы онъ отправилъ въ деревню прішедшую къ нему жену. Между тѣмъ онъ свою жену какъ-разъ передъ убійствомъ выписалъ изъ деревни и ей-то и передалъ на храненіе все, что ему удалось похитить у Карцевой. Жена однако, не желая быть его сообщницей и узнавъ отъ полиціи о совершенномъ ея мужемъ преступленіи, сейчасъ-же вернула все, что онъ ей отдалъ.

На этомъ дѣлѣ уже сказывалась та беззастѣнчивость пріемовъ, которая начинала вѣдаться въ нравы представителей адвокатуры.

Что убійца, спасая свою шкуру, находилъ возможнымъ инсинуировать свою жертву, увѣряя, что старая женщина, уже отрекшаяся въ пользу ближняго отъ всего земного, искала его любви, это не удивительно,—перспектива у него была не изъ пріятныхъ. Гораздо удивительнѣе было то, что и въ рѣчахъ защитниковъ, хотя и робко, но проскальзывали эти мотивы, несмотря на то, что обвинитель подчеркнул всю гнусность такого вымысла.

Это уже было новостью. До этого времени всякая чрезвычайная развязность до такой степени считалась предосудительной, что когда у одного молодого адвоката, теперь, къ слову сказать, уже виднаго дѣятеля въ этой средѣ, имѣющаго огромную практику, при защитѣ какого-то мелкаго мошенника сорвалась съ языка фраза: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“, то надо было видѣть, какое негодованіе вызвала она и у судей, и у представителя обвиненія.

Предсѣдательствовавшій Д. Е. Рынкевичъ не преминулъ сурово одернуть защитника, давъ ему понять, что для представителя извѣстной корпораціи подобная философія до такой степени предосудительна, что бросаетъ тѣнь на все сословіе, а обвинитель, А. А. Саблинъ, большую часть своей рѣчи посвятилъ этой выходкѣ адвоката и высказалъ взглядъ, что такая беззастѣнчивость, уже вошедшая въ нравы корпораціи, члены которой по замыслу законодателя должны были-бы являться борцами за все лучшее, за все свѣтлое, естественно деморализуетъ нравы остального, менѣе интеллигентнаго общества.

Выслушавъ эту горячую отвѣдь, и самъ молодой защитникъ въ первый-же перерывъ горячо старался убѣдить представителей прессы, что эта злосчастная фраза неожиданно и для него самого „сорвалась у него съ языка“. Но какъ никакъ, былой этикѣ дѣйствительно культурнаго общества замѣтно наступалъ конецъ подъ дружнымъ натискомъ „господъ“ новой формациі.

Дѣйствительная культура, доведенная до апогея людьми 40-хъ годовъ и введенная въ жизнь людьми 60-хъ годовъ, мало-по-малу вытѣснялась волчьими инстинктами тѣхъ, кого шестидесятники наивно старались приобщить къ этой культурѣ, не жалѣя для этого ни собственного счастья, ни жизни.

Одно упустили при этомъ шестидесятники изъ вида, что прогрессъ идетъ только путемъ постепенности и что насадить его сразу нѣтъ ни малѣйшей возможности, какъ нельзя ребенка сразу сдѣлать взрослымъ, какъ нельзя вчерашняго дикаря сегодня сдѣлать человѣкомъ культурнымъ.

И что именно это было такъ, ясно уже было изъ того, что такія безтактности со стороны адвокатуры стали съ теченіемъ времени повторяться все чаще и чаще, несмотря на энергичный отпоръ со стороны Суда.

Въ январѣ 1892 года слушалось характерное дѣло Трояна и его сообщниковъ. Троянъ только случайно не попалъ въ дѣло о червонныхъ валетахъ, хотя съ большинствомъ изъ нихъ дружилъ. Теперь-же онъ явился въ сообществѣ съ лишеннымъ уже правъ нотаріусомъ Ильинымъ, кр. Шмаринымъ, тоже судившимся и отбывавшимъ наказаніе, и женой поручика Стебахова, судившагося ранѣе со Шмаринымъ и сосланнаго въ Сибирь.

На этотъ разъ всѣ они обвинялись въ томъ, что путемъ обмана выманили у крупнаго коннозаводчика Лежнева 100,000 р. Обманъ этотъ состоялъ въ томъ, что Троянъ, выдавъ Лежневу Стебахову за монашенку женскаго Серпуховскаго монастыря, будто-бы выигравшую на билетъ внутренняго займа 200 тыс. рублей, убѣдилъ Лежнева этотъ билетъ у нея купить вмѣстѣ съ павшимъ на него выигрышемъ за сто тыс. рублей.

Такую огромную уступку со стороны Стебаховой Троянъ объяснилъ Лежневу тѣмъ, что Стебахова, какъ принявшая постригъ монахини не имѣетъ права владѣть какой-либо собственностью, и потому если монастырь узнаетъ о павшемъ

на ея билетъ выигрышъ, онъ неминуемо этотъ билетъ у нея отберетъ, а она намѣрена съ этими деньгами изъ монастыря уйти.

Лежневъ повѣрилъ этому вымыслу и послѣ нѣкотораго колебанія билетъ этотъ купилъ, но когда его повѣренный О. Н. Плевако явился въ банкъ для его реализаціи, оказалось, что № у этого билета передѣланъ на другой, на который дѣйствительно палъ выигрышъ въ 200 т. руб.

Началось слѣдствіе, и тутъ тотчасъ-же выяснилось, что это уже не первая передѣлка номеровъ билетовъ, что за таковыя-же передѣлки на двухъ билетахъ, изъ которыхъ одинъ былъ проданъ за 40 тыс., а другой—за 23 тысячи, уже дважды судились въ Москвѣ разныя лица, и въ ихъ числѣ были и Шмаринъ, отсидѣвшій за это въ арестанскомъ отдѣленіи, и мужъ Стебаховой, сосланный за это въ Сибирь. А также выяснилось и то, что сбывались эти билеты при участіи бывшаго нотаріуса Ильина и что всѣ эти лица принимали участіе и въ обманѣ Лежнева, за исключеніемъ сосланнаго Стебахова, котораго на этотъ разъ замѣнила его жена, въ то время вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ чуть не умиравшая съ голоду, и потому пособничество ея въ этомъ дѣлѣ было куплено чуть-ли не за четвертной билетъ.

Вотъ эта-то компанія, которой, очевидно, терять уже было нечего, и издѣвалась надъ потерпѣвшимъ, видимо, стараясь подчеркнуть, что и его покупка билета „по случаю“ не исполнила чистоплотно. И Лежневъ страшно этого конфузился. А защита, несмотря на то, что въ ней принимали участіе и кн. Урусовъ, и два другіе довольно видные въ то время адвокаты, Харитоновъ и Швенцеровъ, видимо, этимъ тѣшилась, благо была увѣрена, что такой мягкій предсѣдатель, какъ Абакумовъ, никого сурово не оборветъ.

И то, что по совѣсти должна была-бы сдѣлать защита, пришлось взять на себя обвиняемому Ильину, которому уже не на что было рассчитывать, кромѣ милосердія. Онъ

видѣлъ, что присяжные засѣдатели негодуютъ, несмотря на то, что въ публикѣ находились люди, которыхъ это издѣвательство надъ потерпѣвшимъ смѣшило, и чтобы вызвать съ ихъ стороны къ себѣ участіе, заявилъ, что считаетъ такое поведеніе своихъ товарищей недостойнымъ.

И волей-неволей защитникамъ пришлось проглотить эту пилюлю, тѣмъ болѣе, что и присяжные засѣдатели, и самый Судъ отнеслись къ этому заявленію очень сочувственно. Это отразилось и на вердиктѣ присяжныхъ, которые, оправдавъ Ильина, представшаго предъ ними безъ защитника, всѣхъ остальныхъ обвинили.

Въ данномъ дѣлѣ защитники только помирволили евоимъ подзащитнымъ, но болѣе яркимъ въ этомъ отношеніи являлось прошедшее въ томъ-же году дѣло, по которому обвинялась уже немолодая портниха Гладилина въ томъ, что истязала своего трехлѣтняго воспитанника, навязаннаго ей ея молодымъ мужемъ, которому она не рисковала возражать, боясь потерять его любовь.

Но ребенка она возненавидѣла и, вынужденная скрывать это въ присутствіи мужа, отводила душу, когда мужъ изъ дома уходилъ, и всячески истязала мальчика. Въ концѣ-концовъ и прислугѣ, и сосѣдямъ стало не въ мочь смотрѣть на страданія ребенка и они заявили объ этихъ истязаніяхъ полиціи.

И вотъ на Судѣ по этому дѣлу одна изъ мастерицъ Гладилиной, стараясь обѣлить хозяйку и не въ мѣру уеердствуя, договорилась до того, что ребенокъ былъ настолько капризенъ и золъ, что когда что нибудь дѣлалось не по немъ, самъ себя щипалъ и царапалъ свое лицо въ кровь.

И что такъ поусердствовала портниха, сама находившаяся въ зависимости отъ той-же хозяйки, это никого не удивило, — на то и выросла она въ этой дикой средѣ, но когда это ея показаніе взялъ въ основаніе своей рѣчи защитникъ, то

негодованію и присяжныхъ засѣдателей, и судей не было предѣла: присяжные засѣдатели обвинили жестокую женщину безъ малѣйшаго снисхожденія, а Судъ приговорилъ ее къ высшей мѣрѣ наказанія.

Въ слѣдующемъ, 1893 году, крупныхъ процессовъ было мало. Судился Сиротскій Судъ во всемъ своемъ составѣ, начиная съ его предсѣдателя и кончая секретаремъ, 73-лѣтнимъ Мейснеромъ. Всего обвиняемыхъ по этому дѣлу вмѣстѣ съ опекунами было 11 человекъ, и судились они за то, что по нѣкоторымъ изъ особенно крупныхъ опекуновъ, дали имъ возможность на-чисто обобрать опекаемыхъ, пустивъ по міру малолѣтнихъ, являвшихся наслѣдниками къ имуществамъ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. И главный интересъ этого дѣла заключался въ томъ, что хотя участіе въ немъ присяжной адвокатуры съ точностью и не было установлено, но силуэты нѣкоторыхъ изъ ея представителей мелькали въ немъ довольно рельефно.

И закончилось это дѣло такъ же блѣдно, — отрѣшеніемъ всего состава Суда отъ занимаемыхъ ими должностей, что, конечно, ни для кого изъ нихъ не было страшно.

Несравненно большую сенсацію произвело дѣло объ убійствѣ домовладѣлицы Карепиной (родной сестры писателя Достоевскаго). Оно не представляло ничего особеннаго по замыслу, такъ какъ было совершено ея 18-лѣтнимъ дворникомъ вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ-маляромъ съ исключительною цѣлью грабежа, но самый способъ выполненія являлся настолько чудовищнымъ, что публика ждала этого процесса съ огромнымъ интересомъ.

Дѣло было въ томъ, что убійцы, оглушивъ свою жертву топоромъ и обливъ керосиномъ, зажгли ее, и она, еще будучи жива, обуглилась до костей. И совершивъ такое злодѣйство, убійцы преспокойно принялись за грабежъ, и, взявъ, что имъ было нужно, изъ квартиры ушли, и только, когда дымъ отъ начавшагося пожара сталъ пробиваться наружу,

тотъ-же дворникъ, полагая, что слѣды убійства уже огнемъ сглажены, пошелъ извѣстить городского, что въ домѣ пожаръ, и преступленіе тогда-же было обнаружено. Но и послѣ этого убійца еще долго отрицалъ свое участіе въ этомъ страшномъ дѣлѣ, и только, когда полиція напала на слѣды его сообщника и у него нашла часть похищенныхъ у убитой вещей, тотъ, сознавшись, выдалъ своего сообщника и разсказалъ все, какъ было. Тогда сознался и дворникъ, увѣряя на судѣ, что когда его пріятель зажегъ хозяйку, ему было такъ ей жалко, съ такою мольбою она на него глядѣла, что онъ не выдержалъ и заплакалъ.

Въ концѣ этого же года разсматривалось и дѣло о злоупотребленіяхъ по продажѣ заложенныхъ въ Кредитномъ обществѣ домовъ, по которому обвинялись Камзолкинъ, Синельниковъ и служившій въ Кредитномъ обществѣ Соѣдовъ.

Этимъ собственно и исчерпывалось все, что привлекало въ Судъ большую публику, но зато этому году было суждено завершить первую эпоху въ жизни реформированнаго Суда. Онъ не былъ особенно чреватъ событіями, но то, что имѣло въ этотъ годъ мѣсто, ясно свидѣтельствовало о томъ, что въ жизни судебныхъ учреждений наступаетъ новая эра.

Министръ юстиціи Н. А. Манасеинъ, собираясь по разстроенному здоровью уходить въ отставку, спѣшилъ завершить все то, что, по его мнѣнію, еще не было закончено. Новый Судъ, только-что введенный въ Прибалтійскомъ краѣ и въ восточныхъ губерніяхъ Заволжья, готовился къ открытію и въ Сибири. Въ Государственномъ Совѣтѣ уже неоднократно обсуждался вопросъ объ упраздненіи Коммерческихъ Судовъ и объ учрежденіи при Окружныхъ Судахъ особыхъ торговыхъ отдѣленій, введеніе каковой реформы было назначено на 1 января 1894 года, причемъ предполагалось упраздненіе и стряпчихъ, и частной адвокатуры, такъ какъ наличность присяжной адвокатуры уже

была такова, что безъ труда могла обслуживать всѣ отдѣлы Суда безъ малѣйшаго ущерба для дѣла.

Въ то-же время вырабатывались и новыя правила о присяжныхъ повѣренныхъ въ томъ смыслѣ, чтобы въ ихъ среду допускались евреи въ качествѣ помощниковъ въ числѣ только 15%, и въ качествѣ присяжныхъ повѣренныхъ — въ числѣ 10%. И это положеніе было введено въ жизнь 28 ноября того-же 1894 года.

А такъ какъ ни для кого не было тайной, что замѣстителемъ Н. А. Манасеина явится Н. В. Муравьевъ, то Е. Р. Ринкъ, полагая, что послѣдній будетъ относиться къ нему требовательнѣе, чѣмъ относился очень цѣнившій его Н. А. Манасеинъ, и не станетъ его опускать по три раза въ годъ за границу, чего требовало его здоровье, въ октябрѣ 1894 года вышелъ въ отставку, а на его мѣсто Н. А. Манасеинъ, очень заботившійся о томъ, чтобы отвѣтственные должности въ московскомъ Судѣ занимали люди крупные, вполне самостоятельные, которые не станутъ плясать подъ чужую дудку, успѣвши назначить Д. А. Нилуса, хорошо ему извѣстнаго, какъ человѣка, сумѣвшаго сразу установить надлежащій порядокъ въ только-что открытомъ въ Прибалтійскомъ краѣ Судѣ.

А съ 1 января 1894 года постъ министра юстиціи занялъ Н. В. Муравьевъ.

Вступленіе Н. В. Муравьева на постъ министра юстиціи создало новую эру въ жизни судебныхъ учреждений. Его служебная карьера дала ему возможность приглядѣться къ судебнымъ дѣятелямъ, а огромный умъ помогъ ему оцѣнить, кто изъ нихъ и гдѣ можетъ особенно оказаться полезнымъ. И сообразно съ этимъ начались переводы представителей магистратуры изъ однихъ городовъ въ другіе.

Онъ такъ-же, какъ и Н. А. Манасеинъ, особенно цѣнилъ достоинство московскаго Суда, и отъ его зоркаго, орлиного глаза не укрылось и то, что съ уходомъ изъ Су-

дебной Палаты А. Н. Шахова и изъ председателей Суда П. А. Дейера въ этихъ сферахъ сталъ намѣчаться распадъ, гдѣ вытекавшій изъ сухого формализма, шагъ за шагомъ вытѣснявшаго гуманитарное направленіе и по отношенію къ служащимъ, и по отношенію къ публикѣ, попадавшей въ Судъ въ поискахъ за правосудіемъ, бывшее девизомъ

Д. А. Нидусъ.

первыхъ дѣятелей реформированнаго Суда, гдѣ изъ той распушенности, которая, только прикрывшись тѣмъ-же формализмомъ, уже лелѣяла мысль о возможности работать спустя рукава.

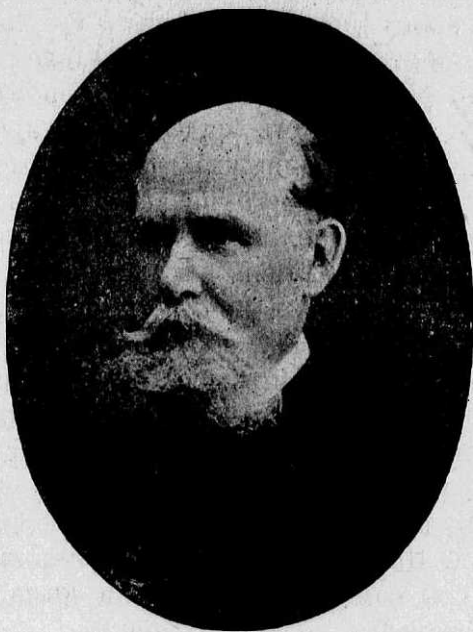
Правда, товарищи председателя первой эпохи, еще стоявшіе во главѣ своихъ отдѣленій, строго и умѣло обере-

гали свои канцеляріи отъ вторженія въ нихъ этихъ нежелательныхъ вѣяній, но все остальное, что не входило въ ихъ компетенцію, уже трещало и расползалось, и въ образовавшіяся этимъ путемъ прорѣхи уже выглядывали самыя нежелательныя явленія. То не въ мѣру раздробившаяся Судебная Палата отмѣняла приговоръ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ объ исключеніи одного изъ членовъ корпорации, дѣятельность котораго бросала грязную тѣнь на всѣхъ остальныхъ ея сочленовъ, и замѣняла ему это исключеніе запрещеніемъ практики на одинъ годъ, а когда до ея свѣдѣнія доводили, что онъ, не стѣсняясь этимъ запрещеніемъ, продолжаетъ вести дѣла, она наивно говорила, что онъ дѣлаетъ это какъ кандидатъ правъ, а не какъ присяжный повѣренный. Удивительно-ли, что такая снисходительность очень смахивала на кумовство, и что-же оставалось предпринимать Совѣту противъ такихъ нежелательныхъ послабленій, дискредитирующихъ цѣлое сословіе?

То при разсмотрѣніи того или другого процесса выплывало на Божій свѣтъ такое обстоятельство, что понавшійся судебный приставъ самъ имѣлъ возможность назначать себя на тѣ исполненія, которыя особенно приходились ему по вкусу; то тѣ-же судебныя пристава, отъ которыхъ требовались объясненія по поступившимъ на нихъ жалобамъ, ухитрялись, продолжая исполнять свои обязанности, подавать такія объясненія полгода спустя; то выглядывалъ изъ этихъ прорѣхъ мундирный ростовщикъ; то показывался Титъ Титычъ, безцеремонно подчеркивавшій, что онъ не считаетъ сословныхъ представителей за равноправныхъ ему судей и что они представляютъ собою только извѣстный декорумъ, безъ котораго очень легко обойтись. Правда, такой-же безцеремонный щелчокъ по носу тотчасъ-же ставилъ такого Тита Титыча въ установленную для него рамку, но связываться-то съ нимъ не у всякаго была охота, а дѣло отъ этого только проигрывало.

Все это видѣлъ и оцѣнилъ по достоинству новый министр юстиціи, да видѣлъ онъ кое-что и похуже, и потому тотчасъ-же принялся за реставрацію судебныхъ нравовъ.

Дѣятельный и энергичный, онъ тотчасъ-же собралъ въ Москву все, что онъ зналъ лучшаго въ судебномъ мірѣ. Старшимъ предсѣдателемъ Судебной Палаты былъ назначенъ А. Н. Поповъ, въ которомъ воплотилось все, что было

А. Н. Поповъ.

особенно цѣнно и симпатично въ А. Н. Шаховѣ и, какъ при Шаховѣ, такъ и при А. Н. Поповѣ, въ Судебной Палатѣ не оставалось ничего сомнительнаго.

В. Р. Завадскій, на мѣсто котораго былъ назначенъ А. Н. Поповъ, получилъ повышение и былъ переведенъ въ Петербургъ, а прокуроръ Судебной Палаты Акимовъ —

былъ назначенъ въ Одессу старшимъ предсѣдателемъ Палаты, а на его мѣсто былъ назначенъ прокуроромъ Судебной Палаты—Н. П. Посниковъ.

Оба они, какъ А. Н. Поповъ, такъ и Н. П. Посниковъ, давно были извѣстны въ Москвѣ и не только были извѣстны, но и горячо были любимы всѣми, кому приходилось имѣть съ ними дѣло, какъ люди безупречные, въ высшей степени корректные, всегда внимательные и деликатные, всегда справедливые. Являя собою, такъ же какъ и незадолго назначенный передъ этимъ предсѣдателемъ Суда, Ф. П. Ивковъ, то, что было лучшаго въ судебномъ мірѣ, они, ставъ во главѣ московскихъ судебныхъ учреждений, конечно, вполне гарантировали ихъ отъ вторженія въ подвѣдомственную имъ сферу чего-либо недостойнаго.

Это былъ прочный фундаментъ въ дѣлѣ устроения Суда, требовавшаго послѣ 30-лѣтней службы серьезнаго подножия, такъ какъ все, что въ немъ было лучшаго въ моментъ его открытія, частью ушло въ отставку, на покой, частью перешло въ Сенатъ, гдѣ ихъ опытъ и трудъ являлись особенно цѣнными. При такомъ фундаментѣ уже не затруднительнымъ казалось дальнѣйшее устроение, тѣмъ болѣе, что во главѣ и отдѣльныхъ частей стояли такія крупныя фигуры, какъ Э. Н. Сумбулъ въ отдѣленіи гражданскомъ и Д. А. Нилусъ въ отдѣленіи уголовномъ, къ которымъ въ минуты сомнѣній всегда шли за поддержкой и совѣтомъ ихъ остальные коллеги.

Обезпечивъ такимъ образомъ Москву, Н. В. Муравьевъ могъ уже подумать и о провинціи, которая, къ слову сказать, требовала еще большей о себѣ заботы, чѣмъ столица.

Гдѣ-же, какъ не въ Москвѣ, было ему искать нужныхъ людей для оздоровленія провинціи? И началось передвиженіе засидѣвшихъся подолгу на своихъ мѣстахъ москвичей изъ одного города въ другой. Всюду они оставались лишь постольку, поскольку этого требовало водвореніе прочнаго

порядка, и тотчасъ-же, повышаясь, переводились на болѣе отвѣтственные посты, въ свою очередь требовавшіе обновленія. И такимъ, образомъ ихъ дальнѣйшая карьера протекала съ головокружительной быстротой.

Такъ, черезъ три мѣсяца по вступленіи Н. В. Муравьева на постъ министра Д. Е. Рынкевичъ, почти 18 лѣтъ занимавшій должность товарища предсѣдателя по 7-му уголовному отдѣленію въ Москвѣ, былъ назначенъ предсѣдателемъ орловскаго Окружнаго Суда, откуда менѣе чѣмъ черезъ два года былъ переведенъ предсѣдателемъ же кievскаго Суда; въ 1900 г. онъ былъ уже старшимъ предсѣдателемъ казанской Судебной Палаты и, наконецъ, еще четыре года спустя былъ переведенъ сенаторомъ въ Петербургъ.

А. М. Рангъ былъ назначенъ предсѣдателемъ въ нижегородскій Судъ, гдѣ и пробылъ нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ былъ снова призванъ въ Москву на должность предсѣдателя департамента Судебной Палаты.

Передвигался, постепенно повышаясь, и Ф. Ф. Арнольдъ, а за нимъ и любимцы Н. В. Муравьева—С. С. Хрулевъ и С. Н. Цемшъ.

Словомъ, все, что было лучшаго въ Москвѣ послѣ реформы Суда, все, что успѣло выдвинуться и дарованіями, и своею порядочностью, Н. В. Муравьевъ спѣшилъ утилизировать, твердо полагаясь на нихъ, какъ на своихъ надежныхъ помощниковъ въ дѣлѣ повсемѣстнаго обновленія судебной сферы.

Но при всемъ этомъ излюбленнѣйшимъ его дѣтищемъ все-таки оставалась прокуратура. Ее онъ больше всего старался окружить блестящимъ ореоломъ, зная по личному опыту, что блескъ имѣетъ притягательную силу. Поэтому онъ чутко прислушивался, чье имя чаще произносится во всѣхъ углахъ подвѣдомственнаго ему міра, и всѣхъ, кто мало-мальски въ этой средѣ выдавался среди своихъ това-

рищей, спѣшилъ перевести въ Москву, гдѣ и производилась имъ генеральная оцѣнка.

Конечно, не все, что казалось выдающимся въ провинціи, оказывалось таковымъ-же и въ столицѣ, но, вѣдь, изъ однихъ талантовъ не было возможности создать цѣлую сферу, и довольно того, что они не портили общаго дѣла, являясь серьезными, добросовѣстными работниками, а, главное, такими людьми, на которыхъ можно было положиться. Важно было то, что въ Москвѣ уже создавалась такая атмосфера, что для элементовъ сомнительныхъ какъ-то не оставалось мѣста. Люди съ чрезмѣрно широкимъ размахомъ сами чувствовали себя здѣсь не ко двору и спѣшили перекочевать на болѣе широкую арену адвокатуры, благо тамъ въ выборѣ своихъ сочленовъ не были особенно разборчивы, хотя случалось, что и тамъ люди подобнаго сорта живо сходили на-нѣтъ.

Какъ человѣкъ молодой и притомъ выдающагося ума, Н. В. Муравьевъ отлично сознавалъ, что не старикамъ, какъ бы достойны и надежны они ни были, суждено создать будущее, что создавать его будетъ молодежь, а задача стариковъ должна сводиться къ тому, чтобы подготовить для этого будущаго здоровую и надежную почву.

Поэтому, на молодежи онъ, главнымъ образомъ, и сосредоточилъ свое вниманіе, съ любовью и радостью встрѣчая каждый новый ея успѣхъ и всячески поощряя ее къ дальнѣйшему совершенствованію.

Но началъ онъ подновленіе московской прокуратуры не съ молодежи. Зная, что прежде всего ей нужны солидные и безупречные руководители, и считая, что одинъ, какъ нельзя болѣе отвѣчающій этому требованію, уже есть въ лицѣ А. А. Югансона, онъ прежде всего назначилъ въ Москву товарищемъ прокурора П. М. Александрійскаго. Лучшаго выбора въ этомъ смыслѣ, конечно, сдѣлать было и нельзя.

Представляя собою такую-же крупную въ моральномъ отношеніи фигуру, какъ и Югансонъ, обладаая такимъ-же мощнымъ умомъ, тою-же замѣчательной выдержкой, онъ расходился съ Югансономъ только въ одномъ: когда дѣло являлось особенно гнуснымъ, А. А. Югансонъ умѣлъ бывать безпощаднымъ, П. М. Александрійскій-же никогда безпо-

П. М. Александрійскій.

щаднымъ не бывалъ,—во всякомъ преступникѣ, какое бы гнусное преступленіе онъ ни совершилъ, онъ и самъ искалъ, и училъ и другихъ искать прежде всего человѣка. Отдѣляя фактъ преступленія отъ личности совершившаго его человѣка, онъ уверно и кропотливо разбирался въ психологій преступника, не допуская и мысли, что искра Божія погасла въ его душѣ навсегда, и, обвиняя его за совершен-

ное дѣяніе, онъ въ то-же время яркими штрихами подчеркивалъ и все то, что говорило въ пользу обвиняемаго. Обвинительные приговоры никогда не доставляли ему торжества, и если онъ видѣлъ, что защита не особенно сильна, онъ умѣло шелъ ей на помощь, самъ выясняя все то, что могло послужить въ пользу обвиняемаго. Зато и не было въ Судѣ человѣка, который бы не благоговѣлъ передъ этою свѣтлою, безупречною личностью.

Но и такой безукоризненный выборъ не удовлетворилъ энергичнаго министра; на этихъ двухъ крупныхъ дѣятелей онъ смотрѣлъ лишь какъ на временныхъ, хотя и очень цѣнныхъ руководителей той молодежи, изъ которой онъ надѣялся создать кадры такой прокуратуры, которая являлась бы не только талантливой и безукоризненно-чистой, но еще и блестящей, могущей увлекать толпу своимъ обаяніемъ, своимъ могучимъ, какъ бурный потокъ, словомъ.

Его прошлое еще черезчуръ ярко отражалось въ его душѣ, еще было слишкомъ живо въ его памяти, и онъ страстно желалъ въ лицѣ своихъ преемниковъ повторить тѣ дивныя времена, когда зала замирала,¹ слушая его вдохновенныя рѣчи, и, безсильная сладить съ охватившимъ ее волненіемъ, устраивала ему шумныя и восторженныя оваціи.

Если онъ былъ безенленъ создать такіе таланты, то все-таки надѣялся путемъ неустанной и долготѣйшей культуры выработать то, что ему представлялось такимъ привлекательнымъ.

Югансону-же и Александрійскому онъ въ будущемъ готовилъ другую карьеру, зная, что лучшихъ товарищей председателя для уголовныхъ отдѣленій онъ не найдетъ, и если не очень съ этимъ спѣшилъ, то только потому, что тамъ уже былъ Д. А. Нилусъ, дѣятельность и энергія котораго, давая тонъ всѣмъ остальнымъ уголовнымъ отдѣленіямъ, поневолѣ побуждала работать и другихъ.

Пока же на мѣсто Д. Е. Рынкевича въ 7-е уголовное отдѣленіе былъ назначенъ довольно видный Петербургскій дѣятель А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ. Его дѣятельность въ Москвѣ протекала одако какъ то незамѣтно, оттого-ли, что сравнительно онъ пробылъ здѣсь недолго, оттого-ли, что къ Москвѣ не лежало его сердце, но только здѣсь онъ ровно ничѣмъ себя не проявилъ, и канцелярія его отдѣленія, привыкшая къ тому, что Д. Е. Рынкевичъ самъ входилъ во всякую мелочь и всюду проявлялъ свою инициативу, — предоставленная новымъ товарищемъ предсѣдателя самой себѣ, частенько вздыхала о былыхъ порядкахъ, когда не требовалось съ каждымъ пустякомъ лѣзть къ начальству, часто нетерпѣливому и вспыльчивому, тогда какъ раньше все было налажено, все предусмотрено и никакихъ сомнѣній не возникало, и потому работалось легко, и нервы маленькихъ людей не взвинчивались и не трепались.

Еще менѣе полезнымъ оказался А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, замѣстивъ Д. Е. Рынкевича въ качествѣ предсѣдателя въ обществѣ покровительства безпризорнымъ и отбывшимъ тюрму несовершеннолѣтнимъ, повидимому, очень мало интересуясь этимъ дѣломъ, и Д. Е. Рынкевичу, несмотря на то, что онъ уже состоялъ предсѣдателемъ орловскаго Суда, пришлось самому заняться покупкой дома въ Москвѣ для этого общества, на каковой домъ онъ вмѣстѣ съ попечителемъ пріюта генераломъ Остелецкимъ собралъ въ нѣсколько мѣсяцевъ около 45 тыс. рублей.

Усиленные занятія по передвиженію судебныхъ дѣятелей и размѣщенію ихъ на болѣе соотвѣтствующія для нихъ мѣста не мѣшали молодому министру усердно работать и надъ другими вопросами ввѣреннаго ему министерства.

Занявъ этотъ постъ 1-го января, онъ уже въ 20-хъ числахъ того-же мѣсяца нашелъ нужнымъ изъять изъ Государственнаго Совѣта для нѣкоторыхъ измѣненій проектъ

реорганизациі присяжной адвокатуры, составленный бывшимъ министромъ Н. А. Манассеинымъ.

На почвѣ постепеннаго пониженія нравственныхъ устоевъ общая распущенность уже дошла до того, что послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка и начало вѣка текущаго могутъ по совѣсти быть названы „эрою человѣконенавистничества“. Неудачно задуманная всесословная школа, введенная въ жизнь 30 лѣтъ тому назадъ, нежданно и негаданно создала въ Россіи дотолѣ невѣдомый пролетаріатъ, поразительный и страшный по своему убожеству.

Черезъ эту школу, какъ черезъ широко распахнувшіяся ворота, поспѣшно выплывало на поверхность русской жизни все, что до того времени копошилось на днѣ, иломъ и тиной загрязняя все, съ чѣмъ только ни соприкасалось.

Явилось желаніе избавиться отъ этого наплыва нежеланныхъ гостей, но средство для этого было выбрано еще болѣе неудачное.

Школу попытались забаррикадировать особою системою изученія классическихъ языковъ, но эта система школу отъ чрезмѣрнаго наплыва нежелательнаго элемента не освободила, а какъ тараномъ пришибла всякій проблескъ здоровой мысли въ головѣ учащихся, въ зародышѣ убивая въ ихъ душѣ все человѣческое и обращая ихъ въ зубрящихъ манекеновъ. И вотъ на фонѣ такого общаго растлѣнія нравовъ, прогрессирувавшаго съ необычайною быстротой и ярко отражавшагося на нравахъ адвокатуры, выплывали на свѣтъ такіа дѣлишки членовъ этого сословія, что оставалось только удивляться, изъ какой среды появлялись эти дѣльцы, видимо, не имѣвшие ни малѣйшаго понятія о томъ, что бѣло и что черно, что терпимо въ отношеніяхъ повѣреннаго и кліента и что не только недопустимо, но и прямо-таки преступно.

Такъ, одинъ изъ адвокатовъ возбуждалъ передъ московскою Судебною Палатой ходатайство объ отмѣнѣ опредѣленія

Суда о прекращеніи дѣла по взысканію съ желѣзной дороги вознагражденія за увѣче въ виду состоявшагося примиренія сторонъ. И это свое дикое ходатайство онъ мотивировалъ тѣмъ, что такая мировая сдѣлка между потерпѣвшимъ и отвѣтчикомъ нарушаетъ его интересы какъ третьяго лица, лишая его заработка.

Другой, убѣдивъ кліентку уговорить свою 12-лѣтнюю племянницу, надъ которой опекунами состояли ея старшая сестра съ мужемъ, подать въ Сиротскій Судъ прошеніе о назначеніи ей другихъ опекуновъ, и воспользовавшись этимъ ея прошеніемъ, въ подписи котораго дѣвочка постыдилась теткѣ отказать, добился того, что сестра дѣвочки и ея мужъ отъ опеки этой были отстранены, а вмѣсто нихъ опекунами были назначены его кліентка и онъ самъ. Послѣ этого онъ тотчасъ-же послалъ въ институтъ, гдѣ училась дѣвочка, строжайшее требованіе, чтобы ее больше на праздники къ сестрѣ не отпускали, а отъ послѣдней и ея мужа тотчасъ-же потребовалъ передачи ему всего имущества ея младшей сестры. Понятно, что такое требованіе всполошило обѣихъ сестеръ, очень другъ друга любившихъ, и дѣвочка, понявъ, что тетка сыграла съ нею плохую шутку, поспѣшила подать въ Судъ другое прошеніе, въ которомъ чистосердечно сознавалась, что подписала она первое прошеніе только потому, что тетка очень на этомъ настаивала, и что ей неловко было ей отказать. Добиться сестрамъ отстраненія новыхъ опекуновъ оказалось не такъ-то легко, такъ какъ присяжный повѣренный долго и упорно отстаивалъ свое право на опеку надъ имуществомъ дѣвочки.

Третій присяжный повѣренный попросту внесъ въ данную ему довѣренность на управленіе крупнымъ домомъ право заложить этотъ домъ, каковаго права въ дѣйствительности довѣритель ему не предоставлялъ, и, пользуясь тѣмъ, что его довѣритель жилъ за границей, на основаніи этой подложной приписки заложилъ этотъ домъ за 150 тыс. руб.

каковыя деньги и присвоилъ себѣ, а когда это его преступленіе было обнаружено и онъ былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности, то при заарестованіи онъ отравился.

Но еще беззащитнѣе оказался четвертый, еще только помощникъ присяжнаго повѣреннаго: онъ, взявъ у кліента документы для производства по нимъ взысканія и получивъ все, что требовалось, не только не счелъ нужнымъ отдать что-либо своему довѣрителю, но когда тотъ настойчиво сталъ требовать или возврата ему документовъ, или того, что по нимъ получено, не только запретилъ пускать къ себѣ на квартиру этого довѣрителя, но еще и подалъ жалобу оберъ-полицеймейстеру на то, что его довѣритель силою врывается къ нему въ квартиру и что онъ уже сидѣлъ въ тюрьмѣ за нападеніе на капитана парохода и находится подъ судомъ за поджогъ своей лавки. А такъ какъ все это оказалось плодомъ разыгравшейся фантазіи сильно струсившаго передъ кліентомъ адвоката, то онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за клевету и признанный виновнымъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію.

Такъ какъ такого рода дѣлишки обнаруживались только при судебныхъ разбирательствахъ, а все, что не доходило до Суда, оставалось сокровенною тайною Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, то для веѣхъ уже было ясно, что чѣмъ скорѣе будутъ внесены какіе-нибудь коррективы въ Положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ, тѣмъ будетъ лучше.

Въ мартѣ того-же 1894 г. былъ поднятъ вопросъ объ образованіи спеціальной коммисіи для разработки вопроса объ упрощеніи процессуальнаго порядка по бракоразводнымъ дѣламъ, и въ этомъ-же мѣсяцѣ впервые былъ примѣненъ законъ о ростовщикахъ, вошедшій въ силу 23 мая 1893 г.

Первымъ изъ ростовщиковъ въ Россіи судился прусскій подданный Карлъ Густавовъ Метловъ, оперировавшій среди служащихъ на Брестской желѣзной дорогѣ и за данную въ ссуду сумму не только бравшій на двойную сумму векселя,

но и насчитывавшій на всю сумму тѣхъ векселей проценты, а когда дѣло доходило до взысканія, то и взыскивавшій полностью все, что по таковымъ векселямъ причиталось. Судился этотъ Метловъ въ первый разъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, такъ какъ ссужалъ своихъ кліентовъ сравнительно незначительными суммами, и былъ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Но главное-то наказаніе для него заключалось въ томъ, что долговое обязательство, по которому онъ взыскивалъ, было признано Судомъ недѣйствительнымъ, а слѣдовательно и не подлежащемъ оплатѣ.

Велѣдъ за Метловымъ судился уже въ Окружномъ Судѣ, по VII уголовному отдѣленію, другой ростовщикъ Воробьевъ, ссужавшій служащихъ на Николаевской желѣзной дорогѣ приблизительно на тѣхъ-же условіяхъ, которыя практиковались Метловымъ. Признанный присяжными засѣдателями виновнымъ, Воробьевъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ на житье въ Олонецкую губернію, съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

Приблизительно въ то же время и въ IV гражданскомъ отдѣленіи у Э. Н. Сумбула разсматривалось дѣло по иску извѣстнаго московскаго дисконтера П. И. Гучкова къ дворянину С—ну о двойномъ задаткѣ въ 148 тыс. руб. по запродажной распискѣ. На судѣ цѣлымъ рядомъ свидѣтелей, допрошенныхъ по этому дѣлу, было выяснено, что въ дѣйствительности запродажи имѣнія не было, а С—нымъ былъ совершенъ у Гучкова заемъ 37 тыс. руб. изъ 60% годовыхъ, а въ обезпеченіе платежа вмѣсто долгового обязательства онъ выдалъ Гучкову запродажную расписку на свое имѣніе въ 74 тыс. рублей. Когда-же впослѣдствіи С—нъ запродалъ это свое имѣніе другому лицу, почтенный дисконтеръ рѣшилъ устроить выгодный гешефтъ и потребовалъ съ С—на по своей запродажной распискѣ уже не 74 тыс. рублей, а двойной задатокъ, то-есть 148 тыс. рублей за данныя имъ въ ссуду 37 тыс. рублей. Такъ какъ все это на судѣ было

установлено до мельчайшихъ подробностей, то, несмотря на то, что исковыя требованія Гучкова очень энергично поддерживалъ присяжный повѣренный С. А. Муромцевъ, дѣло это у Э. Н. Сумбула не прошло, и онъ не только въ этомъ искѣ Гучкову отказалъ, но и самое обязательство С—на по этому займу призналъ недѣйствительнымъ, какъ не соответствующее той сдѣлкѣ, которая въ дѣйствительности имѣла мѣсто.

Такимъ образомъ, судебныя учрежденія считали наиболѣе полезнымъ бить по карману людей, не въ мѣру разбѣвавшихъ пасть на чужое добро. И такіе приговоры, конечно, имѣли громадное воспитательное значеніе.

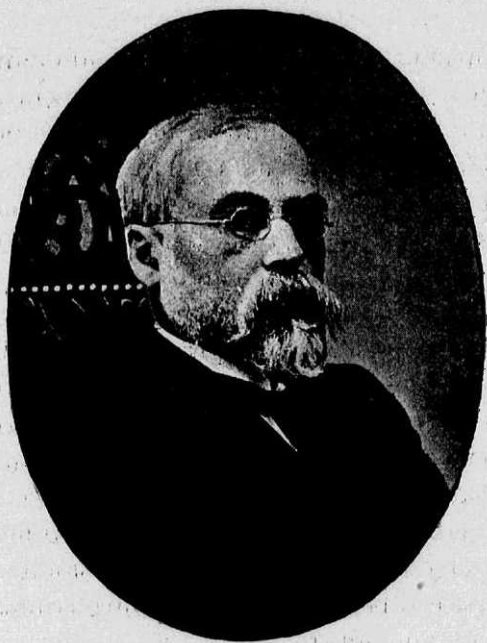
А за этими крупными хищниками плыла на судебную расправу и мелкая рыбешка въ лицѣ держателей ссудныхъ кассъ, не желавшихъ разстаться, несмотря на вступившій въ жизнь новый законъ о ростовщичествѣ, съ прежними процентами и пытавшихся ихъ прикрыть самыми разнообразными расходами по содержанію ссудныхъ кассъ. Появлялись они передъ судомъ и парами, и одиночками, и цѣлыми компаніями.

Такъ, первую изъ нихъ предстала передъ лицомъ Суда закладчица Сапожникова вмѣстѣ со своимъ приказчикомъ Русановымъ, а за нею уже цѣлой компаніей появились и другіе держатели ссудныхъ кассъ—Занковскій, Сансеро, Хомякова и Золотаревъ. Всѣ они приговаривались къ наказанію сравнительно ничтожному—къ аресту на двѣ недѣли или денежному штрафу, но за то имъ уже навсегда воспрещалось содержаніе ссудныхъ кассъ, и такимъ образомъ судебный приговоръ билъ ихъ по самому больному мѣсту.

Съ тою-же послѣдовательностью относился Судъ и ко всякаго рода другимъ хищникамъ, какъ, напримѣръ, къ шайкѣ контрабандистовъ, во главѣ которой стояли Этельсонъ, Фрейдбергъ, Виткиндъ, Гольдарбейтаръ, Левисонъ и Кадишъ. Почти всѣ члены этой шайки были признаны виновными и частью были приговорены къ отдачѣ въ испра-

вительное арестантское отдѣленіе на разные сроки, частью къ ссылкѣ на житье въ Сибирь; удовлетворенъ былъ и гражданскій искъ казны, понесшей отъ ихъ предѣлокъ убытка свыше чѣмъ на миллионъ рублей.

Такъ-же, несолоно хлебавши, отѣхали и другого рода дѣльцы, пытавшіеся судебнымъ порядкомъ доказать свое

С. А. Муромцевъ.

право на церковныя деньги, а такъ какъ сдѣлать это было не такъ-то просто, то и обратившіеся за содѣйствіемъ тоже къ присяжному повѣренному С. А. Муромцеву. Возникло это дѣло такимъ образомъ. Въ церковь села Ивакина, Калужской губ., бывшимъ ея старостой Мишновымъ въ 1878 г. былъ пожертвованъ выигрышный билетъ внутренняго займа.

Билетъ этотъ принялъ отъ Мишнова замѣстившій его староста Барковъ, но въ церковныя книги, какъ церковное имущество, его не внесъ, такъ какъ всѣ церковныя деньги отдавалъ своему односельчанину Богданову для расширенія его торговли, за что тотъ, конечно, платилъ ему хорошіе проценты. Однако долго-ли, коротко-ли, слухъ объ этихъ операціяхъ дошелъ до Духовной консисторіи, и въ 1883 году было рѣшено произвести ревизію у старосты Баркова. Узнавъ объ этомъ, Барковъ потребовалъ у Богданова билетъ Мишнова, а такъ какъ этотъ билетъ Богдановымъ былъ давно уже проданъ, то онъ и далъ Баркову одинъ изъ своихъ собственныхъ того-же займа билетовъ, благо № билета Мишнова, не будучи записанъ, никому извѣстенъ не былъ. Вотъ тутъ-то судьба надъ этими хищниками и подшутила. Во время ревизіи билетъ, данный Богдановымъ Баркову, былъ представленъ имъ ревизорамъ, какъ билетъ пожертвованный Мишновымъ, и тогда-же былъ записанъ въ церковную книгу, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя на этотъ самый билетъ палъ выигрышъ въ 200 тыс. руб. Тогда-то Богдановъ и предпринялъ походъ противъ церкви, стараясь судебнымъ порядкомъ доказать, что билетъ этотъ составляетъ его неотъемлемую собственность. Во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ ему было отказано; билетъ былъ признанъ собственностью церкви, и хищники, оперировавшие на церковныя деньги, понесли достойное возмездіе. Ничего не подѣлалъ для истца и его повѣренный, такъ какъ противникомъ его являлся Н. П. Шубинской, который сумѣлъ отстоять право своего довѣрителя, каковымъ въ данномъ дѣлѣ являлась московская Духовная консисторія, и предприимчивый истецъ не только потерялъ выигрышъ въ 200 тыс. руб., но потерялъ и все то, во что обошлось ему веденіе этого дѣла при участіи такого виднаго адвоката, какъ С. А. Муромцевъ.

Въ апрѣлѣ 1894 г. по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи была образована

комmissiя по пересмотру законоположеній по судебной части, и къ январю слѣдующаго года ею уже были намѣчены такія основныя черты предстоящей судебной реформы: во главѣ всѣхъ судебныхъ учреждений попрежнему предполагалось оставить кассационные департаменты Сената, хотя и переименованные изъ кассационныхъ въ судебные. Число Судебныхъ Палатъ съ ихъ округами предполагалось сократить ввиду уменьшенія дѣлъ, оставляемыхъ въ ихъ вѣдѣніи, а также ввиду устраненія ихъ при разрѣшеніи вопросовъ о преданіи Суду. Въ этомъ отношеніи предполагалась непосредственная передача прокурорскимъ надзоромъ обвинительныхъ актовъ въ подлежащій Окружный Судъ, но послѣднему предполагалось предоставить право принять этотъ актъ или его отвергнуть. Точно также прокурору, потерпѣвшему и обвиняемому предполагалось предоставить право обжалованія самаго преданія суду.

Въ такомъ видѣ являлся первый проектъ реформы Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, но въ жизнь онъ не проводился, такъ какъ, проходя втеченіе долгихъ лѣтъ черезъ цѣлый рядъ всевозможныхъ комиссій, совершенно утратилъ этотъ свой первоначальный видъ.

Въ то время, когда министръ юстиціи прилагалъ всевозможныя старанія, чтобы какъ можно ярче обставить прокуратуру, среди адвокатуры появились новые дѣятели, выдвигались новые таланты.

Въ жизнь вступало новое поколѣніе, но не бодрое и жизнерадостное, какъ было раньше, не съ любовью и надеждою стремилось оно навстрѣчу будущему,—шло оно хмурое и подозрительное, завистливое и жестокое, не умѣвшее прощать другому ни успѣха, ни удачи, хотя бы этотъ другой являлся человѣкомъ близкимъ.

Пришибленное еще въ дѣтствѣ, какъ тараномъ, системою изученія классическихъ языковъ,—системою, въ корнѣ убивавшею всякую попытку мыслить и тѣмъ болѣе анализи-

ровать и критиковать, системою, лишавшею злосчастныхъ школьниковъ ихъ свѣтлаго дѣтства, съ его восторженными увлеченіями и несбыточными мечтами и превращавшею ихъ въ манекеновъ, выросло это бѣдное поколѣніе рабами и, вступая въ жизнь, озлобленно влачило за собой свои рабскія цѣпи.

До какой степени эта школа печально отразилась на критической способности учащихся въ ней, до какой степени она ихъ умъ сдѣлала прямолинейнымъ и неповоротливымъ, можно судить по тому, что въ юбилейномъ засѣданіи Юридическаго Общества, чествовавшаго 25-ти лѣтіе реформированнаго Суда, публика, находившаяся въ этомъ засѣданіи и состоявшая почти исключительно изъ учащейся молодежи, выслушавъ горячую и глубоко прочувствованную рѣчь своего 75-ти-лѣтняго профессора А. М. Фальковского о значеніи новаго реформированнаго Суда и о той свѣтлой роли, которая выпала въ этомъ дѣлѣ на долю тогда уже погибшаго Царя-Освободителя, отвѣтила на эту рѣчь дружнымъ и громкимъ смѣхомъ.

Какое впечатлѣніе этотъ неумѣстный смѣхъ произвелъ на тѣхъ, кому было не до смѣха, можно судить по тому, что вмѣсто отчета, который мнѣ слѣдовало дать объ этомъ засѣданіи въ газету, у меня прежде всего вылились изъ-подъ пера такія строки:

„На развалинахъ крѣпостнаго права, вмѣстѣ съ возрожденіемъ достоинства человѣка, возродилось и слово живое.

Широкою волной пронеслось оно по русскому царству и такъ весело и побѣдно звучала его нѣсія! Цѣлыми вѣками дремавшую мысль она будила и вездѣ-то, вездѣ находила себѣ отголосокъ. Было ей почетное мѣсто и въ сатирѣ и въ драмѣ, было мѣсто и въ поэзіи и въ прозѣ.

О любви, о братствѣ, о трудѣ, о свободѣ сразу все заговорило, и съ восторгомъ слову живому общество внимало,

безъ различія возраста и пола. И рвалась молодежь исполнить его завѣты, не щадя ни собственнаго счастья, ни жизни.

Это было золотое время торжества идеи, торжества человеческого духа!

Но не всѣмъ приходилось это слово живое по вкусу. Очень ужъ задорно оно всякую гадость обличало, озаряя своимъ яркимъ свѣтомъ грязныя лужи, предательски выдавало оно все, что въ нихъ копошилось.

И задумали враги извести слово живое, и придумали задушить его мертвечиной, а къ несчастью, стояли они у власти.

Громкимъ голосомъ возопили они о нуждахъ науки, о необходимости въ ея интересахъ изучать мертвечину.

И повѣрили простаки—куда ни шло, пусть подтвердятъ ребятишки мертвечину, авось ужъ не Богъ знаетъ, какая премудрость, а наукѣ и впрямь, можетъ, выйдетъ какая либо польза.

И засадили ребятъ за зубрежку того, что давно уже стало мертво, что совсѣмъ было для нихъ непонятно, и что въ ихъ утомленную головку не вносило ни единой свѣтлой мысли.

Туго приходилось малолѣткамъ, вокругъ нихъ все живое ликовало, возбуждая вопросы одинъ другого интереснѣй, а они, зажавъ уши и глаза зажмуривъ, напрягая все свои силки лишь на то, чтобы ни о чемъ уже не думать, механически заучивали фразы: „Avaritia semper eget“, и другія. И такъ изо дня въ день они трудились, отвыкая и мечтать и думать, съ каждымъ днемъ они блѣднѣе становились, съ каждымъ днемъ ихъ взглядъ становился суровѣй. Что съ ними случилось, они дать себѣ отчета не умѣли, а въ душѣ ихъ куда уже было не ладно, вымирали въ ней постепенно одинъ за другимъ все лучшіе инстинкты, и такъ холодно и пусто въ ней становилось.

Еще хуже тѣмъ изъ малолѣтковъ приходилось, у которыхъ все доброе въ душѣ пустило глубокіе корни. Съ

мертвечиной они примириться не умѣли, не хотѣли уступить ей свои свѣтлыя грѣзы, и жестокая борьба въ ихъ душѣ завязалась, но не многимъ изъ нихъ та борьба оказалась по силамъ.

Стали вѣшаться малолѣтки, стали стрѣляться, травиться, не желая разстаться со своимъ Богомъ, а его изъ души ихъ вытѣсняла мертвечина.

Громко кровь ихъ вопіяла къ небу, но и это не утрашило мучителей дѣтскихъ. Злобно руки свои потирая, они шипѣли: „худая трава изъ поля вонъ“, и все расширяли да расширяли программу мертвечины: „Ужъ заставимъ мы замолкнуть слово живое“!

И совершилось недоброе дѣло. Ядовитое сѣмя дало плодъ ядовитый. Прошло много лѣтъ, прошла четверть вѣка. Такъ же громко раздается слово живое, такъ же весело и побѣдно звучить его пѣня о любви, о братствѣ, о трудѣ, о свободѣ. Да никто слову живому уже не внимлетъ, никому не дороги его завѣты, и никто не отдастъ за него не только душу, а, пожалуй, пожалѣетъ отдать и копѣйку.

Тщетно старые борцы къ толпѣ взываютъ, приглашая ее прислушаться къ слову живому, туго и бессмысленно имъ толпа въ отвѣтъ гогочетъ. Четверть вѣка она изучала мертвечину и живое слово понимать разучилась.

Конечно, эту замѣтку я въ тѣ времена нигдѣ напечатать не могла, и это посвященіе А. М. Фальковскому такъ и пришлось передать ему въ рукописномъ видѣ.

Но ужъ писать отчетъ объ этомъ засѣданіи у меня не поднялась рука.

Противно было даже думать о той гнусной роли, какую сыграла въ немъ тогдашняя молодежь. Жалкое выросло поколѣніе.

И не по плечу этому хилому, съ пздерганными нервами поколѣнію были и былая мощь, и глубокій замыселъ, и широкий размахъ. Ну, а сознаться въ томъ, что эти качества

ему не по плечу, все-таки не хотѣлось. И стали шагъ за шагомъ фальсифицироваться эти качества, подмѣняясь качествами болѣе низкопробными.

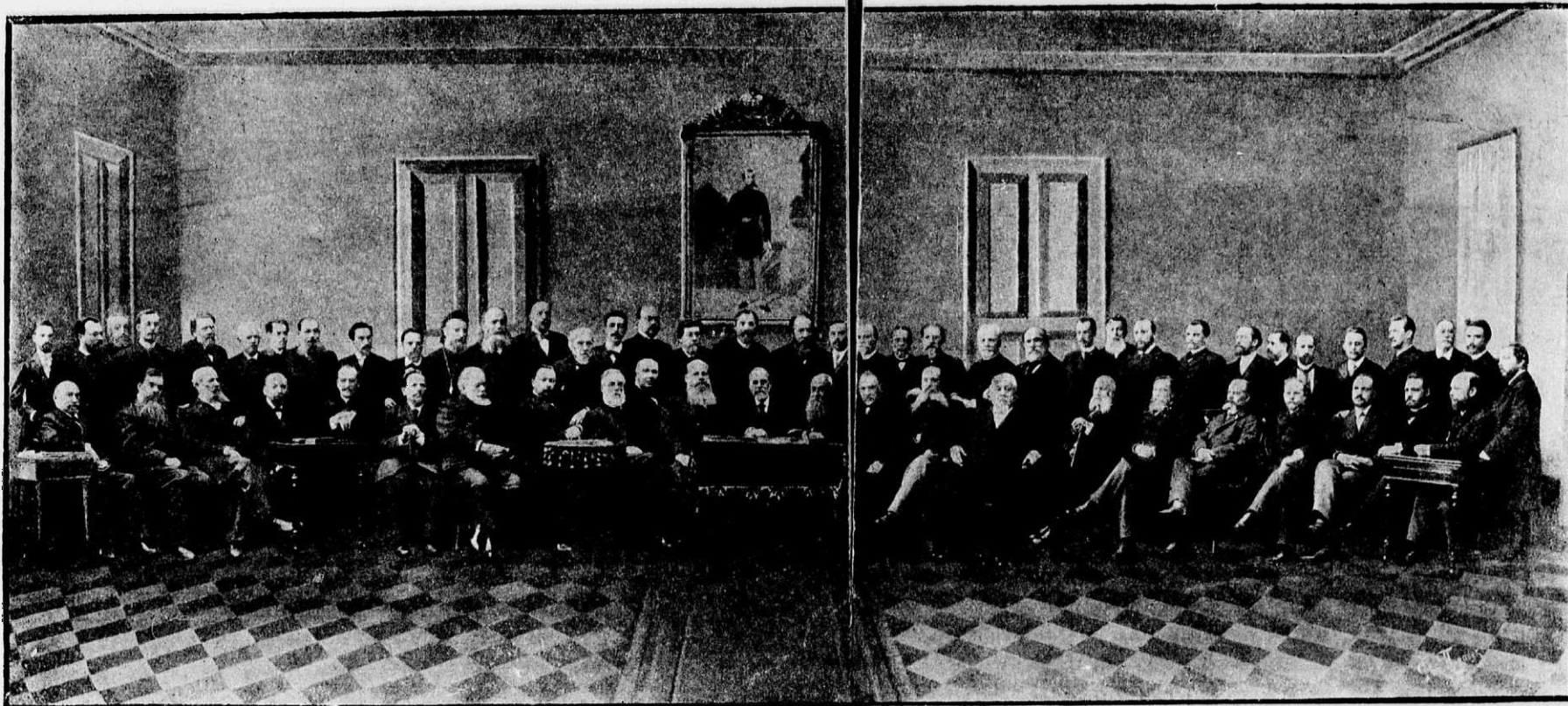
Такъ, мощь подмѣнялась наглостью и дерзостью, въ лучшемъ случаѣ беззащитностью, глубокій замыселъ и широкій размахъ—хитростью и изворотливостью. Изсякли въ озлобленныхъ сердцахъ стремленіе къ истинѣ и любовь къ ближнему, а взамѣнъ ихъ появилась въ обращеніи маска фарисея, подъ тогою котораго такъ легко укрывались всѣ тѣ инстинкты, которымъ не слѣдовало выглядывать наружу.

Гуманистическіе идеалы людей 60-хъ годовъ отодвигались незамѣтно, но настойчиво, въ сторону, а подъ ихъ личиною неудержимо рвалось впередъ человѣконенавистничество.

Пока игра велась еще въ темную, но для людей, умѣющихъ глядѣть впередъ и цѣнить факты по ихъ достоинству, эта игра уже не представляла секрета, какъ не составляли секрета и лежація въ ея основаніи побужденія.

Еще въ 1890 году талантливѣйшій поэтъ того времени Я. П. Полонскій, въ своей поэмѣ „Собаки“, не только очень жизненно и ярко охарактеризовалъ поступательное движеніе этой человѣконенавистнической эпохи, но и до мельчайшихъ подробностей отгѣнилъ тѣ побужденія, которыми руководились тѣ, кто подъ разнаго рода прикрытіями проводилъ это чудовищное настроеніе въ жизнь.

И что эта талантливая поэма была фарисеевъ не въ бровь, а въ глазъ, ясно изъ того, что по выходѣ ея въ свѣтъ ни одинъ изъ столичныхъ журналовъ не далъ ей на своихъ страницахъ мѣста, такъ какъ въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражалось не только общественное настроеніе, но попутно раскрывалась и та игра, которая велась подъ флагомъ освободительнаго движенія, въ дѣйствительности-же являвшая собою окончательное озвѣрѣніе нравовъ.

Составъ московскихъ мирозыхъ судей въ 1891 г., съ С. И. Печкинымъ во главѣ.

Благодаря этому, Я. П. Полонскому пришлось издать эту поэму отдѣльной книжкой, и достать ее было чрезвычайно трудно.

Конечно, втихомолку всѣ ее читали, но вслухъ въ этомъ не сознавались, такъ какъ знали, что если сказать, что Я. П. Полонскій не съумѣлъ оцѣнить того, что передъ его глазами происходитъ, то этому никто не повѣритъ, и потому было выгодноѣ эту поэму замолчать.

Итакъ, идеалы братства, по мѣткому выраженію Я. П. Полонскаго, были подмѣнены идеаломъ „звѣрчества“, и появились они среди людей, полагавшихъ себя въ высшей степени культурными.

Какъ я уже сказала, среди адвокатуры вмѣстѣ съ новыми лицами появились и новые таланты. Появилось ихъ даже больше, чѣмъ насчитывалось въ былое время, но марка этихъ талантовъ была иная.

Адвокаты прошлаго,—не говоря уже о Ѳ. Н. Плевако, но и Лохвицкій, и Пржевальскій, и кн. Урусовъ, и Шайкевичъ, и Рихтеръ, да и многіе другіе,—являлись диктаторами въ своихъ отношеніяхъ съ кліентами и ставили вопросъ такъ: „желаешь, чтобы я взялся за твое дѣло, я требую то-то и то-то“. И такъ продолжаютъ ставить вопросъ и по настоящее время не только такіе крупные адвокаты, какъ Шубинской и Шереметевскій, но и многіе другіе, которые, даже не будучи такими крупными талантами, трудолюбіемъ и добросовѣстностью успѣли создать себѣ практику, не заискивая и не унижаясь передъ кліентомъ.

Но этой-то мощи и не хватало новому поколѣнію. Правда, среди молодой адвокатуры образовалась въ 1893—1894 годахъ небольшая группа, стремившаяся внести въ товарищескую среду нѣкоторый подъемъ сословныхъ и личныхъ идеаловъ. Это былъ такъ называемый „Бродячій клубъ“, собиравшійся то у одного, то у другого изъ товарищей для бесѣды на научныя, литературныя и политическія темы, съ цѣлью само-

образованія, взаимнаго ознакомленія и товарищеской поддержки. Эта небольшая, но дружная организація внесла хотя нѣкоторое освѣженіе въ душную и затхлую атмосферу адвокатской жизни той эпохи; она положила основаніе и такимъ общепользнымъ сословнымъ организаціямъ, какъ консулѳаціи для бѣдныхъ, устроенныя помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, при участіи и кое-кого изъ старшихъ ихъ коллегъ, при Мировомъ Съѣздѣ и разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, кружокъ бесплатныхъ защитниковъ, выѣзжавшій на сессіи Московскаго Окружнаго Суда даже въ уѣздные города и послужившій ядромъ, изъ котораго впослѣдствіи выросла извѣстная группа защитниковъ по политическимъ дѣламъ, насчитывавшая въ своихъ рядахъ много видныхъ именъ.

Но, къ сожалѣнію, и въ нѣдрахъ самого „Бродячаго клуба“ очень скоро развились дразги, выросла зависть къ болѣе успѣвавшимъ товарищамъ, пропало высокое настроеніе, зародившее его, и, кажется, къ 1895—1896 годамъ „Бродячій клубъ“ уже потерялъ характеръ болѣе или менѣе постоянной организаціи и постепенно распался. И жизнь молодой адвокатуры снова затянулась обычною плѣсенью, погоней за заработкомъ, ничѣмъ не брезгающей рекламой и тому подобными болѣзнями молодыхъ адвокатовъ этой, да и послѣдующихъ эпохъ.

Несмотря на то, что имена многихъ изъ нихъ уже произносились съ большимъ почтеніемъ, привитое имъ школою рабство мѣшало имъ сбросить съ себя свои оковы, и они уже добровольно оставались рабами положенія. Они этимъ рабствомъ уже не тяготились и, наоборотъ, ненавидѣли всѣхъ тѣхъ, кто не желалъ подойти подъ одну съ ними мѣрку, а желалъ остаться самимъ собою.

Завидуя другъ другу и вѣчно трепеща, какъ бы намѣченный кусъ не ускользнулъ въ другія руки, они не только не осмѣливались что-либо предписывать кліентамъ,

но, не зная безгласности, мало-по-малу въ конецъ извращали понятіе объ адвокатурѣ, намѣченное Уставами Императора Александра II, постепенно превращаясь изъ защитниковъ въ пособниковъ.

За то къ своимъ товарищамъ, которые въ то-же время являлись и соперниками, они умѣли быть безпощадными и торжествовали, если имъ удавалось затоптать такого соперника, который являлся опаснымъ конкурентомъ.

И началась жестокая травля тѣхъ, кто тѣмъ или другимъ способомъ грозилъ слишкомъ выдвинуться, и никакими средствами при этой травлѣ не брезговали, клали всяческія палки въ колеса слишкомъ талантливымъ товарищамъ и радовались всякой ихъ неудачѣ.

Первыми жертвами этой травли сдѣлались молодой помощникъ К. и вступившій въ сословіе въ 1892 г. В. В. Быховскій, на рѣдкость блестящая адвокатская карьера котораго въ послѣдствіи завершилась такъ трагически.

Оба они возбуждали зависть своихъ сверстниковъ: первый тѣмъ, что собирался жениться на очень богатой дѣвушкѣ, второй—тѣмъ, что сразу выдвинулся сильно впередъ, какъ очень талантливый и широко образованный человѣкъ, въ самое короткое время начавшій появляться въ самыхъ крупныхъ процессахъ, занявъ мѣсто наряду съ корифеями нашей адвокатуры. Тому и другому предстояла блестящая будущность.

Болѣе мелкіе сверстники переварить этого не могли и, не находя въ ихъ дѣятельности чего-либо предосудительнаго, стали безцеремонно залѣзать въ ихъ интимную жизнь и тамъ искать мотивовъ для того, чтобы очернить ихъ въ товарищескихъ кружкахъ.

Конечно, это до послѣдней степени нервировало травмихъ, особенно самолюбиваго и склоннаго къ душевнымъ эксцессамъ Быховскаго. Вѣдь, и они были люди того-же нервознаго, черезчуръ впечатлительнаго поколѣнія, опасав-

шагося упорной борьбы, и вражда товарищей ихъ, видимо, сильно угнетала.

К. какъ человекъ вполне обеспеченный, не захотѣлъ вступать въ среду, гдѣ была допустима такая безцеремонность, хотя послѣ его смерти сословіе и очень упорно настаивало по разнымъ, далеко не безкорыстнымъ, мотивамъ, что онъ состоялъ его членомъ.

А Быховскій, который своею карьерою былъ обязанъ исключительно себѣ самому и никакихъ другихъ средствъ, кромѣ заработка, не имѣлъ, не могъ, да и не желалъ такъ легко подчиниться и, порвавъ все съ товарищами, всецѣло отдался своей семьѣ, удѣляя ей весь свой досугъ, хотя всѣ, наблюдавшіе его въ эту пору на судебной аренѣ, ясно видѣли, что въ душѣ разрывъ съ товарищами его тяжело давилъ. Здѣсь несомнѣнно лежали и зародыши той пагубной страсти найти забвенье въ неистовомъ азартѣ безумной карточной игры, о которой съ сожалѣніемъ заговорила Москва и которая въ нѣсколько лѣтъ сгубила эту крупную адвокатскую силу.

Пытались-было эти новые люди подкопаться и подѣ О. Н. Плевако. Его лавры не давали имъ спать, но эта задача оказалась имъ не по плечу, и они, сами чувствуя себя сравнительно съ нимъ ничтожными пигмеями, предпочитали, прикрывшись своими дружескими къ нему отношеніями, подставлять ему ножку исподтишка и настойчиво втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ рассказывали, что онъ и устарѣлъ, и излѣнился, и даже измелъчалъ, и что самъ онъ дѣлами, ввѣряемыми ему, совсѣмъ не занимается, а всецѣло передаетъ ихъ своимъ помощникамъ и т. п.

Плевако прекрасно зналъ всѣ ихъ розсказни и только лукаво тѣшился надъ безсильною злобою своихъ „друзей“, отлично зная, что у кого встрѣтится надобность до Плевако, тотъ къ нему и придетъ, не промѣнявъ его ни на какое другое имя, и каждымъ своимъ выступленіемъ снова и снова

доказывалъ, что и среди новыхъ людей равныхъ ему нѣтъ, какъ не было ихъ и среди его сверстниковъ.

Расплачивался-же онъ со своими завистниками тѣмъ, что подѣ веселую руку, безъ малѣйшей капли недоброжелательства къ нимъ, рассказывалъ объ ихъ продѣлкахъ забавные анекдоты, изрѣдка щелкая ихъ или мѣткою эпитафией, или остроумною каррикатурой.

Другъ друга-же они не щадили и вели такую войну за всякое дѣло, что о разборчивости не могло быть и рѣчи.

Этимъ, конечно, и объясняется, что по самымъ грязнымъ дѣламъ, какъ, на примѣръ, по взысканіямъ альфонсами со своихъ возлюбленныхъ крупныхъ кушей за любовь, выступали адвокаты изъ молодыхъ съ крупными именами и выступали не за баснословные куши, какъ этотъ сдѣлалъ бы въ былыя времена Лохвицкій, а за сравнительно ничтожную плату, за которую не пошелъ бы защищать такое дѣло и самый заурядный изъ старыхъ адвокатовъ.

И если за такія дѣла брались самые видные и хорошо обеспеченные адвокаты, то что-же оставалось дѣлать тѣмъ, кто оставался въ тѣни и перебивался съ хлѣба на квасъ.

Эта деморализація нравовъ адвокатуры вполне соответствовала и озвѣрѣнію нравовъ всего общества, ярко выражавшемся повсемѣстно въ тѣхъ дѣлахъ, которыя дефилировали передъ лицомъ судей совѣсти.

Такъ, одновременно разсматривались въ Москвѣ дѣло Викторова, содержателя меблированныхъ комнатъ на Тверской, убившаго свою жилицу-проститутку только для того, чтобы воспользоваться 700 руб., которые она довѣрила ему получить изъ ссудо-сберегательной кассы, и отправившаго ее трупъ въ корзинѣ ввидѣ багажа въ Брестъ; дѣло 32-хлѣтней дегенератки Рѣчинской, покушавшейся въ храмѣ во время богослуженія изъ ревности убить своего возлюбленного, пѣвчаго Знаменскаго монастыря, на котораго она и бросилась съ ножомъ, и дѣло 18-лѣтней нищенки Гера-

Группа учредителей „Бродячаго клуба“.

Сидятъ слѣва направо: П. Н. Малянтовичъ, В. В. Быховскій, М. Ф. Ходасевичъ, Г. В. Филатьевъ, В. Г. Байздренко, С. В. Смирновъ, Я. В. Ливенсонъ
Стоять слѣва направо: А. В. Сперанскій, П. П. Кореневъ, П. Н. Голубковъ, Н. М. Шорыгинъ, К. П. Михновскій, Г. В. Ливенсонъ, С. С. Левлевъ,
Н. В. Позняковъ.

симовой, не только укравшей трехлѣтнюю дѣвочку изъ порядочной семьи, чтобы увеличить свой промыселъ, но и обезобразившей ей лицо сѣрной кислотой, чтобы видъ израненнаго ребенка возбуждалъ большую жалость.

Въ Самарѣ въ то-же время разсматривалось дѣло о мѣщанахъ Роговъ, 21 года, братьяхъ Плехановыхъ, 20 и 14 лѣтъ, и проституткѣ Герисъ, 16 лѣтъ. Во время кутежа Роговъ сначала нечаянно выстрѣлилъ въ участвовавшую съ ними въ кутежѣ проститутку Агѣеву, а когда она, получивъ тяжкую рану, захрипѣла, то ея собутыльники, уже всею компаніею, начали ее добивать, пока она не умерла, и затѣмъ вмѣстѣ-же оттащили ея трупъ въ кусты, чтобы скрыть слѣды преступленія.

Въ Лебедяни разсматривалось дѣло 20-ти-лѣтней Проскурниной, вступившей въ связь съ 16-лѣтнимъ гимназистомъ 3-го класса Веселкинымъ и убѣдившей его застрѣлить ея 22-лѣтняго мужа, для чего она и заманила послѣдняго на берегъ рѣки Дона, а когда Веселкинъ выстрѣлилъ въ дремавшаго Проскурнина не рѣшился, то она сама, взявъ у Веселкина припасенный на этотъ случай револьверъ, выстрѣлила мужу въ високъ, послѣ чего вмѣстѣ съ Веселкинымъ ушла домой, убѣдивъ его принять это убійство на себя, за что обѣщала послѣдовать за нимъ въ Сибирь и тамъ выйти за него замужъ. Веселкинъ такъ и сдѣлалъ: онъ отправился въ полицію и заявилъ о будто-бы совершенномъ имъ убійствѣ, и когда полиція явилась, чтобы провѣрить его заявленіе, она застала тамъ вдову убитаго, преспокойно ужинавшую вмѣстѣ со своею матерью.

Въ Симбирскѣ судился 18-лѣтній Малышевъ, покушавшійся убить въ каютѣ парохода доктора Каррика съ цѣлью ограбленія. Отбывъ за это преступленіе тюремное заключеніе, онъ нѣсколько лѣтъ спустя снова судился въ Одессѣ за цѣлый рядъ убійствъ, совершенныхъ въ поѣздахъ Юго-Западныхъ дорогъ.

И, наконецъ, въ Пензѣ судился Тальма, тоже 22-лѣтній юноша за убійство генеральши Болдыревой, которая, какъ удостовѣряли свидѣтели, прижила его со своимъ старшимъ сыномъ.

Совершеніе всѣхъ этихъ звѣрскихъ преступленій приблизительно въ одинъ и тотъ-же періодъ времени,—преступленій, совершенныхъ лицами, или не достигшими совершеннолѣтія, или-же едва перешагнувшими этотъ возрастъ, съ очевидностью указывало на то, что поколѣніе, достигшее зрѣлости въ послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка, росло и воспитывалось при такихъ ненормальныхъ условіяхъ, которыя, убивая въ нихъ все человѣческое, превращали ихъ въ злыхъ и тупоумныхъ разбойниковъ.

Недаромъ прокуроръ, поддерживая обвиненіе противъ Рогова, Плехановыхъ и Герисъ, отмѣчалъ, что ему впервые въ жизни пришлось встрѣтиться съ такимъ звѣрскимъ добиваніемъ своей жертвы и съ такимъ безцѣльнымъ убійствомъ.

Все это были жалкіе рабы собственной похоти и собственныхъ аппетитовъ, никогда ни о какихъ обязанностяхъ человѣка, какъ разумнаго существа, не слыхавшіе, ничего святого въ душѣ не имѣвшіе.

Между тѣмъ, всѣ эти дѣла давали богатый матеріалъ для проявленія молодыми защитниками и обвинителями своихъ талантовъ.

И первая изъ особо выдающихся рѣчей тогда еще начинавшаго практиковать, въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго, М. Ф. Ходасевича, была произнесена по такому безнадежному дѣлу, каковымъ являлось дѣло Викторова, убившаго свою жилицу.

Не удивительно, что по такому дѣлу рѣчь обвинителя, С. С. Хрулева, уже значительно выдававшаяся среди остальныхъ своихъ товарищей и только до нѣкоторой степени уступавшаго С. Н. Цемшу, была и сильна, и эффектна.—

гораздо удивительнѣе, что и рѣчь защитника по этому дѣлу, М. Ф. Ходасевича, глубокая и захватывающая, произвела такое-же сильное впечатлѣніе, какъ и рѣчь обвинителя. Съ этого безнадежнаго дѣла и начала расти слава молодого защитника, сразу поставившая его въ ряды наиболѣе выдающихся адвокатовъ.

М. Ф. Ходасевичъ.

И надо отдать ему справедливость, что онъ не только былъ талантливъ, но и стоялъ всегда особнякомъ среди остальныхъ своихъ сверстниковъ, не только не вступаясь въ затѣваемые ими всякаго рода авантюры, но и относясь съ негодованіемъ и презрѣніемъ ко всему тому, что онъ считалъ и несправедливымъ, и нечистоплотнымъ. Въ этихъ

случаяхъ онъ не отмалчивался, какъ это дѣлали другіе, менѣе рѣшительные, и выражалъ свое мнѣніе твердо, совершенно не считаясь съ тѣмъ, нравится оно другимъ или нѣтъ.

Прекрасно воспитанный, всегда корректный и тактичный, онъ всю свою нравственную личность очень походилъ и на И. С. Курилова, и на В. Е. Курлова, тогда еще живыхъ и практиковавшихъ, не знавшихъ, какъ и онъ, что такое зависть, и съ презрѣніемъ относившихся ко всякимъ дразгамъ, ко всякому насилію надъ чужой совѣстью, надъ міровоззрѣніемъ другого.

И когда другіе начинали травлю противъ кого-либо изъ товарищей, онъ первый открыто заявлялъ, что это гнусно, и брезгливо отходилъ въ сторону.

Одновременно съ М. Ф. Ходасевичемъ появились и другіе молодые адвокаты — А. Р. Ледницкій и В. В. Быховскій. Это были настолько крупные таланты, что, явившись они за 20—15 лѣтъ раньше, они не уступили бы первенства ни кн. А. И. Урусову, ни В. М. Пржевальскому, но страхъ за возможность что-нибудь потерять въ той отчаянной борьбѣ, которая съ этой эпохи такъ ярко стала характеризовать трудную адвокатскую жизнь, въ которой борьба за успѣхъ стала принимать подчасъ явно опасные размѣры и формы, заставляя и этихъ крупныхъ людей иногда размѣниваться на мелочи.

Первая рѣчь, послѣ которой имя Быховскаго стало переходить изъ устъ въ уста, была произнесена имъ въ 1893 г. по шумѣвшему дѣлу дегенератки Рѣчинской, нанавшей съ ножомъ въ церкви на своего возлюбленнаго.

Въ то время взгляды на преступниковъ, какъ на дегенератовъ, еще только-что стали появляться въ обращеніи и возбуждали глубокий общественный интересъ. Этому вопросу и посвятилъ Быховскій свою рѣчь, детально его разработавъ, и освѣтилъ его и занимательно, и интересно. Эта его рѣчь была настолько убѣдительно и красиво сказана,

что его подзащитная, несмотря на всю гнусность совершеннаго ею поступка, была оправдана какъ невмѣняемая, и съ тѣхъ поръ Быховскій занялъ первенствующее положеніе среди молодыхъ адвокатовъ, посвятившихъ себя уголовной практикѣ, а когда вскорѣ послѣ этого онъ съ большимъ успѣхомъ провелъ гражданское дѣло своего кліента Макаренко

В. В. Быховскій.

съ Обществомъ Взаимнаго Кредита, то къ нему стали съ большими надеждами и довѣріемъ относиться, несмотря на его молодость, и въ дѣловыхъ кругахъ Москвы.

Что касается А. Р. Ледникова, то онъ одинаково былъ хорошъ какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, и все, что было лучшаго въ адвокатурѣ, считало его сильнымъ

и серьезнымъ противникомъ, не исключая и корифеевъ, то-есть Плевако, кн. Урусова и Пржевальскаго,—и въ ихъ компаніи онъ не производилъ диссонанса.

Въ маѣ 1894 года судебный міръ чествовалъ 50-лѣтіе служебной дѣятельности такого выдающагося юриста, какимъ былъ Дмитрій Александровичъ Ровинскій, часть своей жизни

А. Р. Ледниковъ.

посвятившій искусству и оставившій послѣ смерти Румянцевскому музею неоцѣнимыя коллекціи русскихъ гравюръ. Годъ спустя послѣ этого юбилея онъ скончался за границей, а вслѣдъ за нимъ сошелъ въ могилу и другой крупный судебный дѣятель Н. А. Манассеинъ.

Въ маѣ-же 1894 года прокурорскій надзоръ пополнился

очень способнымъ и подававшимъ большія надежды товарищемъ прокурора въ лицѣ В. В. Цубербиллера, но у него не хватало надлежащей выдержки, и онъ нерѣдко позволялъ себѣ грубыя выходки, за которыя его то-и-дѣло приходилось одергивать предсѣдателямъ. А это всегда производило угнетающее на слушателя впечатлѣніе, такъ какъ за каждую его грубость его такъ же грубо одергивали.

С. Ф. Саловъ.

А. И. Короткій.

Въ январѣ 1895 г. были назначены въ Москву товарищи прокурора кн. Оболенскій, Ильинъ и С. М. Языковъ и въ августъ того-же года—С. Ф. Саловъ, А. И. Короткій и Д. П. Стремоуховъ.

Такимъ образомъ получилась цѣлая плеяда людей, въ

высшей степени даровитыхъ, и на такомъ яркомъ фонѣ не такъ-то уже было легко выдвинуться впередъ.

Однако и С. Ф. Саловъ, и А. И. Короткій очень скоро сдѣлались популярными, и публика съ удовольствіемъ стремилась слушать ихъ талантливыхъ, всегда очень корректныхъ и выдержанныхъ рѣчи.

Въ концѣ этого же года чествовался 25-лѣтній юбилей нахождения въ сословіи присяжныхъ повѣренныхъ Г. Н. Плевако.

Съ конца 1894 г. началъ выступать уже въ качествѣ уголовного защитника Евгений Романовичъ Ринкъ, но въ этой новой роли онъ до такой степени чувствовалъ себя неловко, что въ Москвѣ провелъ всего два дѣла, причемъ въ дѣлѣ о крахѣ Лапинской мануфактуры, по которому обвинялись супруги Сергѣевы, ихъ зять Панкратовъ и приказчикъ Сѣнцовъ, помогавшій Сергѣевымъ устроить злостное банкротство, Е. Р. Ринкъ взялъ на себя второстепенную защиту жены Сергѣева, которая по женскому обычаю всю вину валила на мужа. Она, какъ дама нѣжнаго воспитанія, умѣла только тратить мужнины деньги, а знать, откуда онъ беретъ деньги, было не ея ума дѣло, какъ говорилъ ее мужъ, и она охотно этому подчинялась: по крайней мѣрѣ, не безпокойно.

Ну, понятно, что и защищать такую даму было не трудно: она, хотя и не дегенератка, а все-же была невмѣняемая, и этотъ мотивъ красною нитью проходилъ въ рѣчахъ защиты по всѣмъ дѣламъ, по которымъ судились женщины.

Сергѣева-же защищалъ только-что переселившийся изъ Харькова въ Москву профессоръ уголовного права харьковскаго университета, Л. Е. Владиміровъ, и хотя въ Харьковѣ онъ пользовался крупною популярностью, въ Москвѣ онъ карьеры такъ и не составилъ. Его рѣчи, можетъ быть, были и хороши, и содержательны, но тонъ, которымъ онъ говорилъ, а главное жесты, которыми онъ сопровождался, произво-

дили на москвичей такое каррикатурное впечатлѣніе, что рѣши его какъ-то проскальзывали мимо вниманія.

А такъ какъ въ качествѣ гражданскаго истца въ дѣлѣ участвовалъ въ числѣ другихъ и В. М. Пржевальскій, то дѣло и прошло для защиты неудачно, хотя кліентка Е. Р. Ринкъ и была оправдана.

И больше Е. Р. Ринкъ въ Москвѣ уже не выступалъ, и хотя въ провинціи онъ и провелъ нѣсколько крупныхъ дѣлъ, за которыя получилъ крупные куши, но вообще адвокатура пришлась ему не по душѣ, и онъ, совершенно ее забросивъ, продолжалъ жить въ Москвѣ на покой.

Въ январѣ 1896 года состоялось Высочайшее повелѣніе о переводѣ тюремнаго управленія изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ министерство юстиціи, и во главѣ его всталъ самъ Н. В. Муравьевъ.

Къ этому времени имъ уже были открыты новыя судебныя учрежденія и въ Астрахани, и въ Петрозаводскѣ, а въ 1897 году ему уже предстояло ввести эту реформу въ Сибири.

Эту свою предстоящую поѣздку онъ и рѣшилъ совмѣстить съ осмотромъ мѣстъ заключенія и ссылки въ этомъ забытомъ Богомъ краю, отлично понимая, что и тѣ, и другія требуютъ солидной и возможно скорѣйшей реформы.

Но это еще было въ будущемъ, а пока на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената былъ представленъ проектъ реформы административной ссылки, выработанный извѣстнымъ ученымъ-юристомъ, въ то время состоявшимъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, Неклюдовымъ.

Въ то-же время московскія судебныя учрежденія, вмѣстѣ съ остальными обывателями Москвы, усиленно готовились къ имѣвшей быть весной коронаціи Государя Императора Николая II, такъ какъ на это время требовалось очистить зданіе, съ одной стороны, потому, что, по установившемуся со временъ Петра Великаго обычаю, коронаціонный актъ

членами Государственнаго Совѣта обыкновенно подписывается въ круглой Екатерининской залѣ судебного зданія, а, съ другой стороны, и потому, что только помѣщеніе судебного зданія способно было вмѣстить въ себѣ всѣхъ тѣхъ, кому на время коронаціонныхъ торжествъ надлежало быть поближе къ Кремлю.

Итакъ, Судъ спѣшно подыскивалъ временное подходящее для себя помѣщеніе, каковое ему было уступлено въ домѣ, приспособляемомъ на Садовой улицѣ для Софійской дѣтской больницы. Туда и потребовалось отобрать и отвезти всѣ тѣ дѣла, которыя предстояло разсмотрѣть въ тотъ промежутокъ, пока судебное зданіе будетъ занято. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Военный Судъ уступалъ залу своихъ засѣданій на два раза въ недѣлю для засѣданій уголовныхъ отдѣленій Окружнаго Суда.

Ввиду этого засѣданія Окружнаго Суда въ собственномъ зданіи закончились 28 февраля, а съ 5 марта начались засѣданія уже въ дѣтской больницѣ и съ 1 апрѣля—въ зданіи Военнаго Суда.

Въ личномъ составѣ Суда за этотъ годъ произошли серьезныя перемѣны. Не стало идеальнѣйшаго присяжнаго повѣреннаго 70-лѣтняго профессора А. М. Фальковского, не стало выдающагося судебного дѣателя Эспера Николаевича Сумбула, оставившаго по себѣ самую свѣтлую память; скончался товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ сенаторъ Неклюдовъ, оставившій послѣ себя массу выдающихся ученыхъ трудовъ, безъ серьезнаго знакомства съ которыми не обходится и по настоящее время никто изъ мало-мальски занимающихся юристовъ.

Потерпѣлъ и составъ московскаго Суда отъ происшедшихъ въ этомъ году перемѣщеній. Такъ, изъ прокуратуры ушли два видныхъ дѣателя: А. А. Югансонъ, назначенный товарищемъ предсѣдателя смоленскаго Суда, и будущій директоръ департамента полиціи, извѣстный по своему

громкому процессу, А. А. Лопухинъ, назначенный прокуроромъ тверского Суда.

Послѣдній былъ не менѣе талантливъ, чѣмъ его болѣе популярныя товарищи Н. Л. Томашевскій, С. Ф. Саловъ, А. И. Короткій, но онъ производилъ непріятное впечатлѣніе своею заносчивостью и пренебрежительнымъ тономъ, съ ка-

А. А. Лопухинъ.

кимъ онъ обращался и къ защитѣ, и къ присяжнымъ засѣдателямъ, и это возбуждало къ нему недружелюбное чувство.

Э. Н. Сумбула замѣнилъ членъ того-же VI отдѣленія Е. А. Харламовъ, человекъ очень почтенный, свято хранившій традиціи своего предшественника, а въ VII отдѣленіе на мѣсто ушедшаго въ прокуратуру А. М. Вобрищева-Пушкина,

прибылъ товарищъ председателя курскаго Суда С. Л. Лузинъ.

Крупныхъ дѣлъ въ этомъ году разсматривалось очень мало. Съ марта и по сентябрь почти исключительно назначались мелкія арестанскія дѣла, такъ какъ въ тѣсное помѣщеніе дѣтской больницы вызовъ большого числа свидѣтелей былъ не только затруднителенъ, но почти и невозможенъ.

Только въ началѣ года въ Судебной Палатѣ по гражданскому департаменту разсматривалось дѣло жены генерал-лейтенанта Чагиной съ кувцомъ Котикомъ, который, давъ ей взаймы 10 тыс. рублей, вмѣсто долгового обязательства взялъ съ нея задаточную расписку будто бы на запроданное ему ея смоленское имѣніе. Но Чагина эти деньги своевременно уплатила и отъ совершенія купчей крѣпости, конечно, отказалась, и вотъ тутъ-то землевладелецъ и попытался взыскать съ нея двойной задатокъ.

Но теперь и провинціальныя Суды уже зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы дача денегъ не прикрывалась ростовщиками несоотвѣтствующими сдѣлками, и потому смоленскій Судъ, въ которомъ первоначально разбиралось это дѣло, въ искѣ по этой задаточной распискѣ отказалъ, а московская Судебная Палата это рѣшеніе смоленскаго Суда утвердила.

Въ уголовномъ-же департаментѣ московской Судебной Палаты разсматривалось дѣло о председателѣ разанской земской Управы Алѣевѣ, которому было поручено заготовить для голодающихъ хлѣбъ, и который, воспользовавшись этимъ удобнымъ случаемъ, растратилъ на свои нужды 18 тыс. рублей изъ отпущенныхъ ему на голодающихъ суммъ. Правда, когда онъ за это былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности, онъ внесъ растрченную сумму, и потому Палата ограничилась отстраненіемъ его по Суду отъ должности и взысканіемъ съ него денежнаго штрафа въ размѣрѣ тысячи рублей.

Но въ Окружномъ Судѣ разсматривалось дѣло, которому хотя въ то время и не придавалось особаго значенія, но которое служило яркой иллюстраціей того, чего должно ожидать общество отъ будущаго поколѣнія, если оно серьезно не задумается надъ вопросомъ о воспитаніи дѣтей пролетаріата, порожденнаго неудачно реформированной школой.

Въ дѣлѣ этомъ въ качествѣ обвиняемыхъ фигурировала группа подростковъ изъ семей, мнившихъ себя интеллигентами. Тутъ былъ и сынъ тогда еще живого присяжнаго повѣреннаго Чеботаревского, и дворянинъ Городецкій, и сынъ фармацевта Гоцель, и нѣсколько уже найденныхъ ими въ притонахъ для себя товарищей.

Все это были подростки изъ тѣхъ многочисленныхъ семей, гдѣ физическаго труда стыдились, а трудомъ интеллигентнымъ заработать столько, чтобы вся семья была сыта, неумѣли.

Ну, и стали промышлять подростки кражами, сначала по мелочамъ, а когда стыдъ уже окончательно притупился, а на краденныя деньги не только являлась возможность быть сытымъ, но и выпить и весело провести время, начиналась уже болѣе серьезная преступная дѣятельность.

Такъ, сначала Чеботаревскій кралъ у матери кое-какія вещи, а у отца при случаѣ мѣдную и серебряную мелочь когда-же аппетитъ въ достаточной мѣрѣ разыгрался, сталъ таскать съ вѣшалки верхнее платье приходившихъ къ отцу кліентовъ и безцеремонно его закладывать.

Кралъ сначала по мелочамъ и Гордецкій, а затѣмъ придумалъ себѣ спеціальность—сдѣлался парадникомъ, сначала опустошая квартиры, оставленныя наивными дачниками на благоустройство дворниковъ, а затѣмъ, осмѣлѣвъ, сталъ уже навѣдываться съ парадныхъ подъѣздовъ и въ обитаемыя квартиры и, отпирая парадныя двери подобранными ключами, опустошалъ переднія.

Когда-же оба они стали нетерпимы въ своихъ семьяхъ и вынуждены были перекочевать въ ночлежки, тамъ уже нашлись и болѣе обстрѣлянные товарищи, и начались уже грабежи, при чемъ намѣченные жертвы предварительно опаивались одуряющими средствами. На этого рода дѣятельности они и попались, и Судъ безъ сожалѣнія отправилъ ихъ на поселеніе въ Сибирь.

Ну, а публика, довольно равнодушно прослушавъ это дѣло, спокойно разошлась по домамъ, даже и не подозрѣвая, что эти подростки, которыхъ никто не позаботился научить труду, являются первыми жертвами нарождавшагося печальнаго явленія, которое много лѣтъ спустя дало несмѣтныя полчища хулигановъ,—и отъ этихъ хулигановъ тому-же обществу пришлось отдѣлываться такими страшными мѣрами, противъ которыхъ оно само-же вопіетъ.

Съ февраля 1897 г. началось усиленное передвиженіе судебныхъ дѣятелей съ одного мѣста на другое. Въ іюлѣ этого года предстояло открытіе сформированныхъ судебныхъ учреждений въ забытомъ дотолѣ краѣ—въ Сибири, куда уже пролагался желѣзнодорожный путь. Такъ какъ тамъ одновременно открывались Судебныя Палаты и Суды въ нѣсколькихъ пунктахъ, то и чиновъ судебного вѣдомства требовалось много, а на мѣсто отправлявшихся туда нужны были новые замѣстители.

Это необычное передвиженіе отразилось и на московскихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Такъ, предсѣдатель [московскаго] Суда Ф. П. Ивковъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента московской Судебной Палаты на мѣсто тяжело заболѣвшаго Д. А. Тихомирова, а постъ предсѣдателя московскаго Суда занялъ профессоръ московскаго университета Н. В. Давыдовъ. Прокуроръ московскаго Суда Э. И. Вуичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ тульскаго Окружнаго Суда, а его замѣстителемъ въ Москвѣ явился А. А. Макаровъ, человѣкъ выдающагося ума, въ высшей степени корректный самъ

и такой-же корректности требовавший и отъ своихъ подчиненныхъ. Членъ Судебной Палаты А. М. Рангъ былъ назначенъ предсѣдателемъ нижегородскаго Суда, а бывший въ то время уже прокуроромъ ярославскаго Суда С. С. Хрулевъ былъ назначенъ прокуроромъ нижегородскаго Суда.

Въ томъ-же году, но нѣсколько позже, былъ назначенъ

Н. В. Давыдовъ.

товарищемъ прокурора въ Москву окончившій военную юридическую академію, столь извѣстный впослѣдствіи по своей дѣятельности на другихъ поприщахъ, П. Г. Курловъ, сразу занявшій среди остальныхъ своихъ товарищей выдающееся положеніе и безпощадно громившій всякое злое дѣло. И такое же видное положеніе занялъ и испр. должность товарища прокурора С. Д. Тверской.

Приблизительно тогда-же былъ переведенъ изъ Смоленска въ Москву товарищемъ предсѣдателя II уголовного отдѣленія А. А. Иогансонъ на мѣсто скончавшагося товарища предсѣдателя того-же отдѣленія В. С. Абакумова.

12 іюня того-же года въ соединенномъ собраніи департаментовъ Государственнаго Совѣта разсматривался проектъ,

П. Г. Курловъ.

С. Д. Тверской.

внесенный министромъ юстиціи о введеніи новаго порядка привлеченія къ судебной отвѣтственности, но окончательнаго разрѣшенія этотъ вопросъ не получилъ, такъ какъ было рѣшено рассмотреть его въ общемъ собраніи департаментовъ.

13 іюня министръ юстиціи вмѣстѣ съ директорами департаментовъ министерства юстиціи Шмеманомъ и Манухинымъ, а также другими прикомандированными къ нему лицами выѣхалъ изъ Петербурга въ Сибирь для открытія тамъ судебныхъ учрежденій.

Ѣхать вмѣстѣ съ ними была приглашена и я, но, исходя изъ того положенія, что ужъ если Ѣхать такъ далеко, то слѣдуетъ хорошенько ознакомиться съ мало извѣстной страной, я, отговорившись тѣмъ, что Ѣхать водой боюсь, отправилась на нѣсколько дней раньше по желѣзной дорогѣ.

Министръ Ѣхалъ въ эту командировку съ большой помпой. Онъ и вообще любилъ обставлять всякое представительство какъ можно эффектиѣ, а тутъ онъ старался превзойти себя, тѣмъ болѣе, что и сумма на эту командировку была отпущена огромная.

Отъ Нижняго по Волгѣ и затѣмъ по рѣкѣ Бѣлой онъ Ѣхалъ на пароходѣ, исключительно предоставленномъ въ его и его спутниковъ распоряженіе, и Ѣхали они такимъ образомъ до Уфы, останавливаясь въ тѣхъ городахъ, гдѣ ему, какъ управляющему тюремнымъ вѣдомствомъ, интересно было осмотрѣть тюрьмы.

Отъ Уфы имъ былъ поданъ экстренный поѣздъ, въ которомъ онѣ Ѣхали до Канска, то-есть до того пункта, до котораго была достроена желѣзная дорога, остальные-же 450 верстъ до Иркутска надо было Ѣхать на лошадахъ.

Въ то время Сибирь переживала какъ разъ то-же самое, что переживали и мы 30 лѣтъ тому назадъ, встрѣчая судебную реформу, какъ залогъ лучшаго будущаго, и потому въ каждомъ городѣ министра восторженно встрѣчало все населеніе съ хлѣбомъ-солью, какъ добраго генія, несущаго осуществленіе завѣтной нетерпѣливо жданной мечты.

А пока они веюду останавливались, я успѣла доѢхать уже до Нижнеудинска, осмотрѣвъ по дорогѣ все, что наиболѣе меня интересовало.

Въ Нижнеудинскѣ они меня нагнали. Тутъ уже для меня не оставалось надежды во-время получить лошадей, такъ какъ для экипажа министра полагался пятерикъ и 15 троекъ для лицъ, его сопровождавшихъ. Такое количество лошадей требовалось потому, что къ свитѣ, сопровождавшей министра, присоединялись всѣ чины и судебного, и тюремнаго, вѣдомства и ѣхали вплоть до границы того округа, къ которому они принадлежали.

Пришлось мнѣ присоединиться къ ихъ кортежу, но тутъ я выговорила себѣ право ѣхать съ мѣстнымъ засѣдателемъ, скакавшимъ впереди въ собственномъ экипажѣ вмѣсто фельдъ-егеря, и такъ какъ на немъ, съ одной стороны, лежала обязанность заботиться о томъ, чтобы къ приѣзду министра лошади для него и для его свиты уже были готовы, а съ другой стороны, онъ и самъ по себѣ являлся для мѣстнаго населенія тою кошкой, страшнѣй которой звѣря нѣтъ, то для него послѣ лошадей, приготовленныхъ для министра, и запрягалась лучшая тройка.

На этомъ засѣдателѣ я остановилась потому, что въ пути онъ рассказывалъ мнѣ о томъ, какъ живутъ люди въ этой далекой сторонѣ, и объяснялъ тѣ явленія, которыя для насъ, какъ для людей пришлыхъ, являлись и непонятными, и на первый взглядъ удивительными, тогда какъ въ сущности они объяснялись только условіями мѣстной жизни. А это въ значительной степени обогащало мои впечатлѣнія, которыми я непрерывно дѣлилась все время пути съ газетою, въ которой работала.

Скакали мы такимъ образомъ трое сутокъ, дѣлая по 150 верстъ въ день, несмотря ни на 36°-ную жару, ни на то, что по временамъ приходилось взбираться на головокружительныя крутизны или спускаться по почти отвѣснымъ откосамъ.

Остановки дѣлались на два часа на обѣдъ и часовъ на 7—8 для ночлега, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда на

пути встрѣчались этапы и тюрьмы, осмотръ которыхъ и производился попутно.

При осмотрѣ этихъ мѣстъ заключенія министру, какъ лицу, стоявшему во главѣ тюремнаго управленія, много пришлось узнать такого, чего въ Европейской Россіи никому и въ голову не приходило.

Прежде всего пришлось убѣдиться въ томъ, что въ виду огромныхъ земельныхъ пространствъ, отводимыхъ подъ тюрьмы въ Сибири, всѣ эти тюрьмы, не исключая и каторжныхъ, устраиваются несравненно комфортабельнѣе и удобнѣй, чѣмъ это возможно устроить въ Россіи, а Александровская каторжная тюрьма, находящаяся въ 60 верстахъ отъ Иркутска, устроенная на тысячу человѣкъ, являетъ собою тотъ идеаль тюремнаго устройства, который только и достижимъ тамъ, гдѣ земля почти ничего не стоитъ.

Что касается до Александровскихъ тюремъ, то онѣ заслуживаютъ того, чтобы остановиться на нихъ подробно.

Александровская центральная каторжная тюрьма далеко не представляетъ собою того зауряднаго учрежденія, съ понятіемъ о которомъ люди привыкли связывать мысль о грязи, мракѣ, духотѣ, грубомъ и жестокомъ отношеніи къ ближнему. Просторная, свѣтлая, чистая, она не разъ уже останавливала на себѣ вниманіе не только русскихъ людей, случайно нападающихъ въ дикомъ краю на это свѣтлое явленіе, но и иностранцевъ, не разъ приѣзжавшихъ подивиться на ея порядки изъ далекихъ странъ и выходившихъ изъ ея стѣнъ не только удивленными, но и растроганными.

Все въ этой тюрьмѣ до мельчайшихъ подробностей приспособлено такъ, чтобы человѣкъ, впавшій въ тяжелый грѣхъ и несущій за него тяжелую кару, не чувствовалъ себя Каиномъ, навсегда погибшимъ для человѣческаго общества, а, наоборотъ, заботясь о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, всѣми силами стремился къ тому, чтобы, по

искупленіи своей вины, снова пользоваться и довѣріемъ, и расположеніемъ другихъ.

Въ такомъ отношеніи къ павшему брату и заключается дивный секретъ, благодаря которому тысячное населеніе тюрьмы безъ труда управляется тюремнымъ комитетомъ, состоящимъ изъ смотрителя тюрьмы, его помощника, священника, врача и эконома, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько помощниковъ, въ лицѣ учителя, письмоводителя, псаломщика, 27 тюремныхъ надзирателей, при незначительной конвойной командѣ.

Здѣсь нагляднѣйшимъ образомъ подтверждается старая истина, гласящая, что тотъ, кто самъ далекъ отъ всякаго насилія и нравственнаго и физическаго, не нуждается ни въ какой и въ ничьей защитѣ.

Тюрьма эта основана въ 1873 году и первоначально предназначалась для содержанія ссыльно-каторжныхъ 3-го разряда, т.-е. осужденныхъ не свыше восьми лѣтъ, но съ 1894 г. для желѣзнодорожныхъ работъ и для заготовленія арестанскихъ вещей на всѣ тюрьмы Иркутской губерніи сюда стали доставляться ссыльно-каторжные и другихъ разрядовъ, а также срочные арестанты и поселенцы, приговоренные къ отдачѣ на заводы.

Въ составъ Александровской центральной тюрьмы входятъ слѣдующія учрежденія: самая тюрьма, тюремная больница, пріютъ для дѣтей ссыльно-каторжныхъ, училище для дѣтей ссыльно-каторжныхъ, церковь съ причтомъ, пріютъ для семействъ бѣднѣйшихъ ссыльно-каторжныхъ и тюремная канцелярія.

Во время нашего посѣщенія въ тюрьмѣ этой числилось 628 человекъ, изъ нихъ 410—ссыльно-каторжныхъ, 206—временнозаводскихъ и 12—срочныхъ. Половина изъ нихъ рецидивисты.

По роду преступленій они дѣлились такимъ образомъ: 301 человекъ отбывали наказаніе за кражи, 285—за по-

бѣги и отлучку съ мѣста причисленія, 157—за разбой, 148—за убійство, 72—за грабежъ, 64—за проживаніе по чужимъ видамъ и безписьменность, 37—за нанесеніе увѣчій и ранъ, 31—за поддѣлку денегъ, марокъ и гербовой бумаги, 30—за бродяжничество, 25—за подлоги, 17—за поджоги, 16—за обманъ и мошенничество; 15—за преступленія противъ женской чести, 14—за перемѣну имени и фамиліи, 12—за угрозы, буйство и пьянство, 9—за ложный доносъ и лжесвидѣтельство, 7—за поддѣлку штемпелей, печатей, 7—за праздношатательство и неисправимо-порочное поведеніе, 5—за преступленія по службѣ, 3—за неповиновеніе властямъ и 1—за присвоеніе титуловъ, чиновъ, орденовъ.

Всѣ эти арестанты частью содержались въ общихъ камерахъ, въ стѣнахъ тюрьмы, частью-же внѣ тюрьмы въ такъ называемой рабочей командѣ.

Въ основу распредѣленія преступниковъ по камерамъ внутри тюрьмы и помѣщеніяхъ, находящихся внѣ тюрьмы, принимается слѣдующее: необходимость тщательнаго наблюденія тюремною администраціею за нѣкоторыми категоріями преступниковъ, нравственность преступника и его поведеніе, занятіе арестантовъ и разныя возложенныя на нихъ обязанности и, наконецъ, родъ преступленія.

Въ то время тѣ изъ нихъ, которые находились въ стѣнахъ тюрьмы, дѣлятся по камерамъ на шесть слѣдующихъ группъ: 1) преступники разныхъ категорій, неспособные къ работамъ: дряхлые старики, калѣки, хроническіе больные; 2) ссыльно-каторжные, совершившіе только одно преступленіе; 3) бродяги-рецидивисты; 4) рецидивисты, осужденные за побѣги; 5) рецидивисты по другимъ преступленіямъ и, наконецъ, 6) преступники разныхъ категорій, исполняющіе постоянныя обязанности; сюда относятся: кашевары, хлѣбопеки, прачки, починщики бѣлья, занимающіеся заготовленіемъ арестанскихъ вещей и служителя боль-

ницы, не пользующіеся правомъ свободнаго выхода изъ больничной оградъ.

Эта послѣдняя группа преступниковъ, какъ имѣющая постоянныя занятія, отличающаяся хорошимъ поведеніемъ и приносящая своимъ трудомъ пользу тюрьмѣ, совершенно отдѣлена отъ другихъ группъ безъ различія категорій и изъ нея преимущественно выдѣляются преступники, переводимые въ рабочую команду.

Камеры, въ которыхъ размѣщались все эти арестанты, находясь во второмъ и третьемъ этажахъ большого каменнаго зданія, нижній этажъ котораго занятъ вещевымъ складомъ, высоки, свѣтлы и необыкновенно чисты. Чистые, точно выскобленные, полы ихъ, по обще-сибирскому обычаю, слегка посыпаны свѣже-скошеннымъ сѣномъ, что въ значительной степени сохраняетъ ихъ чистоту. Койки, придѣланныя къ стѣнѣ и опускаемые на ночь, днемъ подняты, и посреди просторныхъ камеръ стоятъ столы съ лавками по обѣимъ сторонамъ, за которыми арестанты работаютъ, а въ свободное время пишутъ и читаютъ, чему всѣхъ желающихъ обучаетъ одинъ изъ наиболѣе грамотныхъ арестантовъ.

Корридоры, примыкающіе къ этимъ камерамъ, также чисты, ширина ихъ равняется двумъ сажнямъ, а громадные окна, въ которыхъ безъ труда разбѣхались бы два встрѣчныхъ экипажа, даютъ массу свѣта.

Благодаря печамъ для сжиганія нечистотъ и вентиляціоннымъ трубамъ, проведеннымъ по всѣмъ тюремнымъ помѣщеніямъ, воздухъ чистъ и совершенно обезвреженъ.

Кромѣ поименованныхъ шести камеръ, есть въ этой тюрьмѣ еще и седьмая—съ болѣе строгимъ режимомъ для преступниковъ, не поддающихся исправленію, но въ то время въ ней не было ни одного арестанта.

Восьмую группу арестантовъ составляли получившіе за хорошее поведеніе право жить внѣ тюрьмы, въ такъ на-

зываемой рабочей командѣ. Арестанты эти заняты работами: плотничными, каменными, земляными, огородами, очисткой нечистотъ въ казенныхъ зданіяхъ и исполненіемъ обязанностей: караульныхъ при казенномъ имуществѣ и казенныхъ зданіяхъ, сторожей при пріютѣ и училищѣ, служителей при управленіи тюрьмы и больницъ и т. п.

Группа эта состоитъ изъ 230 человѣкъ и помѣщается въ особой казармѣ, за исключеніемъ сторожей и служителей, живущихъ въ мѣстахъ своей службы. Семейные арестанты этой группы, заслуживающіе довѣрія, живутъ въ своихъ семьяхъ въ селѣ.

Къ этой же категоріи должны быть причислены и 83 арестанта, работавшіе на линіи Средне-Сибирской желѣзной дороги, безъ конвоя, подъ присмотромъ лишь пяти надзирателей.

Въ общемъ, изъ всѣхъ 628 человѣкъ не заняты были работами только 54 человѣка—по неспособности и 22—находящихся въ больницѣ на излѣченіи.

Изъ тюремныхъ работъ особенно широко велись работы строительныя. И самая тюрьма, сгорѣвшая въ 1890 году, и великолѣпная церковь при ней были вновь отстроены исключительно арестантами; кромѣ того, въ послѣднія 10 лѣтъ арестантами же выстроены: пересыльная тюрьма на тысячу человѣкъ, больница, домъ для тюремнаго священника, цейхаузъ и часть каменной оградъ, и заново отремонтированы почтово-телеграфное отдѣленіе, тюремная баня и другія тюремныя службы, изъ которыхъ только баня деревянная, все же остальныя постройки каменные.

Благодаря этому арестантскому труду, казна получила сбереженія противъ смѣты до 130 тысячъ рублей.

Продовольствіе арестантовъ вполне соответствуетъ ихъ обстановкѣ: хорошія щи и каша, прекрасно выпеченный хлѣбъ, далеко превосходящій по своему вкусу хлѣбъ, встрѣчающійся повсемѣстно въ Иркутской губерніи, не исключая

и самого Иркутска, и все это, благодаря тому, что всё овощи выращиваются самими арестантами на тюремных огородах, обходится казнѣ настолько дешево, что полное содержаніе каждого арестанта не превышаетъ въ сутки 20 копеекъ.

Тюремная больница построена по барачной системѣ и рассчитана на 94 кровати, но иногда число больныхъ въ ней достигаетъ до 160 человѣкъ. Случается это отъ того, что, кромѣ арестантовъ каторжной тюрьмы, ею пользуются и пересыльные арестанты, и нижніе чины конвойной команды, содержаніе которыхъ одинаково съ арестантами.

При больницѣ состоятъ врачъ и два фельшера, изъ которыхъ одинъ составляетъ лѣкарства, подъ наблюденіемъ врача.

Содержаніе каждого больного, включая сюда и продовольствіе, и лѣченіе, и даже погребеніе умершихъ, обходится по 25 коп. въ сутки, несмотря на то, что, по предписанію врача, больнымъ даютъ куринный супъ, и котлеты, и молочную кашу, и яйца, и даже водку и вино.

Пріютъ для арестантскихъ дѣтей устроенъ, за недостаткомъ средствъ, только на 25 человѣкъ. Въ виду этого, въ него принимаются преимущественно сироты и лишь незначительное число дѣтей изъ самыхъ бѣдныхъ арестантскихъ семей. Продовольствіе этимъ дѣтямъ отпускается изъ общаго арестантскаго котла, въ добавленіе къ которому имъ отпускается еще бѣлый хлѣбъ, а дѣтямъ, не достигшимъ трехъ лѣтъ, кромѣ того, молоко и молочная каша. Присмотръ за этими дѣтьми порученъ женѣ одного изъ ссыльно-каторжныхъ, а въ помощь ей дана нянька, жена другого-ссыльно-каторжнаго.

Чистота и просторъ помѣщенія доставляютъ комфортъ этимъ дѣтишкамъ, и положеніе ихъ блестяще, сравнительно съ положеніемъ остальныхъ дѣтей каторжныхъ, остающихся при матеряхъ, на продовольствіе которыхъ, и то только до

9-ти лѣтняго возраста, губернскимъ управленіемъ выдается по 2½ коп. въ сутки.

При существующей дороговизнѣ всѣхъ жизненныхъ продуктовъ въ Иркутской губерніи, на эти деньги невозможно купить достаточно и хлѣба, а потому тюремный комитетъ Александровской тюрьмы, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить положеніе бѣдныхъ семей, прибывшихъ за осужденными, отвелъ имъ для жилья тѣ изъ казенныхъ помѣщеній, которыя за ветхостью, оставались безъ употребленія, а также отвелъ и часть огородовъ, воздѣлываемыя которые, эти семьи пользуются и всѣмъ, что на тѣхъ огородахъ получается.

Въ настоящее время помѣщеніями этими пользуются 24 семейства, состоящія изъ 84 человѣкъ.

Кромѣ этихъ пріютовъ, на экономическія суммы Александровской тюрьмы содержится и училище для дѣтей ссыльно-каторжныхъ.

Въ училищѣ этомъ въ 1897 году было 36 учениковъ, изъ которыхъ четверо, кончивъ курсъ, получили свидѣтельства.

Лучшее же украшеніе Александровской тюрьмы составляетъ церковь. Выстроенная взамѣнъ сгорѣвшей въ 1890 г. домовою церкви, церковь эта каменная, двухсвѣтная, съ хорами, на которыхъ свободно могутъ размѣститься до 500 арестантовъ, сооруженная собственноручно, не только солидна по своей постройкѣ, но и изящна и красива.

Причтъ этой церкви состоитъ изъ священника и псаломщика, получающихъ изъ Государственнаго Казначейства первый—700 руб. и второй—300 руб. и квартиру натурою. На церковныя же потребности отпускаются особо 240 р. въ годъ. Богослуженія въ этомъ храмѣ совершаются во всѣ праздничные дни, при чемъ прихожане, живущіе внѣ тюрьмы, т.-е. лица, составляющія ея администрацію, ихъ семьи, а

также семьи осужденных помѣщаются внизу церкви, а арестанты, заключенныя въ стѣнахъ тюрьмы, на хорахъ.

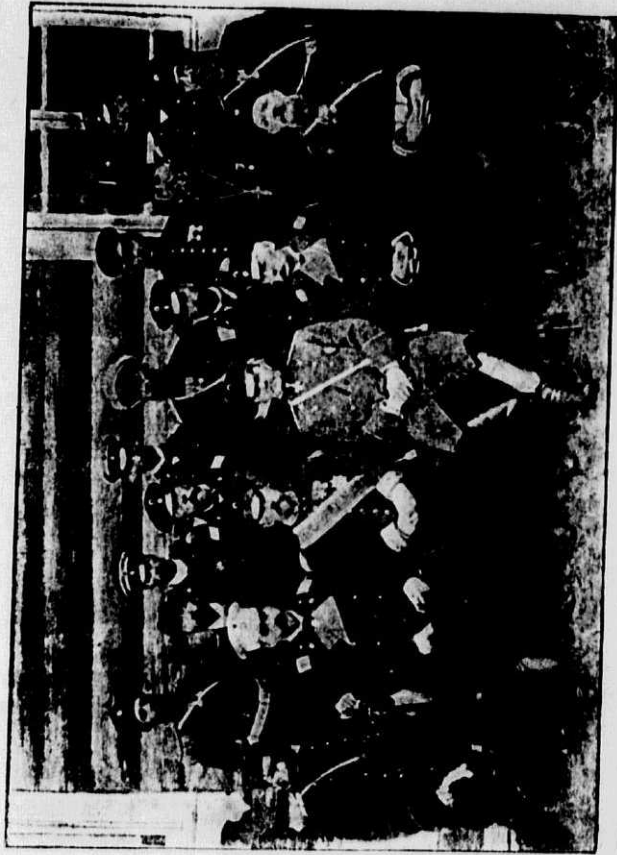
Хоръ пѣвчихъ состоитъ изъ арестантовъ и дѣтей пріюта и училища, подъ управленіемъ регента-арестанта.

Министръ юстиціи прибылъ въ Александровскую тюрьму какъ разъ въ то время, когда по случаю праздника свв. апостоловъ Петра и Павла въ тюремной церкви совершалась литургія. Достоявъ въ храмъ до конца обѣдни, министръ, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ спутниковъ и встрѣтившихъ его здѣсь иркутскаго губернатора Малеріуса, иркутскаго тюремнаго инспектора Сипягина и смотрителя тюрьмы Лятосковича, подробно осматривалъ всѣ тюремныя учрежденія и ихъ помѣщенія.

И внѣшній видъ всего осмотрѣннаго, и внутренніе порядки тюрьмы, о цѣлесообразности которыхъ, главнымъ образомъ, свидѣтельствовало то, что изъ 628 ссыльно-каторжныхъ 313 человекъ работали не только внѣ тюрьмы, но и безъ охраны, произвели на осматривавшихъ самое пріятное впечатлѣніе. Министръ горячо благодарилъ за нихъ и г. Сипягина, въ бытность котораго смотрителемъ этой тюрьмы эти порядки были введены, и г. Лятосковича, владавшаго во ввѣренное ему дѣло всю свою душу и, какъ зѣницу ока, охранявшаго тѣ традиции, которыя были установлены его предшественникомъ.

Оказалось, что такимъ образомъ сибирскія тюрьмы далеко превосходили то, что можно было отъ нихъ ожидать, а „поселеніе“, на которое казною затрачивалось столько средствъ, въ дѣйствительности для уголовныхъ преступниковъ существовало только на бумагѣ, такъ какъ на мѣстахъ приписки оставались только женщины да немошныя, составлявшіе крайне незначительный процентъ изъ всего того, что присуждалось къ ссылкѣ на поселеніе. Всѣ-же остальные, которые хоть до нѣкоторой степени могли показаться опасными или даже лишь беспокойными для мѣстныхъ

Посѣщеніе министромъ Н. В. Муравьевымъ Александровской тюрьмы
передъ открытіемъ Иркутскихъ судебныхъ учрежденій.

1-й рядъ (сидящіе): С.-Пет. тюремный инспект. Лихачевъ, дир. Д-та Мин. Юст. Манухинъ, иркутск. губернаторъ Малеріусъ, министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ, дир. Д-та Мин. Юст. Шмеманъ, иркутск. тюремн. инспект. Сипягинъ.
2-й рядъ (стоящіе): мѣстный исправникъ, французъ-губернёръ, прок. иркут. окр. суда кн. Орбелиани, прок. ирк. суд. палаты. Кобылинъ, тов. прок. П. П. Таганцевъ, ачинск. тюремн. инспект. Гудима, тов. прок. ирк. суд. палаты Соболевъ, курьеръ, тюремн. священникъ, тов. прок. Интендентъ, смотритель Александровск. тюрьмы Лятосковичъ.

аборигеновъ, только приписывались къ той или другой мѣстности, но когда они туда являлись, имъ тотчасъ-же выдавался паспортъ срокомъ на одинъ годъ и небольшая сумма денегъ, какъ отступное, и объявлялось, что они могутъ идти куда глаза глядятъ, а если они на это не согласны, то отъ нихъ отдѣляются болѣе энергичнымъ способомъ.

И эта угроза оказывалась настолько дѣйствительной, что пришельцу не приходило и въ голову рискнуть не исполнить этого требованія, и онъ, передохнувъ два—три дня, уходилъ бродяжить, непрерывно переходя изъ одного мѣста въ другое, если не удавалось пристроиться или ямщикомъ, или же на приискахъ въ качествѣ рабочаго.

И такъ бродяжила почти непрерывно большая половина ссыльно-поселенцевъ, частью питаясь милостыней, частью промышляя мелкими кражами, а, въ случаѣ крайней нужды и возможной безнаказанности, не брезгуя ни грабежами, ни убійствомъ.

Убѣдившись въ такой архаической постановкѣ переселенческаго дѣла, министръ тогда-же рѣшилъ, тотчасъ-же по возвращеніи въ столицу, выработать новое Уложеніе о наказаніяхъ, въ которомъ поселеніе должно быть совершенно упразднено и замѣнено долгосрочнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Взлелѣялъ онъ въ эту поѣздку и другой проектъ, который, къ сожалѣнію, ему такъ и не удалось привести въ исполненіе, а проектъ этотъ стоилъ и стоитъ того, чтобы надъ нимъ задумались.

Огромныя земельныя пространства, остающіяся въ Сибири безъ всякаго употребленія, и прекрасное устройство Александровской каторжной тюрьмы, гдѣ каторжане, превратившись въ фермеровъ и обрабатывая каждый около 30 десятинъ огорода, все, что на нихъ вырастаетъ, сбываютъ въ Иркутскъ, навели энергичнаго министра на мысль устроить въ Сибири исправительныя колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ

гдѣ, удаленные отъ тѣхъ соблазновъ, которые довели ихъ до преступленія, они могли-бы превратиться въ честныхъ и порядочныхъ работниковъ.

Къ сожалѣнію, начавшаяся въ Россіи смута помѣшала Н. В. Муравьеву привести это свое намѣреніе въ исполненіе, и онъ предпочелъ отдаться другому дѣлу, заставившему его покинуть Россію, но эта его мечта была такъ прекрасна, что, будь она своевременно осуществлена, массу молодежи не постигла-бы та злая участь, которая впоследствии ихъ постигла, когда они получили возможность проявить свою разнузданность въ полной ея мѣрѣ.

3 іюля судебныя учрежденія въ Иркутскѣ были очень торжественно открыты самимъ министромъ, а въ другихъ сибирскихъ городахъ они были открыты мѣстными предсѣдателями Судебныхъ Палатъ.

Слѣдующій послѣ этого день былъ посвященъ осмотру тюремъ; меня-же въ этотъ день навѣщали всѣ осужденные московскимъ Судомъ интеллигенты, проживавшіе въ Иркутскѣ, начиная съ „червонныхъ валетовъ“ и кончая сосланными незадолго до нашего пріѣзда, желавшіе побесѣдовать о томъ, что творится на далекой родинѣ.

Отказать имъ въ этомъ удовольствіи у меня не было силъ, и весь этотъ день у меня въ комнатѣ происходила невообразимая толчея къ великому удивленію хозяйки, знавшей, что я только-что пріѣхала изъ Москвы.

А на другой день мы всѣ выѣхали обратно, и на этотъ разъ я уже всю дорогу ѣхала въ поѣздѣ министра.

Это передвиженіе судебныхъ чиновъ и поѣздка министра въ Сибирь на открытіе судебныхъ учреждений являлись крупнѣйшими событіями въ судебномъ мірѣ.

Изъ явленій болѣе мелкаго порядка нельзя не отмѣтить нѣсколько дѣлъ, характерно подчеркивавшихъ то пониженіе нравовъ, которое къ тому времени уже проникло во всѣ слои общества.

Судились крупные домовладѣльцы Кашинъ и Лялина, первый за то, что предъявилъ требованіе платежа по оплаченному уже долговому обязательству, вторая—за то, что, находясь вмѣстѣ съ мужемъ на Нижегородской ярмаркѣ, когда ея мужъ тамъ скоропостижно умеръ, забрала всѣ находившіяся въ его кассѣ деньги, уѣхала съ ними домой и припрятала ихъ у своей племянницы, упустивъ изъ вида, что въ книгкахъ, находившихся на ярмаркѣ, значилось, что денегъ въ кассѣ находится свыше 200 тысячъ рублей. Конечно, деньги эти тогда-же были разысканы, и, несмотря на то, что Кашина защищалъ Н. П. Шубинской, а Лялину—кн. А. И. Урусовъ, и тотъ, и другая были осуждены и сосланы: Кашинъ—въ Олонецкую, а Лялина—въ Пермскую губернію.

Судился докторъ Мольнаръ съ двумя компаніонами, которыхъ при бракоразводномъ его процессѣ онъ подговорилъ дать ложныя показанія противъ его жены, что, получивъ отъ него плату, они и исполнили, и за этотъ свой подвигъ оба попали въ исправительное арестантское отдѣленіе, докторъ-же Мольнаръ былъ оправданъ, потому что къ судному дню онъ уже совсѣмъ не владѣлъ ногами и былъ настолько боленъ, что готовился предстать передъ другимъ, нелицепріятнымъ, Судіей.

Въ этотъ-же періодъ возникли и два нескончаемыхъ дѣла, которыя съ одинаковымъ успѣхомъ тянутся и по настоящее время да, вѣроятно, будутъ тянуться и еще десятки лѣтъ: это дѣло Моргуновыхъ съ Моргуновыми и Карзинкиныхъ съ другими пайщиками ихъ товарищества о признаніи ссбранныхъ пайщиковъ недѣйствительными.

Судился кн. Гагаринъ съ Левисономъ, которому сдать въ аренду помѣщеніе въ своемъ домѣ подъ бѣлошвейное заведеніе за 12 тысячъ рублей, а затѣмъ безцеремонно, опираясь на свое право вотчинника, сталъ передъ окнами сданнаго Левисону помѣщенія возводить четырехъ-этажное

зданіе для магазина Мюръ и Мерилиза, не только лишая Левисона свѣта, но и безпощадно портя его товаръ. И его повѣренный С. А. Муромцевъ такъ же безцеремонно стоялъ на этомъ формальномъ правѣ своего довѣрителя, совершенно игнорируя нравственную подкладку дѣла, благо и въ Судѣ форма уже начинала поднимать голову передъ принципомъ.

Е. И. Козлинина
(1894 г.).

ГЛАВА IX.

Конецъ девяностыхъ годовъ.

Хотя въ послѣдніе годы XIX столѣтія безцеремонность отношеній къ чужому добру и не дошла еще до своего кульминаціоннаго пункта, такъ какъ эта честь выпала на долю перваго десятилѣтія XX вѣка, но и тогда она уже становилась изумительной и особенно поражала тѣхъ, кто къ чужому добру привыкъ относиться съ уваженіемъ.

А на-ряду съ этимъ неуваженіемъ къ чужой собственности росло неуваженіе и къ личности другого, и потерпѣвшимъ теперь уже грозила не только возможность утраты того, что плохо было положено, но и необходимость при первой попыткѣ отстаять свое добро пройти сквозь строй самыхъ беззастѣнчивыхъ инсинуацій.

И такъ какъ при общей некультурности общества съ помощью этихъ инсинуацій легко добывались оправдательные вердикты, то этотъ способъ и становился у защитниковъ наиболѣе популярнымъ, и прародитель этихъ инсинуацій, А. В. Лохвицкій, конечно, не повѣрилъ-бы своимъ глазамъ, увидавъ, до какихъ предѣловъ онѣ могли быть доведены черезъ какой-нибудь десятокъ-другой лѣтъ послѣ его смерти.

Чтобы не быть голословной, приведу такой примѣръ. Въ концѣ 70-хъ годовъ Лохвицкій, всѣми своими товарищами считавшійся циникомъ, привлекался къ дисциплинарной отвѣтственности Совѣтомъ за то, что на судѣ гражданскомъ заявилъ, что всѣ обѣщанія, данныя его кліентомъ на судѣ уголовномъ, чтобы добиться оправдательнаго вердикта, не могутъ быть для него обязательными при опредѣленіи его

правоотношеній къ противной сторонѣ въ судѣ гражданскомъ. И за эту свою проповѣдь онъ выслушалъ строгое порицаніе Совѣта. Такому-же дисциплинарному взысканію онъ подвергся и тогда, когда явившись частнымъ обвинителемъ (подъ видомъ гражданского истца) по дѣлу генеральши Александровичъ, вступившейся за честь своей дочери и покушавшейся убить обидчика, онъ требовалъ явки обиженной дѣвушки, выражая желаніе поподробнѣе ее поразспросить, чѣмъ именно обидѣлъ ее его кліентъ.

Такія выходки всѣми признавались циничными, а Совѣтомъ, кромѣ того, признавались несомнѣстными съ достоинствомъ присяжнаго повѣреннаго, что и ставилось ему на видъ.

Это было 40 лѣтъ тому назадъ. А теперь присяжный повѣренный и къ тому-же еще и приватъ-доцентъ К., мнящій себя почему-то крупною знаменитостью, отстаивая передъ Судебною Палатой невозможность учрежденія по дѣламъ его кліента конкурснаго управленія, мотивируетъ эту невозможность тѣмъ, что какъ только къ конкурсу тому примажутся адвокаты, такъ денегъ въ конкурсѣ не окажется ни для кредиторовъ, ни для должника.

И это онъ говорилъ въ присутствіи семи адвокатовъ, явившихся отъ кредиторовъ, и ни одному изъ нихъ не пришло и въ голову обидѣться ни за себя, ни за честь сословія, да не счелъ нужнымъ сдѣлать это и Совѣтъ, очевидно, полагая, что это въ порядкѣ вещей.

И только одинъ изъ семи противниковъ этого беззастѣнчиваго адвоката, видимо, даже не сообразившій, до какой степени такое заявленіе оскорбительно, поспѣшилъ подчеркнуть, что дѣлающій такое заявленіе и самъ, стоя во главѣ конкурса, просилъ Коммерческій Судъ назначить на содержаніе конкурса какъ разъ ту сумму, которая составляла всю конкурсную массу, и только Коммерческій Судъ умѣрилъ его аппетитъ.

Но этотъ яркій для характеристики сословія эпизодъ имѣлъ мѣсто теперь, когда, какъ я уже отмѣтила раньше, вообще беззастѣнчивость общества дошла до своего кульминаціоннаго пункта, въ концѣ-же прошлаго столѣтія отдѣльные случаи такой беззастѣнчивости сначала стали обнаруживаться среди представителей частной адвокатуры и тѣхъ подонковъ сословія, которые неизбѣжны бываютъ во всякомъ многочисленномъ сообществѣ.

Такъ, частный повѣренный А. А. А—въ, которому министромъ юстиціи еще въ 1877 году была воспрещена практика и который затѣмъ былъ присужденъ къ тюремному заключенію за поддѣлку печатей, вернувшись въ 1886 году въ Москву, снова занялся подпольной адвокатурой и, принимая на себя веденіе дѣлъ по преимуществу малограмотнаго люда, платилъ за выходъ по этимъ дѣламъ молодымъ неимущимъ адвокатамъ.

Какія безстыжія условія онъ заключалъ со своими невѣжественными кліентами, можно судить по дѣлу Метельковой, мужа которой раздавила желѣзная дорога, и на рукахъ которой осталось двое малолѣтнихъ дѣтей. Взявъ на себя хлопоты по взысканію съ желѣзной дороги вознагражденія за смерть ея мужа, А—въ условился съ обезумѣвшею отъ горя вдовою, что все, что ей будетъ присуждено свыше 800 руб., должно поступить въ его пользу. Несчастная женщина, не знавшая, гдѣ ей искать болѣе чистоплотной защиты, согласилась на это условіе, и А—въ даже безъ предъявленія иска получилъ для нея отъ желѣзной дороги 1,300 руб. Такимъ образомъ на его долю безъ всякихъ хлопотъ пришлось 500 руб. Казалось-бы, процентъ за произведенный трудъ—огромный, но ему этого было мало, и онъ не отдалъ своей довѣрительницѣ ни гроша даже и тогда, когда она при помощи мѣстнаго исправника узнала, что желѣзная дорога выдала на ея долю 1,300 рублей. За присвоеніе этихъ денегъ онъ снова былъ привлеченъ къ уголовной отвѣт-

ственности, лишень правъ и сосланъ въ Томскую губ. Прошло 13 лѣтъ; онъ отбылъ свое наказаніе и, вернувшись въ Москву, какъ и раньше, проводилъ время въ Судѣ, видимо, чѣмъ-то здѣсь заинтересованный.

Другой частный повѣренный Б., состоявшій у Омона на жалованьѣ за надзоръ за тѣмъ, чтобы этуали этого кафешантана не кутили со своими поклонниками на сторонѣ, когда его выселяли изъ квартиры, позволилъ себѣ публично оскорбить мирового судью.

Пока мировой судья былъ съ нимъ вѣжливъ, онъ считалъ возможнымъ нахальничать, а когда его за это привлекли къ уголовной отвѣтственности, онъ, рыдая, молилъ Судебную Палату его пощадить, ссылаясь на то, что былъ пьянъ, видимо, и не подозревая, что появленіе адвоката передъ Судомъ въ пьяномъ видѣ уже само по себѣ является достаточнымъ поводомъ для того, чтобы ему навсегда была воспрещена адвокатская практика. Палата однако его не пощадила и приговорила къ 8-мѣсячному заключенію съ лишеніемъ правъ.

Были въ то-же время и такія дѣла, гдѣ адвокаты, хотя и не привлекались къ отвѣтственности, но дѣятельность ихъ рисовалась въ самомъ непривлекательномъ видѣ.

Такъ, крестьянки Турецкова, Пискунова и Карасева, судившіяся—первая за то, что уговорила остальныхъ дать въ ея пользу ложное показаніе на судѣ, а остальные за то, что таковое показаніе дали, чистосердечно калялись на судѣ, что сдѣлали это по совѣту защищавшаго по тому дѣлу Турецкову пр. пов. К—та, увѣрившаго ихъ, что это сойдетъ имъ съ рукъ безнаказанно.

И ни Судъ, ни другіе члены сословія не обратили на такое признаніе вниманія, видимо, потому, что такой поступокъ адвоката уже не представлялъ собою среди другихъ чего-нибудь экстраординарнаго, какъ не возмутило никого и признаніе другой обвиняемой, содержавшей притонъ, что

она оперировала на средства, ссужаемыя ей на этотъ предметъ довольно виднымъ присяжнымъ повѣреннымъ, играющимъ крупную роль въ нашей политической и общественной жизни, въ качествѣ одного изъ вожakovъ передовой партіи. И эти признанія даже и не доходили до Совѣта,—до такой степени они никого уже не били по нервамъ.

Такая же простота нравовъ уже царила и въ остальномъ обществѣ. Въ то-же приблизительно время въ одномъ изъ отдѣленій Суда судился служащій въ канцеляріи земской управы Пospѣловъ за то, что, засыпавъ нюхательнымъ табакомъ глаза продавщицъ въ табачномъ магазинѣ, онъ выхватилъ изъ кассы деньги, съ которыми и бросился бѣжать, и, будучи на улицѣ пойманъ, сталъ увѣрять, что онъ и самъ не знаетъ, какъ онъ это сдѣлалъ, а такъ какъ одного такого заперательства для человѣка, пойманнаго съ поличнымъ, было чересчуръ мало, то на помощь его защитникомъ В. В. Быховскимъ были приглашены въ качествѣ экспертовъ докторъ медицины Минаковъ, извѣстный проф. С. С. Корсаковъ и другіе видные врачи-психіатры, которые засвидѣтельствовали, что дѣяніе это могло быть совершено обвиняемымъ въ состояніи алкоголическаго автоматизма, если только вѣрить обвиняемому, что всѣ его дѣдушки и прадедушки были алкоголики. И такой экспертизы уже было достаточно для полного оправданія человѣка, совершившаго такой грязный поступокъ.

Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ присяжные засѣдатели, можетъ быть, руководствовались не только выводами медицинской экспертизы, такъ какъ они такъ были увлечены энергичною краснорѣчивою защитой, что приняли предложеніе прис. пов. Быховскаго отвергнуть самый фактъ грабежа. Защитникъ сумѣлъ внушить имъ ту парадоксальную мысль, что дочь хозяина магазина просто напросто... симулировала грабежъ! И ко всеобщему изумленію, Pospѣловъ не только вышелъ изъ суда оправданнымъ послѣ двухдневнаго раз-

бора дѣла, но и получилъ обратно отобранныя у него въ участкѣ деньги.

Точно также были оправданы и служащіе въ ссудной кассѣ Михайловскаго—Волковъ и Клочковъ, которые по подговору знакомаго ихъ, Модолинскаго, таскали заложенные у Михайловскаго вещи и, перезаложивъ ихъ въ другихъ учрежденіяхъ, проигрывали вырученныя за нихъ деньги на бѣгахъ и на скачкахъ. Когда же эти ихъ продѣлки обнаружались, они наивно оправдывались тѣмъ, что Модолинскаго они считали за профессора игры въ тотализаторъ и потому были увѣрены, что будутъ играть безъ проигрыша. И они, какъ и Черемушкинъ, были оправданы, и только Модолинскій, пользовавшійся ихъ деньгами, былъ на 8 мѣсяцевъ приговоренъ въ арестантское отдѣленіе.

До какой степени большинство уже разучилось уважать чужую собственность, еще ярче выразилось въ дѣлѣ дворянки Доницъ и кр. Озерова, изъ которыхъ первая состояла экономкой у штабсъ-ротмистра Озерова, скупца, ничего и никого не желавшаго знать, кромѣ своихъ процентныхъ бумагъ, которыхъ у него было на 600 тыс. руб. Списокъ этихъ процентныхъ бумагъ и ихъ №№ хранился не только у него дома, въ письменномъ столѣ, но еще и въ банкѣ, гдѣ онѣ у него лежали. Время отъ времени онъ всѣ эти бумаги бралъ къ себѣ на домъ для того, чтобы на досугъ отрѣзать отъ нихъ купоны, и въ одинъ изъ такихъ періодовъ онъ скоропостижно умеръ.

Когда увѣдомленные объ его смерти наслѣдники пріѣхали въ его домъ, то въ его хранилищахъ они нашли не 600 тыс., какъ это значилось въ его спискахъ, а только 450 тыс.

Тогда же начались розыски остальныхъ 150 тыс., но эти розыски довольно долго оставались безъ результата, и уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя были задержаны лица, которыхъ Озеровъ ссужалъ крупными суммами, и только тогда Озеровъ

и былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности за кражу этихъ денегъ.

Тогда онъ сознался, что деньги эти укралъ не онъ, а экономка Доницъ, и что первоначально она хотѣла украсть всѣ 600 тыс., но онъ этому воспротивился, и тогда она, взявъ 150 тыс., дала ему изъ нихъ 65 тыс., а остальные 85 тыс. оставила себѣ, мотивируя это тѣмъ, что она барыня, и что потому ей и нужно больше.

Изъ своихъ денегъ онъ, Озеровъ, ссужалъ довольно крупными суммами своихъ пріятелей — торговцевъ Богачевыхъ, Есиповыхъ, Карпова, Степанова и Яковлева, а также платилъ крупныя суммы и мѣстному околоточному Рыбашевскому. Всѣ они хорошо знали, откуда у него эти деньги, и никому не приходило въ голову, что пользоваться этими деньгами предосудительно.

Что же касается Доницъ, то она во время этихъ розысковъ успѣшила найти себѣ жениха и, переправивъ свою метрику, по которой ей значилось 48 лѣтъ, на цифру 28 лѣтъ, вышла замужъ за кн. Енгальчева, польстившагося на ея деньги. Когда ее судили за этотъ подлогъ, защитникъ ея, прис. пов. В. В. Быховскій, превратилъ на судебномъ слѣдствіи и въ преніяхъ все это дѣло въ какой то забавный фарсъ. Улыбались не только присяжные засѣдатели, но и сами судьи и прокуроръ. Въ результатѣ молодая княгиня вышла, при общемъ смѣхѣ, изъ суда оправданной.

На этотъ разъ непосредственные участники этой кражи кн. Енгальчева, Озеровъ и его жена, а также околоточный Рыбашевскій были признаны виновными и приговорены: кн. Енгальчева къ ссылкѣ въ Олонецкую губернію, а мужчины въ арестантское отдѣленіе; изъ укрывателей же были признаны виновными только Богачевы, но и тѣ были приговорены на непродолжительный срокъ въ тюрьму.

Ни кражи, ни грабежи уже не возмущали нравственнаго чувства тѣхъ, кому приходилось судить лицъ, совершив-

шихъ эти преступленія, и въ этотъ періодъ нравственнаго оскудѣнія человѣчества тяжелая задача лежала на прокуратурѣ—доказывать всю неприглядность того, что многими въ душѣ уже одобрялось: благодаря общей разнузданности нравовъ, на мошенниковъ уже смотрѣли не какъ на преступниковъ, а какъ на смѣлыхъ ловкачей.

Не удивительно, что при пониженіи общественной нравственности неуваженіе къ личности другого во всѣхъ слояхъ общества выражалось еще ярче, чѣмъ неуваженіе къ чужой собственности.

Убийства становились довольно обычнымъ явленіемъ и уже не требовали особенно уважительныхъ поводовъ, а истязанія малолѣтнихъ доходили до Суда только тогда, когда они принимали такую ужасающую форму, что полицейскимъ, призваннымъ на мѣсто преступления, чтобы прекратить дикую расправу, иногда дѣлалось дурно при видѣ несчастнаго ребенка.

Такъ, на примѣръ, учительница музыки, получившая институтское образованіе, истязала свою 7-лѣтнюю дочку только за то, что она была незаконная, какъ-будто въ этомъ была виновата малютка, и истязала такъ, что околоточному сдѣлалось дурно при видѣ распятаго, уже потерявшаго сознаніе ребенка, на помощь къ которому онъ былъ призванъ пришедшими въ ужасъ сосѣдями. И оказалось, что эти мученія бѣдная дѣвочка претерпѣвала не день и не два, а болѣе двухъ лѣтъ. Не имѣя ни лѣтомъ, ни зимой другого платья, кромѣ ситцевой рваной юбки и такой-же рваной ситцевой кофточки на плечахъ, дѣвочка таскала изъ сарая дрова, топила печи, мыла полы, и, не получая за это ничего, кромѣ черствыхъ корокъ хлѣба, всегда голодная, она спала за печкой въ углу на грязномъ мѣшкѣ вмѣсто постели. А вдобавокъ за все и про все получала щипки и колотушки, не выходя изъ болячекъ и синяковъ.

Но и этого было мало: ея мучительница, уходя изъ дому

и боясь, что въ ея ребенкѣ приметъ кто-нибудь участіе, ставила дѣвочку на колѣни у рояля и для того, чтобы въ ея отсутствіе дѣвочка не могла отдохнуть, привязывала ее за руки къ ножкамъ рояля. Такимъ образомъ, дѣвочка, стоя на колѣнахъ, оказывалась распятою, и такъ какъ въ такомъ положеніи ей приходилось оставаться по семи и болѣе часовъ, пока ея мать ѣздила по урокамъ, то, наплакавшись и на-стонавшись вволю, она въ концѣ-концовъ теряла сознаніе.

Въ такомъ-то положеніи и засталъ околоточный дѣвочку, и, когда онъ пришелъ въ себя, ему большого труда стоило скрыть злодѣйку мать отъ разъяренной толпы фабричныхъ рабочихъ, собравшихся по случаю праздника въ томъ переулкѣ и при видѣ безчувственной дѣвочки желавшихъ расправиться съ злодѣйкою-матерью.

Но это былъ не исключительный случай истязанія ребенка,—истязали своихъ дѣтей матери въ угоду своимъ пьянымъ любовникамъ, истязали эти пьяные любовники дѣтей своихъ сожительницъ, тяготясь удѣлять имъ кусокъ хлѣба, истязали учениковъ ремесленники-хозяева, истязали и ремесленницы-хозяйки.

Такъ, одинъ изъ сапожниковъ истязалъ своего ученика только за то, что онъ заболѣлъ дизентеріей, да истязалъ такъ, что ребенокъ, отнятый у этого звѣря во время истязанія и отправленный въ больницу, тамъ въ эту-же ночь умеръ.

До какой степени общество уже равнодушно относилось къ тяжелому положенію дѣтей, можно привести массу примѣровъ. Отмѣчу наиболѣе яркій.

Въ одномъ изъ наиболѣе глухихъ переулковъ Лефортова городского въ холодный октябрьскій день былъ поднятъ въ безсознательномъ состояніи 5-лѣтній ребенокъ, едва прикрытый какими-то лохмотьями. Такъ какъ никто изъ окрестныхъ жителей не могъ сказать, что это за ребенокъ и откуда онъ взялся, то полиція отправила его въ больницу

св. Владимира, Тамъ сначала явилось предположеніе, что это тифозный, но когда его отогрѣли, обмыли и накормили, то оказалось, что ребенокъ лишился сознанія отъ голода и холода.

Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ было обнаружено, что ребенокъ этотъ, незаконный сынъ проститутки, остался послѣ смерти матери одного года и 8 мѣсяцевъ. На его несчастье, во время похоронъ матери ему сердобольные люди насовали въ подолъ нѣсколько мѣдныхъ грошей, осмыслить цѣнность которыхъ онъ по своему возрасту не умѣлъ. Но никому не пришло и въ голову пріютить этого малютку.

И вотъ нищимъ, находившимся на паперти во время этихъ похоронъ, пришла въ голову удивительная комбинація: каждый изъ нихъ старался къ вечеру залучить этого ребенка къ себѣ, давалъ ему у себя ночлегъ и кусокъ хлѣба, а все собранное имъ отбиралъ у него и на слѣдующее утро голоднаго выгонялъ на улицу, твердо внушивъ ему, чтобы онъ у всѣхъ встрѣчныхъ просилъ ѣсть. И такому крошкѣ милостыню копѣйками подавали,—это вѣдь не то, что позаботиться о безпризорномъ ребенкѣ,—и для нищихъ онъ сталъ представлять собою кладъ.

Наконецъ, одной старухѣ-нищенкѣ пришла мысль взять этого злосчастнаго ребенка себѣ, такъ сказать, въ полную собственность. Но ею въ данномъ случаѣ отнюдь не руководили филантропическія соображенія, а исключительно соображенія коммерческія.

Въ то время ребенку пошелъ уже третій годъ, и она, залучивъ его на нѣсколько дней къ себѣ и слегка его подкормивъ, сначала стала его таскать за собой, а затѣмъ, пріучивъ его къ мысли, что ночевать онъ долженъ приходить только къ ней, стала по утрамъ посылать его просить милостыню уже одного.

Вотъ тутъ-то и начались самыя ужасныя мученія ребенка. Если, возвращаясь къ старухѣ, онъ приносилъ меньше, чѣмъ

ей было нужно на водку, она нещадно его била и, не давая ему даже обычнаго куска хлѣба, продрогнаго и голоднаго, бросала въ уголъ на кучу грязныхъ тряпокъ, служившихъ ему постелью. И такое существованіе ребенокъ влачилъ цѣлые три года, пока, не обезсилѣвъ въ концѣ отъ хроническаго голоданія, не потерялъ на улицѣ сознанія.

Когда о судьбѣ этого ребенка стало извѣстно публикѣ, то нашлись добрыя души, которыя рѣшили о немъ позаботиться. Нѣсколько претендентовъ на него явилось еще въ больницѣ, и послѣдней оставалось только выбрать, гдѣ ему будетъ лучше. Къ сожалѣнію, ребенку не была суждена удача. Больница отдала его самой богатой и знатной претенденткѣ, но тамъ дальше кухни ребенокъ не попалъ и, отданный на попеченіе многолюдной дворни, сдѣлался мишенью для всѣхъ, кому было нужно сорвать свое зло на другомъ. Обидчиковъ было много, а пожалѣть сироту было некому.

Неизбѣжный конецъ не заставилъ себя ждать: не прошло и девяти лѣтъ, какъ окончательно озлобленный и затравленный мальчикъ совершилъ какую-то мелкую кражу и побѣдоносно былъ приведенъ къ мировому судѣ.

Къ счастью для общества, должность мирового судьи обставлена такъ, что къ ней совершенно закрытъ доступъ и для любостяжателей и для карьеристовъ. Тутъ нѣтъ ни повышеній, ни значительныхъ окладовъ, и такимъ образомъ къ занятію этихъ должностей стремятся только тѣ идеалисты, которые находятъ нравственное удовлетвореніе въ томъ, чтобы всю правду, которая живетъ въ ихъ душѣ, привить той невѣжественной средѣ, которая наиболѣе въ этомъ нуждается.

И мировой судья, къ которому привели этого мальчика, понявъ своимъ чуткимъ сердцемъ, что нельзя вернуть мальчика въ ту кухню, которая довела его до преступленія, предпочелъ отдать его въ исправительный пріютъ.

И если уже никому не было нужно притти на помощь такому безродному ребенку, то какой-же защиты могли ожидать тѣ, у кого были и родители, и естественные покровители?

И когда дѣла объ истязаніяхъ дѣтей доходили до Суда, красочны и проникновенны были рѣчи представителей обви-

И. М. Золотаревъ.

ненія,—П. Г. Курлова и назначеннаго въ тотъ годъ товарищемъ прокурора И. М. Золотарева и только начинавшаго въ тотъ годъ свою карьеру и исполнявшаго обязанности товарища прокурора Н. Н. Чебышева, страстно призывавшихъ судей совѣсти къ защитѣ тѣхъ, для кого не находилось милосердія въ озвѣрѣвшихъ душахъ ихъ родителей.

Въ такихъ дѣлахъ добиться какого-нибудь снисхожденія была безсильна защита,—приговоры получались суровые и такіе-же беспощадные, какими были и обвиняемые по отношенію къ своимъ жертвамъ.

Въ лучшихъ случаяхъ такіе истязатели шли въ ссылку и въ арестантское отдѣленіе, въ худшихъ—когда несчастныя жертвы погибали—въ долгосрочную каторгу.

А. Н. Марковъ.

В. П. Преображенскій.

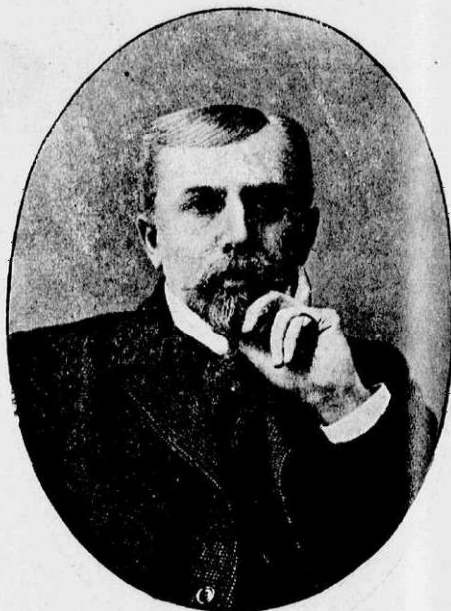
Несравненно лучше было положеніе защиты въ дѣлахъ объ убійствахъ.

Въ это время среди уголовныхъ защитниковъ уже заняли видное мѣсто В. А. Маклаковъ, Н. В. Тесленко, П. Н. Малянтовичъ и Н. К. Муравьевъ, а изъ молодежи, посвятившей свои силы гражданскимъ дѣламъ, съ одной стороны, твердое

положеніе заняли все помощники Н. П. Шубинского, которых онъ не только умѣлъ научить добросовѣстно работать, но, прежде чѣмъ они дѣлались самостоятельными работниками, создавалъ имъ и практику, заручившись которой, они уже имѣли возможность быть разборчивыми въ выборѣ дѣлъ и не имѣли нужды хвататься за все, что попадало

А. Б. Розенблюмъ.

Е. З. Маттернъ.

подъ руку и могли требовать такое вознагражденіе, которое въ дѣйствительности соответствовало затрачиваемому ими труду. Изъ нихъ почетное мѣсто въ сословіи заняли любимые товарищами и уважаемые кліентами А. Н. Марковъ и В. П. Преображенскій. Къ этому-же типу среднихъ адвокатовъ принадлежали и начавшій въ то время работать А. Б. Розенблюмъ, сначала очень успѣшно подвизавшійся на аре-

Я. И. Лисицынъ.

С. А. Левицкій.

Ф. К. Веберъ.

Л. С. Бискъ.

нѣ уголовного Суда, а затѣмъ заручившійся хорошею практикою и довѣріемъ кліентовъ, и всегда корректный, превосходно воспитанный Е. Э. Маттернъ, приобрѣвшій хорошую гражданскую практику.

А съ другой стороны, выдвинулись тѣ, которые среди товарищей отличались наибольшею порядочностью, какъ, напримѣръ С. А. Левицкій, Л. С. Бискъ, а нѣсколько позже—О. К. Веберъ и Я. И. Лисицынъ.

Къ этому-же приблизительно времени относится вновь усвоенная представителями адвокатуры манера раздувать уголовные процессы.

Прежде всего такимъ образомъ было раздуто дѣло мултанскихъ вотяковъ, цѣлое село которыхъ обвинялось въ принесеніи человѣческой жертвы.

Въ сущности-же это дѣло, дѣйствительно страшное, было какъ нельзя болѣе просто. Язычники-вотяки, заселяющіе вятскія лѣсныя дебри, и принявъ православіе, о которомъ имѣли самое смутное понятіе, продолжали совершать свои языческіе обряды, въ числѣ которыхъ было и жертвоприношеніе двурукаго, кровь котораго была нужна для совершенія нѣкоторыхъ обрядовъ.

Но однажды, совершивъ этотъ обрядъ, они оплошали и не позаботились подальше убрать трупъ убитаго нищаго, а бросили его на проселочной дорогѣ, гдѣ на него и наткнулось случайно ѣхавшее начальство, которое и возбудило по этому поводу дѣло.

Что можно было по такому дѣлу требовать отъ обвиняемыхъ? Виноваты-ли они были въ томъ, что на ихъ долю не нашлось ни церкви, ни школы, которыя хоть до нѣкоторой степени могли бы ихъ просвѣтить?

И что на этихъ дикарей не поднимется рука ни коронныхъ, ни судей совѣсти—въ этомъ, конечно, не сомнѣвались ни извѣстный писатель В. Г. Короленко, ни присяжный повѣренный Н. П. Карабчевскій, ни другіе представители

адвокатуры, ѣхавшіе ихъ защищать въ Мамадышъ. И въ данномъ случаѣ шумиха, поднятая вокругъ этого дѣла въ газетахъ, имѣла исключительно тотъ смыслъ, чтобы напомнить, что необходимо сдѣлать что-нибудь и для этого заботаго и Богомъ и людьми края.

Такъ и смотрѣла на это читающая публика, и, конечно, такъ же смотрѣлъ В. Г. Короленко, но нѣчто иное усмотрѣли во всемъ этомъ адвокаты. Имъ больше всего этотъ трезвонъ понравился, какъ великолѣпная реклама; въ этомъ отношеніи и было рѣшено этотъ методъ использовать.

Методъ раздуванія дѣлъ сталъ примѣняться адвокатами къ дѣламъ, не имѣющимъ того общественнаго значенія, какое имѣло дѣло вотяковъ.

Въ основѣ такого метода лежало, съ одной стороны, желаніе создать рекламу защитникамъ, имѣющимъ выступать по тому или другому дѣлу, а съ другой стороны—желаніе затемнить, насколько возможно, особенно гнусныя подробности дѣла и обѣлить личность обвиняемаго съ цѣлью добиться оправдательнаго вердикта, причемъ не брезговали ни ложью, ни завѣдомо тенденціознымъ освѣщеніемъ совершившихся фактовъ.

Такой характеръ носила шумиха, поднятая вокругъ дѣла Тальма, судившагося въ Пензѣ, гдѣ дѣло доходило до того, что послѣ его обвиненія являлись и человѣкъ, бравшій это убійство на себя, и лица, винившіяся въ укрывательствѣ какъ преступленія, такъ и этого новоявленного преступника.

Но этотъ номеръ такъ, какъ онъ былъ задуманъ, не прошелъ, и присяжные засѣдатели, понявъ своимъ здравымъ смысломъ, что эти вновь отыскавшіеся преступники заинтересованы въ обвиненіи, доставили имъ это удовольствіе, признавъ ихъ сообщниками и укрывателями все того-же Тальма.

Такимъ образомъ, на этотъ разъ вся эта шумиха пропала даромъ, но зато другой результатъ получился по дѣлу

Скитскихъ, сначала обвинявшихся въ Полтавѣ, затѣмъ въ Харьковѣ и, наконецъ, снова въ Полтавѣ.

Братья Скитскіе служили въ полтавской духовной консисторіи, причемъ старшій изъ нихъ при прежнемъ секретарѣ являлся вершителемъ всѣхъ консисторскихъ дѣлъ, а съ появленіемъ молодого, образованнаго и энергичнаго секретаря Комарова, желавшаго покончить со старыми консисторскими порядками и введяшаго новшества, этотъ Скитскій отъ вмѣшательства во всѣ консисторскія дѣла былъ устраненъ. Тогда братья, питая къ этому Комарову злобу, убили его въ лѣсу, которымъ онъ ежедневно проходилъ къ себѣ на дачу.

Дѣло это, на первый взглядъ, тоже несложное, тѣмъ болѣе что улики противъ Скитскихъ были подавляющія, страшно однако осложнялось тѣмъ, что въ этомъ убійствѣ Комарова были заинтересованы не одни Скитскіе, и всѣ тѣ, кто былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы затхлые дореформенные консисторскіе порядки продолжали, по крайней мѣрѣ, въ Полтавской губерніи, свое безпечальное существованіе, а новшества были сметены со стараго пути, какъ неудобныя и обременительныя для непривыкшихъ къ свѣту старыхъ служаекъ.

Вотъ ввиду этого вокругъ дѣла Скитскихъ и создавалась та тяжелая, затхлая атмосфера, въ которой нестерпимо отдавало и подкупами, и подговоромъ нужныхъ свидѣтелей,— словомъ, всѣми тѣми дореформенными приемами, которые практиковались въ былыя времена былыми дѣятелями, старательно замазывавшими всякую щелочку липкой грязью, чтобы не пропустить въ дѣло ни малѣйшаго луча свѣта, и затѣмъ уже представлявшими его въ томъ освѣщеніи, которое было для нихъ удобнѣе.

И чѣмъ дальше двигалось по этому дѣлу слѣдствіе, при которомъ повѣреннымъ бр. Скитскихъ явился мѣстный частный повѣренный Зеленскій, тѣмъ энергичнѣе выступали на

свѣтъ все новыя и новыя подробности, до такой степени затемнившія дѣло, что разобраться въ этихъ наслоеніяхъ уже не стало никакой возможности.

А защитникамъ это, конечно, было на руку, и они, предвкушая въ будущемъ огромную сенсацію, которая могла создать для нихъ блестящій ореолъ славы, спѣшили освѣдомлять обо всѣхъ перипетіяхъ этого затемненнаго дѣла живущія сенсацией газеты, которыя, съ своей стороны, изъ кожи лѣзли вонъ, чтобы раздуть это дѣло, въ которомъ хотѣли видѣть даже и какую то политическую подкладку, ибо, де, убитый Комаровъ боролся въ Полтавѣ съ украинофильствомъ, раздражалъ своимъ крайнимъ направленіемъ мѣстныхъ радикаловъ и т. п. Къ слову сказать, все это, какъ выяснило судебное слѣдствіе, оказалось чистѣйшей выдумкой.

Впервые дѣло это слушалось кievскою Судебною Палатою въ Полтавѣ, и здѣсь на каждого свидѣтеля обвиненія приходилось по десятку свидѣтелей, устанавливавшихъ алиби Скитскихъ, и, хотя мѣсто ихъ нахождения въ часъ совершенія убійства устанавливалось въ самыхъ отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ города, Палатѣ все-таки пришлось считаться съ этими данными подъ присягой показаніями свидѣтелей, и на этотъ разъ кievская Судебная Палата вынесла обоимъ братьямъ оправдательный приговоръ.

Можно себѣ представить ликованіе и защитниковъ, имена которыхъ теперь превозносились, и тѣхъ, кому это оправданіе было нужно, и той гонящейся за сенсацией части прессы, которая во всякомъ судебномъ приговорѣ готова видѣть судебную ошибку.

Это ликованіе длилось, однако, недолго. По протесту прокурора этотъ приговоръ кievской Палаты не только былъ отмѣненъ, но и самое дѣло было направлено къ дослѣдованію и для новаго разсмотрѣнія было передано въ харьковскую Судебную Палату.

Теперь вокругъ этого дѣла поднялся еще болѣе яростный вой о возможности судебной ошибки въ будущемъ, а изъ-подъ полы въ то-же время выпускались завѣдомо ложные слухи о томъ, что дѣйствительный убійца уже задержанъ, причемъ дѣлались довольно прозрачныя намеки на то, что это убійство совершено на почвѣ семейной неурядицы, не останавливались даже передъ грязнѣйшею клеветой противъ вдовы покойнаго Комарова. Послѣдняя была вынуждена вступить въ дѣло, уже на третьемъ разбирательствѣ, въ качествѣ гражданской истицы, чтобы защитить свое доброе имя. Защиту эту она, какъ говорили, по указанію принимавшаго большое участіе въ ней и въ ея семьѣ московскаго митрополита Леонтія, ввѣрила пользовавшемуся въ то время уже широкою извѣстностью и въ провинціи московскому присяжному повѣренному В. В. Быховскому, проявившему самымъ согласіемъ выступить въ такомъ дѣлѣ хотя бы косвенно противникомъ защиты большое личное и профессиональное мужество и съ честью выполнившему свою задачу, заставивъ защитниковъ Скитскихъ, во главѣ съ Н. П. Карабчевскимъ, торжественно заявить, что имя несчастной вдовы Комарова совершенно напрасно и прямо клеветнически было пристегнуто къ этому злополучному дѣлу.

Но какъ бы то ни было, при вторичномъ разсмотрѣніи этого дѣла харьковскою Судебною Палатою въ Харьковѣ, послѣдняя остановилась на безпристрастномъ показаніи полтавскаго епископа Иллариона, свидѣтельствовавшаго о томъ, что Степанъ Скитскій, устраненный Комаровымъ отъ всякаго вліянія на производство консисторскихъ дѣлъ, питалъ къ Комарову такую злобу, что, когда онъ посовѣтовалъ ему перестать ссориться съ Комаровымъ и попросить у него извиненія, Скитскій чистосердечно ему заявилъ, что это выше его силъ.

Этотъ-же свидѣтель долго и подробно рассказывалъ о томъ, какой архаическій порядокъ существовалъ въ дѣло-

производствѣ полтавской консисторіи, и сколько силъ и труда положилъ молодой и увлекающійся Комаровъ, чтобы пролить лучъ свѣта въ это темное царство, и закончилъ свое показаніе предположеніемъ, что въ концѣ-концовъ Комаровъ палъ жертвою темныхъ силъ, которымъ не по вкусу приходились вводимыя имъ реформы.

А въ связи съ этимъ показаніемъ особенно существеннымъ являлось и показаніе одной дачницы той-же мѣстности, гдѣ жилъ и Комаровъ, мужъ которой приходилъ къ обѣду одновременно съ Комаровымъ. Она, по обыкновенію, въ день убійства вышла на террасу посмотрѣть, не идетъ-ли ея мужъ, и увидала приближавшихся къ мѣсту убійства двухъ мужчинъ. Желая получше ихъ разглядѣть, она велѣла принести себѣ бинокль, въ который отчетливо и разглядѣла, что одинъ изъ нихъ былъ въ чесучевой парѣ, а другой—въ чемъ-то темномъ.

Какую-же цѣну послѣ этого могли имѣть свидѣтельства лицъ, устанавливавшихъ alibi Скитскихъ и притомъ въ совершенно разныхъ пунктахъ города?

Такъ харьковская Палата и отнеслась къ дѣлу Скитскихъ и, признавъ обоихъ братьевъ виновными, приговорила ихъ къ ссылкѣ въ каторжную работу каждаго на 12 лѣтъ.

Этотъ приговоръ вызвалъ такой гвалтъ и въ прессѣ, и среди тѣхъ, кто былъ заинтересованъ въ оправданіи Скитскихъ, что со стороны могло показаться, что люди осуждены въ каторгу безъ всякихъ уликъ. И когда, въ концѣ-концовъ, и этотъ второй приговоръ былъ Сенатомъ кассированъ, то тутъ защитой уже къ общему гвалту была приобщена и наиболѣе наивная публика.

Стоило защитникамъ опубликовать пять-шесть поздравительныхъ писемъ по поводу этой кассации отъ лицъ, заинтересованныхъ въ оправданіи Скитскихъ, какъ тотчасъ-же нашлись сотни полтавскихъ простаковъ, которые послѣ-

шили извѣстить защитниковъ, что и они тоже радуются этой кассациі приговора.

Сами-то защитники, конечно, понимали, что это обычное подражаніе толпы, которая сама ни до чего додуматься не умѣетъ, и потому спѣшить примазаться къ тому, что ей представляется эффектнымъ, но о томъ, что они сами думаютъ,—объ этомъ защитники умалчивали, а, наоборотъ, спѣшили сообщить имена лицъ, выразившихъ имъ сочувствіе, стараясь этимъ способомъ внушить Палатѣ, имѣющей въ будущемъ снова разсматривать это дѣло, какой приговоръ болѣе желателенъ обществу.

Магистратура, конечно, съ этимъ никогда не считалась, но это ни мало не мѣшало защитѣ увѣрять болѣе простодушную публику, что все это очень важно для Суда, а отнюдь не для того, чтобы рекламировать ихъ собственные имена.

И надо отдать въ этомъ отношеніи справедливость князю А. И. Урусову. Какъ человѣкъ умный, онъ всегда открыто признавалъ, что для адвоката, какъ и для артиста, необходима непрерывная реклама, что стоитъ ему не напоминать о себѣ полгода, чтобы его имя было предано забвенію. Другіе-же эту свою погоню за рекламой всячески скрывали, стараясь обыкновенно ее прикрыть соображеніями болѣе высшаго порядка.

Итакъ, дѣлу Скитскихъ было суждено слушаться въ третій разъ. Дѣло было передано опять въ кievскую Судебную Палату, хотя въ другой департаментъ. Разбиралось оно на этотъ разъ въ Полтавѣ, длилось десять дней. Велось оно надо сказать правду, какъ-то явно въ ожиданіи оправдательнаго приговора. Словно всѣмъ надоѣла до смерти эта неистовая шумиха, поднятая вокругъ этого гнуснаго дѣла, и рѣшено было просто на просто прекратить ее, хотя бы путемъ оправдательнаго приговора. И въ концѣ-концовъ послѣ утомительнѣйшей процедуры и явно напрасныхъ преній, получился этотъ, видимо предрѣшенный, оправдатель-

ный приговоръ, долго сопровождавшійся самыми шумными ликованіями наивной, сильно подогрѣтой толпы, одураченной ловкими дѣльцами.

Еще большею шумихой было обставлено дѣло бухгалтера Сѣвернаго страхового общества Арбатскаго, слушавшееся въ Москвѣ и въ сущности совершенно заурядное.

Человѣкъ, прослуживъ въ обществѣ 12 лѣтъ и имѣя доступъ къ общественнымъ деньгамъ, не утерпѣлъ и, соблазнившись, сталъ проживать чужія деньги, и въ концѣ-концовъ растрата его достигла такой суммы, скрыть которую уже было нельзя.

Тогда, отказавшись отъ службы, онъ вырвалъ изъ главной книги листы, по которымъ его растрату можно было установить, а самую книгу такъ забросилъ, что найдена она была только случайно.

Когда-же правленіе, обнаруживъ эту растрату и принимая во вниманіе долготѣнную службу Арбатскаго, рѣшило было уголовнаго преслѣдованія противъ него не возбуждать, у него еще хватило дерзости требовать отъ правленія свидѣтельства объ его службѣ. И когда въ выдачѣ этого свидѣтельства ему было отказано, онъ сталъ требовать его судомъ.

Возмущенное такою его дерзостью, правленіе общества рѣшило, наконецъ, преслѣдовать его за совершеніе растраты уголовнымъ порядкомъ, и при разслѣдованіи этого дѣла оказалось, что общественныя суммы расхищали, кромѣ Арбатскаго, и кассиръ Журавлевъ, и еще два агента того-же общества: Сѣткинъ и Макаровъ-Землянской.

И вотъ, въ концѣ-концовъ, когда это дѣло дошло до суда, то оно уже приняло такіе грандіозные размѣры, что предѣдательствовать по этому дѣлу рѣшился самъ предсѣдатель Суда Н. В. Давыдовъ, а обвиненіе сталъ поддерживать прокуроръ Суда А. А. Макаровъ.

Но защита озаботилась и на этотъ разъ, пропуская въ надку до сенсациі печати такіе слухи, которые, набрасы-

вая тѣнь на дѣятельность самого общества, обѣляли тѣхъ, кто его разграбилъ. Этой-же тактики защита держалась и на судѣ, ставя въ укоръ правленію общества то обстоятельство, что первоначально оно хотѣло простить Арбатскому его растрату, и прозрачно намекая на то, что такое великодушіе правленія было не проста, и что тутъ могли быть и какія-нибудь болѣе реальныя соображенія.

И такой туманной инсинуаціи оказалось вполнѣ достаточно, чтобы заронить въ души судей тѣнь сомнѣнія, и такъ какъ хищники уже не возбуждали къ себѣ презрѣнія большинства, то одинъ за другимъ они и выходили изъ суда оправданными.

Оправданъ былъ и Арбатскій, и это дало ему возможность уже судебнымъ порядкомъ истребовать отъ правленія общества свидѣтельство о службѣ.

Такимъ образомъ, на уваженіи къ чужой собственности ставился крестъ, и не удивительно, что десять лѣтъ спустя это легкомысленное отношеніе къ чужому добру породило убѣжденных экспроприаторовъ.

Въ послѣдніе годы истекшаго столѣтія, какъ я уже говорила раньше, во всѣхъ сферахъ судебной жизни шло усиленное передвиженіе: старые дѣятели уходили и отъ дѣлъ, и изъ жизни; замѣщало ихъ молодое поколѣніе, выдвигая изъ своей среды новые таланты.

Судъ уголовный являлъ собою кровавую панораму всевозможныхъ убійствъ, Судъ гражданскій — хотя и не кровавую, но не менѣе яркую панораму самыхъ беззащитныхъ набѣговъ на чужое достояніе. И было надъ чѣмъ поработать молодежи, надъ чѣмъ проявить свои таланты.

Рѣчи выдвигавшихся молодыхъ обвинителей такъ-же, какъ и рѣчи наиболѣе талантливыхъ защитниковъ, напрягали общественную мысль, будили дремлющее сознаніе обывателей, заставляя ихъ задумываться надъ особенно нежела-

тельными проявленіями текущей жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ трепали и нервы тѣхъ, кто трусливо ждалъ всякихъ обновленій свыше, самъ не считая нужнымъ ударить хотя бы пальцемъ о палецъ для того, чтобы очеловѣчить все болѣе и болѣе звѣрѣющіе нравы.

И чѣмъ некультурнѣе была среда, тѣмъ свирѣпѣе были проявленія ея нравовъ.

Такъ, уже видные теперь адвокаты, П. Н. Малянтовичъ и Н. В. Тесленко, въ началѣ своей дѣятельности выступили по дѣламъ мужеубійцъ. Преступленія, казалось бы, страшныя, но и обстановка, при которыхъ дѣйствовали эти женщины, была такъ ужасна, что у судей не хватило силы под-
нять на нихъ руку.

Особенно въ этомъ отношеніи ужасна была судьба Никитиной, которую защищалъ П. Н. Малянтовичъ. Обвинялась она въ томъ, что однажды, когда ея пьяный мужъ спалъ за перегородкой, а она, сидя подъ окошкомъ въ ожиданіи его страшнаго для нея пробужденія, съ горечью перебирала въ своемъ умѣ каждый моментъ своего съ нимъ сожителства, ею овладѣло такое отчаяніе, что она достала съ печки тонкую бичевку, вошла въ комнату, гдѣ спалъ ея мужъ, и удавила соннаго мужа.

Конечно, это было страшно, но еще страшнѣе было существованіе этой женщины. Она втеченіе своей брачной жизни семь или девять разъ ждала материнства. Но чаще мужъ сапогами выколачивалъ изъ нея ребенка, прежде чѣмъ тотъ успѣвалъ родиться, а если который и успѣвалъ появиться на свѣтъ Божій, то долго прожить ему у чадолюбиваго отца не удавалось, такъ какъ, колотя жену, онъ вмѣстѣ съ нею колотилъ и новорожденнаго ребенка. А тотъ такого суроваго режима не выносилъ и спѣшилъ поскорѣе убраться къ праотцамъ.

Наконецъ, одинъ изъ этихъ дѣтей у несчастной женщины выжилъ, но какъ онъ выжилъ — страшно подумать. Од-

нажды, когда ему было мѣсяцевъ восемь, пьяный отецъ схватилъ его за ноги и всѣмъ тѣломъ ударилъ о печку.

Этотъ ударъ вызвалъ у ребенка полный параличъ спинного мозга, и онъ, хотя и продолжалъ жить, требуя отъ матери непосильной заботы, но никакой надежды на то, что этотъ ребенокъ, лежавшій неподвижно, какъ пласть, получить способность двигаться, для несчастной женщины не осталось.

Она готова была все вынести, лишь бы онъ жилъ, а у мужа хватало звѣрства обрушиваться и на этого злосчастнаго калѣку, въ парализованномъ тѣлѣ котораго чуть-чуть только тлѣла искра жизни. И чтобы избавить несчастнаго ребенка отъ дальнѣйшихъ покушеній пьянаго изверга, она и рѣшила уничтожить этого злодѣя.

И такъ правдиво, такъ искренно рассказала эту печальную повѣсть своего замужества несчастная женщина, принесшая съ собою въ Судъ на рукахъ свое распластанное дитя, что усомниться въ ея правдивости не было возможности.

Понятно, что такое дѣло давало блестящую канву для рѣчи защитника, и она дѣйствительно была прекрасна, такъ какъ талантливый адвокатъ всесторонне использовалъ всѣ обстоятельства дѣла. А впечатлѣнiе отъ нея было тѣмъ сильнѣй, что и симпатiи всѣхъ слушателей были всецѣло на сторонѣ подсудимой.

Съ этого дѣла карьера П. Н. Малянтовича была уже обезпечена.

Одновременно съ нимъ выдвинулся и Н. В. Тесленко. Онъ защищалъ женщину, обвинявшуюся въ томъ, что она знала, что ея сожигатель убилъ ея мужа, и объ этомъ не донесла; самое убійство было въ высшей степени безцѣльно, такъ какъ убитый зналъ объ ея связи и противъ этого не протестовалъ.

И въ данномъ случаѣ почва для защиты была такъ-же благодарна, какъ и по дѣлу Никитиной, хотя и не носила

такого трагическаго характера. И тутъ женщина оставалась безответнѣйшею рабынею своего владыки, и тутъ ей и въ голову не приходило, что она можетъ и должна протестовать противъ его дикаго и безцѣльнаго самодурства.

Что женщина, особенно въ низшихъ слояхъ русскаго общества, оставалась еще безправнѣйшею рабою и въ концѣ прошлаго столѣтiя, какъ была ею и два вѣка назадъ, это какъ нельзя болѣе подтверждается всѣми тѣми дѣлами, которыя въ то время всплывали повсемѣстно.

Такъ, въ Александровѣ владимірскимъ Судомъ судилась теща, сознательно испекшая для своего зятя лепешку, обильно сдобреную мышьякомъ. Ему сдѣлалось дурно, едва онъ проглотилъ первый кусочекъ лепешки, а пока домашнiе его отпаивали, его семилѣтняя сестренка, воспользовавшись общео суматохою, ту лепешку съѣла и часть спустя умерла.

Старуха, изготовившая эту лепешку, очень жалѣла погибшую дѣвочку, но еще больше жалѣла, что зять-то ея эту лепешку не доѣлъ. И когда она за это свое кулинарное произведенiе предстала передъ судомъ, обвиняемая въ убійствѣ, она просто и безъ всякой аффектаціи заявила, что имѣла твердое намѣренiе да имѣла по совѣсти и право отравить своего зятя, такъ какъ онъ, женившись на ея дочери два года тому назадъ, всѣ эти два года ежедневно ее билъ, и билъ не за то, что она осмѣливалась глядѣть на другихъ, а за то, что другiе засматривались на красавицу, ни на кого не смѣвшую поднимать глазъ.

Материнское чувство не могло долѣе терпѣть, и старуха рѣшила изверга этого отравить. А этотъ извергъ, явившійся въ качествѣ потерпѣвшаго въ судъ, чтобы обвинять покусившуюся на его драгоценную жизнь старуху, еще имѣлъ наглость заявить передъ судомъ:

— Ну, что-жъ, что я каждый день билъ жену, не по десяти-же разъ въ день я ее билъ.

И вотъ тутъ мнѣ случилось увидать то, чего не приходилось видѣть ни разу въ Судѣ ни прежде, ни потомъ. Когда председатель, сказавъ резюме, подалъ присяжнымъ засѣдателямъ вопросный листъ, они, несмотря на то, что среди нихъ большая половина была деревенскихъ крестьянъ, какъ одинъ человекъ поднялись со своихъ мѣстъ и торжественно произнесли: „нѣтъ, не виновна!“

При болѣе торжественномъ моментѣ мнѣ никогда въ жизни не случалось присутствовать. Люди чувствовали, что они творятъ судъ именемъ Божиимъ и считали себя обязанными сотворить его по-божески.

На обвиняемую этотъ моментъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Все время угрюмо и строго отстаивавшая передъ Судомъ свое право вступить за свое дитя, она поверглась во прахъ передъ прозвучавшимъ надъ ея головой словомъ милосердія и, беззвучно шепча слова молитвы, со слезами обратилась къ потерпѣвшему:

— Прости и ты, Макарычъ, мнѣ мое злодѣйство, а только доченьку я свою къ тебѣ больше не отпущу.

Произвело это впечатлѣніе и на потерпѣвшаго. Куда дѣвался его наглый, фабричный видъ. Весь съежившись, какъ отъ удара хлыстомъ, онъ сконфуженно пробормоталъ тещѣ: „Богъ тебя проститъ, матушка“,—и, не поднимая глазъ на окружающихъ, какъ-то бочкомъ пробрался къ выходу и поспѣшилъ скрыться.

Даже Судъ, ошеломленный непривычнымъ впечатлѣніемъ, не сразу пришелъ въ себя и только нѣсколько минутъ спустя сталъ убѣждать присяжныхъ засѣдателей войти въ свою комнату хотя бы для того, чтобы подписать вопросный листъ.

Но присяжные стояли на томъ, что подписать листъ ихъ старшина можетъ и здѣсь, а имъ совѣщаться уже незначѣмъ, потому что самъ Богъ внушилъ имъ такъ поступить.

Въ концѣ-концовъ, они, конечно, подчинились и продѣлали все то, чего требовала форма, но дѣйствительный судъ ими былъ произведенъ раньше.

Еще болѣе тяжелый случай женскаго рабства въ тотъ-же періодъ времени мнѣ случилось встрѣтить въ орловскомъ Окружномъ Судѣ. Тамъ судился шахтеръ за причиненіе женѣ неизгладимаго поврежденія. Ревнуя ко всѣмъ свою красавицу-жену, онъ для того, чтобы она не видѣла, кто изъ мужчинъ на нее засматривается, насыпалъ ей сонной въ глаза мышьяковистой кислоты и, зажавъ ей рукой глаза, держалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока оба ея глаза не вытекли.

И совершивъ это гнусное злодѣйство, онъ, видимо, считалъ, что былъ въ правѣ это сдѣлать, такъ какъ не хотѣлъ, чтобы жена видѣла, „кто нялитъ на нее глаза“.

Конечно, дѣла этого рода давали обильный матеріалъ для защиты.

Всѣ эти дѣла имѣли мѣсто въ послѣднее пятилѣтіе истекшаго столѣтія. Конечно, объ эмансипаціи русской женщины тутъ говорить уже не приходится. Этотъ вопросъ хотя и вошелъ въ жизнь въ началѣ 60-хъ годовъ, но, благодаря полному отсутствію для женщинъ профессиональных школъ, которыя однѣ только и могли бы дать женщинамъ извѣстную самостоятельность, онъ двигался такимъ черепашинымъ шагомъ, что говорить о томъ, когда эта эмансипація распространится и на простую крестьянскую женщину, болѣе чѣмъ преждевременно.

Конецъ истекшаго вѣка унесъ съ собою массу выдающихся дѣятелей изъ всѣхъ сферъ общественной жизни, но особенно не посчастливилось въ этомъ отношеніи адвокатурѣ.

Если изъ литературныхъ дѣятелей уходили такіе идеальные и талантливые люди, какъ Шеллеръ и Я. П. Полонскій, которыхъ цѣнила и оплакивала, какъ любимѣйшихъ художниковъ слова, вся интеллигентная Россія, и Г. П. Смирновъ-Платоновъ, идеальнѣйшій изъ литераторовъ-фи-

лантроповъ, горько оплаканный всею московскою бѣднотой, то съ этою утратой до извѣстной степени все-таки примирила ихъ глубокая старость.

Точно такъ-же приходилось мириться съ уходомъ изъ жизни и такихъ свѣтлыхъ фигуръ магистратуры, какъ А. И. Вицинъ, около полвѣка своей жизни посвятившій судебной дѣятельности, и М. Н. Лопатинъ, служебный 50-лѣтній юбилей котораго былъ торжественно отпразднованъ за два года до его смерти.

Болѣе горькою въ этомъ отношеніи являлась скоропостижная смерть такого могучаго таланта, какимъ являлся А. А. Югансонъ, и такой свѣтлой и симпатичной личности, какъ Ф. П. Ивковъ, скончавшихся въ то время, когда еще оба они были въ полномъ расцвѣтѣ своихъ духовныхъ силъ.

Что касается представителей адвокатуры, то подъ суровымъ натискомъ непрерывныхъ и самыхъ тяжелыхъ переживаній, выпадавшихъ на ихъ долю и безпощадно трепавшихъ ихъ нервы, они изживались и гибли, едва перешагнувъ въ тотъ зрѣлый возрастъ, въ которомъ люди, ведущіе болѣе покойный образъ жизни, еще неохотно мирятся съ уходомъ молодости и наступленіемъ старости.

Первымъ изъ адвокатовъ-корифеевъ погибъ И. С. Куриловъ. Его смерть была однако не обычна. По просьбѣ Е. Р. Ринка онъ поѣхалъ въ Кокандъ защищать нѣсколько человѣкъ сартовъ, которыхъ русскимъ торговцамъ, только что начинавшимъ тамъ свою торговую дѣятельность, удалось впутать въ какое-то темное дѣло по векселямъ.

Дикари-сарты сами ни въ какихъ навязанныхъ имъ документахъ разобраться не умѣли, и такъ какъ имъ за это грозили уголовною отвѣтственностью, то они и обратились къ Е. Р. Ринку съ просьбой порекомендовать имъ такого адвоката, который ихъ не обманетъ и не продастъ.

Какъ на самого чистаго и безупречнаго члена этой кор-

пораціи имъ и указалъ Е. Р. Ринкъ на И. С. Курилова, относительно котораго двухъ мнѣній и не могло быть.

И. С. Куриловъ согласился взять на себя это дѣло и поѣхалъ изучать его на мѣстѣ.

Вотъ тутъ-то и случилось нѣчто невѣроятное. Разбираясь въ этомъ дѣлѣ въ Кокандѣ, И. С. Курловъ, едва перешагнувшій за 40-лѣтній возрастъ человѣкъ, пока-что страдавшій только нервами, вдругъ скоростижно умеръ.

Сарты настойчиво утверждали, что онъ отравленъ, вслѣдствіи чего его пришлось вскрыть, но въ его организмѣ ничего кромѣ паралича сердца, обнаружено не было, и онъ былъ преданъ землѣ.

Это однако не убѣдило сартовъ, и они продолжали настаивать, что ихъ страна обладаетъ массою такихъ ядовъ. присутствія которыхъ въ организмѣ найти нельзя. Между тѣмъ никакихъ другихъ доказательствъ того, что смерть эта произошла не естественно, на-лицо не было, и вопросъ о ней пришлось оставить открытымъ до Суда Божія.

Сартамъ-же пришлось обратиться къ другому адвокату, и это ихъ дѣло уже провелъ другой, довольно видный въ то время, московскій адвокатъ, П. Ф. Наумовъ.

Вскорѣ, вслѣдъ за Куриловымъ, не стало и кн. А. И. Урусова, а затѣмъ и В. М. Пржевальскаго, едва перешагнувшаго за 50-лѣтній возрастъ.

Такимъ образомъ изъ адвокатовъ-корифеевъ истекшаго вѣка въ новомъ столѣтіи оказались только двое Ѳ. Н. Плевако и Н. П. Шубинской, которымъ и пришлось стать во главѣ той наиболѣе талантливой молодежи, которая уже энергично завоевывала будущее.

Правда, та этика, которую уже успѣла усвоить себѣ молодежь, не особенно пришлась по душѣ Н. П. Шубинскому, и онъ, относясь къ ней критически, сторонился отъ всякаго сближенія съ этой молодежью.

Плевако-же, наоборотъ, съ любовью прислушивался къ рѣчамъ тѣхъ изъ молодыхъ адвокатовъ, которые казались ему наиболее талантливыми, охотно выступалъ вмѣстѣ съ ними въ крупныхъ процессахъ и по-возможности и самъ старался ихъ выдвигать, относясь къ нимъ какъ къ своимъ младшимъ друзьямъ. Существуетъ даже интересный снимокъ, на которомъ изображены нѣкоторые видные представители „молодой адвокатуры“, собравшіеся вокругъ Ѳ. Н. Плевако.

Между тѣмъ отношеніе молодежи къ этимъ двумъ лицамъ было діаметрально противоположно: Н. П. Шубинскаго они, можетъ быть, и не любили, но крупную силу признавали въ немъ всегда, никогда не пытаясь ее умалить. Что-же касается Плевако, снисходившаго къ нимъ до пріятельскихъ отношеній, то они при всякомъ удобномъ случаѣ старались его затереть, увѣряя тѣхъ, кто могъ этому повѣрить, что онъ и устарѣлъ, и забрасываетъ практику.

Судебная-же практика доказывала совершенно обратное. Конецъ XIX вѣка былъ чреватъ громкими процессами, и въ крупнѣйшихъ изъ нихъ Ѳ. Н. Плевако не только принималъ участіе, но и производилъ такое впечатлѣніе, которое никогда и никому, кромѣ Н. В. Муравьева, не выпадало на долю.

Среди этихъ дѣлъ наиболѣе видное мѣсто занималъ процессъ всѣхъ членовъ правленія городского кредитнаго общества, съ директоромъ его С. К. Шильдбахомъ во главѣ, и дѣло правленія Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороги, съ С. И. Мамонтовымъ во главѣ.

По первому изъ этихъ дѣлъ, состоявшему изъ цѣлаго ряда злоупотребленій, совершавшихся членами всего правленія съ цѣлью личной наживы, кромѣ коронныхъ обвинителей — товарища прокурора московской судебной палаты С. Л. Лузгина и специально командированнаго на этотъ процессъ прокурора вологодскаго Суда П. Г. Курлова, были еще и

гражданскіе истцы въ лицѣ В. М. Пржевальскаго и кн. А. И. Урусова, и хотя защита въ свою очередь была обставлена болѣе, чѣмъ прилично, такъ какъ въ ней участвовали такіе выдающіеся адвокаты, какъ Н. П. Шубинскій, петербургскій—Рейнботъ, Н. В. Тесленко, В. Е. Курловъ и Л. Г. Харитоновъ, но противъ такихъ обвинителей, конечно, бо-

Л. Г. Харитоновъ.

ротся было трудно, и всѣ обвиняемые были признаны виновными.

Тутъ, къ слову надо сказать, что обвинительная рѣчь по этому дѣлу кн. А. И. Урусова была его лебединою пѣнейю, и, надо отдать ему справедливость, эта рѣчь была такъ прекрасна, что, казалось, что ее говорить не тотъ

А. И. Урусовъ, который уже сильно постарѣлъ и въ значительной степени и самъ во всемъ извѣрился, а тотъ молодой кн. Урусовъ 70-хъ годовъ, который, упоенный окружающимъ его имя ореоломъ, являлся вдохновеннымъ проповѣдникомъ всего того, что читали, какъ святыню, его современники.

И вскорѣ послѣ этого дѣла его и не стало.

Что касается дѣла С. И. Мамонтова, то оно было чрезвычайно характерно для того времени, въ которое оно назрѣвало и въ которое всплыло на поверхность.

Вмѣнялось ему по этому дѣлу главнымъ образомъ то, что, стоя во главѣ двухъ крупныхъ промышленныхъ учреждений—Московско-Архангельской дороги и Невскаго механическаго завода, онъ неосторожно мѣшалъ ихъ кошельки и средствами дороги субсидировалъ заводъ, въ надеждѣ извлечь для него выгоду въ будущемъ для той-же дороги.

Эту субсидію въ формѣ авансовъ онъ не скрывалъ отъ акціонеровъ дороги, аккуратно проводя ихъ по книгамъ, и акціонеры противъ этого не протестовали. Ихъ акціи росли не по днямъ, а по часамъ и, выпущенныя по 150 р., онѣ доросли до 500 и 700 рублей; въ такой-же мѣрѣ возрасталъ и дивидендъ, и такіе финансисты, какъ Джамгаровъ, Солодовниковъ, Грачевъ и др., состоя акціонерами дороги, изъ года въ годъ, цѣлыя 30 лѣтъ, выбирали С. И. Мамонтова предсѣдателемъ правленія. Они вѣрили въ его звѣзду, въ его удачу и въ богатое будущее блестяще созданной имъ дороги.

Но вотъ, радѣя объ интересахъ той-же дороги и надѣясь въ будущемъ получить постройку другой Сѣверной дороги „Петербургъ—Вятка“, С. И. Мамонтовъ, чтобы избавить эти дороги отъ зависимости отъ иностранныхъ заводовъ, сооружавшихъ для тѣхъ дорогъ подвижной матеріалъ, рѣшилъ приобрѣсти гинувшій въ то время Невскій механическій заводъ, въ надеждѣ приспособить его такъ, что онъ не только

будетъ скорѣе и дешевле обслуживать его желѣзныя дороги, но и будетъ обслуживать и нужды русскаго флота.

Невскій заводъ въ этихъ видахъ и былъ имъ приобрѣтенъ. Все свое состояніе вложилъ въ него С. И. Мамонтовъ и не только свое состояніе, но и средства своего брата и своего сына. Но задолженность этого завода оказалась черзчуръ велика, оборотныхъ средствъ, необходимыхъ на обновленіе заводскихъ машинъ, безъ которыхъ невозможно было выполнять поступающихъ заказовъ, не хватало, и, чтобы не загубить этого дѣла, С. И. Мамонтовъ сталъ выдавать отъ дороги заводу авансы въ счетъ производимыхъ имъ для дороги работъ.

Акціонеры дороги относились къ этому факту равнодушно, вполне увѣренные, что С. И. Мамонтову удастся урегулировать дѣла завода, вѣрили въ его опытъ, въ его умъ и въ его удачу.

Но вотъ въ печати зашла рѣчь о постройкѣ другихъ Сѣверныхъ дорогъ.

Явились охотники произвести эту постройку, но въ этомъ дѣлѣ С. И. Мамонтовъ являлся очень опаснымъ конкурентомъ.

Онъ не былъ новичкомъ въ желѣзнодорожномъ строительствѣ и Донецкую дорогу сумѣлъ построить безъ концессіи и построить такъ, какъ не имѣютъ обыкновенія строить другіе строители, всѣ свои силы напрягающіе на то, чтобы какъ можно больше схватить съ казны и какъ можно меньше затратить на производимую постройку.

С. И. Мамонтовъ построилъ Донецкую дорогу не такъ. Онъ не довольствовался тѣмъ, чтобы дорога была признана удовлетворительной при сдачѣ постройки, а приспособлялъ ее къ будущему крупному движенію, отчетливость работы предпочитая ей выгоды.

Съ такою-же любовью и заботливостью онъ выстроилъ и Архангельскую дорогу, представляющую собою тотъ идеалъ, который можетъ являть желѣзнодорожная постройка.

Такой конкурентъ являлся чрезвычайно опаснымъ, и вотъ, чтобы его устранить, и началась его травля за то, что онъ деньгами дороги субсидировалъ заводъ.

Закончилась эта травля тѣмъ, что С. И. Мамонтовъ вмѣстѣ со своимъ братомъ и сыномъ, а также другими членами правленія былъ преданъ суду, и такъ какъ стоимость завода въ этотъ періодъ времени не могла покрыть всего, что на него было затрачено дорогой, то попутно Мамонтовъ былъ и разоренъ.

По этому дѣлу такъ-же, какъ и по дѣлу Кредитнаго общества, обвиненіе поддерживалъ въ это время уже состоявшій товарищемъ прокурора Судебной Палаты Курловъ и товарищъ прокурора Окружнаго Суда Цурбербиллеръ, а въ качествѣ гражданскихъ истцовъ являлись петербургскіе присяжные повѣренные Домерщиковъ (бывшій прокуроръ Московскаго Окружнаго Суда) и Рейнботъ и московскій—Быховскій.

Защищали-же С. И. Мамонтова и его сыновей Плевако и Маклаковъ, а другихъ обвиняемыхъ — Карабчевскій и Шубинской.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ участвовали всѣ наиболѣе талантливые представители и прокуратуры, и адвокатуры, но ничья рѣчь не произвела такого потрясающаго впечатлѣнія, какое произвела рѣчь Плевако.

Свою вторую рѣчь по этому дѣлу онъ закончилъ словами:

— Судя этихъ людей, разнесите правильной мѣрой часть зла настоящаго дѣла на счетъ главнаго виновника—духа времени. Измельчалъ духомъ и плотію современный чловѣкъ, износился въ погонѣ за наживой и наслажденіями богатствомъ до притупленія чувства правды въ дѣлахъ его. Желѣзнодорожная битва за существованіе, быть можетъ, ярче другихъ отразила этотъ духъ. Люди ищутъ милліоновъ, зорко слѣдятъ за успѣхами соперниковъ, подставля-

ють ноги опростоволосившемуся удачнику и, вырвавъ дѣло, гордо поднимаютъ голову, какъ-будто имъ посчастливилось совершить подвигъ или явить міру свои добродѣтели. Форму игры, азарта и спорта принимаютъ крупныя промышленныя затѣи; чемпионатъ и рекордъ стали терминами людей дѣла и, казалось бы, производительнаго труда. Къ этимъ-ли дѣламъ прилагать мѣру правды, законами-ли разрѣшать споры, вызываемые игрой? Затягиваетъ эта игра борцовъ во всѣхъ отрасляхъ, способныхъ быть предметомъ ставки. Вѣнки и монументы воздвигаются побѣдителямъ, а на долю несчастливыхъ, неудачныхъ, павшихъ въ битвѣ, остается одинъ безобразный языческій окрикъ: „горе побѣжденнымъ!“ Но насъ воспитала въ вѣковой школѣ иная дисциплина. Языческое, неплодѣющее въ насъ обрѣзано ученіемъ мира, правды и любви. Не смѣшивайте, по мѣрѣ языческой, плоти съ духомъ, неудачи со зломъ и несчастія съ преступленіемъ, но, окрыленные правдой христіанской, отвергнувъ языческое безсердечное изреченіе: „горе побѣжденнымъ!“, замѣните его полнымъ любви и братства: „пощада несчастнымъ!“

И послѣ этой его второй рѣчи никто не сомнѣвался въ томъ, что никакого другого приговора, кромѣ оправдательнаго быть не можетъ.

Такъ оно и случилось. И этотъ желанный приговоръ вызвалъ такой бурный восторгъ, какого давно уже не приходилось наблюдать въ судебныхъ засѣданіяхъ.

Такая же рѣчь, какая была сказана Ѳ. Н. Плевако по дѣлу С. И. Мамонтова, могла быть какъ нельзя болѣе примѣнима и къ судившемуся нѣсколько времени спустя Петру Емельяновичу Плотицину.

Несмотря на несмѣтныя богатства, принадлежавшія этой семьѣ, надъ нею какъ-бы тяготѣло несчастіе.

Отецъ Петра Емельяновича, самъ признаковъ скопчества на себѣ не имѣвшій и обвинявшійся только въ томъ, что давалъ въ своемъ домѣ пріютъ сектанткамъ этого толка,

судился въ началѣ 70-хъ годовъ и, несмотря на страстную защиту тогда еще начинавшаго свою карьеру кн. А. И. Урусова, былъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь. Когда старикъ Плотичинъ былъ впервые по этому дѣлу арестованъ, власти, производившія въ присутствіи его защитника охрану его имущества, стали считать его деньги. Насчитали 60 милліоновъ и устали, и все остальное уже безъ счета опечатали въ мѣшкахъ и заперли въ сундуки.

Однако, пока подросли дѣти Плотичина, это состояніе уже въ значительной мѣрѣ поизсякло, но все-таки и на ихъ долю осталось нѣсколько милліоновъ.

Плотичины вели въ Моршанскъ крупную торговлю хлѣбомъ, и такъ какъ это дѣло требовало крупныхъ оборотныхъ средствъ, то иногда, въ ожиданіи реализаціи предстоящаго урожая, имъ приходилось кредитоваться.

Кредитовали ихъ московскіе пріятели, Рахмановъ и Овсянниковъ, занимавшіеся дисконтомъ, и въ кредитъ Петра Емельяновича Плотичина, завѣдывавшаго торговыми дѣлами своей семьи, не стѣсняли. Состоялъ онъ долженъ около двухъ милліоновъ рублей, но этотъ долгъ его не пугалъ, такъ какъ стоимость недвижимыхъ имуществъ его семьи представляла значительно болѣе крупную цѣнность.

Но вотъ въ 1894—95 годахъ въ дѣлахъ Плотичина вслѣдствіе неурожая произошла заминка. Наступали срочные платежи, а кредиторы понижали и въ дальнѣйшемъ кредитъ отказывали. Пришлось прибѣгнуть къ залoгу имѣнія въ банкъ, и хотя банкъ согласился выдать подъ него три милліона, но совершеніе этой закладной требовало производства цѣлаго ряда формальностей, а кредиторы настоятельно требовали немедленной оплаты срочныхъ векселей. Чтобы выиграть время, Плотичину пришлось прибѣгнуть къ учету нѣсколькихъ дружескихъ векселей, и это было началомъ конца.

Рахманову и Овсянникову было не особенно интересно

дать Плотичину вывернуться изъ тяжелаго положенія. Было несравненно выгоднѣе завладѣть его цѣннымъ имуществомъ по дешевой цѣнѣ, и вотъ за три недѣли до того, какъ онъ долженъ былъ получить изъ банка трехмилліонную ссуду подъ имѣніе, тѣмъ самымъ получая возможность не только оплатить все свои долги рубль за рубль, но и самому еще остаться съ крупнымъ капиталомъ для оборота, они наложили на это его имѣніе арестъ, лишивъ его этимъ возможностью вывернуться изъ тисковъ.

Съ наложеніемъ этого ареста, по дѣламъ Плотичина былъ учрежденъ конкурсъ, въ концѣ-концовъ пустившій его по міру, и хотя за такое веденіе конкурса нѣкоторые изъ представителей адвокатуры и были подвергнуты дисциплинарной отвѣтственности, но этой карѣ подверглись мелкія сошки, которымъ болѣе крупные дѣльцы, предпочитавшіе на этотъ разъ остаться въ тѣни, предписывали за извѣстное вознагражденіе сдѣлать то-то и то-то.

А лично Плотичину отъ этой кары было не легче, — не стало средствъ, не стало и возможности оплачивать дружескіе векселя, и возникло уголовное обвиненіе въ учетѣ подложныхъ векселей.

Такое дѣло для защитника, конечно, было въ высшей степени благодарно, и рѣчь присяжнаго повѣреннаго В. В. Быховскаго, въ то время уже очень популярнаго, произвела большую сенсацію, и Плотичинъ былъ оправданъ.

И если такой характеръ беззащитности по отношенію къ ближнему носили дѣла, возникавшія на почвѣ денежныхъ недоразумѣній между лицами, занимавшими видное положеніе, то, конечно, еще ярче выражалась эта безцеремонность тамъ, гдѣ жажда наживы овладѣвала душой человѣка некультурнаго.

Этого рода дѣла, проходя передъ судомъ въ огромномъ количествѣ, поражали слушателя своею жестокостію. Въ этомъ отношеніи по-справедливости пальма первенства

должна быть отдана двумъ дѣвушкамъ Ульрихъ и Грюнбергъ, пытавшимся убить и ежечь съ цѣлью ограбленія старуху Штелингъ у которой первая изъ этихъ дѣвушекъ поселилась въ качествѣ экономки.

Эти двѣ дѣвушки, едва вышедшія изъ дѣтскаго возраста, являлись типичными представительницами вновь нарождавшейся въ то время категоріи людей, которая впоследствии, размножаясь въ огромномъ количествѣ, была опредѣлена общимъ названіемъ хулигановъ.

Въ Москву онѣ перекочевали изъ Прибалтійскаго края подъ предлогомъ поступленія на какіе-нибудь курсы. Но это былъ только предлогъ, такъ какъ, окончивъ съ грѣхомъ пополамъ четырехклассное училище, онѣ, конечно, ни на какіе курсы поступить не могли.

Несомѣнно, предлогъ этотъ былъ измышленъ для того, чтобы бросить свои семьи и искать приключеній въ столицѣ. Въ столицѣ, однако, какъ и вездѣ, требовалось ѣсть и платить за квартиру. Средствъ на это у нихъ не было, и не было ни умѣнья, ни желанія ихъ зарабатывать, зато аппетиты были необъятные. Хотѣлось и любви, и нарядныхъ тряпокъ, и безпечнаго и веселаго существованія.

Нужда заставила Ульрихъ взять мѣсто компаньонки у старухи Штелингъ, женщины, имѣвшей извѣстный достатокъ.

Проживя у нея нѣсколько недѣль, Ульрихъ узнала, что въ комодѣ у Штелингъ хранятся 300 руб. Эти 300 руб. дѣвушкамъ, никогда не имѣвшимъ въ своихъ рукахъ денегъ, казались несмѣтнымъ богатствомъ, и вотъ, обсуждая вопросъ о томъ, какъ устроить свое будущее, въ которомъ большое мѣсто отводилось необходимости снискать новыя платья, они рѣшили этими деньгами воспользоваться, предварительно задушивъ Штелингъ, а затѣмъ поджечь ее кровать и, такимъ образомъ, замести слѣды своего преступленія.

Разработавъ этотъ планъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, онѣ, недолго думая, приступили къ его выполненію.

Прежде всего, онѣ, въ то время, пока намѣченной ими жертвы не было дома, припасли достаточное количество керосина для поджога, который и припрятали у Штелингъ подъ кроватью, а ночью, когда Штелингъ уснула, и ее богатырскій ханъ сталъ раздаваться по всей квартирѣ, онѣ вмѣстѣ пробрались въ ее спальню и, накинувъ ей на голову подушку и большой платокъ, начали ее душить.

Но тутъ онѣ упустили изъ виду одно обстоятельство: обѣ онѣ были тщедушныя дѣвушки, а Штелингъ была высокая, богатырскаго сложенія старуха. Она разметала дѣвушекъ въ разныя стороны, и когда онѣ, потушивъ огонь, бросились изъ ее комнаты бѣжать, она съ крикомъ погналась за ними, колотя ихъ зонтикомъ. Обѣ дѣвушки были тутъ-же задержаны прибѣжавшими на крикъ Штелингъ кухаркой и дворникомъ.

Доставленные въ участокъ, онѣ чистосердечно рассказали о своемъ намѣреніи убить, обокрасть и ежечь Штелингъ, и этотъ ихъ рассказъ подтвердился и дневникомъ Грюнбергъ, въ которомъ она изложила весь придуманный ими планъ.

Понятно, что послѣ того, какъ онѣ узнали о томъ, какая отвѣтственность грозитъ имъ, онѣ стали отрицать свое намѣреніе. Однако, имъ не повѣрили, и онѣ были подвергнуты тюремному заключенію. Тамъ онѣ обѣ начали симулировать психически-ненормальныхъ, ввиду чего были подвергнуты испытанію, но и врачами и Судомъ онѣ были признаны истеричными дегенерантками, но не психически-больными.

Конечно, такое громкое дѣло для молодыхъ адвокатовъ представляло настоящій кладъ, и за него взялись самые талантливые изъ нихъ: Малянтовичъ, Тесленко и Ходасевичъ.

Правда, въ защиту дѣянія этихъ хулиганокъ едва-ли можно было что-либо придумать, но зато вопросъ относительно ихъ невмѣняемости, — вопросъ въ то время очень модный, можно было разработать всесторонне.

И они его использовали настолько успешно, что, несмотря на то, что экспертиза продолжала настаивать на томъ, что онъ дегенератки-истерички, присяжные засѣдатели признали, что онъ дѣйствовалъ въ состояніи умоизступленія, и Суду ничего другого не оставалось, какъ отдать ихъ въ психіатрическую больницу впредь до окончательнаго ихъ выздоровленія.

И это были далеко не единственные представительницы этого типа. Люди этой категоріи, преимущественно среди зеленой молодежи, попадались во всѣхъ слояхъ общества, и если ихъ еще не подводили подъ одну рубрику, то только потому, что явленія этого рода еще ошеломляли публику и она не сразу въ нихъ разбиралась.

Несомнѣнно, что совершенно аналогичный съ этими дѣвушками типъ представляла и 19-лѣтняя крестьянка Овчинникова, которая, раззарившись на товаръ, находившійся въ узлѣ у торговца, заходившаго въ ту квартиру, гдѣ она служила кухаркой, и воспользовавшись тѣмъ, что въ квартирѣ никого, кромѣ нея и этого торговца не было, накинула ему на шею ременную петлю и начала его душить. Петля оборвалась, и торговецъ вступилъ съ нею въ борьбу, но она оказалась сильнѣе его и, накинувъ ему на шею другую петлю, на этотъ разъ его задушила. Послѣ этого она задохлась убитого въ чуланѣ, а съ узломъ, который ее загнипнотизировалъ до такого умопомраченія, уѣхала къ себѣ въ деревню, никому не сказавшись и не взявъ своего паспорта, и на другой-же день была вмѣстѣ со всѣмъ тряпьемъ арестована.

А въ это-же время служащими харьковского университета, тоже совершенно молодыми малыми, дружившими со старшимъ сыномъ швейцара того-же университета, были звѣрски убиты и ихъ пріятель—старшій сынъ швейцара и еще двое младшихъ его дѣтей.

И совершили они это звѣрское убійство только потому,

что имъ было извѣстно, что у швейцара есть сбереженія около ста руб., каковыя они и похитили.

Однако о невмѣняемости всѣхъ этихъ убійцъ вопроса не возбуждалось, и, причисленные къ категоріи обыкновенныхъ разбойниковъ, всѣ они отправились на каторгу.

Къ этому-же періоду времени, какъ характерная черта разнузданности общественныхъ нравовъ, относится и возникновеніе цѣлаго ряда дѣлъ объ обезображеніи женщинами сѣрною кислотой своихъ соперницъ.

До этого времени дѣла этого рода встрѣчались крайне рѣдко, внушая своею жестокостью ужасъ и отвращеніе къ лицамъ, покушавшимся на такое злодѣйство.

Одною изъ первыхъ жертвъ такого звѣрства въ 70-мъ году былъ гимназистъ 7 класса Гориновичъ, которому товарищи, заподозривъ его въ политическомъ шпіонствѣ, облили сѣрною кислотой и голову, и лицо. Переживя нечеловѣческія страданія, несчастный остался живъ, хотя отъ лица у него ничего не осталось, кромѣ зарубцевавшейся на костяхъ кожи съ отверстиями для дыханія и принятія пищи. Чтобы не пугать своимъ видомъ людей, онъ всю остальную свою жизнь вынужденъ былъ носить на головѣ и на лицѣ черный мѣшокъ съ отверстиями для носа и рта. Судьба, видимо, щадила его жизнь для того, чтобы люди, которымъ суждено было съ нимъ встрѣчаться, никогда не забывали, какъ ужасно быть жестокимъ и безчеловѣчнымъ.

Другой случай въ томъ-же родѣ прошелъ передъ судомъ уже позже, приблизительно въ началѣ 80-хъ годовъ.

Тутъ жена вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ заманила мужа въ Всѣхсвятскую рощу, напоила его тамъ водкой и, когда онъ пьяный уснулъ, съ ногъ до головы облила его сѣрною кислотой. И вотъ, когда этотъ страдалецъ корчился на травѣ въ нечеловѣческихъ мукахъ, на него наткнулись гулявшіе въ рошѣ дачники и поспѣшили заявить въ станъ о

своей страшной находкѣ. Доставленный въ больницу, онъ успѣлъ назвать передъ смертью своихъ убійцъ.

Въ такихъ дѣлахъ обвинителю не требовалось яркихъ красокъ, чтобы добиться справедливаго возмездія. Общество съ содроганіемъ относилось къ такой жестокости, и для людей, ее совершившихъ, ни у кого въ сердцахъ не находилось снисхожденія. Изверги, совершавшіе ее, пожинали то, что посеяли.

Что же касается обезображенія соперницы изъ ревности, то пионеркою въ этого рода дѣлахъ являлась кухарка Лисицына, приревновавшая своего мужа къ швеѣ и плеснувшая ей въ лицо сѣрной кислотой, отъ чего та потеряла зрѣніе на оба глаза. И хотя хозяева аттестовали Лисицыну, какъ женщину скромную и порядочную, у судей совѣсти не нашлось къ ней жалости, и она не только была приговорена къ тюремному заключенію, но и гражданскій искъ потерпѣвшей былъ удовлетворенъ.

Но такой приговоръ получился только на первый разъ. Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяць снова слушалось такое же дѣло, и стоило обвиняемой заявить, что потерпѣвшая не только отняла у нея мужа, но еще надъ нею же и глумилась, какъ всѣ симпатіи обратились къ ней, и муки, пережитыя потерпѣвшей, были забыты. Оправданная обвиняемая вышла изъ Суда съ твердою увѣренностью, что отнынѣ мужъ—ея собственностью, всякое покушеніе на которую она можетъ отетанвать, не разбирая ередствъ, не стѣняясь ни жизнью, ни здоровьемъ тѣхъ, кого ей придется въ голову заподозрить въ такомъ покушеніи.

Мораль, конечно, низкопробная, но она неизбѣжно вытекаетъ изъ такихъ приговоровъ, въ которыхъ снисходительность захватила мѣсто справедливости.

Приговоры судей совѣсти имѣютъ огромное воспитательное значеніе, и чѣмъ больше въ нихъ справедливости и безпристрастія, тѣмъ глубже чувство правды проникаетъ въ сознаніе всего общества.

ГЛАВА X.

Начало XX вѣка.

Наступленіе XX вѣка застало прокуратуру въ самомъ расцвѣтѣ силъ. Несмотря на то, что наиболѣе талантливые

И. Л. Томашевскій.

К. Д. Кафаровъ.

изъ ея представителей были назначены прокурорами въ провинцію: А. И. Короткій—въ Симферополь, С. Н. Цемшъ—въ Кіевъ, гдѣ предсѣдателемъ Суда въ то время уже былъ

А. А. Макаровъ, П. Г. Курловъ—въ Вологду и И. Л. Томашевскій — въ Полтаву, а изъ наиболѣе выдающейся молодежи С. Д. Тверской былъ назначенъ тов. прокурора сначала въ Кашинъ, затѣмъ послѣдовательно въ Нижній-Новгородъ и Рязань, ихъ замѣстителями въ Москвѣ явились не менѣе талантливые и блестящіе товарищи прокурора Н. М. Золо-

Н. Н. Чебышевъ

таревъ и К. Д. Кафафовъ, а иѣсколько позже къ нимъ присоединился уже давно гремѣвшій въ провинціи Н. Н. Чебышевъ.

Къ сожалѣнію для Москвы, всѣ эти талантливыя силы именно въ Москвѣ не заживались: съ уходомъ изъ жизни старѣйшихъ судебныхъ дѣателей судебныя учрежденія про-

винцій принимали такой безнадежно-сѣрый колоритъ, что для освѣженія ихъ приходилось туда посылать лучшія столичныя силы.

И поэтому перемѣщенія лучшихъ людей происходили съ головокружительной быстротой; едва имъ удавалось наладить дѣло въ одномъ мѣстѣ, ихъ уже спѣшили перевести

А. В. Степановъ.

въ другое, гдѣ безъ опытныхъ и надежныхъ рукъ дѣло грозило расползтись врозь.

Такъ, напр., послѣ ухода изъ Москвы А. А. Макарова предѣвателемъ Суда въ Кіевъ и послѣ замѣщенія его А. В. Степановымъ, въ 1902 г. былъ уже назначенъ прокуроромъ въ Москву А. И. Короткій, а въ 1903 г. онъ былъ назначенъ предѣвателемъ Симферопольскаго Окружнаго

Суда и въ эти 9 лѣтъ онъ успѣлъ уже побывать предѣдителемъ Суда въ Вильнѣ и теперь состоитъ предѣдителемъ Департамента Харьковской Судебной Палаты.

Еще съ болѣе головокружительной быстротой протекала служебная карьера А. А. Макарова и И. М. Золотарева, до-

А. И. Галиновскій.

стигшихъ въ этотъ 12-ти лѣтній періодъ постовъ министра внутреннихъ дѣлъ и его товарища *).

Послѣ же 1905 г., когда, пробывъ нѣкоторое время прокурорами, въ Москву снова вернулись уже въ качествѣ товарищей прокурора Судебной Палаты И. М. Золотаревъ, К. Д. Кафафовъ, И. Л. Томашевскій и Н. Н. Чебышевъ,

*) Когда книга эта уже печаталась, А. А. Макаровъ подалъ прошеніе объ отставкѣ; на его мѣсто былъ назначенъ черниговскій губернаторъ И. А. Макаловъ.

ихъ комплектъ пополнился еще такимъ же серьезнымъ обвинителемъ, А. И. Галиновскимъ.

Въ прокуратуру же московскаго Суда былъ переведенъ С. Д. Тверской.

Всѣмъ этимъ лицамъ, значительно выдававшимся среди остальныхъ своихъ товарищей, и пришлось вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть крупныхъ процессовъ, которыми ознаменовалось начало новаго вѣка, какъ будто спѣшившаго подчеркнуть наступленіе жестокихъ и раснушенныхъ нравовъ.

Тутъ было дѣло и Александра Кара, убившаго мать и двухъ сестеръ только затѣмъ, чтобы скрыть отъ отца, котораго онъ боялся, совершенную имъ кражу. Было дѣло 50-лѣтней Хухриковой, матери взрослыхъ сыновей, которая, вмѣстѣ со своимъ сожителемъ Тихоновымъ, зарившимся на ея состояніе и спѣшившимъ этимъ состояніемъ завладѣть, отравила его жену, а попутно съ нею и ея жилищу. Было дѣло и рабочаго Кудряшева, повздорившаго со своею женой и сбросившаго ее съ трехсаженной высоты берега въ рѣку и преспокойно вернувшись послѣ этого на фабрику. Когда же онъ узналъ отъ прибѣжавшаго на фабрику прохожаго, что упавшая съ высоты женщина въ рѣку не понала, а упавъ подъ откосъ, родила мертваго младенца и просить за нею притти мужа, Кудряшевъ тотчасъ же къ ней побѣжалъ, но помочь ей не помогъ, а оттащилъ ее и ея мертваго младенца въ ближайшее болото и туда ее живую затопталъ. А чтобы его преступленіе не было обнаружено, нарылъ кустовъ и насадилъ ихъ на то мѣсто, гдѣ заживо была погребена несчастная женщина. И только одинъ изъ этихъ кустовъ, оставшійся въ рукахъ у одного изъ рабочихъ, отправившихся искать Кудряшеву послѣ того, какъ вернувшійся на фабрику ея мужъ сказалъ, что онъ нигдѣ ее не нашелъ, и заставилъ искавшихъ поконаться именно тамъ, гдѣ была заживо погребена несчастная женщина.

Чудовищность этого преступления, какъ по своей безцѣльности, такъ и по способу выполненія, заставляла всѣхъ, къ кому только на разрѣшеніе это дѣло ни поступало, прежде всего задумываться надъ вопросомъ, нормаленъ-ли психически человѣкъ, его совершившій, и прежде всего изслѣдовался этотъ вопросъ сначала слѣдователемъ, затѣмъ Судомъ и, наконецъ, въ третій разъ—по ходатайству присяжныхъ засѣдателей.

Такимъ образомъ, Кудряшева трижды подвергали испытанію по шести недѣль въ трехъ разныхъ психіатрическихъ учрежденіяхъ, и вездѣ было признано, что хотя онъ и дегенератъ на почвѣ всякихъ отвратительныхъ наслѣдственныхъ, до алкоголизма включительно, но тѣмъ не менѣе психически нормаленъ. И только послѣ этого Кудряшевъ былъ приговоренъ къ 20-лѣтней каторгѣ.

И совершенно такой-же типъ судился нѣсколько времени спустя. Это былъ старикъ, желѣзнодорожный служащій, который всю жизнь избивалъ жену и въ концѣ-концовъ до смерти заколотилъ ее березовымъ полѣномъ за то, что, играя съ нимъ въ дураки и притомъ играя безъ денегъ, она пошла не съ той карты, съ какой ему хотѣлось. И когда этотъ злодѣй убѣдился, что онъ убилъ жену до смерти, онъ уже мертвой сталъ лить въ ротъ водку, чтобы доказать, что онъ убилъ ее за то, что она пьянствовала, и такъ какъ это ему не удавалось, то онъ, разжимая ей ротъ, надорвалъ ей губы, что тутъ-же и было установлено врачомъ. Въ концѣ-концовъ его постигла та-же участь, какъ и Кудряшева, то-есть 20-лѣтняя каторга.

Почему именно въ этотъ періодъ стала проявляться во всѣхъ слояхъ общества такая ничѣмъ необъяснимая жестокость, понять, конечно, трудно,—очевидно, что звѣрство, предсказанное Я. П. Полонскимъ въ его „Собакахъ“, какъ итогъ отодвигаемыхъ въ сторону идеаловъ, вступало въ свои

права, и жизнь человѣческая съ каждымъ днемъ становилась все дешевле и дешевле.

А если становилась дешева жизнь, то какая уже могла быть цѣна чужому достоянію? Тѣ, кто подпускалъ къ своей кассѣ людей постороннихъ, начиналъ считаться малоумнымъ, да такимъ-же начиналъ считаться и тотъ, кто, стоя у чужихъ денегъ, не присвоивалъ ихъ.

Стоило только растратчику,—а ихъ съ каждымъ днемъ становилось все больше и больше,—слезливо заявить, что онъ, подвергаясь всевозможнымъ соблазнамъ, не устоялъ и чужія деньги прокутилъ и проигралъ, а затѣмъ, въ надеждѣ ихъ отыграть, сталъ растрачивать съ каждымъ днемъ все больше,—какъ справедливость безцеремонно отодвигалась въ сторону, чтобы уступить мѣсто милосердію, и соблазнившіеся, благополучно прикарманивъ чужія денежки, уходили изъ Суда оправданными, смѣясь и предоставляя потерпѣвшему взыскивать съ нихъ что-либо, теперь уже судомъ гражданскимъ.

То, къ чему раньше общество относилось съ презрѣніемъ и что сурово каралось, теперь уже становилось ненаказуемымъ,—до такой степени все это становилось обычнымъ.

Такъ, даже дѣло Кредитнаго общества, представшее въ началѣ XX вѣка передъ Судомъ вторично въ лицѣ того-же С. К. Шильдбаха и присяжнаго повѣреннаго Герике, на этотъ разъ прошло совершенно безцвѣтно, и оба обвиняемые на этотъ разъ ушли оправданными.

Правда, на этотъ разъ уже не было такихъ опасныхъ обвинителей, какими раньше являлись въ качествѣ гражданскихъ истцовъ и князь А. И. Урусовъ, и В. М. Пржевальскій но тутъ уже значительную роль игралъ и новый взглядъ на растратчиковъ: почему было обвинить однихъ, когда уже сотни и тысячи другихъ ушли за то-же оправданными? Выработывалась страшная мораль: „всякій береги свой кар-

манъ самъ, какъ знаешь, а если довѣряешь его другому, то самъ за это довѣріе и расплачивайся“.

Люди перестали претендовать на честное имя, припомнивъ старую пословицу: „что за честь, коли нечего ѣсть“, и очень легко примѣнялись къ этой немудрой морали.

Правда, не всѣмъ еще это такъ легко сходило съ рукъ,—къ представителямъ адвокатуры общество въ этихъ случаяхъ относилось строже, видимо, еще не совсѣмъ позабывъ другое изреченіе: „кому много дано, съ того больше и спрашивается“, и частные повѣренные Срѣтенскій и Окуньковъ,—последній съ университетскимъ образованіемъ,—уличенные въ совершеніи цѣлаго ряда мошенническихъ продѣлокъ, были осуждены и отправлены въ Сибирь. Затѣмъ за кражи и поджогъ, совершенный съ цѣлью сокрытія этой кражи, былъ осужденъ и отправленъ въ арестантское отдѣленіе присяжный повѣренный Гатцукъ. Послѣ этого приговора уже не рискнули предстать передъ судомъ ни помощникъ присяжнаго повѣреннаго Ульмеръ, ни присяжный повѣренный Шлезингеръ, прикарманившіе десятки тысячъ денегъ своихъ кліентовъ, а предпочли скрыться за границу. А нѣсколько лѣтъ спустя счелъ это наиболее удобнымъ и присяжный повѣренный Прилуковъ.

Конечно, во всѣхъ этого рода дѣлахъ открывалось широкое поле и для обвинителей, и для защитниковъ проявлять свои таланты, и все, что было выше средняго уровня, успѣшно видвигалось впередъ, и создавались имена.

Представители прокуратуры по мѣрѣ того, какъ ихъ имена создавались, успѣшно шагали впередъ и становились во главѣ учреждений, что-бы собственными силами создавать новыя кадры лицъ, могущихъ явиться ихъ замѣстителями.

Но иначе обстояло дѣло въ адвокатурѣ. Здѣсь каждый, пролѣзая впередъ, старался отодвинуть назадъ или, по крайней мѣрѣ, въ сторонку болѣе удачливаго товарища и въ этомъ смыслѣ уже никакія средства не казались постыдными.

Это особенно ярко отразилось на занимавшемъ уже видное мѣсто среди остальной адвокатуры В. В. Быховскомъ.

Его блестящіе успѣхи, напоминавшіе первые шаги былыхъ корифеевъ русской адвокатуры, мѣшали спать его сверстникамъ. Они еще и раньше стали его чуждаться, мотивируя это тѣмъ, что онъ устроилъ свою семейную жизнь, не спрашивая ихъ совѣта,—такъ, какъ находилъ это нужнымъ для себя, не заботясь о томъ, нравится это его товарищамъ или нѣтъ.

А онъ, глубоко любя свою жену, ради которой онъ, дѣйствительно, принесъ великія жертвы, на это отчужденіе не обращалъ вниманія и гордо переносилъ свое одиночество, весь свой досугъ посвящая своей семьѣ и литературно-научнымъ занятіямъ, какъ по своей специальности, такъ и въ общей прессѣ.

Но тутъ въ союзъ съ его пріятелями вступила и судьба, неожиданно обрушивъ на этого полнаго энергіи человѣка такой ударъ, который былъ способенъ сломить и титана.

Однажды, вернувшись изъ провинціи, гдѣ онъ защищалъ какое-то дѣло, В. В. Быховскій засталъ свою молоденькую жену, оставленную имъ совершенно здоровою, на операционномъ столѣ, и черезъ нѣсколько часовъ, несмотря на помощь извѣстныхъ врачей, ея не стало.

Этотъ неожиданный и тягчайшій ударъ повергъ его въ отчаяніе; въ душѣ его произошелъ, повидимому, какой-то надломъ и, чтобы подъ бременемъ этой тяжести не пасть, чтобы хотя нѣсколько отвлечься отъ невыносимой боли и быть въ состояніи продолжать любимую работу, онъ вынужденъ былъ искать такихъ острыхъ впечатлѣній, которыя давали бы ему возможность убивать свои досуги и забыться. Несомнѣнно, отзовись въ это время его бывшіе друзья-товарищи на его великое горе, этого не случилось бы. Но одинокій человѣкъ кинулся въ бездну...

Какъ человѣкъ вполне культурный, къ вину—этому обычному утѣшителю сѣрыхъ людей—онъ обратиться не могъ, и отдался, втянутый близкимъ товарищемъ, знаменитымъ въ то время игрокомъ, азарту—этому болѣе чистоплотному по внѣшности, но еще болѣе губительному и предательскому утѣшителю. И это уже неудержимо повлекло его къ гибели, такъ какъ своевременно отойти отъ зеленого стола онъ не сумѣлъ. Игра втянула этого даровитаго человѣка, по натурѣ страстнаго и увлекающагося до самозабвенія, въ омутъ. Характерно, что до этого, какъ рассказывали мнѣ хорошо знавшіе его люди, онъ никогда ни во что не игралъ, ведя вообще очень серьезный и умѣренный образъ жизни. Параллельно съ игрой, у него завелись, конечно, до того незнакомые ему долги, сначала незначительные, которые легко покрывались его крупными заработками, а затѣмъ они предательски разрастались, назойливо тормоша сознание порядочнаго человѣка мыслью о томъ, что долги эти необходимо во что бы то ни стало платить.

Все это, вмѣстѣ взятое, будоражило уже и безъ того порядкомъ взвинченные нервы; психическое равновѣсіе утрачивалось, и самообладание въ наиболѣе критическіе моменты стало его покидать, уступая мѣсто такимъ рѣзкимъ выпадамъ, о которыхъ впоследствии приходилось пожалѣть и ему самому и многочисленнымъ поклонникамъ его таланта.

И вотъ, одинъ изъ такихъ неудачныхъ моментовъ засталъ его въ Кишиневѣ на одномъ изъ крупныхъ процессовъ, которые, пожалуй, на его бѣду, пришлось ему вести какъ разъ въ эту тяжелую пору одинъ за другимъ въ Москвѣ и въ провинціи, гдѣ его уже хорошо знали.

Нервничая, онъ употребилъ какое-то неудачное выраженіе по отношенію къ дочери гражданскаго истца, которое тотъ, тоже возбужденный неудачнымъ теченіемъ процесса, несмотря на защиту его интересовъ прис. пов. Н. П. Карабчевскимъ, принялъ за личное для себя и своей дочери оскорбленіе.

Тѣмъ болѣе, что процессъ этотъ получилъ широкую огласку въ печати, а въ мѣстныхъ газетахъ рѣчь В. В. Быховскаго была напечатана цѣликомъ.

По окончаніи процесса обиженный отецъ явился въ Москву и здѣсь, въ зданіи Окружнаго Суда, въ свою очередь, публично оскорбилъ В. В. Быховскаго.

Что же было дѣлать оскорбленному присяжному повѣренному, сознававшему, что употребленное имъ выраженіе, хотя и не носило намѣренія оскорбить дѣвушку, но все-таки не вполне было удачно и могло подать поводъ къ кривотолкамъ? Не лѣзть же было въ драку съ обидчикомъ или прибѣгать къ ничему не разъясняющей, бессмысленной дуэли, и естественно, что онъ рѣшилъ выяснить передъ общественнымъ мнѣніемъ это дѣло судебнымъ порядкомъ. На судѣ человѣкъ, оскорбившій В. В. Быховскаго, убѣдившись, что у послѣдняго не могло быть ни малѣйшаго желанія оскорблять его дочь, что произошло печальное недоразумѣніе, въ свою очередь, горячо просилъ Быховскаго простить его несдержанный порывъ, въ томъ же убѣждалъ его и разбиравшій дѣло судья, и Быховскій, вообще по натурѣ, насколько мнѣ приходилось наблюдать его, человѣкъ очень мягкій и добрый, простилъ своего обидчика.

Конечно, этимъ дѣло и должно было кончиться, и по отношенію ко всякому другому такъ бы и кончилось. Но другое дѣло былъ *Быховскій*: его успѣхи были для многихъ нестерпимы, поводъ для внимательства былъ подходящий и товарищи, настаивая на томъ, что онъ не сумѣлъ, дескать, охранить достоинство носимаго имъ званія, муссировали, какъ могли этотъ инцидентъ, требовали отъ Совѣта примѣрнаго наказанія для попавшаго въ непріятную случайность товарища.

Совѣтъ, гдѣ тоже косо посматривали на независимое выступленіе Быховскаго по нѣкоторымъ сословнымъ дѣламъ, убѣдился, однако, что дѣло его просто на просто раздуто и ограничился тѣмъ, что, запретилъ ему практику на одинъ мѣсяцъ.

Этотъ новый и совершенно не заслуженный ударъ по самолюбію побудилъ В. В. Быховскаго еще болѣе отчудиться отъ товарищей. Онъ сталъ еще энергичнѣе искать забвенія въ игрѣ, которая приняла уже какіе-то прямо безумные размѣры,—такъ, что о ней заговорила Москва.

Тутъ уже все пошло какъ по писанному. Игрокъ никогда не думаетъ о томъ, откуда явятся деньги на проигрышъ: въ перспективѣ всегда мерещится выигрышъ, а Быховскій тѣмъ болѣе крѣпко вѣрилъ въ свой талантъ и силы.

И вотъ проигрыши стали покрываться сегодня деньгами довѣрителей съ тѣмъ, что-бы завтра достать за какіе угодно %%% деньги на уплату этихъ священныхъ суммъ. Пока былъ кредитъ, это можно было тянуть, но появились уже въ оборотѣ тысячные векселя Быховскаго. Въ концѣ-концовъ кредитъ изсякъ, а довѣрительскихъ денегъ не хватало уже нѣсколькихъ тысячъ. Къ этому присоединился одинъ крупный процессъ, въ надеждѣ на выигрышъ котораго Быховскій затратилъ огромныя деньги. Увидавъ, въ какую бездну онъ упалъ, онъ отрезвѣлъ отъ охватившаго его игорнаго угара и всего безумія этой жизни. Убѣдившись, что ни за какіе %%% онъ не можетъ достать денегъ на уплату довѣрителямъ, онъ не сталъ убаюкивать себя несбыточными надеждами или прибѣгать къ гнуснымъ способамъ бѣгства, укрывательства, лжи и обмана, а понялъ, со свойственной этому человѣку рѣшимостью, что надо искупать вину, и онъ мужественно отправился къ прокурору Окружного Суда и слѣдователю и заявилъ имъ, что онъ совершилъ тяжкое преступленіе, проигралъ чужія деньги и не имѣетъ средствъ ихъ вернуть въ близкомъ будущемъ, почему, сознавая всю свою глубокую вину передъ кліентами и обществомъ, проситъ заключить его подъ стражу.

Въ судебной практикѣ едва ли это было не единственное дѣло, начатое безъ жалобъ потерпѣвшихъ, исключительно по заявленію самого растратчика.

И прокуроръ былъ пораженъ, онъ даже постѣснялся это заявленіе отъ него принять, все еще не вѣря этой ужасной катастрофѣ въ жизни столь извѣстнаго адвоката, но теперь Быховскій уже настаивалъ, видя въ судебномъ процессѣ и наказаніи единственный путь искупить свою вину, и дѣло пошло обычнымъ порядкомъ.

Когда оно черезъ шесть съ половиною лѣтъ дошло до суда, никто не хотѣлъ вѣрить, что у суда совѣсти не найдется въ душѣ милосердія по такому исключительному дѣлу, явившемуся всего болѣе результатомъ несчастія, въ которомъ, кромѣ личной вины Быховскаго, сыграли свою роль и злая судьба, и черная зависть, и злорадство людскія, о чемъ громко говорилось по всей Москвѣ.

Но у судей этого милосердія въ душѣ не нашлось. Другіе, беззащитныя, адвокаты, которые не перестаютъ періодически появляться на скамьѣ подсудимыхъ, до такой степени сумѣли вооружить противъ себя общественную совѣсть, что для пощады въ ней не осталось мѣста даже и для того, кто былъ не столько виноватъ, сколько несчастенъ, и, можетъ быть, судьи совѣсти сознательно желали дать этому необычному подсудимому возможность искупить свою вину и успокоить свою совѣсть. Можетъ быть, сыгралъ свою роль и завѣтъ: «кому много давно, съ того много и спросится», и, осуждая Быховскаго, выразители общественныхъ интересовъ, можетъ быть, хотѣли сказать другимъ: «смотрите, если мы даже этого, гораздо болѣе несчастнаго, чѣмъ преступнаго, человѣка, за котораго многое говорить, строго осуждаемъ, то тѣмъ болѣе никому другому пощады не будетъ!» Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что эту мысль настойчиво проводили и предсѣдательствовавшій на этомъ процессѣ тов. предсѣд. Сысоевъ и обвинитель тов. прок. Тельпуговъ. Можетъ быть, сыграли свою роль и сдѣланное присяжнымъ засѣдателямъ указаніе, что окончательно судьба Быховскаго будетъ рѣшена Государемъ Императоромъ, такъ

какъ дѣло о немъ должно быть представлено на усмотрѣніе Верховной Власти. Вообще, суровое резюме по процессу Быховскаго вызвало общее удивленіе и недоумѣніе, возбуждая разнаго рода толки о причинахъ его. Интересною особенностью этого процесса явилось то, что никто изъ пострадавшихъ довѣрителей В. В. Быховскаго не заявлялъ

Г. В. Сысоевъ.

С. П. Тельпуговъ.

къ нему претензій на судѣ. Наоборотъ, всѣ они давали о немъ самые лучшіе отзывы и заявляли, что они и теперь продолжаютъ вполнѣ вѣрить ему и знаютъ, что, если-бы у него была возможность, онъ всеѣмъ имъ заплатилъ-бы. Единственный гражданскій истецъ, зубной врачъ Адельгеймъ, объяснилъ, что онъ вынужденъ былъ предъявить искъ лишь

для формы какъ опекунъ надъ имуществомъ умершей ко времени процесса довѣрительницы Быховскаго, которая, однако, сама просила его не поддерживать обвиненія противъ Быховскаго на Судѣ. И, дѣйствительно, повѣренный Адельгейма въ своей рѣчи просилъ присяжныхъ засѣдателей объ оправданіи В. В. Быховскаго, объясняя, что въ виду полного признанія обвиняемаго, онъ и безъ обвинительнаго вердикта получить удовлетвореніе своего иска. Впослѣдствіи, уже по осужденіи Быховскаго, Адельгеймъ подалъ заявленіе въ Судъ о полномъ отказѣ его отъ своего иска, объясняя, что онъ не желаетъ, что-сы его искъ имѣлъ какое-бы то ни было печальное вліяніе на судьбу В. В. Быховскаго. Къ общему изумленію публики, наполнявшей Митрофаньевскій залъ, присяжные засѣдатели, правда, послѣ продолжительнаго совѣщанія, признали Быховскаго виновнымъ, указавъ, однако, что онъ заслуживаетъ снисхожденія.

Трудно сказать, какіе именно мотивы вызвали этотъ, во всякомъ случаѣ поразившій всѣхъ своею неожиданностью и суровостью, приговоръ. Можетъ быть, сыграла тутъ роль и своеобразная постановка защиты его, взятой на себя П. Н. Малянтовичемъ, тогда состоявшимъ членомъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и отдавшимъ слишкомъ много энергіи страстной борьбѣ съ прокуроромъ по поводу справедливыхъ, въ сущности, нападковъ его на адвокатуру.

В. В. Быховскій безропотно подчинился суровому приговору, отказался отъ кассационной жалобы и отбылъ приговоренное ему наказаніе — девять мѣсяцевъ тюремнаго заключенія въ Московской Губернской Тюрьмѣ. Искупленіе грѣха очищаетъ душу. А теперь, когда очищенный и обновленный, онъ снова могъ бы успѣшно трудиться, этому препятствуетъ отсутствіе правъ. И вотъ многія лица, хорошо знавшія его раньше, какъ талантливаго и способнаго работника, трагическая судьба котораго вызывала искреннее сочувствіе, лица, которыя продолжаютъ ему вполнѣ вѣрить,

обратились, какъ я слышала, къ министру юстиціи съ горячею просьбой ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ о возвращеніи В. В. Быховскому правъ, безъ которыхъ этотъ выдающійся талантъ и полный силъ и энергіи человѣкъ не можетъ имѣть надлежащаго примѣненія для своихъ выдающихся знаній и способностей. И надо думать, что многіе вздохнуть съ облегченіемъ, если это ходатайство будетъ удовлетворено, и этотъ талантливый человѣкъ, не потерявшій мужества и энергіи среди пора-зительныхъ ударовъ судьбы и тяжкихъ несчастій, получить возможность быть снова свободнымъ и полезнымъ работникомъ.

Но возвращаюсь къ началу 1900-хъ годовъ.

Такъ-же солидно, какъ и прокуратура, въ началѣ текущаго вѣка была обставлена въ московскомъ Судѣ и магистратура. Судебныя учрежденія къ этому времени понесли тяжелыя утраты въ лицѣ Ф. П. Ивкова, Э. Н. Сумбула и А. А. Югансона, но Н. В. Муравьевъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы качество судебного состава не понижалось, и переводилъ изъ провинціи въ Москву все, что тамъ пользовалось особенно хорошей репутаціей.

Такимъ образомъ, на мѣсто скончавшагося товарища председателя IV отдѣленія, Н. И. Покровскаго, назначенъ былъ членъ того-же отдѣленія, С. И. Матвѣевъ, весь проникнутый идеалами, которые такъ свято чтились первыми дѣятелями реформированнаго Суда, и всегда стойко отстаивавшій духъ закона, не поступаясь имъ въ пользу формы.

И никогда и ни одному изъ адвокатовъ не удавалось его сбить съ этой твердой позиціи, хотя и прибѣгали они ко всякаго рода ухищреніямъ. И эта его стойкость не разъ становилась поперекъ горла особенно тѣмъ изъ нихъ, кто наивно полагалъ, что тотъ юристъ и хорошъ, который умѣетъ обходить законъ.

Въ этомъ отношеніи съ С. И. Матвѣевымъ сговориться было уже нельзя, и тѣ, кому это было не по душѣ, стара-

тельно при всякомъ удобномъ случаѣ обходили IV гражданское отдѣленіе Московскаго Окружнаго Суда.

Такой-же симпатичный судья былъ переведенъ изъ Кіева, на мѣсто ушедшаго въ отставку члена Суда Н. И. Печкина, въ III уголовное отдѣленіе въ лицѣ И. Н. Ольховскаго, занимавшаго постъ товарища председателя того-же отдѣленія

С. И. Матвѣевъ.

послѣ того, какъ Д. А. Нилусъ былъ назначенъ председателемъ московскаго Суда. Болѣе мягкаго, болѣе деликатнаго и гуманнаго и въ то-же время въ высшей степени справедливаго, даже и среди той массы чистыхъ и хорошихъ людей, которые составляли кадры судебной магистратуры, трудно было себя и представить.

Нетерпимость ему какъ-будто совсѣмъ не была знакома, и властнаго окрика отъ него не только въ Судѣ, а, вѣроятно, и никогда въ жизни никто не слыжалъ.

А такъ какъ такіе судьи, какъ С. И. Матвѣевъ и И. Н. Ольховскій, не представляли собою особенно рѣзкаго исключенія среди остальныхъ своихъ товарищей, то поэтому

И. Н. Ольховскій.

можно судить, съ какою осмотрительностью министр юстиціи относился къ выбору лицъ, которымъ ввѣрялась судьба множества другихъ.

И если среди этихъ симпатичныхъ дѣятелей и появлялись по временамъ элементы нежелательные, то, не говоря уже о томъ, что они составляли рѣдкія исключенія, но и

назначенія ихъ имѣли мѣсто ранѣе, чѣмъ постъ министра юстиціи былъ занятъ не только Н. В. Муравьевымъ, но и его предшественникомъ Н. А. Манасеинымъ.

Оба они такъ горячо любили свое дѣло, что никогда сознательно не допустили бы въ него ничего сомнительнаго.

И такой составъ Судовъ былъ особенно важенъ въ такое время, когда характеръ судебныхъ дѣлъ рѣзко измѣнился и принялъ такія уродливыя формы, о какихъ дотолѣ общество не имѣло и понятія.

Такъ, напримѣръ, псаломщикъ Хоровъ судился за то, что, призванный для того, чтобы читать Псалтирь въ часовнѣ при анатомическомъ театрѣ по покойникѣ, онъ этого покойника обокралъ, снявъ съ него не только платье, но и бѣлье, и, надѣвъ на себя все это, скрылся, но на другой-же день въ этомъ-же платьѣ былъ задержанъ.

И никого такое надругательство надъ умершимъ не возмутило, наоборотъ — защита находила это комичнымъ, и Хоровъ вышелъ изъ суда оправданнымъ.

Докторъ Шатуновскій, чтобы пріобрѣсти побольше пациентовъ, искусственно, путемъ впрыскиваній, заражалъ молодыхъ людей отвратительною болѣзною, а у тѣхъ, у кого она уже была, всѣми средствами ее затягивалъ и, такимъ образомъ, создавалъ себѣ надолго кліентуру, ни мало не заботясь о томъ, что онъ губитъ молодыя жизни.

Кромѣ того, онъ старался нажить деньги и всякими другими способами. Такъ, у одной пациентки, просившей у него яда, чтобы отравиться, онъ выпросилъ за эту услугу пять выигрышныхъ билетовъ, которые увидалъ у нея въ сумкѣ, горячо убѣждая ее, что разъ она собралась умирать, ей деньги уже больше не нужны.

Она ихъ ему и отдала, но онъ и тутъ ее обманулъ, давъ ей такое средство, выпивъ котораго, она не только не умерла, но даже и не заболѣла, и тогда она уже явилась къ нему

съ присяжнымъ повѣреннымъ, покойнымъ А. И. Урьясовымъ, и потребовала возврата ея билетовъ. Разстаться съ добычей, разъ уже попавшей въ его лапы, Шатуновскому не хотѣлось, и онъ сталъ убѣждать барыню отравиться еще разъ, обѣщая на этотъ разъ уже „настоящій ядъ“, и только послѣ того, какъ присяжный повѣренный пригрозилъ послать за полиціей, Шатуновскій билеты вернулъ.

И за всѣ эти продѣлки Шатуновскій расплатился всего шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ съ лишеніемъ, правда, и всѣхъ особыхъ правъ, въ томъ числѣ и права врачеванія.

Но и среди этихъ дѣлъ наиболѣе характернымъ въ смыслѣ распущенности нравовъ является дѣло дворянки Гуковой, женщины за 50 лѣтъ. Она влюбилась въ своего жильца, студента Григоріанца, и такъ нахально требовала отъ него взаимности, что онъ вынужденъ былъ обратиться съ жалобой на нее къ мировому судѣ. За это въ камерѣ мирового судьи она облила его сѣрной кислотой, не только причинивъ ему обезображеніе, но и лишивъ его зрѣнія.

И такой-же сумбуръ въ этотъ періодъ времени сталъ врываться и въ гражданскія отношенія однихъ лицъ къ другимъ, и дѣла, возникавшія въ гражданскихъ отдѣленіяхъ Суда, то-и-дѣло переходили въ уголовныя и наоборотъ.

Такъ, напримѣръ, дѣло Нежданова съ Кирьяцкимъ сначала разсматривалось въ судѣ гражданскомъ. Кирьяцкій свое право на домъ, выстроенный имъ по порученію и на средства Нежданова, отстаивалъ на формальномъ основаніи. Купчую на тотъ домъ онъ совершилъ на свое, а не на Нежданова, имя, равно какъ и всѣ счета по постройкѣ того дома писались на его, Кирьяцкаго, имя, а потому онъ и полагалъ, что до его расчетовъ съ Неждановымъ суду нѣтъ дѣла, и домъ долженъ быть присужденъ ему.

Но гражданскій судъ иначе взглянулъ на это дѣло и, усмотрѣвъ въ немъ признаки мошенничества со стороны

Кирьяцкаго, направилъ его къ прокурору. А тамъ это дѣло осложнилось еще и другимъ: Кирьяцкій, чтобы отвлечь вниманіе Нежданова отъ постройки дома, познакомилъ его съ французенкою Коссенъ, и Неждановъ, влюбившись въ нее, рѣшилъ немедленно на ней жениться. На это Коссенъ ему отвѣтила, что замужъ она выйдетъ не иначе, какъ съ согласія своихъ родителей, живущихъ въ Парижѣ, но что послѣдніе дадутъ это согласіе лишь въ томъ случаѣ, если у нея въ рукахъ будетъ капиталъ, которымъ обезпечить ее женихъ.

Неждановъ безпрекословно сейчасъ же вручилъ ей 20 тысячъ рублей, и они отправились въ Парижъ, чтобы испросить согласіе родителей невѣсты. Кирьяцкій поѣхалъ проводить ихъ до Варшавы. Вотъ тутъ-то и наступила неожиданная для Нежданова развязка. Въ Варшавѣ Коссенъ объявила ему, что замужъ она выходитъ не за него, а за Кирьяцкаго, а затѣмъ выяснилось, что деньги, данныя ей, Кирьяцкій уже успѣлъ положить въ Варшавѣ въ банкъ на свое имя.

Какъ ни былъ ошеломленъ Неждановъ такимъ инцидентомъ, у него все-таки хватило рѣшимости тотчасъ-же заявить объ этомъ полиціи, которая и успѣла наложить арестъ на деньги, положенныя Кирьяцкимъ въ банкъ.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Кирьяцкимъ, въ дѣлѣ о мошенничествѣ пришлось фигурировать въ качествѣ обвиняемой и Коссенъ, и вотъ тутъ-то ярко и сказалось, насколько этика французенки, заброшенной въ Москву чуть не ребенкомъ и уже дошедшей до извѣстнаго паденія, оказалась выше этики Кирьяцкаго, кичившагося и дворянствомъ, и званіемъ офицера, къ слову сказать, изъ полка товарищескимъ судомъ исключеннаго.

Она откровенно созналась, что всю эту продѣлку она совершила по подговору Кирьяцкаго, котораго любила и которому принадлежала, и категорически отказалась взять обратно подаренныя ей Неждановымъ драгоценности на нѣ-

сколько тысячъ рублей, найденныя у нея и арестованныя, хотя Неждановъ на возвратъ этихъ драгоценностей не претендовалъ.

Кирияцкій, наоборотъ, вызывающе отстаивалъ свое право на все то, что ему удалось присвоить изъ имущества Нежданова, пока не убѣдилъ его въ противномъ обвинительный приговоръ.

Еще больше запутаннымъ въ правовомъ отношеніи было дѣло одной крупной фабричной фирмы, начавшееся сначала въ Судѣ уголовномъ и уже послѣ оправдательнаго вердикта перешедшее въ Судъ гражданскій.

Дѣло въ томъ, что по дѣламъ этой фирмы была назначена администрація, въ числѣ членовъ которой были близкіе родственники хозяина фирмы. Ввиду этого, веденіе торговаго дѣла было поручено хозяину фирмы, и онъ былъ ограниченъ администраціей лишь въ томъ, что могъ производить учетъ только тѣхъ векселей, на которые ставилъ бланки кто-либо изъ администраторовъ.

Такъ онъ и дѣлалъ, а когда дѣло дошло до протестовъ, то оказалось, что такихъ подложныхъ векселей съ бланками администраторовъ отъ имени фиктивныхъ покупателей было учтено на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, каковыя векселя служащими фирмы, однако, проводились по всѣмъ книгамъ съ маленькой отмѣткой краснымъ карандашомъ.

Когда это обнаружилось, хозяинъ фирмы пустилъ себя пулю въ лобъ, предоставивъ уже другимъ разбираться въ этомъ дѣлѣ.

Администраторы и начали съ того, что привлекли служащихъ фирмы, знавшихъ о подложности этихъ векселей и носившихъ ихъ для учета въ банкъ, за что имъ платился опредѣленный процентъ, къ уголовной отвѣтственности. А тѣ на судѣ оправдывались тѣмъ, что, такъ какъ на всѣхъ этихъ векселяхъ администраторы ставили свои бланки, то

они и полагали, что администраторы принимаютъ на себя по тѣмъ векселямъ отвѣтственность.

Администраторы-же утверждали, что они сами не знали, какіе изъ векселей были выданы дѣйствительными покупателями и какіе—фиктивными, и потому, довѣряя умершему родственнику, снабжали эти векселя бланками.

Во всякомъ случаѣ, почва для защиты служащихъ по этому дѣлу была благодарная, и ее блестяще использовали присяжные повѣренные Шубинской, Ходасевичъ и Коссовскій.

Присяжные засѣдатели оправдали всѣхъ обвиняемыхъ, предоставивъ администраторамъ разбираться съ ними въ Судѣ гражданскомъ. Въ выигрышъ-же по этому дѣлу остался одинъ М. И. Коссовскій, имя котораго съ этого дѣла стало настолько-же популярнымъ, насколько популярны были имена Ходасевича, Малянтовича и другихъ членовъ той-же группы, о которой я уже упоминала.

Въ это-же приблизительно время выдвинулся и другой не менѣ видный членъ присяжной адвокатуры К. А. Томашевскій, какъ одинъ изъ лучшихъ уголовныхъ защитниковъ.

А на-ряду съ этими дѣлами то здѣсь, то тамъ, въ Россіи стали возникать дѣла и иного сорта.

На Кавказѣ цѣлая группа людей судилась за безпорядки, учиненныя при передачѣ армянскихъ церковныхъ имуществъ въ другое вѣдомство. Въ Петербургѣ судился студентъ Данишевскій за покушеніе на убійство редактора „Русскаго Знамени“ Крушевана. Въ Гомелѣ цѣлый мѣсяцъ тянулось безконечное дѣло объ анти-еврейскихъ безпорядкахъ. Въ Москвѣ судился Минасянцъ за убійство, по приказанію армянскаго подпольнаго фонда, банкира Джамгарова.

Передъ интересомъ, захватывавшимъ вниманіе публики по всѣмъ такимъ дѣламъ, конечно, уже блѣднѣлъ интересъ даже къ такимъ дѣламъ, какъ подлогъ американскаго рысака „Разсвѣтъ“ и убійство дворянина Томашевского его

родственниками и пріятелями съ помощью шприца Праваца, съ цѣлью его ограбленія.

Убійства уже начинали считаться въ порядкѣ вещей, и убійцы сплошь и рядомъ уходили изъ суда оправданными.

К. А. Томашевскій.

М. М. Коссовскій.

Наступалъ 1904 г. Этотъ первый високосный годъ наступившаго XX вѣка принесть русскому народу столько горя и бѣдъ, сколько въ другія времена не накоплялось ихъ и десятками лѣтъ.

Правда, уже значительно раньше начались толки о возможности войны между Россіей и Японіей, но эта возможность настолько казалась проблематичной, что еще 20 января столичныя газеты осмѣивали появленіе во Владиво-

стокѣ англійскихъ военныхъ корреспондентовъ, а 25 января война не только была объявлена, но въ ночь на 27-е января уже было совершено нападеніе японцами на русскія суда, стоящія у Портъ-Артура.

Но всѣ ужасы кровавой, безпощадной войны, особенно усугублявшіеся благодаря недочетамъ интендантскаго вѣдомства и сибирскаго желѣзнодорожнаго строительства, меркли передъ тѣми ужасами, которые назрѣвали внутри страны, такими же кровавыми, бессмысленными и безцѣльными, но еще болѣе отвратительными тѣмъ, что на войнѣ всякій ожидалъ нападенія врага и готовился къ оборонѣ, а здѣсь убійства по большей части производились неожиданно изъ-за угла, прежде чѣмъ подвергавшійся нападенію могъ даже сообразить, въ чемъ заключается то недорозумѣніе, за которое, внезапно и нежданно, онъ расплачивается жизнью.

И какъ будто въ насмѣшку надъ всѣми человѣческими и христіанскими идеалами, эта кровавая бойня, продолжавшаяся около трехъ лѣтъ, осиротившая и пустившая по міру тысячи семей, была обозвана ея инициаторами громкимъ именемъ „освободительнаго движенія“.

Началось оно, какъ и слѣдовало ожидать, въ Петербургѣ, гдѣ народъ является наиболѣе распропагандированнымъ, и гдѣ агитаторамъ легче и ближе орудовать; началось съ забастовки рабочихъ на Путиловскомъ заводѣ, сначала предъявившихъ только экономическія требованія, а нѣсколько дней спустя къ нимъ были уже примѣшаны и требованія политическія, хотя правительственные круги и сами тяготились тяжелыми условіями рабочаго класса вообще, а равно и условіями крестьянскаго землевладѣнія.

Для урегулированія этихъ вопросовъ создавались коммисіи, которымъ спѣшно предлагалось выработать новыя, болѣе нормальныя условія существованія и фабричныхъ рабочихъ и крестьянъ, но ждать упорядоченія этихъ вопро-

совъ никто не желалъ, и забастовки съ одного завода переносились на другой. За фабриками и заводами начинали бастовать университеты и другія высшія учебныя заведенія, требуя права сходокъ и собраній и автономнаго самоуправленія, причемъ студенты и курсистки, упоенные и заигнотизированные горячими рѣчами тѣхъ, кто дѣйствуя за сплошною стѣною ихъ спинъ, таскалъ ихъ руками каштаны изъ огня, конечно, и не подозрѣвали того, что ихъ вдохновителямъ эта автономія исключительно нужна для того, чтобы, сплотившись въ тѣсный кружокъ, уже не допускать въ него никакой конкуренціи и, если не навсегда, то надолго сохранить теплыя мѣста для себя и для своихъ присныхъ.

За студентами по пятамъ, конечно, слѣдовали гимназисты до младшихъ классовъ включительно, огромное большинство которыхъ, не задаваясь мучительными вопросами, для чего это нужно, удовлетворялось тѣмъ, что это было въ модѣ, что такъ поступаютъ и другіе, отстать отъ которыхъ не желали.

За молодежью и распропагандированными дѣтьми шли служащіе желѣзныхъ дорогъ, фармацевты, приказчики торговыхъ и промышленныхъ заведеній и ремесленный людъ, а за ними къ этому движенію примыкало уже все то, что привыкло ловить рыбу въ мутной водѣ, и кому общественные безпорядки были на руку.

Забастовки эти не носили дружнаго характера и, возникая то здѣсь, то тамъ, какъ дождевые пузыри на взбаламученной поверхности, живо подавлялись полицейскими мѣрами, въ рѣдкихъ случаяхъ вызывая вмѣшательство казаковъ, и пока онѣ имѣли мѣсто только въ столицахъ, онѣ являли собою еще только полбѣды. А общество, въ огромномъ большинствѣ привыкшее жить заднимъ умомъ, увлекаемая лицевою стороною этого движенія, не умѣя своевременно оцѣнить его подкладки, въ будущемъ грозившей

неисчислимыми бѣдствіями, которыя прежде всего должны были обрушиться на классы неимущіе, этому движенію рукоплескало.

Совсѣмъ иной характеръ это движеніе приняло тогда, когда оно перешло и на остальные города обширнаго государства и, какъ и слѣдовало ожидать, самымъ ужаснымъ образомъ отозвалось на окраинахъ.

Всюду, гдѣ существовали разноплеменные слои общества, сразу вспыхнула такая племенная вражда, которая исполнѣ устраняла возможность какого бы то ни было компромисса.

На Кавказѣ, въ Юго-Западномъ краѣ, въ Финляндіи начались на почвѣ политической рѣзни массовыя убійства, потекли рѣчки крови.

Между татарскимъ населеніемъ Кавказа, съ одной стороны, и грузинскимъ и армянскимъ — съ другой, шла такая рѣзня, которая ни мало не уступала обыкновенной войнѣ дикарей. Убивались и сжигались цѣлыя селенія, а когда для усмиренія дикарей являлись отряды казаковъ или русскихъ солдатъ, на нихъ нападали при всякомъ удобномъ случаѣ обѣ враждующія стороны, а если являлась возможность, то и убивали изъ нихъ тѣхъ, кто не умѣлъ во время остеречься.

Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ край былъ объявленъ на военномъ положеніи, а это давало новый поводъ бурлить и въ центрѣ Россіи.

Въ Юго-Западномъ краѣ евреи и поляки бѣшено привѣтствовали грядущую революцію, позволяя себѣ самыя неистовыя выступленія, а русское населеніе, теряя всякое самообладаніе, отвѣчало имъ не менѣе неистовыми погромами.

И здѣсь кровь лилась рѣкой, и эта обуявшая всѣ сердца вражда больше и чаще всего обрушивалась на лицъ, поставленныхъ въ необходимость водворять порядокъ.

Полицейскіе чины и чины жандармскихъ управленій, начиная съ градоначальниковъ и кончая сотнями городовыхъ и нижнихъ чиновъ, всюду истреблялись самыми безчеловѣчными способами, и взрывчатыми снарядами, и сѣрной кислотой, и пулями, направленными или изъ-за угла или изъ глубины жилыхъ помѣщеній,—и безропотно гибли эти служаки только за то, что твердо и безбоязненно исполняли свой долгъ, который возлагала на нихъ ихъ служба.

А дикари, наивно мнившіе себя не только интеллигентами, но и либералами, не только не возмущались этой бессмысленною, кровавою бойней, но и приходили въ восторгъ, узнавая о каждомъ новомъ убійствѣ, чувствуя, какъ герои, безчеловѣчныхъ убійцъ и отчисляя къ черной сотнѣ всѣхъ тѣхъ, кому эта братоубійственная война надрывала сердце.

Нравы достигли полного озвѣрѣнія, и тѣ либералы, которые были выращены въ принципахъ, выработанныхъ 60-ми годами истекшаго вѣка, которые, ненавидя и презирая всякое насиліе, принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы добиться обновленія условій общественной жизни путемъ постепеннаго прогресса, были объявлены ретроgrадами и всѣми мѣрами оттѣснялись ихъ беззастѣнчивыми и безпринципными противниками отъ вліянія на общественную жизнь.

Конечно, такая подтасовка понятій не имѣла ровно никакого значенія. Либералы, обзываемые ретроgrадами, не сдѣлались отъ этого ни менѣ либеральными, ни менѣ чистыми, такъ же, какъ и анархисты, присвоившіе себѣ кличку либераловъ, остались, какъ и были, волками, съ ихъ волчьими инстинктами, и, сами сознавая, что отъ новой клички они ни мало не сдѣлались либеральнѣе, удерживали ее за собою только затѣмъ, чтобы удобнѣе втирать очки неопытнымъ и мало развитымъ людямъ, привыкшимъ всякому вѣрить на слово, людямъ, которые за отсутствіемъ способности критиковать, судятъ о всякомъ предметѣ по его названію.

Съ окраинъ это озвѣрѣніе переходило постепенно и на центральныя губерніи. И здѣсь, какъ и тамъ, безпощадно убивались лица, становившіяся у власти, такъ же, какъ и всѣ тѣ, кому поручалось водвореніе порядка, а крестьянами, подстрекаемыми агитаторами, громились помѣщичьи усадьбы, и все, что нельзя было унести, безпощадно сжигалось.

Это былъ какой-то повальный психозъ, люди, избивавшіе другъ друга и оптомъ и въ розницу, совершенно упускали изъ виду, что настанетъ часъ расплаты, несмотря на такое недвусмысленное предостереженіе, какъ объявленіе то той, то другой мѣстности на положеніи усиленной охраны.

Тяжелый кошмаръ, вызванный такимъ необычнымъ теченіемъ общественной жизни и охватившій все русское общество, длился цѣлые два года.

Неудачная война на Дальнемъ Востокѣ заканчивалась такимъ же неудачнымъ миромъ, а общественная жизнь продолжала бурлить, несмотря на то, что комиссія учрежденная при Государственномъ Совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ гр. Сольскаго уже вырабатывала новыя формы общественной жизни, въ которыхъ большая доля участія отводилась членамъ Государственной Думы, выборъ которыхъ предоставлялся самому населенію изъ всѣхъ слоевъ общества.

Такое нововведеніе, конечно, удовлетворило бы всякаго разумнаго человѣка, желающаго работать на пользу родной страны, и эта работа при общемъ усердіи могла бы быть болѣе, чѣмъ плодотворна.

Но для этого нужно было работать, а это-то вовсе и не улыбалось огромному большинству русскихъ общественныхъ дѣятелей. Они больше любили работать языками, а силы свои приберегали для обдѣлыванія собственныхъ дѣлишекъ, заботу же объ общественномъ благѣ предпочитали возлагать на власть имущихъ.

Поэтому, Государственная Дума въ томъ видѣ, въ какомъ предполагалось ея осуществленіе, большинству была

не по сердцу, и прежде, чѣмъ она была введена въ жизнь, уже возбуждался вопросъ о необходимости ее бойкотировать.

Но о бойкотѣ только поговорили. Попастъ въ Думу въ качествѣ депутата большинству все-таки казалось лестнымъ, тѣмъ болѣе, что лица, стремившіяся въ нее попасть, не теряли надежды въ самомъ непродолжительномъ времени превратить ее въ парламентъ.

Тому, что общество продолжало бурлить, особенно способствовало то обстоятельство, что предѣдателемъ Совѣта Министровъ, гр. Витте, были проведены въ жизнь свобода собраний и свобода печати.

При той распушенности нравовъ, которая уже охватила всѣ слои русскаго общества, эти двѣ свободы довели развалъ до его кульминаціоннаго пункта, дальше котораго идти уже было некуда. Книжный рынокъ сразу наполнился небывалой до того времени литературой двухъ сортовъ: порнографической и революціонной, одинаково безстыдной, быющей на инстинкты неразвитой, но жадной на впечатлѣнія толпы.

Не было той гадости, не было той брани, которыя не печатались бы въ этихъ листкахъ по адресу правительства, которому приписывались такія гнусности, какія только могъ придумать человекъ, не знающій стыда и увѣренный въ безнаказанности.

Еще худшую роль сыграла свобода собраний. Пьяныя толпы хулигановъ и бастовавшихъ рабочихъ являлись заведомыми вѣхъ митинговъ, которые происходили и въ городахъ, и въ селахъ, и на фабрикахъ. Ораторы, обращавшіеся къ этимъ толпамъ, наперерывъ, одинъ передъ другимъ, старались очернить правительство, призывая всѣхъ къ поголовной съ нимъ борьбѣ и рисуя заманчивыя картины того свѣтлаго будущаго, которое ожидаетъ народъ, когда онъ сброситъ съ себя правительственное ярмо.

Опьяненная этими обѣщаніями, и безъ того уже возбужденная толпа слѣпо довѣрялась этимъ ораторамъ, готовая идти на все, лишь бы заполучить хоть часть того, что они щедро сулили, и, такимъ образомъ, являла собою тотъ матеріалъ, который уже легко было вовлечь во всякіе безпорядки.

Забастовки фабричныхъ рабочихъ, начавшіяся еще въ октябрѣ, приняли въ Москвѣ угрожающій характеръ, наводившій панику на мирныхъ обывателей, сторонившихся отъ политическихъ вѣяній.

Наконецъ, 7-го декабря началась всеобщая всероссійская забастовка, носившая открыто революціонный характеръ, съ повсемѣстнымъ устройствомъ баррикадъ, нападеніемъ на полицейскіе участки и сопротивленіемъ войскамъ.

7-го декабря забастовщики обходили всѣ улицы, требуя немедленнаго прекращенія торговли въ лавкахъ и магазинахъ и грозя немедленнымъ разгромомъ тѣмъ, кто не спѣшилъ исполнить это приказаніе.

То-же самое совершалось и во всѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ имѣлся составъ служащихъ. Не избѣгли этой участи и судебныя учрежденія.

Къ этому времени старшимъ предсѣдателемъ Судебной Палаты состоялъ Ф. Ф. Арнольдъ, гуманнѣйшій и добрѣйшій человекъ, но слишкомъ слабохарактерный, и, поэтому, немедленно разрѣшившій устройство митинговъ въ Кругломъ залѣ Суда, какъ только присяжные повѣренные пристали къ нему неотступно съ этой просьбой.

Начались митинги и въ Судѣ. Правда, эти митинги были немногочисленны, — активное участіе принимали въ нихъ человекъ 20—30 присяжныхъ повѣренныхъ, остальные заходили въ залъ на 5, на 10 минутъ, чтобы послушать, о чемъ ведутъ рѣчь изступленные ораторы, а также мимоходомъ заходила и случайно попавшая въ Судъ публика, у которой находился досугъ. Но привлечь служащихъ Суда

къ устройству забастовокъ, которыя уже устраивались во всѣхъ учрежденіяхъ, имъ такъ и не удалось.

Товарищи предсѣдателя зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы въ ихъ отдѣленіяхъ занятія не прекращались, и къ ходившимъ по капцеляріямъ присяжнымъ повѣреннымъ, горячо убѣждавшимъ всѣхъ прекратить работу, изрѣдка присоединялись на какихъ-нибудь полчаса или часъ служащіе въ тѣхъ отдѣленіяхъ барышни, и тѣ только изъ тѣхъ отдѣленій, гдѣ товарищи предсѣдателя смотрѣли на это сквозь пальцы. Изъ IV-го-же отдѣленія, гдѣ С. И. Матвѣевъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы работа не задерживалась, не дерзалъ уходить никто, а въ III-е отдѣленіе, находившееся въ завѣдываніи Д. А. Нилуса, не осмѣливались входить въ теченіе всего этого мѣсяца и сами присяжные повѣренные, зная, что они получаютъ суровый отпоръ; они, однажды, только сорвали свое зло на секретарѣ, изругавъ его за то, что его служащіе остаются непреклонны, за что двое изъ присяжныхъ повѣренныхъ въ послѣдствіи судились въ Судебной Палатѣ и были присуждены къ наказанію.

Такое-же фіаско потерпѣли присяжные повѣренные и у судебныхъ сторожей, которые непреклонно исполняли свои обязанности, несмотря на то, что все уже бастовало—и желѣзныя дороги, и трамваи, и телеграфъ, и почта, не говоря уже о фабричныхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ.

И надо сказать правду, что этимъ порядкомъ среди судебныхъ сторожей Судъ въ значительной мѣрѣ былъ обязанъ вахтерамъ Семенову, Кузьмину и Карпову, которые, пользуясь уваженіемъ своихъ сослуживцевъ и имѣя на нихъ вліяніе, горячо убѣждали товарищей оставаться вѣрными своему долгу, а такъ какъ къ нимъ примкнуло большинство, то оставшемуся въ меньшинствѣ элементу, который тоже не прочь былъ побурлить, волей-неволей приходилось сдерживать свои порывы.

небольшимъ количествомъ лицъ, достигающимъ въ Судѣ едва-ли 70 человѣкъ, то естественно, что энергія и порядительность лица, стоящаго во главѣ ихъ, является особенно цѣннымъ его качествомъ.

Оттого-то назначеніе Д. А. Нилуса предсѣдателемъ, въ рукахъ котораго сосредоточенъ и надзоръ за всею меньшею судейскою братіей, отъ которой зависитъ и добросовѣстное предварительное подготовленіе къ слушанію въ Судѣ дѣлъ и приведеніе судебныхъ постановленій въ исполненіе, и являлось для всѣхъ такимъ желаннымъ. Всѣ вѣрили въ его помощь, всякій чувствовалъ себя за нимъ спокойно.

Правда, стройность порядка судебного производства ему въ значительной мѣрѣ обеспечивали и лица, принадлежавшія къ составу отдѣленій; все это были зрѣлые люди, молодость которыхъ протекала въ самыя лучшія времена, какія только переживали судебныя учрежденія, и увлеченіе которыхъ этою чисто идейною службой (въ матеріальномъ отношеніи она оплачивается невѣроятно скудно) къ наступленію зрѣлости успѣло окрѣпнуть и дало странѣ массу такихъ самоотверженныхъ работниковъ. Безъ этой одухотворяющей общее дѣло идеи никакая мощь не удержала бы его отъ развала, такъ какъ только нищенскіе оклады и доводили постепенно дореформенныхъ судебныхъ дѣятелей и до взяточничества, и до лихоимства, а между тѣмъ оклады современныхъ судебныхъ дѣятелей, хотъ и повышены сравнительно съ прежними окладами, но если сопоставить тѣ и другіе съ цѣнами, существовавшими тогда и существующими теперь, на предметы первой необходимости, то прежніе оклады едва-ли окажутся особенно меньше окладовъ теперешнихъ.

Какая разница въ цѣнѣ денегъ произошла въ эти 50 лѣтъ, можно судить по тому, что, зарабатывая въ молодости 45 рублей въ мѣсяцъ, я была несравненно богаче, чѣмъ теперь, когда мой заработокъ достигаетъ 250 и

300 рублей. И такъ, конечно, и у всѣхъ тѣхъ, кто жилъ тогда и живетъ теперь. И если въ 1870 году мой мужъ въ качествѣ старшаго секретаря дореформеннаго Сената получалъ тысячу рублей въ годъ, то теперешнему секретарю Судебной Палаты, чтобы пользоваться тѣми-же благами жизни, надо было бы получать до 5 тысячъ рублей въ годъ, а между тѣмъ столько не получаютъ не только члены Суда, но и товарищи председателя.

Слѣдовательно, сравнительно съ повышеніемъ цѣны жизни, оклады не только не увеличились, но, пожалуй, еще сократились. Это и есть самое больное мѣсто министерства юстиціи, противъ котораго его высшимъ представителямъ надлежало бы энергично и упорно бороться. Правосудіе—чрезчуръ цѣнная вещь, а, слѣдовательно, и жрецы его должны быть обеспечены настолько, чтобы ни о какихъ соблазнахъ не могло быть и рѣчи, иначе, когда старые идеалисты уйдутъ отъ дѣла, изъ новаго болѣе реальнаго поколѣнія ихъ мѣсто займутъ не лучшіе люди, какъ это было въ 60, 70 и даже 80-хъ годахъ, а тѣ, кому уже некуда будетъ дѣваться, и зная, которое такъ высоко несутъ люди второй половины прошлаго вѣка, пожалуй, съ теченіемъ времени и опустится, придавленное тяжестью той нужды, которая и теперь уже даетъ себя чувствовать представителямъ этого вѣдомства. Даже въ лучшемъ случаѣ, если они и не будутъ смотрѣть на свое дѣло, какъ на извѣстный источникъ наживы, вѣдь, они будутъ только правы, если не будутъ отдавать дѣлу своего досуга, а употребятъ его съ большею для себя пользой.

А если и при настоящемъ положеніи вещей гражданскіе судебные процессы затягиваются, въ ожиданіи очереди, во всѣхъ трехъ инстанціяхъ и на 4, и на 5 лѣтъ, то тогда они будутъ тянуться и по 10, и по 12 лѣтъ и примутъ характеръ той волокиты, за которую такъ горько упрекало общество старыя дореформенныя учрежденія.

Пора взглянуть правдѣ въ глаза, пора быть справедли-

вымъ къ тѣмъ, кому вмѣняется въ обязанность творить высшую правду. Пора понять, что лица, оберегающія чужіе интересы, прежде всего сами должны быть матеріально обеспечены.

На все это существуетъ одинъ отвѣтъ: ни на увеличеніе штатовъ, ни на увеличеніе окладовъ у министерства юстиціи нѣтъ средствъ.

Но, конечно, это возраженіе совершенно несостоятельно и принадлежитъ къ области тѣхъ миражей, которыми русскіе люди любятъ себя пугать, когда имъ хочется отложить въ дальній ящикъ то дѣло, которое настоятельно требуется сдѣлать сейчасъ.

Если не по днямъ, а по часамъ растетъ преступность, то, конечно, сообразно съ ея ростомъ должны расти и средства, необходимыя для надлежащей съ нею борьбы. Въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія быть не можетъ, и разъ это необходимо, то должны быть на это и средства.

Теперь коснусь передвиженій, имѣвшихъ мѣсто въ послѣдующее время. Замѣстителемъ Д. А. Нилуса по III отдѣленію, какъ я уже упомянула, явился И. Н. Ольховскій, человѣкъ, пользовавшійся глубокими симпатіями всего судебного міра; но не меньшимъ уваженіемъ стали пользоваться и вновь назначенные товарищи председателя II отдѣленія Т. Я. Кистеневъ, XII и XIII отдѣленій—Л. П. Олышевъ и Г. В. Сысоевъ, котораго я уже имѣла случай назвать выше. До какой степени ихъ дѣятельность является особенно цѣнной въ теперешнее безвременье, можно судить по тому, что за послѣдніе два-три года почти ни одинъ составъ присяжныхъ засѣдателей не уходитъ безъ того, чтобы не выразить публично горячую признательность председательствующимъ за ту серьезную помощь, которую они оказываютъ, давая имъ возможность уйти изъ Суда съ сознаніемъ честно выполненнаго долга.

Въ прокуратурѣ тоже произошли перемѣненія. Вскорѣ вслѣдъ за уходомъ Ф. Ф. Арнольда перечислился въ адвокатуру и его младшій братъ В. Ф. Арнольдъ, состоявшій прокуроромъ Суда, и на его мѣсто вступилъ В. А. Брюнде-Сентъ-Гипполитъ. Изъ товарищей-же прокурора наиболѣе выдающіеся С. Н. Городецкій и Н. Н. Шевцовъ въ свою

Т. Я. Кистеневъ.

Л. П. Олышевъ.

очередь въ 1909 году были назначены прокурорами—одинъ Владимірскаго, а другой Костромскаго Суда.

Такимъ образомъ, въ Москвѣ среди наиболѣе талантливыхъ и серьезныхъ обвинителей остались С. П. Тельпуговъ, В. В. Штурмъ и Г. В. Юргенсъ, а изъ болѣе молодыхъ сначала выдвинулся значительно впередъ Н. П. Чернявскій а нѣсколько позже М. П. Шаповаленко.

На долю всѣхъ этихъ лицъ точно также выпало не мало громкихъ процессовъ, но главнымъ образомъ на фонѣ судебной жизни возникли въ это время новыя картины, носившія характеръ ликвидаціи старыхъ грѣховъ, укоренившихся въ русской жизни и выражавшихся въ служебномъ произволѣ и умопомрачительномъ казнокрадствѣ.

В. Ф. Арнольдъ.

Правда, въ дѣлахъ этого рода, которыя одно за другимъ разсматривались въ Кругломъ залѣ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ подъ-рядъ, дѣятели Московскаго Окружнаго Суда и Судебной Палаты участія не принимали, такъ какъ два изъ этихъ дѣлъ разсматривались Военнымъ Судомъ, а третье особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената. Зато

В. В. Штурмъ.

Г. В. Юргенсъ.

Н. П. Чернявскій.

М. П. Шаловаленко.

московская адвокатура принимала въ нихъ самое дѣятельное участіе.

Первое изъ этихъ дѣлъ, разсматривавшееся Военнымъ Судомъ нѣсколько недѣль, касалось кражъ на сотни тысячъ рублей, производившихся въ пути изъ товарныхъ поѣздовъ желѣзнодорожными же кондукторскими бригадами, отлично въ этомъ смыслѣ спѣвшиися и допускавшими участіе въ этихъ дѣлахъ свободныхъ добровольцевъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ ихъ помощи обойтись было нельзя.

И во всѣхъ этихъ кражахъ на-лицо оказывались и тѣсно сплоченная организація и широкій размахъ. Люди не гнались за мелочами, а намѣтивъ жирный кусокъ, не жалѣли хлопотъ на то, чтобы, воспользовавшись имъ, остаться ни въ подозрѣній.

А желѣзныя дороги, выгадывая гроши на содержаніи своего низшаго служебнаго персонала, сотнями тысячъ расплачивались за эти его грѣхи.

Второе, разсмотрѣнное Военнымъ Судомъ въ то же время, было дѣло интендантовъ. Тутъ рѣчь шла уже не о сотняхъ тысячъ, а о сотняхъ милліоновъ, плившихъ въ интендантскіе карманы за разрѣшеніе грабить казну.

Одна фирма Тилля переплатила интендантамъ за это до 20-ти милліоновъ, а вѣдь поставщиковъ были сотни, и платили они веѣ. Сколько же они сами должны были украсть у казны, чтобы безъ убытка производить такіе расходы!

Пухли отъ жиру интенданты, пухли и поставщики, а за все про все расплачивались здоровьемъ и жизнью солдаты, съ которыхъ тащили эти дѣльцы и сапоги, и рубахи, а кусокъ, который несчастные солдатикіи несли въ ротъ, подмѣнялся этими разбойниками гнилью.

И никому изъ нихъ, и никому изъ ихъ защитниковъ, схватившихъ за защиту этой грязи огромные куши, не пришлось въ голову произвести подсчетъ, сколько солдатскихъ

жизней загублено ими, въ связи съ каждымъ украденнымъ рублемъ.

Всѣ они канючили передъ Судомъ о милосердіи, притворяясь нищими, а ихъ жены, пришедшія послушать интересныхъ защитниковъ, соперничали одна передъ другой брилліантами и не сгорали отъ стыда, когда публично заходила рѣчь о томъ, что и брилліанты эти доставались имъ какъ взятки.

Еще о горшемъ развалѣ общественныхъ нравовъ свидѣтельствовало третье дѣло, тогда же разсмотрѣнное въ стѣнахъ московскихъ судебныхъ учреждений особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената,—о бывшемъ градоначальникѣ генералѣ Рейнботѣ и его ближайшихъ сотрудникахъ. На этомъ процессѣ громадное впечатлѣніе произвелъ своею рѣчью тов. оберъ-прок. В. П. Носовичъ, безпощадно вскрывшій всю мерзость этого дѣла.

У самого ген. Рейнбота еще было оправданіе. Онъ всѣми силами стремился подавить революцію и, такъ какъ на это были нужны средства, учредилъ при градоначальствѣ благотворительный фондъ. Но ни контролироватъ поступленіе въ этотъ фондъ разныхъ суммъ, ни вести по нимъ какую-либо отчетность у него не было ни времени, ни охоты. Довольно того, что суммы эти поступали и черпались изъ этого фонда такъ же безотчетно.

А его ближайшій помощникъ, къ слову сказать, типичный бурбонъ, наивно полагалъ, что развѣ не все равно, изъ какихъ источниковъ будутъ стекаться въ этотъ фондъ деньги, лишь бы онѣ текли,—и, когда по пользованію этимъ фондомъ, обнаружили злоупотребленія, и возникло судебное дѣло, то весь антуражъ его оказался смрадной клоакой.

Сотни свидѣтелей, проходившіе по этому дѣлу, строго дѣлились на четыре группы: на полицейскихъ чиновъ, отходниковъ, шулеровъ, учреждавшихъ клубы и хозяекъ домовъ терпимости; первая категорія свидѣтелей собирала сред-

ства для помянутаго фонда, часть которыхъ по временамъ прилипала къ ихъ карманамъ, за что впослѣдствіи судились и они, а три остальные категоріи были вольными и невольными данниками этаго фонда. Вольными—тогда, когда они сами забѣгали въ градоначальство съ просьбами

В. П. Носовичъ.

помирволить ихъ гнусному промыслу, и невольными—когда ихъ за чрезмѣрную развязность штрафовали.

Возможно, что извѣстная потачка этимъ элементамъ даже входила въ систему ген. Рейнбота, какъ отвлекающее средство для бунтовавшихъ подонковъ общества.

Но подавляя революцію, не стѣсняясь средствами, онъ наивно упускалъ изъ виду, что революціонной горячкой была охвачена не одна чернь.

Что огромную долю участія въ ней принимала зеленая, учащаяся молодежь, и задуматься надъ причинами, побуждавшими ее на эти выступления, ему не приходило въ голову.

Додуматься до того, что именно удушающая атмосфера, окружающія свалки, состоящія изъ шулеровъ, обозниковъ, проворовавшихся интендантовъ съ ихъ женами, щеголяющими крадеными брилліантами, а также хозяекъ домовъ терпимости, и понуждаютъ задыхающуюся молодежь бросаться во все стороны, въ поискахъ тѣхъ оазисовъ, гдѣ еще можно найти живую воду, способную очистить ихъ отъ всей этой грязи, тѣхъ оазисовъ, гдѣ можно вдохнуть полной грудью безъ риска вдохнуть зловоніе,—до этого додуматься ген. Рейнботъ не успѣлъ, потому что самъ въ этой грязи не задыхался.

А что пережила, что выстрадала эта бѣдная молодежь, когда-то осыпанная защитниковъ цвѣтами за защиту несчастныхъ и теперь встрѣтившая ихъ-же защитниками на интендантскомъ процессѣ и изъ ихъ устъ услышавшая, что эти помойницы не такъ уже скверно пахнутъ, разъ изъ нихъ можно даже выудить брилліанты, стоитъ только въ нихъ поусердиѣ покопаться, какъ это сдѣлали они, защитники. Сколько тутъ оказалось разбитыхъ иллюзій и разочарованій, этого не умудрились подсчитать и сами защитники, изъ которыхъ нѣкоторые въ другомъ высокомъ мѣстѣ, уже въ качествѣ „народныхъ представителей“, говорили пышныя рѣчи о высокихъ государственныхъ идеалахъ и народномъ благѣ. *Risum teneatis, amici!*

Да, дѣйствительно, надо было, горько улыбаясь, воздерживаться изъ уваженія къ суду отъ громкаго смѣха, когда изъ этихъ же устъ приходилось слышать потоки словоблудія въ защиту грязныхъ людей по грязному дѣлу. Они подсчитывали лишь „страданія“, которыя переносили ихъ кліенты, „обиженные“, видите-ли, строгимъ сенаторомъ-ревизоромъ, но

не подсчитывали болѣзней и смертей солдатъ—дѣтей того народа, за благо котораго они якобы ратовали.

Да имъ было и не до этого подсчета. Интенданты платили куши, которые тутъ-же, во время шестинедѣльнаго разбирательства процесса, и прожигались, а до того, что переживалось тѣми, кто раньше въ искренность ихъ вѣрилъ, имъ собственно не было и дѣла.

Наивныхъ людей на ихъ вѣкъ хватить,—одни въ нихъ разочаруются, найдутся другіе, которые снова имъ повѣрятъ, когда они станутъ распинаться за меньшого брата. Такъ не терять-же изъ-за этого возможныхъ наслажденій.

Не бѣда, если эти разочаровавшіеся въ поискахъ за живою водой и погибнуть. Они-же явятся ихъ защищать и съ аффектаціей будутъ говорить о святости подвига, а жизнь сама уже преподастъ урокъ тѣмъ, кто съ кротостью голубя не сумѣлъ соединить мудрости змیا.

Пусть бы, молъ, не наивничали и не забывали варварскій кличъ: „Горе побѣжденнымъ!“ Теперь, когда все праздные идеалы устранены, ни для чего другого не осталось мѣста.

Такъ закончилось первое десятилѣтіе XX вѣка.

Почти все громкія дѣла, послѣдовавшія за этими, надѣлавшими шуму, процессами, носили тотъ-же характеръ всевозможныхъ хищеній. Всюду, гдѣ только существовали интендантства, судились и интенданты и чиновники интендантскихъ управленій.

Монахи грабили чудотворную икону и сорванными съ нея драгоценностями украшали собственныхъ сожителейницъ, а кстати уже убивали и непріятныхъ имъ соперниковъ.

Аристократы, въ сообществѣ съ вороватыми докторами, травили своихъ родственниковъ, съ цѣлью захватить предстоящія имъ наслѣдства, или же попросту поддѣлывали духовныя завѣщанія недостаточно осмотрительныхъ богачей. А если никакихъ наслѣдствъ не представлялось, то застраховывалась собственная жизнь, затѣмъ кого-нибудь

убивали и выдавали за застраховавагося, и дѣлались попытки получать страховую премію.

И всѣ эти дѣла, носившія самый разнообразный характеръ, въ общемъ, носили одно и то же стремленіе схватить чужое достояніе и притомъ схватить непременно кушъ.

И всюду преобладалъ самый широкій размахъ.

А въ будущемъ предстоятъ процессы отличающіеся еще большею беззастѣнчивостью. Такъ, шайка дѣльцовъ, разлакомившаяся возможностью легко наживать куши въ тылу дальневосточной арміи, уже не считала нужнымъ умѣрять свои аппетиты и попросту, но въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, стала фабриковать фальшивыя деньги, сначала на китайской территоріи, наводняя ими пограничные города, а когда четверо изъ этой шайки были схвачены, осуждены и сосланы въ Нерчинскую каторгу, они перенесли свою дѣятельность въ другое мѣсто.

Вдохновителей этой шайки эта кара ни мало не испугала и не смутила. Въ лицѣ богатаго благовѣщенскаго торговца, одно время претендовавшаго на постъ градскаго головы И. П. Семерова, они приобрѣли мецената и на его средства повели дѣло еще на болѣе широкую ногу. Въ Ниццѣ на три года, съ платою по 3 тыс. франковъ въ годъ, была нанята роскошная вилла „Долли“, въ третьемъ этажѣ которой и началась поддѣлка сторублевыхъ кредитныхъ ассигнацій. Въ виллѣ этой, то поочередно, то всѣ вмѣстѣ проживали Семеровъ, Левенталь, Дунаевскій и Рохлинъ, а также сожительницы Левенталя и Дунаевскаго, Волотко и Саяпина.

Какъ широко велось это дѣло, видно изъ того, что всѣ машины, необходимыя для этого производства, бумага, краски,—все это въ огромныхъ размѣрахъ выписывалось въ Ниццу изъ Англіи и Бельгіи.

Всѣ сообщники этого дѣла катались въ Благовѣщенскъ и сначала Сибирь наводнили своимъ производствомъ, а за-

тѣмъ стали распространять его и въ Царствѣ Польскомъ, Прибалтійскомъ краѣ, а частью и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Когда властями тождественность производителей этого товара была установлена, министръ юстиціи вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о необходимости сосредоточить слѣдственное производство по поводу этой поддѣлки въ рукахъ слѣдователя Московскаго Окружнаго Суда по особо важнымъ дѣламъ А. Н. Шабельскаго, подъ наблюденіемъ товарища прокурора того же Суда Н. П. Чернявскаго съ отпускомъ необходимыхъ на это производство кредитовъ. На это послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и слѣдователи, объѣхавъ Сибирь и подробно установивъ детали этого дѣла, отправились въ Парижъ и тамъ добились ареста Левенталя и Волотко. Остальные же ихъ сообщники, Семеровъ, Дунаевскій и Рохлинъ, одновременно были арестованы при переѣздѣ границы. При этомъ у Дунаевскаго въ чемоданѣ подъ двойнымъ дномъ были найдены такія же свѣже изготовленныя сторублевыя бумажки на 150 тыс. руб. и въ Парижѣ въ гостиницѣ „Національ“, гдѣ проживалъ Левенталь,—такія же бумажки на 130 тыс. руб.

Кромѣ того, обнаружены данныя, по которымъ можно предполагать, что въ общемъ въ обращеніе пущено этихъ бумажекъ болѣе, чѣмъ на миллионъ руб.

Другимъ представителямъ московской прокуратуры, подъ руководствомъ сенатора Медема было поручено разслѣдованіе сибирской же желѣзнодорожной панамы, и въ итогѣ получилось привлеченіе къ уголовной отвѣтственности 160 человѣкъ.

Наиболѣе же трагическими изъ всѣхъ этихъ будущихъ дѣлъ, конечно, явятся дѣла, непосредственно вытекающія изъ ленскихъ событій.

Какъ только донеслись оттуда печальныя вѣсти о столкновеніи ленскихъ рабочихъ съ войсками, туда, кромѣ правитель-

ственного ревизора, въ лицѣ сенатора С. С. Манухина, отправилась наиболѣе чуткая молодежь изъ петербургскихъ и московскихъ адвокатовъ, и впереди нихъ, какъ и всюду, заняли мѣсто присяжный повѣренный С. А. Кобяковъ и А. М. Никитинъ.

Ихъ появленіе ободряющимъ образомъ подѣйствовало на рабочихъ, и весьма возможно, что только благодаря этому печальныя событія еще не осложнились. Рабочіе поняли, что имъ есть на кого опереться, что они не беззащитны, и это дало возможность вступить волненію въ болѣе спокойное русло судебныхъ разбирательствъ.

А ужъ здѣсь Судъ совѣсти сумѣетъ разобраться, кто правъ и кто виноватъ, и поставить въ надлежащія рамки тѣхъ, кто, потерявъ человѣческій обликъ, въ безумной погонѣ за наживой, додумался до того, чтобы въ жертву ажіотажу приносить сотни человѣческихъ жизней.

И заканчивая эти свои воспоминанія, если о чемъ мнѣ и остается пожалѣть, то развѣ только о томъ, что едва ли я доживу до того свѣтлаго момента, когда по этимъ дѣламъ Судъ торжественно докажетъ хищникамъ, что человѣческія жертвы не могутъ приноситься на алтарѣ ихъ аппетитовъ.

Теперь мнѣ остается упомянуть о перемѣщеніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ истекающемъ 1912-мъ году, когда я заканчиваю пока свои записки.

Лѣтомъ этого года московскія судебныя учрежденія понесли тяжелую утрату въ лицѣ идейнѣйшихъ людей—старѣйшаго изъ своихъ дѣятелей предсѣдателя Д-та Моск. Судеб. Палаты, А. М. Ранга, на разсмотрѣніи дѣла о „червонныхъ валетахъ“ уже участвовавшего въ составѣ Суда въ качествѣ члена,—а вѣдь это было въ февралѣ 1877 г.,—и болѣе молодого, но не менѣе симпатичнаго, тов. предс. III уголовн. отдѣленія Суда И. Н. Ольховскаго.

На мѣсто перваго изъ нихъ назначенъ И. В. Стрижевскій,

переведенный въ Москву года два тому назадъ и замѣчательно толково и корректно ведущій судебныя засѣданія.

Предсѣдателемъ III уголовного департамента Судебной Палаты былъ назначенъ давній членъ московской судебной семьи Л. Б. Шадурскій.

А на мѣсто И. Н. Ольховскаго назначенъ В. Д. Сорокумовскій.

Переведенъ въ Москву на мѣсто прокурора и очень цѣнимый московскимъ судебнымъ міромъ С. Д. Тверской, но за то выхваченъ изъ прокуратуры Судебной Палаты К. Д. Кафафовъ, переведенный въ Петербургъ вице-директоромъ д-та полиціи.

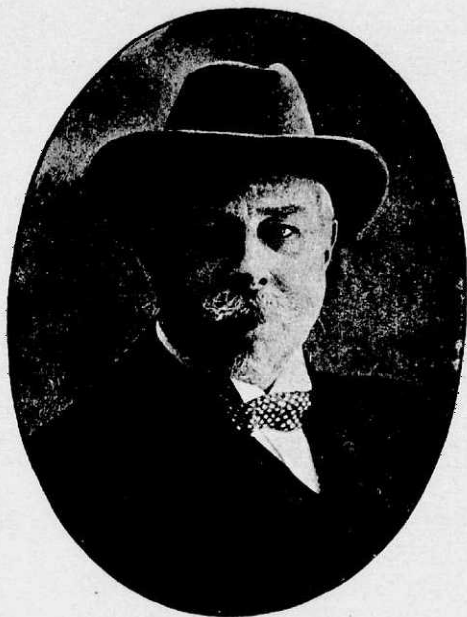
Еще два слова о зданіи. Съ расширеніемъ дѣятельности Суда расширяется и территорія занимаемыхъ имъ въ кремлевскомъ зданіи помѣщеній. Такое необходимое для всѣхъ имѣющихъ дѣло съ Судомъ учрежденіе, какъ почтово-телеграфная станція, выселено изъ общихъ корридоровъ Суда и переведено въ какой-то подвалъ, куда лицамъ, въ немъ ежеминутно нуждающимся, приходится бѣгать черезъ дворъ; и только обширные апартаменты администраціи остались неприкосновенными. Выселяется и писцовый архивъ; все остальное зданіе Судъ занимаетъ уже цѣликомъ, а между тѣмъ тѣснота снова уже даетъ себя чувствовать. Пройдетъ еще какихъ-нибудь десять—пятнадцать лѣтъ, и новымъ людямъ придется позаботиться о новомъ храмѣ правосудія.

Внесутъ-ли они въ него всю ту горячую любовь, то стремленіе къ правдѣ и справедливости, съ которыми вошли сюда первые судебныя дѣятели, покажетъ будущее.

Хотѣлось бы вѣрить, что внесутъ, да. Хотѣлось бы вѣрить, что свѣтлые образы А. Н. Шахова, Е. Е. Люминарскаго, Э. Н. Сумбула, А. Н. Попова и П. М. Александрійскаго не прошли совсѣмъ безслѣдно, что ихъ беззавѣтное стремленіе къ правдѣ и справедливости заронило добрыя сѣмена въ души

болѣ чуткихъ, болѣ воспріимчивыхъ изъ тѣхъ, кому приходилось съ ними служить, съ ними работать,—тѣ сѣмена, которыя въ будущемъ дадутъ пышный цвѣтъ и обильный плодъ.

Хочется этому вѣрить, потому что иначе не только не стояло бы, но и нельзя было бы жить.

Э. Э. Матеріа.

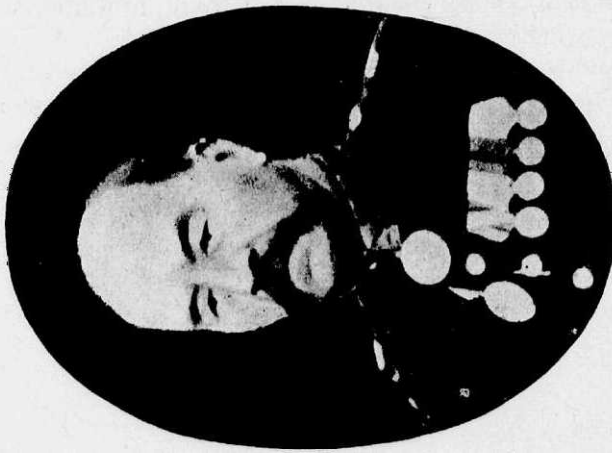

В. И. Шевелкинъ.

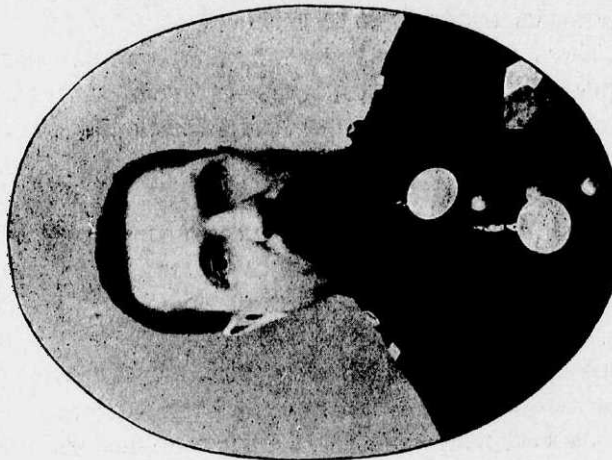
И что это лучшее будущее неизбежно наступитъ, за это ручается та работа, которая произведена уже въ послѣдніе годы лучшими и идейнѣйшими представителями мировой юстиціи.

Я говорю о патронатѣ и о судѣ, учрежденномъ для малолѣтнихъ преступниковъ.

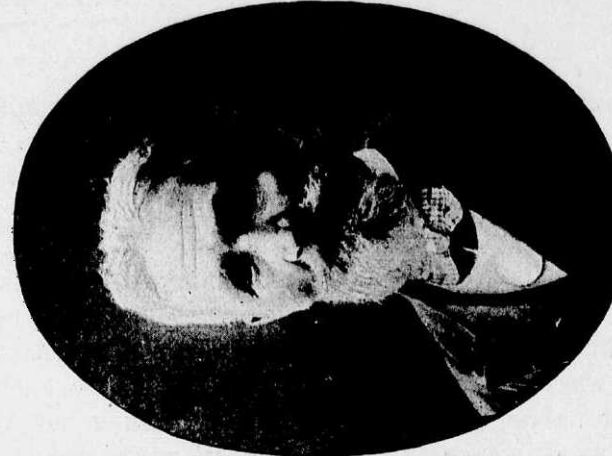
Старшіе вахтеры Московскаго Окружнаго Суда.

Семеновъ

Карловъ.

Кузьминъ. Е

И слушая горячія убѣжденія не знавшихъ удержу повѣренныхъ, судебные сторожа относились къ нимъ критически и шутливо увѣряли ихъ, что свою забастовку они начнутъ съ того, что, уходя изъ швейцарской, они унесутъ съ собою и всѣ оставленные имъ шубы.

Но не всѣмъ въ это время было до шутокъ. Старый солдатъ, участвовавшій въ войнахъ и въ 1848, и въ 1855 годахъ прошлаго вѣка, одинъ изъ указанныхъ выше вахтеровъ Семеновъ, въ то время стоявшій швейцаромъ, до слезъ волновался, когда въ его присутствіи поносили и издѣвались не только надъ правительствомъ, но и надъ всѣмъ тѣмъ, что онъ привыкъ считать за святыню.

И такъ какъ эти издѣвательства, несмотря на многократныя его просьбы, не прекращались въ его присутствіи, то, въ концѣ-концовъ, онъ категорически заявилъ одному изъ присяжныхъ повѣренныхъ, что служить ему не желаетъ и шубы ему подавать не будетъ.

У этого радикала и поклонника неограниченной свободы—по крайней мѣрѣ, на языкѣ—хватило безтактности итти жаловаться на старика, и администрація, чтобы уладить конфликтъ, оштрафовала старика-швейцара. Но это ни мало не измѣнило дѣла, и, заплативъ штрафъ, Семеновъ все-таки отстоялъ свое право не служить тому, кто не считаетъ нужнымъ быть деликатнымъ по отношенію къ нему, и этому присяжному повѣренному все-таки пришлось раздѣваться въ другой части швейцарской.

Не удалось присяжнымъ повѣреннымъ сорвать судебное засѣданіе даже и 7 декабря, когда уже забастовала вся Москва, и на улицахъ стали воздвигаться баррикады. Засѣданіе IV гражданскаго отдѣленія, въ которомъ председательствовалъ С. И. Матвѣевъ, шло своимъ чередомъ, несмотря на заявленія многихъ присяжныхъ повѣренныхъ, что они взволнованы и не могутъ вести порученныхъ имъ дѣлъ, въ виду чего и просили эти дѣла отсрочить. Но онъ

спокойно отвѣчалъ, что дѣлъ онъ не отсрочить въ интересахъ тяжущихся и рассмотреть ихъ и безъ участія повѣренныхъ. Послѣднимъ волей-неволей приходилось оставаться, чтобы не проиграть дѣлъ, за что въ будущемъ они могли отвѣтить, и это послѣднее засѣданіе закончилось уже при свѣчахъ, такъ какъ электричество бастовало.

Послѣ 7 декабря засѣданія Суда сами собою прекратились, такъ какъ съ начала усмиренія вспыхнувшего въ Москвѣ возстанія отдано было распоряженіе запретить Кремль и никого туда изъ постороннихъ больше не пускать.

Къ 20 декабря возстаніе было подавлено, и обо всемъ, что имѣло мѣсто въ эти несчастные два года, начались судебныя разслѣдованія.

Еще до начала броженія Н. В. Муравьевъ, какъ умный человѣкъ, не предвидя отъ него ничего путнаго и потому не желая принимать въ немъ никакого фактическаго участія, поснѣшилъ уйти изъ министерства юстиціи и, перейдя въ дипломатическій корпусъ, тогда-же, какъ человѣкъ, въ силу своего ума очень цѣнный на всякомъ поприщѣ, былъ назначенъ посломъ въ Римъ, а постъ министра юстиціи занялъ бывший директоръ департамента министерства юстиціи С. С. Манухинъ, принимавшій въ числѣ другихъ лицъ участіе въ поѣздкѣ Н. В. Муравьева въ Сибирь на открытіе тамъ судебныхъ учреждений и, несомнѣнно, хорошо ознакомленный и съ планами бывшаго министра, и съ намѣченными имъ передвиженіями. Но уже не до того, конечно, было новому министру въ такое тревожное время, когда все кругомъ бурлило, и волны общественной жизни рвались вонъ изъ береговъ.

Несмотря, однако, на тревогу, поднятую беспокойными элементами, правительство усиленно работало въ смыслѣ осуществленія задачъ, намѣченныхъ манифестомъ 17 октября, и въ Совѣтъ Министровъ, подъ председательствомъ гр. С. Ю. Витте, не только былъ разработанъ планъ учре-

ждения Государственной Думы и Государственного Совета, но и спѣшно подготовлялись выборы будущихъ депутатовъ и членовъ этихъ учреждений, открытіе которыхъ было рѣшено произвести въ 1906 году.

Однако, несмотря на проведеніе такой крупной реформы въ жизнь, несмотря на быстрое подавленіе вспыхнувшего мятежа и на объявленіе большинства крупныхъ центровъ на военномъ положеніи или на положеніи чрезвычайной охраны, полного замиренія въ 1906 г. еще не было.

Грабежи продолжались не только на улицахъ, но онаглѣвшіе хулиганы врывались въ квартиры, въ желѣзнодорожные поѣзда, въ одиноко стоявшіе монастыри, въ винныя лавки, въ волостныя правленія, а иногда даже и въ банки, и грабили, гдѣ могли, если имъ удавалось неожиданно нападенія произвести среди находившихся тамъ панику.

И что главнымъ образомъ было характерно для того печальнаго времени, это то особенное пониженіе нравственнаго чувства молодежи, благодаря которому въ компаніи съ этими хулиганами время отъ времени попадались и подростки изъ болѣе интеллигентныхъ семей, и среди нихъ встрѣчались и студенты, и гимназисты, и даже учительницы, принимавшія участіе въ грабежахъ совмѣстно съ проститутками и ихъ сутенерами.

А на-ряду съ этими преступлениями чисто уголовнаго характера ежедневно и повсюду производились убійства характера политическаго. Маузеры и бомбы работали ежедневно, унося съ собою тысячи жизней, чаще виновныхъ только въ томъ, что на ихъ горькую долю выпала необходимость жить въ такое жестокое время, когда распропагандированному большинству казалось, что гуманитарные идеалы отошли въ область анахронизма, тогда какъ въ дѣйствительности поднявшееся со дна мутью они вмѣстѣ съ людьми, носившими ихъ въ своей душѣ, были загнаны въ

уголъ и тамъ терпѣливо ждали наступленія времени, когда мутная волна снова уляжется, „озвѣрѣніе“, въ своемъ неприкрашенномъ видѣ, предстанетъ передъ лицомъ общества, и большинству сдѣлается стыдно за все то, что въ минуту увлеченія казалось имъ такимъ прекраснымъ.

И понятно, что такъ какъ это „озвѣрѣніе“ мѣшало жить мирной части населенія, расплачивавшейся за это своими боками, то не удивительно, что и оно, реагируя на всѣ эти преступления, гдѣ прибѣгало къ суду Линча, гдѣ къ погромамъ, и въ свою очередь пополняло хронику уголовныхъ происшествій.

И вотъ, вмѣстѣ съ судомъ уголовнымъ, произведшимъ разслѣдованія по всѣмъ тѣмъ дѣламъ, которыя возникли до объявленія чрезвычайной охраны, началъ функционировать и судъ военный, вѣдѣнію котораго подлежало все то, что было совершено послѣ объявленія этой охраны.

Началась суровая, хотя и справедливая расплата, тѣмъ болѣе, что ни анархія, ни массовыя убійства не прекращались.

А тѣмъ временемъ наступалъ знаменательный день открытія Государственной Думы, которое и состоялось 27 апрѣля 1906 г. Въ число депутатовъ перваго состава этой Думы изъ среды московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ были избраны С. А. Муромцевъ и А. Р. Ледницкій, и первый изъ нихъ былъ избранъ и предсѣдателемъ Думы.

Казалось бы, что эти первые избранники русскаго народа, сознавая всю важность возложенныхъ на нихъ полномочій, по собственной инициативѣ должны бы были обратиться къ своимъ избирателямъ съ горячею просьбой прекратить всякія антиправительственныя выступленія и тѣмъ доказать, что они вполнѣ созрѣли для того, чтобы разумно пользоваться тѣми благами свободы, которыя были обѣщаны Высочайшимъ Манифестомъ 17 октября, съ своей стороны

общая избирателямъ всѣми мѣрами добиваться скорѣйшаго выполненія всѣхъ предначертанныхъ Высочайшимъ Манифестомъ реформъ.

Но для того, чтобы обратиться съ такимъ воззваніемъ, нужно было признать себя ставленниками народа, на пользу котораго они должны были трудиться, а они, ослѣпленные положеніемъ, на высотѣ котораго оказались, прежде всего рѣшили бороться съ правительствомъ за власть, и такъ какъ въ этой борьбѣ они рассчитывали, какъ на значительное подспорье, на революціонный элементъ, то успокоеніе страны отнюдь не было имъ на руку.

И вотъ съ первыхъ же засѣданій Государственной Думы, уже въ отвѣтъ на тронную рѣчь, они, игнорируя самыя элементарныя требованія приличія, дерзко потребовали немедленнаго объявленія всеобщей амнистіи,—и это въ такое то время, когда ежедневно и всюду происходили грабежи и убійства, когда всякій день приносилъ извѣстія о десяткахъ нападеній на агентовъ правительства, начиная съ лицъ наиболѣе высокопоставленныхъ и кончая десятками городовыхъ, стражниковъ, казаковъ и рядовыхъ солдатъ.

Кромѣ этой амнистіи, они потребовали отмѣны смертной казни, передачи всей безъ исключенія земли крестьянамъ, не исключая и земли, составляющей собственность частныхъ лицъ, и всеобщаго избирательнаго права.

Напрасно болѣе умѣренные элементы Госуд. Думы убѣждали своихъ закусившихъ удила товарищей, что одни изъ этихъ требованій преждевременны, а другія и совершенно неисполнимы, какъ, на примѣръ, передача земли одному сословію и насильственное отчужденіе ея у другого, ихъ никто не хотѣлъ слушать, а когда для разъясненія того или другого вопроса являлись министры, имъ не только мѣшали говорить, но и всячески поносили и правительство и всѣхъ его представителей, и всякое къ нимъ обращеніе заканчивалось криками: „долой, въ отставку!“

Такая возможность быть грубыми по отношенію къ министрамъ, передъ которыми раньше они трепетали, казалась депутатамъ особенно либеральной, и они хватались за всякій случай, чтобы использовать ее въ полной мѣрѣ.

И хотя, за отсутствіемъ собственной инициативы, они и принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы точка въ точку скопировать французскую революцію, имѣвшую мѣсто болѣе ста лѣтъ тому назадъ, не стѣсняясь тѣмъ, что и для Россіи она черезчуръ устарѣла, но въ пылу битвы совершенно упустили изъ виду, что еще Мольеръ осмѣивалъ подобную тактику, всецѣло приписывая ее хамамъ, случайно забравшимся на господскія мѣста.

А такъ какъ дѣло отъ этого не двигалось впередъ ни на шагъ, и время проходило въ пустой и непроизводительной болтовнѣ, то въ концѣ концовъ терпѣніе правительства изсякло, и Думу было рѣшено распустить.

Высочайшій Указъ о роспускѣ Думы былъ объявленъ 8 іюля, т.-е. черезъ два мѣсяца и десять дней послѣ ея созыва.

Однако депутатамъ это не особенно понравилось, и они, выѣхавъ въ числѣ около 40 человѣкъ въ Выборгъ и все еще рассчитывая на сочувствіе революціонныхъ элементовъ, выпустили воззваніе къ населенію съ призывомъ не давать правительству ни одной копейки денегъ, ни одного солдата—въ армію.

Но этотъ ихъ призывъ не нашелъ отклика въ душѣ и безъ того уже измученнаго анархіей населенія, не терявшаго надежды, что новые депутаты, которыхъ предписывалось избрать къ 20 февраля 1907 г., можетъ быть, и сумѣютъ повести общее дѣло добропорядочно. И воззваніе ех-депутатовъ было встрѣчено гробовымъ молчаніемъ, а сами они за подписаніе его были привлечены къ уголовной отвѣтственности. Sic transit gloria mundi.

Вмѣстѣ съ роспускомъ первой Государственной Думы, послѣдовавшимъ 8 іюля, ушелъ въ отставку и председатель совѣта министровъ, И. Л. Горемыкинъ, занявшій этотъ постъ передъ самымъ открытіемъ Думы, вслѣдствіе неожиданнаго ухода въ отставку гр. Витте, и на мѣсто Горемыкина въ качествѣ председателя совѣта министровъ вступилъ П. А. Столыпинъ.

Министромъ юстиціи въ то время уже состоялъ И. Г. Щегловъ, такъ какъ его предшественникъ С. С. Манухинъ былъ назначенъ при возникновеніи Думы членомъ Государственнаго Совѣта.

Въ виду огромнаго наплыва за послѣдніе годы судебныхъ дѣлъ и въ особенности дѣлъ уголовныхъ, московскія судебныя учрежденія были пополнены двумя уголовными и однимъ гражданскимъ департаментами для Судебной Палаты и двумя гражданскими отдѣленіями для Суда, а сообразно съ этимъ были значительно увеличены и штаты служащихъ. Отозвалось это пополненіе и на передвиженіи особенно даровитыхъ лицъ, производившемся усиленнымъ темпомъ, и всѣ, кто выдавался среди окружающихъ, спѣшно перемѣщались на болѣе отвѣтственные посты, въ свою очередь очищая путь своимъ младшимъ товарищамъ.

Такъ, изъ числа московской прокуратуры С. Ф. Саловъ былъ назначенъ товарищемъ председателя 7-го отдѣленія московскаго Суда, С. Д. Тверской былъ назначенъ прокуроромъ сначала въ Уфу, а затѣмъ въ Нижній-Новгородъ, Н. Н. Чебышевъ—прокуроромъ смоленскаго Суда. Составъ-же московской прокуратуры тогда-же былъ пополненъ тоже очень даровитыми и сразу занявшими первенствующее положеніе среди остальныхъ товарищей, С. Н. Городецкимъ, Н. Н. Шевцовымъ, С. П. Тельпуговымъ (о немъ я уже упоминала выше), которымъ и стали поручаться наиболѣе отвѣтственныя дѣла.

А этихъ отвѣтственныхъ дѣлъ [теперь было больше, чѣмъ когда-либо. Судъ спѣшно ликвидировалъ все то, что имѣло мѣсто за эти злосчастные три года, причемъ одни изъ этихъ дѣлъ направлялись въ Судебную Палату для разсмотрѣнія ихъ съ сословными представителями, другія—въ

Н. Н. Шевцовъ.

С. Н. Городецкій.

уголовныя отдѣленія Суда и, наконецъ, третья категорія дѣлъ направлялась въ военный Судъ.

Не говоря уже о цѣлой массѣ дѣлъ по преимуществу о вооруженныхъ нападеніяхъ, сопровождавшихся убійствами или покушеніями на убійство тѣхъ, кто дѣлался объектомъ нападеній,—дѣлъ, разсмотрѣнныхъ московскимъ военнымъ Судомъ въ томъ-же 1906 г., дѣла съ необычайной поспѣшностью двигались и въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Такъ, въ Судебной Палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей за тотъ-же періодъ уже были рассмотрѣны такіе крупные процессы, какъ Пономарева, Зилотина и Варгазиной, изготовлявшихъ разрывные снаряды; Поляковой и ея подруги, жившей по паспорту умершей Шмидтъ, а также Бердягина и Русова, бросившихъ бомбу въ явившихся къ нимъ для обыска чиновъ полиціи; дочери генерала-отъ-инфантеріи Беневакой и студента Мищенко, изготовлявшихъ бомбу для покушенія на жизнь генерала Дубасова; дочери генерала Кельнеръ, Иванова и Моисеева, обвинявшихся въ храненіи разрывныхъ снарядовъ и, наконецъ, три крупныхъ процесса, длившихся по цѣлому мѣсяцу: первый — о вооруженномъ возстаніи въ Москвѣ вообще, второй — о вооруженномъ возстаніи на фабрикѣ Н. И. Прохорова и третій — о вооруженномъ сопротивленіи въ гимназіи Фидлера.

Не отставалъ въ этомъ отношеніи отъ остальныхъ учреждений и московскій Окружный Судъ. Такъ, въ гражданскомъ его отдѣленіи уже было рассмотрѣно дѣло И. Д. Сытина, искавшаго убытки со страхового общества въ суммѣ 662 тыс. руб. за пожаръ, произведенный войсками во время подавленія вооруженнаго возстанія, а въ уголовныхъ отдѣленіяхъ тоже былъ рассмотрѣнъ рядъ сенсационныхъ дѣлъ, позаимствовавшихъ и для себя окраску, весьма сходную съ окраской политическихъ дѣлъ. До такой степени велика была и здѣсь сила моды.

Такъ, запасный рядовой Стендеръ судился за то, что въ рождественскій сочельникъ послалъ жилищѣ своей возлюбленной въ подарокъ адскую машину, которая при вскрытіи произвела не только взрывъ и пожаръ въ квартирѣ, но и поранила трехъ женщинъ, — и его возлюбленную, и ея 15-лѣтнюю дочь, и ту жилищу, которая, по его мнѣнію, вліяла развращающимъ образомъ на его сожительницу, за что онъ и послалъ ей этотъ по-истинѣ адскій подарокъ.

Судился 18-лѣтній дворянинъ Шацкій, убившій старуху Яновскую, дочь и зять которой, принявъ въ немъ участіе, не только кормили его и одѣвали, но время отъ времени и снабжали небольшими денежными суммами, — убившій ее только за тѣмъ, чтобы воспользоваться бывшими у нея 35 рублями, золотымъ кольцомъ и флакономъ одеколона.

Судились Бойцовъ и Балакирева, убившіе невѣстку послѣдней только за то, что она такъ-же, какъ и ея свекровь, находилась въ связи съ Бойцовымъ, а такъ какъ она была молода и красива, то и была особенно ненавистна свекрови, давно уже лишившейся носа. И вотъ, по требованію старшей соперницы, на средства которой этотъ деревенскій Донъ-Жуанъ существовалъ, младшая соперница была имъ убита и зарыта въ ямѣ, заготовленной обоими убійцами еще наканунѣ въ лѣсу. Такъ была дешева въ это страшное время человѣческая жизнь.

Судились конторщики Ярославской желѣзной дороги, Поваровъ и Крыловъ, которымъ надоѣло бѣдствовать на получаемые ими 30 руб. въ мѣсяцъ, и они, явившись подъ видомъ анархистовъ-коммунистовъ къ Червенко, проживавшей на Петровкѣ, въ густо-населенномъ домѣ Савостьянова, потребовали у нея 300 руб. Она эту сумму безпрекословно отдала, а когда они вышли за дверь, Червенко подняла тревогу, и такъ какъ этотъ случай имѣлъ мѣсто среди бѣлаго дня, то мнимые анархисты и были задержаны, прежде чѣмъ дошли до воротъ.

Судились, наконецъ, Гендель, Невѣдомскій и Губинъ за то, что, явившись утромъ въ квартиру Эфроса въ то время, когда онъ вмѣстѣ съ женою ушелъ въ синагогу, и, удавивъ полотенцемъ впусившую ихъ прислугу, они похитили изъ взломанной ими несгораемой шкатулки 2,200 рублей.

Все эти дѣла, возбуждавшія неослабный интересъ къ Суду московской публики, требовали участія массы лицъ какъ изъ числа прокуратуры, такъ и адвокатуры. Всѣмъ имъ

приходилось много и добросовѣстно работать, чтобы быть на высотѣ принятой на себя задачи, и эта работа на судѣ облекалась въ красивую и захватывающую форму.

Особенно сильными по своему содержанію являлись рѣчи товарища прокурора Судебной Палаты И. М. Золотарева по дѣламъ о вооруженномъ возстаніи въ Москвѣ и по дѣлу Фидлера.

Но еще большее количество труда вкладывалось во всѣ эти дѣла молодыми представителями адвокатуры.

Все, что было среди нихъ лучшаго и болѣе чистаго, уже замѣтно тяготилось тою затхлою атмосферою, которая царила въ этомъ сословіи, и, будучи пока еще безсильны бороться противъ того, къ чему болѣе зрѣлые ихъ товарищи уже привыкли относиться индифферентно, они старались хотя бы положить грань между собою и тѣми, кто ко всему, что вытекало изъ распушенности сословія, были равнодушны.

И вотъ среди этой молодежи сначала образовался кружокъ, задавшійся уже болѣе идейными цѣлями и рѣшившій, насколько было въ ихъ силахъ, доставлять возможность темному, бѣдному люду пользоваться бесплатно и юридическими совѣтами, и защитой. И съ этою цѣлью при Миромъ Съѣздѣ ими была оживлена дѣятельность совсѣмъ замиравшей, хотя и давно существовавшей консулѣтациі, куда всякій могъ обращаться за совѣтомъ или совсѣмъ даромъ, или за самую ничтожную плату, и это уже до извѣстной степени вырывало темную массу изъ когтей тѣхъ подпольныхъ дѣльцовъ, которые ее не только обирали, но и сплошь и рядомъ ставили въ безысходное положеніе.

Слѣдилъ этотъ кружокъ, возобновившій свѣтлыя традиціи былого „Бродячаго Клуба“, о которомъ я говорила выше, и за сословными дѣлами, обсуждая въ своихъ собраніяхъ всякіе сословные инциденты, и хотя его мнѣнія никого и ни къ чему не обязывали, но уже одна возможность сдѣлаться объектомъ обсуждения заставляла лицъ некоррект-

ныхъ быть на-сторожѣ и до извѣстной степени умѣрять свой размахъ. Такимъ образомъ, этотъ кружокъ имѣлъ для сословія и воспитательное значеніе.

Положимъ, съ теченіемъ времени къ этому кружку стали примазываться и всѣ тѣ, кто смотрѣлъ на это, какъ на средство заручиться наиболѣе выгодной репутаціей, но и это не портило дѣла, потому что тому, кто назывался груздемъ, полагалось лѣзть въ кузовъ, и тутъ уже нельзя было распускаться, а приходилось соблюдать хоть декорумъ и чистоты и благородства.

Въ общемъ-же въ этотъ кружокъ хлынула та свѣжая струя сознательной молодежи, которая не могла мириться съ отсутствіемъ идеаловъ, для которой нажива не являлась альфой и омегой, а горе и несчастіе ближнихъ доставляли страданія, и эти страданія отодвигали далеко назадъ личные интересы во имя интересовъ ближняго.

Несомнѣнно, что этой свѣжей струѣ, ворвавшейся въ жизнь сословія, въ будущемъ предстоитъ сыграть роль бурнаго потока, волнами котораго смоеется вся та грязь, которая, къ искреннему горю всѣхъ истинныхъ друзей славной русской присяжной адвокатуры, нарастала и наслаивалась въ ней десятками лѣтъ.

Но это дѣло будущаго, а пока эта молодая рать, рвущаяся принести какъ можно больше пользы людямъ, наиболѣе нуждающимся въ ея помощи, всѣ свои силы устремила на защиту всѣхъ тѣхъ, кому пришлось явиться отвѣтчикомъ за ту бурю, которая пронеслась надъ русскимъ обществомъ въ 1904—1906 годахъ.

Какъ разъ въ это время повсемѣстно въ Россіи стали возникать дѣла аграрныя и погромныя.

Эти дѣла подлежали уже вѣдѣнію не Судовъ и присяжныхъ засѣдателей, а Судебныхъ Палатъ съ сословными представителями, и въ качествѣ защитниковъ по аграрнымъ дѣламъ изъ среды московской адвокатуры стала вы-

ступать группа молодых присяжных повѣренныхъ въ лицѣ В. А. Маклакова, П. Н. Малянтовича, Н. В. Тесленко, М. Ф. Ходасевича и Н. К. Муравьева, имена которыхъ скоро сдѣлались очень популярными.

Съ ними въ такихъ дѣлахъ охотно принималъ участие и Ѳ. Н. Плевако, и такъ какъ его имя всегда при-

А. С. Шмаковъ.

влекало большую публику, то талантливая молодежь и получала возможность показать свои таланты, что называется, лицомъ.

Въ дѣлахъ-же погромныхъ чаще всего въ качествѣ защитника выступалъ присяжный повѣренный А. С. Шмаковъ, горячо отдававшійся этому дѣлу, не упуcaкшій ни одинаго

штриха въ пользу обвиняемыхъ и потому приносившій имъ огромную пользу. Тѣмъ болѣе что въ этихъ дѣлахъ А. С. Шмаковъ отдавался со страстью служенію своей излюбленной идеѣ о злобредности еврейскаго племени, убѣжденнымъ ненавистникомъ котораго онъ былъ всю свою долгую жизнь.

И эти его защиты были тѣмъ почтеннѣе, что взять съ погромщиковъ за защиту, конечно, было нечего, и вся эта работа какъ по погромнымъ, такъ и по аграрнымъ дѣламъ, производилась имъ не только безвозмездно, но даже съ затратой собственныхъ средствъ, не говоря уже о большой затратѣ труда и времени по чисто идейнымъ побужденіямъ, о значеніи и высотѣ которыхъ можно спорить, но которыхъ нельзя не уважать, какъ все искреннее, безкорыстное и откровенно-убѣжденное.

Къ счастью для человѣчества, эти выступления московской адвокатуры свидѣтельствовали о томъ, что, идеалы, хотя и загнанные въ уголъ натискомъ озвѣрѣвшаго большинства, еще жили въ душѣ тѣхъ, кто умѣлъ любить ближняго, и только терпѣливо ждали того момента, когда общество почувствуетъ себя безъ нихъ несчастнымъ и выдвинетъ ихъ съ новою силою впередъ.

Выступая защитниками по всѣмъ политическимъ дѣламъ, совершенно не заботясь о томъ, получаютъ они за это что-нибудь или нѣтъ, члены этого кружка являлись всюду, гдѣ только была въ нихъ нужда, не только въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, но и въ Военномъ Судѣ, и не щадили силъ для того, чтобы отстоять хоть что-нибудь въ пользу своихъ подзащитныхъ.

Защиты эти, въ огромномъ большинствѣ бесплатныя, дѣлились между всѣми членами кружка, но наиболѣе искренними изъ нихъ, наиболѣе фанатичными, сказала бы я, являлись среди нихъ Н. К. Муравьевъ и М. И. Коссовскій, каждымъ своимъ нервомъ переживавшіе особенно тяжелыя защиты въ Военномъ Судѣ.

Конечно, эта борьба за ближняго захватывающимъ образомъ дѣйствовала на болѣе чуткую молодежь, и уже въ 1906 г. далеко выдвинулась впередъ цѣлая группа молодежи, совершенно забывшая о своихъ личныхъ интересахъ и всецѣло отдававшаяся защитѣ самыхъ тяжелыхъ дѣлъ.

И наиболѣе видными фигурами среди этой группы явля-

Н. К. Муравьевъ.

лись тогда еще бывшіе помощниками, а теперь уже присяжные повѣренные П. П. Лидовъ, Я. Б. Якуловъ, С. А. Кобяковъ, М. И. Шредеръ, а также сынъ Ѳ. Н. Плевако, С. Ѳ. Плевако. Последний, однако, всегда стоялъ отъ другихъ товарищей особнякомъ, хотя и принадлежалъ къ тому же кружку.

П. П. Лидовъ.

Я. Б. Якуловъ.

С. А. Кобяковъ.

М. И. Шредеръ.

Что было причиной такого отчужденія, трудно понять. Боялись-ли остальные товарищи, что онъ проявитъ ту же силу присущаго его отцу генія, или думали, что и одного его имени достаточно, чтобы импонировать кліентурѣ, но фактъ тотъ, что онъ стоялъ особнякомъ.

А, между тѣмъ, онъ, хотя въ полной мѣрѣ таланта отца

С. О. Плевако.

не унаследовалъ, но все-таки является адвокатомъ далеко не зауряднымъ и представляетъ крупную силу, съ которою его противникамъ приходится серьезно считаться.

Тонко анализируя психологію своего кліента, онъ умѣетъ создать благоприятное для него настроеніе судей и, никогда не инсинуируя потерпѣвшаго, легко добивается милосердія, а эта симпатичная черта присуща далеко не многимъ.

И такъ же, какъ и остальные товарищи, онъ провелъ массу и политическихъ и уголовныхъ дѣлъ и всюду имѣлъ большой успѣхъ, какъ имѣлъ успѣхъ и среди литературныхъ дѣятелей, и какъ сотрудникъ и какъ редакторъ нѣкоторыхъ изданій.

Было среди этой молодежи много и другихъ, которые съ особеннымъ увлеченіемъ отдавались принятому на себя дѣлу, посвящая ему почти все свое рабочее время, а на платную практику удѣляя лишь свой досугъ.

Общее дѣло, которому съ такимъ забвеніемъ собственныхъ интересовъ стремилась отдаться адвокатская молодежь, сплотило ее въ дружную семью, являвшую надежный оплотъ для слѣдующихъ за ними еще болѣе юныхъ товарищей, и эта семья не распалась и тогда, когда людямъ пришла шальная мысль раздѣлиться на партіи и влѣзть въ тѣсныя рамки кружковщины, не считаясь съ тѣмъ, всѣли члены избранной ими партіи отвѣчаютъ царящимъ въ ихъ думѣ идеаламъ.

На служеніи общечеловѣческому дѣлу сходились и самые крайніе, и самые умѣренные идейные люди, и въ этомъ отношеніи ихъ партійное разномысліе теряло всякое значеніе.

Тутъ были и радикалы—Н. К. Муравьевъ и М. И. Косовскій, и средній между радикалами и кадетами — П. Н. Малянтовичъ, и такіе типичные кадеты, какъ В. А. Маклаковъ и Н. В. Тесленко, и безпартійный М. Ф. Ходасевичъ, и по какому-то странному недоразумѣнію—не безпартійный, а октябристъ О. Н. Плевако.

Всѣ они, отправляясь въ провинцію совмѣстно на какую-нибудь защиту или политическихъ дѣятелей или бушевавшихъ подъ вліяніемъ разнаго рода стимуловъ толпы, страстно и горячо отстаивали интересы своихъ подзащитныхъ, а О. Н. Плевако, не затмевая своихъ юныхъ товарищей, молодой задоръ которыхъ производилъ глубокое впечатлѣніе не только на публику, если дѣло разсматривалось при

открытыхъ дверяхъ, но даже и на судей въ закрытыхъ засѣданіяхъ, въ этихъ совмѣстныхъ защитахъ бралъ только заключительный аккордъ, придавая общей защитѣ еще большую, еще болѣе увлекательную гармонію.

Русское общество къ этому роду защиты привыкло однако не сразу, и даже крупные его представители, смотря на нихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, каждый оцѣнивали ихъ по-своему.

Это особенно характерно выразилось по дѣлу поволжскихъ сектантовъ, разсматривавшемуся 28 января 1902 г. въ городѣ Сумахъ, Харьковской губерніи. Сектанты эти, совершенно мирные, хотя и рационалистическаго толка, искренно считавшіе себя послѣдователями гр. Л. Н. Толстого, какъ-то вдругъ, распропагандированные однимъ изъ своихъ братьевъ Подосеенко, внезапно напали на православный храмъ и разрушили все тамъ находившееся.

На дѣло это, по указанію К. П. Побѣдоносцева, было обращено особое вниманіе, и разсмотрѣніе его при закрытыхъ дверяхъ до такой степени было строго обставлено, что въ засѣданіе не были допущены даже самые близкіе родственники обвиняемыхъ, а подсудимые, находившіеся на свободѣ, были помѣщены въ отдѣльномъ домѣ, гдѣ и жили во время процесса подъ наблюденіемъ урядника.

Вотъ этимъ-то обвиняемымъ и была прислана записочка. Л. Н. Толстымъ, переданная имъ черезъ Чулкова, чтобы на помощь къ мѣстнымъ защитникамъ они пригласили московскихъ адвокатовъ Тесленко, Маклакова и Муравьева, изъ которыхъ послѣдніе два были еще помощниками. И благодаря такой рекомендаціи, они въ этомъ дѣлѣ и фигурировали.

А въ это-же время другой видный общественный дѣятель, В. Г. Короленко, тоже очень интересовавшійся этимъ дѣломъ, писалъ: „Къ сожалѣнію, въ процессѣ этомъ отсутствуетъ коренная русская адвокатура, и защиту взяла на

себя молодежь, какіе-то Тесленко, Маклаковъ и Муравьевъ“.

Правда, въ послѣдствіи онъ измѣнилъ о нихъ это свое мнѣніе и оцѣнилъ ихъ по достоинству, но тогда этотъ его отзывъ ужасно ихъ огорчилъ.

Болѣе чутко къ ихъ дѣятельности относилась общественная совѣсть. Ихъ не только послѣ особенно тяжелыхъ дѣлъ забрасывали цвѣтами и устраивали имъ шумные со всякаго рода оваціями проводы, но—что было для нихъ еще дороже—имъ помогали вносить за подсудимыхъ залого, въ какой бы суммѣ таковыя ни опредѣлялись. Это уже была реальная помощь, особенно дорогая въ томъ смыслѣ, что свидѣтельствовала о безграничномъ довѣріи къ нимъ.

И когда ихъ семья осиротѣла и не стало ихъ старшаго, наиболѣе даровитаго товарища—Ө. Н. Плевако, они, памятуя его завѣты, въ свою очередь встали во главѣ новыхъ кадровъ такой-же увлекающейся молодежи и продолжали начатое дѣло.

И до какой степени эта работа была увлекательна, можно судить по тому, что увлекались ею и чины прокуратуры и даже магистратуры, и перечислялись въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Такъ ушелъ въ адвокатуру предсѣдатель Вологодскаго Суда С. Н. Цемшъ, никогда не мирившійся съ формализмомъ Н. В. Муравьева, хотя тотъ и возлагалъ на него большія надежды. Ушелъ прокуроръ Московскаго Суда В. Ф. Арнольдъ, ушелъ идейнѣйшій изъ представителей прокуратуры В. М. Шаланинъ—и всѣ они съ увлеченіемъ взялись за дѣло, въ которое теперь можно было вложить свою душу.

И это тѣмъ болѣе было необходимо, что никогда ранѣе втеченіе одного года не разсматривалось такого количества уголовныхъ дѣлъ, какое выпало на долю 1907—1908 г. Силы защитниковъ приходилось строго распредѣлять, такъ какъ масса политическихъ дѣлъ одновременно разсматривалась и въ столицѣ, и въ цѣломъ рядѣ провинціальныхъ горо-

довъ. Словомъ, кружокъ былъ заваленъ дѣломъ по-горло, и все, что было талантливо, имѣло полную возможность не затеряться въ толпѣ, а выдвинуться впередъ.

Правда, для того, чтобы защищать въ Военномъ Судѣ, кромѣ таланта, защитникамъ нужны были еще здоровые нервы. Тамъ на долю ихъ подзащитныхъ очень часто выпа-

В. М. Шаланинъ.

дали смертные приговоры, и хотя они, быть можетъ, и были обвиненными вполне заслуженно, но объявленіе ихъ всегда тяжело дѣйствовало на присутствовавшихъ, а на защитниковъ тѣмъ болѣе, такъ какъ у нихъ тотчасъ-же зарождалась мысль: а вдругъ они что-нибудь въ своей защитѣ упустили, что могло бы явиться смягчающимъ обстоятельствомъ для обвиненнаго. И эта мысль, конечно, доставляла имъ

такія невыносимыя страданія, что нѣкоторые изъ нихъ не выдерживали и заболѣвали.

Такъ, напримѣръ, молодой приватъ-доцентъ Г. Я. Закъ, не только очень талантливый и чистый, но и обладающій серьезными знаніями, только однажды взялся за такое тяжелое дѣло и, выслушавъ для обвиненнаго смертный приговоръ, такъ заболѣлъ, что вынужденъ былъ уѣхать лечь-

Г. Я. Закъ.

ся за границу. Вернувшись оттуда, онъ уже не дерзалъ показываться въ Военномъ Судѣ—не потому, что не желалъ быть полезнымъ самымъ несчастнымъ людямъ въ мірѣ, а просто потому, что это было ему не по силамъ.

До какой степени было жутко выслушивать такіе приговоры, можно судить по тому, что обвиняемые, ожидавшіе

таковыхъ для себя и приговоренные къ безсрочной каторгѣ, начинали горячо молиться и благодарить Бога за ниспосланную имъ милость.

А что переживали тѣ, кто ожидалъ смертныхъ приговоръ для своихъ близкихъ, не только описать, но и представить себѣ трудно. Такъ, одна мать, 19-лѣтній сынъ которой обвинялся вмѣстѣ съ другими лицами въ нападеніи у правленія Курекой дороги на фургоны, въ которомъ перевозились крупныя суммы той дороги, въ ожиданіи, пока дѣло объ ея сынѣ будетъ разсматриваться, ежедневно посѣщала Военный Судъ, присутствуя на всѣхъ засѣданіяхъ, когда дѣла разсматривались при открытыхъ дверяхъ, и терпѣливо ожидая приговоровъ въ пріемной Суда, когда публика въ засѣданіе Суда не впускалась.

Ея растерянный, полный безграничнаго отчаянія видъ, всегда производилъ угнетающее впечатлѣніе, но какъ только до ея слуха долеталъ страшный приговоръ, это впечатлѣніе дѣлалось потрясающимъ. Вся какъ-то неестественно вытянувшись впередъ, съ застывшимъ ужасомъ въ помертвѣлыхъ глазахъ, она являла собою такое олицетвореніе страха, что, глядя на нее, можно было сойти съ ума.

Таксе ея состояніе длилось минуты двѣ-три, затѣмъ, какъ-будто приходя въ себя, она безпомощно опускалась на свое мѣсто и, въ безмолвномъ отчаяніи ломая руки, видимо, переживала все то, что въ будущемъ казалось ей неизбѣжнымъ пережить.

Жутко было глядѣть со стороны на эти нечеловѣческія муки, и страннымъ казалось только то, что ея бѣдный мозгъ выдерживаетъ такъ долго эти страшныя переживанія.

А вѣдь это была не единственная мать, и когда на дѣлѣ Брюно, Бѣланова и присяжнаго повѣреннаго Жданова онѣ сошлись втроемъ, каждая по-своему переживая ужасъ страшнаго ожиданія, не было, думается мнѣ, въ Судѣ ни одного

человѣка, нервы котораго не были бы взвинчены этою страшною картиной до послѣдней возможности.

Изъ нихъ мать Бѣланова, грузинка, не знающая русскаго языка, уже съ самаго начала засѣданія едва-ли сознавала, что совершается на судѣ. Очевидно, она заранѣе знала, что ея сыну не сдобровать, и тупое отчаяніе, охвативъ ея душу, уже не оставляло мѣста ни для какого другого впечатлѣнія. Она сидѣла, какъ-то безпомощно раскачиваясь въ обѣ стороны, тупо глядя впередъ, ни взглядомъ, ни словомъ не отзываясь на нѣжныя ухаживанія, которыми окружала ее невѣста ея сына. Такъ-же безучастно глядѣла она на сновавшую мимо нея публику, видимо, совсѣмъ ея не замѣчая, но когда во время перерывовъ мимо нея проходили судьи, она съ мольбой поднимала на нихъ свои заплаканные глаза, и ея губы въ это время что-то беззвучно шептали.

Такъ просидѣла она всѣ три дня, пока разсматривалось это дѣло, такъ она и уѣхала послѣ приговора. Сама она и уѣхала послѣ приговора. Сама она его не поняла, а окружавшіе поспѣшили ее увѣрить, что сынъ ея приговоренъ къ ссылкѣ въ каторгу.

Совсѣмъ иное представляла собою мать другого обвиняемаго—Брюно. Пока разсматривалось это дѣло, она ни на минуту не допускала и мысли, что ея сынъ, которому только-что минуло 19 лѣтъ, и который въ ея глазахъ былъ еще совсѣмъ ребенокъ, можетъ быть приговоренъ къ смерти. Вѣдь, все-таки, онъ былъ младшимъ изъ всѣхъ обвиняемыхъ, и она упорно лелѣяла мысль, что Судъ приметъ это обстоятельство во вниманіе. Эта надежда поддерживала ея силы, но когда страшный приговоръ былъ произнесенъ, и стонъ вырвался изъ груди ея сына, она какъ-то грузно опустилась на полъ и поползла, простирая къ нему руки. Тщетно и мужъ, и старшіе сыновья пытались ее поднять,—ея ноги подкашивались, отказываясь ее держать, и только у самой

рѣшетки, за которою находились осужденные, мужу удалось приподнять ее настолько, что она смогла обхватить шею своего несчастнаго сына и замереть на его груди.

А въ трехъ шагахъ отъ нихъ съ вытянутыми впередъ руками, съ дикимъ ужасомъ въ глазахъ замерла та третья мать, которая еще ожидала Суда надъ своимъ сыномъ.

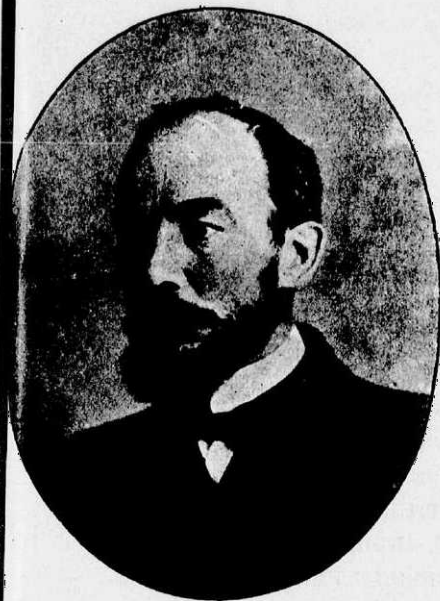
Страшно и тяжело было и со стороны смотрѣть на это безпредѣльное горе матерей,—каково-же было защитникамъ, которые, и сами страдая за обвиненныхъ, ожидали, что обезумѣвшія отъ горя матери бросятъ имъ въ глаза укоръ, что они не сумѣли спасти ихъ сыновей!

А молодежь терпѣливо несла этотъ крестъ, не оставляя ни одного самаго безнадежнаго преступника безъ защиты, и среди нихъ тутъ были уже не единицы, а десятки идейныхъ людей, не жалѣвшихъ ни усилий, ни труда на то, чтобы отыскать въ дѣлѣ хотя бы крошечную черточку, способную хоть до нѣкоторой степени умалить тяжелые проступки ихъ подзащитныхъ.

Многое черное простится русской адвокатурѣ за эти подвиги по истинѣ христіанской любви и милосердія ея младшихъ сыновъ.

Среди нихъ были Б. А. Подгорный, П. А. Фальковский, С. П. Ордынский, А. А. Вѣлорусовъ, А. Н. Вознесенскій, Н. Н. Преображенскій, П. К. Рено, В. П. Воиновъ, С. П. Симсонъ, а по временамъ являлись и нѣкоторые другіе. Это была та славная молодая рать, которая сумѣла полюбить ближняго больше самого себя, и безропотно шла на муку, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить участь наиболѣе несчастныхъ.

Къ счастью для всѣхъ, это тяжелое время миновало. Смута улеглась, положеніе о чрезвычайной охранѣ отмѣнено, и Главнымъ Военнымъ Судомъ смертные приговоры стали выноситься лишь въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напр., по дѣлу объ убійствѣ сторожей въ Скорбященскомъ монастырѣ или о многочисленныхъ убійствахъ на большихъ

С. П. Ордынский.

Б. А. Подгорный.

А. Н. Вознесенскій.

Н. Н. Преображенскій.

дорогахъ. А смертныя казни почти во всѣхъ случаяхъ стали замѣняться каторгой.

Тяжелыя переживанія для молодыхъ адвокатовъ отошли въ область прошлаго. Теперь, уже закалившіеся въ тяжелой борьбѣ, они съ большимъ спокойствіемъ могутъ продолжать свое хорошее дѣло. Тяжелыя годы внесли обла-

А. А. Бѣлорусовъ.

П. А. Фальковский.

гораживающій элементъ въ сословіе, которое уже готово было погрязнуть въ тинѣ повседневныхъ заботъ и борьбы за кусокъ хлѣба.

Приблизительно въ то же время въ судебномъ мірѣ совершился цѣлый рядъ перемѣщеній.

Особенно усиленно эти перемѣщенія стали производиться

послѣ 1905 г. Такъ, прежде другихъ ушли изъ Москвы въ Сенатъ старшій предсѣдатель Судебной Палаты Ф. Ф. Арнольдъ и прокуроръ Палаты В. Ѳ. фонъ-Клугенъ; на мѣсто перваго изъ нихъ былъ назначенъ предсѣдатель харьковской Палаты А. А. Чернявскій, на мѣсто второго—С. С. Хрулевъ. Послѣдній пробылъ здѣсь однако сравнительно не-

В. П. Войновъ.

С. П. Симсонъ.

долго и былъ назначенъ начальникомъ главнаго тюремнаго управленія, а прокуроромъ московской Судебной Палаты былъ назначенъ А. В. Степановъ.

Приблизительно въ то же время былъ возбужденъ вопросъ о недопустимости совмѣстительства, и такъ какъ предсѣдатель Суда, Н. В. Давыдовъ, въ то же время состоялъ и професоромъ въ университетѣ, то онъ отказался отъ долж-

ности председателя и отдался всецѣло профессурѣ. Предсѣдателемъ же Суда былъ назначенъ Д. А. Нилусъ, о которомъ я уже имѣла случай говорить раньше. И что удивительнѣе всего, такъ это то, что даже среди людей, крѣпко его не долюбивавшихъ за его самостоятельность и непреклонность, не нашлось такихъ, кто бы не привѣтствовалъ этого назначения. Всѣ сходились во мнѣніи, что лучшаго председателя нельзя желать, и что онъ всюду наведетъ тѣ порядки, отъ отсутствія которыхъ всѣмъ одинаково приходилось терпѣть.

И назначеніе такого сильнаго человѣка на отвѣтственный постъ было особенно важно въ такое время, когда работа Суда съ каждымъ днемъ принимала все большіе и большіе размѣры. Количество дѣлъ возросло въ неимовѣрной пропорціи, и вмѣсто прежнихъ 30 на каждое уголовное отдѣленіе приходилось въ мѣсяцъ по 70 и болѣе дѣлъ, несмотря на то, что вмѣсто прежнихъ четырехъ уже функционировали шесть уголовныхъ отдѣленій. Въ такой-же почти пропорціи росло и количество гражданскихъ дѣлъ, и хотя вмѣсто прежнихъ трехъ уже работали пять гражданскихъ отдѣленій, но и они были завалены работою по горло.

Не меньше, если только не больше, приходилось работы и на всѣ департаменты Судебной Палаты, и если всѣ эти дѣла не застревали безнадежно въ судебныхъ шкафахъ, то только потому, что люди, изъ которыхъ состоятъ и судебныя отдѣленія, и департаменты, не только умѣютъ работать, но еще и любятъ то дѣло, которому служатъ.

Тѣ, кому не приходилось близко присматриваться къ судебному производству, не могутъ себѣ и представить, какое количество времени и труда приходится затрачивать каждому изъ членовъ того или другого судебного состава.

Имѣ, уже въ преклонномъ возрастѣ, работающимъ ежедневно отъ 12 и до 18 часовъ въ сутки, страшною нелѣпостью кажется требованіе 8-часового рабочаго дня. Если бы каждый изъ нихъ вздумалъ работать только по 8 часовъ въ

день, долго бы пришлось тяжущимся и судимымъ дожидаться ея правосудія. А вѣдь ихъ умственный трудъ, требующій постоянного напряженія всѣхъ духовныхъ силъ, несравненно тяжелѣе того физическаго труда, для котораго вырабатывается эта норма. Не говорю уже о томъ, что каждому изъ нихъ приходится засѣдать по два раза въ недѣлю, и когда такія засѣданія продолжаются лишь до 7—8 часовъ вечера, то они считаются закончившимися рано, и для нихъ не находятъ нужнымъ дѣлать перерыва на обѣдъ. Въ большинствѣ же случаевъ эти засѣданія оканчиваются въ 12—1 часть ночи, а сплошь и рядомъ въ 2, 3 и 4 часа утра. И во время такихъ засѣданій, когда людямъ приходится работать отъ 13 до 15 часовъ въ сутки, дѣлается къ вечеру перерывъ на 1 или на 2 часа и для обѣда, и для отдыха, необходимаго для того, чтобы собраться съ силами для предстоящей ночной работы.

Но и при такомъ положеніи вещей эти засѣданія въ уголовныхъ отдѣленіяхъ составляютъ легчайшую часть всей той работы, которую необходимо произвести предварительно, чтобы приготовить каждое дѣло къ слушанію. И эта работа такова, что ея не можетъ произвести канцелярія. Лишь самыя заурядныя дѣла о кражахъ или другихъ мелкихъ преступленіяхъ состоятъ изъ одного или двухъ томовъ, если же по дѣлу вызываются 30—40 свидѣтелей, дѣла уже являются собой отъ 3 до 6 томовъ, а тѣ, по которымъ вызываются сотни свидѣтелей, достигаютъ и 12 и болѣе томовъ. Но въ практикѣ новаго Суда бывали случаи, когда дѣла состояли и изъ 40 томовъ. И для того, чтобы назначить такія дѣла къ слушанію, каждый изъ этихъ многочисленныхъ томовъ товарищу председателя, руководящему засѣданіемъ, необходимо не только прочесть, но и изучить. Въ остальные же четыре дня недѣли, когда данное отдѣленіе не засѣдаетъ, всѣ члены Суда, находясь въ Судѣ отъ 10—11 до 3 часовъ, заняты или въ распорядительныхъ засѣданіяхъ,

или въ подготовленіи къ слушанію уже назначенныхъ дѣлъ. Поэтому вся работа по предварительному изученію дѣла уже производится ими на дому, на каковую работу и тратится весь ихъ досугъ.

Въ гражданскихъ-же отдѣленіяхъ и Суда, и Палаты эта работа еще интенсивнѣе, еще тяжелѣе. Въ уголовныхъ отдѣленіяхъ больше 6—7 дѣлъ на одно засѣданіе не назначается; значитъ, въ худшемъ случаѣ, если даже въ каждомъ дѣлѣ бываетъ по два обвиняемыхъ, Суду въ такомъ засѣданіи не придется выслушать въ день больше 20—25 рѣчей. Въ гражданскихъ-же отдѣленіяхъ назначается по 60 и болѣе дѣлъ, и если изъ нихъ заслушивается только половина, то Суду приходится выслушать втеченіе дня 120 рѣчей и сохранить при этомъ и полное самообладаніе, и ясность, и отчетливость впечатлѣній, полученныхъ по каждому дѣлу.

И здѣсь, какъ и въ уголовныхъ отдѣленіяхъ, докладчикамъ необходимо изучать тѣ дѣла, которыя приходятся на ихъ долю, а по разсмотрѣніи дѣлъ еще писать по каждому изъ нихъ и мотивированныя опредѣленія. Произвести этотъ гигантскій трудъ въ тѣ немногіе присутственные часы, которые полагаются по закону, конечно, нѣтъ ни малѣйшей возможности, и такимъ образомъ каждымъ изъ членовъ Суда и Палаты большая часть работы производится на-дому.

Къ этому еще надо добавить, что по 60 дѣлъ на одно засѣданіе стало возможно незначать только послѣ того, какъ московскія судебныя установленія были пополнены пятью отдѣленіями Суда и тремя департаментами Судебной Палаты. До этого-же въ гражданскихъ отдѣленіяхъ назначалось и по 150 дѣлъ на одно засѣданіе, и еще 8 лѣтъ тому назадъ мнѣ приходилось писать о 22-часовомъ рабочемъ днѣ, когда одно изъ засѣданій V гражданского отдѣленія Суда, начавшееся въ 11 часовъ утра, окончилось только къ 9 часамъ утра слѣдующаго дня.

А такъ какъ вся эта работа производится сравнительно

небольшимъ количествомъ лицъ, достигающимъ въ Судѣ едва-ли 70 человѣкъ, то естественно, что энергія и распорядительность лица, стоящаго во главѣ ихъ, является особенно цѣннымъ его качествомъ.

Оттого-то назначеніе Д. А. Нилуса предсѣдателемъ, въ рукахъ котораго сосредоточенъ и надзоръ за всею меньшею судейскою братіей, отъ которой зависитъ и добросовѣстное предварительное подготовленіе къ слушанію въ Судѣ дѣлъ и приведеніе судебныхъ постановленій въ исполненіе, и являлось для всѣхъ такимъ желаннымъ. Всѣ вѣрили въ его помощь, всякій чувствовалъ себя за нимъ спокойно.

Правда, стройность порядка судебного производства ему въ значительной мѣрѣ обеспечивали и лица, принадлежавшія къ составу отдѣленій; все это были зрѣлые люди, молодость которыхъ протекала въ самыя лучшія времена, какія только переживали судебныя учрежденія, и увлеченіе которыхъ этою чисто идейною службой (въ матеріальномъ отношеніи она оплачивается невѣроятно скудно) къ наступленію зрѣлости успѣло окрѣпить и дало странѣ массу такихъ самоотверженныхъ работниковъ. Безъ этой одухотворяющей общее дѣло идеи никакая мощь не удержала бы его отъ развала, такъ какъ только нищенскіе оклады и довели постепенно дореформенныхъ судебныхъ дѣятелей и до взяточничества, и до лихоимства, а между тѣмъ оклады современныхъ судебныхъ дѣятелей, хотъ и повышены сравнительно съ прежними окладами, но если сопоставить тѣ и другіе съ цѣнами, существовавшими тогда и существующими теперь, на предметы первой необходимости, то прежніе оклады едва-ли окажутся особенно меньше окладовъ теперешнихъ.

Какая разница въ цѣнѣ денегъ произошла въ эти 50 лѣтъ, можно судить по тому, что, зарабатывая въ молодости 45 рублей въ мѣсяцъ, я была несравненно богаче, чѣмъ теперь, когда мой заработокъ достигаетъ 250 и

300 рублей. И такъ, конечно, и у всѣхъ тѣхъ, кто жилъ тогда и живетъ теперь. И если въ 1870 году мой мужъ въ качествѣ старшаго секретаря дореформеннаго Сената получалъ тысячу рублей въ годъ, то теперешнему секретарю Судебной Палаты, чтобы пользоваться тѣми-же благами жизни, надо было бы получать до 5 тысячъ рублей въ годъ, а между тѣмъ столько не получаютъ не только члены Суда, но и товарищи председателя.

Слѣдовательно, сравнительно съ повышеніемъ цѣны жизни, оклады не только не увеличились, но, пожалуй, еще сократились. Это есть самое большое мѣсто министерства юстиціи, противъ котораго его высшимъ представителямъ надлежало бы энергично и упорно бороться. Правосудіе—черезчуръ цѣнная вещь, а, слѣдовательно, и жрецы его должны быть обезпечены настолько, чтобы ни о какихъ соблазнахъ не могло быть и рѣчи, иначе, когда старые идеалисты уйдутъ отъ дѣла, изъ новаго болѣе реального поколѣнія ихъ мѣсто займутъ не лучшіе люди, какъ это было въ 60, 70 и даже 80-хъ годахъ, а тѣ, кому уже некуда будетъ дѣваться, и зная, которое такъ высоко несутъ люди второй половины прошлаго вѣка, пожалуй, съ теченіемъ времени и опустится, придавленное тяжестью той нужды, которая и теперь уже даетъ себя чувствовать представителямъ этого вѣдомства. Даже въ лучшемъ случаѣ, если они и не будутъ смотрѣть на свое дѣло, какъ на извѣстный источникъ наживы, вѣдь, они будутъ только правы, если не будутъ отдавать дѣлу своего досуга, а употребятъ его съ большею для себя пользой.

А если и при настоящемъ положеніи вещей гражданскіе судебные процессы затягиваются, въ ожиданіи очереди, во всѣхъ трехъ инстанціяхъ и на 4, и на 5 лѣтъ, то тогда они будутъ тянуться и по 10, и по 12 лѣтъ и примутъ характеръ той волокиты, за которую такъ горько упрекало общество старыя дореформенныя учрежденія.

Пора взглянуть правдѣ въ глаза, пора быть справедли-

вымъ къ тѣмъ, кому вмѣняется въ обязанность творить высшую правду. Пора понять, что лица, оберегающія чужіе интересы, прежде всего сами должны быть матеріально обезпечены.

На все это существуетъ одинъ отвѣтъ: ни на увеличеніе штатовъ, ни на увеличеніе окладовъ у министерства юстиціи нѣтъ средствъ.

Но, конечно, это возраженіе совершенно несостоятельно и принадлежитъ къ области тѣхъ миражей, которыми русскіе люди любятъ себя пугать, когда имъ хочется отложить въ дальній ящикъ то дѣло, которое настоятельно требуется сдѣлать сейчасъ.

Если не по днямъ, а по часамъ, растетъ преступность, то, конечно, сообразно съ ея ростомъ должны расти и средства, необходимыя для надлежащей съ нею борьбы. Въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія быть не можетъ, и разъ это необходимо, то должны быть на это и средства.

Теперь коснусь передвиженій, имѣвшихъ мѣсто въ послѣдующее время. Замѣстителемъ Д. А. Нилуса по III отдѣленію, какъ я уже упомянула, явился И. Н. Ольховскій, человѣкъ, пользовавшійся глубокими симпатіями всего судебного міра; но не меньшимъ уваженіемъ стали пользоваться и вновь назначенные товарищи председателя II отдѣленія Т. Я. Кистеневъ, XII и XIII отдѣленій—Л. П. Олышевъ и Г. В. Сысоевъ, котораго я уже имѣла случай назвать выше. До какой степени ихъ дѣятельность является особенно цѣнной въ теперешнее безвременье, можно судить по тому, что за послѣдніе два-три года почти ни одинъ составъ присяжныхъ засѣдателей не уходитъ безъ того, чтобы не выразить публично горячую признательность председательствующимъ за ту серьезную помощь, которую они оказываютъ, давая имъ возможность уйти изъ Суда съ сознаніемъ честно выполненнаго долга.

Въ прокуратурѣ тоже произошли перемѣненія. Вскорѣ вслѣдъ за уходомъ Ф. Ф. Арнольда перечислился въ адвокатуру и его младшій братъ В. Ф. Арнольдъ, состоявшій прокуроромъ Суда, и на его мѣсто вступилъ В. А. Брюнъ-де-Сентъ-Гинноантъ. Изъ товарищей-же прокурора наиболее выдающіеся С. Н. Городецкій и Н. Н. Шевцовъ въ свою

Г. А. Кистеневъ.

А. П. Олышевъ.

очередь въ 1909 году были назначены прокурорами—одинъ Владимирскаго, а другой Костромскаго Суда.

Такимъ образомъ, въ Москвѣ среди наиболѣе талантливыхъ и серьезныхъ обвинителей остались С. П. Тельнуговъ, В. В. Штурмъ и Г. В. Юргенсъ, а изъ болѣе молодыхъ сначала выдвинулся значительно впередъ Н. П. Чернявскій, а нѣсколько позже М. П. Шаповаленко.

На долю всѣхъ этихъ лицъ точно также выпало не мало громкихъ процессовъ, но главнымъ образомъ на фонѣ судебной жизни возникли въ это время новыя картины, носившія характеръ ликвидаціи старыхъ грѣховъ, укоренившихся въ русской жизни и выразившихся въ служебномъ произволѣ и умопомрачительномъ казнокрадствѣ.

В. Ф. Арнольдъ.

Правда, въ дѣлахъ этого рода, которыя одно за другимъ разсматривались въ Кругломъ залѣ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ подъ-рядъ, дѣятели Московскаго Окружнаго Суда и Судебной Палаты участія не принимали, такъ какъ два изъ этихъ дѣлъ разсматривались Военнымъ Судомъ, а третье особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената. Зато

В. В. Штурмъ.

Г. В. Юргенсъ.

Н. П. Чернявскій.

М. П. Шаповаленко.

московская адвокатура принимала въ нихъ самое дѣятельное участіе.

Первое изъ этихъ дѣлъ, разсматривавшееся Военнымъ Судомъ нѣсколько недѣль, касалось кражъ на сотни тысячъ рублей, производившихся въ пути изъ товарныхъ поѣздовъ желѣзнодорожными же кондукторскими бригадами, отлично въ этомъ смыслѣ спѣвшиимися и допускавшими участіе въ этихъ дѣлахъ свободныхъ добровольцевъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ ихъ помощи обойтись было нельзя.

И во всѣхъ этихъ кражахъ на-лицо оказывались и тѣсно сплоченная организація и широкій размахъ. Люди не гнались за мелочами, а намѣтивъ жирный кусокъ, не жалѣли хлопотъ на то, чтобы, воспользовавшись имъ, остаться внѣ подозрѣній.

А желѣзныя дороги, выгадывая гроши на содержаніи своего низшаго служебнаго персонала, сотнями тысячъ расплачивались за эти его грѣхи.

Второе, разсмотрѣнное Военнымъ Судомъ въ то же время, было дѣло интендантовъ. Тутъ рѣчь шла уже не о сотняхъ тысячъ, а о сотняхъ милліоновъ, плившихъ въ интендантскіе карманы за разрѣшеніе грабить казну.

Одна фирма Тилля переплатила интендантамъ за это до 20-ти милліоновъ, а вѣдь поставщиковъ были сотни, и платили они всѣ. Сколько же они сами должны были украсть у казны, чтобы безъ убытка производить такіе расходы!

Пухли отъ жиру интенданты, пухли и поставщики, а за все про все расплачивались здоровьемъ и жизнью солдаты, съ которыхъ тащили эти дѣльцы и сапоги, и рубахи, а кусокъ, который несчастные солдатки несли въ ротъ, подмѣнялся этими разбойниками гнилью.

И никому изъ нихъ, и никому изъ ихъ защитниковъ, схватившихъ за защиту этой грязи огромные куши, не пришлось въ голову произвести подсчетъ, сколько солдатскихъ

жизней загублено ими, въ связи съ каждымъ украденнымъ рублемъ.

Всѣ они канючили передъ Судомъ о милосердіи, при-
творяясь нищими, а ихъ жены, пришедшія послушать ин-
тересныхъ защитниковъ, соперничали одна передъ другой
бриллиантами и не сгорали отъ стыда, когда публично за-
ходила рѣчь о томъ, что и бриллианты эти доставались
имъ какъ взятки.

Еще о горшечъ развалѣ общественныхъ нравовъ свидѣ-
тельствоваало третье дѣло, тогда же разсмотрѣнное въ стѣ-
нахъ московскихъ судебныхъ учреждений особымъ при-
сутствіемъ Правительствующаго Сената,—о бывшемъ градо-
начальникѣ генералѣ Рейнботѣ и его ближайшихъ сотруд-
никахъ. На этомъ процессѣ громадное впечатлѣніе произвелъ
своею рѣчью тов. оберъ-прок. В. П. Носовичъ, безпощадно
вскрывшій всю мерзость этого дѣла.

У самого ген. Рейнбота еще было оправданіе. Онъ всѣми
силами стремился подавить революцію и, такъ какъ на
это были нужны средства, учредилъ при градоначаль-
ствѣ благотворительный фондъ. Но ни контролировать по-
ступленіе въ этотъ фондъ разныхъ суммъ, ни вести по нимъ
какую-либо отчетность у него не было ни времени, ни охоты.
Довольно того, что суммы эти поступали и черпались изъ
этого фонда такъ же безотчетно.

А его ближайшій помощникъ, къ слову сказать, типич-
ный бурбонъ, наивно полагалъ, что развѣ не все равно, изъ
какихъ источниковъ будутъ стекаться въ этотъ фондъ
деньги, лишь бы онѣ текли,—и, когда по пользованію этимъ
фондомъ, обнаружались злоупотребленія, и возникло судебное
дѣло, то весь антуражъ его оказался смрадной клоакой.

Сотни свидѣтелей, проходившіе по этому дѣлу, строго дѣ-
лились на четыре группы: на полицейскихъ чиновъ, отходни-
ковъ, шулеровъ, учреждавшихъ клубы и хозяекъ домовъ
терпимости; первая категорія свидѣтелей собирала сред-

ства для помянутаго фонда, часть которыхъ по временамъ
прилипала къ ихъ карманамъ, за что впоследствии суди-
лись и они, а три остальные категоріи были вольными
и невольными данниками этого фонда. Вольными—тогда,
когда они сами забѣгали въ градоначальство съ просьбами

В. П. Носовичъ.

помирволить ихъ гнусному промыслу, и невольными—когда
ихъ за чрезмѣрную развязность штрафовали.

Возможно, что извѣстная потачка этимъ элементамъ
даже входила въ систему ген. Рейнбота, какъ отвлекающее
средство для бунтовавшихъ подонковъ общества.

Но подавляя революцію, не стѣняясь средствами, онъ
наивно упускалъ изъ виду, что революціонной горячкой
была охвачена не одна чернь.

Что огромную долю участія въ ней принимала зеленая, учащаяся молодежь, и задуматься надъ причинами, побуждавшими ее на эти выступленія, ему не приходило въ голову.

Додуматься до того, что именно удушающая атмосфера, окружающія свалки, состоящія изъ шулеровъ, обозниковъ, проворовавшихся интендантовъ съ ихъ женами, щеголяющими краденными брилліантами, а также хозяекъ домовъ терпимости, и понуждаютъ задыхающуюся молодежь бросаться во все стороны, въ поискахъ тѣхъ оазисовъ, гдѣ еще можно найти живую воду, способную очистить ихъ отъ всей этой грязи, тѣхъ оазисовъ, гдѣ можно вздохнуть полной грудью безъ риска вдохнуть зловоніе,—до этого додуматься ген. Рейнботъ не успѣлъ, потому что самъ въ этой грязи не задыхался.

А что пережила, что выстрадала эта бѣдная молодежь, когда-то осыпавшая защитниковъ цвѣтами за защиту несчастныхъ и теперь встрѣтившая ихъ-же защитниками на интендантскомъ процессѣ и изъ ихъ устъ услышавшая, что эти помойницы не такъ уже скверно пахнутъ, разъ изъ нихъ можно даже выудить брилліанты, стоитъ только въ нихъ поусерднѣе покопаться, какъ это сдѣлали они, защитники. Сколько тутъ оказалось разбитыхъ иллюзій и разочарованій, этого не умудрились подсчитать и сами защитники, изъ которыхъ нѣкоторые въ другомъ высокомъ мѣстѣ, уже въ качествѣ „народныхъ представителей“, говорили пышныя рѣчи о высокихъ государственныхъ идеалахъ и народномъ благѣ. *Risum teneatis, amici!*

Да, дѣйствительно, надо было, горько улыбаясь, воздерживаться изъ уваженія къ суду отъ громкаго смѣха, когда изъ этихъ же устъ приходилось слышать потоки словоблудія въ защиту грязныхъ людей по грязному дѣлу. Они подсчитывали лишь „страданія“, которыя переносили ихъ кліенты, „обиженные“, видите-ли, строгимъ сенаторомъ-ревизоромъ, но

не подсчитывали болѣзней и смертей солдатъ—дѣтей того народа, за благо котораго они якобы ратовали.

Да имъ было и не до этого подсчета. Интенданты платили куши, которые тутъ-же, во время шестинедѣльнаго разбирательства процесса, и прожигались, а до того, что переживалось тѣми, кто раньше въ искренность ихъ вѣрилъ, имъ собственно не было и дѣла.

Наивныхъ людей на ихъ вѣкъ хватить,—одни въ нихъ разочаруются, найдутся другіе, которые снова имъ повѣрятъ, когда они станутъ распинаться за меньшого брата. Такъ не терять-же изъ-за этого возможныхъ наслажденій.

Не бѣда, если эти разочаровавшіеся въ поискахъ за живою водой и погибнуть. Они-же явятся ихъ защищать и съ аффектаціей будутъ говорить о святости подвига, а жизнь сама уже преподастъ урокъ тѣмъ, кто съ кротостью голубя не сумѣлъ соединить мудрости змія.

Пусть бы, молъ, не наивничали и не забывали варварскій кличъ: „Горе побѣжденнымъ!“ Теперь, когда все праздные идеалы устранены, ни для чего другого не осталось мѣста.

Такъ закончилось первое десятилѣтіе XX вѣка.

Почти все громкія дѣла, послѣдовавшія за этими, надѣлавшими шуму, процессами, носили тотъ-же характеръ всевозможныхъ хищеній. Всюду, гдѣ только существовали интендантства, судились и интенданты и чиновники интендантскихъ управленій.

Монахи грабили чудотворную икону и сорванными съ нея драгоценностями украшали собственныхъ сожителейницъ, а кстати уже убивали и непріятныхъ имъ соперниковъ.

Аристократы, въ сообществѣ съ вороватыми докторами, травили своихъ родственниковъ, съ цѣлью захватить предстоящія имъ наслѣдства, или же попросту поддѣлывали духовныя завѣщанія недостаточно осмотрительныхъ богачей. А если никакихъ наслѣдствъ не представлялось, то застраховывалась собственная жизнь, затѣмъ кого-нибудь

убивали и выдавали за застраховавшагося, и дѣлались попытки получать страховую премію.

И всѣ эти дѣла, носившія самый разнообразный характеръ, въ общемъ, носили одно и то же стремленіе схватить чужое достояніе и притомъ схватить непремѣнно кушъ.

И всюду преобладалъ самый широкій размахъ.

А въ будущемъ предстоятъ процессы отличающіеся еще большею беззастѣнчивостью. Такъ, шайка дѣльцовъ, разлакомившаяся возможностью легко наживать куши въ тылу дальневосточной арміи, уже не считала нужнымъ умѣрять свои аппетиты и попросту, но въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, стала фабриковать фальшивыя деньги, сначала на китайской территоріи, наводняя ими пограничные города, а когда четверо изъ этой шайки были схвачены, осуждены и сосланы въ Нерчинскую каторгу, они перенесли свою дѣятельность въ другое мѣсто.

Вдохновителей этой шайки эта кара ни мало не испугала и не смутила. Въ лицѣ богатаго благовѣщенскаго торговца, одно время претендовавшаго на постъ градскаго головы И. П. Семерова, они приобрѣли мецената и на его средства повели дѣло еще на болѣе широкую ногу. Въ Ниццѣ на три года, съ платою по 3 тыс. франковъ въ годъ, была нанята роскошная вилла „Долли“, въ третьемъ этажѣ которой и началась поддѣлка сторублевыхъ кредитныхъ ассигнацій. Въ виллѣ этой, то поочередно, то всѣ вмѣстѣ проживали Семеровъ, Левенталь, Дунаевскій и Рохлинъ, а также сожительницы Левенталья и Дунаевскаго, Волотко и Саяпина.

Какъ широко велось это дѣло, видно изъ того, что всѣ машины, необходимыя для этого производства, бумага, краски,—все это въ огромныхъ размѣрахъ выписывалось въ Ниццу изъ Англіи и Бельгіи.

Всѣ сообщники этого дѣла катались въ Благовѣщенскъ и сначала Сибирь наводнили своимъ производствомъ, а за-

тѣмъ стали распространять его и въ Царствѣ Польскомъ, Прибалтійскомъ краѣ, а частью и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Когда властями тождественность производителей этого товара была установлена, министръ юстиціи вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о необходимости сосредоточить слѣдственное производство по поводу этой поддѣлки въ рукахъ слѣдователя Московскаго Окружнаго Суда по особоважнымъ дѣламъ А. Н. Шабельскаго, подъ наблюденіемъ товарища прокурора того же Суда Н. П. Чернявскаго съ отпускомъ необходимыхъ на это производство кредитовъ. На это послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и слѣдователи, объѣхавъ Сибирь и подробно установивъ детали этого дѣла, отправились въ Парижъ и тамъ добились ареста Левенталья и Волотко. Остальные же ихъ сообщники, Семеровъ, Дунаевскій и Рохлинъ, разновременно были арестованы при переѣздѣ границы. При этомъ у Дунаевскаго въ чемоданѣ подъ двойнымъ дномъ были найдены такія же свѣже изготовленныя сторублевыя бумажки на 150 тыс. руб. и въ Парижѣ въ гостиницѣ „Національ“, гдѣ проживалъ Левенталь,—такія же бумажки на 130 тыс. руб.

Кромѣ того, обнаружены данныя, по которымъ можно предполагать, что въ общемъ въ обращеніе пущено этихъ бумажекъ болѣе, чѣмъ на миллионъ руб.

Другимъ представителямъ московской прокуратуры, подъ руководствомъ сенатора Медема было поручено разслѣдованіе сибирской же желѣзнодорожной панамы, и въ итогъ получилось привлеченіе къ уголовной отвѣтственности 160 человекъ.

Наиболѣе же трагическими изъ всѣхъ этихъ будущихъ дѣлъ, конечно, явятся дѣла, непосредственно вытекающія изъ ленскихъ событій.

Какъ только донеслись оттуда печальныя вѣсти о столкновеніи ленскихъ рабочихъ съ войсками, туда, кромѣ правитель-

етвеннаго ревизора, въ лицѣ сенатора С. С. Манухина, отправилась наиболѣе чуткая молодежь изъ петербургскихъ и московскихъ адвокатовъ, и впереди нихъ, какъ и всюду, заняли мѣсто присяжный повѣренный С. А. Кобяковъ и А. М. Никитинъ.

Ихъ появленіе ободряющимъ образомъ подѣйствовало на рабочихъ, и весьма возможно, что только благодаря этому печальныя событія еще не осложнились. Рабочіе поняли, что имъ есть на кого опереться, что они не беззащитны, и это дало возможность вступить волненію въ болѣе спокойное русло судебныхъ разбирательствъ.

А ужъ здѣсь Судъ совѣсти сумѣетъ разобраться, кто правъ и кто виноватъ, и поставить въ надлежащія рамки тѣхъ, кто, потерявъ человѣческій обликъ, въ безумной погонѣ за наживой, додумался до того, чтобы въ жертву ажіотажу приносить сотни человѣческихъ жизней.

И заканчивая эти свои воспоминанія, если о чемъ мнѣ и остается пожалѣть, то развѣ только о томъ, что едва ли я доживу до того свѣтлаго момента, когда по этимъ дѣламъ Судъ торжественно докажетъ хищникамъ, что человѣческія жертвы не могутъ приноситься на алтарѣ ихъ аппетитовъ.

Теперь мнѣ остается упомянуть о перемѣщеніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ истекающемъ 1912-мъ году, когда я заканчиваю пока свои записки.

Лѣтомъ этого года московскія судебныя учрежденія понесли тяжелую утрату въ лицѣ идейнѣйшихъ людей—старѣйшаго изъ своихъ дѣятелей предсѣдателя Д-та Моск. Судеб. Палаты, А. М. Ранга, на разсмотрѣніи дѣла о „червонныхъ валетахъ“ уже участвовавшаго въ составѣ Суда въ качествѣ члена,—а вѣдь это было въ февралѣ 1877 г.,—и болѣе молодого, но не менѣе симпатичнаго, тов. предс. III уголовн. отдѣленія Суда И. Н. Ольховскаго.

На мѣсто перваго изъ нихъ назначенъ И. В. Стрижевскій,

переведенный въ Москву года два тому назадъ и замѣчательно толково и корректно ведущій судебныя засѣданія.

Предсѣдателемъ III уголовного департамента Судебной Палаты былъ назначенъ давній членъ московской судебной семьи Л. Б. Шадурскій.

А на мѣсто И. Н. Ольховскаго назначенъ В. Д. Сорокумовскій.

Переведенъ въ Москву на мѣсто прокурора и очень цѣнимый московскимъ судебнымъ міромъ С. Д. Тверской, но за то выхваченъ изъ прокуратуры Судебной Палаты К. Д. Кафафовъ, переведенный въ Петербургъ вице-директоромъ д-та полиціи.

Еще два слова о зданіи. Съ расширеніемъ дѣятельности Суда расширяется и территория занимаемыхъ имъ въ кремлевскомъ зданіи помѣщеній. Такое необходимое для всѣхъ имѣющихъ дѣло съ Судомъ учрежденіе, какъ почтово-телеграфная станція, выселено изъ общихъ корридоровъ Суда и переведено въ какой-то подвалъ, куда лицамъ, въ немъ ежеминутно нуждающимся, приходится бѣгать черезъ дворъ; и только обширные апартаменты администраціи остались неприкосновенными. Выселяется и писцовый архивъ; все остальное зданіе Судъ занимаетъ уже цѣликомъ, а между тѣмъ тѣснота снова уже даетъ себя чувствовать. Пройдетъ еще какихъ-нибудь десять—пятнадцать лѣтъ, и новымъ людямъ придется позаботиться о новомъ храмѣ правосудія.

Внесутъ-ли они въ него всю ту горячую любовь, то стремленіе къ правдѣ и справедливости, съ которыми вошли сюда первые судебныя дѣятели, покажетъ будущее.

Хотѣлось бы вѣрить, что внесутъ, да. Хотѣлось бы вѣрить, что свѣтлые образы А. Н. Шахова, Е. Е. Люминарскаго, Э. Н. Сумбула, А. Н. Попова и П. М. Александрійскаго не прошли совсѣмъ безслѣдно, что ихъ беззавѣтное стремленіе къ правдѣ и справедливости заронило добрыя сѣмена въ души

болѣе чуткихъ, болѣе воспріимчивыхъ изъ тѣхъ, кому приходилось съ ними служить, съ ними работать,—тѣ сѣмена, которыя въ будущемъ дадутъ пышный цвѣтъ и обильный плодъ.

Хочется этому вѣрить, потому что иначе не только не стоило бы, но и нельзя было бы жить.

Э. Э. Матернъ.

В. И. Шевелкинъ.

И что это лучшее будущее неизбежно наступитъ, за это ручается та работа, которая произведена уже въ послѣдніе годы лучшими и идейнѣйшими представителями мировой юстиціи.

Я говорю о патронатѣ и о судѣ, учрежденномъ для малолѣтнихъ преступниковъ.

Много лѣтъ потратилъ на изученіе постановки этого по истинѣ святого дѣла за границей и на проведеніе его въ русскую жизнь, мировой судья Э. Э. Матернъ. И эта работа, произведенная съ необычайною тщательностью и любовью, не мѣшала этому энергичному и безкорыстному дѣятелю немилосердно посвящать весь свой досугъ на разбирательство дѣлъ своего обширнаго участка.

А когда въ концѣ концовъ эту свою мечту о дѣтскомъ судѣ ему удалось осуществить и воплотить въ жизнь, онъ уступилъ эту работу болѣе молодому, но такому же идейному товарищу, В. И. Шевелкину, а самъ всталъ во главѣ учрежденнаго по его же инициативѣ для преступныхъ дѣтей патроната, привлекая къ своему дѣлу все, что есть въ московскомъ обществѣ самаго чистаго, самаго самоотверженнаго, самаго чуткаго къ горю ближняго.

И до какой степени цѣнить ихъ общій трудъ вся Москва, какъ нельзя болѣе доказалъ сборъ, полученный отъ продажи „незабудки“, произведенный на устройство этого патроната.

Эта страница въ лѣтописи послѣднихъ лѣтъ жизни судебныхъ учреждений, конечно, является самою чистой и самою свѣтлой.

На ней я и заканчиваю пока свои воспоминанія.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда Леонидъ Андреевъ только начиналъ свою литературную карьеру, онъ въ разговорѣ со мною по поводу незадолго передъ тѣмъ вышедшей въ свѣтъ моей книги, содержащей въ себѣ очерки жизни несчастныхъ и преступныхъ дѣтей, подъ общимъ названіемъ „Обездоленные дѣти“, выразился такъ: „Ваши идеалы отошли въ область анахронизма“. Теперь я на это отвѣчу:

— Живъ Богъ въ душахъ лучшихъ людей, и Его яркое отраженіе въ горячей любви къ ближнему во вѣки вѣковъ не угаснетъ для тѣхъ, кто самъ сумѣлъ сохранить образъ и подобіе Божіе!

К О Н Е Ц Ъ.

Указатель именъ.

- А.** Абаза—337.
Абакумовъ В. С.—366. 375. 422.
Абросимовъ—124.
Агѣева—406.
Адамчевскій—258. 259. 261. 272.
Адельгеймъ—494.
Акимовъ—366. 382.
Александра Петровна Великая Княгиня—28.
Александрійскій П. М.—286. 385. 386. 387. 559.
Александровичъ—274. 438.
Александровъ—321.
Александровъ I, В. А.—299. 300.
Александровъ II.—334.
Алексѣевъ, Н. А.—326.
Алферовъ—281. 283. 284.
Алчевскій—314.
Алѣевъ—314. 417.
Альбрандтъ—322.
Андреевъ, агентъ банка—344.
Андреевъ—253. 262.
Андреевъ Леонидъ—561.
Андросовъ Н. И.—300.
Анисимовъ—322.
Аннатовъ—251.
Антипова Аграфена—349.
Антоновъ—322.
Ануфриевъ—253.
Арбатскій—459. 460.
Ариольдъ В. Ф.—533. 549.
Ариольдъ Ф. Ф.—177. 178. 179. 301. 332. 333. 338. 384. 511. 541.
Арсеньевъ—124. 135. 136.
Арцыбашевъ—214.
Ахшарумовъ—327.

Б. Байкова—255.
Байрашевскій—301. 304.
Балкаирева—523.
Балкашинъ—349.
Барковъ староста—395.
Бартеневъ—214.
Башкирова—256. 257. 272.
Башуцкій—99.
Безпаловъ—342.
Бейлинъ—198.
Белястинъ Н. И.—173.
Веневская—522.
Бенкендорфъ—109.
Бердягинъ—522.
Березницкій Н. Я.—293.
Берниковъ—354.
Берновъ приставъ—303.
Бергольдтъ Г. В.—219.
Бефани—359. 361.
Бибиновъ А. А.—98. 100.
Бильбасовъ ст. совѣт.—96. 147.
Бискъ Л. С.—451. 452.
Блювштейнъ Сонька „золотая ручка“—315. 336. 338.
Бобринцевъ-Пушкинъ А. М.—388. 416.
Богачевы—443.
Богдановъ—395.
Богомоловъ—322.
Бойцовъ—523.
Болдырева—407.
Бондыревъ—343. 344.
Борисовъ Ф. А.—98. 100.
Борисовъ—313.
Борисовскій В. М.—226.
Борисовскій Н. М.—223. 228.
Боровъ—96.
Бостанжогло Н. М.—228.
Ботинъ—347.
Бошъ Елизавета—90. 91.
Братановскій П. С.—290. 291.
Бреизъ—255.
Бруннеръ—229.
Брюно—536. 537.
Брюхатовъ—254. 261.
Булахъ—161. 206. 319. 320. 341.
Булыгинскій—170. 280.
Буренинъ—318.
Бурѣевъ—322.

Бухановъ Н. А.—168. 169. 290.
 Бухтѣевъ М. А. 210.
 Бѣлановъ—536. 537.
 Бѣлкинъ—259.
 Бѣлорусовъ А. А.—538. 540.
 Бѣляевъ—343. 344.
 Быховскій В. В.—403. 404. 409. 410.
 441. 443. 456. 472. 475. 489. 491. 492.
 493. 494. 495. 496.

В. Варгазина—522.
 Варницкій—321.
 Василевскій—368.
 Василий-солдатъ—117, 118.
 Васильевъ—338.
 Веберъ, Ф. К.—451. 452.
 Веберъ—347.
 Вердеревскій—96. 147.
 Верещагинъ—253. 258. 263. 264. 269.
 Верницкій—77.
 Верфели—341.
 Веселикинъ—406.
 Вешняковъ О. В.—170. 171. 289.
 Викторовъ—407.
 Виноградовъ А. Н.—150.
 Виноградовъ, докторъ.—63. 73. 79. 81.
 Виноградовъ—318. 319.
 Вильямсъ—114.
 Виткинъ—393.
 Витте гр. С. Ю.—510. 515. 520.
 Вицънъ А. Н.—84. 90. 91. 134. 466.
 Вишняковъ С. П.—228.
 Владимировъ Л. Е.—413.
 Влашина—107.
 Воейковъ А. П.—299.
 Вознесенскій А.—98. 100.
 Вознесенскій А. Н.—538.
 Воиновъ В. Н.—538. 541.
 Волкова Лукерья—278. 281.
 Волковъ—303.
 Волковъ П. Г.—228.
 Волковъ—442.
 Волошко—556. 557.
 Волохова—124.
 Волоховъ—339. 340. 341.
 Волховскіе—210.
 Воробьевъ—93. 94.
 Воробьевъ—392.
 Воскресенскій—349.
 Воскресенскій Д. А.—98. 100.
 Врубель—107.

Вуичъ Э. И.—419.
 Вульфѣртъ А. К.—220.
 Высоцкій В. И.—152. 347.
 Вышеславцевъ П. А.—262. 299.

Г. Гагарина кн.—291. 292.
 Гагаринъ кн.—99. 435.
 Гаевскій тайн. совѣтн.—95. 96.
 Галиновскій—484. 485.
 Гальберштадтъ И. С.—293. 294.
 Гамбаровъ—279.
 Ганъ—124.
 Гартунгъ ген. маіоръ—281. 282.
 283. 284. 285.
 Гатцукъ—488.
 Гвоздевъ—105. 106.
 Гендель—523.
 Геннертъ А. И.—299.
 Герардъ—339.
 Герасимова—406.
 Герике—487.
 Герисъ—406. 407.
 Гивартовскій Б. А.—228.
 Гиляровъ-Платоновъ—288.
 Гиршманъ М. О.—293.
 Голицынъ кн.—321.
 Головинъ А. Н.—299.
 Гольдбергъ—393.
 Гольденвейзеръ М. С.—220.
 Голумбевскій—252. 263.
 Гончаровъ С. С.—309. 310. 320. 322.
 329. 330.
 Горевъ—338.
 Горемыкинъ И. Л.—520.
 Гориновичъ—479.
 Гориновъ—322.
 Городецкій С. Н.—418. 520. 521.
 Горская—39. 54.
 Горскій—317.
 Готель—418.
 Глаголевъ—165.
 Гладилина—376.
 Гладкова—338.
 Глобо-Михайленко—227. 228. 229.
 Граббе Ф. И.—228.
 Граве А. Ф.—290. 292. 334. 335.
 Грачевъ Н. С.—228.
 Грачевъ—255. 470. — 11
 Гребетъ—321.
 Григоріанецъ—500.
 Григорій-епископъ—203

Григоровичъ А. И.—297. 298.
 Гринтъль—90. 91.
 Громницкій М. Ф.—132. 133. 146. 179.
 180. 201. 290. 332. 335.
 Грюнбергъ—476. 477.
 Губинъ—523.
 Гукова—500.
 Гулак-Артемовская—319. 321.
 Гуслицкій—258.
 Гучковъ Н. И.—392. 393.

Д. Давыдовскій—253. 256. 263. 272.
 Давыдовъ—349.
 Давыдовъ Н. В.—419. 420. 459. 541.
 Данишевскій—503.
 Даниельсонъ—197.
 Дейеръ П. А.—91. 92. 93. 135. 136.
 161. 189. 200. 276. 289. 380.
 Дейлинъ—197.
 Дерюжинскій А. Ф.—299.
 Джамгаровъ—470. 503.
 Дитрихъ—124.
 Дмитріевъ-Мамоновъ гр.—253. 269.
 Дмитровскій Ярославъ—77.
 Доброхотовъ Д. Н.—290. 291.
 Доброхотовъ М. И.—90. 91. 93. 128.
 129. 134. 365.
 Добрыинскій—324. 325. 326.
 Долгаловъ—339. 340. 341.
 Долгоруковъ кн. Вл. Ан.—97. 331. 339.
 341.
 Долгоруковъ кн.—253. 254. 258. 259.
 261. 269.
 Домерщиковъ М. П.—367. 472.
 Доничъ дворянка—442. 443.
 Дорвойдъ—339.
 Дракопуло К. И.—293. 294.
 Дружининъ—255.
 Дубасовъ—522.
 Дунаевскій—556. 557.
 Духовской М. В.—202.
 Дюшенъ П. Н.—299.

Е. Евренновъ С. В. 152. 247. 334. 338.
 Егорова Анна—93. 94.
 Ельцинскій—107.
 Енгальчевъ кн.—443.
 Еникѣва—255.
 Ермоловъ Н. Д.—47. 53. 60. 61. 77. 98.
 100.
 Ершовъ—349. 350. 351. 353.

Есиковы—443.
 Ефимовъ Михаилъ—193. 194. 195.
 196. 202.

Ж. Жарденскій—255.
 Ждановъ—536.
 Жилинъ-Кохновъ—135.
 Журавлевъ—459.

З. Завадскій В. Р.—108. 322. 382.
 Загубаловъ Н. М.—61. 98. 100.
 Загорянский ген.-маіоръ—108.
 Закъ Г. Я.—535.
 Замятинъ министр юстиціи—89. 99.
 Занковскій—393.
 Занфтлебенъ—281. 282. 283. 284.
 Засѣцкій—253.
 Захаринъ—198.
 Зворыкинъ Н. Н.—293. 295.
 Зеленскій частный новѣреннй—454.
 Зенфиловъ—322.
 Зилотинъ—522.
 Зильберманъ—255.
 Зміева—255.
 Золотаревъ И. М.—393. 482. 484. 524.
 Зубовъ гр.—104.

И. Ивановъ А. И.—98. 203. 209.
 Ивановъ А. П.—172. 310.
 Ивановъ Д. Л.—40. 53. 98.
 Ивановъ—522.
 Ивановы Дм. и Алекс.—100.
 Ивковъ Ф. П.—366. 367. 383. 419.
 466. 496.
 Игнатъевъ мировой судья—89.
 Игнатъевъ—339. 341.
 Измалковъ Н. Н.—294.
 Измалковъ Н. М.—293.
 Иконниковъ—342.
 Илларионъ епископъ—456.
 Ильинъ Н. И.—228. 374. 375. 376. 412.
 Иннокентій митрополитъ—203.
 Ишутинъ Н. А.—47. 48. 49. 50. 51. 53.
 55. 57. 58. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 81.
 98. 99. 209.

І. Іевлевъ—102. 103.
 Іогансонъ А. А.—351. 352. 385. 386.
 387. 415. 422. 466. 496.

К. Кадисъ—393.
 Казанскій А. Д.—171. 289.

Д. 558.

а—28.

98. 512.

561.

198.

1. 175.

0. 192.

3. 205.

242.

290.

Калачевъ—211.
 Калининъ—255.
 Калустовъ Николай—253.
 Калустовъ Петръ—254, 261.
 Калзолкинъ—378.
 Каминскій—358.
 Кавнистъ гр.—309.
 Кара Александръ—485.
 Карабчевскій Н. Н. 347, 452, 456, 472, 490.
 Каракозовъ—47, 50, 52, 53, 61, 62, 76, 77, 78, 81, 96, 98, 99, 100, 101, 208.
 Карасева—440.
 Карпина—377.
 Карзинкинъ А. А.—228.
 Карзинкины—435.
 Карпинскій—345.
 Карповъ—443.
 Карповъ—512, 513.
 Каррикъ докторъ—406.
 Карцева—371, 372.
 Карюковъ П. В.—292, 293.
 Каулинъ—271.
 Кафафонъ К. Д.—481, 482, 484, 559.
 Качка—301, 304, 306.
 Кашинъ—435.
 Кельнеръ—522.
 Кетхурдовъ—345, 346, 347.
 Кирьяцкій—500, 501, 502.
 Киселевъ—349, 351.
 Кистеневъ Т. Я.—547, 548.
 Кичеева Е. П.—212, 247.
 Кичеевъ П. И.—233, 234, 235.
 Кичинъ К. Ф.—98, 100.
 Кларкъ П. С.—286, 288, 323.
 Клочковъ—442.
 Клугенъ фонъ В. О.—541.
 Кнпперъ—354.
 Кнопъ—346.
 Кобылинъ С. А.—100, 101.
 Кобыковъ С. А.—528, 529, 558.
 Козловъ—81.
 Кольчугинъ—351, 355, 358.
 Комаровъ—454, 455, 456, 457.
 Кони А. О.—133.
 Корнатовскій—312.
 Корнѳолинъ-Пинскій—99.
 Короленко В. Г.—452, 453, 532.
 Короткій А. И.—412, 413, 416, 481, 483.
 Корсаковъ С. С.—441.

Корчагинъ—114.
 Коршъ Ф. А.—299.
 Коссенъ—501.
 Коссовскій М. И.—503, 504, 527, 531.
 Коссовичъ Д. С.—291, 292.
 Костаревъ Г. Г.—131.
 Костко—315, 321.
 Котикъ куп. 417.
 Кохъ Н. Н.—179, 180, 247, 286, 301.
 Кошелевъ—274.
 Крадовиль—104, 105.
 Красковскій—344.
 Красновъ врачъ Н. А.—343, 344, 345.
 Красовскій—368.
 Крахтъ тов. прокурора—93.
 Крестовниковъ А. К.—228.
 Криштофъ—341.
 Кротковъ А. Ф.—293.
 Крушеванъ—503.
 Крушинскій Л. Н.—293.
 Крыловы—328.
 Крыловъ—523.
 Крюковъ А. А.—220, 221.
 Кудрины—189.
 Кудряшевъ—485, 486.
 Кузнецовъ—354.
 Кузьминъ—512, 513.
 Кукинъ—315.
 Куперникъ Л. А.—133, 144, 145, 267.
 Куриловъ И. С.—152, 290, 312, 334, 337, 338, 340, 347, 354, 409, 466, 467.
 Куриловъ В. Е.—469.
 Куриловъ П. Г.—447, 409, 420, 422, 448, 468, 472, 482.
 Кутыевъ Н. Я.—98, 100.

Л. Лавровъ В. Н.—165, 173, 174, 177, 276, 289, 320, 350, 353, 355, 366.
 де-Ладевезъ—122, 123, 124.
 Лангаузъ Ад. Фр.—77, 98, 99, 100.
 Ланге—87, 93, 102.
 Ландау Г. Я.—222—229, 231, 233.
 Ланской гр.—281, 284.
 Лапкинъ Ф. Н.—98, 100.
 Лебедевъ—190, 191, 192, 193, 198, 202.
 Левенталь—556, 557.
 Левисонъ—393, 435, 436.
 Левицкій С. А.—451, 452.
 Лединцкій А. Р.—409, 410, 411, 517.
 Лежневъ—374, 375.
 Лембергъ—197.

Леонидъ-епископъ—89.
 Леонтій митрополитъ—456.
 Лешковъ А. В.—299.
 Либерманъ—255.
 Лидовъ П. П.—528, 529.
 Лисицына—480.
 Лисицынъ Я. И.—451, 452.
 Лихачевъ Г. Ф.—162.
 Ложечниковъ—226, 228.
 Лопатинъ М. Н.—171, 289, 466.
 Лопухинъ А. А.—416.
 Лохвицкій А. В.—146, 148, 149, 151, 152, 180, 183, 202, 241, 247, 248, 265, 267, 274, 275, 284, 285, 286, 333, 401, 404, 437.
 Лузгинъ С. Л.—417, 468.
 Лутковскій—368.
 Лѳиновъ—228.
 Люминарскій Е. Е.—21, 84, 90, 92, 93, 136, 155, 171, 288, 289, 362, 367, 559.
 Лялинъ—435.
 Ляминъ И. А.—228.
 Лятосковичъ—432.

М. Магеръ—54, 55, 73, 75, 77, 78, 79.
 Маевскій—99, 100.
 Мазуринъ—105, 107, 319.
 Мазуринъ—254, 341.
 Макаренко—410.
 Макаровъ А. А.—419, 421, 459, 482, 483, 484.
 Макаровъ-Землянскій—459.
 Макаровъ—201.
 Макарычъ—464.
 Маклаковъ В. А.—449, 472, 526, 531, 533.
 Маковскій—290.
 Максимовъ—339, 341.
 Малеріусъ—432.
 Маликовъ А. К.—98, 100.
 Малининъ О. В.—98, 100.
 Малышевъ—406.
 Малянтовичъ П. Н.—449, 461, 462, 477, 495, 503, 526, 531.
 Мамонтовъ А. И.—35, 37, 38.
 Мамонтовъ С. И.—468, 470, 471, 472, 473.
 Манасенинъ Н. А.—155, 157, 158, 160, 176, 233, 259, 288, 289, 308, 310, 329, 362, 378, 379, 389, 411, 499.
 Мандро Н. Ф.—220.

Манухинъ С. С.—423, 515, 520, 558.
 Манчикъ—229.
 Марго—369.
 Марія Θεοδоровна Императрица—28.
 Маркевичъ—321.
 Марковъ А. И.—449, 450.
 Марксъ—76, 98, 99, 100.
 Массари—253, 263.
 Масловъ—289.
 Матвѣевъ С. И.—496, 497, 498, 512, 514.
 Матернъ В. Э.—450, 452, 560, 561.
 Мауринъ И. А.—300.
 Махровский—345, 346, 347.
 Медемъ—557.
 Медынцова—193, 194, 195, 196, 198, 200, 201, 202, 203, 206.
 Мейнъ К. К.—214.
 Мейснеръ—349, 351, 377.
 Мельницкій—315, 321, 339.
 Мендель—349.
 Метелькова—439.
 Метловъ—391, 392.
 Миклашевская—258.
 Милашевичъ С. О.—293.
 Миллѳоти—225, 228.
 Минаковъ—441.
 Минасьянцъ—503.
 Миндериъ Ф. Ф.—331.
 Мининъ М. П.—299, 300.
 Миновичъ—255.
 Мироновъ—347.
 Митрофанія игуменья—28, 164, 175, 176, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 192, 193, 196, 197, 198, 199, 202, 203, 205, 206, 227, 247, 329.
 Михайловскій—442.
 Михалинъ—201.
 Мичинеръ—6.
 Мишиновъ—394, 395.
 Мищенко—522.
 Модолинскій—442.
 Моисеевъ—522.
 Мольнаръ докторъ—435.
 Моргуновъ—435.
 Морель докторъ—162, 318.
 Мотковъ О. А. 61, 98, 100.
 Мотовиловъ Г. Н.—21, 136, 155.
 Муловъ—21.
 Муравьевъ Н. В.—163, 180, 241, 242, 247, 261, 267, 281, 283, 284, 285, 290.

301. 322. 323. 324. 326. 327. 328. 329.
330. 331. 332. 333. 335. 355. 358. 366.
379. 383. 384. 385. 414. 434. 468. 496.
499. 515. 533.
Муравьев П. К. — 449. 526. 527. 528.
531. 532. 533.
Муромцев С. А. — 323. 393. 394. 395.
436. 517.
Мусатовский П. А. — 59. 63. 73. 79. 80. 98.
Мушинова — 74. 75.
Мътлинг — 99.
Мынаков — 281. 282. 283. 284.

Н. Нальханов С. Н. — 449.
Наумов М. Д. — 291. 292.
Наумов П. Ф. — 354. 467.
Невѣдомскій — 95.
Невѣдомскій Д. І. — 220.
Нежданов — 500. 501. 502.
Нейдинг — 341.
Неклюдов — 414. 415.
Ненароков — 171. 173.
Неофитов — 257. 258. 263.
Нечаев — 40. 208. 209. 210.
Никитина — 461. 462.
Никитин А. М. — 558.
Никитин — 254. 255. 262. 269. 270. 271.
272.

Никифорова Дарья — 256.
Никифоров Ф. А. — 99. 100.
Николаев П. Ф. — 47. 50. 51. 52. 61.
76. 98. 100.

Никольскій А. — 98. 100.
Никольскій — 349. 350. 351. 353.
Нилус Д. А. — 379. 380. 383. 387. 497.
512. 542. 545. 547.

Носович В. П. — 552. 553.
Носович — 331.
Ност А. Е. — 220.

О. Обнинскій П. Н. — 179. 301. 302. 305.
307. 333. 366.
Оболенскій А. Е. — 98. 100. 412.
Оболенскій кн. Н. Н. — 331.
Овсянников — 474.
Овчинникова — 344. 478.
Огарев — 7.
Огонь-Догановскій — 253. 257. 258.
Одарченко К. Ф. — 299. 338.
Одаховскій — 257. 258.

Озеров — 442. 443.
Окуньков — 488.
Ольденбургскій Принц — 99.
Ольтаржевскій — 77.
Ольховскій Н. Н. — 497. 498. 547. 558.
559.
Олышев Л. П. — 547. 548.
Ордынскій С. Н. — 538. 539.
Оржеховскій — 77.
Орловскій С. С. — 261.
Орловскій С. Я. — 170. 276. 277. 289.
Орлов — 361. 362.
Остелецкій — 388.
Остелицкій — 172.
Островскій — 179. 180. 285. 286. 301.
Остроухов — 102.

П. Павильонов Н. Н. — 300.
Павлов — 317.
Пален гр. — 168.
Нанин гр. — 99.
Панкратов — 413.
Пановскій Н. М. — 75.
Панов — 90. 91. 345. 347.
Перфильев С. С. — 173.
Петерсон Ник. — 99. 100.
Печкин Н. И. — 135. 497.
Печонтовскій Д. А. — 168. 169. 289.
Писарев — 93.
Пискунова — 440.
Плевако С. Ф. — 528. 530.
Плевако Ф. Н. — 92. 113. 114. 115. 116.
120. 121. 144. 149. 150. 151. 180. 194.
200. 201. 205. 206. 207. 267. 305. 306.
320. 330. 333. 358. 359. 360. 361. 362.
365. 375. 401. 404. 411. 413. 467. 468.
472. 473. 531. 533.

Плеханов — 256. 272.
Плеханов-Давыдовскій — 258.
Плехановы — 406. 407.
Плечко — 247. 308.
Плотицын — 181. 182. 183. 186. 187.
473. 474. 475.
Плотицыны — 474.
Побѣдоносцев К. П. — 532.
Поваров — 523.
Подгорный Б. А. — 538. 539.
Подгорцкій — 232.
Подковников — 255.
Покровскій Н. И. — 496.
Поливанов — 254. 255. 272.

Полонскій Я. П. — 400. 401. 465. 486.
Полумордвинов А. П. — 98. 100.
Полѣнов — 83. 87. 93. 135.
Полякова — 522.
Полянскій П. М. — 222. 225. 226. 228.
229. 233.

Померанцев Н. Х. — 299.
Понасенчик — 255.
Пономарев — 522.
Попова — 241.
Попов А. — 347.
Попов А. Н. — 382. 383. 559.
Попов — 215. 354.
Посников Н. П. — 164. 165. 166. 288.
308. 313. 323. 366. 383.

Поспѣлов — 441.
Поссе — 321.
Прижевальскій В. М. — 144. 145. 149.
151. 152. 189. 247. 267. 333. 339. 340.
358. 401. 409. 411. 414. 467. 469. 487.

Пренъ Л. Л. — 228.
Преображенскій В. Н. — 449. 450.
Преображенскій Н. Н. — 538. 539.
Прилуков — 488.
Проскурнина — 406.
Простяков — 203.
Протопопов — 253. 290.
Прохоров Н. П. — 522.
Пенцев С. Е. — 299.
Пѣгов — 254. 269.

Р. Раевскій — 322.
Ранг А. М. — 167. 170. 261. 280. 290.
384. 420. 558.

Распутин — 321.
Рахманов — 474.
Редеръ К. І. — 226. 228.
Рейнботъ — 469. 472.
Рейнботъ — 552. 553. 554.
Рено П. К. — 538.
Ринк Е. Р. — 164. 165. 175. 177. 200.
247. 248. 276. 277. 278. 280. 289. 308.
313. 339. 342. 365. 379. 413. 414. 466.
467.
Рихтеръ К. А. — 85. 87. 129. 401.
Ровинскій Д. А. — 84. 87. 95. 117. 118.
133. 136. 155. 362. 411.
Рогов — 406. 407.
Рогозинскій — 261.
Розенблюм А. Б. — 450.

Розень баронесса — 28. 175. 184.
Рохлинъ — 556. 557.
Русанов — 393.
Русов — 522.
Рѣчинская — 405. 409.
Рыбашевскій — 443.
Рылѣев — 321. 330.
Рынкевич Д. Е. — 472. 173. 175. 176.
177. 289. 305. 307. 308. 312. 313. 323.
373. 384. 388.

С. Саблинъ А. А. — 152. 290. 301. 332.
333. 362. 366. 373.

Савинъ-корнетъ — 365. 371.
Салаевъ — 69. 71.
Саловъ С. Ф. — 412. 413. 416. 520.
Самарскій-Лидской — 349.
Сансеро — 393.
Сапожникова — 393.
Саянина — 556.
Свиридовъ П. А. — 41. 42. 43. 44. 45.
47. 50. 52. 53. 55. 57. 63. 73. 75.
77. 78. 81.

Свѣтозарскій — 287.
Селезневъ — 274. 275.
Селивановъ Захаръ и Матрена — 349.
Семенов — 512. 513. 514.
Семеров И. П. — 556. 557.
Сергѣевскій А. Е. — 98. 100.
Сергѣевскій В. В. — 220.
Сергѣевы — 413.
Серно-Соловьевичъ — 77. 99. 100.
Симеонъ С. П. — 538. 541.
Синбрюховъ — 321.
Синельниковъ — 378.
Синековъ-Андреевскій — 102. 103.
Сипягинъ — 432.
Скворцовъ — 95.
Скитскіе — 454 — 458.
Скитскій Степанъ — 456.
Склифосовскій проф. — 340. 341.
Славышенскій — 255. 263. 272.
Смирновъ — 255. 349. 350. 353.
Смирновъ-Платоновъ Г. П. — 465.
Собакинъ — 94.
Соболевъ-Ивановъ — 254. 261.
Соболевъ В. И. — 98. 100.
Соколова Зинаида — 349.
Соколова — 255.
Соколовъ И. А. — 300.

Соловьевъ Ф. Г.—68. 69. 72. 85. 95.
110. 111. 112. 114. 118. 119. 138. 140.
141. 217. 218.
Соловьевъ М. П.—293.
Солодовниковъ—181. 184. 186—190.
197. 198. 200—205. 470.
Сорокоумовский—102. 103. 228. 559.
Софдовъ—378.
Спасовичъ—247.
Спаский—367.
Спиро А. А.—134. 140. 141. 142.
Способинъ А. Д.—300.
Срѣтенскій—488.
Стебахова—374. 375.
Стебаховъ—374.
Стендеръ—522.
Степановъ А. В.—483. 541.
Степановъ—443.
Столиновскій Н. А.—299.
Столыпинъ Н. А.—520.
Странденъ Н. П.—53. 60. 61. 77. 98.
100.
Стремоуховъ Д. Н.—412.
Стрижевскій Н. В.—558.
Струбербергъ—222. 224—226. 228. 229.
233.
Суворовъ—356.
Султанъ-Шахъ—255. 261. 262.
Сумбулъ Э. Н.—21. 35. 40. 67. 72. 84.
134. 136. 167. 168. 173. 174. 210. 289.
323. 366. 383. 392. 393. 415. 416. 496.
559.
Суходольскій Д. П.—220.
Сѣнцовъ—413.
Сѣткинъ—459.
Сысоевъ Г. В.—493. 494. 547.
Сытинъ Н. Д.—522.

Т. Тальма—407. 453.
Танѣвъ В. И.—153. 220.
Тверской С. Д.—420. 422. 482. 485.
520. 559.
Тельпуговъ С. Н.—493. 494. 520. 548.
Тернигоревъ—321.
Терскій—96. 147.
Тесленко Н. В.—449. 461. 462. 469.
477. 526. 531. 532. 533.
Титова—372.
Тихоміровъ Д. А.—419.
Тихоновъ—485.
Толпузинъ—201. 202.

Толстой Л. Н.—532.
Тольхъ А. И.—131.
Томашевскій В. М.—93. 299. 482.
Томашевскій И. Л.—416. 481. 484.
Томашевскій К. А.—503. 504.
Топорковъ—253.
Травникова—312.
Трамбецкая—108.
Трахтенбергъ—201. 203.
Тростянский Н. С.—145. 146. 153.
Тролянь—374.
Трусовъ К. Д.—98. 99. 100.
Тушицына—164. 247—249.
Тушицыны—242—247.
Тушицынъ—244. 245. 246. 247. 248.
Тургеневъ—321.
Турецкова—440.

У. Ульмеръ—488.
Ульрихъ—476.
Уманецъ—127.
Умещкая—124.
Урусовъ кн. А. И.—114. 117. 120. 121.
122. 123. 124. 125. 126. 128. 144.
210. 333. 362. 375. 401. 409. 411.
435. 458. 467. 469. 470. 474. 487.
Урьясонъ А. И.—500.
Усышкинъ—349.
Ухинъ—322.
Ушаковъ А. С.—201. 202.
Ушаковъ—339. 341.

Ф. Фальковский А. М.—129. 130. 153.
397. 399. 415.
Фальковский П. А.—538. 540.
Федосѣевъ Викторъ—51. 76. 98. 99.
160.
Фидлеръ—522. 524.
Филатовъ С. И.—299.
Философовъ—339.
Финигоновъ Родіонъ—278. 279. 280.
281.
Фирсовъ—255.
Фрейдбергъ—393.
Фриденсонъ—197.
Фроловъ—359. 360. 361.
Фукеъ—90. 91.

Х. Харитоновъ Л. Г.—299. 375. 469.
Харламовъ Е. А.—416.
Хинъ—197.

Хлобошинъ—321.
Хлюдовъ—108. 109.
Ховенъ фонъ-деръ—22.
Ходасевичъ М. Ф.—407. 408. 409. 477.
503. 526. 531.
Хомякова—393.
Хоровъ—499.
Хрулевъ С. С.—323. 332. 333. 384.
407. 420. 541.
Хрушовъ—321. 368. 370.
Худяковъ И. А.—98. 100.
Хухрикова—485.

Ц. Цемшъ С. Н.—323. 332. 384. 407.
481. 533.
Цубербиллеръ В. В.—412. 472.
Цыкинъ Михаилъ—348. 349.
Цыкинъ Прокфій—348.

Ч. Чагива—417.
Чебаровъ—198.
Чеботаревскій—418.
Чебышевъ Н. Н.—448. 482. 484. 520.
Червенко—523.
Черемушкинъ—442.
Черезовъ кн. В. А.—98. 100.
Чернявскій А. А.—541.
Чернявскій Н. П.—548. 550. 557.
Чернышевскій—77. 99. 100.
Чистяковъ П. Х.—255.
Чулковъ—532.

Ш. Шабельскій А. Н.—557.
Шагановъ В. Н.—52. 61. 62. 98. 100.
Шадурскій Л. Б.—559.
Шайкевичъ 2-й А. С.—152. 219. 247.
Шайкевичъ С. С.—85. 86. 87. 114.
116. 117. 118. 119. 120. 144. 164.
201. 219. 338. 339. 401.
Шаланинъ В. М.—533. 534.
Шаловаленко М. П.—548. 550.
Шатуновскій—499. 500.
Шаховъ А. Н.—21. 82. 83. 87. 136.
155. 156. 157. 178. 288. 289. 322.
362. 380. 382. 559.
Шведовъ—368.
Швенцеровъ—338. 375.
Шевелкинъ В. И.—560. 561.
Шевцовъ Н. Н.—520. 521.

Шеллеръ—465.
Шеметовъ Г. П.—299.
Шереметевскій С. А.—293. 295. 401.
Шестаковичъ—99. 100.
Шестаковъ—84. 247. 288.
Шильдбахъ С. К.—120. 251. 468. 487.
Шимбоъ-Гидроковъ—36. 39. 54. 57.
Шишкина—244.
Шлезингеръ—488.
Шлиппенбахъ—30.
Шмаковъ А. С.—152. 526. 527.
Шмаринъ кр.—374. 375.
Шмеманъ—423.
Шпейеръ—250. 251. 253. 255. 262.
Шредеръ М. И.—528. 529.
Штелинъ—476. 477.
Штурмъ В. В.—548. 550.
Шубинскій Н. П.—149. 150. 151. 333.
338. 346. 347. 395. 401. 435. 450. 467.
468. 469. 472. 503.
Шубинскій—204.
Шумахеръ—221. 227. 228. 229.
Шумилинъ П. П.—161.
Шуфъ А. К.—153.

Щ. Щаповъ—354.
Щацкий—523.
Щеголовитовъ Н. Г.—520.
Щелканъ С. В.—133. 201. 283. 299.
Щепкинъ—84. 93. 122. 123. 136. 200.
Щукина—255. 273.
Щукинъ—257. 258.

Э. Эде—321.
Элькинь—241.
Эрганынъ—255.
Эрлангеръ—245. 246. 247. 248. 249.
Эссенъ—322.
Этельсонъ—393.

Ю. Юрасовъ Д. А.—47. 53. 60. 61.
77. 98. 99. 100.
Юргенъ Г. В.—548. 550.
Юрьевъ Н. В.—129.
Юханцевъ—313. 321.

Я. Ягелло—290.
Языковъ С. М.—412.
Яковлевъ—96. 443.

Якуловъ Я. Б.—528. 529.
 Яновская—523.
 Яфа—263.

О. Федоренко—91.
 Федотова Г. Н.—87.
 Федотовъ В. А.—292.
 Фокинъ—94.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Г л а в а I.	
Передъ судебною реформою	1—65 ✓
Г л а в а II.	
Открытіе новаго суда	66—154 ✓
Г л а в а III.	
Дѣятели новаго суда	155—180 ✓
Г л а в а IV.	
Изъ воспоминаній о выдающихся процессахъ первой эпохи новаго суда	180—249 ✓
Г л а в а V.	
Дѣло «червонныхъ валетовъ»	250—276 ✓
Г л а в а VI.	
Конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ	277—311 ✓
Г л а в а VII.	
Конецъ восьмидесятыхъ годовъ	343—363* ✓
Г л а в а VIII.	
Девяностые годы	364—436 ✓
Г л а в а IX.	
Конецъ девяностыхъ годовъ	437—489 ✓
Г л а в а X.	
Начало XX вѣка	481—